

Кл-ч
Ленинские
революции
№ 5(20) - 6727)

1927.

ИСПАРТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
(БОЛЬШЕВИКОВ) УКРАИНЫ

ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ

ЖУРНАЛ ПО ИСТОРИИ КП(б)У
И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
НА УКРАИНЕ

№ 5 (26)—6(27)

СЕНТЯБРЬ - ДЕКАБРЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ
1927

ЗМІСТ

I. БОРОТЬБА ЗА ЖОВТЕНЬ НА УКРАЇНІ

До десятих роковин Жовтневої революції

Рубач М. А. — Аграрная революция на Украине в 1917 г.	7
Лапчинський Г. — З перших днів Всеукраїнської радянської влади .	46
Манилов В. — Из истории взаимоотношений Центральной рады с Временным правительством	67

Катеринослав, Донбас, Харків

Аверин В. — Октябрьская революция в Екатеринославе	100
Харечко Т. — Борьба за Октябрь в Донбассе	130
Куранов Г. — Советы на Артемовщине между Февралем и Октябрем 1917 г.	162
Николаенко И. — Подготовка Октября в Луганске	190
Петинский (Краснозаводский) район г. Харькова в Октябре	208

Київ, Одеса, Миколаїв, Чернігів

Кулик И. — Киевская организация большевиков в Октябрьские дни .	219
Кіров А. — Румчерод і Совнарком Одеської області в боротьбі за Жовтень	235
Броневої А. — Октябрьские дни в Одессе	253
Марк А. — Подготовка Октября в Николаеве	261
Щербаков В. — Жовтневий період на Чернігівщині	299

II. ІСТОРІЯ ПРОФЕСІЙНОГО РУХУ

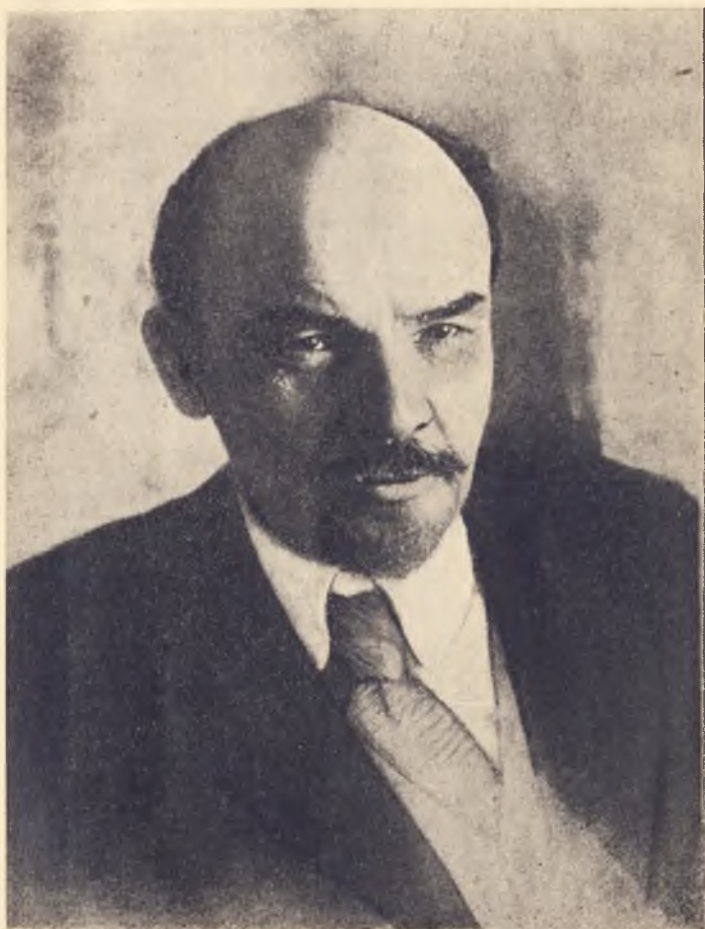
Шлосберг Д. — Профсоюзы в борьбе за Октябрь	317
В. Б. — Рабочие юго-западных ж. дорог в октябре — декабре 1917 г. .	331
Стрельбицкий С. — На заре профдвижения горняков	340

III. НА СПОГАД ТИХ, ЩО ЗАГИНУЛИ

Моргунов В. — Памяти борца и товарища	355
" — Памяти Федя Тинякова	359
Шрейбер С. — Памяти Исаака Крейсберга	362
Острогорский М. — Ш. А. Грузман	371
М. С. — Лазарь Смоляков	374
Чекановский А. — Воспоминания о В. Селюке	379
Власенко С. — Памяти погибших революционеров - большевиков . .	385
Мирошниченко В. — Коля Гуднев	387
Харечко Т. — Памяти организатора Красной гвардии Донбасса . . .	390
Бессонов В. — Павел Мизикевич	394
— Моисей Кангун	397
— Александр Бондаренко - Бурдун	399
Погребной С. — Памяти большевика - подпольщика С. Сазонова . . .	401
" — Памяти Дмитрия Рудя	403
Памяти тов. Палкина	405

IV. БІБЛІОГРАФІЯ

Карпенко О. — Огляд літератури до Жовтня на Україні	409
Розен С. — Крестьянское движение в 1917 году	418
Редин Н. — Октябрьская революция перед судом американских сенаторов	424
Н. Р. — А. Сивцов. Киевская Красная гвардия в борьбе за власть советов	428
С. Р. — Жовтнева революція та громадянська війна на Україні	429

В. И. Ленин

1917 — 26 ГРУДНЯ — 1927

24 — 25 (11 — 12 ст. ст.) грудня 1917 р. відбувся 1-ий Всеукраїнський З'їзд Рад Робітничих, Салдатських та Селянських Депутатів (в м. Харкові), який проголосив

ВЛАДУ РАД

26 (13 ст. ст.) грудня 1917 р. „всю повноту державної влади“ на Україні взяв на себе перший Радянський уряд, перший — „Центральний Виконавчий Комітет Рад Р., С. та С. Депутатів України“, який обрав перший Р. Н. К.—

„НАРОДНІЙ СЕКРЕТАРІЯТ“

і звернувся „до всіх робітників, селян та салдатів України“ з першим

МАНІФЕСТОМ

про утворення Радянської влади та про її завдання й ухвалив перші

ДЕКРЕТИ

про землю, про права народів та про робітничий контроль над виробництвом.

МАНІФЕСТ

ДО ВСІХ РОБІТНИКІВ, СЕЛЯН ТА САЛДАТІВ УКРАЇНИ

Дружнім натиском робітників, салдатів та селян усієї Росії був скинутий уряд народнього обману, уряд Керенського. Всеросійські з'їзди робітничих, салдатських та селянських депутатів, де брали участь і Ради України, утворили нову владу — уряд народніх мас в особі Ради Народніх Комісарів, що є Робітничо-Селянським урядом Російської Федеративної Республіки.

Тільки після цього змогли здійснитися всі вимоги робітників та бідніших селян. негайно було видано декрета про передачу селянам цієї землі без викупу й з усім інвентарем, не чекаючи скликання Установчих Зборів, про робітничий контроль над виробництвом і 8-годинний робочий день та декрет про мир. Тільки народня влада спромоглася повести країну до миру, гідного революційного народу, тільки вона запровадила в армії виборність, зробивши її чисто народньою. Ці діяння радянського уряду стріли палкі почуття трудящих по всій країні, серед усіх народів, що входять до складу Російської Федеративної Республіки. Ради Робітничих, Салдатських та Селянських Депутатів підтримують Раду Народніх Комісарів.

Зате капіталісти, поміщики та інші дармоїди зняли шалену боротьбу з робітничо-селянською революцією, взявши за підпору спочатку деякі частини фронту, потім Дін і нашу Україну. Від імени фронту заговорила ставка, від імени Дону — Калєдин, од імени України — Генеральний Секретаріат Ц. Ради.

Українська Ц. Рада, що її Ради Роб. та Салд. Депутатів не обирали, що її керівники є такі ж соціалісти, яким був і Керенський та його товариші з Тимчасового Уряду, Ц. Рада, на одну третину поповнена російськими меншовиками та правими соціалістами-революціонерами. — ця Ц. Рада задумала обернути Україну в буржуазну республіку й у вигляді національного самовизначення оборонити інтереси капіталістів та урядовців як українських, так і російських, яким робітничо-селянська революція несе остаточну загибель і знищення.

Центральна Рада відмовилася поширити на території Української Республіки декрета про землю, що його видав Всеросійський з'їзд Рад Роб., Салдат. та Селянських Депутатів з участю представників од Рад Українських. Ц. Рада замість робітничого контролю над виробництвом намагалася запровадити державний контроль, вона провадила боротьбу з Радами й пробувала, супроти них, всю владу на місцях передати міським думам та земствам.

Генеральний Секретаріат ставлючи опір розпорядженням найвищого командування всеросійської армії розстроював фронт, заважаючи цим успішному провадженню мирних переговорів, пробуючи, як це тепер з'ясувалося зловмисно-затягнути війну до весни в інтересах франко-англійських капіталістів. Але буржуазні керовники Ради не тільки намагалися охоронити українську й неукраїнську буржуазію від натиску трудящих клас, вони вчинили відвертий злочин проти робітників та селян, увійшовши в спілку з служником буржуазії, з другом кадетів, з генералом Калединим, який розганяє робітничі організації на Харківщині та Катеринославщині й що його військо, утворене з ударників, юнкерів та обдурених козаків, б'є робітників і гвалтує їхніх жінок та дочок. Щоб підтримати Каледина Центральною Радою заборонила перепуск через Україну революційного війська, по зрадницькому роззброїла радянське військо в Києві й пробувала втягнути українську демократію до братовбивної війни з Росією, нацьковуючи українських робітників, салдатів та селян на російських — брехливо запевняючи, що Рада Народніх Комісарів загрожує волі України.

За таких обставин 3 грудня в Києві повинен був відбутися I-й Всеукраїнський з'їзд Рад Роб., Салд. та Селянських Депутатів, що його скликав Обласний Виконком Рад, але керовники буржуазної Центральної Ради силою й обманом перешкодили роботі цього з'їзду. Тоді більшість делегатів од Рад Робітничих та Салдатських Депутатів, а також частина селянських делегатів переїхали до Харкова, де з'єдналися з делегатами Рад Донецько-Криворізької області й довели роботу з'їзду до краю.

З'їзд Рад України вважав за потрібне припинити злочинну політику Ц. Ради, що мала відвагу діяти від імені трудящих мас, взявши на себе всю повноту державної влади в Українській Народній Республіці. Обраному на з'їзді Ц. В. К. доручено утворити нову владу — владу робітничо-селянську. Центральною Радою за постановою з'їзду Рад України позбавлена тих прав, що їх вона собі загарбала: одночасно з цим Центральный Секретаріат Ц. Ради втрачає свої уповноваження. Від цього часу уряд України є Народній Секретаріат, що його призначає Ц. В. К. Всеукраїнської Ради Робітничих, Салдатських та Селянських Депутатів.

З утворенням робітничо-селянського уряду України зникла примара тієї кривавої війни, що її хотів викликати попередній Генеральний Секретаріат між демократією українською й демократією російською, бо перше, що вважав за свій обов'язок, зробити Ц. В. К., це — звернутися до Ради Народніх Комісарів з заявою, що війни між Україною й Росією бути не може, що цієї війни бажала Ц. Рада, але не трудящі маси.

Товариші робітники, салдати та селяни України, пам'ятайте завжди, що нова влада, яку обрали наші Ради, буде сильна тільки через вашу підтримку!

Товариші робітники та салдати! Зміцнюйте владу своїх радянських організацій по містах і провадьте найрішучішу боротьбу проти всіх, хто буде перешкоджати цій владі.

Товариші селяни, коли ви змагаєтесь до того, щоб землю вам було передано негайно, а не тоді, коли з цим погодяться поміщики, що їх так ревно захищала Ц. Рада від свавільних захватів, коли вам обридло одержувати від влади тільки обіцянки, й вам потрібна чесна й одверта оборона ваших інтересів, налагоджуйте тісний зв'язок з Радами Робітничих, Салдатських Депутатів і разом з ними допомагайте новій Радянській владі виконувати їй завдання. Пам'ятайте, що тільки в товариській спілці робітників, салдатів та селян можлива перемога над заможними класами. Ц. Рада постаралася розбити цю спілку й завдяки їй представництво селянства в Харкові було недостатнє. Ц. В. К. в найближчому часі скликає II з'їзд Рад і вживе всіх заходів, щоб селянські Ради були представлені на цьому з'їзді якомога повніше.

Товариші робітники, салдати та селяни! Ваші представники закликали нас до влади за вашою підтримкою й у тісному єднанні з братами-робітниками, салдатами та селянами всієї іншої Росії ми не боїмося жодних тягарів, ми не кинемо свого поста, ми не підемо з нього, доки не виконаємо завдань, що їх поклав на нас з'їзд або доки новий з'їзд не обере інших.

Хай живе Українська Робітничо-Селянська Республіка!

Хай живе влада Рад Робітничих, Салдатських та Селянських Депутатів!

Хай живе соціалізм!

Центральний Виконавчий Комітет Рад Робітничих, Салдатських та Селянських Депутатів України.

Артем (Сергеев)

I

БОРОТЬБА ЗА ЖОВТЕНЬ
НА УКРАЇНІ

РУБАЧ М. А.

АГРАРНА РЕВОЛЮЦІЯ НА УКРАЇНІ В 1917 Г.

„Во время освобождения предков наших от крепостной зависимости в 1861 году, деды наши получили от помещиков наделы земли на 226 ревизских душ 432 десятины, из того количества отошло под усадьбы для 140 дворов 45 десятин, под дорогами и кладбищем 10 десятин. Осталось в поле и ахотной земли 377 десятин. Населения в обществе граждан села Левендаловки 1003 обоюга душ, если сделать разверстку, то приходится на душу по $\frac{1}{3}$ десятины; но так как в обществе нашем общих переделов земли не было, то наделы эти раздроблены по наследству между внуками и правнуками и у многих граждан в поле земельные полосы до того сузились, что на них невозможно плугом оборотиться, а 5-я часть населения вовсе не имеет земли.

При нашем селе имеется большая экономия землевладелицы и дяди аветы Николаевны Яхонтоной из 4000 десятин. В состав этой экономии вошла земля бывшего нашего помещика графа Долона около 600 десятин, на которой земля предки наши и мы вечно работали помещикам и каждый квадратный сажень пропитан нашим потом и кровью“...

Пршение „полномоченных от граждан села Левендаловки Перекопской волости, Валконского уезда“ — село Харьковской губернской Земельной управы по описи 1917 года № 21 лист 500 — I.

ВВЕДЕНИЕ

I

ЗА ЧТО ШЛА БОРЬБА

По данным третьей переписи 1905 года по земельной собственности на Украине все землевладение распределялось следующим образом:

	Тыс. дес.	%/о
Частновладельческой земли	20.6 5	46,7
Надельные земли	20.127	45,6
Земли государства, церкви, учреждений .	3.375	7,7
Итого	44.157	100

В 1905 г. из всей этой земельной площади крестьянству принадлежало, кроме наделных 20 миллионов 127 тысяч, еще 5 мил. 674 тыс. десятин, купленных у помещиков с 1861 года до 1905 года. После первой революции помещики еще более энергично распродают свои земли и крестьянство к 1917 г. приобретает еще около 2 мил. 300 тыс. десятин.

Таким образом, крестьянское землевладение накануне февральской революции составляло около 28 мил. десятин или 64% всей земельной площади Украины. Остальная частновладельческая земля принадлежала помещикам, чиновникам, заводчикам, купцам и т. д.¹⁾

Каковы были размеры помещичьих и других крупных и средних владений?

Данные той же переписи нам дают такую картину:

Размер владений	Число владений	Земли тыс. дес.
До 100 десятин	192,661	2160,3
От 100 до 1000 дес.	17,793	5959,6
Свыше 1000 дес.	3,592	9591,2 ²⁾

После 1905 года земля продавалась главным образом наиболее крупными помещиками. Поэтому в 1917 году количество земли у помещиков, имевших свыше 1.000 дес., уменьшилось миллиона на полтора. Осталось у них около 8 мил. дес. земли.

Решающим здесь является тот факт, что на Украине три с половиной тысячи помещиков накануне революции владели приблизительно 8 мил. дес. земли. В то время, когда миллион 800 тыс. крестьянских дворов, имевших от 1 до 7 десятин на двор, имели 7 мил. 480 тыс. десятин, т. е. 3.500 крупнейших помещиков имели больше земли, чем 1 мил. 800 тыс. крестьянских дворов.

Первой и основной задачей аграрной революции на Украине было забрать эту помещичью землю, забрать и земли тех помещиков и других владельцев, у которых было от 100 дес. до 1000, т. е. еще около 5 мил. десятин. Таким образом, крестьянство боролось за 13 миллионов десятин, принадлежавших крупному и среднему землевладению.

Перед аграрной революцией на Украине стояла однако задача не только ликвидации помещичьего и иного крупного землевладения свыше 100 дес. Помещичьи земли не могли в достаточной степени утолить земельного голода малоземельного крестьянства. Часть помещичьей земли (2 миллиона десятин) была занята под лесами, часть была неудобной, до 1 мил.

¹⁾ Цифры взяты из сборника „Сельское хозяйство Украины“. Изд. Н. К. Земледелия УССР, 1923 г.

²⁾ К. Г. Воблый „Экономическая география Украины“, стр. 50 — 51.

десятин принадлежало сахарным заводам и культуным показательным хозяйствам и не могла быть разделена. Около 2 мил. помещичьей земли арендовывалось крестьянством еще до революции и экономически до 1917 года были вовлечены в крестьянское хозяйство.

Одной помещичьей земли не хватало не только для полного удовлетворения, но и для значительного смягчения безземелья и малоземелья крестьянства. Помещичьи земли распределялись неравномерно, большая часть их была сосредоточена на Правобережьи и в степной полосе. В ряде уездов Левобережья помещичьей земли было мало, а в ряде волостей не редко и совсем не было.

Поэтому одна помещичья земля не могла удовлетворить земельной нужды беднейшего крестьянства.

Распределение помещичьей земли „не всегда соответствовало местным потребностям... Лишь в том случае, если бы одновременно с ликвидацией помещичьего землевладения революция могла широко и организованно поставить вопросы переселения (хотя бы внутриукраинские) и расселения (внутри волости, уезда, губернии) вопрос о целесообразном и планомерном распределении помещичьей земли был бы разрешен более или менее удовлетворительно“¹⁾. Но землеустройство, переселение и расселение требовало сравнительно мирных условий и больших средств, а ликвидация крупного землевладения без упорной гражданской войны, мирным путем произойти не могла.

Поэтому планомерно распределить помещичьи земли ни в 1917 году, ни в ближайшие 2—3 года было невозможно. Те районы, где помещичьей земли было мало, а нужда велика, не могли быть удовлетворены за счет тех районов, где помещичьей земли было много.

И здесь, в этой связи, независимо от того, что одной помещичьей земли вообще не хватало, даже при планомерном ее распределении, выступает значение кулацких излишков земельных и инвентарных.

Кулацкие хозяйства хотя имели сравнительно небольшие излишки, однако были под боком в каждой деревне, на каждой улице. Они корректировали неравномерность территориального распределения помещичьих земель.

Аграрная революция на Украине в своем развитии неизбежно должна была затронуть земли богатых крестьян - кулаков.

Мы указали выше, что крестьянство в целом накануне революции имело до 28 мил. дес. земли.

Как же распределялась эта земля внутри крестьянства, между разными его слоями?

¹⁾ В. Качинский „Очерки аграрной революции на Украине“. стр., 41.

Надельная земля в 1905 году распределялась таким образом:

	Число д.о.р.в	Тысяч дес.
{ 1. Безземельные до 1 дес.	81.630	39,4
2. " 1 — 2 "	132.942	215,6
3. " 2 — 5 "	1. 83.351	3317,9
4. " 5 — 7 "	579.503	3457,9
5. " 7 — 10 "	632.887	511,0
{ 6. " 10 — 15 "	353.454	438,3
7. Больше 15 десятин	133.000	3345,7

Что наиболее важное мы видим в этой таблице?

Если оставить в стороне середняков, то первая, вторая и третья группы вместе взятые, безусловно, в огромном большинстве малоземельные крестьяне, составляя около 1 300 тыс. дворов, имеют всего 4,073 тыс. десятин, а две последние группы — шестая и седьмая — от 10 до 15 тыс. и выше, составляя без малого 500 тыс. дворов, имеют, однако, земли 7 миллионов 425 тыс. десятин. Если этим зажиточным крестьянам оставить среднюю всеукраинскую норму 8 дес., то у них осталось бы около 4-х миллионов десятин, а 3¹/₂ миллиона являлись бы при уравнительном переделе излишком¹⁾. Эти данные относятся к 1905 году. За двенадцать лет до 1917 г. расслоение крестьянства еще более увеличилось. Столыпинская реформа усилила кулачество, загребнувшее землю новых сотен тысяч разорившихся крестьян. Поэтому к 1917 г. цифра излишков не является преувеличенной, если даже взять большую среднюю норму для уравнительного передела.

Теперь кому принадлежала не надельная, а покупная земля, которой было у крестьян к 1917 году свыше 8 мил. дес.? Большая часть этой земли принадлежала также кулачеству. Помещичьи земли большей частью покупались богатыми крестьянами, имевшими лишние деньги. Точных прямых цифр распределения всей покупной земли между разными группами крестьянства нет, приведение же косвенных частных данных продажи банковских земель и т. д. займет слишком много места, но без угрозы большой ошибки можно сказать, что большая ее половина принадлежала кулачеству.

¹⁾ Приводимые цифры средних норм и излишков являются, конечно, грубо приближенными. Кулак Киевской или Подольской губернии, имеющий, например, 8 — 10 десятин, в Гаврии или Херсонщине по землеобеспеченности является бедняком или малоземельным. Слишком велика разница между всем строем хозяйства, степени его интенсивности и т. д.; относя к хозяйствам, имеющим излишки, крестьян, имеющих свыше 10 десятин, мы явно преувеличиваем излишки кулачества для степной полосы, но уменьшаем для Правобережья. Это можно видеть из трудовых норм отчуждения, которые были установлены в 1920 году.

Они составляли в Подольской губернии от 3 до 7 дес., в Киевской от 1 до 3,25 дес., но зато в Екатеринославской от 16 дес., а в Гаврии от 21 дес.

Значение кулацких излишков по частновладельческой земле наиболее резко выявляется в Полтавской губернии.

Здесь 1828 помещиков (дворян, чиновников, военных) со владениями свыше 100 десятин имели 822 тысячи десятин. Если взять владения крестьян и казаков от 15 до 100 десятин, то 12,154 таких кулаков имело 378 тысяч десятин. Оставив кулакам даже по 10 десятин, мы имеем по Полтавской губернии излишков не менее 250 тысяч десятин. По отдельным уездам соотношение кулацких излишков и помещичьей земли еще более резкое¹⁾.

Эти данные относятся к излишкам только по частновладельческой земле. Если же прибавить сюда излишки кулаков по надельной земле, то общая сумма излишков увеличивается почти вдвое.

При анализе значения помещичьей земли и кулацких излишков необходимо еще принять во внимание, что в Полтавской губернии около половины (45%) помещичьей земли сдавалось в аренду. 100 тысяч десятин заняты под лесом, часть неудобной²⁾.

Таким образом, кулацкие излишки надельной и покупной земли составляли настолько значительную величину, что в расчетах малоземельного крестьянства, стремившегося к уравнительному переделу, они (излишки) имели огромное значение для удовлетворения земельной нужды крестьянской бедноты.

То обстоятельство, что аграрная революция на Украине не могла ограничиться ликвидацией крупного помещичьего землевладения, но должна была перейти также и к отнятию кулацких излишков, имеет огромное значение для понимания характера аграрной крестьянской революции на Украине и всей пролетарской революции в целом.

1) Так, например:

Название уезда	Число помещичьих влад. свыше 100 десятин	В них всего земли	Число кул. влад. от 15 до 100	В них дес. зем.	Кулацкие излишки сверх 10 десятин
Кобеляцкий . . .	128	41219	2344	70121	45181
Лубенский . . .	84	32491	424	14065	9825

Таблица составлена нами по данным статистического ежегодника Полтавского губернского земства 1913 г. Землевладение, таблицы № 1, 2, 6, 10. Оттуда взяты и другие цифры те же ста.

2) При анализе относительного значения помещичьих земель по сравнению с кулацкими большое значение имеет рассмотрение соотношения посевных площадей. Не имея возможности в данной статье приложить ряд цифровых таблиц, мы отметим только, что из общей посевной площади Украины в 20.034 тысячи десятин помещичьи посевы занимали всего 3 мил. 724 тысячи, крестьянские же посевы 16.311 тысяч десятин, т. е. 81,6% всей посевной площади принадлежало крестьянству.

См. статью А. В. Гісехонова в сборнике „Народное хозяйство Украины“, стр. 23.

II

ПЕРЕРАСТАНИЕ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ
АГРАРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ

Аграрная революция 1917 года на Украине, где капитализация сельского хозяйства как помещичьего, так и крестьянского, была значительно более развита, чем в европейской России, взятой в целом, особый интерес представляет процесс перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

„Сначала вместе со „всеми“ крестьянством против монархии, против помещиков, против средневековья (и постолько революция остается буржуазной, буржуазно-демократической). Затем вместе с беднейшим крестьянством, вместе с полупролетариатом, вместе со всеми эксплуатируемыми против капитализма, в том числе против деревенских богатеев, кулаков, спекулянтов, и постолько революция становится социалистической“ — так определяет Ленин перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

„Пытаться поставить искусственную китайскую стену между той и другой — продолжает Ленин — отделить их друг от друга чем-либо иным, кроме степени подготовки пролетариата и степени объединения его с деревенской беднотой есть величайшее извращение марксизма, опошление его, замена либерализмом“¹⁾.

А в другом месте в том же году Ленин пишет: „в союзе пролетариата с крестьянством вообще и обнаруживается характер революции, ибо крестьянство вообще есть мелкие производители, стоящие на почве товарного производства. Далее... пролетариат присоединяет к себе весь полупролетариат (всех эксплуатируемых и трудящихся), нейтрализует среднее крестьянство и ниспровергает буржуазию: в этом состоит социалистическая революция в отличие от буржуазно-демократической“²⁾.

Таким образом, по Ленину факторами, определяющими перерастание революции, изменение ее характера в связи с крестьянской аграрной революцией является степень раскола внутри крестьянства, степень развития борьбы крестьянской бедноты, малоземельных против кулаков, против капитализма, степень объединения этой крестьянской бедноты с рабочим классом.

С этой точки зрения процесс перерастания революции особенно резко выявляется на Украине, где классовые противоречия внутри крестьянства начали проявляться заметно с самого начала аграрной революции (март — апрель 1917 года), получив свое значительное развитие в июле — августе, сентябре 1917 года.

1) Ленин. Общ. собр. сочинений, т. 15, стр. 508 — 09.

2) Ленин. Общ. собр. сочинений, т. 15, стр. 504.

На Украине помещичьи имения были относительно наименее крепостническими. Процесс капитализации крупного землевладения здесь был наиболее глубоким. Связь между помещиками, буржуазией, банками, русскими и иностранными, была очень тесной. Трудно было сказать, особенно на Правобережьи, где кончался помещик и где начинался сахарозаводчик. Поэтому аграрная революция не только затрагивала помещиков, но коренным образом подрывала всю капиталистическую систему. Оправдался блестящий анализ Ильича, который еще в 1907 году писал: „не подлежит сомнению, что помещичье хозяйство тысячами нитей связано не только с бюрократией, но и с буржуазией. Конфискация подрывает массу интересов крупной буржуазии, а крестьянская революция ведет... к банкротству государства, т. е. к нарушению интересов не одной русской, но и всей международной буржуазии¹⁾).

Так как товарное хозяйство не объединяет и не централизует крестьянства, а разлагает и разъединяет его, то крестьянская революция в буржуазной стране осуществляется только под руководством пролетариата, — обстоятельство, еще более восстанавливающее самую могущественную буржуазию всего мира против такой революции“²⁾).

„Конфискация всей частновладельческой земли означает конфискацию сотен миллионов капитала банков, в которых эти земли больше частью заложены... При этом речь идет о наиболее централизованном банковом капитале, который миллиардами нитей связан со всеми важнейшими центрами капиталистического хозяйства громадной страны и который может быть побежден только не менее централизованной силой городского пролетариата“. (Н. Ленин, том XIV, 2-я часть, стр. 79). А на Украине чистое землевладение на 1 января 1915 года было должно банкам без малого миллиард двести пятьдесят миллионов рублей. При средней цене за десятину в 200 рублей это обозначает, что около 6 миллионов десятин частновладельческой земли принадлежали банкам (цифра задолженности подсчитана для 9 губерний Украины по таблице № 13 „Статистического справочника по аграрному вопросу“, выпуск 1-ый, 1917 г.).

К 1917 году, когда развитие финансового капитала в России сделало большие успехи, когда Россия вплотную окончательно вошла в систему мирового империализма, успешное развитие аграрной революции, ликвидация крупного землевладения была мыслима только под руководством пролетариата, только тогда,

¹⁾ Термин Ленина „полупролетариат“ особенно верен для 1917 года, когда сельскохозяйственные рабочие в борьбе против помещиков выступили не столько как пролетарии, сколько как крестьяне, стремившиеся обзавестись самостоятельным собственным хозяйством. Случаи, когда сельскохозяйственные рабочие настаивали бы на превращении помещичьих имений в коллективные хозяйства, были очень редки.

²⁾ Ленин, том IX, общ. собр. соч., стр. 533 — 34.

когда пролетариат, производя социалистическую революцию, низвергал власть буржуазии и всю капиталистическую систему.

Вторым основным фактором, определяющим перерастание буржуазно демократической революции в социалистическую, являлась степень развития классовой борьбы внутри крестьянства. На Украине в этом отношении объективные условия были более благоприятны. Дифференциация внутри крестьянства во время мировой войны еще усилилась. Война ударила главным образом по низшей, маломощной группе крестьянства.

Война ослабила и дезорганизовала сельское хозяйство в целом. Живой и мертвый инвентарь обносился. Мобилизация лошадей, скупка скота для снабжения фронта мясом выкачивали живые соки из сельского хозяйства. Истощение последнего в первую очередь било бедноту. Незаможники, вынужденные к весне покупать хлеб в условиях дороговизны, еще более ослаблялись. Мобилизация на войну живой силы, могущей сторонними заработками поддержать хозяйство, в конце подрывали бедняцкие хозяйства. Выиграли кулацкие хозяйства, продавая хлеб и другие излишки по дорогим ценам. Обесценение рубля отчасти ударило кулачество, но зато обесценение рубля облегчило платежи за кулацкие ранее земли.

Аграрная революция 1917 года хотя, как мы увидим далее, и затронула основательно и кулачество, однако последнее немало выиграло от революции, от происшедшего в 1917 г. разгрома помещичьих имений и лесов.

Ведь кто мог воспользоваться в первую очередь помещичьей землей, лесами и т. д.? Середняки и зажиточное крестьянство.

Кто имел лошадей, повозки, тот мог навозить себе лесу, тот мог реально сразу же засеять помещичью землю (даже лучше мог спрятать награбленное добро помещичьих имений). Ведь беднота без живого и мертвого инвентаря не могла голыми руками овладеть помещичьей землей.

Пока не возвратилась домой основная солдатская масса (а это было зимой), хозяином и руководителем аграрного движения во многих местах была зажиточная часть крестьянства.

15 октября подольский губернский комиссар в докладе министру внутренних дел об аграрном движении подчеркивает: „Нельзя пройти мимо наметившегося способа решения земельных отношений, а именно самоличного раздела частновладельческих земель зажиточными домохозяевами в свою пользу, а не в пользу безземельных односельчан“¹⁾.

¹⁾ Дело Подольского губ комиссара Рр-го Пр-ва, № 96.

Цифровой материал экономического роста кулачества имеется в брошюре В. Кагана „Аграрная революция на Киевщине“, издание 1923 года.

После войны и революции 1917 года кулачество, бесспорно, значительно усилилось. Но это обозначало неизбежно обострение классовых противоречий внутри крестьянства.

Беднота, возвратившийся домой солдат незаможник в своей борьбе за помещичью землю, за помещичий инвентарь нередко сталкивался с кулаком, который его опередил, который нажился за время войны и даже сумел выиграть от революции.

А в тех местах, где помещичьей земли было мало, там окрепший кулак был непосредственным объектом раздела для удовлетворения земельных нужд бедноты.

Более глубокая дифференциация украинского крестьянства объективно давала широкую основу для тесного союза пролетариата и крестьянской бедноты¹⁾.

Третьим фактором был союз рабочего класса с беднотой.

Союз рабочего класса с трудящимся крестьянством на первом этапе Октябрьской революции был облегчен империалистической войной. Империалистическая война разъяснила миллионам крестьян-солдат, что дело не только в помещиках, что, если они хотят добиться мира, они должны бороться против буржуазии. Рост дороговизны, спекуляции, бешеные прибыли купцов и предпринимателей показали солдатам, в чьих интересах ведется война, показали солдатам капиталистическую механику.

Еще за несколько месяцев до Февральской революции в письмах солдат домой имеются яркие признаки этого процесса роста самосознания солдатских масс.

„Пусть будет стыдно навсегда тем дорогим нашим благодетелям, спекулянтам, купцам и фабрикантам, которые взвинтили цены на небывало высокую и даже баснословно высокую цену...“ (Сентябрь 1916 г. 12-я Кавк. дивизия).

„Я думаю, что концом войны не были бы довольны только купцы проклятые. Как они на несчастья многих строят свое счастье, как они сдирают по три шкуры“.

„Горе будет мародерам, — пишет солдат, — если мы, вернувшись домой, найдем могилы умерших от голода... тут жертвуют жизнью, здоровьем, а за спиной пируют мародеры. Вот когда пора крикнуть: „да здравствует закон Линча“, „смерть мародерам“.

¹⁾ Но в то время своеобразие социально-политических, национальных и внешне-политических условий развития пролетарской революции на Украине создавало особые трудности реализации этого союза. Экономически крепкое украинское кулачество, сравнительно хорошо политически организованное, сумело под национальным флагом повести за собой значительную часть трудового крестьянства и даже отчасти бедноты.

Этому содействовало первоначально недостаточной правильной тактика пролетариата Украины в национальном вопросе, органически связанным со всем крестьянским движением.

„Жирные акулы, в скобку подстриженные и с пузом навывкат. Дождутся, пожалуй, и они кровесосных банок на шею... (2-й Финляндский полк, ноябрь 1916 года).

„Дороговизна у нас, кажется, растет и растет... Пока не введут закона, по которому имущество грабителей будут конфисковывать, а их самих будут объявлять вне закона, до тех пор ничего не выйдет... (Январь 1917 г., 127-й Путиловский полк¹).

Империалистическая война подняла сознание крестьянских масс, одетых в шинели, на недосыгаемую в обычных условиях высоту. Соединивши их в военных частях, создав известную коллективность, показав им всю гниль царского строя, война содействовала преодолению локальности крестьянства. Ведь, на что был способен в революцию средний крестьянин! Разгромить помещика, при чем соседнего, забрать эту землю непременно себе, своей деревне. Борьба ограничивалась узкими рамками — против своего помещика, а не против помещиков в целом. 1917 год в этом отношении поднял крестьянство в лице солдатских масс на несоизмеримо более высокую ступень. Солдаты приблизились к рабочему в его борьбе против буржуазии. Борьба за мир, борьба против дороговизны, борьба против помещиков проходила под предводительством рабочего класса и его революционной партии — большевиков. Требования рабочих, „контроля над капиталистами“, не были чуждым лозунгом для солдат, для крестьян. Крестьяне еще летом брали под контроль помещичьи имения, солдаты брали под контроль офицеров, рабочие — капиталистов, при чем контроль устанавливался по всем линиям.

Крестьяне, наученные горьким опытом мировой войны, заявляли; например: „С начала войны каждый крестьянин несет тягости и сейчас вот, например, была реквизиция скота и сейчас предстоит другая в августе с. г. и также реквизиция хлеба по твердым ценам по 3 р. 40 коп. пуд... Это, товарищи, все с крестьянина да крестьянина, а про торговцев и капиталистов никто не вспоминает, он живет себе праздну. С начала войны ни в чем не страдает, это они только этим наживаются, на один рубль берут пользы 3 рубля да 4 рубля. Это товарищи прямо грабят, например, у крестьянина забрали хлеб по 3 рубля, а крестьянин за 3 рубля ничего не купит. Ведь, товарищи, (это) не свобода, а нужда...²). Здесь мы видим,

¹) Письма солдат домой просматривались специальными военными цензорами. Выдержки систематизировались в специальные сводки. Выдержки взяты из архива штаба юго-западн. фронта. Книга цензурных сводок. Ц. А. Р.

²) Наряд Харьковской губернской земельной комиссии № 4, ч. 1-я, лист 504 Заявление Марковского волостного совета крестьянских депутатов в Харьковский совет крестьянских депутатов.

как крестьянство выступает против „торговцев и капиталистов“, в них видя корень зла. Империалистическая война, созданный ею экономический кризис, подняли крестьянство на такую ступень, когда оно начало осознавать необходимость борьбы не только с помещиками, но и капиталистами.

Социалистические лозунги рабочего класса: борьба против всякой эксплуатации, борьба за уничтожение наемного труда были созвучны чаяниям подавляющих масс трудящегося крестьянства. Вся борьба крестьянства против помещиков, против кулачества проходила под лозунгом недопустимости наемного труда, недопустимости эксплуатации. Трудовой принцип пользования землей был общим явлением: „принимая во внимание, что землевладелец Гаврило Бридун, не пользуясь наемным трудом, всего количества земли как запахать, так и произвести уборку урожая не в состоянии, среди же бедного класса населения ощущается острая нужда в земле,— Великокобелякский волостной земельный комитет постановил: отчудить из владения Бридуна...“ и дальше следует точное перечисление объектов отчуждения.

Таких постановлений в 1917 году выносилось десятки тысяч и в основе их лежало стремление недопущения наемного труда. Ленин, разбирая крестьянские указы, специально останавливается на требованиях крестьян по этому вопросу:

„История, ускоренная войной, так далеко шагнула вперед, что старые формулы заполнились новым содержанием. „Недопущение наемного труда“ это значило раньше только: пустая фраза мелкобуржуазного интеллигента. Это значит теперь в жизни иное: миллионы крестьянской бедноты в 242 наказах говорят, что они хотят идти к отмене наемного труда, но не знают, как это сделать¹⁾.

„Социалистический“ характер крестьянских требований недопущения наемного труда имел нередко временный характер, как тактический шаг дезорганизации частного нетрудового землевладения, имея реальное значение до захвата помещичьих и кулацких земель. Однако в огромном большинстве случаев это требование выдвигалось беднотой, незамышленным крестьянством на всех этапах аграрной революции (1917—19 г.г.), служа одним из водоразделов для социально-политического расслоения крестьянства, создавая общий единый фронт с лозунгами пролетариата — уничтожения всякого наемного труда и капитализма.

III. ЭТАПЫ АГРАРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В первые недели марта-апреля аграрное движение крестьянства было, сравнительно с 1905 годом, слабым. Оно не

¹⁾ Н. Ленин, общ. собр. соч., том XIV, 2-я часть, стр. 82.

приняло резко выраженных форм. Объяснение этого можно найти, главным образом, в общих условиях, которые создала мировая война.

Мобилизация на войну огромных масс наиболее трудоспособного населения, бесспорно, ослабила к 1917 году напор аграрной революции. На войну были взяты наиболее молодые, активные элементы. В большинстве остались женщины, старики и зеленая молодежь. По данным всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи мы имеем:

Название губерний	Всего мужчин в раб. возрасте	Из них взято в войска
Харьковская	705.343	337.285
Киевская	791.964	339.927
Черниговская	593.546	280.229
Волынская (по 7 уездам)	312.218	155.921 ¹⁾

Таким образом мы видим, что на войну было мобилизовано свыше 45% трудоспособного мужского населения. А так как на войну из категории трудоспособных мужчин были взяты наиболее здоровые, то качественно производственное значение части мужского населения, взятой на войну, еще больше увеличивается. Отсутствие этой массы наиболее активного крестьянства непосредственно в деревнях в начале Февральской революции оказало большее влияние на темп и глубину начала аграрной революции.

Земельная нужда, избыток рабочих рук в крестьянском хозяйстве были ослаблены мировой войной. Три года непрерывной гигантской бойни крестьянского пушечного мяса ослабили напор крестьянства на помещичьи земли. Местами в самом крестьянском хозяйстве начал проявляться недостаток рабочих рук.

Аграрная революция, естественно, началась там, где было наиболее острое малоземелье, где даже война не сумела разрядить аграрное перенаселение, где были сильные классовые противоречия между крестьянством и помещиками, в тех местах, где были наиболее вопиющие притеснения помещиков, где наиболее накопилось недовольства за прошлые годы. „Чем строже и круче был землевладелец, чем меньше он считался с крестьянской нуждой,— пишет министру внутренних дел зам. подольского губ. комиссара.— тем опустошительнее идет у него уничтожение“ . . .²⁾ Сначала в этих местах, потом все расширяясь по новым районам, углубляясь по своему характеру, аграрная революция росла вместе с общим развитием всей

¹⁾ Таблица составлена нами по данным „уездных итогов Всероссийской сел.-хоз. и поземельной переписи 1917 г.“

²⁾ Дало канцелярии подольского губернского комиссара. Врем. правительства, № 96, ч. 1 -я.

революции в целом, вместе с постепенным возвращением домой солдат с фронта.

Земельная теснота была наиболее острой на Правобережьи, особенно в Подольской и Киевской губерниях, затем в лесостепи Полтавской и Харьковской губерний. В югостепи малоземелье по сравнению с предыдущими губерниями было незначительным, — здесь имелись еще в наличии некоторые земельные просторы¹⁾.

Если иметь в виду, что на Правобережьи капитализация крупного помещичьего землевладения была наиболее интенсивной, процес мобилизации земли и сдачи в аренду наименьшими, то станет понятным, что именно здесь противоречия были острее и, следовательно, неизбежен был наибольший размах аграрной революции. Здесь, в Подольской и Киевской губерниях, крестьянство было наиболее зажато под помещичье-капиталистической пятой.

Формы, характер развития аграрной революции на Украине имели значительное своеобразие в зависимости от социально-экономических особенностей трех основных частей Украины, при чем на Правобережьи положение осложнилось наличием на ее территории войсковых масс, значительно влиявших на обострение аграрной революции.

Для левобережной лесостепной части Украины наиболее характерным является развитие аграрной революции в Полтавской и Харьковской губерниях, где еще накануне 1905 года в 1901—2 г.г., произошли известные аграрные волнения. В Полтавской и Харьковской губерниях аграрная революция началась с изменения кабальных аренд. Аренда, особенно в Полтавской губернии, имела очень большое значение во всей сумме взаимоотношений между помещичьей и крестьянским землевладением. По данным подворной земельной переписи 1910 года, из 456.471 крестьянских хозяйств 185 тысяч, или 40%, арендовывало землю. Эти 185 тысяч крестьянских хозяйств приарендовывало 656.379 десятин земли. Из этих хозяйств 26,5 тысяч принадлежало к категории зажиточных кулацких, пользующихся наемным трудом, которые имели 152 тысячи арендной земли.

Из общего арендного фонда Полтавской губернии помещики сдавали в аренду 450 тысяч десятин. Крупные и средние земельные владения свыше 50 десятин в 1910 году имели 1.131.000 десятин. Из них 489 тысяч сдавалось в аренду. Таким образом 43% нетрудового землевладения сдавалось в аренду, т. е. еще до 1917 г. около половины помещичьей

¹⁾ Не желая загромождать статью громоздкими цифровыми данными, мы вынуждены были исключить из статьи таблицы, характеризующие: а) распределение помещичьей земли по губерниям, б) мобилизацию помещичьей земли, в) распределение крестьянской земли по губерниям и землеобеспеченность крестьян на двор по владению и посевной площади.

земли фактически обрабатывалось полностью, хозяйственно было охвачено крестьянством¹⁾.

В некоторых уездах картина выступает еще резче. Так, напр., в Пирятинском уезде помещики из 41.618 десятин принадлежащей им пахоти сдавали в аренду 23.147 десятин, т. - е. 55,6⁰/₁₀₀.

Арендная земля была наиболее значительным экономическим стыком между крестьянским и крупным помещичьим землевладением. Она была наиболее обнаженным участком кабально - крепостнического фронта.

Высокий уровень арендных цен, выжимающий все соки с крестьянских хозяйств, так называемые „голодные“ продовольственные аренды были бельмом в глазах крестьянства. Почти полностью аналогичное положение было в Харьковской губернии, где число крестьянских хозяйств, арендующих землю, составляло 36,7⁰/₁₀₀.

Естественно, аграрная революция в первую очередь провралась в том месте, где крестьянство было наиболее зажато. Массовое движение началось с ликвидации кабальных продовольственных аренд, затем вместе с борьбой за урожай 1917 г. аграрная революция перешла к принудительным арендам. Аграрная революция сначала формально как будто бы не нарушала частной собственности.

Принудительные аренды были законным легальным титулом для перехода к фактическому захвату. От принудительных аренд к прямому захвату помещичьих земель и экономий — таков следующий этап аграрной революции.

Если взять аграрную революцию 1917 года с первых дней Февральской революции до фактического захвата помещичьих земель и экономий, то ее можно разделить условно на следующие периоды:

1 - й п е р и о д — хронологически приблизительно март-май: борьба за понижение цен на существующие аренды, изменение их кабального характера, использование пустующих земель и передача их крестьянству.

2 - й п е р и о д — май-июнь, отчасти июль — в основном охватывает процесс перераспределения аграрного фонда внутри крестьянства, отнятия арендных участков у зажиточных крестьян, посредников в аренде, начало борьбы между общинниками и отрубщиками, борьба за урожай.

3 - й п е р и о д — июль - август, отчасти сентябрь — здесь решающим является процесс установления принудительных аренд, принудительные изъятия новых земель для расширения арендного фонда, удовлетворение малоземельных арендными землями по низким ценам за счет помещичьих и кулацких хозяйств, продолжение борьбы за урожай.

¹⁾ Цифры взяты из справочника „К земельному вопросу в Полтавской губернии“, изд. 1917 года.

Елена Бож

4-й период, начавшийся в значительных размерах еще в сентябре, есть период открытого захвата помещичьих земель без арендного прикрытия, захват помещичьих земель, занятых не только под зерновыми культурами, но и под техническими (свекловичная плантация), и наконец

5-й период, начавшийся в основном после Октябрьской революции, захват помещичьих экономий, захват живого и мертвого инвентаря и их раздел.

Вышеуказанная периодизация, конечно, не обозначает, что процессы 1-го, 2-го и т. д. периодов везде обязательно хронологически кончались или начинались в определенные моменты. Так, например, регулирование арендных цен, начавшееся еще в апреле, однако, кое-где имело место в декабре 1917 г., январе 1918 года, когда об аренде земли уже как будто не приходилось говорить; с другой стороны, захват помещичьих имений, получивший массовое распространение после Октябрьской революции, в отдельных случаях наблюдался уже в июне и даже в мае. Периодизация действительна для основной массы фактов аграрного движения, которые в своей совокупности дают картину решающей части аграрной революции в разные этапы ее развития.

В тех губерниях и уездах, где арендные отношения были слабо развиты (Подольская, Киевская губернии), где капитализация сельского хозяйства была значительна, аграрная революция начиналась сразу со 2-го и 3-го периода, т. е. установление принудительных аренд хронологически совпадало с обязательной нормировкой арендных цен, изменением кабальных аренд.

Огромное значение для темпа развития аграрной революции имел общий ход революции в городе. Май-июнь были периодом нарастания аграрной революции. Июльские дни, поражение пролетариата в городах, под'ем реакции, корниловщина временно затормозили развитие аграрной революции. Поражение Корнилова, новый революционный под'ем сентября непосредственно связан с новым под'емом аграрного движения, которое особенно усиливалось в связи с возвращением домой значительных солдатских масс¹⁾.

Период, когда перед крестьянами стал вопрос, кому засеять землю на следующий год — помещикам или крестьянам, был исходным пунктом нового этапа развития аграрной революции;

¹⁾ Но известную роль играли обстоятельства, определяемые своеобразием условий и общего характера сельского хозяйства. Вместе с наступающей жатвой началась борьба крестьянства за урожай на помещичьих землях. Однако, июнь-июль, когда крестьянство было занято уборкой своего собственного хлеба, крестьянство не могло со всей энергией выступить в борьбе против помещиков. Август месяц, необходимость новых посевов на следующий год вместе с освобождением от сельскохозяйственных работ по уборке прошлого урожая поставили перед крестьянством аграрную проблему во- всю ее величину.

когда крестьянство в течение сентября и октября, еще до Октябрьской революции, фактически овладело значительной частью помещичьих земель.

Победа пролетариата в Октябрьской революции обеспечивает победу аграрной революции. Без пролетариата аграрная революция, несмотря на ее массовый характер, была обречена на неудачу. Борьба крестьянства против помещиков была расплывлена на тысячи частей, внутренне не связанных между собой, она принимала все более стихийный характер.

Эсеровская партия, возглавлявшая крестьянство, тормозила аграрную революцию, начала изменять ей. Буржуазия и помещики с помощью правых эсеров неизбежно подавили бы ее. Рабочие, захватившие армию, вооруженные силы из рук буржуазии, разгромив ее политически и экономически. Этим самым гарантировали победу крестьянства над помещиками.

Рабочие, захватив основные рычаги государственного аппарата, транспорт, банки, денежные печатные станки, парализовав самое сердце капиталистической системы, забрав фабрики и заводы, отбросили буржуазию и помещиков далеко в сторону. С окраины Дона вынуждена была начать борьбу буржуазия. Центры были в руках пролетариата. Рабочие Харькова, Донбасса, Екатеринослава железным барьером отделили донскую контр-революцию от украинского кулачества.

Пролетариат под руководством большевиков, провозгласив „вся земля крестьянству“, на завтра выступивший грудью против генералов Краснова, Каледина, Алексеева, против Р. дзяко, Милокова, организовав борьбу против донской контр-революции, этим самым не на словах, а на деле не только разрешил (декретом) брать помещичью землю, но и помог ее взять. Ц. Рада, руководимая партией эсеров и эсдеков, объявляя „нейтралитет“ в борьбе советов против Каледина, пойдя на поводу у Антанты, а потом Германии, выступив против советов, изменила не только пролетарской революции, но изменила также всему трудящемуся крестьянству в его борьбе за землю.

Ц. Рада и руководившие ею партии украинских эсеров и социал демократов, изменив пролетарской революции, предав аграрную революцию, неизбежно предали также и национальную революцию, так как основным социально-экономическим содержанием последней была борьба крестьян за землю, борьба солдат за ликвидацию мировой войны.

Движение крестьян и солдат, и только оно, дало национальному украинскому движению массовый характер. Без него, против него национальное движение, особенно на Украине, повисло бы в воздухе.

Украинские крестьяне позже, чем русские, поняли и убедились в измене эсеров. Борьба украинских эсеров против Временного правительства, против Керенского по национальному вопросу затруднила понимание истинного лица украинских

эсеров. Но когда Временного правительства не стало, когда эсеры сами стали властью, когда большинство их партии стало на сторону буржуазии, тогда (на 2—3 месяца позже) украинское крестьянство разобралось в том, чьи интересы они защищают

Крестьянская беднота, трудящиеся крестьяне стали в большинстве на сторону пролетариата. Победила советская власть.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НАЧАЛО АГРАРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ЛИКВИДАЦИЯ КАБАЛЬНЫХ АРЕНД. ОРГАНИЗАЦИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ КОМИТЕТОВ. ПОНИЖЕНИЕ АРЕНДНЫХ ЦЕН. ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАЛИЧНОГО АРЕНДНОГО ФОНДА

I

„Товарищи и граждане,— пишет 7-го апреля Котовский сельский комитет в Харьковский губернский общественный комитет,— покорнейше просим мы Вас дать нам свои наставления... для разъяснения нашей буржуазии, которые не знают что такое свобода и равноправие...

У нас много не сеянной земли у экономных, а пойдешь до них наймать, а они просят за десятину пахотной земли 20 рублей, а под пас 10 рублей, а дешевле не дают, а земля требуется нашим сельским хозяевам для посева.

Так вот дайте нам наставление приступить к этому делу. Прошу не замедлить нашей просьбы¹⁾ (курсив весь наш — М. Р.).

„Свобода и равноправие“ для крестьян не были отвлеченными лозунгами. Как только докатилась до села Февральская революция, крестьянство наполнило эти лозунги конкретным содержанием борьбы за землю против помещиков. В заявлении Котовского сельского комитета отражено основное требование крестьянства для первого этапа аграрного движения — понижение арендных цен.

Если котовские крестьяне 7 апреля еще просят „наставление приступить к этому делу“, то в ряде других мест Харьковской, Полтавской, Киевской и особенно Подольской губерний крестьяне сами приступили „к этому делу“.

Так, например, Изюмский общественный комитет, несмотря на свой соглашательский эсеровский состав, под давлением представителей волостей 6 апреля принял такую резолюцию:

„Предложить волостным комитетам установить точно пустующие земли частновладельческие, городские, монастырские, банковские земли и после переговоров с владельцами этих

¹⁾ Наряд Харьковской губ. земельной управы по описи 1917 г. № 4, лист 7.

земель распределить их между крестьянами для засева...“ Эта умеренная резолюция неполно отражает мнения крестьянских представителей. В прениях при обсуждении этого вопроса мы находим. „Тов. Гончаров — земли много, но она у помещиков, которые ее не засевают, а она зарастает бурьяном, а зарастает потому, что помещики хотят драть с крестьян семь раз кожу...“

„Тов. Волошин — мы слышим голоса: „хлеба нет“, но где мы возьмем его, если у нас земли нет? Надо занять помещичьи земли, засеять их, а потом платить по установленным новым правительством ценам...“

„Тов. Радченко — а мы в Стратилатовской волости постановили сходом платить по 3 рубля за десятину...“

То, что крестьяне действовали более решительно, а не по умеренной резолюции, можно видеть из жалобы помещика Рославлема министру продовольствия:

„6-го апреля Изюмский общественный уездный комитет постановил представить бесплатные попасы в частновладельческих имениях. В моем имении крестьянами были заняты не только попасы, но и сенокосы, даже укрепленные пески с посадками сосны и порослью. На мои жалобы получил ответ только от Изюмского волостного комитета, в котором он „просит не препятствовать попасу во избежание обострения отношений“.

Капитоновский сельский комитет распорядился сенокосами по своему и из 10 тысяч пудов сена мне осталось 500 пудов, остальное произвольно сдал в аренду по 10 рублей за десятину“¹⁾.

„5-го апреля разгар посевов крестьяне села Летичевского уезда самовольно устроили не допуская имение единственного заведывающего хозяйством Дудацкого... Крестьяне травят выпасы, луга... опасаясь быть задержанным крестьянами, не могу быть в Мазниках“ — телеграфирует помещик Скибневский²⁾.

„Крестьяне села Княжне-Поле Баговицкой волости Каменецкого уезда, — находим мы в жалобе дочери генерала-адъютанта, Марии Александровны фон-Баумгартен, — вымогли у меня в течение апреля 1917 г. 2 косогора для пастбища с прогонами к водопою (курсив наш — М. Р.), дорогу через мою усадьбу, добычу глины и, наконец, от Мартовского сахарного завода, держащего мою пахотную землю в аренде, толоку для пастбища и земли сколько понадобится для посева по условленной плате, не довольствуясь вышеупомянутыми выгодами, крестьяне по наущению агитаторов выпасают весь мой лес скотом... В настоящее время, 23 апреля 1917 года, крестьяне... захватили участок земли под выпас своего скота

¹⁾ Дело Харьков. губ. земельного комитета по описи 1917 года № 21, часть 2-я.

²⁾ Дело канцелярии подольского губ. комиссара Временного правительства по описи 1917 г., № 96, ч. 7, лист 62 — 63.

и принудили моих арендаторов вынудить меня вернуть им деньги, внесенные за урожай 1917 года¹⁾.

Здесь мы видим, как крестьяне сразу в первую очередь ликвидируют кабальные остатки крепостничества, то, что костью торчало в горле крестьянства — „косогоры для пастища с прогонами к водопою“. Недаром генеральская дочь отличала их как доходную статью.

У подольских помещиков, наиболее угнетавших крестьянство своими огромными имениями, рыльце было основательно в пушку. Еще до начала волнений, в марте, подольский губернский комиссар Временного правительства пишет министру земледелия Шингареву :

„Милостивый государь Андрей Иванович !

Царящее в населении губернии единодушие обязывает меня предположить, что интересы классовые и личные всюду уступят место интересам народа. Тем не менее... никакая осмотрительность не явится излишней. Считаю долгом сообщить, что, по мнению некоторых землевладельцев, посевная площадь на частновладельческих землях губернии в ближайший сельскохозяйственный период может сократиться: помимо недостатка рабочих рук и рабочего скота может возникнуть опасение, что не всем удастся благополучно собрать урожай, и опасение это, не имеющее пока конкретных оснований, побудит некоторых воздержаться от посева в наступающем апреле. Принимая все меры, чтобы устранить такие колебания, могущие неблагоприятно отразиться на народном хозяйстве, считаю долгом сообщить, что наиболее действительным средством к тому явилось бы, по моему мнению, общее распоряжение Министерства Земледелия с категорическим указанием гарантии возмещения могущих произойти убытков в связи с событиями политического момента²⁾.

Хотя подольские помещики, мысли которых излагал подольский комиссар Вр. пр-ва, находят, что в губернии царит единодушие, но „никакая осмотрительность не явится излишней“. У подольских помещиков хотя и нет „пока конкретных оснований“, но они уже считают необходимым, чтобы государство дало „гарантии возмещения могущих произойти убытков в связи с событиями политического момента“. Конечно, помещики прикрывают свои опасения интересами „продовольствия населения и армии“, но это — прикрытие.

¹⁾ Дело канцелярии подольского комиссара по описи 1917 г., № 96, ч. 6, лист 35.

²⁾ Дело канцелярии подольского губернского комиссара по описи 1917 г., № 19, часть 1-я.

Такие опасения были, очевидно, не только у подольских помещиков, так как 11-го апреля Вр. правительство выносит специальное постановление, по которому все посеы 1917 года об'являются государственной собственностью: „Чтобы иметь достаточно хлеба на нужды армии и тыла,— читаем мы в этом постановлении, — Вр. пр-во об'явило весь хлеб находящимся в распоряжении государства.

Признание правительством всего посева достоянием государства наряду с мерами возможного обеспечения сельского хозяйства рабочими руками, инвентарем и семенами заставляет правительство возложить на само население охрану посевов и инвентаря отдельных посеvщиков от возможных насильственных действий, которые должны быть рассматриваемы не только как нарушение интересов отдельных лиц, но и интересов государства, как целого“.

Делается это как будто в интересах армии: „армию и тыл нужно обеспечить хлебом. Без хлеба, как и без оружия армия не может одолеть внешнего врага“...

Но армия и внешний враг — маскировка.

„Но если бы общественная охрана посевов и инвентаря отдельных посеvщиков все же оказалась бессильной предупредить насильственные действия, правительство сочтет обязанностью государства возместить владельцам причиненные им этими действиями убытки“.

Ларчик открывается просто. Временное правительство, правительство капитализированных помещиков и промышленной буржуазии, авансом страшует от аграрных волнений имущество представляемого им класса.

Но правительство было посажено у власти революцией. Ограничиться только защитой помещиков оно не может, оно вынуждено тут же заявить: „Признавая необходимым, дать немедленно законный способ к разрешению всех возникающих недоразумений на почве земельного вопроса, правительство в ближайшее время опубликует положение об особых местных земельных комитетах, на которые будет возложен разбор споров об арендных отношениях и других дел по земельному вопросу, до тех пор, пока последний не будет разрешен окончательно Учредительным собранием.

„Если окажется, что часть земли по тем или другим причинам грозит остаться незасеянной, то правительство предоставляет местным правительственным органам право принудительной передачи пустующих земель в арендное пользование других земледельцев или право собственными силами этих органов обрабатывать такие земли“¹⁾ (курсив наш — М. Р.).

¹⁾ „Вестник Временного Правительства“ № 31, от 14 (27) апреля 1917 г.

Не успело еще быть напечатанным это постановление Временного правительства, а отчасти еще до него со всех сторон посыпались телеграммы с заявлениями о пустующих землях помещиков, о плохом засеивании ими земель, нецелесообразном использовании и т. д.

„Имениях княгини Щербатовой, Потоцкого и других Брацлавского уезда пустует земля тысячами десятин, по несколько лет не обсеменяются помещиками — читаем мы в телеграмме Немировского комитета — не может быть взята крестьянами аренда из непомерных цен 35, 50 руб. десятина. Многие скирды прошлогоднего хлеба не молочены, гниют. Немировский комитет в интересах государства и армии (взял) на себя отдачу пустующих земель аренду крестьянам, на доступных условиях приступаем к обмолочению хлеба, после обсеменения немедленно необходимо установить надзор за использованием земель княгини Щербатовой и других“¹⁾.

Вся установка постановления Временного пр-ва о посевах заключалась в защите помещиков от предполагаемых крестьянских волнений, но крестьянство сразу же использовало это постановление, как формальную зацепку для нажима на помещиков. Это постановление вместе с законом о земельных комитетах, изданным 21-го апреля, независимо от желаний Вр. пр-ва дали легальный титул к вмешательству низовых крестьянских органов, организовавшихся земельных комитетов, в существующие аграрные отношения.

Параграфы 4 и 6 этого закона гласили, что в задачу земельных комитетов входит:

§ 4. Издание по вопросам сельскохозяйственным и земельным постановлений в пределах действующих законоположений и постановлений Временного правительства.

§ 5. Разрешение вопросов, споров и недоразумений, возникающих в области земельных и сельскохозяйственных отношений, в пределах действующих законоположений и постановлений Временного правительства, учреждение в необходимых случаях посреднических и примирительных камер для принятия мер к урегулированию отношений, могущих возникнуть вследствие самовольного нарушения чьих либо прав и интересов.

§ 6. Приостановление действий частных лиц, направленных к обесцениванию земельных и сельскохозяйственных имуществ, если эти действия не вызываются общественной и государственной необходимостью“²⁾ (курсив наш).

„Пределы действующих законоположений и постановлений Временного правительства“ крестьяне понимали по-своему

¹⁾ Дело канцелярии Подольского губернского комиссара по описи 1917 г., № 19, часть 1-я.

²⁾ Дело Полтавского губ. земельного комитета по описи 1917 г., № 117, лист 54-й.

и не особенно стеснялись их расширять. Началось с засева пустующих земель. Так, например, Староверовский волостной комитет 23 апреля 1917 г. вносит такое постановление: „В виду того, что некоторые землевладельцы принадлежащие им земли до сих пор не засеяли, а время для посева хлебов, исключая просо, пропущено, постановлено: реквизирировать у земледельцев свободные земли, предоставить таковую под засев проса нуждающимся землевладельцам, установив на нее арендную плату от 4-х до 5-ти рублей“¹⁾ (курсив наш—М. Р.). Однако крестьяне не ограничивались уже в апреле пустующими землями. 15 апреля 1917 года Стратилатовская волостная управа разослала следующее отношение:

„Г. г. землевладельцам Стратилатовской волости, Стратилатовский волостной общественный комитет на заседании 15 апреля постановил: все попасные и сенокосные земли взять в распоряжение общественного комитета и таковые распределить под попасы и сенокосы.

Сообщая г. г. землевладельцам о вышеизложенном постановлении комитета, волостная управа просит землевладельцев объявить своим арендаторам, взявшим в аренду попасы и сенокосы для своих надобностей и с целью спекуляции, а также и взявшим косить с части, что они не могут распоряжаться этими угодьями без согласия волостного общественного комитета“²⁾ (курсив наш—М. Р.).

Таким образом уже в апреле 1917 года в ряде мест крестьяне организованно начинают устанавливать „контроль“ над частью помещичьей земли, „реквизировать“ и т. д.

В марте и апреле 1917 года в ряде различных мест Украины началось аграрное движение. В Харьковской, Полтавской губерниях началась ликвидация кабальных аренд, захват пустующих земель. В Подольской, отчасти Киевской, где малоземелье было наибольшим, где аренда было мало распространена, движение началось непосредственно с принудительных аренд помещичьих земель.

Однако, движение первых двух месяцев после Февральской революции не является еще массовым. Оно только начинает разворачиваться.

II

Издание закона об учреждении земельных комитетов было актом, вынужденным со стороны Временного правительства, первыми аграрными волнениями.

Министр земледелия Шингарев, отвечая на запрос Временного комитета Государственной Думы о принимаемых министерством мерах против начавшегося аграрного движения,

1) Дело Харьковского губ. земельного комитета 1917 г., № 9, ч. 1-я.

2) Там же.

прямо заявляет: „По получению первых известий о возникновении аграрных волнений ведомство... обратило на него самое серьезное внимание и немедленно прибегло ко всем имевшимся в его распоряжении средствам для предупреждения дальнейшего развития аграрного движения. Такими средствами являлись... издание в законодательном порядке таких постановлений и правил, которые, с одной стороны, дали бы какой-нибудь путь для удовлетворения земельной нужды крестьянского населения, а с другой — направили бы по законному руслу возникшие у него споры с землевладельцами...“

„По представлению министерства земледелия были утверждены Временным правительством постановления: а) от 11 апреля с. г. о засевах полей и охране посевов и б) от 21 апреля с. г. об учреждении земельных комитетов“¹⁾.

Таким образом мы видим, что закон о земельных комитетах был рожден начавшимся аграрным движением для направления последнего по „законному руслу“.

Земельные комитеты, организовавшиеся в мае и июне, не оправдали надежд Временного правительства²⁾. В большинстве случаев они дали легальную основу для организации крестьянства в борьбе против помещиков. Состав земельных комитетов, установленный Временным правительством, в большинстве мест ломался в сторону расширения числа представителей низового крестьянства. Эсеры, не говоря уже

1) Дело Временного комитета Государственной Думы, цитировано А. Шапниковым „Семнадцатый год“, книга третья, стр. 155.

2) О времени организации уездных волостных земельных комитетов дает представление сведений по Кременчугскому уезду и по Полтавской губернии.

Кременчугский уездный — 8-го июня.

Волостные:

1. Глобинский	28 мая
2. Горбовский	4 июня
3. Гражданский	23 мая
4. Келебердянский	2 июня
5. Кобелячковский	12 мая
6. Кохновский	13 мая
7. Крюковский	18 июня
8. Крынковский	15 мая
9. Манжелевский	3 июня
10. Мозолеевский	30 мая

Волостные:

11. Недогарский	13 мая
12. Омельникский	5 „
13. Песковский	5 июня
14. Пироговский	9 мая
15. Погребянский	7 июня
16. Пустовойтовский	12 „
17. Потокский	1 „
18. Святиловский	11 мая
19. Солонецкий	8 июня
20. Федоровский	12 мая

В Полтавской губернии:

1. Кобеляцкий	4 мая	7. Гадяцкий	6 июня
2. Прилукский	28 „	8. Лохвицкий	6 „
3. Миргородский	29 „	9. Хорольский	7 „
4. Лубенский	3 июня	10. Кременчуг.	8 „
5. Пирятинский	4 „	11. Полтавск.	8 „
6. Константиногр.	5 „		

о земских представителях, не могли совладать с напором крестьянства. „Законные рамки“ ломались вдребезги (анализу классовой борьбы в земельных комитетах будет посвящена специальная глава).

Организовавшиеся земельные комитеты не ограничивались узкими рамками предоставленными законами. Под нажимом крестьянских масс они с первых дней приступили к понижению арендных цен и перераспределению арендного фонда. Если до сих пор в марте и апреле аграрное движение охватывало отдельные села, то с момента организации земельных комитетов и крестьянских советов волостных и уездных их постановлений распространялись, как обязательные по всей территории данного района.

Так, например: Константиноградский уездный земельный комитет в своем постановлении от 30-го мая устанавливает: „Точные цифры цен на землю толоку и сенокос устанавливают волостные земельные комитеты. Уездный земельный комитет устанавливает приблизительные цены на толоку обыкновенную в пределе от 15 до 5 рублей за десятину, толоки не вспаханной по 5 рублей за десятину, вспаханная, но неудобренная — 8 рублей, вспаханная — 10 рублей.

„Средняя цена на переыйный сенокос в этом году 8 рублей за десятину, овсяный 6 рублей, луговой 5 рублей, болотный 3 рубля¹⁾).

В Зеньковском уезде районный съезд крестьянских депутатов, на котором было 680 представителей от 18 тысяч крестьян, вынес по вопросу об арендных ценах 24-го июня следующее постановление: „Цены на арендные земли за десятину должны быть такими:

	Толоки	С озимового на яровое	С ярового на гречиху и просо
Хорошее	15 руб.	12 руб.	10 руб.
Среднее	12 „	10 „	8 „
Спаханная	10 „	8 „	6 „

Луга и сенокос: луг степной — за хорошую 30 руб., среднюю — 20 руб., ниже средней — 10 рублей, за болотный сенокос — 15 руб., 10 руб. и 6 руб.²⁾).

Полтавский Губернский земельный комитет на сессии после долгих и страстных споров принял по вопросу об уровне арендных цен следующее постановление: „Цены (арендные) на все виды земельных угодий устанавливаются в каждом уезде отдельно на основе средних арендных цен за 5-летие 1904—1908 годов включительно. Уездные земельные комитеты могут увеличить или уменьшить вышеуказанные цены

¹⁾ Дело Полтавской губ. земск. управы, № 21, лист 8—9.

²⁾ Дело Полтавск. губ. земск. управы, № 19, л. 4—5.

на 50% в зависимости от местных условий, но так, чтобы уменьшение этих цен не было меньше, нежели государственные и земские налоги на землю¹⁾

Что обозначало это регулирование арендных цен для помещиков и насколько велики были расхождения между ценами, установленными земельными комитетами и требуемыми помещиками, можно отчасти видеть из спора между Богодуховским уездным земельным комитетом и „Союзом сельских хозяев“ того же уезда. Богодуховский земельный комитет установил 1-го июня следующие цены:

	На луговую посельную	На луговую самородную	На степную
1-й категории	30 руб.	30 руб.	30 руб.
2-й „	25 „	20 „	20 „
3-й „	20 „	15 „	15 „

На полевую и пахотную землю: на удобренную минеральным удобрением, ровную с мелкой пропашкой, букар ми . . . . . 25 руб.
 С глубокой пропашкой . . . . . 31 „
 Уклонную с мелкой пропашкой . . . . . 18 „
 С глубокой пропашкой . . . . . 24 „
 Точную черноземную, ровную . . . . . 5 „
 Точную черноземную, уклонную . . . . . 10 „
 Точную черноземную супесчаную . . . . . 10 „

На полевую пахотную землю под яровые посевы на ровную из-под озимого посева — 0 руб. и на бурячища — 8 руб., уклонную из-под озимого — 8 руб и бурячища — 6 руб.²⁾

4 июня „Союз сельских хозяев Богодуховского уезда, испугавшись этого постановления, поспешил сам пойти на „уступки“ и напечатал свои условия сдачи в аренду.

„Арендные платы, принимая во внимание, что в предстоящем году разные земские налоги (7—8 рублей) и платежи

1) Размер установленных цен виден из следующей таблицы:

Арендные цены за 5 лет с 1904—1908 г.г. за пахотную землю

1. Гадячский . . . . . 11,99 р.	9. Миргородский . . . . . 11,02 р.
2. Золотоношский . . . . . 11,32 „	10. Черкасовский . . . . . 13,2 „
3. Зеньковский . . . . . 12,09 „	11. Пирятинский . . . . . 12,40 „
4. Кобеляцкий . . . . . 14,59 „	12. Полтавский . . . . . 10,28 „
5. Константинопольский . . . . . 11,20 „	13. Прилуцкий . . . . . 11,67 „
6. Кременчугский . . . . . 12,84 „	14. Ромненский . . . . . 11,04 „
7. Лохвицкий . . . . . 9,21 „	15. Хорольский . . . . . 10,85 „
8. Лубенский . . . . . 10,57 „	

Средние по губернии — 11,45.

№ 143, лист 3 . 4. Дело Полтавского губернского земельного комитета по описи 1917 г.

2) Дело Харьковской губ. земельной управы № 4, лист 313.

в разные банки по залогу земель, союзом установлены следующие :

Толока чернозем	25	рублей
Яровой	20	"
Бурачище	20	"

Цены без работ и удобрений — последнее считается по себестоимости. На другие земли, нечерноземные, цены по соглашению.

На травы, принимая во внимание, что пуд сена стоит теперь от 1 рубля до 1 р. 50 коп. и дороже, установлена наемная оплата за десятину.

Луговая посевная	60	рублей	Луговая степная :	
" самородная :			I сорт	30
I сорт	60	"	II "	20
II "	35	"	III "	15
III "	25	"		

Совет союза сельских хозяев"

Однако эти условия оказались неприемлимыми для крестьян. 27-го июня обиженные „сельские хозяева“ жалуются в Губернский земельный комитет: „Богодуховским уездным земельным комитетом в заседании от 1-го июня с. г. установлены цены на аренду земли слишком низкие, так, например, на пахотную землю, удобренную минеральными туками, с мелкой пропашкой — 25 руб., тогда как одно удобрение этими туками обходится по 30 рублей с десятины, а если прибавить к этой стоимости мелкую пропашку 5 рублей и земские повинности 4 рубля с копейками, то десятина земли владельцу обходится до 40 рублей... аренда на яровые посевы назначена от 6 до 10 рублей, которые, вероятно, не оправдают земских обложений“¹⁾.

Однако крестьяне не хотели слушать не только богодуховских помещиков, но и земельные комитеты, которые, руководимые эсерами, были нередко слишком „либеральны“ к землевладельцам. Волостные комитеты того же уезда и других уездов Харьковской и Полтавской губернии не особенно старались разбираться в тонкостях: „наклонная или ненаклонная“, „пропашная или непропашная“, а назначали арендные цены в круговую самое большее от 3 до 10 рублей.

Когда Харьковский губернский комитет предложил Изюмскому земельному комитету пересмотреть свое решение в сторону повышения арендных цен, то получил такой ответ: „пересмотрев постановление свое от 3-го июля с. г. об установлении в уезде арендной цены на десятину от 3-х до 5-ти рублей,

¹⁾ Дело Харьковского губ. земельного комитета по описи 1917 г., № 4, часть 1, лист 311.

отмененной Губернской земельной управой, выслушав по этому вопросу сообщение представителей из деревень, что в настоящее время доходность крестьянского хозяйства очень низка, при чем урожай хлебов в Изюмском уезде почти ниже среднего... с'езд не находит возможным повысить арендную цену в уезде и постановил: постановление свое от 9-го июля с. г. об арендной цене от 3-х до 5-ти рублей оставить в силе. Тем паче, что земли уже распределены и теперь очень было бы трудно дополнительно довыскать арендную плату с населения¹⁾.

Арендные цены, назначаемые земельными комитетами, были в 2,3 раза меньше средних цен, существовавших до Февральской революции. А если принять во внимание, что крестьяне большей частью не вносили и этой пониженной арендной платы, то станет ясным, что „регулирование“ арендных цен земельными комитетами превращалось в скрытый безвозмездный захват помещичьих земель²⁾.

III

Одновременно и параллельно с „регулированием“ арендных цен происходило перераспределение наличного арендного фонда.

Так, 2 мая 1917 года Змиевской волостной совет крестьянских депутатов принимает такое решение: „Обсудив вопрос о том, что живущие в районе Змиевской волости частные землевладельцы, а также монастырь и духовенство принадлежащие им земли частью и все сдают в аренду жителям других волостей, но большей частью зажиточным и в большом размере, тогда как другие жители крайне нуждаются в арендовании земли, в целях улучшения их хозяйства совет постановил: избрать из 7-ми депутатов комиссию для подробного выяснения количества земли, обычно сдаваемой землевладельцами, монастырем и духовенством, как пахотной, так и сенокосной, в аренду, выработки условий и передачи таких земель владельцам на арендном праве в распоряжение Совета, способа распределения этой землей между жителями волости, нуждающимися в арендовании земли, а также и для выработки условий сдачи в аренду всех угодий надельной крестьянской земли...³⁾.

1) Дело Харьковск. губ. земельн. управы 1917 г., № 21, л. 536.

2) Так, например, помещица Булкина жалуется в Киевскую уездную земельную управу: „крестьяне, самовольно отнявшие и покосившие сенокосы... получили бумагу о взносе денег за сенокосы (аренды)... но крестьяне и не думают вносить этих денег...“ Дело Киевской земельной управы № 9, л. 23.

3) Дело Харьковск. губ. земельного комитета 1917 г., № 9.

На следующем заседании этого же совета 11-го мая по докладу выбранной комиссии „по вопросу об урегулировании порядка арендования жителями Змиевской волости частно-владельческой земли постановлено: 1) взять на учет обычно сдаваемые в аренду землевладельцами земли, а именно: Ивана Евгеньевича Буймистрова — пахотной 92 десятины и сенокосной 22 дес.; Высочиновского монастыря — пахотной 160 дес. и сенокосной 39 дес.; Варвары Андреевны Помазановой — 24 дес. пахотной; Степана Андреевича Оболенцова — пахотной 12 дес., сенокосной 12 дес.; Евдокии Михайловны Донцовой — пахотной 120 дес.; Причто Успенской церкви гор. Змиева — пахотной 33 дес.; Причто-Соборной Троицкой церкви гор. Змиева — пахотной 88 дес.; Ивана Евгеньевича Буймистрова в Омельченковском — 28 дес. и сенокосной 65 дес. за рекой Донцом... Игната Гайворонского 15 дес.; Ивана Фомича Майбороды — сенокосной 7 с четвертью дес.; Афанасия Фомича Майбороды — сенокоса 13 дес.

2) Вся сдаваемая землевладельцам в аренду земля должна передаваться в распоряжение волостного совета только за денежную плату, установленную комиссией совета.

3) Аренду земель жителями Змиевской волости допустить одному домохозяину, занимающемуся хлебопашеством и не имущему у себя в пользовании земли пахотной 5 дес. и сенокосной 1 дес. и под яровой 1 дес. и сенокоса $\frac{1}{4}$ дес. и, кроме того, крестьянской надельной земли пахотной сенокосной и леса — красного и черного — не свыше как на 10 наделов; лица же, не обрабатывающие собственным трудом, к арендованию как частновладельческой и крестьянской землей не допускаются¹⁾ (курсив наш — М. Р.)

Как происходила реализация этого постановления, можно видеть из протокола заседания Змиевского совета крестьянских депутатов от 26 мая. „В заседание совета — находим мы в этом протоколе — явились землевладельцы: Николай Фомич Майборода, Иван Евгеньевич Буймистров, наследники Павловские. Варвара Андреевна Помазанова, настоятель Высочиновского Казанского монастыря, и заявили, что они согласны свою землю, обычно сдаваемую ими в аренду, передать по арендному праву и по установленной советом цене для арендования ее жителями Змиевской волости. Совет постановил землю вышеуказанных землевладельцев принять в свое распоряжение и распределение между жителями Змиевской волости“. Не все однако механически подчинились постановлению совета...

В том же протоколе мы находим дальше: „Явившаяся в заседание совета землевладелица Евдокия Михайловна Донцова заявила, что она не согласна своей земли передавать на арендном праве волости му совету, в виду того, что земля ею уже

¹⁾ Дело Харьковского губ. земельного комитета по описи 1917 г. № 9, ч. I.

сдана в аренду на шесть лет крестьянам в Чимужевку Замостянской волости Руденко, Огию и Крышталь.

Волостной совет, принимая во внимание: 1) что нежелание Донцовой передать землю на арендном праве совету для аренды жителям Змиевской волости по установленной советом арендной цене является ценоповышением установленной советом арендной цены и своей наживой;

2) Что арендаторы земли Донцовой Руденко, Огий и Крышталь заарендовали у Донцовой землю со спекулятивными целями, так как они всей арендованной земли не обрабатывают, а передают лицам по более высокой цене, волостной совет постановил: заключенный Донцовой с Руденко, Огием и Крышталем арендный договор на землю уничтожить землю же Донцовой взять в распоряжение волостного совета по установленной советом арендной цене для распределения... нуждающимся в земле и лично обрабатывающим землю" 1).

Здесь в этих документах мы ясно видим, кого затрагивало перераспределение арендного фонда.

В конце мая и в начале июня аграрное движение углубляется и расширяется. Нормирование арендных цен и перераспределение арендной земли распространяется по всей Украине и становится массовым явлением.

Так, например, Константиноградский уездный земельный комитет 30 мая постановляет: „Договоры, по которым взята аренда для передачи, отменяются, право распределения указанной аренды передается волостному земельному комитету

Арендные договоры, заключенные раньше, подлежат пересмотру и соответствующему изменению волостных земельных комитетов... в экономиях, где есть свекло-сахарные плантации, ведется пятипольная система землепользования, а потому тех мест, где уже посеяна свекла, брать в аренду не следует, а остальную землю можно.

В Хорольском уезде Полтавской губернии Белоцерковской волости комитет 17-го июня 1917 г. „по вопросу об арендах“ 2) постановил: „Объявить во всеобщее сведение всем землевладельцам как помещикам, так и иным собственникам:

а) Земли, подлежащие сдаче в арендное содержание, обязательно должны быть сдаваемы с ведома земельной комиссии.

б) Лица, нуждающиеся в арендной земле, должны обращаться через земельную комиссию.

в) Все сделки и договоры о сдаче в аренду земли, заключенные до 2-го марта с. г., а равно и до настоящего времени, заключенные без ведома земельной комиссии, считаются недействительными“ 3).

1) Дело Харьковського губ. земельного комітета по описі 1917 г. № 9, ч. I.

2) Дело Полтавск. губ. зем. управы по описі 1917 г. № 21, лист 9.

3) Там же, № 31 (16), лист 29.

То, что это постановление осталось не на бумаге, видно из дальнейших протоколов этого же комитета: „слушали — по заявлению Натальи Ивановны Гнидиной, Харитона Лободы... и других о разрешении просителям арендовать земель на лето 1918 года. Постановили — разрешить просителям арендовать земель каждому в отдельности...“

„По вопросу об аренде земель — протокол № 7 от 30-го июня 1917 года — Марии Александровны Миколайчук и Александры Музулевской, находящейся у В. Кекало... по собранным сведениям оказалось, что у Кекало имеется собственной земли 41 десятина... Постановили — Василию Ивановичу Кекало воспретить иметь арендную землю (курсив наш)... о чем объявить Музулевской и Миколайчуковой, что землю они могут сдать по их усмотрению другим лицам, которые будут иметь удостоверения на право аренды от земельного комитета“¹⁾.

Перераспределение арендных земель затронуло не только интересы крупного и среднего землевладения.

25-го июня 1917 года Новоаврамовский волостной земельный комитет постановляет: „§ 3. Слушали — протокол Грушинского сельского комитета от 18/VI с. г. о снятии аренды у жителей, имеющих своей земли больше 10 десятин (курсив наш — М. Р.).“

Постановили — протокол одобрить и утвердить“²⁾.

На том же заседании слушается аналогичный вопрос „об отобрании аренды от лиц с достаточным количеством своей земли“ (курсив наш — М. Р.). Вопрос решается утвердительно и предлагается при новой отдаче в аренду обращаться не к теперешнему „арендатору“, а непосредственно к владельцу.

Первый этап аграрной революции уже затронул интересы не только помещиков, но и зажиточных крестьян. Отобрание арендной земли у кулаков, арендующих ее крупными участками, а потом переарендующих по более дорогой цене мелкими участками, затронуло интересы кулаков, посредников кабалного типа. Но отобрание аренды „от лиц с достаточным количеством своей земли“, „у жителей, имеющих своей земли больше 10 десятин“, затронуло уже интересы несоизмеримо более широкого круга зажиточного крестьянства.

Что это обозначало, можно видеть из типичной жалобы хуторян Гадячского уезда в Полтавский губернский земельный комитет: „Гадячский земельный комитет журнальным своим постановлением постановил: землю землевладелицы Марии Григорьевны Клименковой и наследников Клименковых в количестве 12 десятин изъять из нашего арендного пользования“

¹⁾ Дело Полтавск. губ. зем. управы по описи 1917 г., № 31, стр. 35.

²⁾ Там же, стр. 71.

Андрей Иванов

и передать... жителям хуторов Сарского и Мокриевщины по 12 рублей за десятину. Означенный комитет, рассматривая настоящее дело, не взял во внимание, что хотя мы, Ткаченко и Кириченко, и арендуем землю, на эта земля нам, как ведущим сельское хозяйство, крайне необходима, так как своей собственной земли у нас далеко недостаточно, чтобы можно было хотя бы в среднем безбедно вести хозяйство, а именно: Трофим Ткаченко имеет 4 десятины — 1.200 квадратных саженей, а Артем Кириченко 4 дес.— 2.290 квадратных саженей и это количество земли всех угодий.

Означенную землю мы заарендовали у Клименковых по условию на 6 лет, срок коей истекает 1-го января 1921 года... Означенная земля занята нами не ради спекуляции, а ради пропитания, и обрабатываем ее личным трудом своих семейств без всяких посторонних трудов, а потому покорнейше просим... милостиво отнестись к нашей просьбе, оставив право аренды до истечения срока...“¹⁾

Таких жалоб в делах земельных комитетов имеются сотни. Таким образом ми видим, что с самого начала аграрной революции она была направлена не только против крепостников-помещиков, не только против крупных землевладельцев, но и против кулачества.

Арендные цены в течение первых трех месяцев революции были понижены в 2 — 3 раза против довоенных. А если принять во внимание падение курса рубля к этому времени, то понятно, что понижение арендных цен основательно сразу же ударило по карману помещиков и землевладельцев несколькими десятками миллионов рублей. Но основным, как мы видим далее, в этом процессе было не только материальные потери. Наиболее грозным было то, что крестьянство в лице волостных земельных комитетов брало на учет все арендные земли данных местностей, начало их перераспределять, отнимая у арендаторов одних и передавая другим. Земельные комитеты, формально не затрагивая частной собственности, однако фактически в значительной степени ее подрывали. Землевладельцы не могли не только сдавать землю по более высокой цене, чем объявленная, но даже по этой установленной цене должны были сдавать землю тем крестьянам, какие указывались земельными комитетами. Учет всех арендных земель и регулирование их сдачи, начавшиеся к перераспределению арендного фонда, было первым крупнейшим ударом по самому корню помещичьего землевладения.

¹⁾ Дело Полтавской губ. зем. управы по описи 1917 г., № 159 (№ 73), лист 2.

ГЛАВА ВТОРАЯ

БОРЬБА ЗА УРОЖАЙ

Следующим этапом развития аграрной революции явилась борьба за урожай. Эта борьба началась с наступлением косыбы лугов и получила свое наибольшее развитие в конце июня и июля — в период жатвы зерновых культур.

Первые многочисленные стычки между помещиками, с одной стороны, и крестьянской массой, с другой, начались на луговой земле. Здесь на лугах (особенно приречных), где сравнительно мало вложено капиталов, предварительного труда, классовые противоречия выступили наиболее обнаженно. Аргументы, что, мол, земля обработана мною, в большинстве отпадают.

Борьба за луга была только началом.

Когда созрели зерновые хлеба, стал вопрос об уборке помещичьих полей. Недостаток рабочих рук, который резко чувствовался еще в 1916 году, выявился еще резче в 1917 году. Помещики после революции, естественно, оказались в необычно плохих условиях политического свойства, а крестьяне не замедлили использовать благоприятную политическую обстановку. Максимум крестьянских требований заключался, конечно, в том, чтобы забрать урожай целиком. Но это было бы бунтом, восстанием. В июне месяце крестьянство еще было не уверено в крепости революции. „Не придет ли назад Николай“ — думали еще многие. А эсеры сбоку уговаривали: не тронь помещичьей земли. Жди до учредительного собрания. Поэтому действовали пока под легальным флагом законности.

К моменту жатвы, как всегда, помещикам нужно было большое количество наемного труда. Пришлых рабочих было сравнительно мало. Помещики в большей степени, чем в прежние годы, зависели от окружавшего ближайшего крестьянства.

Борьба сначала началась из-за норм оплаты и степени ее натуральности. Сельскохозяйственные рабочие помещичьих экономий, в лесостепи в большинстве рекрутируемые из ближайших деревень, поняли „свободу и равноправие“ не как отвлеченный лозунг, а начали требовать улучшения своего материального положения. Вслед за городскими рабочими они выдвинули требование 8-мичасового рабочего дня. Признавая, что, благодаря специфическим условиям работы в сельском хозяйстве, в отдельные периоды нужно работать больше, чем 8 часов, они однако требовали за остальные часы платить как за сверхурочные.

Так, например, 14 мая 1917 года Богодуховский уездный комиссар сообщает, что „в Богодуховском уезде началось движение сельскохозяйственных рабочих, направленное к установлению 8-мичасового рабочего дня и к увеличению заработной платы.“

В конце апреля, а также 7 и 12 мая по этому вопросу в гор. Богодухове состоялись съезды сельскохозяйственных рабочих и представителей землевладельцев... Рабочие соглашались работать и больше 8-ми часов, но требуют введения 8-ми часового дня, как нормы расценки, при чем также настойчиво требуют принятия землевладельцами выработанной рабочими таксы вознаграждения...

Представители работодателей не соглашались на установление 8 мичасового рабочего дня, находят выработанные рабочими нормы расценки непомерно высокими и доказывают, что при этих расценках себестоимость пуда зерна сильно повысится.

В результате этих споров 13-го мая забастовали рабочие в трех экономиях Кенига—Клиновской, Гутянской и Токовской...¹⁾

Забастовка была на время прекращена после обещания рабочим, что спор будет разрешен в Харькове. Специальная комиссия, выделенная Харьковским советом рабочих солдатских и крестьянских депутатов и губернского общественного комитета приняла следующее решение: „Комиссия находит нужным установить, что в летний период рабочий день в сельском хозяйстве не должен продолжаться больше 10-ти часов при двух часовом перерыве на обеденное время и двух получасовых перерывах на завтраки и полдни. В счет рабочего дня не должно идти время на наряд и на сдачу инвентаря.

Годовой прожиточный минимум сельского рабочего, руководясь исчислениями, предложенными представителями рабочих, определяется примерно в 580 рублей. Считаясь с тем печальным обстоятельством, что значительная часть сельского пролетариата и полупролетариата отдает производительному труду не все время года, Комиссия предполагает, что указанная цифра заработка должна быть выработана в течение 9-ти месяцев...²⁾

¹⁾ Дело Харьковского губернского земельного комитета по описи 1917 г. № 4, часть I, лист 2/1—272.

²⁾ Комиссия установила следующие ставки заработной платы для сельскохозяйственных рабочих в Богодуховском уезде на 1917 год.

Поденным мужчинам — до жатвы 3 р. 15 к., на жатве и молотье — 3 р. 60 к., после этого — 2 р. 55 к.

Строковым мужчинам — в те же периоды в месяц — 65 р., 75 р. и 50 р.

Поденным женщинам — до жатвы 2 р. 25 к., на жатве и молотье — 3 р. 10 к., в это время, но на другой работе — 2 р. 70 к., после этого времени — 1 р. 85 к.

Строковым женщинам — на те же периоды в месяц — 47 р., 65 р., 55 р. и 37 р.

Поденным полурбочим — до жатвы — 2 р. 25 к., на жатве и молотье — 2 р. 70 к., после этого времени — 1 р. 80 к.

Поденным подросткам — до жатвы — 1 р. 80 к., на жатве и молотье — 1 р. 95 к., осенью — 1 р. 30 к.

Примечание: молотья разумеется не позднее 15-го сентября.

Рабочие со скотом получают: рабочий с лошадыю и повозкой — 6 р., рабочий с 2-мя лошадыми и повозками — 10 р., рабочий с парой лошадей или парой волов и 1 повозкой — 8 р.“

Дело Харьковской губ. зем. управы по описи 1917 г. № 21, лист 11-й.

Установленные комиссией цены однако не удовлетворили крестьян. В Харьковской, Полтавской и др. губерниях требования были значительно больше.

„Среди населения сел, находящихся в пределах Парафиевского имения в Борзенском уезде, Черниговской губернии и Прилукском уезде Полтавской губернии — пишет управляющий имениями Полтавскому губернскому комиссару Временного правительства — очень настоятельно проводится требование, чтобы уборку экономических посевов производить не за плату, как это было раньше, а за сноп и, между прочим, уже определяется третий сноп в пользу уборщика. Между тем, если такой способ иногда и практиковался среди мелких землевладельцев, то все же при уборке значительно худшего хлеба, и то из 8-го или 9-го снопа... Желание работниц захватить возможно больше хлеба простирается до того, что они предполагают требовать, чтобы имеющиеся в хозяйстве машины для уборки урожая в количестве 87 штук жней и сноповязок совершенно не работали“¹⁾.

Опасения, которые здесь высказывает управляющий, не являются единичными. Таких заявлений в делах земельных комитетов мы имеем многие десятки из разных мест Черниговской, Полтавской, Харьковской, Подольской и Киевской губерний. Волостные комитеты и уездные выносят постановления о том, что оплата труда должна быть натуральной, что крестьяне не примирятся с теми ценами, которые они получали за уборку помещичьих хлебов до революции и не ограничатся деньгами. Крестьяне ставили вопрос о том, чтобы забрать, не в виде заработной платы, а по праву (земля, мол, наша), большую часть урожая в свою пользу.

Полтавский губернский земельный комитет 27-го июня под давлением низовых земельных комитетов вынес следующее постановление: 1) „В случае, когда местное население через волостной земельный комитет пред'явит землевладельцу требование убирать хлеб за сноп, предоставить право волостным земельным комитетам требовать от землевладельцев отвода для этого не больше четверти посевной площади.

2) Допускать к уборке за сноп только тех, у кого есть засеянной земли не больше 1¹/₂ десятин.

3) Требование уборки за сноп не может быть пред'явлено к хозяйству, которое имеет полезной земли меньше 25 десятин.

4) Уборка за сноп должна быть оставлена так, чтобы сельскохозяйственные машины и иные приспособления были использованы в полной мере“²⁾.

Это постановление губернского земельного комитета принято в результате больших споров, как компромисс.

1) Дело Полтавского губернского земельного комитета №, 6 лист 21.

2) Там же дело № 143, лист 1 — 2.

Далее Полтавский губернский комитет, „с целью урегулирования заработной платы в сельском хозяйстве“, выработал нормально цены на рабочие руки с 1-го июня по 1-сентября, представив уездным комитетам право повышать и понижать эти цены в зависимости от состояния урожая, условий снабжения рабочей силы на 50%. Для согласования интересов труда с государственными интересами в сельском хозяйстве в настоящий тяжелый момент, определив за нормальный 8-ми-часовой рабочий день, признать в то же время обязательной, в случае требования нанимающего, сверхурочную поденную работу в числе не больше трех часов, которые и должны быть оплачены в полтора раза больше нормальных часов, при чем перерывы для отдыха и обеда в счет рабочего времени не должны входить.

Этими ценами были следующие: при 11 часовом рабочем дне мужчине — от 5 до 8 р., женщине — от 4 р. 15 к. до 6 р., подростку — от 2 р. 75 к. до 4 р. За 8-ми-часовой рабочий день мужчине — от 3 р. 50 к. до 5 р. 10 к., женщине — от 2 р. 65 к. до 3 р. 85 к., подростку — от 1 р. 75 к. до 2 р. 50 к.¹⁾

В Подольской губернии противоречия были еще более сильны. Здесь вопрос о регулировании оплаты за уборку урожая приобрел огромное значение. Ряд исполнительных комитетов, значительно раньше чем в других губерниях, начал вводить нормированные цены.

Проскуровский уездный исполнительный комитет 12-го июня при участии представителей от волостных комитетов и представителей от уездной продовольственной управы выработал следующие обязательные цены на рабочие руки:

- 1) За 8-ми-часовой рабочий день взрослого рабочего

обоего пола	3 р. 50 к.
За 8-ми-часовой рабочий день полурабочему	2 р. — к.
„ каждый сверхурочный час взрослому рабочему	— р. 65 к.
„ „ „ полурабочему	— р. 38 к.
- 2) Косарю на сенокосе за 8 часов . . . . . 4 р. 50 к.

„ за сверхурочный час	— р. 85 к.
---------------------------------	------------

Уборка хлеба натурой: косить траву за половину, косить клевер за $\frac{1}{3}$, жать хлеб за 4-й сноп, за деньги по 2 р. рубля с копны, вязать за 6-й сноп, за деньги по 1 р. 35 коп. с копны, складывать по 2 коп. с копны 3 сноповязалки.

Возка по соглашению, сноп должен быть не меньше аршина об'ему. Безземельные и малоземельные убирают за копну или сноп. Земельные убирают за деньги. Малоземельными считаются имеющие до восьми моргов земли²⁾.

Помещики, конечно, взывали от таких цен, но ничего сделать не могли.

¹⁾ Дело Полтавского - земельн. губ комитета № 143, лист 3 - й.

²⁾ Дело канцелярии Подольского губ комиссара, ст. 96, часть II.

Сила впервые была не на их стороне. В случае несогласия помещиков, крестьяне, недолго думая, начинали убирать хлеб явочным порядком, не обращая внимания на хозяев, забирая себе большую часть урожая.

23 июня 1917 года Экономический совет Проскуровского отдела сельского хозяйства и сельскохоз. промышленности, жалуюсь Подольскому губернскому комиссару на вышеприведенное постановление Проскуровского исполнительного комитета, заявляет: „Экономический совет считает нужным указать, что как указанное объявление об обязательных ценах, так и наблюдающиеся до сего времени случаи вмешательства уездного исполнительного комитета в отношения между рабочими и нанимателями носят определенно демагогический характер и имеют своей целью фактическое восстановление такого положения, при котором частное землевладение должно прекратиться...“¹⁾ (курсив наш — М. Р.).

„На-днях должна начаться уборка урожая — пишет 1-го июля 1917 года управляющий имениями генерал-адъютанта адмирала Николая Матвеевича Чихачева. — Есть основание ожидать больших трений, а может быть, и эксцессов со стороны сельских рабочих Могилевского и Ушицкого уездов. Среди населения уже пред'являются требования не давать рабочим при уборке машинами, а исключительно работу производить ручным способом, по крайне высоким ценам и притом в большей части требовать уплаты третьей части урожая, при чем выражают желание взять на себя распоряжение ходом работ в имениях...“²⁾.

Опасения помещиков, особенно Подольской губернии, были совсем небезосновательны. Крестьяне боролись не только за повышение заработной платы, не только за получение лишних нескольких пудов хлеба. Эти обстоятельства непосредственно играли решающую роль. Но крестьяне ставили в этой борьбе за урожай несоизмеримо большие задачи. Происходил бойкот крупного землевладения путем прямого недопущения наемного труда.

„Пусть паны сами поработают“; „посмотрим, обойдутся ли без нас“ — заявляли крестьяне. Началось выживание, выкуривание помещиков без „красного петуха“ 1905 года. путем пред'явления повышенных требований, ставящих помещиков в безвыходное положение.

Проскуровский совет помещиков был совершенно прав, что крестьяне, пред'являя высокие требования, имеют своей целью фактическое восстановление такого положения, при

¹⁾ Дело канцелярии Подольского губер. комиссара Врем. пр - ва № 96, часть II.

²⁾ Там же.

котором частное землевладение должно прекратиться". Крестьяне этого и не скрывали. Крестьянский съезд Зиньковского уезда накануне самой жатвы прямо заявляет в своей резолюции: „В том случае, если помещики, землевладельцы и арендаторы не согласятся пойти навстречу выработанным постановлением совета (косарю — 8р., с 3-го снопа и т. д.), то советы снимают рабочих, а волостные советы и комитеты следят за тем, чтобы хлеб не высыпался. Если дело будет затягиваться, то хлеб в интересах государства убирается советами, т. е. самим организованным крестьянством, и оценка делается земельными комитетами“¹⁾.

В борьбе с помещиками крестьянство находилось с производственной точки зрения в более выгодных условиях, чем рабочие в борьбе с фабрикантами. Крестьянам легче было овладеть имениями. В земледелии разделение труда, проблема сырья, топлива и т. д. были неизмеримо более легкими и простыми. Но здесь была принципиальная разница между захватом крестьянами имений и рабочими фабрик. Крестьяне брали имения не для их сохранения, а для раздела. Пока же крестьянские депутаты не хуже помещиков использовали аргументы Временного правительства об „общегосударственных интересах“, „интересах фронта“ и „защиты родины“. Хлеб необходим для армии, а помещики не соглашались на крестьянские условия. Крестьяне тогда заявляют: мы сами без них скосим, обмолотим, сделаем это лучше, чем сами помещики, а хлеб сдадим в армию. Сдадут ли крестьяне или нет — это, конечно, большой вопрос, но пока в июле месяце аргументация была такова. Помещики, наоборот, нажимали на то, что натуральная оплата расплывает хлеб. Государство его, мол, не получит.

„Не говоря о том, что уборка за третью часть — пишет управляющий генерала Чихачева — при урожае в сто пудов на десятину, не считая расходов по свозке, молотье и других расходов; но помимо того, если население возьмет третью часть урожая, то эта часть уже не попадет ни в армию, ни другому населению, как это имело место до сих пор“.

Крестьянство, для того, чтобы ослабить позицию помещиков, повсеместно постановляло отобрать у последних военнопленных. Военнопленных забирали и передавали „солдаткам“.

То, что крестьянские требования по отношению к урожаю помещичьих земель были не бумажными, можно видеть из ряда документов:

„Просим принять меры против произвола рабочих и местных сельских комитетов — истерически телеграфируют министру-председателю помещики Прилукского уезда — которые

¹⁾ Дело Полтавск. губ. земельного комитета № 4, лист 6.

снимают в экономиях рабочих, грозят не позволить убрать урожай, запрещают рубку леса, косить сено, продавать скот, чем ставят хозяйства в совершенно безвыходное положение⁽¹⁾.

„Селяне Ново-Песочной, Каменского уезда, против всех увещаний о невозможности сдать уборку с 3-го снопа... самовольно приступили к уборке хлеба за 3-й сноп, ссылаясь на постановление крестьянского с'езда“⁽²⁾.

„Селяне Малой Коропниевки, Каменецкого уезда, забрали самовольно 4-ю копну клевера без сложки остальных, предварительно согласившись убирать клевер с 7-й копны, со сложкой остального клевера“⁽³⁾.

„Крестьяне решили — телеграфируют губернскому комиссару и Центральной раде помещики Могилевского уезда — на основании постановления 2-го с'езда Могилевской сельской спилки, насильно убрать хлеб в экономиях Кошевинской волости за 3—4-й сноп... частные владельцы, находя требования крестьян разорительно убыточными, предложили 7-й сноп ржи, 8-й пшеницы, а за жатую копну 1 р. 50 к. Соглашение не состоялось. Крестьяне категорически заявили, что уберут насильно хлеб за указанный выше сноп“⁽⁴⁾.

„Истекшей неделей общее явление воспрещения помещикам уборки хлеба машинами — телеграфирует уездный комиссар из Винницы — и требование чрезмерной платы за ручной труд“⁽⁵⁾.

Суммируя крестьянское движение в Подольской губернии, начальник военной милиции Кавказской туземной конной дивизии (той самой, которую Корнилов использовал для наступления на Петроград) пишет комиссару при главнокомандующем Юго-западным фронтом: „Крестьяне под давлением волостных и сельских комитетов требуют от помещиков за уборку хлеба выдачи вместо денег хлеба в тройном размере и даже под угрозой расправы самовольно забирают с полей посев и хлеб, предназначенный для армии. К обязательному постановлению от 8-го июля главнокомандующего Юго-западным фронтом, благодаря массе агитаторов, в тылу, относятся с недоверием.

Был случай в местечке Джуриин, Ямпольского уезда, где крестьяне трех сел во главе с комитетом окружили дом директора сахарного завода Залкина и управляющего Глудзинского и хотели расправиться своим судом за то, что они, согласно обязательному постановлению, отказались выдать хлеб. Только подоспевшим казакам... удалось вырвать несчастных из рук рез'яреной толпы. Таких случаев ни один в Могилевском и Ямпольском уездах...

¹⁾ Дело Полтавск. губ. земельн. управы № 138, л. 7, № 96, ч. 13-я.

²⁾ Дело канц. Подольского губ. комиссара № 36, част 6-я, лист 117

³⁾ Там же, лист 118.

⁴⁾ Дело канцелярии Подольского губ. комиссара № 6, ч. 9, л. 78.

⁵⁾ Там же, по описи 1917 г., № 40.

Неотложной задачей является вырвать с корнем из тыла всех агитаторов... принимая самые строгие меры, не исключая даже оружия¹⁾.

Что оставалось делать помещикам, владельцам сахарных заводов, плантаций и т. д.? Экономических средств сопротивления у них не было, рабочих рук не хватало. „Костлявой рукой голода“ крестьян на помещичьи поля не загонишь. Дело упиралось в политику. Нужно было с корнем вырвать из тыла всех агитаторов, всех этих депутатов, комитетчиков и т. д. Но для этого нужна была вооруженная сила. Попытка была сделана. На сцену выступила корниловщина.

(Продолжение следует)

¹⁾ Дело канцелярии Подольского губ. комиссара № 96, ч. 9.

ГЕОРГ ЛАПЧИНСЬКИЙ

З ПЕРШИХ ДНІВ ВСЕУКРАЇНСЬКОЇ РАДЯНСЬКОЇ ВЛАДИ

(Спогади)

Тепер, через 10 років після Жовтневої революції, важко собі уявити, до якої міри далекою та чужою ідея всеукраїнської єдності була для переважної більшості тих послідовно-пролетарських революціонерів, на котрих саме історична доля поклала утворити українську робітничо-селянську державу, об'єднати всіх трудящих нашої країни навколо свого, революційно-соціалістичного уряду.

Тепер, коли ми маємо централізовану партійну організацію, коли нашою республікою дійсно керує наш власний радянський уряд, коли буйно зростає економіка України, як окремої господарчої одиниці, і таким же темпом розвивається наша своєрідна національна культура, коли радянська Україна стала справжнім організаційним центром для всієї української нації, для всіх трудящих українців, хоча б вони й жили за межами Радянського Союзу.— тепер не може бути такого свідомого революціонера, щоб він не відчував органічно, як безповоротно перекреслено мапу географічну дореволюційної Європи, зокрема Європи східньої, як цілковито розвіялася мара, що нависною хмарою сліпила очі народам Романовської імперії. Всякі ухили від такої психології, всякі пережитки „єдино-неділімовських настроїв“ тепер ми справедливо пояснюємо дрібнобуржуазним, обивательським впливом провінційальної мійської російської та зросійщеної інтелігенції, з її звирячим націоналізмом на тих, хто не зумів остаточно від неї відмежуватися,— звязаний з нею або походженням, або через свій недостатній культурний рівень підпавши її ідейній гегемонії.

Але ми добре знаємо, що потрібні були десять років революційної боротьби та будівництва, щоб через помилки, через поразки та перемоги викристалізувати революційному авангарду пролетарському остаточно свої погляди на справедливу політику національну, так чітко зформульовані особливо в партійних ухвалах останніх двох років.

Року 1917-го, напередодні „українського жовтня“, напередодні і всеукраїнського з'їзду рад більшість із нас,

тодішніх активних співучасників революційної боротьби за пролетарську справу на Україні, дуже далекі були від справедливого розуміння, як будувати радянську Україну, а дуже багато їй зовсім не мали що до цього закінчених поглядів.

Що з себе уявляли ті окремі групи товаришів, ті нечисленні ще загони передових робітників-більшовиків, розкидані по головних містах українських, що з них протягом такого короткого, але багатого на події часу, створилася єдина, міцно зв'язана партійна організація, що нині здійснює пролетарську диктатуру на Україні, одній за найважливіших частин Радянського Союзу?

Від перших днів Жовтневої революції вони почали гуртуватися навколо тих поодиноких революційних соціал-демократів, що вийшли з царського підпілля там, де вони, часто цілком випадково, опинилися в момент перевороту. Бо лише в деяких найбільш промислових та пролетарських центрах існували підпільні соціал-демократичні робітничі організації, — в решті були лише окремі особи, підчас реакції 1914 — 1917 р.р. одірвані зовсім од партії та активної революційної роботи, а в багатьох повітових містах та містечках не було мабуть і жодного с.-д. Перші місяці революційні не сприяли тому, щоб на Україні викристалізувалася більшовицька організація. Це була доба загального захоплення ідеєю „всенародної єдності“, „єдиного революційного фронту“, гарячкового будівництва широких масових, „всенародних“ по суті, організацій. Згадаємо лише, якою зовсім не яскравою була позиція більшовицька навіть у Петербурзі, принаймні, до того часу, коли Ленін прийшов з-за кордону. Огже нема нічого дивного в тому, що в більшості міст українських більшовицька частина соціал-демократів аж до липня, а то й до вересня навіть не відокремилася від загально соціал-демократичної організації, працюючи спільно з меншовиками-інтернаціоналістами, а той і з оборонцями.

Організаційного зв'язку у більшовиків українських із Центральним Комітетом партії, що був тоді в Петербурзі, не існувало. Замість безпосередніх партійних директив, вони найбільш керувалися петербурзькою партійною пресою (що далеко несправно приходила на Україну), а головне — брали приклад з петербурзьких товаришів, про виступи котрих, особливо в петербурзькій раді, на радянських з'їздах та Ц. В. К., відомості діставалося з газет. І якщо надто грубих помилок не було, якщо в цілому місцеві українські більшовики скрізь таки зберігали своє революційне лице, то це найбільш пояснювалося лише тим, що наша тактика партійна надзвичайно точно й правильно відповідала настроям найбільш революційних шарів робітництва та салдатів, крок за кроком і послідовно йшла поруч з розвитком революції. Отже загально революційно-марксистська підготовка, революційний темперамент та ентузіазм,

що відзначили більшовицьку частину тодішніх соціал - демократів, забезпечували загалом і в цілому правильну лінію їхньої поведінки в тих різноманітних місцевих умовах, де їм доводилося працювати.

Але коли не було реального зв'язку в українських більшовиків із загально - партійним центром, то ще менше зв'язані вони були між собою в українськiм масштабі, — ба навіть і не розуміли довгий час, що такий зв'язок є потрібний. Більшовики були російські соціал - демократи, вийшли з російської соціал - демократичної робітничої партії. Метою цієї партії, зокрема найреволюційнішої її частини, більшовицької, було знищити царат силами свідомого робітництва в межах цілої імперії, забезпечити пролетаріатові найсприятливіші умови для боротьби за соціалізм. А в міру того, як революція зростала та поглиблювалася, трудящим де - далі, очевидніш ставало, що неминуче доведеться розбити цілу машину капіталістичного ладу та витримати жорстоку боротьбу з контр - революційними ворожими класами. Отже, в той момент, коли йшлося в першу чергу про те, щоб розвалити старе та побороти всякий опір з його боку, проблеми будівничі відходили на задній план. І це також не сприяло тому, щоб уявити собі чітко, якою мусить бути нова держава на руїні колишньої імперії. Здавалося нам тоді, що національне питання лише ускладняє завдання, лише відсуває увагу трудящих од основного — від революційно - руйнацької роботи та від боротьби з контр - революцією. І ми, більшовики старої генерації, що вийшли в лютому з підпілля, маючи за собою досвід ще революції 1905 року, а дехто й ще довший, суб'єктивно надзвичайно мало підготовлені були на те, щоб охопити ідею всеукраїнської єдності, щоб зрозуміти, що в наслідок великої революції Україна відродиться, як велика самостійна країна — країна пролетарська — поруч з іншими частинами старої „Росії“.

Наша попередня партійна практика учила нас... що є „три області“ на „півдні Росії“ — Київська (південно - західня), Одеська (південне правобережжя, Бесарабія та Крим) та Харківська (Харківщина, Донбас, Донщина). Деяку увагу про те, що Україна є щось суцільне, могли мати лише ті, хто колись працював був у „Спілці“, УСД або РУП'ї, але таких було серед нас дуже мало. І хоча дрібнобуржуазний національний рух уже від перших днів після революції давався нам у знаки, хоча існування Центральної ради цьому рухові надавало цілком конкретне оформлення, більшість із нас ставилися до національної справи як до такої, що нас, революційних робітників, вона не обходить, що це, мовляв, торкається лише дрібнобуржуазної демократії, „українців“ в лапках, а перед нами стоять зовсім інші, класові пролетарські завдання „всеросійського“ масштабу.

Не малу роль відіграв тут і вплив меншовицької дрібно-буржуазної політики, бо з меншовиками ми далеко не скрізь остаточно порвали організаційні зв'язки, а там, де це й сталося, саме там більшовицькі організації не позбавилися напівменшовицьких „новожизненских“ настроїв (як у Харкові, Катеринославі в частині Київського комітету, — тієї, що Є. Б. Бош визначила як праву). А меншовики, як представники дрібного міського міщанства, ремесництва та кваліфікованої верхушки робітничої, цеб-то значно русифікованих шарів міської людності, завжди були гострими русифікаторами та прибічниками „єдиної неподільної“.

Таким чином, часто-густо в своєму ставленні до національної проблеми на Україні ми обмежувалися лише тим, що декларували партійне гасло: „самовизначення аж до відокремлення“, демонстрували свою лояльність до Центральної ради (мовляв, визнаємо її так само, як визнаємо Тимчасовий уряд в Петербурзі) і не робили майже жодних кроків, щоб вплинути на національний рух, що таки чим-раз більше охоплював селянські, салдатські, а де-не-де й робітничі маси, дбаючи лише про те, щоб ці маси підтримували наші основні вимоги щодо соціальних пунктів нашого програму (робітничих та аграрних) та поділяли наше ставлення до війни. До цілого комплексу питань щодо державного будівництва України ми ставилися зовсім байдуже, і якби запитати того часу кожного з нас, яку форму ми вважаємо за найкращу, чи автономну Україну в межах російської республіки, чи як федеративну її частину, чи самостійну зовсім, чи нам здається за найдоцільніше, щоб російська держава зосталася унітарною, як було попереду, я певний, що більшість її відповіли, що для свідомого, мовляв, пролетаря це не має значіння, що це справа установчих зборів — українських та російських, але що найбажанішим був би такий устрій, який би забезпечив найшільніший зв'язок між робітниками всіх частин „Росії“ для спільної боротьби проти буржуазії й вважали б за таку єдину, унітарну республіку, „але з широким місцевим самоврядуванням“; навіть межі „української республіки“ чітко не зуміли б зазначити, чи мусить, наприклад, в її склад входити Одещина, Катеринославщина, Харківщина, Таврія, чи то її мусить бути обмежено „південно-західною, Київською областю“.

З таким розумінням наших спеціальних завдань на Україні, з такими настроями не дивно, що ми довгий час зовсім і не дбали про партійне об'єднання всеукраїнського масштабу, бо навіть і не відчували в ньому потреби.

Але такий стан міг тривати лише до того моменту, коли в нас, на Україні, як і в інших частинах „Російської держави“, не постало гостро питання про владу, що мала з'явитися після того, як коаліційний буржуазно-соціалістичний уряд, остаточно скомпрометований в очах революційних мас, буде

повалено, про владу радянську. Як скоро пролетаріят і селянство в радах робітничих та салдатських депутатів почали підходити до розуміння, що час уже покласти край гегемонії буржуазії в революційній країні, а більшовицька партія найшла справедливую формулу, щоб розв'язати це завдання в гаслі „всю владу — радам“, — і більшовикам українським довелося дати їй собі й масам трудящим недвозначну відповідь, як ставляться вони до проблеми державної влади на Україні, як уявляють вони собі будівництво нової України замість окремих „губерень“ колишньої „Росії“ та як мають поводитися відносно Центральної ради в Києві, що в особі свого генерального секретаріату стала претендувати на ролю єдиної законної державної влади в нашій країні. Цю відповідь ми дали, скликавши в Києві — Харкові в перших числах грудня 1917 року перший всеукраїнський з'їзд рад та об'їзавши на ньому радянський уряд український в особі Центрального Виконавчого Комітету та народного Секретаріату. Майже одночасно з цим (на кілька днів раніш) було покладено основу й для об'єднання всіх більшовиків українських в єдину організацію — соціал-демократію (більшовиків) України на чолі з Головним Комітетом. Це зробила конференція, що скликав її також у Києві Київський Областний Комітет — де брали участь представники партійних організацій з різних частин нашої республіки.

Ясно, що таке об'єднання тепер уже стало конче потрібним, коли перед нами постало завдання керувати всеукраїнською робітничо-селянською владою, допомагати їй та організувати маси навколо неї. Цієї надзвичайної ваги для нашої історії події провели глибоку межу в психіці принаймні того партійного активу, з котрого згодом склалося основне ядро нашої української організації, а також відповідним чином вплинули й на думку та уяву наших керовників загальнопартійних.

Від цього часу для провідників партійної політики так на Україні, як і в центрі вже не зосталося сумнівів, що Україна існуватиме, як радянська держава, в її історичних — національних і економічних межах і що партійну роботу в цих межах треба об'єднати навколо одного центру. І це відразу привернуло до нас і найкращі елементи з українських есдеків та есерів, що з розвитком революції дійшли до наших поглядів соціяльних та політичних. Правда, що провідна група, яка виділилася на цих двох з'їздах, була спочатку й малочисленна, і не досить впливова; що їй довелося зустрічати опір серед товаришів однопартійців (наприклад, у Харкові та Катеринославі), инколи дуже жорстокий; що було зроблено ще кілька спроб противитися об'єднанню всеукраїнському (утворення „республік“ Донецько-Криворізької та Одеської); що лише в процесі довгої боротьби й проти Центральної ради й проти гетьманщини та директорії остаточно закріплено було ідею

УСРР та КП(б)У; що ще досить довгий час і після того, як проголошено було Україну радянською республікою, серед декотрих більшовиків популярною була „теорія“ ніби-то окрема українська державність є „фікція“ і має за мету лише паралізувати націоналістичні петлюрівські настрої дрібної буржуазії,— панував „псевдо-інтернаціоналізм“, що насправді був маїшкарою для великодержавного російського шовінізму,— але ніхто вже не одного разу не зважився зробити аби-яку офіційну спробу повернути на старе, одверто противитися тому, щоб Україна, як окрема суцільна одиниця, взагалі існувала.

Зате від того ж часу в середині нашої партії визначили себе чимало товаришів— і число їх почало хутко зростати— що всю свою політичну роботу й особисту долю звязали із справою будівництва соціалістичної радянської України.

Авторові цих спогадів перші дев'ять місяців революційних— від лютого до грудня— довелося працювати в Кременчуці. Розвиток подій та еволюція політичних настроїв у робітництві цього міста, а зокрема серед революційного крила соціал-демократії, в основному, йшли тим же шляхом, що й в решті міст українських і цілого Союзу, відрізняючися, звичайно, деякими місцевими особливостями. Досить значний для України робітничий центр, із чималою військовою залогою (у виборах до ради брали участь 25.000 робітників та 15.000 солдатів), Кременчук од першого дня, коли було обрано раду р. та с. депутатів, мав у неї абсолютну гегемонію соціал-демократичної фракції— не так, як по багатьох інших містах, де спочатку вели перед есери, а то й ще правіші елементи. Почасти це пояснюється й тим, що зо всіх партій лише російські есдеки (та Бунд) мали тут ще в царському підпіллі свою нелегальну організацію, що підготувала чималий актив (кількадесят фабрично-заводських робітників), котрий на другий день після перевороту міг цілком відповідально взяти на себе керівництво масами робітничими, і політично був краще вихований, ніж ті дрібнобуржуазні інтелігентські діячі, що після революції сунули в різні „соціалістичні“ партії.

Отже, і президія р. р. та с. д., і Виконком в більшості своїй склалися з есдеків; а оскільки організація РСДРП в значній своїй більшості була інтернаціоналістична, антиоборончеська, то й по всіх масових організаціях революційної демократії в Кременчуці ніколи значним успіхом не користувалися ані прихильники війни „до побідного кінця“, ані абсолютні прибічники Тимчасового уряду. Фактично, починаючи з квітня, влада в місті була в руках робітників та солдатів: всі міліцейські районні комісари були призначені від Виконкому р. р. та с. д., з числа її членів і були більшовики; стару міську думу було розпущено й складено нову, тимчасову, при

чому представники р. р. та с. д. мали в ній абсолютну більшість; начальника залоги було обрано салдатською секцією ради, і він так само во всьому корився її директивам. Повітовий комісар тимчасового уряду, а пізніш — Центральної ради абсолютно жодного впливу на міські справи не мав, виконуючи певні формальні обов'язки лише на повіті. Бувши незмінно головою р. р. та с. д., я, наприклад, його майже не знав персонально, бачив, мабуть, один раз чи двічі.

Таким чином, повсякденна практика нашої роботи, здавалося б, мусила остаточно призвичаїти нас до думки, що не може бути — принаймні, на цій революційній стадії — іншої революційної влади, аніж влада радянська. Але насправді було далеко не так. Всі ми були ще надзвичайно далекі від розуміння, що революція безпосередньо приведе до диктатури пролетаріату. Ми надто довго, як соціал-демократи, готовилися до того моменту, коли всенародня революція повалить царат, після чого неминуче має, мовляв, народитися буржуазна республіка, з установчими зборами, парламентом, демократичним місцевим самоуправлінням, свободами то - що. Тому й тепер дивилися ми на ради, як на тимчасові революційні органи „пролетарського контролю“, що згодом повинні зникнути, коли, з одного боку, почнуть функціонувати „нормальні“ „демократичні“ установи (муниципалітети, земства), а з другого боку, зміцнено буде класові робітничі організації — профспілки, кооперативи, партії. А до лєнінської ідеї, що революція може привести до утворення не буржуазної демократичної республіки, а трудової, пролетарської, ми зовсім не були готові аж до самого жовтневого перевороту, бо й на самий переворот, на захоплення радами державної влади дивилися, як на засіб забезпечити „послідовно-демократичний“ лад — цілковито ліквідувати пережитки фєодальні, припинити війну, конфіскувати поміщицьку землю та здобути робітництву „нормальні умови“ для боротьби за соціалізм.

Проте, вже з середини літа нам де-далі ясніш стало, що Тимчасовий уряд схиляється в бік буржуазії, що лише в радах трудящі маси зможуть здійснити свої класові завдання, що перед ними поставила переможна революція. Еволюція настроїв серед робітників, а особливо салдатів, починаючи з другої половини літку, відбувалася надзвичайно прискореним темпом; дрібнобуржуазні соціалісти — меншовики та есери хутко губили всякий вплив. Це підносило нашу акцію, революційних соціал-демократів, більшовиків, поглиблювало наші розходження з соціал-патріотами.

Цікаво нині згадати, до якої міри ми були одірвані організаційно від інших центрів України та Імперії. Ані з Петербургу, ані з Харкова, ані з Києва ніхто до нас не приїздив, ніяких безпосередніх директив ми звідти не діставали. Захоплені повсякчасною гарячковою працею, організацією робітників та салдатів та їхнім політичним вихованням, ми фактично

були абсолютно самостійною одиницею, островом серед бурхливого моря революційної країни. Навіть на те, що творилося поруч з нами в Полтаві, нашому губерніяльному центрі, ми дивилися як на щось далеке, з нами незв'язане, хоча й брали участь у кількох губерніяльних нарадах — партійних конференціях та губерніяльному комітеті рад р. с., та с. депутатів (почаста це пояснювалося тим, що питомо вага Кременчука, як найбільш промислового та робітничого центру в губернії, була важливіша проти офіційного центру — Полтави). Наш формальний зв'язок із цілою „Росією“ полягав у тому, що ми посилали були своїх делегатів на квітневу нараду, на перший з'їзд рад та на „демократичну нараду“ в Петербурзі.

Це не значило, звичайно, що і свідома політично частина людної міської на чолі з керівниками місцевих політичних організацій, і широкі маси робітничі та салдатські не підходили до всіх подій бурхливої революційної доби з загальнодержавним мірилом. Навпаки, активна зацікавленість мас у долі цілої держави ніколи не була такою великою, як тоді, після того як упали кайдани, що ними царат оплутав ціле суспільство. Політичними інтересами жили тоді всі, „від мала до велика“. І рада р. та с. депутатів, і всі чисто масові організації до кожного питання підходили з загальнодержавної точки погляду, але розв'язувати їх доводилося своїм розумом на місці, бо, так би мовити, самостійно офіційних авторитетів, загально визнаних органів ще не склалося.

Зокрема ми, представники революційно - пролетарської ідеології, здебільшого вчилися на прикладах головного тоді керівника революції — петербурзького пролетаріату — та його виразника — петербурзької ради. Я пам'ятаю, як кожний політичний виступ петербурзького робітництва, як тільки ми діставали про нього відомості, негайно знаходив відгук у нас, бо завжди відзначав новий ступінь у розвитку революції, формулював новий поступ у масовій політичній свідомості трудящих. Ухвали петербурзької ради здебільшого майже без змін становили основу тих резолюцій, що ми проводили в своїй, кременчуцькій раді. Так, декларацію (наказ) петербурзької ради, після того, як більшовики в ній перемогли й Троцького було обрано на голову, як скоро її текст учинився нам відомим, ми поставили на обговорення і ради, і багатьох масових зборів та мітингів, і вона стала офіційною платформою „кременчуцького пролетаріату та залоги“.

Цілковитий переворот у нашій психіці відбувся лише від того моменту, коли до нас дійшли відомості про переможне повстання в Петербурзі, про те, що там нема вже нікчемного уряду Керенського, і влада перейшла до рук народніх комісарів, наших товаришів. Ми відразу й цілком конкретно відчули всю відповідальність за долю держави й народу в цілому, що покладала на нас історія. До того ми лише „брали участь“

у революції, „контролювали“ роботу всіх державних установ, „оберігали“ „революційні здобутки“. По суті машина державна йшла за старою інерцією, бо формально всі старі інституції і старі закони царського часу зоставалися правосильними, змінився лише — відповідно до революційного настрою мас — напрям їхньої роботи та персональний склад урядовців частково поновився після того, як найбільш одіюючих осіб було усунуто.

Але „революційна демократія“ — робітники, салдати та селяни не почували себе поки що фактичним господарем, творцем та розпорядчиком у державнім будівництві, а лише тою силою, що має згодом забрати все в свої руки та скерувати державне життя в напрямі своїх класових інтересів. І з другого боку, і всі ті численні шари суспільні, що з давніх давен обслуговували бюрократичну машину державну, що й тепер, після революції, zostалися на своїх місцях, лише зовні перефарбувавши себе в нові, революційні та демократичні кольори, не відчували ще безпосередньої небезпеки від того, що народні маси виступили на політичну арену, — вони ставилися спочатку навіть толерантно до втручання представників робітників та салдатів до їхньої роботи, хоча вже що далі, то більш це втручання починало їх непокоїти та нервувати.

Після жовтневого перевороту все змінилося. Для нас уже йшлося про те, щоб усі галузі державного управління забрати до своїх рук, для них — за всяку ціну не допустити нас до цього. Тут різко довелось змінити тактику, і замість недавньої ще лояльності, що ми таки демонстрували в свій час й до Тимчасового уряду (підтримуючи його, хоча й „поскільки, постільки“), і до єдиного фронту всіх „соціалістичних“ партій, і до демократичних установ (муніципалітету, судів), у виборах до яких ми сами брали участь, ми перейшли на такий тон, який наші противники з обуренням кваліфікували, як „узурпаторський“, і який по суті був проявом справжнього співвідношення сил між нами, за якими стояла рада р. та с. депутатів, цеб-то абсолютна більшість всієї міської трудової людности, і нашими противниками, що репрезентували лише буржуазні шари суспільні, нікчемну розгублену інтелігенцію та тих із робітників та салдатів, що не усвідомили ще своїх класових завдань у революції.

Я особисто яскраво згадую, як гостро я відчував і в собі ту зміну, коли виступив уперше після перевороту в „демократичній“ міській думі, до якої я був обраний демократичним головою, і після її спроби протестувати з приводу петербурзьких подій, безапеляційно заявив, що я, як представник єдиної в місті влади (я був одночасно головою ради), не дозволю ніякого виступу проти робітничо-селянського уряду.

Тепер нам доводилося приступити до реконструкції цілої низки урядових інструкцій, ставити скрізь своїх повноважних

комісарів, переводити в життя нові закони, що почав видавати наш уряд у Петербурзі.

І ось тоді ми відчули, що Жвѣтневу революцію на Україні не можна буде вважати за здійснену, поки існуватиме українська Центральна рада та її Генеральний Секретаріат, в тих формах, в яких вони на той час існували. Ми відчули, що треба розв'язати питання про владу у всеукраїнському масштабі. Бо попередю довгий час для нашого міста те що творилося в Києві, мало лише абстрактне, принципове значіння: лише дуже нечисленні й не впливові в Кременчуці українські есдеки та есери та тії робітничі кола, що йшли за ними, були зв'язані з роботою Ц. Р., брали участь у виборах до неї та стежили за її діяльністю. Всією масою робітничою та салдацькою керували есдеки російські, почасти російські есери.

Ми, більшовики, учили, що для робітництва та й в загальні працюючих національне питання не має великого значіння: якщо „українці“ бажать мати для себе автономію, федеративні права відносно „Росії“, або навіть самостійність — для революційного пролетаріату та його авангарду це однаково — не дурно ж ми визнаємо за всіма націями право на самовизначення, аж до відокремлення; а оскільки Ц. Рада стала в опозицію до Тимчасового уряду, то це схилило наші симпатії на її бік, бо соціально вона була не гірша, а навіть краща, ніж коаліційний уряд. Тепер же, після того як Тимчасовий уряд повалено, нам почало даватися в знаки, що його місце на Україні намагається заступити Центральна Рада, заявляючи, що вона не визнає Ради Народніх Комісарів за законну владу для української частини колишньої імперії й не дозволить, щоб на Україні владу місцеву перебравли ради робітничих та салдацьких депутатів. Зокрема й у нас, у Кременчуці, прибічники Центральної ради почали виявляти акцію, в місті розташувався курінь Богданівського полку, його командир став начальником Кременчуцької залоги (замість призначеного від салдацької секції місцевої ради) і повітовий комісар, український есер, почав претендувати на певну роль.

З другого боку, на повіті Селянська Спілка демонструвала свою відданість Центральній раді, з дрібнобуржуазної шкільної молоді формувалося вільне козацтво, а вплив „українських“ партій серед залоги, а також і деякої частини робітництва, помітно збільшився. Правда, і селяни і салдати, і робітники, ті, що вважали що вони повинні, як українці, Центральну раду підтримувати, що далі, то більше переходили на більшовицькі позиції. Завжди на всіх зборах можна було почути від них, що, мовляв, вони „теж більшовики“, але „українські“, і стоять за те, щоб і на Україні влада перейшла радам; але дуже часто до цього додавалося, що Центральна рада є також радянський „совітський“ орган, бо у виборах до неї брали участь і місцеві ради робітничих та селянських

депутатів. Усе це переконувало нас у тому, що єдиним способом установити на цілій Україні владу радянську — це скликати всеукраїнський з'їзд рад робітничих, салдатських та селянських депутатів та на ньому обрати всеукраїнський робітничо-селянський уряд, зробити те саме, що було зроблено на другим з'їзді рад в Петербурзі 23 — 25 жовтня.

Ми вперше остаточно зрозуміли, що справу революційного державного будівництва на Україні мусить взяти на себе вся організована на місцях в ради „революційна демократія“ — робітники, салдати та селяни, що мешкають або перебувають у межах України, а не лише „українці“ в лапках.

І коли в кінці листопада (усі дати визначаю за старим стилем, бо ще ним користувалися ми за тих часів) ми дістали запрошення від Київського Обласного Виконкому прислати делегатів на всеукраїнський краєвий перший з'їзд рад, — для нас, відповідальних партробітників - більшовиків, було очевидним, що цей з'їзд неминуче має розв'язати питання про центральну радянську владу на Україні, — дарма що до цього часу зв'язку з другими районами українськими ми не мали, дуже пагано були поінформовані про те, що там робиться, і зокрема не брали навіть участі в першому обласному з'їзді рад р. та с. депутатів, що відбувся у Києві в серпні, бо не знали навіть, чи до Київської, чи до Харківської „області“ мусить Кременчук належати.

Скликаний спеціально для цього пленум Кременчуцької Ради детально обговорив порядок денний, що намітив Київський Обл. Виконком, організуючи з'їзд, і дав наказ кременчуцьким делегатам цілком у більшовицькій дусі, бо гегемонія наша в Кременчуцькій Раді була на цей час остаточно й повна: меншовики та російські есери становили незначну меншість, а українські есери та есдеки вже цілком поділяли позиції більшовицькі що до соціальних наших вимог, відношення до війни та гасла „всю владу — радам“. Я пам'ятаю, що з ними спочатку й була дискусія про те, як ставитися до Центральної ради, але потім вони цілком пристали до нашої пропозиції, що всеукраїнський з'їзд рад мусить обрати Центральний Виконавчий Комітет, що має бути органом всеукраїнської робітничо-селянської влади. До речі згадати що, українські есери у нас були „лівобережники“, цеб-то належали до тої частини, з якої згодом утворилися боротьбисти, що ж до тодішніх провідників кременчуцьких есдеків які так само всі тепер у нашій партії, то вони пройшли через „незалежну“ УСД та УКП.

Я не пам'ятаю, скільки делегатів мали ми послати за регламентом, установленим від Київського Виконкому, не пам'ятаю й самого регламенту, і всіх, кого було обрано. Знаю лише, що поміж обраних були Александров, А. Галинський, Лапчинський, Люксембург (більшовики), кілька салдатів і серед них і есери — лівобережні — в тому числі прапорщик

Гулинський, дуже революційний молодий хлопець, якого після цього з'їзду я ніколи ніде не бачив. Уже той факт, що серед делегатів було чотири названих товаришів, свідчить, яке велике значіння надавали ми цьому з'їздові: вони були головні керівники кременчуцької більшовицької організації, найкращі й політичні й агітаторські її сили, а три з них (Александров, Лапчинський, Люксембург) старі підпільщики із стажем ще революції 1905 р. З революційних сил після їхнього від'їзду в Кременчуці залишилися лише П. Д. Смирнов та М. С. Богуславський. Правда, крім представництва на радянському з'їзді, вони мали ще репрезентувати кременчуцьку партійну організацію й на обласній партконференції, що також була призначена на початок грудня.

Моє вражіння від Києва, власне — від становища там нашої партійної організації та радянської справи, коли ми туди приїхали, було далеко не радісним.

Звикнувши у себе в Кременчуці до того, що рада р. та с. д. є справжній центр цілого життя, що авторитет її визнається скрізь, і ніхто й не думає серйозно конкурувати з нею, в Києві нам кинувся у вічі сумний вигляд її помешкання, що вона мала в розкішному царському палаці, і безлюдність, порожнеча цих кімнат, і холоднеча в них, і якийсь розгублений вигляд товаришів, технічних співробітників, що обслуговували партійну конференцію та мандатну з'їздовську комісію. За останні тижні Центральна рада розбріла прихильні до нас військові частини, і київська рада вже не мала на кого опертися; замість Червоної гвардії, навколо палацу вартували якісь підозрілі юнкери — і це не могло створити спокійного настрою в роботі. Так, наприклад, коли партійна конференція вже розпочалася, на засідання явився член президії Обласного Виконкому і, здається, Організаційного Бюро по скликанню крайового з'їзду, т. Ерліхман (лівий есер) і зробив позачергову заяву, попереджуючи, що є чутки, ніби-то у юнкерів є намір учинити на нас наскок. Загроза була цілком реальною, бо ми на власні очі мали нагоду бачити наслідки їхнього попереднього наскоку (що був за кілька тижнів попереду) — розламану меблю та порубані шахи, де зберігалися документи київської ради.

Нехороше вражіння справило на нас ті, що приїхали з периферії, і те, що між київськими товаришами, очевидно, не було єдності. В чому полягали розходження — відразу ми не могли схопити, та й пізніше остаточно це не виявилось. Але ми відчували досить гострі тертя, і в нашому розумінні це відбилосся тоді, як персональна ворожість більшості київських товаришів до Є. Б. Бош, що нас, навпаки, вразила своєю ерудицією, силою свого інтелекту, ораторським хистом і революційним темпераментом. Перше чарівне вражіння від цієї великої революціонерки було так сильне, що я щиро сказав тов. О. Бош, що працювала в секретаріаті конференції: „яка ви щаслива, що у вас така мати“.

Взагалі лише тепер, в Києві, ми вперше познайомилися з товаришами, котрих революційні події по різних частинах України висунули на керівників пролетарського руху в нашій республіці, і котрі немало потім попрацювали, щоб збудувати та зміцнити соціалістичну, робітничо-селянську Україну.

Деякі з них і досі працюють у нас на провідних державних і партійних постах, дехто переїхав до інших місцевостей нашого Союзу, а чимало і зовсім нема вже серед живих, як С. Горвица, Л. Пятакова, І. Крейсберга, Є. Б. Бош, В. М. Шахрая.

До цієї зустрічі ми абсолютно не уявляли собі, які саме сили має в своєму розпорядженні наша партія на Україні, у нас не було почуття реальної єдності,—відтепер вона втілювалася у певному людському колективі.

Є. Б. Бош (у своїй книзі „Год боротьби“) каже, що перед конференцією відбулася приватна нарада делегатів. Я цього не пам'ятаю, або мене на цій нараді не було. Я знаю, що на конференцію я спізнився, і коли прийшов, то мені відразу було запропоновано взяти місце в призидії й голувувати,—хто ще входив до її складу—не пам'ятаю, а в протоколах, що їх було знайдено лише в 1926 році й передруковано в одній з книжок „Летописи Революції“, жодних вказівок на це нема. Знаю лише, що секретарювала Віра Бухарцева і, здається, О. Бош. Так само не пам'ятаю я, щоб на конференції і взагалі в цей час у Києві був Артем. І хоча Є. Б. Бош (там же) пише, нібито він од імени Харківського Обласного Комітету виступав із заявою, що харків'яни відмовляються від участі в Крайовому Комітеті, бо не мають належних повноважень, і ніби-то він пізніш запропонував, щоб з'їзд було перенесено до Харкова, я категорично настоюю, що Артема в Києві не було,—я вперше в житті побачив його лише в Харкові, коли ми всі туди приїхали. На конференції міг бути з харків'ян Данилевський, що приїхав на з'їзд рад, і може його слутала Є. Б. Бош з Артемом. Взагалі на конференції репрезентовано було майже виключно правобережні організації.

Я не збираюся тут детально розповідати про хід конференції, та й не міг би цього зробити, бо багато дечого з пам'яті зникло. Подам лише в основних рисах те, що зафіксувалося найміцніш.

Головна, провідна роль на конференції від самого початку, безумовно, дісталася Є. Б. Бош. Вона здобула відразу великого авторитету серед усіх товаришів,—мабуть крім певної частини киян,—і так воно й зоставалося до самого кінця, поки в березні місяці вона не пішла з уряду та не поїхала на фронт. Вона імпонувала нам і своїми глибокими змістом та дуже гарної форми промовама, і залізною енергією, що яскраво контрастувала з цим знесиленим надмірною працею та хоробливим тілом, і простотою, що сполучилася за надзвичайною

елегантністю насправді культурної, по європейському вихованій людини, і тим, що вона була близькою співробітницею Леніна (разом з ним, Бухариним та Ю. Пятаковим працювала підчас війни в „Комуністі“). Нарешті, і віком вона, здається, була найстарша проти решти з нас (крім В. Х. Аусема).

Після неї, на мою думку, найвидатнішою була постать В. М. Шахрая. Глибокий аналітик, добрий діалектик і полеміст, органічно зв'язаний з українською дійсністю, він більше, ніж ми всі, наближався до справедливого розуміння національної проблеми на Україні. Але оскільки ми то, за тих часів, надто далекі були від її розуміння, ми не могли зрозуміти його, хоча й відчували його внутрішню силу, — і це його, так би мовити, ізолювало від решти. Людина надзвичайно щира, чесна з собою, він почував себе самотнім, не находячи в нас допомоги в своїх шуканнях, губив віру в успіх нашої справи, і все це нарешті погибельно вплинуло на дальшу його політичну діяльність, приведши до розриву з партією. Я певний, проте, що якби доля не відібрала його так рано від нас (він загинув, невідомо де саме, десь на Кубані року 1920), ми мали би тепер його у наших лавах, як велику й цінну силу.

Конференцію ми вели дуже прискореним темпом: нам треба було за всяку ціну як-найскорше збалакатися між себе, щоб приступити до з'їздовської роботи одностайно й з остаточно ухваленим планом; із сусідьких кімнат весь час до нас доходив галас — це велика сила мобілізованих Центральною радою представників селянських спілок та військових комітетів українізованих частин атакували чергових членів з'їздовської мандатної комісії.

Протягом двох днів майже безупинної праці ми добре познайомились поміж себе й вже почували себе щільно зв'язаними. Доповіді з місць показали, що радянська справа стоїть скрізь добре, ради фактично владу вже тримають у своїх руках і що найгірші умови що до цього є в самому Києві. Ми остаточно переконалися, що, лише розв'язавши питання у всеукраїнському масштабі, поваливши Центральну раду, можна забезпечити революцію на Україні, що всеукраїнський з'їзд рад повинен дати для України такі наслідки, які дав для Росії 2-й всеросійський з'їзд. Але було б великою помилкою думати, що для всіх нас і остаточно було зрозуміло історичне значіння й цього кроку й петербурзьких подій, а особливо дальші наслідки, до яких мало привести захоплення влади.

Я добре пам'ятаю, а тепер це здається чимсь дивним, кумедним, що ніхто з нас не був цілком певним, що Рада Народніх Комісарів, наша більшовицька влада, — протримається довгий час, подолає всі труднощі й опір, що їх чинилося зовсім боків. Аджеж проти неї був „Вікель“, німці, Дон, урядовницький саботаж, міські думи. І коли до нас завітав Володарський, що проїздив через Київ по дорозі з Румунського

фронту до Петербургу, і на наше прохання дав нам інформацію про становище в столиці, ми слухали його дуже оптимістичні оповідання з певним недовір'ям. Він нам казав, що влада народніх комісарів „міцна, як ніколи“ (точний його вираз), що все йде гаразд, а ми собі думали: добре, якби так було, але ж Володарський—це ж „нарком демагогії“, як він сам нам, жартуючи, назався.

А що до перспектив узагалі, до можливості збудувати не демократичну, а якусь іншу, „трудова“ республіку, то Є. Б. Бош, згадуючи про Ленінські тези, іронічно зауважила, що „тут Ілліч впадає в ересь“,—і ми всі мовчазно поділяли її думку. Хіба ж можна говорити про „диктатуру пролетаріату“, коли ми маємо „буржуазну“ революцію? а як же „установчі збори“, „демократія“, „четирехвостка“? Правда, сумніви вже починали ворухитися в нашому звичлому до старих формул думанню. Наприклад, Аусем говорив, що можна уявити собі „двухпалатну“ систему, де б ролю „нижчої“ палати виконували „демократичні“ органи, обрані за чотирьохчленною формулою, а „вищої“—ради робітничих, салдатських та селянських депутатів, али такі проєкти здавалися за надто оригінальні, парадоксальні. І в той же час я не пам'ятаю, щоб на конференції у нас були сумніви що до п. п. 2 та 4 порядку денного: „Відношення до Ц. Р. та наша тактика“ й „Організація центральної влади на Україні“ (ми оба пункти об'єднали), хоча Є. Б. Бош пише, ніби-то частина киян була проти негайного повалення Ц. Р. та захоплення влади.

Мені здається, що заперечення проти негайної передачі влади радам з боку більшовиків я почув лише в Харкові, від представників „катеринославської точки зору“. І до петербурзького перевороту й до нашого плану ми, співучасники київської конференції, ставилися, як до певного ризику, мабуть до півавантури, але іншого виходу не бачили й не вагалися взяти на себе історичну відповідальність.

Ще більш далекі були ми від більшовицького розуміння національної нашої політики. Є. Б. Бош цілком поділяла в національному питанні погляди Р. Люксембург. В своїй доповіді вона дуже різко полемізувала проти Ленінської точки зору, проти формули „самовизначення націй“; пролетаріатові, мовляв, не важно, як саме визначається буржуазія, він не повинен „плекати націоналізму“, хоча, звичайно, він мусить боротися проти всякого пригнічення за цілковиту волю користуватися кожному своєю мовою, розвивати свою культуру. Але ні від доповідача, ні від інших членів конференції не можна було почути жодної думки про те, а якою ж мовою мусить користуватися український робітник та селянин, яку культуру мусить розвивати,—вони були певні, що це „приватна справа“ кожного громадянина, а не партії революційного пролетаріату. Лише т. т. Шахрай і Затонський виявляли деяке розуміння

специфічності цих проблем на Україні, але їхні спроби звернути на це увагу конференції лише викликали підозріння, що вони не вільні ще від „націоналістичних ухилів“.

І вже таки всупереч своему „наївному інтернаціоналізмові“ конференція мусила визнати за потрібне, щоб і партійну організацію, і радянську владу було сконцентровано у всеукраїнському масштабі,— а історично це значило зробити найважливіший крок для оформлення України, як окремої країни. Суб'єктивно для маси конферентів це диктувалося лише потребою боротися з Центральною Радою, як класово-ворожою силою. Що до себе, наприклад, я пам'ятаю, що свої обов'язки відносно України, як комуніста, що працює на цій території, і цілу низку спеціальних проблем, як от роля пролетаріату в керівництві національною культурою, значіння Наддніпрянщини для інших українських земель, активна українізація, як спосіб піднести для трудящих українських свою свідомість, я почав розуміти пізніш, після того, як цьому навчив мене досвід роботи в уряді. А першим у наших лавах, хто чітко поставив ці питання й авторитетно їх розв'язував, був лише М. О. Скрипник, коли він у Харкові почав з нами працювати.

Потреба оформити партійну організацію всеукраїнського масштабу була так пекуча, що ми, не вважаючи на брак повноважних делегатів од Харкова, Катеринослава й Одеси, ухвалили утворити Крайову організацію РСДРП (більшовиків) на Україні, давши їй назву Соціал-Демократія (більшовиків) України, за зразком С.Д. Ц.П. і Л. або С.-Д. Латиського Краю.

До Головного Комітету конференція обрала: Бош, Горвица, Затонського, Кулика (Київ), Аусема й Шахряя (Полтава), Александрова, Лапчинського (Кременчук), Гриневича (Чернігів).

Закінчивши конференцію, всім її учасникам треба було негайно взятися за основне завдання, що стояло перед більшовиками українськими, за керування з'їздом рад, що мав, як ми всі розуміли, покласти край пануванню Центральної Ради та проголосити на Україні владу радянську. Всі конференти, очевидно, мусили взяти активну участь у з'їзді або як делегати від місцевих рад, або як члени того чи іншого виконкому.

Але відразу стала очевидною неможливість навіть суто технічна розгорнути роботу за тих умов, що були в Києві: на кілька сот справжніх делегатів, посланих згідно з регламентом Організаційної Комісії, до Києва насунуло кілька тисяч селян і салдатів, мобілізованих селянською спілкою та військовими українськими організаціями за директивами від правих есерів та ескеків українських. Серед цієї маси, зовсім ще не підготовленої через участь у радах до розуміння Жовтневого перевороту, засліплених націоналістичною демагогією,

радянські делегати потонули й не мали змоги за два дні розпропагувати селян і салдатів, як це робилося на місцях в процесі спільної роботи.

Правда, й поміж уесерів і уесдеків було вже чимало товаришів, що до Центральної Ради починали ставитися критично і схиялялися рішуче до нашої платформи — „всю владу радам“, але остаточній консолідації з нами їм заважала цілковита відсутність у нас ясного розуміння національного питання, відірваність наша від національно-визвольчого процесу. Уже той факт, що майже ніхто з нас (крім Шахрая, Кулика, Затонського) не знав української мови й не вживав її в своїй політичній роботі, справляв негативне враження, в той час коли на чолі Центральної Ради стояла численна інтелігенція, добре вихована в українській національній культурі.

Перевага ж соціального моменту над національним реально відчувалася лише згодом, через кілька тижнів. Проте чимало серед формальних „радистів“ було вже „таємних більшовиків“, що конспіративно нав'язували з нами зносини та інформували нас про настрої в ворожому таборі та про наміри наших противників. З таких у мене в пам'яті особливо зафіксувалася оригінальна постать довжелезного й худорлявого, в попівському убранню, але зо стриженим уже волоссям, дякона Лисовицького, що приїхав з Кременчуцького повіту, як делегат якоїсь волосної селянської спілки (через два місяці я знов зустрів т. Лисовицького в Полтаві в кавалерійській шинелі, так само довжелезній, як сотника наших червоних козаків).

Треба зауважити, що наша робота на конференції, потім на з'їзді в Києві, потім переїзд до Харкова й перші тижні в Харкові, поки не зформувався остаточно Народній Секретарят, zostалися в пам'яті як один суцільний період, неподілений на окремі доби, на дні й ночі. І нема нічого дивного: ми працювали безустанно, спали там же, де засідали, і не розбиралися протягом не менше, як десяти днів (3—13 грудня), бо не мали ані житла, ані речей, ані грошей. Огже послідовність подій тепер инколи дуже важко згадати, пам'ятається лише поодинокі факти, особи, а також загальний хід ідей та настроїв.

Для сучасного чита а багато з того, що було тоді в Києві, мусить здатися за щось абсолютно незрозуміле, дивне.

Так, наприклад, хоча з'їзд було призначено на 3-є, а відкрито лише 5-го ввечері, більшовицька фракція ні разу не збиралася, та й взагалі, наскільки я пам'ятаю, реєстрації партійців-делегатів зроблено не було. Мабуть це тому, що весь провідний актив був занятий на партконференції, а київські робітники, що входили в склад мандатної комісії, були позбавлені можливості продовжувати роботу бо вже 4-го грудня помешкання мандатної комісії і її функції — реєстрацію делегатів та видачу квитків — захопили в свої руки прихильники Центральної Ради силомиць.

Я пам'ятаю лише, що єдине, що було зроблено для керування роботою більшовиків на з'їзді — це утворення спеціальної комісії в складі Є. Б. Бош, В. М. Шахрая й В. Х. Аусема, — її призначив Головний Комітет С.-Д. (б) України. На першому засіданні — в будинку київського купецького зібрання — ми остаточно могли переконатися, що Ц. Р. роботу з'їзду зірвала: делегати від рад, справжні члени з'їзду, цілковито загубилися серед селянської маси „спілчан“, і збори перетворилися на бучну націоналістичну демонстрацію; представникові організаціїного Бюро, здається, т. Затонському, не дано було змоги відкрити засідання, і замість нього виступив хтось з керівників Селянської Спілки, силою штовхнувши його з трибуни. Співалося лише „Заповіт“ та „Ще не вмерла...“, виголошувалося багато шовіністичних промов, а нашим товаришам завалося говорити криками „ганьба“ та „геть з України“? Проте цього вечеру від імени правих есдеків та уесерів Порш робив спробу збалакатися з нами, але переговори жодних наслідків не дали, бо ми не могли відступитися від основного пункту нашої платформи — визнання Жовтневого перевороту в Петербурзі та передачі всієї влади радам робітничих, селянських та селянських депутатів.

Коли на другий день ми йшли на з'їздовське засідання, нам було очевидно, що в такім складі з'їзд не може дати жодних наслідків. У нас готовий вже був план запропонувати всім, хто поділяє нашу платформу, покинути залю й організувати окрему нараду, але я не певний, що ми вже остаточно вирішили проголосити цю частину з'їзду за правосильну виступити від імени всіх рад українських та розв'язати долю радянської влади на Україні.

На з'їзді на нас чекала несподівана новина: Петлюра від Центральної Ради та Генерального Секретаріату, в дуже урочистій та демагогічній промові заявив з'їздові, що Рада Народніх Комісарів телеграфно оголосила війну Україні. Така заява викликала величезне обурення серед з'їздовської більшості, а нас поставила в дуже скрутне становище, бо тексту телеграми ми ще не знали й взагалі до такого кроку петербурзьких товаришів підготовлені не були. Довелося нам експромтом, одбиватися від нападів наших противників, і від імени нашої фракції виступив Шахрай. Його енергійна промова, виголошена українською мовою, справила безумовно певне враження. Він, не знаючи ще тексту телеграми, рішуче спротивував закиди проти російського радянського уряду, нібито той має імперіялістичні зазіхання що до України, гостро критикував позицію Ц. Р. в боротьбі з контр-революцією, що скупчувалася на Дону проти революційної столиці Петербургу, та одверто заявляв, що наші симпатії — на боці петербурзьких товаришів проти Центральної Ради, і що єдиний вихід для революційних трудящих мас українських це замінити Ц. Р. на

новий орган, котрий би дійсно відбивав волю робітництва та салдатів, організованих на місцях у ради депутатів.

Очевидно, що збори колосальною більшістю своєю до нас не пристали, і ми запропонували всім справжнім представникам рад р. с. та с. депутатів покинути з'їзд.

Треба сказати, що серед провідної групи більшовицької— членів Головного Комітету, комітетчиків та конферентів учинок петербурзьких товаришів викликав величезне незадоволення та обурення, бо ми вважали, що, не запитавши нашої поради, не погодившись з нами, вони зробили надзвичайної ваги виступ, що цілком сплутав наші плани, і якби його не було здавалося нам, нам далеко легше було б боротися за нашу справу, проти нас не було б такого єдиного фронту, у нас більше було б шансів розкласти противника, бо в його лавах що до Центральної Ради вже починалися серйозні розходження, і до нас прилучилася б далеко численніша група з'їздовців, ані ж сталося тепер. Але зробленого вже ніяк не можна було полагодити, і нам доводилося прилюдно лише солідаризуватися з Радою Народніх Комісарів, котру ми офіційно визнавали— всупереч Центральній Раді— за правосильний федеральний („всеросійський“) робітничо-селянський уряд, затверджений другим з'їздом, що в ньому й всі ради українські участь брали.

Після Шахрая виступив Винниченко, закликаючи з'їзд не вірити „Шахраєві та іншим шахраям“, а наші прихильники вже виходили із залі, де ми залишили лише двох-трьох товаришів для інформації.

На нараді, що відбулася в Будинку Профспілок (Думська, 2), виявилось, що серед противників Ц. Р. та прибічників наших є представники майже всіх більш-менш значних міст українських; не пам'ятаю лише, чи було репрезентовано Одесу. На жаль, точних статистичних даних не залишилося. Крім більшовиків, серед радянських делегатів були ліві есери російські (евентуальні борбісти), українські ліві уесдеки— на чолі з т. Медведьовим з Харкова— і кілька товаришів, що цілком поділяли нашу платформу, але офіційно виступали як есдеки-інтернаціоналісти, бо належали до об'єднаних с.-д. організацій; із таких пам'ятаю товаришів із північної Чернігівщини (Почепського повіту). Ліві українські есери (майбутні боротьбісти) до нас тоді не прилучилися, хоча й цілком стояли вже на радянській платформі: вони думали, що їм пощастить розкласти ту масу, що зосталася на боці Центральної Ради— вони зосталися в Києві й працювали самостійно. Загальна кількість співучасників наради виносила понад сотню чоловіка. Чимало делегатів, що нам співчували, на нараду не попало через погану zorganizованість та дуже несприятливі умови, в яких нам доводилося робити: що-хвилини можна було чекати одвертого нападу на нас, арешту, а то й гіршого, а тому треба було

поспішати й додержувати певної конспірації. Будинок профспілок ми обрали, як таке місто, зробити наскок на яке Ц. Р. не так легко могла зважитися, вона ще рахувалася з робітництвом та профспілками, та й „демократичних ілюзій“ не було ще остаточно пережито.

Суперечок на наших зборах не було жодних, справа була така ясна, що майже не дебатовалася. Загальне було переконання, що роз'їхатися на місця не можна, поки не розв'язано основне питання, не утворено всеукраїнського радянського центру, не проголошено радянзації України. Збори ухвалили декларацію від імені всіх рад, котрих представники брали участь у нараді, що лише делегатів, обраних згідно з регламентом Обласного Виконкому, можна вважати за правосильних членів I-го всеукраїнського з'їзду, що лише вони, а не випадково складене зібрання, що провадить Центральна Рада в міському театрі, репрезентують радянську Україну та що їх та той Центральний Виконавчий Комітет, що вони мають обрати, треба вважати за вищу революційну всеукраїнську владу.

Оскільки в Києві продовжувати свою роботу нам було очевидно неможливо, а майбутньому ЦВК й потім збори з великим ентузіазмом прийняли пропозицію харків'ян — т.т. Данилевського й Медведьова — всім складом переїхати до Харкова, де незабаром мав відбутися обласний з'їзд рад Донецько-Криворізької Области. Всім було зрозуміло, що з'єднавшись з цим з'їздом, ми матимемо повне представництво від рад цілої України а головне, зв'яжемося з найбільш пролетарськими та промисловими районами нашої республіки.

Декларацію підписали всі члени наради (не знаю, чи було їх надруковано та яким способом), і негайно після того всі подалися на залізничий двірць, невеличкими груцками, напівконспіративно. Як потім виявилось, це було саме своєчасне, бо згідно з розпорядженням Генерального Секретаріату нас мали арештувати. Проте не всі делегати поїхали до Харкова: частина роз'їхалась по місцях, бо не могла надовго в такий відповідальний час залишати їх без свого керівництва; окремі делегації у себе всередині умовлялися, кому їхати до Харкова, а кому вертатися додому. Декотрих з цих товаришів ми так і не побачили знов, вони загинули в боротьбі, що за кілька днів набрала форми одвертої громадянської війни. Крім того — цікава деталь: у багатьох зовсім не було грошей, а Київська Рада, обласний Комітет і партійний комітет за такий короткий час не могли їх здобути. Цілком випадково у одного з делегатів — тов. Любинського з Сосниці — найшлася досить значна на той час сума, і він позичив її Головному Комітетові для з'їзду, здобувши таким чином собі славу першого кредитора Української Радянської Республіки.

В тісних, брудних вагонах третьої класи, в переміжку зі сторонніми пасажирами, не маючи місця не тільки спати,

а вночі й сидіти, їхали перші носії найвищої радянської влади української із Києва до Харкова протягом ночі з 7-го на 8 грудня 1917 року (ст. стилю). Стсмені надмірною нервовою працею минулого тижня — ба й низки останніх місяців, коли кожному з нас довелося проробити немало роботу для перемоги нашої справи, — куняючи після безсонних ночей, мерзучи від грудневої холоднечі, бо декотрі з нас проти близької зими не мали й теплого одягу (так у Є. Б. Бош не було нічого, крім літньої англійської блузки, і я дав їй свого светру) ми мало балакали між собою й мовчки обмірковували плани дальшої з'їздовської роботи в Харкові.

Коли потяг підійшов до Харкова, перше, що ми побачили, виходячи з вагону, був ешелон революційних військ, що прибав із Петербургу під команду тов. Сиверса, як авангард експедиційного загону, що його вів проти реакційного Дону тов. Овсієнко-Антонов — „народній комісар для боротьби з контр-революцією“. Це відразу піднесло нам настрій, дало нам відчуття поновлений звязок з нашими товаришами в центрі Революції, з петербурзьким пролетаріатом, од котрих ми почували себе відірваними в контр-революційній атмосфері, що утворила Центральна Рада в Києві.

ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РАДЫ С ВРЕМЕННЫМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ

(Продолжение)

Мы останавливались уже выше на выяснении причин, какие толкали Временное правительство в данный период к соглашению с Центральной радой. Мы, естественно, бесконечно далеки от той мысли, будто к.-д., задававшие тон „коалиционному“ правительству, хоть в малейшей степени искренно думали о каких бы то ни было шагах и мероприятиях, действительно идущих навстречу национальным интересам украинских трудящихся масс. Мы слишком хорошо знаем классовую природу этого передового отряда империалистической русской буржуазии, чтобы допустить такую мысль.

Учитывая, однако, необходимость приостановки дальнейшего роста национального движения и завоевания в лице Центральной рады союзника, кадеты официально продолжали свою линию и даже с внешней стороны как будто, оказывали сопротивление попыткам соглашения. Вместе с тем, по существу, как это они делали и в целом ряде других случаев, кадеты готовили это соглашение при помощи своей „социалистической“ агентуры.

Ведя такую двойственную линию, кадеты стремились поставить себя в такое положение, чтобы развязать себе руки в этом вопросе и чтобы, в случае необходимости, можно было свалить ответственность на голову „социалистической“ части кабинета. Наконец, кадеты прекрасно понимали, что непосредственное их участие в переговорах сделало бы их почти невозможными в силу того недоверия, к коему питали к ним массы.

Кадеты ориентировались на то, чтобы в будущем, после того как Центральная рада окажется связанной заключенным с „социалистическими“ министрами соглашением и после того как положение империалистической буржуазии укрепитя, так „разъяснить“ и конкретизировать это соглашение, эти уступки, сделанные Временным правительством, чтобы от них ничего не осталось.

Так и случилось. Вторая делегация Центральной рады, отправившаяся на „паломничество“ к порогам империалистической русской буржуазии, столкнулась с тем положением, что „социалистические“ министры, игравшие первую роль в соглашении с Центральной радой, были уже не у дел.

По словам П. Христюка, „почалось оббивання порогів міністерських прийомних. А міністри-кадети тільки цього й ждали. Вони тепер були панами становища (курсив мой — В. М.). Церетелі, цього найактивнішого оборонця угоди, в новому складі правительства вже не було... Отже, рука була зовсім вільна... Цілих три тижні просиділи генеральні секретарі в Петрограді в атмосфері задушливої реакції, політичного крутіства, образ і понижень. Довгий час з ними просто не хотіли говорити...“¹⁾

Домагательств з другої делегации Центральной рады, добивавшейся утверждения Временным правительством принятого Центральной радой 29 июля „Статута Высшего Управления Украины“, были отброшены. 4-го августа (ст. ст.) Временное правительство утвердило взамен этого „Статута“ „временную инструкцию для Генерального Секретариата Временного Правительства на Украине“, которая так „раз'ясняла“ и „конкретизировала“ соглашение 3-го июля, что от него почти ничего не осталось.

Генеральный секретариат был превращен по этой инструкции в орган не Центральной рады, а Временного правительства.

Вместо 14 генеральных секретарств, на каких настаивал „статут“ Центральной рады, „инструкция“ предусматривала лишь секретариаты: внутренних дел, финансов, земледелия, просвещения, торговли и промышленности, труда, национальных дел и... генерального писаря. Генеральный Секретариат сводился лишь к роли „передаточного органа Временного Правительства на Украине“, да и то, эта, по выражению П. Христюка, „обкраена й обскубана з усіх боків влада, чи, швидче, фікція влади поширювалась не на всю Україну, а тільки на п'ять губернь“²⁾

Руководители Центральной рады, которые, как мы ниже увидим, из кожи лезли вон, чтобы доказать свою лояльность Временному правительству и завоевать благорасположение русской буржуазии, отказываясь ради этого от продолжения борьбы действительно революционными методами, идя на сделку с империалистической русской буржуазией, оказались у разбитого корыта...

Благоприятный момент революционной ситуации к этому времени прошел. Реакция распоясалась во всю, кадеты твердо

¹⁾ П. Христюк. „Замітки й матеріали до історії української революції“, 1921 г., т. I, стр. 114.

²⁾ П. Христюк. „Замітки й матеріали“, стр. 116.

держали бразды „коалиционного“ правления в своих руках, и Центральной раде ничего не оставалось сделать, как вторично капитулировать перед империалистической русской буржуазией, обставив эту капитуляцию несколькими красивыми жестами...

Таковы были результаты „дальновидной“ политики руководителей Центральной рады, рассчитывавших „перехитрить“ империалистическую русскую буржуазию.

Кадеты, надо им отдать справедливость, блестяще провели свой сложный маневр, связав в решительный момент по рукам и ногам непоследовательных, колеблющихся, мелко буржуазных политиканов Центральной рады.

Кроме того, не следует забывать и того обстоятельства, что тактика кадетов в переговорах с Центральной радой, отказ их от участия в переговорах, возможно, также играли известную роль в проводившемся ими маневре для создания повода к выходу из коалиционного правительства. В пользу этого говорит следующее утверждение Милюкова: „Речь“ тогда же (18 июня — В. М.) поставила вопрос, насколько целесообразно их (к.-д. — В. М.) дальнейшее пребывание в кабинете. Начавшееся на фронте наступление, для которого собственно и было составлено коалиционное министерство, несколько задержало его распад¹⁾.

Нам ниже еще придется останавливаться на вопросе о причинах выхода к.-д. из правительства. Сейчас мы подчеркиваем цитированное утверждение Милюкова, как доказательство того, что выход к.-д. был предрешен задолго до соглашения с Центральной радой. Кадеты выжидали лишь удобного и благоприятного с их точки зрения момента...

Тактика кадетов в отношении Центральной рады невольно до известной степени, напоминает маневр царизма 17 октября 1905 года, когда дарованные „свободы“ имели своей целью ослабить революционный напор масс с тем, чтобы в последующий момент сжать эту массу в железных объятиях реакции.

Разница в данном случае заключалась в том, что кадеты формально не принимали участия в даровании „конституции“ 3 июля, продельвая это руками „социалистов“, оставляя себе свободу действий для более важного и значительного с их точки зрения маневра, имевшего своей задачей получить полную и нераздельную гегемонию в коалиционном правительстве.

Руководители кадетской партии стремились во что бы то ни стало создать в „коалиционном“ правительстве такое положение, при котором они могли бы без значительных трений

¹⁾ П. Милюков. История второй русской революции, т. I, вып. 1-й, стр. 236. София. 1921 г.

диктовать свою программу по основным социально-экономическим вопросам, в частности и по украинскому.

Они, как увидим ниже, вынуждены были даже стать на путь некоторых незначительных „уступочек“.

К реализации своей программы по украинскому вопросу они шли комбинированным, обходным путем, прекрасно понимая, что сразу она ни в коем случае не пройдет.

Они рассчитывали на то, что „социалистические“ министры, окруженные ореолом доверия „революционной демократии“, умерят пыл страстей, пообещают и посулят много прекрасных вещей, а кадетские „воротилы“ немного спустя, когда острый момент пройдет, по своему, „по профессорски“, с „юридическим“ обоснованием раз'яснят, дополнят и обоснуют. Так и случилось... Об'ективно соглашение 3 июля, несмотря на „социалистическую“ вывеску, означало поворот в разрешении украинского вопроса в кадетском духе, доказательством чему служит знаменитая „инструкция“ Временного правительства от 4 августа 1917 г.

Мелкобуржуазные лидеры Центральной рады, очень шумевшие и возмущавшиеся на заседаниях по поводу этой инструкции, по поводу „поправок“ „святая святых — соглашения 3-го июля, пожинали плоды своей собственной соглашательской политики и, в конце концов, после всех протестов фактически... принимали кадетскую инструкцию¹⁾...

¹⁾ Чрезвычайный интерес, как иллюстрация отношения Центральной рады к „инструкции“ Временного правительства, представляют прения на заседании комитета Центральной рады от 5 августа, на котором Винниченко и Рафес делали сообщения о результатах поездки в Петроград второй делегации Центральной рады. Винниченко рассказывал о тех унижениях, какие пришлось претерпеть делегации Центральной рады Горячий „сторонник“ и автор третьей июльской „кты, Церетели, был уже не у власти. Всем делом заворачивали кадеты Юридическая комиссия которой руководили Гальперин и Нильде, рассмотрев проект „статута“, разработанного Центральной радой, заявила, что „такой автономии не имеет ни один народ“. В результате комиссия выработала свою собственную инструкцию, совершенно игнорируя „статут“.

„Когда мы рассмотрели эту инструкцию, — сообщил Винниченко, — мы сразу сказали, что она для нас неприемлема“. Однако, в заключение своего доклада о комитете Центральной рады, Винниченко все же указал на то, что „он видит и положительные стороны инструкции, какие помогут закрепиться“, и советует инструкцию принять.

Высказавшийся в прениях на следующем заседании комитета Центральной рады Садовский (у. с. - д.), между прочим, сказал: „Революція є буржуазна; влада перейде до рук буржуазії, а більше від неї сподіватись нічого. Ми свої пзції повинні закріпити в правовій формі. Думаю, що ся інструкція дає нам змогу дальшої творчости; нам її треба прийняти. Ми маємо у ній закріплення не тільки своїх прав, але й прав демократії всієї України“. Такова была точка зрения украинских социал-демократов в отношении инструкции, которая словами других ораторов характеризовалась как продукт... „незаконного сожительства кадетов с революцией“ — В. М.

Слишком уж крепки были узы брачной связи с империалистической русской буржуазией, заключенные при посредничестве „социалистических маклеров” . . .

И странно было бы думать, что со стороны лидеров украинского национализма проявлена была в данном случае „неосмотрительность“, „недальновидность“. Многие из них были весьма и весьма искусными дипломатами и даже старались „перехитрить“ прожженных дельцов противоположной стороны. Дело здесь было вовсе не в личных качествах лидеров той или другой стороны. „Недальновидность“ и „неосмотрительность“ имела свою глубокую подпочву в социальной природе украинского мелкого буржуа, репрезентовавшего нарождающуюся молодую украинскую буржуазию, тянувшегося, несмотря на все национальные и всякие другие преграды, к тому классовому полюсу, куда его влекла сила законов классовой борьбы в условиях нароставшей пролетарской революции.

Давление масс заставляло их прибегать к методам „социалистической“ маскировки, иногда брать несколько левее, пытаться кричать более высоким тоном, чем это позволяла их социальная природа, но логика классовой борьбы быстро восстанавливала это временно нарушенное равновесие. Суть дела не менялась. К какой бы маскировке не прибегали руководители Центральной рады, какими бы аргументами они не обставляли свои переговоры с Временным правительством, объективно они становились на путь сделки с той классовой силой, которая являлась фактическим гегемоном, диктатором в коалиционном министерстве . . .

* * *

16 июня (ст. ст.) Временное правительство, за подписью министра президента кн. Львова, опубликовало следующее обращение к „гражданам украинцам“.

„От Временного правительства украинскому народу. Граждане Украинцы! В дни великих испытаний обращается к Вам Временное Правительство от имени всей свободной России. Через тяжкие испытания идет Россия к утверждению свободы, которая даст и роду благосостояние и вернет всем национальностям их права. Завоевания революции в опасности. Если разгромит Россию внешний враг, или восторжествуют враги свободы, погибнет общее дело всех народов, населяющих Россию. Провести страну сквозь все опасности, собрать всенародное учредительное собрание, на котором все народы России общим и равным голосованием твердо и открыто выскажут свою волю,— такова задача, которую ставит себе правительство, временный носитель революционной власти. Это и ваша задача, граждане Украинцы

Разве вы не часть свободной России, разве судьба Украины не связана неразрывно с судьбой всей освобожденной России?

Кто может сомневаться, что Россия, стоящая под знаменем полного народовластия, не обеспечит права всех народностей, входящих в ее состав? Народы сумеют через своих представителей в учредительном собрании выковать те формы государственного и хозяйственного устройства, которые полностью отвечали бы их национальным стремлениям. По отношению ко всем народностям России Временное Правительство уже начало проводить в жизнь права культурного самоопределения и, проникнутое живым сочувствием и сознанием долга перед украинским народом, оно стремится изгладить все следы угнетения, которому этот народ подвергался.

Временное Правительство вменяло и вменяет себе в обязанность прити к соглашению с общественными демократическими организациями Украины относительно тех переходных мер, которые в дальнейшем могут и должны быть приняты, чтобы обеспечить права украинского народа в местном управлении, самоуправлении, школе и суде, мер, которые подготавливают переход к тому окончательному строю, который Украина должна получить из рук всенародного учредительного собрания.

Но полная перестройка государственного организма России и строения общероссийской армии невозможны под огнем внешних врагов, при величайших опасностях внутри для дела свободы.

Братья Украинцы! Не идите же гибельным путем раздробления сил освобожденной России, не отрывайтесь от общей родины, не раскалывайте общей армии. В минуты грозной опасности не вносите братоубийственной розни в народные ряды как раз тогда, когда напряжение всех сил народных необходимо для защиты страны от военного разгрома и для преодоления внутренних препятствий. В нетерпеливом стремлении теперь же закрепить формы государственного устройства Украины не наносите смертельного удара всему государству и самим себе. Гибель России будет и гибелью вашего дела. Пусть все народы России теснее сомкнут свои ряды в борьбе с угрожающими стране внешними и внутренними опасностями. Пусть окончательно решение всех основных вопросов они предоставят недалекому уже учредительному собранию, в котором они сами будут решать судьбы общей им всем родины — России и всех отдельных областей ее¹⁾.

Это обращение, не содержавшее решительно никаких конкретных мероприятий для разрешения украинского вопроса, являлось со стороны Временного правительства как бы пробным шагом к будущему соглашению. Одновременно в прессу стали проскальзывать одна за другой заметки о том, что Временное правительство предполагает послать делегацию для переговоров с Центральной радой.

---

¹⁾ Текст обращения взят из газеты „Киевская Мысль“, 1917 г., 18/VI № 150, стр. 3.

Очевидно, немалую роль в этом решении Временного правительства сыграли всякие закулисные махинации „влиятельных лиц“, через которых действовали лидеры Центральной рады.

В этом нас убеждает, например, следующий факт, приводимый газетой „Новая Жизнь“: „20 июня в 10 часов утра на квартире кн. Львова состоялось экстренное заседание Временного правительства. На заседании был заслушан доклад киевского губернского комиссара Суковкина по вопросу об украинских делах. По заслушании доклада и кратких прений было постановлено командировать в Украину особую правительственную комиссию для выяснения положения дел на местах, в состав этой комиссии войдут общественные деятели и представители крупнейших политических партий“¹⁾.

Это было едва ли не первым появившимся в печати сообщением о решении Временного правительства послать на Украину „для выяснения положения дел“ особую комиссию.

На заседании Временного правительства от 24/VI, по сообщением „Русского Слова“, „продолжалось обсуждение вопроса о посылке особой комиссии в Киев для выяснения требований Центральной рады. ЦК партии кадетов постановил, что никто из представителей партии в названной комиссии участвовать не должен. Временное правительство, вследствие этого признало, что посылка такой делегации пока невозможна. Кадеты мотивировали свое решение следующим образом: „делегация возможна в двух случаях — либо ей поручено будет заявить Украинской раде от имени Временного правительства решительное и властное слово осуждения за стремление к отделению от России, либо ей будет дано полномочие признать факт автономии Украины. Среднего пути партия нар. свободы не видит“²⁾.

Очевидно, в первое время предполагалось сконструировать для поездки в Киев не правительственную, а так называемую „общественную“ комиссию из представителей различных партий, в задачу которой входили бы „разведка“ настроений в Киеве и предварительные переговоры.

Как видно из приведенного выше сообщения „Русского Слова“, такую комиссию сконструировать не удалось. Кадеты отказались от участия в ней.

„Русское Слово“ от 27/VI (№ 144) сообщало, что из предполагаемого состава комиссии „по урегулированию на месте украинского конфликта“ отказались, по чисто партийным соображениям, Вернадский и Ольденбург; „князь Крапоткин отказался по болезни. Представители крестьянского съезда Авксентьев и Мякотин заявили, что срочные дела требуют их присутствия в Петрограде... и т. д.“.

1) „Новая Жизнь“, № 54 от 21 июня 1917 г.

2) „Русское Слово“, № 143 от 25 июня.

После неудачи с „общественной“ комиссией снова был выдвинут ранее отклоненный проект Чернова о посылке „на Украину правительственной делегации в составе членов Временного правительства, облеченной достаточными полномочиями для ведения переговоров¹⁾“.

В конце-концов этот проект и был принят за основу на последнем заседании Временного правительства, посвященном этому вопросу (оно состоялось 25 или 26 июня).

„Большинство министров высказывалось за необходимость командирования в Киев представителей Временного правительства для всестороннего выяснения на месте общего положения на Украине и тех вопросов, которые требуют теперь того или иного разрешения Временным правительством.

Однако, мысль о посылке в Киев особой комиссии не встречала поддержки со стороны многих министров, в виду существующих в среде кабинета разных мнений относительно состава такой комиссии. При дальнейшем обсуждении этого вопроса было выдвинуто предложение о командировании в Киев кого-либо из членов Временного правительства. Мысль эта была встречена сочувственно и в результате постановлено уполномочить на поездку в Киев министра иностранных дел М. Терещенко и Церетелли²⁾“.

Отсутствие достаточных материалов не дает нам возможности с точностью установить позицию кадетов в окончательном решении вопроса о посылке в Киев членов Временного правительства. Судя по приведенному сообщению „Биржевых Ведомостей“, против посылки на Украину Терещенко и Церетелли кадеты, очевидно, не возражали, но верные своей тактике, сохраняя на всякий случай „мост“, решили, что официального члена кадетской партии, в качестве представителя буржуазной части Временного правительства, лучше не посылать. Выбор остановили на небезызвестном миллионере-сахарозаводчике Терещенко, который считал себя, как никак, „малороссом“ и который должен был, очевидно, служить связующим „национальным“ звеном в предстоящих переговорах.

Что касается Церетелли, то он к этому времени уже настолько „специализировался“ в роли лакея империалистической русской буржуазии, удачно обдываявшего под „социалистическим“ соусом делишки своего „хозяина“, настолько наловчился одурачивать массы, что лучшего „маклера“ в предстоящей сделке трудно было и придумать...

26 июня министры выехали в Киев через ставку³⁾. Этот маршрут был не случайным. Он как будто

1) „Биржевые Ведомости“ от 26 июня, № 16313.

2) „Биржевые Ведомости“, № 16314 от 27/VI 1917 г.

3) В ставке, по сообщению „Биржевых Ведомостей“, при их участии должны были рассматриваться „некоторые крупные вопросы, касающиеся те. ущих военных обстоятельств“.

символизировал, что основной причиной, толкавшей Временное правительство к соглашению, было желание добиться при помощи умиротворенной и „прирученной“ Центральной рады поддержки начавшегося во имя интересов англо-франко-русского империализма наступления.

Не забудем, что к моменту выезда министров в ставку неудача начатого 18-го июня наступления на юго-западном фронте начала вырисовываться с полной очевидностью. (Начальник Киевского Военного Округа, К. Оберучев, в своих мемуарах с горечью вспоминает, что, несмотря на все его усилия, ему никак не удавалось направлять на юго-зап. фронт необходимые подкрепления¹⁾).

При таком положении военная сторона предстоящих переговоров выдвигалась на первый план в двояком смысле: во-первых — устранение конфликта с Центральной радой и приобретение в ее лице союзника в целях поддержки и укрепления тыла и фронта для начатого в интересах империалистической русской буржуазии наступления; во-вторых — урегулирование специфически военного вопроса, связанного с формированием национальных украинских частей. Высказанное нами в первой части настоящей статьи предположение о том, что от англо-американско-французского империализма через империалистическую русскую буржуазию к Центральной раде создавался единый фронт, можно подкрепить некоторыми фактами.

В „Биржевых Ведомостях“ от 28 июня мы находим сообщение о том, что „поездка министра иностранных дел Терещенко в ставку находится в связи с теми заявлениями, которые были сделаны Чрезвычайной (!) Американской миссией Временному Правительству в Петрограде. Во время пребывания Терещенко в ставке туда ожидается военный и морской министр Керенский. В ставке состоится совещание министров с участием верховного главнокомандующего Брусилова²⁾“.

К слову сказать, генерал Брусилов, по сообщению М. Грушевского, сыграл не последнюю роль в готовившемся соглашении: „В тім же напрямі (т. е. в напрямленні соглашения с Центральною радою — В. М.), очевидно, подав свій голос з становища военного верховн. главнокоманд. Брусилов, до которого удались міністри по дорозі до Києва. Підчас командування на українськ. фронті (південно — В. М.) західнім фронті він уяснив собі ті користи, які може дати обороні українизація тутешніх військових частей і цілого українського фронту, і вів лінію поразуміння з українськими військовими організаціями і їх осередком — В. У. Ц. радою³⁾. (Курсив мой — В. М.)

¹⁾ К. Оберучев. Воспоминания.

²⁾ „Биржевые Ведомости“, № 16305.

³⁾ Лих. Грушевский — „Україна й Росія (переговори в справі нового ладу)“. Липень — серпень 1917 року. Киев, 1917 г., стр. 8.

Приводимая выдержка из брошюры М. Грушевского характерна вдвойне. Она, во-первых, выявляет точку зрения самого автора, рассматривавшего украинизацию частей юго-западного фронта как средство к усилению обороноспособности страны, т. е. иными словами — к продолжению империалистической войны, мы подчеркиваем, к продолжению империалистической войны, ибо в период, о каком идет речь, на юго-западном фронте шло наступление русских корпусов; во-вторых, эта выдержка характерна тем, что она показывает полное единодушие и совпадение взглядов на вопросы украинизации армии юго-западного фронта руководителя Ц. рады, М. Грушевского, и верховного главнокомандующего, старого царского генерала, Брусилова. В процессе логического развертывания соглашательской политики Центральной рады начинали обнаруживаться неожиданные союзники ее в лагере командной верхушки реакционного русского генералитета.

К этому можно еще добавить, что и командовавший одно время юго-западным фронтом генерал Корнилов был также сторонником украинизации отдельных корпусов, считая, что это является фактором повышения их боеспособности. Корнилов, как об этом рассказывает в своем многотомном „труде“ „генерал от истории“ Деникин, оказывал большую поддержку делу украинизации 34-го армейского корпуса, которым командовал в то время небезызвестный впоследствии генерал Павло Скоропадский¹⁾.

Как видим, начало „романа“ Центральной рады с генеральской контр-революцией относится к гораздо более раннему сроку... Он „зачинался“ не в октябре — ноябре 1917 года, а как раз в период „весенней“ поры развития Центральной рады...

Чтобы закончить с затронутым нами вопросом о военной стороне готовившегося соглашения, приведем также мнение влиятельной английской буржуазной газеты „Daily News“: „Позиция Вр. Пр. и русского общества в вопросе об областной автономии должна была бы еще теснее сплотить области, стремящиеся к автономии, к совместной со всей остальной Россией борьбе за укрепление завоеваний революции. Однако, судя по последним известиям, эта позиция имеет своим последствием лишь усиление вредных сепаратистских течений.“

Происходящая сейчас на Украине агитация приняла характер серьезной угрозы интересам России, особенно с военной точки зрения (курсив мой — В. М.). Поэтому трое влиятельных, прогрессивных членов правительства отправились в Киев для выработки плана украинской автономии и соглашения с представителями украинцев

¹⁾ См. Деникин, „Очерки русской смуты“, т. 1, вып. I.

по вопросу об организации отдельных украинских боевых единиц¹⁾.

Звенья единой цепи — „Daily News“, „чрезвычайная“ американская миссия, Терещенко, ставка, Брусиллов, Корнилов, М. Грушевский...

* * *

В Киеве ждали „высоких“ гостей... Украинский Генеральный Войсковый комитет уже за две недели до приезда министров был занят усиленной разработкой проекта требований, которые он собирался предъявить²⁾. Этот факт служит лишним доказательством нашего учреждения, что подготовка к соглашению с Вр. пр. началась непосредственно вслед за опубликованием первого универсала.

Украинский Генеральный Войсковый комитет „на всякий случай“ изготовил два проекта своих требований: один — максимальный, другой — минимальный.

В первом проекте выставлялись требования: 1) „Издания соответствующего закона и приказа об украинизации всех гарнизонов, расположенных на Украине, и соответствующих запасных полков и дивизий, 2) замены всего военно-административного начальства на Украине украинцами, 3) перевода на украинский фронт украинизированных частей с других фронтов“.

Во втором — минимальном проекте, Украинский Войсковый Генеральный комитет требовал: „1) немедленной украинизации 17-ти запасных полков на Украине, соответственно количеству украинизируемых дивизий, и предназначения этих полков исключительно для пополнения украинских дивизий, 2) перевода на украинский фронт двадцать первого корпуса, который стоял на Рижском фронте“³⁾.

Таковы были планы Украинского Войскового Генерального комитета.

Проследим ход переговоров.

Следует оговориться, что мы в настоящий момент не располагаем достаточным количеством материалов, на основании которых можно было бы с исчерпывающей полнотой осветить картину и детали того „торга“, который происходил на протяжении двух-трех дней в Киеве. Вопросы соглашения обсуждались исключительно на закрытых заседаниях, в печать

1) Приведено в газете „Биржевые Ведомости“, № 16330, от 6/VII 1917 г.

2) Об этом мы находим определенное указание в статье В. К. — „Приїзд московських міністрів до Києва і військова справа“ (Кто скрывается под этими инициалами — нам установить не удалось), помещенной в 12 кн. „Літературно - Наукового Вісника“ за 1923 р., Львів.

3) В. К. „Приїзд міністрів до Києва“. „Літературно - Науковий Вісник“ за 1923 р. кн. 12, Львів.

попадали только скудные „слухи“, и вообще „делка“ старательно окутывалась дымом „таинственности“.

Бывшие руководители Центральной рады, выпустившие за время своего „эмигрантского“ досуга довольно большое количество мемуаров, очень старательно обходят в них подробности переговоров, которые велись в Киеве в конце июня 1917 года. Соответствующие документы также своевременно припрятаны заинтересованной стороной...

Постараемся, насколько возможно, восстановить хотя бы отрывочные детали картины переговоров.

К „триумвирату“ (Церетелли, Керенский, Терещенко), прибывшему в Киев 28-го июня (ст. ст.), присоединился также министр Некрасов (к. д.), который, однако, вскоре уехал, не досидев до конца переговоров.

Некрасов, присутствовавший лишь при первой стадии переговоров, по приезде в Петроград поделился своими впечатлениями о ходе переговоров с представителями печати и, между прочим, указал: „украинское течение, вызвавшее сочувствие во всей Украине, надо рассматривать как явление, заслуживающее самого серьезного внимания и имеющее корни в стремлении украинской народности к самоопределению, против которого так упорно боролись правительства старого режима.

Правительство должно стоять на точке зрения децентрализации законодательства. Необходимо понять, что живые творческие силы национальных течений необходимо вовлечь в русло государственности.

Украинская рада не стремится к отделению от России и приведенное в „универсале“ выражение, что принятые радой постановления пойдут только „на утверждение Учредительного собрания“, мы не можем понимать, как желание рады преподнести на контр-ассигнование уже готовое решение. Это надо понимать, как пожелание или как программу, подлежащую отмене или утверждению.

Что это именно так, что Украинская рада не ставит впрямую никаких ультиматумов, ясно из того простого соображения, что Украина, как и основные части подлинной России, принимает участие при посредстве своих избранников в предстоящем Учредительном собрании.

Н. В. Некрасов, присутствовавший лишь при первой стадии переговоров с украинцами, отмечает, что с самого начала было ясно, что возможен путь для соглашений. Руководители рады сразу поняли, что в вопросах военных верховенство должно принадлежать центральному правительству, эта область политики не может относиться к украинской автономии (курсив мой — В. М.). Затем чрезвычайно важно, что в этот орган, который будет управлять Украиной, они согласились допустить и представительство от других

национальностей, населяющих малороссийские (?) губернии: от великороссов, поляков, евреев и других. Таким образом, Украинская рада, в организацию которой вносятся такие существенные поправки, должна выражать волю всего населения, а это именно то, чего желало достигнуть Временное правительство.

Н. В. Некрасов уехал из Киева по своим делам еще до окончания переговоров с украинцами, но вынес убеждение, что острый момент прошел и путь для соглашения вполне определился. Решение, принятое Радой, показывает, что Временное правительство сможет окончательно сговориться с Радой и установить общую точку зрения на управление Украиной¹⁾.

Как видим, представитель кадетской партии (Некрасов был „левым“ кадетом и, как ниже увидим, вопреки решению Ц. К. кадетской партии о выходе из правительства, остался в министерстве) вынес очень отрадное впечатление о результатах первой стадии переговоров с представителями Центральной Рады.

„Общий язык“, очевидно, сразу нашелся.

Некоторые подробности переговоров мы находим также в сообщении, сделанном Церетелли и Терещенко 2 июля на историческом заседании Временного правительства, в результате которого к.-д. вышли из министерства. (Кстати, по свидетельству многих участников, наиболее активную роль в переговорах, как и следовало ожидать, играл Церетелли: „Терещенко не принимал активного участия в переговорах. Он скорее играл роль примиряющего посредника между двумя, как он старался показать, близкими сторонами“²⁾).

Свои доклады Церетелли и Терещенко начали с того, что „украинцы очень обрадовались (!) их приезду и ответственные украинские политики заявили делегации о своей готовности немедленно вступить в переговоры. Первое собеседование Церетелли и Терещенко с украинскими политическими деятелями состоялось в гостинице³⁾. Второе — в помещении, занимаемом Радой. Винниченко и Грушевский сами сделали наброски своих проектов автономного устройства Украины.

В проектах этих не было ни слова о связи с Россией. Эта редакция не удовлетворила Церетелли, Терещенко

¹⁾ „Новая Жизнь“, № 64, от 2/15 июля 1917 г., стр. 3.

²⁾ Цитированная статья В. К. („Літературно-Науковий Вісник“).

³⁾ По сообщению неизвестного автора цитированной нами статьи и „Літературно-Наукового Вісника“ — „В день приезда, после заседания с министрами в Малій Раді, с вечера до полуночи происходило совещание министров в частном помещении барона Штейнгеля, где остановились Керенский и Церетелли. На этом совещании были три члена Генерального комитета для переговоров специально по военным делам. Министры все время откладывали военные вопросы, оставляя их „на потом“, когда будет достигнуто соглашение по другим вопросам“. („Літературно-Науковий Вісник“, кн. XII, 1923 р.).

и Керенского, заявивших, что они берут на себя составление собственного проекта соглашения с украинцами. Ко второму заседанию был уже подготовлен проект соглашения, разработанный Терещенко и продиктованный Церетелли. Военная часть проекта была изготовлена Керенским при участии командующего войсками К. В. О. и представителей местных армейских комитетов. Военная часть соглашения была целиком одобрена Радой без прений. (Курсив мой — В. М.). Некоторые разногласия возникли лишь при обсуждении общей части соглашения, главным образом, вокруг вопроса о Генеральном Секретариате.

Терещенко и Церетелли настаивали, чтобы в соглашении было указано об ответственности Генерального Секретариата не только перед Радой, но и перед Временным правительством. На это украинцы не пошли, и делегаты Временного правительства вынуждены были уступить.

В субботу вечером (1/VI) перед отъездом министров состоялось заключительное совещание с украинскими политическими деятелями¹⁾.

Принимая во внимание это сообщение Церетелли, следует подчеркнуть, что за основу, в конце концов, был принят проект соглашения, выработанный представителями Временного правительства.

Переговоры представителей Центральной рады и Генерального Войскового комитета продолжались 29-го и 30-го июня.

По сообщению „Речи“ — „30 июня Временное правительство в ночном заседании имело возможность получить сведения от находящихся в Киеве министров Терещенко, Церетелли и Керенского относительно результатов предпринятых ими шагов. С этой целью Временное правительство устроило заседание в помещении главного телеграфа, где по прямому проводу вело переговоры с Киевом. Из последовательно поступивших сообщений выяснилось, что прибывшие в Киев министры в течение первой половины дня 30 июня вели переговоры с руководителями Рады и достигли, по их мнению, благоприятных результатов. С 3 часов дня начались заседания Рады, которые продолжались до вечера. Последнее поступившее сообщение гласило, что рада только что вынесла постановление, которое, по мнению делегированных министров, может считаться приемлемым для Временного правительства. Излагать же постановления Рады по телеграфу министры находят неудобным и считают нужным в самый краткий срок изложить результаты своей поездки в личном докладе Временному правительству. Министры немедленно выезжают в Петроград“²⁾.

1) „Русское Слово“, № 150 от 4/VII 1917 г.

2) „Речь“ (орган к.-д. партии), № 152 от 1 июня 1917 г.

Текст соглашения и универсала был принят, очевидно, на совместном заседании Генерального Секретариата и президиума Центральной рады с Церетелли и Терещенко. Переговоры проходили далеко не гладко, так как у членов Генерального Секретариата, президиума Центральной Рады и Генерального Войскового комитета не было единодушия по всем вопросам заключаемого соглашения. Члены фракции у. с.-р. и члены Генерального Войскового комитета были в „оппозиции“ к заключаемому соглашению.

Острыми пунктами дебатов, по сообщению газет, были: вопрос о признании Украинского Генерального Войскового комитета и о формировании национальных украинских войск и вопрос об условиях соглашения между Центральной радой и неукраинской „демократией“. Как сообщала „Киевская Мысль“: „Керенский давал свое согласие лишь на формирование отдельных украинских войсковых частей, но при том лишь условии, чтобы это формирование не нарушало единства русской армии“¹⁾.

Что касается Генерального Войскового комитета, то Ц. Р. высказывала пожелание, чтобы Войсковый комитет был официально утвержден Временным правительством, на что министры, по сообщениям газеты „Нова Рада“, уклонявшиеся от прямого ответа, указали, что, по их мнению, утвердить Генеральный Комитет должна Центральная рада, как представительница краевой власти.

По вопросу об условиях соглашения между Центральной Радой и неукраинской „демократией“ Церетелли предложил, было, сначала, чтобы коструктирование Ц. рады происходило на основе включения в состав ее членов не менее половины от неукраинских организаций. „Когда генеральные секретари от неукраинских организаций дали понять министру, что на такой почве соглашение вперед не подвинется, он заявил, что не настаивает на этих требованиях, а только выражает желание местных неукраинских организаций“²⁾.

Достигнутое соглашение обсуждалось на нескольких закрытых заседаниях Рады и Генерального Войскового комитета. Заседания эти были очень бурными. По сообщению „Киевской Мысли“, на одном из заседаний „против соглашения восстала часть фракции социалистов-революционеров и члены Генерального Войскового комитета. Особо острую оппозицию вызвал вопрос о войске в постановке его министром Керенским, который не согласен с созданием особой украинской армии. Вызвали также возражения и те условия, на которых местная революционная демократия, а с ней вместе и министры, признают реорганизацию Центральной рады и те формы,

¹⁾ „Киевская Мысль“, № 162 от 4/VII 1917 г.

²⁾ „Киевская Мысль“, № 162 от 4/VII 1917 г.

которые должны, согласно выработанному соглашению, принять отношения между краевой украинской Радой и Временным правительством.

Все таки, несмотря на большую оппозицию, голосованием соглашение принципиально было принято Центральной радой в первом чтении, хотя весьма незначительным большинством голосов. Многие члены Рады воздержались от голосования. Оппозиция по отношению к такой форме соглашения с правительством еще более увеличилась, как говорили в кулуарах, после фракционных заседаний, на которых содержание соглашения было подробно рассмотрено. В фойе и в зале велись горячие споры между „угодовцами и оппозицией“¹⁾.

Некоторые дополнительные подробности борьбы внутри Центральной Рады между сторонниками и противниками соглашения мы находим в „Русском Слове“: „1-го июня (за точность даты трудно поручиться — В. М.) в течение дня состоялось несколько заседаний Центральной рады, происходивших весьма бурно. Сторонников соглашения на условиях, предложенных Церетелли, оказалось незначительное большинство. Решительно высказались против соглашения укр. с.-р. и Генеральный Войсковый комитет, считавший абсолютно неприемлемым те ограничения в военном деле, в частности в национализации армии, на которых настаивает Временное Правительство. Украинский Войсковый Генеральный комитет несколько раз покидал заседания Центральной рады и устраивал самостоятельные заседания. Большинство 100 против 70, при значительном числе воздержавшихся, Центральная рада приняла условия соглашения“...²⁾ (курсив мой — В. М.)

По сопоставлении с некоторыми другими источниками, нужно думать, что сообщения „Русского Слова“ вполне соответствуют действительности.

Характерно, что ни один из „историков“ — апологетов Центральной Рады не только не приводит этого факта, но, наоборот, он тщательно замазывается. Между тем, он является весьма показательным, как признак начальных, правда, еще очень слабых, процессов дифференциации внутри единого фронта украинского национализма.

Не имея достаточных материалов, мы не можем с достоверностью проанализировать состав „оппозиции“ по вопросу о соглашении с Временным правительством. Несомненно, однако, что она складывалась из разнородных элементов и частично состояла также из „самостийников“.

У нас нет достаточных данных, но тем не менее мы можем высказать предположение, что среди „оппозиции“, возможно,

¹⁾ „Киевская Мысль“, № 162, от 4 VII 1917 г.

²⁾ „Русское Слово“, № 150, от 4/VII 1917 г.

была также очень незначительная, неоформившаяся, находившаяся в процессе кристаллизации, группка, занимавшая в вопросе о соглашении с Вр. правительством более правильную позицию, группка, которая лучше улавливала настроение середняцких и бедняцких масс крестьянства.

Это было нарождавшееся, находившееся еще „в процессе становления“ левое крыло Центральной рады, сигнализовавшее об известных сдвигах, происходивших в массах, шедших еще тогда за Центральной радой. Как увидим, после опубликования второго универсала этот процесс отхода масс от Центральной рады начал развиваться все быстрее и быстрее.

Но на данной стадии сторонники соглашения — „уголовцы“, руководимые „благоразумными“, „умеренными“, „умудренными опытом и годами“ лидерами, одержали верх. Соглашение было принято . . .

Мы постарались, насколько было возможно, представить, хотя и очень неполно, картину „торга“ между Центральной Радой и Вр. Правительством на основе тех фактов, какие проникали в печать из закрытых „келейных“ совещаний, обставлявшихся большой таинственностью.

Мы оставляем в стороне много подробностей, относящихся к тем совещаниям неукраинских организаций, на которых выступали министры Временного правительства с изложением своих взглядов и т. д. и т. п.

В результате всех переговоров были приняты тексты „постановления“ Временного правительства и универсала Центральной рады, которые должны были быть опубликованы одновременно. Документы эти не были опубликованы немедленно потому, что Церетелли и Терещенко по прямому проводу из Петрограда получили от остальной части Временного правительства директиву — не заключать никаких окончательных соглашений с Центральной радой до заслушания их информации на заседании Временного правительства.

* * *

2-го июля (ст. ст.) в Петрограде, на квартире у министра-председателя Львова происходило частное совещание членов правительства, на которое неожиданно явились возвратившиеся из Киева Церетелли, Керенский и Терещенко.

Церетелли и Терещенко выступили с докладами о ходе и результатах переговоров с Центральной радой. Суть их информации приведена нами выше.

В виду большого интереса, какой представляет это заседание для уяснения тактики кадетов в момент их выхода из Временного правительства, мы считаем необходимым привести довольно подробный отчет об этом заседании, помещенный в „Русском Слове“. В заключение своей информации

„Церетелли вынул из портфеля текст соглашения с Центральной Радой. Его прервал министр Шингарев заявлением, что Терещенко и Церетелли не выполнили своих полномочий. Шингарев напомнил Вр. правительству о том заявлении, которое последовало перед отъездом Церетелли и Терещенко в Киев. Министры - кадеты единогласно высказались против посылки в Киев Терещенко и Церетелли, предлагая вызвать украинских политических деятелей в Петроград для совещания с Вр. правительством, при чем на это министр почт и телеграфа, Церетелли, от имени министров - социалистов, возразил: „Кадеты, очевидно, нам не доверяют. Андрей Иванович, прошу относиться ко мне с полным доверием. Я не уроню чести и достоинства России.“ (!). В конце концов Вр. правительство постановило делегировать Церетелли и Терещенко. Одновременно было сообщено военному министру Керенскому о желательности его присутствия в Киеве во время переговоров с украинцами. Министра путей сообщения Вр. правительство не делегировало. В этом же заседании Вр. пр. было постановлено, что Церетелли и Терещенко не уполномочены заключать какие бы то ни было соглашения с украинцами или принимать ответственные решения без санкции Вр. правительства. За это предложение кадетов голосовали министры - социалисты. „Между тем, — заявил Шингарев, — делегаты Вр. правительства самовольно заключили соглашение с Украиной. В виду этого я уполномочен министрами Мануиловым, Шаховским и Степановым потребовать аннулирования соглашения, заключенного с украинцами министрами Церетелли и Терещенко, и пересмотра этого соглашения в пленарном заседании Вр. пр.“. При этом Шингарев огласил следующее постановление ЦК кадетской партии по украинскому вопросу: „В развитие программы партии принять принцип областной автономии Украины. Образовать комиссию при Ц.К. по выработке для внесения в Учредительное собрание законопроекта об областной автономии Украины с сохранением государственного единства с Россией и при строгом обеспечении общегосударственных интересов“. Затем Шингарев сообщил проект украинской автономии, разработанный ЦК кадетов. С возражениями выступили Церетелли и Терещенко, которые заявили, что считают настоящее соглашение крупным успехом Вр. правительства. Керенский и Львов все время хранили молчание. После перерыва опять выступили министры - кадеты с требованием пересмотра соглашения ¹⁾.

¹⁾ По другому варианту, приводимому в „Киевской Мысли“, „кадеты предложили отсрочить публикацию декларации Временного правительства по украинскому вопросу, дабы его можно было еще раз обсудить во Временном правительстве. Кадеты указали, что опубликование считают абсолютно недопустимым, что нельзя поставить учредительное собрание перед совершившимся фактом — в данном случае фактом опубликования декларации по украинскому вопросу“. („Киевская Мысль“, № 162, 4/VII 1917 г.)

Церетелли заявил, что он уполномочен министрами - социалистами заявить готовность пойти лишь на одну уступку по украинскому вопросу. Если кадетов смущает положение Генерального Секретариата, министры - социалисты готовы на опубликование дополнительного постановления о Генеральном Секретариате, где будут оговорены взаимоотношения Генерального Секретариата и Временного правительства. Кадеты на это не согласились. Князь Львов поставил на голосование предложение кадетов о пересмотре текста соглашения с украинцами.

Перед голосованием¹⁾ Некрасов заявил, что воздерживается от голосования, так как по существу он согласен с текстом соглашения, который был принят министрами Церетелли и Терещенко, за исключением некоторых деталей, и берет на себя моральную ответственность за свое участие в переговорах по украинскому вопросу, но он считает для себя обязательной солидарность с товарищами по партии.

От имени министров - кадетов опять выступает Шингарев, который говорит, что у кадетов не остается возможности быть в рядах Временного правительства, так как оно на практике не оправдало своих задач. Мы, кадеты, всегда оставались в меньшинстве за все время деятельности Временного правительства. Даже по маловажным вопросам не было достигнуто компромисного соглашения министров - социалистов с кадетами. С большим сожалением мы вынуждены покинуть ряды Временного правительства, так как не можем нести ответственности за действия Временного правительства. Кадеты попрощались с министрами - социалистами и покинули заседание Временного правительства²⁾.

Так свершилась величайшая „трагедия“... Кадеты вышли из правительства, коалиция была разорвана.

Кадеты хлопнули дверью с тем, чтобы спустя несколько дней, после усиленных просьб „социалистов“, войти во Временное правительство уже на положении „дорогих гостей“, диктовавших свои условия, на положении настоящего хозяина жалкой коалиционной „лавочки“.

Мы так подробно остановились на описании „исторического“ заседания Вр. Пр., чтобы показать, как ловко господа кадеты разыграли комедию, оставив в дурачках „социалистических“ министров.

¹⁾ Относительно голосования мы в том же номере „Киевской Мысли“ находим такие подробности: „Министры - социалисты, к которым присоединились премьер, князь Львов, и обер - прокурор Львов, голосовали за принятие текста соглашения по украинскому вопросу, выработанного в Киеве в целом его виде без всяких купюр и без поправок, при чем высказались за немедленное его опубликование. Министры - кадеты — князь Шаховский, Шингарев, Мануйлов, Степанов и государственный контролер Годнев — голосовали за необходимость снова обсудить это соглашение и внести туда поправки. Голосованием предложение кадетов было отвергнуто“. („Киевская Мысль“, № 162, от 4/VII, 1917 г.)

²⁾ „Русское Слово“, № 150 от 4/VII 1917 г.

В решительный момент краха июльского наступления, перед лицом военного разгрома, г. г. кадеты предоставили социал-лакеям расхлебывать заваренную кашу, переложив на них всю ответственность, с тем, чтобы спустя несколько дней после подавления руками „социалистов“ июльского восстания рабоче-солдатских масс, выступить в роли спасителей „родины и свободы“...

Украинские социал-демократы и другие сторонники и участники сделки с Временным правительством забили в победные литавры, приписывая это величайшее „революционное“ событие своим исключительным дипломатическим талантам. Как же,— „выперли“ кадетов из министерства...

Так ли оно было в действительности? Нам могут указать:

— Какая же это сделка Центральной рады с империалистической русской буржуазией, если представители наиболее организованной части этой буржуазии вышли из правительства именно вследствие нежелания признать соглашение, заключенное с Центральной радой?

Мы выше уже старались показать, каково было действительное значение кадетского „маневра“, для проведения которого несогласие с разрешением украинского вопроса было лишь поводом.

В подкрепление этой мысли проведем заявление министра-председателя Львова, который в беседе с журналистами сказал: „причиной кризиса является, собственно, не украинский вопрос. Это не больше, чем повод (!). (Курсив мой— В. М.). Причину надо искать в расхождении точек зрения социалистов и буржуазии“¹⁾.

Если для нас вовсе не обязательно искать действительную причину кризиса там, где ее видит Львов, то, тем не менее, у нас нет никаких оснований сомневаться в том, что украинский вопрос, как это совершенно правильно указал Львов, был лишь поводом к этому кризису.

Декларация ЦК кадетов по поводу выхода их из правительства, между прочим, указывала, что „основная идея коалиции, как общенационального соглашения, не была осуществлена... По целому ряду вопросов члены партии народной свободы оставались в меньшинстве... Последним событием явилось принятие Правительством в готовом виде, без допущения возможности изменений, соглашения с Радой“²⁾.

Это место кадетской декларации явно проникнуто желанием приобрести в коалиционном правительстве совершенно явную, ничем не завуалированную гегемонию, что, собственно, и было главнейшим мотивом, руководившим кадетами при проведении июльского „маневра“.

1) „Русское Слово“, № 150 от 4/VII 1917 г.

2) „Русское Слово“, № 152 от 6/VII 1917 г.

Такие же нотки можно подметить и в передовице кадетского официоза — „Речи“, где мы читаем: „Выход членов партии „народной свободы“ при сложившихся обстоятельствах готовился давно. (Курсив мой — В. М.). Начавшееся на фронте нагупление его задержало.

... Важнейшие вопросы политической жизни не раз уже решались за кулисами в тесном составе немногих членов кабинета, руководивших всеми решениями правительства. На этот раз такое закулисное решение было подготовлено и проведено по вопросу, затронувшему самую существенную черту общего соглашения, на котором построена была коалиция, по вопросу, предрешающему деятельность Учредительного собрания и форму будущего устройства России. Это решение, принятое под прямым давлением киевской частной организации, было затем пред'явлено правительству в полном составе, как решение не допускающее никаких изменений. Даже и независимо от существа вопроса, подобное ведение дела не соответствует, очевидно, достоинству отдельных членов правительства. Но здесь шло дело вдобавок о лозунге, намеренная неясность которого открывала путь ко всем злоупотреблениям и правонарушениям в ущерб единству России. При этом не скрывалось, что подобное легкомыслие решения украинского вопроса может послужить прецедентом для решения ряда других национальных вопросов, ожидавших своей очереди.

Этого, очевидно, члены партии народной свободы не могли взять на свою ответственность. Они предпочли устраниться, оставив поле деятельности тем, кто действительно является виновником принимаемых решений¹⁾. (Курсив мой — В. М.).

Как видим, в данном случае „Речь“ выдвигала на первый план вопрос о методах разрешения вопросов коалиционным правительством, касаясь существа вопроса лишь „вдобавок“ и указывая на то, что выход кадетов из правительства готовился давно. Последняя фраза статьи проливает достаточный свет на действительную сущность кадетского „самоустранения“, имевшего целью взвалить на голову своих „союзников“ ответственность за все беды, оставшись самим в стороне...

Наконец, в доказательство выдвинутого нами положения мы можем еще привести выдержку из труда небезызвестного кадетского лидера, „историка“ П. Милюкова:

„... Конечно, кризис разыгрался не из-за одного украинского вопроса... Но решение украинского вопроса „триумvirатом“ в Киеве, с нарушением основных положений коалиции, представляло особенно яркое и типичное доказательство невозможности дальнейшего существования

¹⁾ „Речь“, № 154 от 4/VII 1917 г.

коалиции... (Курсив мой — В. М.). Министры партии народной свободы, чтобы показать, что они вовсе не против областной автономии Украины, принесли с собой в заседание 2-го июля только что состоявшееся решение ЦК партии внести областную автономию в программу и создать комиссию для выработки законопроекта. Но признать без всяких изменений бесформенную и юридически неграмотную декларацию Терещенко и Церетелли они не могли. После голосования, на котором на сторону министров-социалистов стали кн. Львов и обер-прокурор Синода, В. Львов, 4 министра-кадета вышли из Временного правительства¹⁾.

Нам думается — приведенные материалы с достаточной отчетливостью подчеркивают тот факт, что вовсе не украинский вопрос был действительной причиной выхода кадетов из правительства. Само июльское соглашение, разрешившее конфликт Центральной рады с Временным правительством, вовсе не было таким радикальным и революционным, чтобы оно, при другой обстановке, действительно способно было „отпугнуть“ кадетов.

В доказательство этого можно сослаться на тот факт, что во всех дальнейших переговорах по поводу ликвидации министерского кризиса, а также в тех ультимативных требованиях и декларациях об условиях вхождения кадетов в новое коалиционное правительство, какие выставлялись центральным комитетом их партии, ни слова не было упомянуто об аннулировании или изменении третьеиюльского соглашения с Центральной радой, как об обязательном условии для вхождения кадетов в правительство. То, что, как будто, было „причиной“ министерского кризиса при ликвидации его на новых ультимативных условиях, выставленных кадетами, было совершенно забыто, оставлено в стороне. В постановлении ЦК кадетской партии от 24 июля, „разрешавшем“ своим членам вхождение в правительство, мы читаем: „Принимая во внимание заявление министра-председателя о его намерении положить в основу создание сильной власти, (!) суровую необходимость вести войну, поддерживать боеспособность армии и восстановить хозяйственную мощь государства, ЦК партии „Народной Свободы“ предоставляет своим товарищам по личному выбору Керенского войти в состав правительства“²⁾.

Кадеты прекрасно понимали, что войдя в новое правительство в качестве победителей, в качестве никем не стесняемых господ положения, они смогут „разъяснить“ и „растолковать“ любой правительственный акт, в том числе и соглашение с Центральной радой, так, как они найдут нужным.

¹⁾ П. Н. Миялюков. „История второй русской революции“. София. 1921 г. Т. I, стр. 236 — 237.

²⁾ В. Владимирова. „Революция 1917 г.“ (хроника), т. III, стр. 214.

По существу кадеты ставили своей задачей превращение Центральной рады в агентуру империалистической русской буржуазии ценою наименьших (или никаких, если бы позволили обстоятельства) уступок национальному движению.

Несомненным можно считать, что факт капитуляции Центральной рады перед русской буржуазией имел неизмеримо большее значение, нежели те „уступки“, которые „социалистические“ министры сделали Центральной раде, якобы без согласия буржуазии.

Мы не имеем возможности в рамках настоящей статьи останавливаться на тех оттенках мнений, какие существовали в данный период по основным вопросам революции, и в частности по украинскому вопросу, среди различных групп русской буржуазии, в том числе и кадетов. Но мы должны констатировать, что полного единодушия в этот период не было.

Мы знаем, во-первых, что из-за „несогласия в разрешении украинского вопроса“ вышли из правительства только четыре министра - кадета, что член кадетской партии — министр Некрасов в правительстве остался и даже вышел из кадетской партии, что в правительстве остался Терещенко, Львов и другие и что, следовательно, даже с этой чисто формальной точки зрения считать соглашение, заключенное Центральной радой, соглашением с „революционной демократией“, а не капитуляцией перед русской буржуазией, было бы, по меньшей мере, неосновательным.

Из „Русского Слова“ мы узнаем, например, что столь важная группа партии кадетов, как московская и „в центральной и в городском комитетах признала недопустимым уход кадетов из министерства... Решение об отозвании из министерства членов партии было принято в ЦК далеко не единодушно. Меньшинство оказалось достаточно внушительным. Министр Некрасов, видный представитель левого течения в партии, вышел из ее состава... Киевские кадеты выразили свою солидарность с Временным правительством в украинском вопросе“¹⁾.

Если даже согласиться с утверждением, считающим июльское соглашение с Центральной радой действительной причиной выхода кадетов из министерства, то приведенный факт разногласий в ЦК кадетской партии и решение киевского комитета к.-д. показывают, что с точки зрения значительной группы русской буржуазии соглашение не только не встречало возражений, но и прямо поддерживалось. Мы можем указать далее, что военная сторона заключенного соглашения нашла безусловное одобрение со стороны всех членов Вр. правительства, в том числе и вышедших в отставку министров-кадетов.

¹⁾ „Русское Слово“ № 151, от 5/VII, 1917 г.

С этой же точки зрения весьма любопытна та оценка июльского соглашения, какую мы находим на страницах неоднократно нами цитировавшейся влиятельной буржуазной газеты „Русское Слово“: „Соглашение, действительно, на этот раз, после чрезвычайных усилий, достигнуто и, если можно так выразиться, дипломатическая победа осталась на стороне Временного правительства. Прежде всего министрам-парламентерам Церетелли и Терещенко удалось склонить украинцев к принятию основного положения, в силу которого вопрос о национально-политическом устройстве Украины и о способах решения в ней земельного вопроса должен быть предоставлен компетенции Всероссийского Учредительного собрания... (Курсив мой — В. М.). Что касается притязаний украинцев на особую организацию национальной армии, то оно решительно отклонено Вр. правительством, хотя некоторые уступки по части комплектования отдельных исключительно украинских воинских частей и права делегирования особ уполномоченных от Украины в кабинет военного министра, Генеральный штаб и ставку верховного главнокомандующего, сделаны правительством в пользу украинцев... Такой же уступкой несомненно является и образование до Учредительного собрания на Украине особого органа краевого управления — Генерального Секретариата. Хотя, согласно заявления Вр. пр-ва, орган этот в руках последнего должен являться лишь только орудием, через которое будут осуществляться правительством все его мероприятия, касающиеся жизни края и его управления...

... Воззвание Рады по поводу состоявшегося соглашения вносит еще раз примиряющую ноту в тяжелый конфликт и должно явиться серьезной поддержкой Вр. пр...

Правительству все же удалось объединить вокруг себя более зрелые и уравновешенные политические элементы украинского населения. (Курсив мой — В. М.). Во всяком случае, мы приветствуем украинское соглашение, ибо каков бы ни был его удельный вес, все же „худой мир лучше доброй ссоры“¹⁾.

Присмотримся теперь поближе к тем официальным документам, которыми было закреплено объединение вокруг Временного правительства „более зрелых (!) и уравновешенных (!) политических элементов украинского населения“...²⁾.

¹⁾ „Русское Слово“, № 150 от 4/VII 1917 г.

²⁾ 22 июля Ц. рада имела случай вывить свое отношение к кризису Вр. пр. в вопросе о вхождении кадетов в правительство. Вопрос этот поднял на заседании комитета Ц. рады Чекаленко, который сказал: „Вноситесь ріжні пропозиції, телеграми делегацій. Але до кого звертатися, коли правительства нема?..“

Шульгин (с. - ф.), поддерживая этот запрос, указал, что „Ми мусимо зарят тут маги, більше, ніж коли. тверду власть. Але ми потребуємо затвер-

* *
*

Основы соглашения, намеченные, как выше указывалось, во время пребывания министров Вр. пр. в Киеве, бы ли официально прокламированы в двух документах: в постановлении Вр. правительства, принятом после выхода кадетов из министерства и телеграфно переданном в Киев на имя В. Винниченко 3-го июля, и в универсале Центральной рады, опубликованном в тот же день.

Постановление Временного правительства гласило: „Назначить в качестве высшего органа управления краевыми делами на Украине особый орган, Генеральный Секретариат, состав которого будет определен правительством по соглашению с украинской Центральной радой, пополненной на справедливых началах представителями других народностей, живущих на Украине, в лице их демократических организаций. Через означенный орган будут осуществляться правительством мероприятия, касающиеся жизни края и его управления. Считаю, что вопрос о национально-политическом устройстве Украины и о способах решения в ней земельного вопроса, в рамках общего положения о переходе земли в руки трудящихся, должен быть разрешен Учредительным собранием, Временное

дження чи то від Петербургу, чи від Кознилова“ (!!). Сами себе проголошувати властю ми не хочемо“... Развернулись дебаты, в результате которых были предложены две резолюции — Поша (у. с.-д.) и Золотарева (Бунд). Резолюция Порша гласила: „Оцінюючи сучасну кризу Тимчасового революц. уряду і беручи на увагу, що торговельно-промислові великобуржуазні кадри і їх політичні партії досить показали себе ворожими програмі революційної демократії, У. Ц. Р. вважає, що затяжний урядовий кризис при сучасному становищі на фронті є надто небезпечний з погляду контр-революції, що розв'язання його повинно бути негайним і що при утворенні нового уряду ні в якій разі не можна ламати програму революційної демократії“.

Это была насквозь фальшивая, лицемерная резолюция, которая обходила существо вопроса, не высказывалась, якобы, прямо ни за, ни против вхождения кадетов во Вр. правительство, оставляя лазейку для толкования ее и в том, и в другом духе. Золотарев предложил следующую резолюцию:

„У. Ц. Р. знходить, що при сучасних умовах тільки уряд, котрий опирається на всі живі сили (!) держави, може посідати всю повноту влади, що такий коаліційний уряд може здійснити завдання революційної творчості на основі платформи уряду від 8 липня, що в тому разі, коли к.-д. відмовляються від участі в складі уряду, останній повинен бути зформований без участі к.-д, але при участі інших груп буржуазії. (Курсив мой — В. М.), що визнають платформу цю, що зформованому в контакті і при участі Соцітів Роб. Садд. та Сел. депутатів урядові — УЦР обіцяє піддержку при умові дотримання ним згоди УЦР з Тимчасовим урядом від 3-го липня“.

Эта резолюция прямо ставила точки над „и“, и считала, что в том случае, если к.-д. откажутся от участия во Вр. пр., оно должно быть сформировано при участии других групп буржуазии. Эта резолюция и была принята большинством голосов комитетом Центральной рады. Позидия, занятая в этом вопросе Ц. радой, ничем решительно не отличалась от позиции соглашательских меньшевистско-эсеровских партий. (Цитирую по протоколу заседания комитета Центральной рады — В. М.).

правительство отнесется сочувственно к разработке украинской радой проекта о национально - политическом положении Украины в том смысле, в каком сама рада найдет это соответствующим интересам края, а также и формах разрешения в ней земельного вопроса, для внесения этих проектов в Учредительное собрание. Временное правительство, считая необходимым во время войны охранить боевое единство армии, находит недопустимым меры, могущие нарушить единство ее организации и командования, как, например, изменение в настоящее время общего мобилизационного плана путем немедленного перехода к системе территориального комплектования войсковых частей или облечения командными правами каких - нибудь общественных организаций. Вместе с тем, правительство считает возможным продолжать содействовать более тесному национальному объединению украинцев в рядах самой армии, в виде комплектования отдельных частей исключительно украинцами, поскольку такая мера по определению военного министра будет представляться возможной в техническом отношении и не нарушит боеспособности армии. В настоящее время, для более планомерного и успешного достижения этой цели, Временное правительство находит возможным привлечь к осуществлению этой задачи самих воинов - украинцев, для чего по соглашению с Центральной радой могут быть командированы особые делегаты украинцы, которые будут состоять при кабинете военного министра, генеральном штабе и верховном главнокомандующем. Что касается военных украинских комитетов на местах, то таковые осуществляют свои функции на общих основаниях, при чем их деятельность должна быть согласована с деятельностью других военно - общественных организаций“.

Что обещает и что конкретно дает Центральной раде „акт“ Временного правительства ?

Он, во - первых, не содержит в себе ни слова о признании автономии Украины. В цитированной книге П. Христюк рассказывает, как настойчиво противился Церетелли тому, чтобы в акте Временного правительства было хотя бы упомянуто слово „автономия“.

Наоборот, постановление со всей отчетливостью подчеркивает, что вопрос о национально - политическом устройстве Украины „должен быть разрешен Учредительным собранием“. Зато Временное правительство „сочувственно“ относилось и милостиво разрешало Центральной раде заняться... разработкой (!) проекта о будущем устройстве Украины для внесения его в Учредительное собрание. Вообще этот „акт“ больше содержал в себе указаний на то, чего не разрешается делать Центральной раде, чем наоборот...

Основной „уступкой“ Временного правительства являлось признание Генерального Секретариата. В этом некоторые умудрялись находить косвенное признание принципа автономии

Украины. Если с этим и согласиться, то нужно сказать, что Временное правительство покупало услуги мелкобуржуазных лидеров Центральной рады очень и очень дешево. Впрочем, они были, очевидно, весьма довольны таким исходом дела. Так, например, М. Грушевский писал по поводу июльского соглашения: „Порозуміння Центральної Ради з Російським Центральним Урядом... відкрило собою нову сторінку (!) в житті України. Організоване українське громадянство, поставлене попередньою відмовою Тимчасового Російського Уряду на національні українські домагання в відносини напружені, з сим порозумінням переходило на ґрунт тісного союзу й співробітництва“¹⁾. (Курсив мой — В. М.).

Как видим, высказанное нами выше положение о „союзе и сотрудничестве“ подчеркивается и М. Грушевским, как центральная основа соглашения.

Итак, призна неавтономии без упоминания об автономии — таково было содержание „акта“ Временного правительства в этой части. Зато Вр. правительство... „признавало“, т. е. вернее назначало Генеральный Секретариат, но... в качестве органа, через который „Временное правительство будет осуществлять мероприятия, касающиеся жизни края и его управления“. Т. е., иными словами, Генеральный Секретариат (об ответственности его перед Ц. радой, органом которой он был, не говорилось ни слова) превращался в исполнительно-чиновничий привесок центральной коалиционного правительства.

Не приходится указывать, что „постановление“ ни слова не говорило о том, на какую же, собственно, территорию распространяется компетенция Генерального Секретариата, какую сумму губерний следует понимать под словом „Украина“. Господа „социалистические“ министры в этом постановлении вообще предпочитали заниматься... алгеброй; арифметические упражнения они оставляли на долю... кадетов. Впоследствии, при толковании этого вопроса в юридической комиссии Вр. правительства, господа кадеты преподали мелкобуржуазным лидерам Ц. рады хороший урок арифметики, упорно утверждая, что Украина равна пяти губерниям...

Что касается земельного вопроса, то Ц. раде разрешалось... заняться разработкой всяких проектов и рекомендовать украинскому крестьянству терпеливо ожидать того времени, когда империалистическая русская буржуазия позволит своим „социалистическим“ коллегам по министерству созвать Учредительное собрание... для окончательного (!) разрешения всех вопросов...

Зато в пределах разработки земельных проектов Центральной раде разрешалось... проявлять „самостоятельность“...

---

¹⁾ М. Грушевський. „Україна і Росія (переговори в справі нового ладу)“. Київ. 1917 року.

Нечого и говорить о том, что в одном из самых основных для русской буржуазии вопросов — вопросе военном — „акт“ разразился грозным окриком: „Временное Правительство, считая необходимым во время войны охранять боевое единство армии, находит недопустимым меры, могущие нарушить единство организации армии и командования“...

Как указывалось выше, в военном вопросе Керенский, ведя переговоры с Генеральным Войсковым комитетом, категорически и решительно не соглашался итти ни на какие уступки. Кадеты отнеслись весьма одобрительно к военной стороне заключенного соглашения.

А с точки зрения империалистической русской буржуазии, да и ее английского хозяина — в этом был гвоздь всего положения.

Таково было „постановление“ Временного правительства.

Мы не сомневаемся в том, что если бы кадетам не было выгодно осуществить в этот момент свои „маневры“, они, ни минуты не колеблясь, подписали бы заключенное „социалистическими“ министрами соглашение.

Однако мы не можем рассматривать этот документ как односторонний акт, только как наглядную иллюстрацию к практическому разрешению национального вопроса коалиционным правительством.

Мы должны рассматривать этот документ также и как тот минимум „благодетельный“, на какие соглашалась Центральная Рада, за какие она отказывалась в дальнейшем от революционных путей в разрешении национального украинского вопроса... Ведь „постановление“ Вр. пр. и второй универсал являются взаимно связанными актами, двумя сторонами одной и той же медали — третьейюльской сделки...

Второй универсал гласил:

„Громадяни Землі Української.

Представники Временного Правительства повідомили нас про ті певні (определені) заходи, яких Временне Правительство має вжити в справі управління на Україні до Учредительного Зібрання. Временне Правительство, стоячи на сторожі завоюваної революційним народом волі, визначаючи за кожним народом право на самовизначення і односячи остаточне встановлення форми його до Учредительного Зібрання, простягає руку представникам Української демократії — Центральної Раді і закликає в згоді з ним творити нове життя України на добро всієї революційної Росії.

Ми, Центральна Рада, яка завсїгди стояла за те, щоб не одділяти України од Росії, щоб, вкупі з усіма народами її, працювати до розвитку та добробуту всієї Росії і до єдності демократичних сил її, з задоволенням приймаємо заклик Правительства до єднання й оповіщаємо всіх громадян України:

Українська Центральна Рада, обрана українським народом через його революційні організації, незабаром поповниться на справедливих основах представниками інших народів, що живуть на Україні, од революційних організацій, і тоді стане тим єдиним найвищим органом революційної демократії України, який буде представляти інтереси всієї людности нашого краю.

Поповнена Центральна Рада виділить наново з свого складу окремий відповідальний перед нею орган — Генеральний Секретаріат, що буде представлений на затвердження Временного Правительства як носитель найвищої краєвої влади Временного Правительства на Україні.

У цьому органі будуть об'єднані всі права й засоби, щоб він, як представник демократії всієї України і, разом з тим, як найвищий краєвий орган управління, мав змогу виконувати (ісполнять) складну роботу організації та впорядкування життя всього краю в згоді з усією революційною Росією.

В згоді з іншими національностями України і працюючи в справах державного управління як орган Временного Правительства, Генеральний Секретаріат Центральної Ради твердо йтиме шляхом зміцнення нового ладу, утвореного революцією.

Прямуючи до автономного ладу на Україні, Центральна Рада, в згоді з національними меншостями України підготує проекти законів про автономний устрій України для внесення їх на затвердження Учредительного зібрання.

Вважаючи, що утворення краєвого органа Временного Правительства на Україні забезпечує бажання наближення управління краєм до потреб місцевої людности в можливих до Учредительного Зібрання межах і визначаючи, що доля всіх народів Росії міцно звязана з загальними (общими) здобутками революції, ми рішуче ставимось проти замірів самовільного здійснення автономії України до Всеросійського Учредительного Зібрання.

Що торкається комплектування українських військових частей, то за для цього Центральна Рада матиме своїх представників при кабінеті Військового Міністра, при Генеральному Штабі і Верховному Главнокомандуючому, які будуть брати участь в справах комплектування окремих частин виключно українцями, поскільки таке комплектування, по определению Військового Міністра, буде являться з технічного боку можливим без порушення боєспособности армії.

Оповідіаючи про це громадян України, ми твердо віримо, що українська демократія, яка передала нам свою волю, з революційною демократією всієї Росії та її революційним Правительством прикладає всі свої сили, щоб довести всю державу і зокрема Україну, до повного торжества революції“.

Следует сказать, что в целом этот документ, как и всякий, впрочем, компромиссный продукт сделки, является политически крайне бесцветным и бессодержательным. Да и о чем было в нем говорить ?

„Постановление“ Временного правительства исчерпывало собой перечень дозволенного и недозволенного для Центральной рады с точки зрения русской буржуазии.

Второй универсал должен был послужить политическим флером для прикрытия неприглядной наготы капитуляции Центральной рады.

В то же время второй универсал имел своей задачей замаскировать, по возможности, перед лицом широких масс сущность проделанного Центральной радой девяностоградусного поворота. Это, однако, слабо удавалось...

Об аграрном вопросе, вскользь упомянутом в первом универсале, во втором основательно позабыли, не сочтя нужным затронуть эту жгучую для украинского крестьянства тему.

Даже в словах обращения, вместо „народе селян, робітників, трудящого люду“, как мы читаем в первом универсале, во втором — Центральная рада обращается к „громадянам землі української“...

Зато Временное правительство, которое за время от первого до второго универсала успело сделать значительный шаг вперед по пути превращения в контр-революционную военную диктатуру, правительство, снова бросившее тысячи рабочих и крестьян в огонь империалистической войны, правительство, готовившее питерским и другим рабочим кровавую баню, превратилось во втором универсале в правительство, „стоящее на страже завоеваний революции“.

В соответствии с „постановлением“ Временного правительства Генеральный Секретариат провозглашается носителем „высшей краевой власти Временного правительства на Украине“. Генеральный Секретариат является „органом Временного правительства“ на Украине.

А поскольку компетенция и круг деятельности Секретариата определялись общими фразами о „пути укрепления нового строя, порожденного революцией“ и т. д. и т. п., постольку это означало, что, являясь органом Временного правительства, Генеральный Секретариат должен был проводить ту же политику, что и Временное правительство. Генеральный Секретариат должен был: удерживать крестьян от каких бы то ни было попыток захвата земли, охранять „дворянские гнезда“ Терещенко и прочих „иже с ним“, убеждать крестьян в необходимости „потерпеть“ и подождать до Учредительного собрания, душить рабочее движение, удерживая его от активных действий и „эксцессов“ и вообще „спасти“ край от анархии; гнать украинизированные воинские части на фронт в наступление, поддерживать введение смертной казни на фронте и при этом одурачивать массы всякими демократическими и даже социалистическими обещаниями. Всю эту политику контр-революционной русской буржуазии бралась проводить Центральная рада.

Конечно, об этом не было прямо сказано во втором универсале, но это читается между строк, это является настолько само собою разумеющимся, вытекающим из сути самого соглашения, что о нем и говорить не приходится.

В военном вопросе полная капитуляция Центральной рады выявилась еще ярче. Она обещала производить украинские формирования лишь с разрешения военного министра, да и то лишь в том случае, если они с технической стороны будут являться возможными „без нарушения боеспособности армии“...

Наконец, центральным местом, увенчивающим все здание соглашательства, являлся отказ от революционных путей осуществления автономии Украины: „Ми рішуче становимось проти замірів самовільного здійснення автономії України до Всеросійського Учредительного Зібрання“. (Об украинском Учредительном собрании, упоминавшемся в первом универсале, также успели позабыть).

Это было как раз то важнейшее, что нужно было империалистической русской буржуазии. Ведь включения этого пункта в универсал наиболее настойчиво требовала от Центральной рады делегация Временного правительства.

Этим пунктом Центральная рада связывала себя по рукам и ногам, отказывалась от революционных методов борьбы, выдавала с головой русской буржуазии шедшие за ней массы, загоняя в тупик их революционную энергию, становилась на путь жалкого крохоборчества и, сводя на нет все сделанные массами завоевания, предавала их классовые и национальные интересы.

Превращаясь в агентуру империалистической русской буржуазии, Центральная рада тем самым не только брала на себя обязательство поддерживать все контр-революционные мероприятия буржуазного коалиционного правительства, она своим нейтралитетом развязывала Временному правительству руки для борьбы с нараставшим движением рабочих и крестьянских масс, сама принимала непосредственное участие в этой борьбе и становилась беспомощной игрушкой в руках Временного правительства.

Несомненно, что в том разгроме, какой учинило Временное правительство над большевистскими и рабочими организациями после июльских дней, значительная доля участия принадлежит Центральной раде, оказавшей ему поддержку в самые критические для него месяцы...

Второй универсал — это позорный документ, знаменовавший собой решительный шаг и поворот в деле превращения Центральной рады в контр-революционную организацию.

Это была первая предоктябрьская измена Центральной рады и классовым и национальным интересам трудящихся масс Украины.

Центральная рада спустя короткое время пыталась снова играть оппозиционную роль. Но роль эта была чрезвычайно

жалка, ибо основные командные высоты, при помощи которых можно было вести действительную борьбу с буржуазным коалиционным правительством, были сданы в результате июльской капитуляции.

И нет ничего удивительного в том, что второй универсал получил на страницах враждебной украинскому национальному движению печати хвалебную оценку. „Киевская Мысль“, например, писала: „каждый, кому дороги завоевания революции, кто связал свои чаяния и надежды с ее поступательным развитием со вздохом облегчения (!) прочтет второй универсал Украинской Центральной рады. Насколько первый универсал... был полон опасности для единства революционных сил, настолько второй, проникнутый духом революционного (!) единения украинской и всероссийской демократии, обещает создать дружеское сотрудничество всех революционных сил на Украине. Первый универсал — акт борьбы и раздора, второй — мира и единения“¹⁾.

Поистине, перефразируя известную поговорку, можно сказать: „скажи, кто тебя хвалит, и я скажу тебе, кто ты такой...“

Такова была эволюция, проделанная Центральной радой в течение короткого срока.

Очень правильную оценку этой предоктябрьской „репетиции“ измены Центральной рады мы находим в воззвании ЦИК Советов от 10/XI 1917 г.: „Центральная Рада вступила в соглашение с контр-революционным правительством Керенского по вопросу о том, сколько губерний империалистическая русская буржуазия соблаговолит включить в состав Украины. Центральная Рада посылала в Петроград делегации к Керенскому и Некрасову и терпеливо сносила издевательства над этими делегациями со стороны этих контр-революционных правителей... Но Центральная Рада не сделала ни одного шага, чтобы войти в соглашение с правительством рабочих и крестьян, открывающим дорогу всем народам России к свободе и счастью“.

Тогда, в ноябре - декабре, мелкобуржуазные лидеры Центральной рады перед лицом победоносной пролетарской революции нашли в себе силы и решимость, нашли энергичные слова и не менее энергичные действия для борьбы с советской Россией, для борьбы с пролетарской революцией, несшей полное освобождение всем угнетенным национальностям от пережитков всякого гнета.

Программа, провозглашенная Винниченко еще в июле месяце 1917 года, была полностью проведена в жизнь. Лозунг „самостийной“ Украины послужил орудием создания барьера, препятствовавшего развертыванию пролетарской революции на Украине, сделав из нее всероссийский центр мелкобуржуазной контр-революции, отрезав ее от героических отрядов

¹⁾ „Киевская Мысль“, № 162 от 4/VII 1917 г.

борющегося русского рабочего класса и отдав на растерзание крупных империалистических хищников.

Русская буржуазия оказалась и ненадежным и кратковременным союзником украинского национализма. Не прошло и четырех месяцев со времени июльской капитуляции, как под ударами пролетарской революции рухнуло на веки вечные господство русской империалистической буржуазии. Украинский национализм со своим детищем — „Украинской Народной Республикой“, очутившись без „хозяина“, снова начал метаться в поисках политической ориентации между антантовским и германским империализмом, пока, наконец, не попал в железные объятия прусского юнкерства и не был сброшен в мусорную яму истории сапогом немецкого лейтенанта...

Таков был путь к превращению Центральной рады в контр-революционную силу.

(Окончание следует)

В. АВЕРИН

ОКТАБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ЕКАТЕРИНО- СЛАВЕ

(Сентябрь 1917 — апрель 1918 г. г.)

НАСТРОЕНИЕ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИХ МАСС

Переломным моментом в подготовке рабочих и солдатских масс к Октябрьскому перевороту явилось в Екатеринославе, как и в других местах, корниловское выступление.

В дни похода контр-революции во главе с генералом Корниловым на Петроград (1917 г.) настроение среди рабочих Екатеринославщины в значительной степени изменилось в сторону поддержки политики и тактики нашей большевистской партии. Но полевение рабочих происходило систематически и раньше под влиянием целого ряда других причин. Широко развернута пропаганда и агитация большевистской организации среди фабрично-заводских рабочих и солдат, направленная всем своим острием против внешней и внутренней политики Временного правительства буржуазии, а затем правительства коалиции, которое продолжало ничем неприкрытую империалистическую политику в международных отношениях, антирабочую и антикрестьянскую политику внутри страны, способствовала наивысшему революционизированию широких рабочих и солдатских масс и высвобождению их из-под влияния мелкобуржуазных соглашательских партий.

Екатеринославской организацией с огромным успехом были проведены массовые рабочие демонстрации против ноты Милюкова (апрель 1917 г.), против создания коалиции (май 1917 г.), против наступления на фронтах по приказу А. Керенского (июнь 1917 г.), против контр-революционной погромной политики коалиции, направленной против нашей партии и революции (июль 1917 г.), против Московского Государственного Собрания, которое явилось преддверием к корниловскому походу на петроградский пролетариат (август 1917 г.). В течение всего периода велась усиленная и неослабевающая непрерывная кампания в виде митингов на фабрично-заводских предприятиях и в полках, разъяснения истинной сущности внешней и внутренней политики правительства коалиции и мелкобуржуазных партий, выяснения очередных задач, которые в ходе

развития революции ставила перед рабочим классом наша партия, и т. п. Все это вместе взятое к сентябрю 1917 г. создало такие условия, при которых большевистская организация если еще в Совете не имела большинства, зато все более завоевывала влияние среди рабочих и солдат.

Наряду с этим следует отметить, что, начиная с июня по сентябрь 1917 г., на Екатеринославщине, как и во всей России, очень сильно обострился продовольственный кризис. Материальное положение рабочих с каждым днем ухудшалось. Промышленность, работавшая в своем огромном большинстве на оборону, стала хиреть. Возникло большое количество конфликтов между рабочими и предпринимателями на экономической почве. По далеко неполным данным тогдашней печати за три месяца (июнь — август 1917 г.) в Екатеринославе было свыше ста забастовок. Бастовали не только рабочие отдельных предприятий, но очень часто забастовки охватывали целые профессиональные объединения.

Забастовки далеко не всегда возникали на почве предъявления рабочими экономических требований из области оплаты труда, сокращения рабочего времени, улучшений условий труда и прочее, — очень часто поводом к забастовке служило частичное сокращение производства или временное прекращение работы всего предприятия, а то и закрытие его без указания срока по различным предложениям (как, например, отсутствие заказов, топлива, сырья, финансовые затруднения и прочее). За этими формальными причинами предприниматели очень часто скрывали настоящую причину — свою неуверенность в завтрашнем дне.

Эта полоса промышленного развала и финансовых затруднений захватила не только мелкие и средние фабрично-заводские предприятия, но и крупнейшие металлургические заводы. Так, например, на Брянском заводе в июле 1917 г. из семи доменных печей, работало три, из семи мартеновских только четыре печи. Прокатка почти совсем прекратилась. То же самое имело место и на других крупных заводах.

Выплавка чугуна и стали сократилась наполовину; штамповка снарядных стаканов, саперных лопат и других военных инструментов, производство которых в годы войны было возвращено довольно широко, совсем прекратилась. Значительное сокращение производства на крупных заводах, остановка мелких и средних, финансовые затруднения, ведущие часто к несвоевременной выплате зарплаты, — все это вместе взятое вело не только к ухудшению материального положения рабочих и увеличению числа безработных, но и к разочарованию широких рабочих масс в способности коалиционного правительства и мелкобуржуазных соглашательских партий предотвратить дальнейший промышленный развал и экономическую разруху страны.

Рабочие все больше и больше приходили к выводу, что выйти из экономического, финансового и промышленного хаоса, который породила война и который углубляется благодаря империалистской политике коалиционного правительства, можно лишь одним путем — путем свержения власти буржуазии и перехода ее в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Рабочие крупнейших предприятий Екатеринослава были настроены против коалиционного правительства и шли в ногу с нашей партией еще с июльских дней, но в Екатеринославском Совете Раб. и Солд. Депутатов огромное большинство оставалось все же за партиями коалиции, которые тянули рабочих вправо в области внешней политики и стремились всемерно к задержке дальнейшего углубления и развития революции.

Крестьянство Екатеринославщины по вопросам внешней политики находилось до корниловских дней под влиянием мелкобуржуазных партий. Это подтверждается резолюциями крестьянских съездов в июне, июле и августе 1917 г. Крестьянский съезд от 10 июня (400 делегатов) одобрил вхождение „социалистов“ во Временное правительство и обещал ему всемерную поддержку. Однако по вопросу о земле съезд не хотел ожидать Учредительного собрания и вынес постановление об отмене частной собственности на землю, леса и угодья и об урегулировании вопроса о пользовании землей через крестьянские земельные комитеты.

в VII 1917

Второй крестьянский съезд с 11 по 16/VI 1917 г. (2000 делегатов) повторил то же самое. Третий съезд крестьянского союза, состоявшийся накануне корниловского выступления, в своем постановлении подчеркнул, что он идет под флагом Всерос. Крестьянск. Союза, представители которого входят в Совет Раб. и Солд. Деп. для совместной работы, а Екатеринославский Губернский Земельный Комитет обращался к Временному правительству с ходатайством „в виду массы земельных конфликтов о передаче всей земли в ведение земельных комитетов“.

Крестьянские массы шли дальше решений крестьянских съездов и, не ожидая Учредительного собрания для решения земельного вопроса, самочинно захватывали земли помещиков, дуга и угодья. Грозные распоряжения генерал-губернатора Одесского Военного Округа Эбелова о недопущении захвата помещичьей земли дальше канцелярий губернских комиссаров не шли, так как проведение в жизнь этих распоряжений требовало надежной вооруженной силы, а ее-то и не было. При конфликтах между помещиками и крестьянами выступали в качестве „посредников“ представители меньшевистско-эсеровского большинства Совета. Они в роли третьей „державы“ пытались, но без достаточного успеха, примирить непримиримое. Захват шел стихийно и неорганизованно.

Хотя крестьянские широкие массы в своих резолюциях заявляли о полной солидарности с коалиционным правительством, на практике они шли против Временного правительства и мелкобуржуазных партий.

Требование нашей партии о передаче всей земли в распоряжение крестьянских земельных комитетов до созыва Учредительного собрания претворялось, таким образом, крестьянством в жизнь, вопреки решениям крестьянских съездов, где представляли в большинстве середняки и кулаки. Средняцко-кулацкая плотина была логикой развивающейся революции прорвана.

ИЮЛЬСКИЕ ДНИ В ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ

Прежде чем перейти к событиям корниловских дней, необходимо для ясности познакомиться с содержанием нескольких документов, относящихся к июльским дням 1917 г. Прежде всего следует остановиться на резолюции нашего Екатеринославского партийного комитета, принятой на заседании К-та 6 июля 1917 г.

„Наступил поворотный пункт в развитии революции, — говорилось в резолюции, — кризис власти, неизбежность которого мы давно предсказывали, наконец, разразился. Представители контр-революционных буржуа, кадеты, разошлись по вопросу об украинской автономной даже со своими буржуазными коллегами по кабинету и вышли из министерства. Русские империалисты, они не могли примириться с автономией Финляндии и Украины. Все усилия они прилагали, чтобы порвать соглашение Рады с Временным правительством. Когда большинство Временного правительства поняло необходимость пойти на уступки справедливым требованиям украинского народа, кадетские министры, подчиняясь центральному комитету своей партии, подали в отставку.

Но причины кризиса лежат гораздо глубже, — в непримиримых противоречиях интересов, представленных в правительстве классов. Украинский вопрос явился только поводом раскрывать всю непрочность данной политической комбинации, объединившей непримиримых противников революции, представителей буржуазии, ставленников Петроградского Совета.

Поэтому замена выбывших из Министерства представителей буржуазии „другими делегатами того же класса только бы обострила кризис“.

Всю ответственность за создавшееся положение несут также партии меньшевиков и эсеров, пославшие своих представителей в коалиционное министерство.

Перед демократией снова встал вопрос о власти. Большинство Центрального Комитета Советов пытается примирить непримиримое, создать правительство из враждующих классов.

Революционные солдаты и рабочие Петрограда, опасаясь новых соглашений с буржуазией, самочинно, без призыва руководящих центров вышли на улицу с требованием перехода власти к Советам. Насколько можно судить по фальсифицированным известиям агентства и буржуазной прессы, вооруженные демонстрации рабочих и солдат перешли в кровавые столкновения, есть убитые и раненые.

Министры укрылись в штабе главнокомандующего войсками округа, где по их указаниям выработывались решительные меры для прекращения беспорядков. Можно подумать, что в Петрограде повторяются июньские дни 1848 года, когда генерал Кавеньяк расстрелял парижских рабочих.

Контр-революционная буржуазия открыто использует создавшееся положение, чтобы раздавить пролетариат и ввести в России военную диктатуру.

В противоположность ей и поддерживающим политику соглашательства партиям меньшевиков и эсеров, наша партия постарается расстроить их расчеты и использовать кризис для доведения революции до конца, до перехода власти в руки революционного класса.

В настоящее время для широких масс станет яснее, чем когда-либо, что единственный выход из создавшегося положения — это переход власти в руки полномочных органов революционной демократии — Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Только они сумеют справиться с растущей не по дням, а по часам хозяйственной разрухой, угрожающей всем завоеваниям революции, они справятся с контр-революцией, они сместят всех представителей старой власти, занимающих ответственные посты в управлении, и заменят их выборными от народа¹⁾.

Из этой резолюции видна линия, которую проводила Екатеринославская организация в июльские дни. Екатеринославская организация, как и вся наша партия, причину кризиса власти видела не в том, в чем ее видели партии коалиции. Она отлично сознавала тогда, будучи еще в значительном меньшинстве в Совете, что судьбы революции зависят не от решений Совета, а от того, за кем пойдет рабочий класс, солдаты и беднейшее крестьянство. Поэтому наша организация, как

¹⁾ „Звезда“, № 34 от 19/VII 17 г.

и вся наша партия в целом, весь центр тяжести переносила на фабрики, заводы и казармы.

Линия Екатеринбургской организации большевиков, выраженная в резолюции комитета от 6 июля по отношению к петроградским событиям, была поддержана рабочими, но коренным образом разошлась с линией большинства Совета. В резолюции Екатеринбургского Совета, принятой против голосов большевиков говорилось:

„Признавая, что кризис власти, послуживший поводом к событиям в Петрограде, вызван позицией, которую заняла кадетская партия в целом ряде чрезвычайно важных вопросов, и что отзывом своих представителей из состава коалиционного правительства кадеты преследуют явно контр-революционные цели, стремясь усилить разруху государственной жизни и свалить ответственность за свою преступную деятельность в одних случаях и еще более преступную бездеятельность в других на революционную демократию,— мы считаем необходимым заклеймить их поведение и деяния. Признавая вместе с тем, что, в условиях свободного строя революционной России и полной свободы идейной борьбы за осуществление своих программ и лозунгов, всякое частичное вооруженное выступление в подкрепление своих мнений с целью навязать волю незначительного меньшинства всей революционной демократии страны,— в данном случае выступление на улице Петрограда, помимо призыва и вопреки воле центральных органов революционной демократии,— является средством совершенно недопустимым и ведущим к братоубийственной войне в среде самой революционной демократии,— средством, не содействующим развитию революции, а дезорганизирующим его и создающим благоприятную почву для контр-революции. Оказать самую энергичную поддержку Центральному К-ту Советов Раб., Солдат. и Крест. Депутатов, который является единственным органом, авторитетным в разрешении кризиса власти. Призвать всю революционную демократию сплотиться вокруг Советов Раб., Солд. и Крест. депутатов и их центральных органов и признать недопустимым всякого рода сепаратные вооруженные выступления отдельных групп без ведома Советов. Призвать всех сохранить спокойствие и быть готовыми к организованному выступлению по первому зову Советов на защиту революции“¹⁾.

Представители мелкобуржуазных партий в своих выступлениях на пленуме Совета причину кризиса власти относили на счет своих друзей по министерству — кадетов. У этих

¹⁾ „Приднепровский Край“, № 6236 от 25/VII 1917 г.

мелкобуржуазных хвастунов не хватало смелости взять на себя ответственность за дальнейшие судьбы революции. Они были смелы, пока эту ответственность в большей степени брали на себя представители буржуазии. Они за свободу идейной борьбы, они даже не против того, чтобы буржуазия при их помощи громила передовой наиболее революционный отряд пролетариата, но они решительно против того, чтобы пролетариат защищал революцию и ее завоевания. Они осудили вооруженное выступление петроградского пролетариата, стараясь запугать рабочий класс тем, что это выступление дезорганизует революционные ряды и создает благоприятную почву для контр-революции.

Ораторы меньшевиков, выступавшие на этом пленуме Совета, обвиняли большевиков в том, что агитация большевиков, приведшая к выступлению в Петрограде, идет на пользу контр-революции (Громова).

„Большевики вызвали таких духов, с которыми они сами не справятся. Выступление вооруженных воинских частей есть попытка насилия меньшинства над большинством. Но пусть знают большевики, что мы меньшинству не подчинимся. Россия не Франция и Петроград не Париж“ (Нил Сандомирский).

Действительно, Россия оказалась не Францией, а Петроград — не Парижем 1871 г. Наша партия учла ошибки мучеников Парижской коммуны и их не повторила. Петроград, не в пример Парижу, имел на своей стороне почти весь пролетариат России, значительную часть армии и беднейшего крестьянства. В октябре 1917 года наша партия и петроградский пролетариат с гарнизоном, а за ними и многие другие города России, с достаточной наглядностью показали отличие России от Франции. Если наша партия училась на Парижской коммуне, как надо не только завоевывать, но и закреплять и удерживать завоеванное за пролетариатом, то на нашей борьбе международный пролетариат имеет предметный урок учебы, как надо делать пролетарскую революцию.

Наши большевистские ораторы на пленуме Совета 6/III 1917 г. выступали в духе приведенной выше резолюции Комитета. Мелкобуржуазные партии, удерживавшие еще тогда большинство позиций в Советах за собой, считали, что они имеют такое же большинство и на предприятиях. На деле же положение было совершенно иное. Приведем только две резолюции крупнейших предприятий Екатеринослава.

Резолюция брянских рабочих

„1. События, происходившие в Петрограде, еще раз подтвердили нам, что правительство, состоящее из представителей враждебных классов, нежизнеспособно, оно неспособно справиться с растущей с каждым днем разрухой,

с мобилизуемой с каждым днем контр-революцией. Замена кадетов другими представителями буржуазных партий есть выход из тупика на короткое время.

Сильным в борьбе с контр-революцией, с хозяйственной разрухой, с империалистической войной может быть правительство Советов Раб. и Солд. Деп. Исходя из этого, общее собрание рабочих Брянского завода требует от Центрального Комитета Советов, чтобы он взял власть в свои руки. В случае, если Центральный Комитет Советов опять заключит соглашение с буржуазией, общее собрание призывает рабочих и солдат произвести немедленно перевыборы и выбрать в Совет только сторонников перехода власти Советам Революционных Соц.-Дем.“.

Для борьбы с контр-революцией необходимо организовать Красную гвардию. (Принято 5000 голосами при одном против 1).

Резолюция рабочих Нижне - Днепровских ж. - д. мастерских

„1. Что соглашение „социалистов“ с буржуазией не может устранить кризиса власти и что „такое соглашение может продлить существование коалиционного правительства на короткое время.

2. Что коалиционное правительство не может вести активную борьбу с экономической разрухой и тем самым не может вывести страну из тупика.

3. Что единственным выходом из этого положения является переход всей власти в руки Советов Раб., Солд. и Крестьянских Деп. и что только такое правительство в состоянии бороться с экономической разрухой и, сильной рукой опираясь на всю революционную демократию, может раздавить контр-революцию.

Решено послать приветственную телеграмму Центр. Исполн. Комитету Советов Раб., Солд. и Крест. Депутатов и Центр. К-ту РСДРП(б²).

Эти две резолюции не являлись исключением в тот период. Наоборот, они характерны для настроения большинства рабочих. Надо еще иметь в виду то, что по Брянскому заводу всегда равнялось большинство рабочих других заводов, а по Нижне-Днепровским жел. - дор. мастерским — остальные железнодорожные рабочие Екатеринославского узла. В таком же духе была принята резолюция рабочими завода Каменского гиганта.

1) „Звезда“, № 34 от 19/VII 1917 г.

2) „Звезда“, № 34 от 19/VIII 1917 г.

В то время, как соглашатели осуждали выступление петроградских рабочих и солдат, рабочие крупнейших предприятий Екатеринославщины поддерживали вместе с нашей организацией питерское выступление.

В КОРНИЛОВСКИЕ ДНИ

В августе во время Московского Государственного Сопещения Екатеринославская организация большевиков провела большую разъяснительную кампанию на фабрично-заводских предприятиях, вскрывая истинный смысл этой затеи и ту роль, которую на этом совещании играли соглашательские партии, прикрывавшие рост генеральской контр-революции. Выступление Александра Керенского на этом совещании с угрозой кровью и железом расправиться с теми, кто, вместо наступления, проповедывал братание на фронтах, было нами использовано против всех единомышленников и союзников этого мелкобуржуазного болтуна. Ясная и отчетливая оценка Московского Государственного Сопещения подготовила огромный рост нашего влияния на рабочие и солдатские массы в корниловские дни.

Попытка разгрома революции и установления военной диктатуры буржуазии, совершенная при попустительстве меньшевиков и эсеров, не явилась для нас неожиданной. К этим событиям наша партия вообще и екатеринославская организация в частности готовяляли рабочих и солдат. По получении первых сведений о мятеже Корнилова, екатеринославские соглашатели сильно перетрусили. Они не могли не признать того, что Корнилов хочет ударить не только по большевистско-революционному коню, но и по соглашательской оглобле, к которой были пристегнуты мелкобуржуазные партии и которые до поры до времени тащили воз буржуазии. Они закричали: „революция в опасности, кто в революцию верует — спасайте“. Они отлично понимали, что без большевиков им с контр-революцией не справиться, так как знали, что большинство пролетариата и армии поддерживает большевиков. Поэтому они в корниловские дни пригласили большевиков в „Комитет спасения революции“. Опереться на рабочих и солдат можно было лишь через посредство нашей организации. В то же время, сохраняя верность своей политике классового мира, соглашатели пригласили в „Комитет спасения революции“ также представителей тех „демократических“ организаций, которые в душе сочувствовали корниловским стремлениям.

По получении первых сведений о корниловском походе, как среди рабочих, так и среди гарнизона (к этому времени уже достаточно нами распропагандированного), настроение оказалось весьма повышенное. Меньшевистско-эсеровские воротилы Совета больше всего беспокоились за гарнизон, но так

как сами они выступать среди солдат не посмели, то в первую же ночь пригласили на солдатское собрание гарнизона тех, кого еще накануне всячески старались не допускать к солдатам.

„Комитет спасения революции“ за время своего существования не проявил никакой решительности по отношению к контр-революционным элементам как военным, так и гражданским. Арест некоторых офицеров имел скорее целью спасение их жизни, чем изоляцию их. Настроение солдат к офицерам было более чем враждебное. Лишь только это настроение стало падать, „Комитет спасения революции“ выпустил офицеров на свободу.

„Комитет спасения революции“ выделил большое количество всяких комиссаров, чем и ограничивалась его роль. Какова же была линия СРД и фракций в ней?

Остановимся на решении пленума Совета Раб. и Солд. Депутатов от 1/IX 1917 г. Принятию этим пленумом резолюции предшествовали выступления представителей различных фракций. Генеральным докладчиком о текущих событиях выступал Зандер¹⁾ (меньшевик, называвший себя „интернационалистом“). Он не поспешил на революционные фразы и подверг критике соглашательскую линию большевизма Совета. Свою речь он закончил заявлением, что буржуазия явно контр-революционна и принцип соглашения с ней мы должны отвергнуть. Мы хотим видеть во главе государства только власть, вышедшую из недр революционной демократии, решительно порвавшую с буржуазией. „Вся власть теперь не Советам, а всей революционной демократии“. Советы остаются „центральным организующим ядром“.

От большевиков выступал тов. Эпштейн (Яковлев). Его речь была недостаточна четкой. „Почему власть и авторитет Советов падал, — говорил он, — почему вместо того, чтобы гегемонами революции были Советы, Советы очутились на задворках, тащились в хвосте правительства? Причина этого — политика соглашения.“

Политика меньшевиков и соц.-рев. фактически сводилась к тому, чтобы вместе с буржуазией идти против рабочих. То правительство, которое шаг за шагом сдавало свои позиции и проводило политику Корнилова, в момент опасности шаркнулось за помощью к пролетариату. Попыткам создания личной диктатуры мы должны противопоставить волю революционной демократии. Должен быть организован орган власти из Советов, профсоюзов, фабрично-заводских комитетов и прочих организаций революционной демократии. Этот революционный парламент должен заменить до созыва Учредительного собрания власть. До образования такого конвента власть временно должна перейти к Центру. Исполн. Ком. Советов“.

¹⁾ Ныне член ВКП(б).

Таким образом, о советской власти здесь не было и речи. В результате была принята резолюция, текст которой был выработан согласительной комиссией из представителей всех партий и фракций, входящих в Совет. Приводим ее содержание:

„1) Развитие революции сопровождалось все усиливающимся переходом крупной буржуазии в лагерь контр-революции.

2) Мятеж Корнилова является наиболее ярким проявлением крайнего расхождения капиталистической буржуазии и демократии, между которыми завязывается решительная борьба за власть.

3) Решительное и беспощадное подавление мятежа Корнилова и идущего по его стопам ген Каледина, собирающего сейчас все силы контр-революции в центре Донецкого бассейна, является первой задачей революционной демократии. В этой борьбе революционная демократия поддержит все шаги власти, направленные к подавлению мятежа, и будет энергично бороться с попытками соглашения с мятежниками и теми буржуазно-помещичьими кругами, которые стоят за ними.

Но подавление мятежа не устранил опасности контр-революции, если не будет создана немедленно в центре и на местах революционная власть, опирающаяся на революционную демократию и ответственная перед ней.

4) Для создания центральной власти необходим немедленный созыв революционного парламента из представителей Советов рабочих, солдатских и красноармейских депутатов, органов демократических местных самоуправлений, профессиональных союзов, кооперативных организаций, заводских, полковых и армейских комитетов.

Этот революционный парламента должен функционировать до момента созыва Учредительного Собрания и создать власть, ответственную перед революционной демократией, авангардом которой является пролетариат.

5) Только создание такой власти, которая в состоянии была бы осуществить программу революционной демократии в области внешней и внутренней политики, может спасти революцию и страну и обеспечить скорейший созыв Учредительного Собрания и прочное утверждение демократически-республиканского строя.

6) В области международной политики необходима энергичная революционная борьба за мир в международном масштабе. Необходимо немедленно предложить вступить всем воюющим и нейтральным странам в мирные переговоры. Наряду с этим, центральная организация и революционная демократия безотлагательно должны принять меры

к восстановлению единства демократии пролетариата и к немедленному созыву международной социалистической конференции¹⁾. Одновременно необходима энергичная защита фронта, разгром которого был бы разгромом революции.

Способность армии отразить наступление на фронтах зависит прежде всего от ее действительной демократизации и сознания, что политика мира есть действительно политика правительства.

Правительство революции должно провести в жизнь целый ряд мер до разрешения земельного вопроса в Учредит. Собрании: передача земли в ведение и под контроль земельных комитетов, введение контроля над производством и распределением, разрешение финляндского, украинского и всех национальных вопросов, согласно решению Всероссийского съезда Советов, прекращение репрессий против социалистической печати, отмена смертной казни, освобождение всех арестованных революционных рабочих и солдат, вооружение рабочих, разгон Госуд. Думы, Государственного Совета и т. д.

Лишь при наличии таких условий возможно укрепление революции и действительная борьба с опасностью военного разгрома²⁾.

Эта резолюция показывает, что если в июльские дни Екатеринбургская организация проводила отчетливую и выдержанную линию, линию нашей партии, то в корниловские дни эта линия несколько изменилась. Но неправильно было бы, судя по всему этому, сказать, что вся большевистская организация Екатеринослава болела „парламентаризмом“. Что это было не так, мы увидим, когда перейдем к заводам. Но до этого остановимся вкратце на конференции заводских и полковых комитетов, правлений профсоюзов и политических партий, происходившей в эти же дни.

На этой конференции, как и на пленуме Совета, главным докладчиком выступал представитель меньшевиков — Альтер (бундовец), а содокладчиком от большевиков — Эпштейн (Яковлев).

В своей речи Альтер указал, что корниловщина явилась следствием контр-революционных стремлений крупной буржуазии. Временное правительство, идя по пути удовлетворения реакционных чаяний командного состава, творившего волю купцов и помещиков, способствовало тем самым заговору. Но

---

¹⁾ В июле (5) 1917 г., когда Екатеринбургский Совет обсуждал вопрос об участии в Стокгольмской конференции, большевики голосовали против участия (69 голосов).

²⁾ „Борьба“, № 94, 6 (19) сентября 1917 г.

тут же оратор заявил: „Нельзя утверждать, что заговор имел целью реставрацию“. Это заявление показало, что испуг, вызванный генеральским покушением, начал проходить, и гораздо большую опасность эти мелкобуржуазные политики видели уже с другой стороны:

„Война, будь она победой, будь она проигранной, несет нам гибель. Продолжение войны, несущее собой усиление продовольственной и экономической разрухи, может вызвать возмущение низов, с которыми мы не сможем справиться“.

Вот чего боялись мелкобуржуазные партии. Выступления „низов“! Последнего они боялись больше, чем генеральской контр-революции...

В ответ на это тов. Эпштейн от имени большевиков говорил:

„Назначение Алексева, об устранении которого во время говорил Керенский, запрещение самочинно возникших организаций спасения революции, закрытие „Новой Жизни“, запрещение политики в войсках доказывают, что правительство не может дать того, что требует пролетариат и крестьянство. Вывод только один. Когда власть перейдет в руки рабочего класса, поддержанного беднейшим крестьянством, программа эта может быть проведена в жизнь. Путь к такой власти — новая революция. Наша партия этот вопрос уже разрешила. По нашему мнению, такая революция должна быть международной.“

Только эта революция способна дать нам мир. И к этой революции мы идем¹⁾.

Это было бы вполне выдержанным выступлением, если бы не первая его часть, где тов. Эпштейн без всяких оснований похвалил меньшевиков, якобы приблизившихся к точке зрения нашей партии.

Резолюцией этой конференции мы привести не можем за ее отсутствием. Но выступления ораторов в достаточной степени проливают свет на оценку корниловской контр-революции.

Недостаточно выдержанная большевистская точка зрения, развитая на пленуме Совета и, в известной степени, на конференции, разумеется, была перенесена и на заводы, но далеко не на все, так как рабочие массы были революционнее своего представительства, как в Совете, так и в профорганизациях.

Приведем для примера резолюцию, принятую рабочими завода Гантке в количестве 4500 человек:

„1. Контр-революционное выступление изменника Корнилова явилось неизбежным результатом послабления со стороны коалиционного правительства к подготавливающемуся контр-революционному восстанию.“

1) См. отчет по газете „Звезда“ № 82 от 4/IX 1917 г.

2. Мы отказываем в нашей поддержке диктатору Керенскому, сосредоточившему в своих руках всю полноту гражданской и военной власти.

3. Покончить с этой заговорнической кликой может только власть, вышедшая из недр революционной демократии Советов РС и КД, и только такая власть может спасти страну и революцию, ее завоевания от покушения контр-революционной клики и неуклонно, в согласии со всей революционной демократией, будет проводить решительную внутреннюю и внешнюю политику.

Мы требуем:

4. Немедленной конфискации всех земель и передачи их в ведение земельных комитетов, крестьянских организаций.

5. Декрета о 8-мичасовом рабочем дне и введения всех видов социального страхования.

6. Отмены смертной казни для солдат и применения ее к контр-революционным заговорщикам.

7. Немедленного разгона Государственной Думы и Государственного Совета, ареста членов этих учреждений, причастных к заговору. Предания революционному суду. Точно также требуем немедленно возвращения Николая второго в Петропавловскую крепость до суда. Его министров и Корнилова и соучастников по заговору.

8. Требуем от Комитета спасения революции реквизиции всех свободных запасов оружия и вооружения рабочих через их политические организации.

9. Немедленно реквизировать типографии буржуазно-продажной прессы и передачи их революционным органам.

10. Немедленного освобождения всех борцов за социализм, томящихся в русских тюрьмах.

11. Отмены репрессий против левой печати и применения ее к контр-революционной“.

О том, что столь же решительное революционное настроение было и среди солдат, говорит следующая заметка:

„На собрании 271 пех. полка была принята резолюция большевиков. Большевиков и соц.-рев. заклеили, как предателей революции. Выход из положения — переход власти в руки Советов. Большевик апеллировал к солдатам, говоря: „нельзя, мол, одну часть демократии натравлять на другую“. Большевикам говорить не дали“¹⁾.

Приведенные решения не являлись единичными. Такие же постановления принимались повсюду, и не только в самом Екатеринославе, но и в рудничных районах. В корниловские дни настроение рабочих и солдат было в достаточной степени

¹⁾ „Борьба“, № 73 1917 г. (стар. ст.).

революционным. Но это настроение наша организация не использовала должным образом. Не использовала потому, что основой для большевистских выступлений на рабочих собраниях она брала резолюцию, принятую Советом, резолюцию, хотя и очень „демократическую“, но далеко не революционную.

В корниловские дни рабочие даже тех предприятий, где вначале нас не хотели слушать, были на нашей стороне. Но им вместо власти Советов преподносили „революционный парламент“, который должен был быть образован из далеко не революционных элементов.

На целом ряде предприятий рабочие в своих резолюциях, как я уже указывал, пошли гораздо дальше решений Совета. Там не было слышно замысловатых ученых слов: конвент, парламент; там контр-революцию называли ее собственным именем, и предлагаемые меры хотя и не имели международного масштаба, но зато были верные, конкретные.

„Комитет спасения революции“ был чем угодно, но только не органом активных революционных действий. Этот орган, составленный из самых разнородных социально-враждебных друг другу элементов, не только занимался болтовней и игрой в демократию, но гасил революционный энтузиазм рабочих и солдат, и наше пребывание там в известной степени использовалось враждебными пролетарской революции партиями в своих интересах.

ОТГОЛОСКИ ОКТЯБРЬСКИХ СОБЫТИЙ

Октябрьские события, докатившись до Екатеринослава, застали мелкобуржуазные партии врасплох. Эта растерянность подтверждается отчетом совещания Исполнительного Комитета Сов. Раб. и Солд. Деп. с представителями всех политических партий, состоявшегося в ночь с 25 - го на 26 - е октября 1917 года (по старому стилю).

На экстренном совещании Исполнительного Комитета с участием представителей партий были оглашены телеграммы, полученные через „Румчерод“, выяснявшие, что в Петрограде происходит организованное движение, имеющее своей целью передачу всей власти Советам. Телеграф захвачен повстанцами, произведены аресты некоторых министров, город приведен в военное положение.

Петроградское агентство в течение ночи продолжало присылку телеграмм в редакции газет, ни единым словом не упоминая о происходящих событиях. Все сведения получались через „Румчерод“.

На совещании выяснилось, что представители соглашательских партий стоят за необходимость перехода власти в руки Особого Комитета, организованного из представителей Совета, Городской Думы, политических партий и других организаций. Представителями нашей фракции и украинскими социал -

демократами было внесено предложение единственной властью в городе и округе объявить Совет Рабочих и Солдатских Депутатов и его Исполнительный Комитет, пополненный представителями городского самоуправления, профсоюзов, фабрично-заводских комитетов, почтово-телеграфного союза, железнодорожного союза, селянской спилки и Губернского Совета Крестьянских депутатов, а краевой властью признать Центральную Раду, которая должна быть преобразована на началах, лучших в основу организации Советов.

Все фракции, кроме нашей и украинской соц.-дем., высказались против немедленного присоединения к восстанию, предлагая выждать дальнейшего развития событий. Украинские соц.-дем. высказались вместе с большевиками. Но за это „за“ они выговаривали признание Центральной Рады краевой властью. Сопение затянулось до 5 часов утра. Было постановлено: конечное решение о власти и об отношении к петроградским событиям передать пленуму Совета с участием полковых и заводских комитетов, а до решения пленума единственной властью и полномочным органом по борьбе с контр-революцией считать Исполнительный Комитет.

Вслед за этим на совместном заседании Екатеринославского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, представителей городского самоуправления, заводских и полковых комитетов, железнодорожного и почтового союзов и всех политических партий, большинством 445 голосов против 223, поданных за меньшевистско-эсеровскую резолюцию была принята следующая резолюция:

„1. Екатеринославский Совет Рабочих и Солдатских депутатов, представители городского самоуправления, заводских и полковых комитетов, железнодорожного и почтового союзов, всех социалистических партий заявляют: мы присоединяемся к восставшим рабочим и солдатам Петрограда, свергнувшим контр-революционное правительство, и призываем всех верных сынов революции сомкнуть ряды для создания власти рабочих, солдат и крестьян.

2. Уполномачиваем Исполнительный Комитет Советов Раб и Солд. Депутатов взять власть в городе и губернии в свои руки, пополнив свой состав представителями всех революционных организаций и городского самоуправления.

Мы предлагаем Революционному комитету немедленно приступить к активной борьбе со всем контр-революционным движением со стороны буржуазного класса, вплоть до реквизиции буржуазной прессы „Приднепровского Края“ и контр-революционных очагов, а также немедленного вооружения всего рабочего класса для защиты революции.

Мы признаем высшей краевой властью выделенный Центр. Радой Киевский Революционный Комитет и предлагаем Екатеринославскому Губ. Комитету послать своего представителя в указанный Комитет¹⁾.

(Последний пункт был принят, как дополнение к резолюции, он был внесен украинскими социал-демократами).

Резолюцию телеграфно сообщить Петроградскому Совету Раб. и Солд. Депутатов“.

Члены Екатеринославского Совета голосовали в большинстве против резолюции. Перевес в нашу сторону дали голоса фабрично-заводских и полковых комитетов и представителей профсоюзов. Принятую поправку украинских соц.-дем. едва ли можно считать доказательством их влияния среди рабочих.

Принятие этой поправки можно скорее объяснить недостаточно решительными возражениями против нее со стороны большевистской фракции Совета²⁾.

Линия, которую Екатеринославская организация большевиков в Октябрьские дни проводила вне Совета, на фабрично-заводских предприятиях и в казармах, отчетливо выявлена в обращении Екатеринославского Комитета от 27/IX 1917 года к солдатам, рабочим и всем трудящимся³⁾.

Приводим заключительную принципиальную часть этого обращения:

„Преступная политика правящей клики, поставившая страну на край гибели, тем самым поставила массу перед неизбежностью выбора: или союз с кадетами, с партией помещиков и капиталистов, и гибель страны или реставрация против капитала.

Выбор сделан. Революционный Петроград вступил на путь решительной борьбы за переход всей власти в руки Советов. На улицах Петрограда кипит борьба, от исхода которой будет зависеть дальнейшая судьба революции.

Хлеб, мир и свобода, контроль над производством и распределением, немедленная передача всей земли крестьянам без выкупа, отказ от грабительских договоров

1) Революц. Комитет из представителей Рады с участием Совета и парт. организаций был создан, как известно, в предоктябрьские дни. В него вошли и большевики, но пробыли там недолго. 26 октября Малая Рада вынесла постановление, осуждающее Октябрьское восстание, и представители К - та большевиков тут же демонстративно вышли из радистского комитета. Подробно см. об этом ст. Затонского в № 3 Киевск. журн. „Коммунист“ за 1920 г.

2) Такое постановление о признании Ц. Р. краевой властью было принято Киевским Советом 4 ноября (ст. ст.). Одесским и рядом других провинциальных Советов.

3) „Звезда“ от 27 октября (9 ноября) 1917 г.

Руководящая группа
Екатеринославском
организ. РСДРП(е)
в 1917

Слева направо: С. И. Гопнер, Г. И. Петровский, В. К. Аверин, М. Копылов, С. И. Власенко, Д. З. Лебедь, Я. Яковлев (Эштейн), Э. И. Кавринг, В. П. Вальдка, П. Борондов, В. Ключко, Т. Бондарев, И. Суханов, А. Скворецкий, И. А. Булаг

и немедленное предложение мира всем воюющим народам, ограничение бешеных прибылей капиталистов и обеспечение созыва Учредительного Собрания, подавление буржуазно-помещичьей контр-революции.

Вот цели, во имя осуществления которых начата 2-я революция против капитала.

Товарищи рабочие, солдаты, все трудящиеся. Настал великий час осуществления идеалов революции. Все, как один, на поддержку геройского революционного пролетариата Петрограда, с требованием перехода власти в руки Советов.

Тесно сомкнитесь вокруг своих организаций, приведите в боевую готовность свои ряды и будьте готовы с оружием в руках отразить всякое посягательство на завоевания революции.

Да здравствует революция против капитала.

Вся власть Советам Раб., Солд. и Крест. Депутатов.

Екатеринославск. Комит. РСДРП

(больш. интернацион.).

Как из этого обращения, так и из приведенной выше резолюции расширенного пленума Совета Раб. и Солд. Депутатов, принятой по предложению нашей фракции, видно, что в Октябрьские дни линия Екатеринославской организации была уже ясной и выдержанной.

Эта линия находила достаточную поддержку как среди широких рабочих масс, так и солдат гарнизона.

Приведем для краткости одну лишь резолюцию рабочих Брянского завода.

„События, разыгравшиеся в Петрограде и вылившиеся в открытое столкновение между народом и контр-революционным правительством, являются для нас призывом — ни на минуту не колеблясь, стать в ряды борющихся рабочих, солдат и крестьян, в полной ответственности перед революцией.

Признавая неизбежность вооруженной борьбы между силами организованной революции и силами, которые пойдут за врагами народа, мы заявляем, что отныне единственной властью признаем Советы Раб., Солд. и Крест. Депутатов и на их защиту становимся в полной боевой готовности, требуем от Совета присоединиться к Петроградскому Совету Рабочих и Солдатских Депутатов и призвать революционную демократию к поддержке петроградских рабочих и солдат в борьбе за народную власть. Мы требуем от совета решительных мер против явных и скрытых контр-революционеров и активного подавления попыток контр-революционных выступлений.

Долой Временное правительство.

Да здравствует Власть Советов.

Да здравствует мир между демократией воюющих стран на основе отказа от аннексий и контрибуций, с правом наций на самоуправление¹⁾.

БОРЬБА С ЦЕНТРАЛЬНОЙ РАДОЙ

Однако от резолюций до осуществления подлинной советской власти оказалась дистанция значительного размера. Екатеринбургский революционный комитет²⁾, образованный в октябрьские дни, несмотря на поддержку, полученную им со стороны рабочих и солдат, властью в подлинном смысле этого слова, все же не стал.

Наряду с ним продолжала существовать архи-контр-революционная Городская Дума.

После Октября, по мере того, как наше положение в Совете укреплялось, Городская Дума все больше и больше нагнала в своих контр-революционных выступлениях против революционной советской власти. Приведем отчет одного из наиболее интересных в этом отношении заседаний от 18 ноября (1 декабря) 1917 г.

„Гласный Городской Думы Анисимов сделал внеочередное заявление по поводу декрета большевистского правительства о мире и переговорах большевиков о сепаратном мире и предложил Думе обратиться к населению с заявлением, что Город. Дума, осведомившись из телеграммы Ленина и Троцкого об открытии ими с (19) 2 декабря с. г. переговоров с Гинденбургом о сепаратном мире, признает себя обязанной перед населением г. Екатеринослава разоблачить этот изменнический ход узурпаторов и объявить гражданам, что этим ходом Ленин и Троцкий не могут дать России никакого мира. Они оказывают помощь империалистам Германии, предают интересы России и революции. Пока Ленин и Троцкий находятся у власти, для России нет спасения. Поэтому Екатеринбург. Городская Дума, как и другие городские самоуправления, призывает всех граждан сплотиться вокруг ее борьбы с захватчиками власти, чтобы снова воссоздать в России однородную демократическую власть, и призывает всех к неисполнению приказов Ленина и Троцкого и всех поставленных ими комиссаров“.

Казалось бы, что после такого гнусного выступления думцев, Революционный Комитет имел полное основание ликвидировать этот контр-революционный штаб, но он этого не сделал.

¹⁾ „Звезда“, № 123 от 28/X 1917 г.

²⁾ Председателем Екатеринбургского губ. Ревкома был т. Аверин — Р е д.

Очевидно, еще не совсем были изжиты демократические иллюзии и у некоторых большевиков.

Это выступление было далеко не единичным. Не только представители буржуазии, но и представители всех мелко-буржуазных партий поднимали бешеный вой против декретов советской власти, которые ломали вековые устои священных основ частной собственности и закладывали основы нового социалистического строя. Для своей агитации они избрали излюбленной темой вопрос о сепаратном мире с Германией. Мирные переговоры Сов. России с германским империализмом они старались изобразить перед широкими массами как акт измены и предательства интересам пролетариата и крестьянства. Эта агитация кое-где находила отклик, и это понятно еще более потому, что и в рядах Екатеринославской организации раздавалось вначале довольно много голосов против сепаратного мира. (Позже это подтвердилось на фракции Совета при обсуждении вопроса о Брестском мире).

Обстановка еще чрезвычайно усложнялась в результате контр-революционной работы украинских самостийников, проходившей под лозунгами: „Україна для українців“, „Геть москалів з української землі“. В то же время они быстро формировали специально-подобранные, воспитываемые в шовинистическом духе воинские части — такие части были и в Екатеринославе.

Но, параллельно с ростом радовско-петлюровских сил, шла неустанная работа нашей организации (с июня 1917 г.) над созданием своей вооруженной силы — рабочей Красной гвардии. Попытки большевистской фракции Совета после июльских событий заставить Совет позаботиться о вооружении Красной гвардии не имели успеха. Соглашательское большинство Совета эти попытки отклоняло. Несмотря на это, рабочие дружины Красной гвардии росли. Основное ядро ее было на Брянском заводе,

После Октябрьских событий встал еще острее вопрос об оружии. Сгушались черные контр-революционные тучи на Дону.

В калединском стане зашевелились. Опасность с Дона быстро возрастала, но не меньшая опасность грозила со стороны местной радовской контр-революционной военщины. Кроме регулярных полков украинизированных частей, расположенных в различных городах Украины, радовская контр-революция, по примеру большевиков, организовывала на местах сотни вольного казачества (курени), которые вооружались винтовками и пулеметами.

В Екатеринославе был расположен полк атамана Орлика, но, к счастью, в дни боев за советскую власть этот полк оказался далеко непетлюровским, хотя он не был и нашим. Была привезена и артиллерия. Петлюровцы готовились к тому, чтобы вопрос о власти разрешить оружием.

Наша организация со своей стороны предпринимала все меры к получению оружия и вооружению рабочей Красной гвардии. В ноябре 1917 г. из Екатеринослава в Москву к т. Муралову был командирован тов. Борис Ройзенман с просьбой о выдаче оружия. Поездка увенчалась успехом. Было получено 10.000 винтовок, 100.000 патронов, 10 пулеметов и несколько сот наганов.

По прибытии оружия в Екатеринослав, петлюровское командование пыталось прибрать его к своим рукам. Они успели забрать пулеметы и часть револьверов. Остальное красногвардейцы Брянского завода, прицепив вагон к своему паровозу, под вой, угрозы и проклятие петлюровцев увезли на завод. Привоз оружия, да еще в таком количестве, сильно повысил настроение и большевистской организации и рабочей массы.

Приближался екатеринославский Октябрь. События не заставили себя долго ждать.

Декабрь месяц в Екатеринославе проходил под знаком усиленной подготовки к предстоящим боям с обеих сторон. Наша партийная организация отлично понимала, что вооруженной борьбы с радовцами не избежать, и считала, что „почин“ в этой борьбе должен принадлежать нам, что мы не должны выпускать инициативы из своих рук. Этот „почин“ был сделан.

Петлюровцы в своем распоряжении имели, кроме пехотных частей, разбавленных в большой дозе офицерем, две артиллерийские батареи, пулеметы и бомбометы. Привезли также вооруженный бронированный автомобиль.

Партийная организация решила этот броневик у петлюровцев отнять. Был организован отряд из надежных товарищей, которому поручили увезти броневик. Это было выполнено в ночь с 25 на 26 декабря. Броневик сдали под надежную охрану брянских рабочих.

25—26 декабря 1917 г. прошли относительно спокойно. Петлюровцы в течение этих двух дней пытались склонить на свою сторону солдат гарнизона. Однако последние за петлюровцами не пошли, но не пошли и за нами и в дни боев остались нейтральными. 27-го декабря, в 11 часов дня, на Брянский завод явилась делегация от петлюровского командования и вручила представителям брянских рабочих ультиматум. Требование петлюровского командования сводилось к тому, чтобы рабочие Брянского завода к 14 часам того же дня свезли в так называемую „нейтральную“ зону (у памятника Пушкина) все винтовки, патроны, ручные гранаты, пулеметы и бронированные автомобили. В случае неисполнения этого требования они угрожали с 14 часов начать артиллерийский обстрел территории завода и прилегающего района. Это наглое требование было предъявлено потому, что

петлюровцы были уверены в том, что гарнизон не пойдет с нами. Они считали (и не без основания), что превосходство вооруженных сил на их стороне.

В спешном порядке на Брянском заводе было созвано собрание представителей всех цехов с заводским комитетом. После краткой информации о случившемся, без обсуждения, единогласно было принято решение отвергнуть ультиматум и принять все возможные меры для того, чтобы подготовить должный отпор в течение оставшегося в нашем распоряжении часа времени. Был создан, или вернее пополнен, оперативный штаб. В 14 часов штаб решил дать на Брянском заводе тревожные сигналы; телеграммой было предложено и другим заводам сделать то же самое. Телеграфная связь в это время еще не была прервана.

В 13 часов 55 минут через Брянский завод пролетел первый снаряд. Тотчас последовал тревожный сигнал по Брянскому заводу, а вслед за ним и по остальным заводам. Несмотря на праздничное время, завод быстро заполнился тысячами рабочих. Артиллерийский обстрел усиливался, но снаряды рвались за территорией завода, в районе казарм военнопленных, среди которых были убитые и раненые. Рабочие вооружались винтовками и патронами. Вначале против нас действовала только артиллерия, но затем петлюровцы, заняв телеграф (где помещалась и центральная телефонная станция), начали делать оттуда вылазки, пытаясь захватить помещение Совета, расположенное напротив через Проспект. Здание Совета охранялось группой в несколько десятков человек, и до самой развязки этой первой схватки они его не сдали.

К вечеру начали свои действия „курени“ на Кайдаках, и оперативный штаб решил в первую очередь ликвидировать эти так называемые тыловые части петлюровцев. После непродолжительного боя сопротивление куреней было сломлено, и они были взяты в плен. Это было нашим первым боевым крещением.

Телефонная связь с городом была прервана. Живую связь было очень трудно наладить, так как петлюровцы вели правильную в военном отношении борьбу со всеми нашими попытками в этом направлении.

В этот день до самой глубокой ночи более серьезного ничего не случилось.

В Городской Думе совещались. Там были и наши. Меньшевики и прочие соглашатели выступали в качестве „третьей силы“ — посредниками. Ночью из Городской Думы позвонили в военно-революционный штаб Брянского завода. Там, повидимому, уже состоялось соглашение между представителями враждующих сторон о перемирии и о том, чтобы сделать попытки к переговорам. Приглашали приехать в Городскую Думу представителей Брянского завода, при чем петлюровское командование

давало гарантии о неприкосновенности парламентаров даже в том случае, если не будет достигнуто соглашение.

Рабочие решительно возражали против поездки наших представителей, не веря в то, что петлюровцы сдержат свое обещание. Но наши товарищи, сидевшие в Думе, по телефону настаивали на приезде.

Часа в два ночи выехали два наших представителя. Против штаба петлюровцев парламентаров обстреляли и задержали. Протесты не помогли. Ссылки на то, что командование дало гарантию неприкосновенности, успеха не имели, офицеры заявили: „наше командование об этом осведомлено“. Парламентарам завязали глаза и отправили в штаб.

Часов в девять утра за нашими пленными приехали представители Городской Думы с представителями петлюровского командования.

Утром стало известно, что к нам идут на помощь красногвардейские отряды из Советской России, что они находятся всего в 40 верстах от Екатеринослава. Нужно было выиграть время до их прихода.

Начавшиеся переговоры были нами сорваны под тем предлогом, что петлюровское командование самым наглым образом нарушило данное обещание. Мы настаивали на том, чтобы петлюровцы разрешили нам уехать в районы, дав пропуск через их заставы. Мы этого добились и под белым флагом укатили в каком-то санитарном автомобиле на Брянский завод.

Приближалось время развязки. Приехали „москвичи“ с артиллерией. Это подняло дух даже и у тех, кто не прочь был из-за „гуманных“ побуждений пойти на мировую с петлюровцами. Эта мировая в тогдашних условиях означала бы не что иное, как сдачу на милость „победителя“ — капитуляцию, ничем не оправданную. Но капитуляции не было и не могло быть. Это можно смело утверждать, если знать не только паническое настроение, царившее в Городской Думе, а настроение широких масс, которые, кроме борьбы „до победы“, ничего знать не хотели.

Часов с трех дня екатеринославские рабочие при поддержке московских красногвардейцев обложили петлюровский штаб. Первое же сражение у почты показало, что петлюровцам ничего другого не остается, как сдаться.

В семь часов вечера в Совете были выработаны следующие условия сдачи :

„1) В течение получаса гайдамакам и прочим вооруженным лицам, находящимся на почте, приступить к сдаче оружия.

2) Всех офицеров и всех посторонних почто-чиновников вооруженных арестовать до решения их дела пленным заседанием Совета.

3) Охрана почты принадлежит караулу из равного количества красногвардейцев и сердюков, при чем количество караульных определяется революционным штабом.

4) Все оружие, находящееся на почте, сдать в распоряжение Военно - Революционного Штаба.

5) Солдаты - гайдамаки до выяснения вопроса должны жить в казармах сердюцкого полка¹⁾.

К этому же, примерно, времени две петлюровских артиллерийских батареи были доставлены вместе с прислугой на Брянский завод.

Следует отметить, что в дни боев воинские регулярные части екатеринославского гарнизона, в том числе и Сердюцкий полк (петлюровский по названию) участия в этих боях не принимали, если не считать одной роты сердюцкого полка, давшей согласие 28/XII взять на себя охрану екатеринославского вокзала.

Гарнизон был очень революционен по части резолюций, но как только дело доходило до вопроса об их участии в борьбе, всегда приходилось слышать один и тот же ответ: „мы держим нейтралитет“.

Екатеринославские рабочие при поддержке московских красногвардейцев победили контр-революцию в открытом бою. Следует также отметить, что и железнодорожники почти никакого участия в борьбе с петлюровцами не принимали. Лишь жел. - дор. районный комитет ст. Екатеринослав самочинно приостановил движение поездов. Исполнительный Комитет ж. д. в своем заседании 29/XII 1917 г. постановил: „Движение открыть, вооруженных людей снять (читай — наших красногвардейцев), а охрану передать Сердюцкому нейтральному полку и железнодорожной милиции“²⁾.

После декабрьских боев и нашей победы над петлюровской контр-революцией, соотношение сил между нами и мелкобуржуазными партиями в Совете все еще оставалось неопределенным. Исполнительный Комитет Совета состоял из 30 человек. Из них большевиков было 14 и 1 лев. с. - р., так как выборы в Исполнит. Ком. во второй половине декабря 1917 г. были проведены по пропорциональной системе. Но так как заседание Совета всегда почти происходило при участии фабрично-заводских комитетов, то большинство всегда было на нашей стороне.

Во второй половине января 1918 года меньшевики с бундовцами заявили о выходе из президиума и других исполнительных органов Совета.

¹⁾ Экстрен. выпуск „Известий Екатеринов. Сов. Раб. и Солд. Депут.“ от 29/XII 1917 г.

²⁾ „Звезда“, № 170 от 31/XII 1917 г.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД СОВЛАСТИ И БРЕСТСКИЙ МИР

Январь месяц (1918 г.) был месяцем двух крестьянских с'ездов. Первый с'езд, состоявшийся с 13 по 15/1, прошел под знаком самых ожесточенных нападков на большевиков, на Совет Народных Комиссаров.

Петлюровцы в своих выступлениях указывали, что они власти Советов не признают. Они за власть Учредительного собрания в центре и на местах, за власть городских самоуправлений.

Вслед за этим петлюровско-кулацким с'ездом состоялся второй с'езд селянских депутатов Екатеринославщины, на котором большевик тов. Квиринг был избран председателем, а Ленин и Троцкий почетными членами президиума. Кулацкая часть делегатов в числе 215 человек покинула с'езд, подав свое письменное заявление, в котором протестовала против насилий „меньшинства“, т.-е. революционного пролетариата, навязывающего силой оружия волю всей революционной демократии. Они требовали организации губернской власти на основе пропорционального представительства. Однако селянский с'езд за ними не пошел. Об этом говорит резолюция о власти, принятая 29 января голосами 1000 делегатов Екатеринославщины при 14 воздержавшихся.

„1. Октябрьская рабочая и крестьянская революция против власти буржуазии и помещиков обозначала полный разрыв с капиталистами и с помещиками как российскими, так и международными.

Эта революция, обозначая уничтожение власти капитала, власти угнетателей, устанавливает власть угнетенных масс.

Рабочие, крестьяне и солдаты в тесном братском союзе взяли в свои руки решение собственной судьбы, закрепляя власть своих революционных организаций Советов Крестьянских, Рабочих и Солдатских Депутатов.

Правые социалисты-революционеры и меньшевики, составляющие большинство в Учредительном собрании, не захотели признать самого основного завоевания Октябрьской революции — власти Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

В таких условиях переход власти к Учредительному собранию, созванному по спискам, составленным еще до Октябрьской революции, означал бы переход власти к той партии правых социалистов-революционеров, которая благословила политику смертной казни для солдат, политику наступления на фронте, политику соглашения с капиталистами и помещиками за счет трудового народа“.

Эта резолюция с достаточной наглядностью показывает, с кем была в тот период бедняцкая часть сел Екатеринославщины. Но в то же время демократические органы Екатеринослава продолжали свою контр-революционную деятельность.

Екатеринославская Городская Дума в своем заседании 13/II (26 — II) 1918 года постановила :

„Принимая во внимание, что мир, заключенный народными комиссарами, обрекает на полную гибель и революцию и страну, что заключен он правительством безответственным и народом непризнанным, что вопросы войны и мира полномочно разрешать лишь всенародно избранное Учредительное собрание, Екатеринославская Городская Дума заявляет, что мира, подписанного народными комиссарами, она не признает и считает его насильем и необязательным. Дума требует :

1) немедленного возобновления деятельности разогнанного Учредительного собрания и немедленной передачи ему народными комиссарами всей полноты власти ;

2) немедленной организации Учред. собранием защиты страны и революции и принятия решительных мер к заключению достойного России мира ;

3) немедленного прекращения на местах гражданской войны и насилий и организации единого фронта из всех соц. партий вокруг демократических местных самоуправлений и Советов для защиты революции и порядка ;

4) Немедленного созыва Учредительного собрания, которое одно может решить вопрос власти на Украине¹⁾.

На этом же заседании Думы присутствовали с правом совещательного голоса земцы, и губернское земское собрание в подкрепление принятого решения выпустило от 15/II (28) воззвание к населению губернии не менее контр-революционного содержания.

В этом воззвании „демократические“ земцы называли СНК „кучкой“ захватчиков, протестовали против назначения в земство комиссара совета, без подписи которого Госбанк не отпускал средств, и грозили прекратить свою деятельность, если Совет не уберет комиссара.

Я привел эти факты для того, чтобы наглядней показать, какую линию проводила наша большевистская организация по отношению к буржуазно-„демократическим“ органам. Разгон этих органов был более чем необходим. Не доставало лишь одного — достаточной решимости.

¹⁾ „Новая Жизнь“, № 34 от 16/II (1/III) 1918 г.

* * *

Февраль 1918 года был месяцем напряженнейшей работы нашей большевистской организации. С Румынского фронта устремлялись на родину огромным потоком воинские части различных родов оружия. В задачу нашей организации входило не пропускать эшелонов с оружием дальше Екатеринослава и не дать возможности казачьим полкам пробраться в боевом вооружении на Дон, где тогда уже калединская контр-революция представляла реальную угрозу. Разоружить казачьи части было особенно трудно. Часто ни устная, ни письменная агитация не приводили к ожидаемым результатам, так как влияние офицеров среди казачества было еще велико, а офицеры отлично знали, куда они ведут казачьи полки. Приходилось в таких случаях применять и более решительные меры.

Наряду с этой огромной важности работой, наша партийная организация вела работу по формированию отрядов на калединский и (позже) на немецкий фронт. Екатеринославский гарнизон сохранял свой нейтралитет до самой демобилизации. Следует отметить, что эти нейтральные части настолько хорошо себя чувствовали в казармах, что демобилизацию их пришлось проводить в далеко необычном порядке.

ВОПРОС О БРЕСТСКОМ МИРЕ

Заключение мира с Германией и нависшая реальная угроза оккупации Украины австро-немецкими полчищами в союзе с украинской контр-революцией создавали условия, при которых работа нашей большевистской организации сильно затруднялась и влияние на рабочие массы мелкобуржуазных партий усиливалось.

Отношение Екатеринославской организации к миру с Германией выявляется двумя документами:

Резолюция пленума СРД, принятая по предложению большевистской фракции 26/II:

„В настоящий тяжелый момент, когда германский империализм, стремясь задушить русскую революцию, уничтожить власть Советов и свести на нет все завоевания трудового народа, добытые столь тяжелой ценой, требует роспуска рабоче-крестьянской армии, когда путем ликвидации русской революции буржуазия капиталистических стран пытается подавить международную борьбу за социальное равенство, заставив русский пролетариат нанести удар в спину трудящимся всех стран, когда своим предложением торгового договора международный империализм стремится задержать промышленное развитие России и тем самым обратить ее в безличную провинцию Германии,

пленарное собрание Сов. Раб. и Солд. Депутатов считает, что заключение предложенного Германией мира есть сдача на милость германскому империализму, подерживаемому всей международной буржуазией, что подобный мир обозначает отказ от всех завоеваний революции, в первую очередь, от диктатуры рабочих и крестьян, а потому призывает всех, кому дороги завоевания Октябрьской революции, сплотиться вокруг Советов для решительной борьбы с германскими и украинскими полчищами юнкеров и белогвардейцев за мировую революцию, за Советскую власть во всех странах, за социализм¹⁾.

Вторая резолюция была принята 18/II (5 марта) 1918 г. на собрании общегородского Комитета КП(б)У после продолжительных прений.

„Собрание Екатеринославского Комитета большевиков, фракции Совета, городских и заводских комитетов считает, что решение Центрального Комитета партии и Всероссийского Совета Народных Комиссаров подписать империалистический насильнический мирный договор с Германией при создавшемся положении при данном соотношении сил диктовалось необходимостью выиграть время для организации пролетарского восстания против империализма.

Невозможность существования социалистической советской власти в России рядом с империалистическими государствами превращает этот мирный договор только в более или менее продолжительную отсрочку момента схватки.

Наступление на рабочую власть Украины украинской буржуазии, пытающейся с помощью гайдамаков и германских белогвардейцев, руководимых украинскими меньшевиками и правыми соц.-рев., восстановить свое господство на Украине, лишает трудящиеся массы Украины даже этой отсрочки и вынуждает нашу партию и Советы взять на себя организацию вооруженного отпора пролетариата и беднейших крестьян наступающему врагу.

В то же время собрание полагает, что наилучшим средством отпора наступающему капиталу является углубление, дальнейшее развитие и закрепление социалистической революции внутри страны“.

Следует однако отметить, что это углубление завоеваний революции проводилось недостаточно энергично. Советская власть в декабре 1917 г. до апреля 1918 г. (т.-е. до момента

¹⁾ „Звезда“, № 36 от 28/II (13/III) 1918 г.

захвата немцами Екатеринослава) не была полностью развернута. Городская Дума и губернское земство, хотя несколько и были стеснены в своих действиях, однако продолжали свою работу, являясь центрами, вокруг которых мобилизовывались все антисоветские силы.

Борьба с мелкобуржуазными партиями велась нашей организацией не теми методами, которые диктовались серьезностью момента, а в большинстве обычным парламентским способом, в то время, как они развивали бешеную агитацию под лозунгами: „Долой узурпаторов - захватчиков“, „Вся власть в центре Учредительному собранию, а на местах — демократическим самоуправлениям“, и обвиняли большевиков в отдаче России на разграбление германскому империализму. Эта огромная контр-революционная агитация стала находить отклик и среди рабочих в последние дни советской власти первого периода.

Продовольственные затруднения, застой в промышленности, отсутствие финансовых средств, — все это использовывалось нашими врагами. Совет 7/III марта обложил буржуазию контрибуцией в пять миллионов. Буржуазия не спешила выполнить это постановление. Пришлось применить насильственные меры для ее взыскания. Эта контрибуция значительно облегчила положение. Недовольство, имевшееся среди красногвардейцев на почве невыплаты им положенного содержания, было изжито.

В последние дни Совет начал действовать более решительно по отношению к контр-революционным органам печати. Закрыли целый ряд газет, в том числе и меньшевистскую „Нашу Борьбу“.

Март месяц (1918 г.) был месяцем большого роста бандитизма. Бандитские шайки, именовавшие себя анархистами и максималистами, создавали в городе чрезвычайно напряженную обстановку. Они захватили лучшие гостиницы, куда стакивали награбленное. Борьба с ними была чрезвычайно тяжела. Ликвидировать их при помощи наших красногвардейцев было невозможно. Пришлось для ликвидации этих бандитских гнезд привлечь Серповскую дружину и буржуазный союз евреев-воинов. При помощи этих двух отрядов мы разоружили гостиничных анархистов и максималистов, многих отправив в тюрьму. Впрочем, сердобольный Совет вскоре выпустил их на свободу.

Военно-Революционный Штаб Советов был преобразован в Чрезвычайный штаб по обороне Екатеринослава.

Екатеринослав доживал последние дни. Партийная организация, собираясь уходить, готовила кадры партийцев для нелегальной работы.

В воздухе пахло немецко-петлюровским порохом. Войска генерала Фон-Арна двигались на Екатеринослав, а петлюровско-белогвардейский сброд из кожи лез вон, чтобы не

отстать от немцев. Немецкие генералы это допускали, так как им было выгодно создать впечатление, будто наступают „украинцы“, а культурные немцы им только помогают в изгнании „узурпаторов большевиков“¹⁾.

В последние дни перед занятием города немцами меньшевики вели отчаянную агитацию среди рабочих, проводя резолюции о недопущении эвакуации различных материалов. Они говорили рабочим, что эвакуация материалов обречет предприятия на бездействие, а рабочих на голод. Рабочие в большинстве случаев принимали меньшевистские предложения. В этих условиях при том параличе, который переживал железнодорожный транспорт, об эвакуации в сколько-нибудь широких размерах говорить не приходилось.

3 апреля 1918 года в 12 часов дня гайдамаками была занята ст. Диевка. Наши части с бронированной площадки обстреливали гайдамаков артиллерийским огнем. Последние отвечали, продвигаясь вперед. В 20 часов 40 минут немецко-петлюровские части заняли железнодорожное депо и вокзал, а под утро начали занимать город.

Представители Екатеринославской советской власти оставили помещение совета 3 апреля около 18 часов вечера.

Так закончился первый период советской власти в Екатеринославе.

Были в Екатеринославе отдельные ошибки, была, временами, нерешительность, но все же месяцы от декабря до апреля были месяцами героической борьбы рабочих и крестьян под руководством нашей партии за советскую власть. Екатеринославская организация большевиков, как и вся наша партия в целом, мобилизуя рабочих и крестьян, неуклонно двигала пролетарскую революцию вперед и привела ее к победе.

---

¹⁾ Это подтверждается приветственной речью ген. Фон-Арна к представителям Екатеринославской городской думы при вступлении в город:

„Мы сюда прибыли (именно — прибыли) не как ваши враги, а как ваши друзья, чтобы избавить вас от большевистского ига и принести сюда мир и „покой“. Об этом „покое“ в другой раз — В. А.

БОРЬБА ЗА ОКТЯБРЬ В ДОНБАССЕ¹⁾

ОРГАНИЗАЦИЯ БЮРО РЕВКОМОВ И ЦЕНТРОШТАБА В ДОНБАССЕ

После корниловского выступления настроение широких рабочих масс заводов и шахт круто изменилось в сторону сочувствия большевистским лозунгам. До этого времени только в двух районах — Горлово - Щербиновском и Луганском — было большевистское руководство Советами и массами. В других районах Донбасса еще верховодили соглашатели. Корниловщина разоблачила перед самыми отсталыми слоями рабочих и крестьян контр - революционную сущность не только коалиционного буржуазно - социалистического правительства, но и поддерживавших его партий — меньшевиков и эсеров.

Корниловщина, как гигантский прожектор, осветила перед массами контр - революционные перспективы эсеров - меньшевистской соглашательской политики. Ободренные контр - революционным выступлением, горнопромышленники повели бешеную атаку на завоевания революции. Отношения рабочих с предпринимателями с каждым днем обострялись. Под давлением масс рабочие организации Макеевского и Боково - Хрустального районов наметили об'явление забастовки. Областные организации разрабатывали план всеобщей стачки в Донбассе.

Экономическая борьба к тому же очень сильно подогревалась угрозами калединского Войскового круга, открыто поддерживавшего горнопромышленников против рабочих. Быстро назревала местная донская корниловщина. Большевики призывали массы к вооруженному отпору.

Сентябрь и октябрь прошли в накаляющейся атмосфере классовой борьбы. Рабочие митинги всюду принимали большевистские резолюции с провозглашением лозунга — „Вся власть

---

¹⁾ Статья т. Харечко, давая исчерпывающий материал по истории военной борьбы рабочих Донбасса за власть Советов и против белогвардейщины, почти не затрагивает истории парторганизаций Донбасса и весьма интересного для истории советского Донбасса вопроса об организации Донецко - криворожской республики. В связи с этим остается неосвещенным вопрос о взаимоотношениях партийных и советских органов Донецко - криворожского района с общеукраинскими организациями, такими, как Центральная рада — с одной стороны, Ц. И. К. У (первое совправительство Украины) — с другой. Все эти вопросы редакция рассчитывает осветить на страницах журнала в других статьях и воспоминаниях в ближайшем будущем. — Р е д.

Советам“, с требованием перевыборов соглашательских Советов, которые напрасно пытались задержать движение. Эти попытки были столь же безнадежны, как тушение керосином разбушевавшегося пожара.

По всему Донбассу была проведена кампания перевыборов. В результате Советы один за другим стали под знамена большевистской партии. Таким образом, октябрьский переворот в Питере был горячо поддержан даже такими Советами, как бахмутский и юзовский, которые славились засилием эсеров и меньшевиков. В руках соглашателей оставался к этому времени лишь Областной Комитет Советов в Харькове и одиночки-Советы на местах, вроде Совета Юрьевского завода.

В связи с Октябрьским восстанием в Питере на местах везде возникли Военно-Революционные Комитеты, к которым перешла вся полнота власти. Ревкомы составлялись из представителей от Советов, социалистических партий, профсоюзов и даже демократических самоуправлений. Понятно, что состав Ревкома зависел от соотношения сил в представлявших в нем организациях. Прочное большевистское руководство оказалось только в таких Ревкомах, как Горлово-Щербиновский, Луганский, Макеевский, где в Советах, союзах и самоуправлениях преобладали большевики, а так называемые социалистические партии уже растеряли свое бывшее политическое влияние. Несколько иначе выглядели Ревкомы в Бахмуте, Юзовке, Енакиево, Гришино, Лисичанске, где эсеры и меньшевики еще крепко сидели в профсоюзах и самоуправлениях.

Немалую контр-революционную роль играли и сторонники Центральной рады — украинские эсдеки и эсеры. Они высказывались за поддержку Октябрьского переворота¹⁾, но на другой же день после этого в Ревкомах заключали блоки с эсеро-меньшевиками против большевиков. Так было и в Бахмуте, где 13 (31/X) ноября под руководством Бахмутского комитета большевиков и большевистской фракции уездного Совета крестьянских депутатов образовался уездный Военно-Революционный Комитет. После принятия городским Советом большевистской резолюции меньшевики, эсеры и бундовцы покинули совет и отказались участвовать в организации Ревкома. Представители УСДРП и УПСР поддерживали большевиков. Но оказавшись в меньшинстве в Ревкоме, украинские эсдеки и эсеры снюхались с российскими меньшевиками и эсерами и уговорили их войти в ревком. Создалось колеблющееся соотношение сил. Ревком — орган пролетарской диктатуры — превращался в пустую коалиционную говорильню, неспособную быстро и решительно действовать. То же было в Юзовке и в некоторых других местах.

¹⁾ Как известно, в центре (в Центральной раде) укр. социалисты высказались против Октябрьского переворота. По предложению укр. эсдека Ткаченко Малая рада вынесла резолюцию, осуждающую переворот в Питере, как недемократический. — Р е д.

Захват власти большевизированными Советами обязывал Ревкомы действовать немедленно прежде всего по линии вооруженного подавления контр-революции. Но ведь это значило начать гражданскую войну. Буржуазные прихвостни — эсеры и меньшевики российские и украинские — на этом этапе оказались яркими пацифистами и „вегетарианцами“. Они учиняли в Ревкомах перманентные речевые „восстания“ против гражданской войны, способствуя тем самым организации контр-революционных сил. Такие коалиционные ревкомы ослабляли пролетарскую власть и объективно играли предательскую роль.

Донская контр-революция, возглавляемая атаманом Калединым и Войсковым кругом, на другой день после Октябрьского переворота объявила крестовый поход против советской власти. Калединские войска захватывали рудники и устанавливали на них режим военной диктатуры. Рабочие организации разгонялись, а их руководители арестовывались. Донская контр-революция угрожала быстрым натиском опрокинуть неокрепшую власть Советов на шахтах и заводах, захватить Донбасс и развивать дальше наступление на Москву и Питер.

Чтобы помешать контр-революционным замыслам донских генералов, пытавшихся изолировать центры пролетарской революции от источников угля, металла и южного хлеба, необходимо было немедленно на месте организовать вооруженное сопротивление донской контр-революции. Это могли сделать только однородные большевистские и большевизированные ревкомы, объединенные в масштабе Донбасса. Кому должна была принадлежать инициатива объединения ревкомов? Областному комитету Советов или областному комитету большевистской партии. Первый был еще тогда эсеро-меньшевистским, а второй был настолько поглощен харьковскими делами, что его руководящей роли в Донбассе совсем не чувствовалось. Обстановка же требовала создания немедленно однородного большевистского военно-революционного комитета Донецкого бассейна, который без соглашательской болтовни руководил бы организацией вооруженного отпора контр-революции.

Вопрос о создании Донецкого Ревкома был поднят впервые на совещании представителей Бахмутского и Горлово-Щербиновского комитетов нашей партии, состоявшемся 16 (3) ноября в Никитовке в связи с приездом эмиссара Совнаркома Г. И. Петровского¹⁾. Совещание обсуждало, главным образом, вопросы, связанные с организацией борьбы против наступавшей донской контр-революции. В заключение принято

¹⁾ См. об этом статью Петровского в „Правде“ № 187 от 25 (12) IX 1917 г. В совещании участвовало около десятка товарищей: Г. И. Петровский, Грузман, Харечко, Казимирчук, Острогорский, Дубовой, Стожок и др. Из этого состава Грузман был убит петлюровцами в декабре 1919 г. во время боев за Екатеринослав, а Стожок был расстрелян гайдамаками еще в начале 1918 года при вступлении оккупационных войск в Никитовку.

Группа активных участников Октябрьских дней в Донбассе.

Сидят слева направо: Савченко Т. И., Пашина Ф. С., Борин Я. С., Белоозеров С. М., Батов А. Б., Острогорский М. И., Листопад Ф. П., Федяев Г. Д. Стоят в первом ряду: Нестеров Г. И., Горбачев, Сидяшев Г., Мальванов П. И., Долженко, Лубан Е., Вишневыский А. М., Снеженко А. И., Ефремов А. Г. Стоят во втором ряду: Белов И. А., Попов-Наузов Н. И., Подпорин П. И., Антохин, Лагода И. Н., Кравченко И. Е., Семен Попов.

Отчетные в группах: Любимов Х., Хитяев и Акимовича об организации дела, проведенного на базе в Угледаре в мае 1918 г.

было решение о создании Донецкого Ревкома, для чего совещание выделило бюро из трех (Грузман, Казимирчук и Харечко), которому поручило в ближайшее время созвать съезд Ревкомов Донбасса. Предварительно бюро должно было связаться с районными организациями нашей партии, чтобы обеспечить большевистский состав съезда. В противном случае коалиционные Ревкомы могли бы прислать „коалиционных“ делегатов и провалить поставленную никитовским совещанием задачу создания однородного большевистского Ревкома Донбасса.

Подготовительная работа по созыву съезда затруднялась тем, что из организационного бюро только один Грузман уделял ей достаточное внимание. Другие два члена бюро не могли отрываться от местной работы в Бахмуте и Горловке. Вследствие этого съезд был созван только через месяц — 17 (4) декабря. Прибыло в Никитовку около 15 делегатов от следующих ревкомов: Горлово - Щербиновского, Юзовского, Макеевского, Дружковского, Константиновского, Краматорского, Ханженково-Харцызского, Чистяковского, Луганского, Марьевского и Иловайского. Восточные районы Донбасса, занятые к этому времени калединскими бандитами, не могли прислать своих представителей. Съезд, заседавший всю ночь, обсудил вопросы вооружения рабочих, организации отрядов Красной гвардии и единого руководства деятельностью местных Ревкомов. Всеми делегатами подчеркивалась необходимость максимально быстрого выполнения решений съезда, так как донские белогвардейцы от партизанских набегов переходили к систематическому захвату рудников. Съезд избрал в заключение „Бюро военно-революционных комитетов Донбасса“ из пяти членов: Грузмана и Хилькова, присутствовавших на съезде и заочно избранных: Пономарева, Харечко и Сырцова. Вместо Сырцова, который не мог участвовать в работе бюро, так как с отступлением на Воронеж работал в ревкоме Донецкой области, был вскоре кооптирован Е. Трифонов — комиссар петроградского отряда Красной гвардии, прибывший в Донбасс для борьбы с калединцами.

Бюро Ревкомов Донбасса обосновалось на ст. Никитовка ¹⁾ и на другой день после съезда приступило к работе.

Обязанности между членами бюро распределялись таким образом: Грузману и Харечко было поручено общее руководство,

¹⁾ Резиденция „Центробюроревкома“ Донбасса была избрана не случайно: Во - первых, ст. Никитовка являлась административно - политическим центром Горлово - Щербиновского района, где находились райисполком и Райпарком этого района.

Во - вторых, Горлово - Щербиновский район фактически по географическому своему положению являлся центральной территорией Донбасса.

В - третьих, наиболее крепкой и сильной большевистской организацией в Донбассе в тот момент являлась организация Горлово - Щербиновского района и „Центробюроревкому“ необходимо было опираться на первых порах на эту наиболее сплоченную и активную силу, которую представлял из себя Горловко - Щербиновский район со своими 50 тысячами рабочих - шахтеров.

Пономареву — военная работа, а Хилькову — финансы и снабжение. Кроме того, активную работу вели по поручению бюро местные товарищи — Фролов, Дубовые (отец и сын), Малахов, братья Вайнеры, Острогорский, Лапин, Клипов, Шишковский, Коробкин, Шкуро. Подольский и др. Недели две спустя привлечены были к военной работе товарищи из питерского отряда красной гвардии — Финогенов, Михайлов и Остащенко.

Круг деятельности бюро с каждым днем расширялся, включая вопросы политические, хозяйственные и военные. Так как в это время связь с Харьковом была затруднена занятием гайдамаками ряда узловых станций, то бюро ревкома приходилось выполнять на деле функции областной организации.

Но перед лицом наступающей донской контр-революции бюро пришлось сосредоточить свое внимание, главным образом, на организации и вооружении Красной гвардии. Посылались ходоки за оружием в Харьков, Москву и Питер. Одновременно по распоряжению бюро занимались отрядами Красной гвардии узловые станции Краматоровка, Никитовка, Горловка, Ясиноватая, Волноваха для разоружения военных эшелонов, следовавших на Дон. Производились обыски во всех проходящих пассажирских поездах с целью отобрания оружия. Таким образом удалось добыть сотни винтовок и револьверов, которыми были немедленно вооружены рабочие.

Военная работа бюро быстро расширялась и требовала создания специальной военной организации. Решено было при бюро выделить военный отдел под названием „Центральный штаб Красной гвардии Донецкого бассейна“. Об этом широко было опубликовано следующее объявление:

Ко всем рабочим Донецкого бассейна

Признавая необходимым поставить на прочную основу все дело формирования Красной гвардии и руководства ею, Бюро Военно-Революционных Комитетов Донецкого бассейна постановляет:

1) Образовать Центральный Штаб Красной гвардии Донецкого бассейна из представителей петроградского, московского и местных красногвардейских отрядов, на который и возложить дело создания Красной гвардии.

2) В ряды Красной гвардии принимать товарищей рабочих, представивших рекомендацию заводского комитета, давших обязательство подчиняться революционной дисциплине, выполнять без колебания все боевые приказы и распоряжения командиров и готовых без колебаний переносить все тяготы и опасности походной жизни.

3) Запись в Красную гвардию поручается заводским комитетам всех заводов и рудников Донецкого Бассейна.

Заводской комитет формирует из рабочих своего предприятия боевую дружину, в которую входит 10% общего числа рабочих данного предприятия. Затем сформированные дружины должны немедленно направляться на сборные пункты: 1) штаб Ртутного рудника, 2) Южный рудник, ст. Никитовка Южн. ж. д. На сборных пунктах дружины получают полное походное снаряжение и обмундирование и затем распределяются по участкам фронта.

4) Для развития максимальной боеспособности и стойкости рабочих батальонов последние должны хранить строжайший порядок и подлинную пролетарскую дисциплину. Красногвардеец, нарушивший дисциплину и вносящий смуту в ряды товарищей, карается судом батальонного трибунала по законам революции.

Служба в Красной гвардии объявляется отныне священной повинностью революции. Настоящее положение входит в силу со дня его опубликования. Бюро Военно-Революционных Комитетов Донецкого Бассейна. 5 января 1918 г., ст. Никитовка¹⁾.

Центроштаб развернул свою работу по-настоящему только в первых числах января с прибытием северного отряда революционных войск Сиверса, от которого были получены винтовки, некоторое количество снаряжения и обмундирования. Первые формирования Центроштаба создавались в прифронтовой горячке на скорую руку. Таким путем был организован отряд в 800 человек под командой Жлобы из шахтеров, бежавших от бандитских налетов есаула Чернецова. Отряд Жлобы направился к Лозовой против наступавших на Донбасс гайдамаков. Другой отряд в 2000 человек, именовавшийся „Первым донецким полком Красной гвардии“, наскоро был сколочен из рабочих, владеющих винтовкой, и после нескольких дней обучения выступил на передовые позиции под Ханженково.

На первых порах формирование Красной гвардии крайне затруднялось полным отсутствием денежных средств у Бюро Ревкома и ненадежностью снабжения продовольствием и обмундированием. Бюро обратилось за средствами и снабжением к наркому по борьбе с контр-революцией, т. Антонову-Овсеенко. Но он предпочитал отпускать средства своим комиссарам вместо того, чтобы помочь местным революционным организациям. Отказ наркома заставил бюро обратиться к другим путям для отыскания необходимых сумм.

Решено было снарядить экспедиционный отряд Красной гвардии во главе со стариком Дубовым и Пашиной для взятия с помещиков, кулаков и торговцев контрибуции деньгами

¹⁾ Это объявление было отпечатано листком и расклеено по всем рудникам и заводам. Кроме того, оно было напечатано в „Вестнике Укр. Нар. Республики“, № 11, 1918 г.

и продовольствием. Задание это отряд выполнил блестяще, при сочувствии и поддержке крестьянства. Получено было около 200 тысяч рублей деньгами и десятки возов продовольствия и даже обмундирования, хотя и невоенного. После этого Центроштаб смело мог развертывать новые формирования, не опасаясь продовольственного или денежного кризиса.

Другим источником снабжения являлась нейтральная 3-я кавк. дивизия¹⁾, расквартированная в Гришинском районе. Но так как этот пресловутый нейтралитет мог в любое время превратиться в поддержку нашим врагам, то Бюро Ревкомов путем большой агитационной работы добилося постановления большинства солдат дивизии о самоликвидации. Небольшая часть солдат перешла в революционные войска, остальные были демобилизованы. Все богатейшее интендантство, вооружение и годный конский состав дивизии перешли в распоряжение Центроштаба.

БОРЬБА С КАЛЕДИНЦАМИ

Вскоре после октябрьских событий в Питере новочеркасский корниловец Каледин прокламировал организацию войскового правительства и открыто начал призывать к походу против власти Советов. Верные Каледину казачьи части стали быстро обростать белогвардейскими отрядами из офицеров, юнкеров и кадетов.

Первые удары калединцев пали на большевистские советы Ростова, Таганрога и Донбасса. Уже в начале ноября есаул Чернецов, впоследствии прославившийся зверскими налетами на рудники, предъявил ультиматум Макеевскому совету с требованием подчиняться приказам калединского правительства. Совет отказался и был разогнан чернецовской бандой. Но возмущенные рабочие всего Макеевского района под угрозой затопления шахт принудили Чернецова покинуть рудники.

Через две недели совершил налет на Макеевку казачий отряд Закутина, который пытался разоружить советскую милицию. Рабочие снова дружно выступили со своим Советом во главе и дали отпор калединским белопартизанам.

Неудача, постигшая калединцев в Макеевке, заставила их изменить способы борьбы с Советами. Вместо предъявления „конституционных“ ультиматумов они перешли к террористическим налетам, убивая руководящих работников Советов, насилюя женщин и арестовывая десятки рабочих в качестве заложников.

¹⁾ О нейтральности 3-й кавалерийской дивизии нужно говорить с большой осторожностью, ибо она была настроена первоначально крайне враждебно. И только лишь благодаря энергичной работе наших парт. организаций она была приведена в состояние „нейтральности“. Нужно еще отметить, что 3-я кавалерийская дивизия была расположена не только в Гришино (там была только часть ее), но и в других пунктах, как - то : в Никитовке, Горловке и т. д.

Первым подвергся такой расправе Боково-Хрустальный Совет. 16 (3) декабря чернецовские бандиты застрелили председателя Переверзева и трех красногвардейцев и изуродовали их трупы. Весть об этом зверском убийстве быстро разнеслась по всему Донбассу. Возмущению рабочих не было границ. Около 30 тысяч шахтеров Боково-Хрустального района прекратили работы и требовали возмездия убийцам. Но, не имея возможности оказать вооруженного отпора калединцам и подвергаясь угрозе еще более кровавой расправы, рабочие начали покидать рудники и отправляться частью на родину, а частью в соседние районы, чтобы стать там в ряды Красной гвардии.

17 (4) декабря казачий отряд под руководством начальника гарнизона Захаревича занял Александро-Грушевск. Здание Совета было окружено пулеметами, председателя Совета и инструктора Красной гвардии, есаула Деревникина, арестовали. На другой день банда юнкеров заняла самый революционный в районе Парамоновский рудник и установила там каторжный режим осадного положения. При содействии предателя, рабочего Балаболкина, юнкера арестовали десятки наиболее активных рабочих, состоявших в отряде Красной гвардии, при чем подвергли их жестокому избиению.

Захватив Александро-Грушевский район, калединцы начали продвигаться на запад. 26 (13) декабря сотня казаков и кадетов появилась на рудниках Гуковского района, произвела повальные обыски и арестовала несколько членов президиума Совета и в том числе председателя, казака Ковалева. С этой „добычей“ банда проследовала дальше. В ответ на аресты рабочие объявили забастовку и послали делегацию Войсковому кругу с требованием освобождения арестованных.

Террористические налеты калединских банд, расстрелы, аресты, насилия, разгоны советов на рудниках и заводах Донской области создавали крайне тревожные настроения в рабочих массах и если не сметали, то дезорганизовывали повсюду на своем пути молодую власть Советов. Рабочие десятками тысяч оставляли предприятия. Жизнь замирала. Спротивление в рабочих районах ослабевало. Пути калединцам для продвижения на север были открыты.

К концу декабря юнкера и кадеты под командой генерала Балабина почти беспрепятственно продвинулись к границам Донской области и готовы уже были их перешагнуть. От налетов они перешли к систематическому наступлению на шахты и заводы Донбасса.

Но к этому времени подошли на помощь донецким красногвардейцам северные революционные войска под руководством наркома по борьбе с контр-революцией, Антонова-Овсеенко. Часть этих войск под командой Сиверса прибыла 4 (17) янв. или 22 янв. (4 февр.) в Никитовку для наступления через Млавайскую на Таганрог — Ростов. Другая группа войск, под

командой Саблина, направлялась через Радаково - Луганск на Новочеркасск. Войска Сиверса состояли из двух финляндских полков, одной батареи и эскадрона кавалерии (правда, уже порядком разложившейся). А главное — прибыл поезд снабжения с изрядным количеством вооружения и обмундирования.

Силы Сиверса были весьма слабы. Для перехода в наступление необходимо было их подкрепить отрядами Красной гвардии. Весть о том, что прибыли на подмогу регулярные войска с артиллерией и кавалерией, быстро разнеслась по рудникам и заводам и зажгла в рабочих массах энтузиазм борьбы и надежду на уничтожение калединских насильников. Рабочие целыми шахтами снимались с работы и являлись в Центрштаб для вступления в ряды Красной гвардии. Молодые и старики тысячами двигались на сборные пункты. Боевое настроение захватило широчайшие массы. Создавалась угроза затопления шахт и остановки заводов. Приходилось бесконечно митинговать, чтобы уговорить рабочих выделять из своей среды только владеющих винтовкой и умеющих держаться в строю. Остальные должны были с утроенной энергией продолжать добычу угля.

Днем и ночью с величайшим напряжением работали инструктора Центрштаба и штаба Сиверса по формированию и обучению Красной гвардии на предприятиях Горлово - Щербиновского, Юзово - Макеевского и Енакиевского районов, в Дружковке и Константиновке.

Под бешеным напором классового врага необходимо было в 3—4 дня создать красногвардейские полки. Основная задача поэтому состояла не в том, чтобы изучить, а только в том, чтобы более удачно подобрать хоть мало-мальски знающих военный строй и винтовку. Учебу проходили потом, под огнем противника.

Ст. Никитовка с окружающими рудниками превратилась в большой военный лагерь. Конечно, здесь ничего похожего на лагерь регулярной армии не было. Это был скорее громадный людской муравейник, клокотавший, как вулкан, боевой энергией и отвагой.

Враг был у ворот Горлово - Щербиновского района — он занимал Ханженково и высылал разведку за Путепровод. Обстановка создавалась крайне тревожная. Наши силы только организовывались и приводились в боевой порядок. Так как не было сплошного фронта, то чернецовские банды могли в любое время, особенно ночью, учинить налет на наш штаб в Никитовке. Находились провокаторы или трусы, которые пускали всякие тревожные слухи. Необходимо было поддерживать в районе строжайший революционный порядок и дисциплину. Это прекрасно создал Исполком Горлово - Щербиновского Совета, издавший следующее приводимое дословно обязательное постановление под скромным заголовком „Объявление № 3“:

„Совет рабочих и солдатских депутатов Горловско-Щербиновского района, в ограждение безопасности сконструированных революционных войск, объявляет Горловско-Щербиновский подрайон с прилегающими к нему рудниками, заводами, входящими в Донецкий бассейн, на военном положении на все время пребывания революционных войск в Горловско-Щербиновском районе. А посему происходящие противоречащие революционному положению действия, с какой бы стороны они не исходили, подлежат самому строгому революционному суду, вплоть до расстрела.

Все лица, не входящие в ряды Красной гвардии, должны немедленно сдать оружие революционным комитетам; лицам, которым является необходимость иметь оружие, будет выдаваться удостоверение.

Отряды революционных войск, исполняющие распоряжения Военно-Революционных Комитетов, во всех исполнениях своих обязанностей должны иметь удостоверение за подписью означенного комитета. Лица, обнаруженные в подлоге таковых или прикрываясь (прикрывающиеся — ред.) физиономией революционных войск, немедленно на месте преступления предаются расстрелу.

Лица, прельстившиеся на хищение чужого имущества оставивших жилые помещения граждан, немедленно предаются расстрелу.

Лица, задержанные в попытке прямо или косвенно оказать содействие контр-революционной стороне, считаются предателями революционных войск и пролетариата и предаются немедленно расстрелу.

За сопротивление отрядам революционных войск во время исполнения ими своих обязанностей лица эти предаются немедленно революционному суду.

Воспрещается бездеятельное хождение вооруженных групп, не несущих никаких постов охраны и не имеющих от своих ротных командиров или революционных комитетов особых на то удостоверений.

Товарищи рабочие, не вступившие в ряды Красной гвардии, должны находиться на работах и не допускать разрухи рудников и заводов.

Лица, распространяющие провокационные слухи или подстрекающие в общей массе рабочих дезорганизацию, немедленно будут изъяты из среды рабочих и преданы расстрелу.

Лица, изготавливающие всевозможные спиртные напитки, по обнаружении немедленно будут арестовываться и предаваться строгим революционным наказаниям вплоть до высылки на каторжные работы и конфискации имущества.

Настоящее постановление вхoит в законную силу со дня его опубликования. Исп. Комитет С. Р. и С. Д. Горл. - Щерб. Подрайона.
Января 2-го дня 1918 года“.

Кстати сказать, это решительное объявление не было пустой угрозой. За ним стоял революционный трибунал из трех горловских рабочих — Клипова, Подольского и Бородкина, который беспощадно расправлялся со всеми дезорганизаторами, предателями и мародерами.

Вооруженные рабочие рвались в наступление, чтобы скорее разделаться с калединцами. Но подготовка еще не была закончена. Нужно было еще покрепче связаться с Саблиным, который в Луганске подкреплялся местной Красной гвардией, надо было как можно лучше разведкой прощупать расположение сил противника и подождать обещанных подкреплений с севера. Однако, белогвардейцы сорвали нашу подготовку переходом в наступление в районе Юзовки. 6 (24/XII) января на Прохоровский рудник явилось 400 казаков, выставили пулеметы и потребовали от рабочих выдачи членов Совета и красногвардейцев. Рабочие заявили, что Совет можно взять, только переступив через их трупы. Тогда казаки открыли стрельбу по руднику. Прохоровка дала тревожный гудок, который был подхвачен соседними рудниками. Со всех сторон повалили на Прохоровку красногвардейцы, и завязался бой с казаками, продолжавшийся шесть часов. Казаки не выдержали и отступили. Ободренные успехом, красногвардейцы перешли в наступление, требуя от штаба Сиверса подкреплений. С другой стороны, у Ханженково белые собирали силы и готовились броситься на Горловку.

Создалось положение, когда во что бы то ни стало необходимо было вырвать у противника инициативу наступления. Поэтому, несмотря на всю свою неподготовленность, Сиверс вынужден был начать 7 (25/XII) января наступление. Предполагалось основной удар направить по Макеевке, где были сосредоточены неустойчивые части казаков, затем через Макеевку развивать наступление на Иловайскую. По линии же Криничная - Ханженково - Дебальцево выставлялся заслон.

Утром 7 января штаб Сиверса передвинулся в Ясиноватую и к вечеру уже наша артиллерия обстреливала экономию Грузскую, где засели казаки. Наступали на Макеевку юзово-макеевские красногвардейские отряды под командой Потапова. Ночью казаки отступили и на утро наши отряды заняли Макеевку. На Ханженково - Криничную наступали финляндские полки и первый полк Красной гвардии Донбасса до 200 штыков, под командой Шимановского. В Дебальцево был послан Дружковско - Константиновский отряд Красной гвардии, около 500 штыков, под командой Федоренко.

Успешное наступление в Макеевском направлении было прервано поражением наших частей в Дебальцево и у Ханженково. В ночь на 10 (28/XII) января, благодаря измене некоторых железнодорожников, на Дебальцево внезапно наскочил отряд Чернецова. Застигнутые врасплох Дружковские красногвардейцы разбежались. Небольшой отряд дебальцевских красногвардейцев во главе с Каняевым, попытавшийся оказать сопротивление, тоже вынужден был сдаться. Чернецов не пощадил пленных — отобрал по указанию предателя восемь руководящих работников, в том числе боевого революционера, анархо-синдикалиста Каняева, и здесь же на перроне станции расстрелял. Разгромив станцию, Чернецовская банда на другой день покинула Дебальцево.

Поражение у Ханженково было вызвано изменой финляндских полков. Последние на фронте, не вступая в бой, начали митинговать и выбирать делегацию для мирных переговоров с казаками. Калединцы, воспользовавшись замешательством регулярных частей, обрушились бешеным пулеметным огнем на красногвардейский полк Шимановского. Красногвардейцы мужественно дрались, потеряли много убитыми и ранеными, но под угрозой окружения, вследствие измены финляндцев, вынуждены были отступить.

После этого пришлось отступить по всему фронту. Сиверс отдал приказ об отходе к Никитовке для накопления сил. За отступающими красногвардейцами потянулись новые тысячи рабочих Макеевского района. Заводы и шахты в районах калединской оккупации замерли. Никитовка опять превратилась на несколько дней в военный лагерь.

Возвращение калединцев на рудники Макеевского и Ханженковского района ознаменовалось неслыханными до того погромами рабочих поселков, расстрелами и насилиями. Захватившие Макеевку юнкера первым делом бросились к зданию Совета, зарубили двух рабочих, случайно бывших около Совета, и варварски разгромили здание. По рабочей колонии белые прошлись с повальным обыском. За хранение оружия карали немедленно расстрелом. Еще более дикой и кровавой экзекуции подвергся Ясиновский рудник. Рабкор „Донецкого Пролетария“ так описывает это событие: „Пришел день 12 (30/XII) января, затрещали пулеметы, захотели орудия. Полетели снаряды по машинам, проббили компрессатор, разбили моторы и стали разрушать убогие жилища шахтеров. После бомбардировки стали наступать конной цепью. Герои-ясиновцы в количестве 40 человек 4 часа сдерживали натиск варваров. Не хватало патронов, ствол в пулемете лопнул и пришлось уйти. Разнузданные банды вырезали на руднике 117 человек мирных тружеников, расстреляли десятки рабочих военнопленных, шестидесятилетнего старика-сторожа изрубили, вытащили из квартиры рабочего, пролежавшего в больнице три

месяца и на глазах у жены и четырех малых ребят расстреляли...“ Калединские барчуки, юнкера и кадеты пытались исключительными по жестокости расправами усмирить восставших рабочих. Но это давало обратные результаты: поднимались на борьбу с насильниками новые тысячи самых отсталых рабочих и умножали ряды Красной гвардии.

Наши отступающие отряды стягивались к Никитовке. Необходимо было отдохнуть, перестроиться и подкрепиться новыми частями. Потребовалась неделя. За это время прибыли в Никитовку северные подкрепления: питерский отряд Красной гвардии в 900 штыков под командой Трифонова, части латышских и сибирских полков, артиллерийский дивизион и новая партия вооружения и обмундирования для Красной гвардии.

Неделя прошла в большой подготовительной работе к генеральному наступлению. Причины неудач первых боев выяснились и ошибки исправлялись. В то время, как наши силы накапливались, у калединцев происходило разложение. Революционные кубанцы, возвращавшиеся с западного фронта, сагитировали казачьи части бросить войну против рабочих и вернуться в свои станицы. Оставшиеся добровольческие отряды юнкеров и кадетов, не надеясь удержать волнуемый район шахт и заводов, начали сокращать линию фронта и стягиваться к Иловайской.

19 (6) января наша разведка донесла об очищении кадетами Ханженково - Криничной - Ясиноватой. В этот же день наши войска получили приказ наступать. Сначала подвигались, не в пример первому разу, весьма осторожно. Когда же через несколько дней выяснилось более точно положение в стане врагов, наши войска быстрым натиском заставили „кадетов“ очистить Иловайскую. Стягивая силы к железной дороге на Таганрог, сокращая линию фронта, противник тем упорнее оказывал сопротивление. Наконец, 4 (22/1) февраля, после большого сражения, кадеты были разбиты у Матвеева Кургана. Наши стали быстро продвигаться с боями к Таганрогу. Одновременно группа войск Саблина и Миллеровская группа Петрова заняли Лихую - Звереву и поставили под непосредственную угрозу гнездо контр - революции — Новочеркасск.

КОНФЕРЕНЦИЯ РЕВКОМОВ ДОНБАССА

Когда революционные войска отбросили калединцев за пределы угольных районов, расположенных в Донской области, наступила пора для мирного строительства и укрепления органов советской власти. Обстановка требовала немедленных и организованных решений и мероприятий по важнейшим вопросам момента. Поэтому Бюро Военно - Революционных Комитетов Донбасса в срочном порядке созвало общедонскую

конференцию Ревкомов и Советов на 28 (15) января в Никитовке. Прибыло 35 делегатов от всех районов за исключением Луганска и Ал.-Грушевска. По партийной принадлежности делегаты распределялись так: 24 большевика, 7 с.-р.-максималистов, 3 меньшевика и 1 анархист. Последний, единственный анархист, был представитель Гуляй-Польского Ревкома, впоследствии небезызвестный анархобандит Нестор Махно. В порядке дня конференции стояли следующие вопросы: 1) отчет бюро, 2) отчет Центроштаба, 3) организация Красной гвардии, 4) продовольственный вопрос и 5) организационный вопрос, при чем последний вопрос на основании принятой резолюции следовало бы расшифровать так: текущий момент и задачи строительства советской власти.

Открылась конференция принятием приветственной телеграммы Третьему Всероссийскому Съезду Советов: „Съезд представителей Советов Раб., Солд. и Крест. деп. и Военно-революционных Комитетов Донецкого бассейна приветствует Революционный Национальный Конвент, выросший на развалинах Учредительного Собрания. Приветствуем и одобряем решительные меры в борьбе с врагами социалистической революции. Ведя ожесточенную борьбу с Калединым, мы ни на минуту не забываем о тяжелом положении Питера и Москвы. Мы приложим все усилия, чтобы двигать на север хлеб и уголь. Близок момент победы над Калединым. Наши войска подходят к Таганрогу, освобождаются богатые хлебные районы Сбравшийся по инициативе бюро съезд имеет целью организовать помощь северу“.

В отчетах бюро и Центроштаба докладывалось конференции о проделанной работе, о тех трудностях, которые приходилось преодолевать молодым организациям, отрезанным от центра, при выполнении основной задачи — формирования отрядов Красной гвардии. Конференция признала линию бюро правильной и подчеркнула необходимость установления более тесной связи с Харьковом и Питером.

По вопросам организации Красной гвардии развернулись широкие прения. Конференция по предложению бюро и Центроштаба большинством постановила держать в формировании Красной гвардии курс на приближение к формам организации регулярной армии: вместо бесформенных отрядов — полки, роты и взводы; вместо выборных командиров и комиссаров добиваться их назначения Центроштабом; партизанщина в ее худших формах должна всячески искореняться. Постановлено было, чтобы во всех районах при Ревкомах организовались и действовали по директивам Центроштаба районные штабы Красной гвардии.

Продовольственный вопрос оказался самым трудным, так как его приходилось разрешать не только по отношению к снабжению Красной гвардии, а и с точки зрения снабжения всех

горнозаводских рабочих. Вопрос этот упирался, прежде всего, в отсутствие устойчивых налаженных советских продовольственных организаций. Старые горнозаводские продовольственные комитеты, находившиеся в руках эсеро-меньшевиков и продажных спецов, саботировали и мешали организации снабжения. Только арестами и угрозой расстрела можно было кое-как добиться от них выполнения распоряжений Военно-Революционных Комитетов. Необходимо было срочно реорганизовать старый продовольственный аппарат и посадить туда новых советских работников. Это уже прodelьвалось Ревкомами под руководством бюро в ряде горнозаводских районов. Второй причиной продовольственных затруднений являлся крайний недостаток денежных средств. Было решено срочно затребовать деньги из центра.

По так называемому организационному вопросу, сводившемуся к оценке политического момента и задач советского строительства, после прений по докладу была принята следующая резолюция:

„Октябрьская революция, развивавшаяся под лозунгом борьбы за социализм, за власть Советов, не может ограничиться одной северной частью России, а должна перекинуться во все углы России. Происходящая борьба с Калединым является неизбежным следствием Октябрьской революции. Успех ее зависит от упорства и организованности рабочих масс Донецкого бассейна, на долю которых выпала почетная роль бить ставку международной буржуазной реакции — Каледина. Никакие оглядки, никакие промедления в этой борьбе недопустимы. Самая беспощадная борьба, самая обостренная классовая война — вот лозунги момента.

Война с Калединым является священной войной социалистического пролетариата против империалистической буржуазии, войной за революцию, за социализм. Эта борьба может быть победоносной только в том случае, если будет до основания разрушаться старый капиталистический аппарат хозяйственной жизни страны, и на его развалинах строиться новый аппарат, аппарат советский, социалистический. Только вникая во все стороны хозяйственной и политической жизни, только преодолевая все препятствия, возможна окончательная победа нового мира, мира социалистического над миром капиталистическим. К этой борьбе должны быть привлечены все активные элементы пролетариата. Все организации, откинув налеты капиталистической рутины, должны взяться за дело строительства новых форм правления и общежития.

В деле продовольствия и снабжения необходимо устранение старых органов, враждебно относящихся к советской власти. Советы должны выделять своих комиссаров и продовольственные секции, путем съезда слить эти прод'ячейки и создать сильную организацию. В деле урегулирования производства

необходимо: введение рабочего контроля, всестороннее внимание и изучение самими рабочими всех деталей производственного аппарата, введение трудовой повинности, нужна самая беспощадная борьба с саботажниками вплоть до лишения их имущества и прав гражданина. Для установления правового революционного порядка необходимо советам организовать революционные трибуналы и прежде всего надо поддерживать в рядах самих рабочих железную революционную дисциплину.

В Донецком бассейне органом революционной власти является Центральный Военно-Революционный Комитет Донецкого бассейна, который, опираясь на все организации пролетариата Донецкого бассейна, должен немедленно приступить к организации и укреплению советской власти снизу доверху, объединить вокруг пролетарских организаций все окружное беднейшее крестьянство и проводить всеми революционными средствами, имеющимися в его распоряжении, декреты Совета Народных Комиссаров.

Комиссары в Донецком бассейне не могут быть назначаемы без санкции и утверждения Ц. В.-Рев. К-та. Уже назначенные и не отвечающие своему положению должны быть смещены Ц. В.-Рев. Комитетом¹⁾.

Кроме обсуждения основных вопросов, конференция заслушала информационный доклад наркома Антонова-Овсеенко о положении на фронтах борьбы с Калединым и Центральной радой. В заключение конференция постановила переименовать Бюро Военно-Революционных Комитетов в Центральный Военно-Революционный Комитет Донбасса и произвела выборы Ревкома и коллегии Центроштаба.

Состав Ц. В.-Р.К. был намечен из 7 членов, из которых шесть избрано на конференции (Пономарев, Харечко, Хильков, Грузман, Трифонов и Пашина²⁾), а седьмого предоставлено было кооптировать комитету. Коллегия Центроштаба сконструировалась тоже из 7 членов, из которых два входило от Ц. В.-Р.К. и пять избрала конференция (Финогенова, Осташенкова, Михайлова, Дубового и Радченко).

Организирующее значение этой конференции Ревкомов было весьма велико. Она укрепила связи с районами, подняла авторитет Донецкого Ревкома и Центроштаба и разрешила ряд важнейших вопросов.

После конференции основная задача заключалась в установлении прочных связей с центрами. В первой половине февраля постановлением областного съезда Советов была образована

¹⁾ Харьковский „Донецкий Пролетарий“, № 73, от 30 января 1918 г. Все другие фактические данные о конференции заимствованы из протоколов конференции, напечатанных в „Известиях Революционных Войск“, №№ 3 и 4, от 14 и 1 февраля 1918 г. Изд. Штаба Нар. Ком. по борьбе с контр-революцией.

²⁾ Пашина застрелилась по невыясненным личным мотивам и умерла в 6-це Ртутного рудника в феврале 1918 г. — Примеч. Острогорского.

Донецко - Криворожская республика. С совнаркомом новой республики Ц. В.-Р. Комитет Донбасса договорился действовать на положении губернского Ревкома. Но так как Донецкий бассейн тогда еще был раскромсан старыми административными делениями между Екатеринославской и Харьковской губерниями, то Ц. В.-Р. Комитету надлежало для закрепления де-факто своих „губернских“ прав выработать проект новой административной единицы — Донецкой губернии — и декретировать его постановлением С. Н. К. Республики. В этих целях Ц. В.-Р. К. созвал в Юзовке специальное совещание из представителей всех горнозаводских районов (от Гришино до Белой Калитвы), которое выработало проект границ новой губернии и деления ее на районы (уезды). Но образование губернии было отложено, так как открывшийся фронт против австро-германских оккупантов снова отвлек все силы и внимание на организацию Красной армии¹⁾.

По военной линии мы предпочитали связь с Питером, так как Харьков бесценен был снабжать нас деньгами, вооружением и обмундированием. Поэтому Центроштаб командировал своего представителя во Всероссийскую военную коллегию с докладом по вопросам организации Красной армии в Донбассе. Коллегия отнеслась чрезвычайно внимательно к нашим запросам. Прежде всего Центроштабу был прислан мандат на формирование Красной армии²⁾.

Одновременно с этим Коллегия дала распоряжение об отправке Центроштабу свыше двух миллионов рублей денег и на 30 тысяч человек обмундирования и вооружения (главным образом, винтовки и несколько десятков пулеметов). Из вооружения и обмундирования была получена только половина. Другая часть, запоздавшая отправкой, не попала в Донбасс вследствие занятия Харькова оккупантами.

Кроме этого, Центроштаб добывал средства путем контрибуций и реквизиций. С юзовской буржуазии было выколочено до двух миллионов рублей контрибуции и, примерно, на столько же реквизировано разной мануфактуры и других материалов

¹⁾ Разработанный Ц. В.-Р. К. проект Донецкой губернии был осуществлен только через год. В январе 1919 г. Военно-Революционный Комитет Донбасса (наполовину состоявший из тех же работников, которые входили в Ц. В.-Р. К.), внес в С. Н. К. Украины проект образования Донецкой губ. Первого февраля 1919 г. был издан декрет о выделении Донецкой губ. временно в составе Бахмутского и Славяносербского уездов (до освобождения Донбасса от ленинградской белогвардейщины).

²⁾ Приводим текст мандата: „Всероссийская коллегия по организации и управлению Рабоче-Крестьянской Красной Армии сим удостоверяет, что Центральному Штабу Красной Армии, организованному на с'езде Советов и Революционных Комитетов Донецкого Бассейна 15 января с. г. на ст. Никитовка, поручается организация и формирование Красной армии в пределах Донской области и Донецкого бассейна. Всем учреждениям предписывается оказывать Штабу полное содействие. Члены Всероссийской Коллегии: Н. Подвойский. В. Грифонов. Н. Крыленко“.

для обмундирования и снабжения Красной армии. Таким же способом по директивам Центроштаба получали необходимые средства и районные штабы.

Получение достаточного количества ресурсов для формирования Красной армии требовало перехода от кустарничества к созданию соответствующего аппарата военного снабжения. Но для этого, в свою очередь, необходима была подходящая обстановка. Никитовка, хотя она и стояла на перекрестке основных железнодорожных путей Донбасса, не подходила для такой организации. Наиболее целесообразным было признано перебраться в Юзовку, так как она была центром самого крупного в Донбассе промышленного Юзово - Макеевского района. По предложению председателя Юзовского Комитета большевиков, Алферова Ц. В. - Р. К. и Центроштаб в середине февраля туда переехали.

Здесь работа быстро развернулась действительно в донецком масштабе. Немедленно было организовано издание большой газеты „Донецкая Правда“ („Орган Центrorевкома и Центроштаба Донецкого бассейна и Юзовского Совдепа“¹⁾). Газета выходила большим тиражем и отправлялась специальными экспедиторами на фронт и во все районы бассейна. Аппарат пополнялся новыми военными работниками. К руководящей работе были привлечены два весьма энергичных товарища, прибывших в Донбасс по поручению Питерского Совета с вагоном агитационной литературы — Вербицкий (ныне предс. М.С.П.О.) и кронштадтский матрос Пелихов (убит под Кронштадтом в марте 1921 г.).

ПРОТИВ ГЕРМАНСКИХ ОККУПАНТОВ

Во второй половине февраля получились сведения о наступлении на Украину Центральной рады в союзе с австро-германскими войсками. Надвигалась новая волна контр-революции, еще более опасная, чем калединская. Трехнедельная передышка, наступившая после разгрома калединцев, кончилась.

Первого марта наши войска оставили Киев. Такой скоропалительный захват столицы Украины говорил о том, что оккупанты чрезвычайно быстро развертывают наступление. Наши войска оказывали слабое сопротивление. Главковерх Муравьев во все концы бросал телеграфные требования о присылке подкреплений. Народный Секретариат Украинской республики и Совнарком Донецко - Криворожской республики в многочисленных воззваниях призывали рабоче - крестьянские массы к борьбе против оккупантов. Обстановка требовала чрезвычайной быстроты и натиска в формировании новых частей Красной армии.

¹⁾ Редактирование газеты было поручено Грузману и Харечко. Но основную работу по газете выносил на своих плечах секретарь редакции, молодой тогда журналист Гр. Портянский.

Необходимо было снова все подчинить одной генеральной задаче — организации Красной армии.

В соответствии с этим Ц. В.- Р. Комитет решил прежде всего провести реорганизацию своего аппарата путем объединения коллегий Ревкома и Центроштаба и создания единого аппарата, чтобы сократить обычный для тех времен поток заседаний, обсуждений и аппаратной переписки¹⁾.

В тех же целях срочно проводилась единообразная структура районных штабов и вырабатывались наиболее гибкие формы связи их с Центроштабом. Все подготавливалось к тому, чтобы по директивам Всероссийской военной коллегии перейти от формирования партизанских отрядов Красной гвардии к организации регулярных частей Красной армии.

Но прежде всего необходимо было преодолеть волну демобилизационных настроений, набравшую после разгрома Каледина. Кое-где уже ликвидировались Ревкомы и штабы и всерьез переходили к мирному советскому строительству. Надо было вновь мобилизовать и заострить внимание рабочих масс на новой величайшей угрозе завоеваниям Октябрьской революции. Центроревком по этому поводу выпустил ряд воззваний. Первое из них от 27 февраля обращалось к Совдепам Донбасса Им предлагалось немедленно возобновить работу Военно-Революционных Комитетов, организовать военные отряды и открыть широкую кампанию на селе за доставку хлеба для Красной армии, среди рабочих — за вступление в революционные полки²⁾.

Советы откликнулись на этот призыв и немедленно возобновили деятельность Ревкомов и штабов Красной армии. Гораздо труднее было приковать внимание широких рабочих и крестьянских масс к надвигающейся опасности. Она была слишком далека и непосредственно не угрожала шахтам и заводам Донбасса. Поэтому многие предпочитали повременить со вступлением в ряды Красной армии. Приходилось развивать

¹⁾ Результаты реорганизации, опубликованные в „Донецкой Правде“, выразились еще и в выработке более четкой структуры аппарата и распределении функций между руководящими работниками: „Созданы следующие отделы и поставлены ответственные заведующие: 1) отдел мобилизации — Соколов, 2) отдел формирования и обучения — Пелихов (он же был и начальником Юзово-Макиевского районного штаба), 3) отдел снабжения — Финногенев, 4) отдел связи — Михайлов, 5) организационно-агитационный отдел — Вербицкий, 6) оперативная коллегия — Пономарев, Финногенев и Соколов, 7) медико-санитарный — А. Семашко (вскоре с его отъездом была назначена Есава), 8) издательский — Грузман и 9) финансовый — Хильков, начальник штаба — Пономарев, председатель Центроревкома и Центроштаба — Харченко и секретарь штаба — Осташенков“. Таким образом коллегия Центроревкома и Центроштаба составила из следующих восьми членов: Грузман, Вербицкий, Михайлов, Пелихов, Пономарев, Финногенев, Харченко и Хильков — все большевики, за исключением одного с. - р - максималиста Михайлова.

²⁾ См. это воззвание у В. А. Антонова - Овсенко — „Записки о гражданской войне“, т. I, 1924 г., стр. 295.

энергичнейшим образом вербовочную кампанию. Записывались в армию только наиболее сознательные передовые рабочие и безработные. Последние в большом количестве осаждали штабы, хотя из них принимались только те, которые представляли штабу рекомендации рабочих организаций. Но даже и при таком отборе безработные давали наибольший процент дезертиров¹⁾.

При организации Красной армии Центроштабом принимались самые решительные меры к ограждению ее частей от неустойчивых элементов. В этих целях принцип добровольности корректировался не только отбором уже владеющих оружием, но и устанавливался строгий порядок рекомендаций и поручительств членов нашей партии и рабочих организаций. Кроме того, отбиралась подписка об обязательном пребывании в рядах армии не менее шести месяцев. Наряду с этим проводилась регистрация семей красноармейцев для удовлетворения их соответствующим ежемесячным пособием. Но добиться точного выполнения этого порядка мобилизации не всегда удавалось, особенно на первых порах Местные организации. Ревкомы и штабы, в суматохе и за отсутствием опытных военных инструкторов, часто нарушали установленный порядок. Поэтому Центроштабу приходилось не раз посылать на места телеграфные приказы такого характера:

„Неоднократными телеграммами Центральный штаб Красной армии предписывал широко вести запись добровольцев в социалистическую Красную армию, требуя от каждого поручительства членов партии и комитетов или организаций, стоящих на платформе советской власти, и отбирать подписки об обязательстве на 6 месяцев. Центроштаб требовал еженедельно присылать ему для приема на учет и регистрацию давших подписку красноармейцев, предлагая с работы на местах не снимать впредь до распорядка Центроштаба, а тем более не высылать их никуда без приказания его, между тем, как районные Советы и комитеты и даже подрайонные штабы Красной

¹⁾ Правда, дезертирство имело место еще во время борьбы с калединами. Когда кадетов выбили из Донбасса, но еще не добились, наиболее отсталые малосознательные красногвардейцы считали, что на этом их задача кончается. бродили фронт и возвращались к своим очагам. Тогда же Центроштаб начал беспощадную борьбу с дезертирством, о чем свидетельствуют неоднократные распоряжения такого содержания: „Сов там Р. и С. Деп., Военно-Революц. Комитетам, Комендантам станций Южных и Екатеринослав. ж. д. - Центральный Военно-Революц. Комитет Дон Бассейна предписывает всем Совдепам и Военно-Рев. Комитетам отбирать от всех являющихся с фронтов без отпускных билетов красногвардейцев вооружение, обмундирование и амуницию и доставлять таковые в Центроштаб Красной гвардии Донецкого бассейна на Ргунный рудник. Всех красногвардейцев, оказывающих сопротивление при разоружении, арестовывать и препровождать в Центроштаб („Голос Солдата“, № 21, 27 января 1918 г., г. Екатеринослав).

армии не исполняют этих предписаний и, не присылая никаких списков, сажают полуодетых людей в холодные вагоны и шлют их в Юзовку. Все эти люди не имеют даже понятия, куда и зачем они едут, не знают ни о каких подписках и обязательствах и совершенно не владеют оружием. Такие самочинные выступления совдепов, военревкомов и подрайонных штабов Красной армии вносят дезорганизацию в важную работу Центроштаба. Исходя из того, что в настоящее тяжелое время для революции, когда международная буржуазия поднимает голову, каждый сознательный гражданин должен стараться не вносить затруднений в работу таких организаций, как Центральный штаб армии Донецкого бассейна, мы еще раз предписываем неукоснительно исполнять все приказы и предписания Центроштаба, предупреждая, что в будущем такие выступления будут рассматриваться нами как нежелание подчиняться центральному органу, и виновные будут предаваться революционному трибуналу.

Начальник Центроштаба Пономарев
Зав. Моб. Отд. Центроштаба Соколов¹⁾

Так как в те времена „власти на местах“ телеграммы Центроштаба, как бы они грозно ни звучали, далеко не всегда достигали цели, то для более прочной связи с местами был установлен институт делегатов. Они командировались, как представители Центроштаба, в районные штабы для наблюдения за их деятельностью. Обязанности делегатов заключались в следующем:

- 1) Следить за выполнением всех указаний, постановлений и распоряжений Центрального штаба.
- 2) Содействовать налаживанию работы в районах.
- 3) Наблюдать за правильным составлением подписок и за рекомендациями.
- 4) Следить за порядком в красноармейских частях, взysкивать с командиров за все упущения, требовать дисциплины и аккуратных занятий, а также несения караульных нарядов.
- 5) Точно и ежедневно доносить о положении дел.
- 6) Следить за своевременным доставлением еженедельного отчета в Центроштаб.
- 7) Проверять, действительно ли существуют упомянутые в подписных листах красноармейцы и их семейства, и заявлять о неправильности в Центроштаб.
- 8) Не допускать сверх нормального расходования продовольствия и обмундирования и т. д.

¹⁾ „Донецкий Пролетарий“, № 95, 15 марта 1918 г., г. Харьков.

9) Стремиться укреплять в районе революционное настроение в массах и укреплять власть Советов.

10) Держать связь с соседними делегатами¹⁾.

С большими усилиями Центроштабу удалось кое-как наладить централизованную работу по мобилизации и формированию частей Красной армии. Но этим не исчерпывались затруднения в его деятельности. Приток красноармейцев требовал все больше и больше инструкторов-военспецов. Такими работниками Центроштаб, как и другие красные штабы того времени, не располагал в достаточном количестве. Самыми крупными спецами тогда у нас были 2 или 3 прапорщика-большевика, а все остальные пониже — бывшие унтера, ефрейторы, солдаты и матросы. Да и этих не хватало, так как чаще всего инструктора же назначались командирами частей и отправлялись с маршевыми ротами на фронт. Необходимость пополнения спецами, хотя бы низших рангов, чувствовалась очень остро.

Некоторое облегчение наступило в этом отношении с прибытием в Донбасс штаба 8 армии Румынского фронта. Это было, кажется, в первой половине марта. Центроштаб начал немедленно переговоры с Революционным Комитетом 8 армии о расформировании штаба армии и перехода работников и имущества в распоряжение Центроштаба. Часть штабников возражала против расформирования и предпочитала отправиться на север. Но благодаря, энергичному нажиму председателя Ревкома Баранова (ныне нач. Управления Военных Воздушных Сил) и командарма Геккера (полковник генштаба), штаб был расформирован на условиях включения Баранова, Геккера и Круссера²⁾ в коллегия Центроштаба. Наш штаб, кроме того, подкрепился двумя десятками военных работников коммунистов и военспецов. Последние, в том числе полковник Малаховский, Панин и ряд других офицеров, перешли в распоряжение Центроштаба по рекомендации Ревкома 8 армии. Имущество штаба 8 армии, состоявшее из 9 радиостанций, электростанции, артиллерийской, двух пультот и другого вооружения и обмундирования, передано полностью Центроштабу.

Пополнение аппарата Центроштаба опытными военными работниками дало возможность организованнее и шире поставить мобилизацию и формирование частей Красной армии. Нами уже тогда была поставлена практически задача использования старых военспецов в гражданской войне. Большинство этих спецов, не разделяя наших целей — обороны завоеваний Октябрьской революции, участвовало в организации Красной армии только из враждебности к австро-германским оккупантам.

¹⁾ „Донецкая Правда“, № 20, 1918 г.

²⁾ Круссер погиб на фронте в июне 1919 г.

которых им не удалось одолеть на фронте империалистической войны.

Приближение фронта усиливало приток рабочих в ряды армии. Сознание грозной контр-революционной опасности охватывало все более широкие рабочие массы. И в это время подлые агенты контр-революции — меньшевики и эсеры — вели в тылу нашей армии разлагающую агитацию, убеждая рабочих не вступать в Красную армию, так как, мол, за австро-германскими войсками идет демократическая Центральная рада, которая якобы обеспечит рабочим лучшие условия жизни, чем большевистская диктатура.

Особенно гнусно себя вели юзовские эсеро-меньшевики, крепко еще сидевшие в городской думе и некоторых цехах завода. Когда их пораженческая агитация стала открыто проявляться, Центроштаб постановил, в согласии с руководителями местного Совета, объявить военное положение. Социал-предатели подняли шум, потребовали созыва Совета и предложили отменить военное положение. Совет большинством, хотя и незначительным, отклонил их предложение. Тогда они повели на предприятиях бешеную травлю против большевистского исполкома Совета и, главным образом, против его председателя Залмаева. Окрыляло этих болтунов еще и то, что в их руках была некоторая вооруженная сила — городская милиция, руководимая меньшевиком Легким и эсером Ключевым.

Поводом к выступлению послужило заступничество Залмаева за некоего Тулупова, арестованного милицией. Эсеро-меньшевики во главе с милицией собрали перед Исполкомом большую толпу народа и пытались „низложить“ председателя. Пресловутые „повстанцы“ рассчитывали на этом подзаработать политический капитал и добиться большинства в Совете, чтобы затем уже открыто продолжать борьбу против организации Красной армии.

Центроштаб распорядился разогнать толпу, разоружил милицию и арестовал ее начальника. Кроме того, решено было распустить контр-революционную думу и арестовать наиболее активных меньшевиков и эсеров. Против этого запротестовали местные исполкомцы — большевики. Они доказывали, что такие репрессии могут вызвать восстание чуть ли не всех рабочих завода против советской власти. Центроштаб уступил запуганным юзовским товарищам и, как уже через день выяснилось, совершенно напрасно.

Эта уступка была воспринята эсеро-меньшевиками, как слабость Центроштаба, и поэтому они еще с большей наглостью и развязностью продолжали борьбу. Они добились созыва объединенного заседания Совета и городской думы для обсуждения вопроса о вооружении милиции. При этом большевики не только не покинули этого странного сборища, в котором участвовали кадеты-думцы, но даже возглавляли его

своим президиумом. Эсеро-меньшевики выступали с самыми безобразными клеветническими речами против Красной армии, Центроштаба и Исполкома и в заключение предложили резолюцию, в которой требовали: снятия военного положения, закрытия газеты „Донецкая Правда“, роспуска Красной армии с заменой ее боевыми дружинами из членов всех социалистических партий и изгнания Центроштаба. Вносилось даже предложение об аресте председателя Совета Залмаева¹⁾. Эта явно контр-революционная резолюция была принята 66 голосами против 28, голосовавших за большевистскую резолюцию. После этого председательствовавший на этом заседании Алферов заявил о сложении с себя полномочий зампреда Совета, пока следственная комиссия не снимет с него всех обвинений²⁾.

Таким образом эсеро-меньшевики в союзе с думскими кадетами, получив за свою резолюцию большинство и добившись грязной клеветой отставки председателя, захватили в свои руки Совет. Руководители юзовской большевистской организации порядком растерялись. Тогда Центральный Военно-Рев. Комитет Донбасса решил применить крайние меры — распустил Совет и объявил новые перевыборы. Кроме того, немедленно была созвана Юзово-Макеевская районная конференция Советов, которая одобрила полностью действия Центроревкома и Центроштаба, заявила протест против нерешительной политики Юзовского Совета и избрала районный исполком, так называемый Ц. И. К. советов Юзово-Макеевского района оказавшийся по составу почти целиком большевистским³⁾.

Заручившись поддержкой района, Центроревком бросил все свои агитаторские силы на перевыборы Совета. Эсеро-меньшевики оказались разбитыми во всех цехах завода. В результате выборов большевики получили подавляющее большинство в новом Совете.

Обанкротившиеся клеветники, эсеро-меньшевистские лидеры — Бартаговы, Щубы, Мышкины, Галузины и компания бежали из Юзовки.

Социал-предательское (являвшееся в условиях гражданской войны контр-революционным) выступление кадетских союзников было ликвидировано.

Подобные приступы мелкобуржуазного бешенства, весьма затруднявшие подготовку рабочих масс к борьбе с оккупантами, появлялись в той или иной форме и в других районах и даже в таком большевистском городе, как Луганск.

¹⁾ Кстати сказать, Залмаев предупредил желание кадето-меньшевиков и еще накануне заседания, оставив пост председателя, покинул Юзовку и отправился в Москву.

²⁾ „Донецкая Правда“ от 14 марта 1918 г.

³⁾ Еот в какой обстановке и почему был создан Ц. И. К. Советов района, выполнявший в тот момент ответственные задачи по укреплению советской власти. Этому не понимает юзовский мемуарист Ф. Зайцев, называющий в своих воспоминаниях Ц. И. К. „мертворожденным детищем Центроштаба“.

Но, несмотря на эсеро-меньшевистские атаки, мобилизация и формирование Красной армии развертывались все шире. Каждый километр продвижения кайзеровских оккупантов вглубь Украины поднимал новую волну вооруженных защитников Октябрьской революции и власти Советов. Центроштаб почти ежедневно отправлял на фронт маршевые роты. Следовали они по указаниям штаба главковерха Антонова-Овсенко на подкрепление наших армий по маршрутам на Александровск, Екатеринослав или Лозовую. В общей сложности за полтора месяца для борьбы с оккупантами было организовано Центроштабом свыше 30 тыс. красноармейцев. Это кроме тех частей, которые бросались на фронт непосредственно районными штабами, когда противник уже вступал в пределы Донбасса. Преобладали стрелковые части, слаба была артиллерия за отсутствием орудий и еще слабее конница.

Район мобилизационной деятельности Центроштаба фактически распространялся на бывший Бахмутский уезд (ныне округа Артемовский и Сталинский) и районы: Макеевский, Чистяковский, Боково-Хрустальный и на восток до Александрогрушевска включительно. На севере Донбасса Луганский район производил самостоятельно формирование Красной армии. Первые отряды луганчан под командой Ворошилова сражались с оккупантами под Конотопом. Во второй половине марта в Луганск эвакуировался из Полтавы мобилизационный отдел под руководством Разживина и развернул там большую работу по формированию.

Как выглядела в боевом отношении наша молодая Красная армия? Красные добровольцы были проникнуты сознанием революционного долга, пониманием необходимости борьбы во что бы то ни стало за рабочее дело, за власть Советов. Но в военно-техническом и организационном отношении нашей армии многого не хватало. Хотя части и назывались полками и ротами, однако, по существу они еще оставались партизанскими отрядами. В формировании и обучении не было ничего похожего на прежнюю многомесячную муштровку. Скоропалительно, в 2—3 дня люди сводились во взводы, роты, полки, обмундировывались, если было во что, вооружались винтовками, бомбами и (не всегда) пулеметами, „седлали“ эшелоны и отправлялись на фронт. Отсюда и соответствующее боевое качество их. Если подбиралась часть с значительным количеством старых, обстрелянных солдат, то она втягивалась в серьезные бои и нередко переходила, не без частичного успеха, в наступление против технически более сильного противника, героически сражалась, не теряя при отступлении соприкосновения с противником. Чаще же всего бывало так, что наши части при первом серьезном обстреле панически откатывались, потом снова возвращались и так несколько раз, пока не привыкали к фронтовой обстановке.

В сравнении с войсками кайзеро - петлюровской контр-революции наша революционная армия была слаба. Она проходила в сражениях только подготовительный класс боевой подготовки. Поэтому неизбежно было ее отступление перед оккупантами, во сто крат более сильными и вооружением и организованностью.

ОБОРОНА ДОНБАССА

В конце марта оккупанты подошли к форпостам Донецкого бассейна — Харькову, Екатеринославу и Александровску. Взятие их открывало пути врагу в самое сердце бассейна. Сдача этих городов, и очень быстрая, вытекала с неизбежностью из наших эшелонных методов ведения войны. Города можно было серьезно защищать только в случае создания укрепленных районов с окопами и при наличии солидной полевой артиллерии (а не только железнодорожных бронеплощадок). К тому же значительное количество частей наших армий, потрепанных в предыдущих боях, в беспорядке откатывались и сеяли панические настроения в свежих частях, направлявшихся на фронт.

Все это поставило перед Центроштабом вопрос об организации обороны Донецкого бассейна путем создания специальной донецкой армии, которая выступила бы на назначенную линию обороны в пешем порядке и до подхода противника на ней окопалась и укрепилась. Поставлена была задача перехода к полевым позиционным методам войны. Если фронтные части наших армий никакими силами нельзя было заставить бросить эшелоны, то мы решили вновь формируемую армию отправить без эшелонов на позиции.

Об этом решении сообщили главкомверху Антонову-Овсенко, который полностью одобрил его. Тогда Центроштаб назначил командармом донецкой армии Геккера и военный совет полевого штаба армии в составе командарма и трех коммунистов — Баранова, Харечко и Мюрата. Между последними обязанности распределялись так: Баранов — начальник штаба, Харечко — политическое руководство и Мюрат — отдел связи. Полевому штабу было поручено в срочном порядке выработать план обороны и выехать по назначению в Никитовку.

В течение 3—4 дней был оборудован технический штаб и разработан стратегический план, на основании которого части Донецкой армии отправлялись на позиции. В первых числах апреля штаб армии прибыл в Никитовку. Здесь 7 апреля было созвано совещание из командиров частей и представителей местных районных штабов, на котором был доложен план обороны и обсуждены мероприятия по привлечению населения к возведению фортификационных сооружений. На следующий день был отдан приказ № 117, намечавший план обороны, следующего содержания:

Полевой штаб
Никитовка

7 апреля 1918 г.
20 ч. 15 мин.

ПРИКАЗ № 117

По Красной армии Донецкого бассейна

Карта 10 вер. в дюйме

По полученным сведениям противник продолжает свое наступление и им занят Екатеринослав. Около Харькова противник в 25 верстах. Таким образом противник начинает занимать Донецкий бассейн. Чрезвычайным Штабом Республики Донецк. Бассейну приказано обороняться во что бы то ни стало. Верховным Главнокомандующим Овсенко - Антоновым приказано начать создавать в тылу оборонительные позиции в несколько линий, формировать отряды Красной армии, обучать их воинскому делу и отправлять на фронт обороны Донецк. Бассейна. На основании общей цели действия, на заседании 7 апреля в Никитовке делегатов от районов Республики Донецк. бассейна, было принято решение: немедленно поднять население, распределить участки линии обороны и приступить к устройству оборонительных позиций. Фронт для оборонительного боя будет проходить по линии Несветич, река Северный Донец до деревни Еремовка включительно, далее на юго-запад по опушке леса на Сергиевскую и Долгенькое, Морсовка и Корулька, далее по берегу реки Сухой Торец до Черкасское - Александровская, на юг по дороге на Черторийск, через Новоселков и Сергиевское, далее от деревни Райская по реке Казенный Торец до ее верховья дер. Гродовка; вынесенная вперед группа Доброполье, Фирсово - Гришино, Селидовка, Курахово, потом на юг, по дороге через Марьевку, Ново-Михайловка, Великий Андоль и Карловка с вынесенной вперед группой Розовка, Рундевизе; дальше через станцию Покровскую по реке Коротыш и реке Верда до впадения ее в Азовское море, имея вынесенную вперед группу города Бердянска с опорным пунктом у Нагайска и на ст. Трояны Вся эта главная для оборонительного боя позиция имеет вынесенную вперед линию сторожевого охранения с приспособленными к обороне сторожными заставами. Эта позиция проходит от Ново - Глухова, по опушке леса левого берега реки Северный Донец, далее на село Торское и Поповка до устья реки Жеребец, образуя Лисичанскую группу обороны, которая выставляет оборонительные железнодорожные заставы до Купянска в заставы сторожевого охранения у Варваровки и у деревни Цыгановка.

Линия Славянской группы сторожевого охранения проходит на озеро Лиман, на перекресток дорог у Жуково,

на Новоселок и Александровку и железнодорожного моста через реку Оскол при ее впадении в Северный Донец, выставив оборонительные железнодорожные заставы до станции Савицы и сторожевое охранение автомобилями по шоссе из Харькова в Изюм и деревни Стратиловку и Малую Камышеваху, выслав оборонительные ж.-д. заставы до ст. Барвенково. Кроме того, выставляя сторожевое охранение от Александровки по реке Маячка до дер. Чарторыжской, Константиновская и Дружковская, группы охранение высылают на дорогу Чарторыжск-Доброполье. Гришинская группа высылает ж.-д. заставы до ст. Чаплино. Волновахская группа высылает ж.-д. заставы до ст. Пологи. Бердянская группа, восстановив связь с Мелитополем, занимает железную дорогу с заставами до Верхнего Токмака. Группа Мелитополя защищает реку Молочную. Все эти группы имеют свои резервы, районы: для северного сектора район Бахмута, который граничит со ст. Несветевич, Бахмут и Бахмут-Гродовка. Этот районный резерв поддерживает Лисичанскую, Славянскую, Краматорскую, Дружковскую и Константиновскую группы. В Бахмуте должны быть сосредоточены все средства для северного сектора.

Никитовский-Горловский главный резервный район занимает своими отрядами все внутренние ж.-д. узлы и ж. д., где восстанавливает полный порядок. Имея у себя главное командование, управляет всеми районами, поддерживает районы Гришинский и Волновахский.

Мариупольские и Бердянские группы самостоятельны в своих военных операциях. Общий резервный Юзовский район, занимая своими отрядами все станции, кадрами пополняет все отряды и через Центроштаб снабжает всем необходимым. Таганрогский район, находясь в тылу, укрепляет ж. д. Харцызк-Таганрог и, имея у себя большие кадры рабочих, питает через Центроштаб главный Юзовский район комплектования. Все общие указания по укреплению позиции получить в Полевом штабе. Основная пехотная позиция с заблаговременно устроенными стрелковыми окопами, с искусственными препятствиями, с укреплениями по обороне мостов, опушки лесов и т. д. будет проходить по линии правый берег реки Северный Донец от Несветевича до устья реки Казенный Торец, далее по реке Казенный Торец до Городовки. Эта основная укрепленная позиция должна быть сооружена немедленно с получением приказа. Лисичанской группе укрепленный район от Несветевича до устья реки Бахмут включительно Славянской группе от устья реки Бахмут, по Северному Донцу до устья реки Казенный Торец и по Казенному Торцу до устья реки Маячка. Краматорской

группе от устья реки Маячка до устья реки Казенный Торец. Дружковскому району по реке Кривой Торец до Новоселкова. Константиновской группе до верховья реки Кривой Торец и далее к югу по реке Клебан Бык. Для наблюдения за флангами основной оборонительной позиции выставить Лисичанской группе конную или автомобильную разведку на гор Старобельск, Бердянской группе наблюдение за Керченским проливом. Связь со штабом командующего должна поддерживаться через земские телефонные станции прямыми проводами с Никитовки.

Телеграфную связь установить через местное почтово-телеграфное отделение, привлекая для этого необходимое число телеграфных чиновников. За всеми вопросами по денежным делам, продовольствия и санитарным обращаться в Центроштаб. Все обозы, рабочие инструменты должны быть собраны местными Советами. Донесение о всяких происшествиях и ходе подготовительных работ присылается к восьми и двенадцати часам ежедневно в Никитовку, поезд Командующего. В донесениях помещать всякие перемены движения эшелонов других армий и о ходе боевых действий. Ответственность за выполнение означенного приказа возлагается на местные Советы и военно-революционные штабы. О получении означенного приказа донести немедленно.

Вридкомандующий Красной армией
Донецкого Бассейна Баранов

За Начальника полевого штаба Малаховский

Отправлен в 13 часов 20 минут 8-го апреля 1918 года.

Этот приказ имеет право на опубликование теперь только как документ, характеризующий попытку перехода от эшелонной войны к полевой. Во исполнение этого приказа рассылались на места воззвания, призывавшие рабочих и крестьян к активной помощи Красной армии при сооружении укреплений. Командиры частей получали на руки топографические планшеты с точным указанием их позиций и производства соответствующих фортификационных работ. Словом, полевой штаб преподал все необходимые указания и распоряжения, как это делалось в старой регулярной армии.

Но, несмотря на все это, знаменитый приказ № 117 не был выполнен и в десятой доле. Его сорвала общая обстановка на фронте, создавшаяся после сдачи Харькова и Екатеринослава. Фронтные части нашей армии, потрепанные в боях под Александровском, Екатеринославом и Харьковом, стремительно откатывались в Донбасс, распространяя везде панические слухи о силах оккупантов. Новые части донецкой армии, попадая в атмосферу таких тревожных слухов, заражались

страхом перед мощностью и быстротой наступления противника, подальше прятали планшеты полевых позиций, прижимались к линиям железных дорог, погружались самочинно в вагоны и смешивались с общим беспорядочным потоком эшелонов.

К тому же и полевому штабу не суждено было долго руководить операциями. 9 апреля в Никитовку прибыл штаб Главковерха, кстати сказать, порядком расстроенный в результате отступления, почти без всякого аппарата. Приказом главковерха полевой штаб был упразднен с передачей его аппарата штабу главковерха. Руководители полевого штаба получили новые назначения: Геккер — начальником штаба главковерха, Баранов — командующим отрядами Изюмского направления и Харечко — вернулся в Юзовку к руководству Центроштабом. Непосредственное оперативное руководство донецкой армией перешло к штабу Главковерха.

Захват оккупантами Харькова, Екатеринослава и Александровска при тяжелом состоянии наших армий решал судьбу Донецкого бассейна. Поэтому наряду с организацией обороны необходимо было предпринять самые решительные меры к эвакуации из бассейна горнозаводской продукции и хлеба. В этих целях Центроштабом не только отдавались распоряжения, но и назначались специальные уполномоченные, которым под личной ответственностью поручалось руководство эвакуацией грузов. Уже в начале апреля Центроштаб отдал первый эвакуационный приказ „Всем Совдепам, Ревкомам и штабам Красной армии“:

„Контр-революционные банды гайдамаков и австро-германцев расстреливают и ликвидируют все завоевания Октябрьской революции и продвигаются в Донецкий Бассейн. Наши отряды, наспех обученные и слабо организованные, не выдерживают натиска и отступают. Но пусть знают временные победители, что пролетариат встретит их, как палачей, а отступающая Красная армия, реформировавшись, не замедлит стройными батальонами выступить на защиту оставленных семейств.

„Чтобы ослабить врага, Центроштаб Красной армии Д. Б. предлагает всем Совдепам и Ревкомам немедленно приступить к эвакуации запасов оружия, угля, металла и хлебных грузов. Не медля ни одного дня, надо подготовить эвакуацию банков, казначейств и почтовых ценностей. В тех городах и поселках, где имеются типографии и бумага, объявить их собственностью Советской Республики и немедленно приступить к эвакуации. Не должно оставаться врагам ни одного листа бумаги, ни одной буквы набора.

„В последний момент отхода необходимо снять все телеграфные аппараты центральных телефонных станций.

Все направлять, главным образом, по маршруту Дебальцево-Зверево-Царицын, частью Таганрог-Ростов и частью Луганск - Миллерово - Воронеж.

„Всякое уклонение от эвакуации увеличит силы врага и будет рассматриваться, как величайшее преступление перед революцией.

Председатель Центроштаба Харечко
Секретарь Грузман

Отправка из Донбасса ценных грузов производилась не везде удовлетворительно, так как отступающие части армии самым отчаянным образом дезорганизовали транспорт. Стихийный людской поток вытеснял движение грузов.

Чтобы хоть в какой-либо мере обеспечить эвакуацию, надо было оказать более упорное сопротивление противнику на подступах к Донбассу. Но все это оставалось в области пожеланий, так как спустя четыре дня после занятия Харькова оккупанты уже наступали через Чугуев - Купянск на Сватово, пытаясь отрезать западную часть Донбасса. Это был самый опасный участок фронта, так как прорыв на нем грозил захватом Дебальцево. Когда противник ураганным огнем артиллерии собирался уничтожить единственную преграду нашу — батарею Годлевского, на помощь последнему подошел 16 апреля из Луганска двухтысячный отряд красноармейцев под командой Ворошилова и задержал противника на несколько дней.

Очень быстро также развивали наступление оккупанты на Изюмском и Славянском направлении. Здесь наши части отступали с боями. Другой характер носило отступление на Екатеринославском и Александровском направлении. 12 апреля вторая армия Венедиктова, разбитая у Синельниково, откатилась без остановки до Ясиноватой и насчитывала в своем составе не больше 60 годных бойцов. Одновременно с этим еще на большую дистанцию откатилась первая армия Егорова. Ее части проскочили Волноваху и направлялись на Иловую-Таганрог. Таким образом, Юзово-Макеевский район оказался совершенно обнаженным. Надо было спасти положение. В противном случае грозил „мешок“. Центроштаб бросил к Гришино и Волновахе свои последние резервы. На Гришино была выслана бронеплощадка под командой Бондаренко. Туда же выехал начальник Центроштаба Пономарев для организации укрепленного района. Вокруг Гришино рылись окопы, воздвигались проволочные заграждения, и таким образом удалось задержать противника на несколько дней. Тем временем 17 — 18 апреля поезда снабжения Центроштаба и эвакуируемые грузы отправлялись из Юзовки через Ясиноватую на восток в Зверево.

Центроштаб направился в Ал.-Грушевск, предполагая вернуть там переформирование отступающих частей. Однако,

из этого ничего не вышло, так как приближение оккупантов вызвало значительное оживление контр-революционного казачества, и штаб вынужден был в конце апреля передвинуться в Ростов. К этому времени получено было из Москвы распоряжение о реорганизации Центроштаба в Военный Комиссариат Южных Республик.

Наши отступающие армии к 20 апреля оставили линию Бахмут - Никитовка - Ясиноватая - Волноваха. Наиболее сохранившиеся части мужественно сражались в арьергардных боях под Никитовкой, Лисичанском и Ясиноватой. Отступающая Красная Армия увлекала за собой тысячи рабочих, не желавших оставаться под ярмом гайдамацкой контр-революции.

Оккупанты занимали Донбасс, жестоко расправляясь с пленными красноармейцами.

Сотни эшелонов с людьми и грузом бесконечной лентой тянулись частью на Воронеж и, главным образом, на восток через Донщину и через Ростов - Тихорецкую в Царицын. Отступали без тени уныния. Все были проникнуты твердой уверенностью, что, перестроившись, мы сметем контр-революционные полчища. Прощались с Донбассом возгласом: „мы еще вернемся“. В этих надеждах отражалась мощь и неизбежная победа пролетарской революции.

СОВЕТЫ НА АРТЕМОВЩИНЕ МЕЖДУ ФЕВРАЛЕМ И ОКТЯБРЕМ 1917 ГОДА¹⁾

ПЕРВЫЕ ВЕСТИ О РЕВОЛЮЦИИ

Вести о событиях в Петрограде пришли в Артемовский округ сравнительно быстро. Первого - второго марта всех волновали неопределенные слухи. Местные власти, при всей своей растерянности, старались задержать сообщения о происходящей революции, говоря, что вся шумиха началась вследствие газетной „утки“.

Рабочие Краматоровки и Щербиновки уже 28 го февраля знали о падении трона, в Бахмут сведения пришли 4-го марта, а в Лисичанск лишь 5-го. Села, находящиеся вдали от рудников, заводов и железнодорожных станций, узнали о

Помещая статью тов. Куранова, богатую фактическим материалом, редакция считает необходимым отметить следующее:

1) Автор недооценивает значение Горлово-Щербиновского района, как подлинно большевистской цитадели 6. Бахмутского уезда. Первые победы большевиков были одержаны в Советах этого района. Местная большевистская организация, наиболее сильная и выдержанная, еще в подполье имела связь с Макеевкой и бюро ЦК в Петрограде и легализовалась на второй день после Февральского переворота.

2) Ст внимания автора ускользнула Бахмутская уездная конференция большевиков, происходившая в конце сентября за несколько дней до упоминаемой автором конференции РС. РП, бывшей меньшевистской конференцией („Звезда“, № 101, 3/Х 1917 г.).

Взаимоотношения между большевиками и меньшевиками вообще представлены у автора недостаточно четко, вследствие этого недостаточно ясна и характеристика отдельных Советов в отдельные моменты.

3) Автор мало уделяет внимания крестьянским Советам и, в частности, Бахмутскому Совету Крестьянских Депутатов. Этот Совет первым (в июле) стал большевистским. Не выявлено отношение украинских партий к крестьянским Советам и отношение последних к национальному вопросу.

Прим. редакции.

¹⁾ Настоящий очерк составлен на основании материалов центрархива, окрархива, воспоминаний участников события и отчасти материала, опубликованного в некоторых номерах „Летописи Революции“.

Очерк охватывает Артемовский округ в его настоящих границах, а не в границах бывш. Бахмутского уезда. — Г. К.

совершившемся еще позже. Так, например, в селах, входящих ныне в Александровский район, точно узнали о свержении царизма только от солдат, прибывших в отпуск из армии. Дело не обошлось без курьезов: в Славянске воззвание о падении династии Романовых расклеивал по городу никто иной, как городской пристав.

Администрация рудников и заводов в Горловке уже утром 28 февраля в сопровождении свиты, состоящей из государственных чиновников и офицеров, торжественно ходила по цехам, поздравляя рабочих с новым правительством и призывая к работе на защиту родины и полученной свободы. Администрация призывала не поддаваться на провокацию „немецких агентов“, которые будут призывать к стачкам и т. п. В том же духе действовала администрация завода „Донсоды“. Это была первая „прививка“ от большевистской заразы.

По инициативе либеральствующей части буржуазии и интеллигенции были созданы первые временные органы власти. Горловским комитетом общественной безопасности, созданным 1 марта, руководил заводской инженер Яницкий; кадетствующий доктор Демюлен являлся одним из видных членов Краматорского общественного комитета, а в числе членов обывательского комитета поселка Яковлевского (Дружковка) был крупный торговец Гераскин.

Наиболее законченным типом этих временных органов был общественный комитет при городской управе в Бахмуте. Бахмутский комитет имел в своих руках власть значительный промежуток времени, в то время как, например, в Дружковке комитет прожил всего 8 дней.

В других местах временные комитеты просуществовали немногим дольше.

Временные общественные комитеты были откровенно буржуазны. Они (Краматоровка) выступали против разоружения полиции под предлогом сохранения общественного порядка, а местами просто тормозили организацию Советов рабочих и крестьянских депутатов.

В некоторых местах (Артемовск, Краматоровка) параллельно временным, общественным, обывательским и проч. комитетам были созданы революционные комитеты, комитеты защиты революции и пр. Они деятельно работали над созданием Советов, что дает основание считать их предшественниками последних.

Еще хуже дело обстояло в селах.

В избранный в первых числах марта Святогоровский волостной комитет прошел в качестве председателя помещик Енин. Александровская волость, преобразовавшаяся в волостное земство, сохранила весь старый штат. Организованный 3 марта в селе Покровском комитет защиты революции состоял из случайных людей.

ВЫБОРЫ СОВЕТОВ

В первые дни марта шла подготовка выборов в Советы и проводилась большая предвыборная митинговая кампания. Между первым и четвертым марта организовались Советы в Краматоровке, Енакиеве, Попасной, Щербиновке и Горловке. Бахмутский Совет, обслуживавший близлежащие поселки и рудники, Славянский и Гришинский Советы были созданы 6-го марта, Дружковский же Совет, после значительно большей подготовительной работы, чем в других местах, окончательно сконструировался 8 марта. Кажется, позже всех (12 марта) организовался совет в Лисичанске. Словом, к концу первой половины марта во всех более или менее значительных рабочих центрах были созданы Советы.

Однородной системы выборов не было, да и быть не могло, ибо Советы возникали без руководства, стихийно. В то время, как по Бахмуту избирали в Совет одного делегата от 50 человек, в Дружковке (где во главе Совета с самого начала стал тов. Радченко) и Краматоровке за основу был взят принцип выборности от цехов. Наконец, в некоторых местах (Попасная) Совет избирался на общих митингах. В большинстве случаев выборы были открытые, но в некоторых местах (Енакиеве), по настоянию эсеров и меньшевиков, они были произведены тайным голосованием.

Вновь созданные Советы, местами воинские части (Бахмут), а кое-где временные комитеты обезоружили полицию, которая, чувствуя свое бессилие, активного сопротивления при разоружении не оказывала. Исключением был лисичанский пристав, который даже в первые дни (15—17 марта) сопротивлялся требованию разоружения. Больше того, „молодцы“ из полицейского участка ударились в слезы (Краматоровка), когда рабочие пришли их разоружать: „как можно отдавать оружие,— плакали они,— когда вместе с ним давали присягу за веру, царя и отечество“.

Организация органов революционной демократии на селе, как и в самом уездном центре, несколько отстала от организации Советов в рабочих районах. Первым актом сельских комитетов было тоже разоружение полиции. Митинговая кампания и процесс организации комитетов проходил при участии рабочих советов ближайших рудников, заводов и железнодорожных узлов. Группа участников событий того времени сообщает, например, что в селе Белянском Совет был организован по инициативе краматорских рабочих. По инициативе гришинских рабочих был организован Святогорский волостной комитет, куда входило 22 рабочих и 22 крестьянина.

Были случаи, когда рабочие тысячами демонстрациями ходили в села, митинговали и тут же создавали органы местной власти. Имели место случаи (Святогорск, Пеездная).

когда рабочих, идущих со знаменами, крестьяне принимали с попом во главе и хоругвями. Дружковка в полугодовой юбилей Февральской революции сначала устроила панихиду по жертвам революции, а потом уже митинг. На одном из упомянутых объединенных митингов выступал поп, призывавший к борьбе за Дарданеллы, „без которых Россия жить не сумеет“. Впрочем, хоругви и поп не помешали объединению трудящихся города и деревни. На том же митинге рабочие выступали против политики захвата Дарданелл и крестьяне, как передает группа участников, охотно слушали рабочих-ораторов.

В организации сельских и волостных комитетов, кроме рабочих Советов, принимали активное участие солдаты старших возрастов, отпущенные Керенским на полевые работы, а также солдаты-отпускники. В ряде сел и волостей округа (Камышеваха, Николаевка, Нижнее и т. д.) комитеты возникли именно таким образом.

Организовавшемуся в конце марта Уездному Исполнительному Комитету Совета Селянских Депутатов пришлось закончить образование комитетов там, где они еще не были организованы, установить связь с уже организовавшимися комитетами на местах и, наконец, определить свое отношение к советам рабочих и солдатских депутатов.

К началу апреля организация комитетов была закончена.

Что касается армии, то как только были получены вести об отречении, солдаты 5-го запасного полка, расквартировавшиеся в селах Савицы и Пески в районе Славянска, приступили к выборам своего комитета и замене „прославившихся“ офицеров командирами из своей среды. Солдатские комитеты воинских частей, расквартированных в Бахмуте, в апреле объединились в гарнизонный воинский Совет. Представители солдат, как равные члены, входили в состав Бахмутского Совета.

К концу первой половины апреля территория Артемовского округа была покрыта густой сетью Советов рабочих и солдатских депутатов, воинских комитетов и крестьянских комитетов, не объединенных пока организационно, но связанных между собой взаимным представительством.

ПЕРВАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СОВЕТОВ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ

Конференция, происходившая 15—17 марта в Бахмуте, собрала 132 делегата, представлявших 48 местных Советов, объединяющих 187 тысяч рабочих и солдат.

Председательствовал Черепонцев (солдат). Конференция вынесла резолюции: по текущему моменту, об отношении к временным общественным комитетам, об объединении Советов рабочих и солдатских депутатов, по крестьянскому вопросу, продовольственному вопросу, о профсоюзах, штрафных капиталах.

и организации в Бахмуте информационного бюро. Вся территория была разбита на 6 подрайонов: Юзово-Енакиевский, Константиново - Щербиновский, Горловский, Бахмутский, Лисичанский и Макеевский.

В принятых резолюциях часть вопросов была только поставлена, но не решена (земельный), а те решения, которые были приняты, отразили на себе какие угодно политические влияния, только не большевистские. Огрызки из резолюций, приводимые нами ниже, подтверждают это.

По животрепещущему вопросу дня, о войне, было вынесено такое решение: „Конференция признает, что пролетариат и в настоящий момент во всех выступлениях должен руководствоваться исключительно своей классовой политикой.“

В виду этой задачи, диктуемые текущим моментом, властью требуют от пролетариата всеми мерами закрепить позицию федеративно-демократической республики и быть на страже ее против возможных посягательств со стороны буржуазии.

Но, принимая во внимание, что создавшееся на фронте положение угрожает завоеванной во время войны политической свободе России, ставшей самой свободной в мире, конференция находит, что пролетариат вынужден в данный момент выступить с лозунгом обороны страны.

В то же время твердо помня, что современные войны ведутся в целях империалистических (захват чужих рынков), несовместимых с солидарностью интересов пролетариата, конференция признает что усилия рабочего класса должны быть направлены на пропаганду интернациональных идей“. („Социал-Демократ“, № 13—14, от 29 марта, резолюция по текущему вопросу).

По вопросу о крестьянстве конференция постановила: „Разрешение земельного вопроса во всем его объеме и неотложные нужды крестьянства перенести на ближайшее заседание Петроградского Совета раб. и солд. депутатов с представителями с мест, которое состоится 28 марта 1917 года, и просить Петроградский Совет раб. и солд. депутатов поставить этот вопрос в порядок дня“ („Социал-демократ“ от 29 марта).

Точно такая же половинчатость, как и во втором вопросе, чувствуется в постановлениях об отношении к временным общественным комитетам, которые не распускаются, как пережившие себя организации, а приглашаются входить в Исполком Советов на правах коалиции. И это делалось тогда, когда в некоторых крупных центрах (Дружковка) общественные комитеты были погребены.

Что касается чисто рабочих вопросов, связанных с экономическими нуждами, то здесь решения конференции более категоричны, ясны. По вопросу о штрафных капиталах вынесена была, например, такая резолюция:

„Конференция предлагает Советам употребить все усилия на то, чтобы в их распоряжение переданы были все накопившиеся штрафные капиталы. Капиталы эти должны быть употреблены на нужды рабочих и их семейств по постановлению общего собрания рабочих на местах“ („Социал - Демократ“ от 29 марта).

В таком же духе была принята резолюция по продовольственному вопросу (т.е. по рабочему снабжению). Констатируя, что из создавшегося положения рабочие могут выйти только своими силами, организуя сеть кооперации по всему Донбассу, одновременно борясь с преступлениями старых органов власти, которые саботируют нормальную доставку продуктов питания, конференция постановила: продовольственные магазины от предприятий поставить под рабочий контроль, оставив их только на время, пока не организовались кооперативные лавки.

Но ни в одной резолюции беспомощность конференции не чувствовалась так сильно, как в резолюции о профсоюзах, которая гласила: „Оставляя открытым вопрос о принципах строительства рабочих, экономических и культурно - просветительных организаций для выработки общих начал на Харьковской конференции, Бахмутская конференция призывает Советы приступить немедленно к широкой пропаганде на всех местах идей организации рабочих в профессиональные союзы, кооперативы, клубы, учреждения биржи труда, примирительных камер и восстановления институтов фабричных и заводских старост“ („Социал - Демократ“ от 29 марта 1917, резолюция о профсоюзах).

После общих вопросов конференция решила два вопроса местного значения. Было вынесено постановление об аресте исправника Яновского, что и было проведено в жизнь. Но министр юстиции Керенский счел этот поступок недемократическим и предложил уездного „держиморду“ освободить.

Для реализации всех постановлений, увязки советской работы, собирания сведений об организации и деятельности местных Советов было выбрано информационное бюро из 5 человек во главе с бундовцем Липшицом, Просуществовав кое - как до мая месяца, бюро распалось, не имея в Бахмуте широкой пролетарской опоры.

Таким образом, Бахмутская конференция, созванная по инициативе мелкобуржуазных партий, прошла целиком под их лозунгами. Того, чего от нее ожидали низы, создания мощного центра, она не дала в силу выше отмеченных причин.

СОВЕТЫ

Что из себя представляет Совет? Какие задачи стоят перед Советом? Каковы формы и методы работы Советов?

Эти вопросы, естественно, возникали всюду. Места обращались в Бахмут, а Бахмут, в свою очередь, запрашивал

Екатеринослав, но директив не было. Местам была предоставлена широчайшая инициатива.

На первый вопрос Исполком Дружковского Совета Р. и С. Д. в своем заседании от 9 апреля. т. - е. после трехмесячной работы, дал такой ответ: „Дружковский совет раб. и солд. депутатов представляя в себе интересы как большинства, так и меньшинства населения, является высшим революционным учреждением и все постановления общественных организаций (имеющих в нем своих представителей), затрагивающие ин ересы общественной жизни, должны быть санкционированы Советом“ (протокол № 3, Центрархив, д. № 6).

Как видим, даже Дружковский Совет, принадлежавший к числу наиболее классово выдержанных, не понимал своего классового существа¹⁾.

Советы занимались разрешением самых разнообразных задач и вопросов. Тут и поддержка бастующих рабочих мелких предприятий (Бахмут), помощь беднякам, солдатам, тут и выдача разного рода документов, тут и культурная работа, и устройство бесконечного числа мигингов, в частности, женских.

Всю работу в массах Советы проводили, во - первых, через своих членов, для которых существовала определенная дисциплина (Краматоровка, Дружковка), во - вторых, при помощи издаваемых местных районных газет (Горлово - Щербиновские „Известия“ и т. д.).

При всех Советах, за исключением немногих (Попасной, в частности), регулярно работали комиссии, имея вполне определенные функции. При Дружковском Совете было 8 комиссий: милиционная, продовольственная, культурно - просветительная, финансовая, агитационная, железнодорожная и т. д.

В комиссиях могли участвовать люди, и не состоявшие в Совете. Был случай, что священник Гонтаревский принимал активное участие в культпросветительной комиссии, являясь фактическим руководителем постройки средней школы в поселке Гавриловском.

Отчисление однодневных заработков (Бахмут) или определенного процента от зарплаты (Константиновский подрайон) и кружечные сборы проводились не только на содержание местных Советов, но и на содержание Бахмутского информационного бюро, Харьковского Областного Совета и Петроградского Совета.

За рабочими шли крестьяне. Уездный Исполнительный комитет крестьянских депутатов, проведя добровольный сбор среди крестьянства на нужды исполкома, собрал 18 тысяч рублей.

¹⁾ Автор недостаточно ясно представляет себе действительный характер Дружковского Совета. В этот период Дружковский Совет был меньшевистским. — Р е д.

Срок деятельности Советов был три месяца, но не всюду. Имели место отклонения в сторону увеличения срока (Попасная, Лисичанск) и в сторону досрочных перевыборов (Горловка).

БОРЬБА ПАРТИЙНЫХ ТЕЧЕНИЙ В СОВЕТАХ

Как правило, рабочие Советы количественно были велики (Бахмут 200 чел., Дружковка 132 и т. д.), но были отдельные места, где Советы не были многочисленны (Попасная).

Если в таких Советах, как Горловка, Щербиновка, Констангиновка, Енакиево, Дружковка и т. д., членский состав Совета был по преимуществу из рабочих, то этого нельзя сказать про Бахмут, где совет на 80% состоял из ремесленников, служащих и интеллигенции.

Господствующее положение в Советах в этот период занимали меньшевики, с. - р., а в Лисичанске представители партии „Народной Свободы“ („милюковцы“) — Толкевич (председатель Совета 1-го состава) и инженер Кулаковский.

В Советах района Горловки - Щербиновки меньшевики и эсеры руководили до апреля м. - ца. Районный Совет рабочих депутатов Сольрайона, куда входил Брянцевский рудник (имени Карла Либкнехта), „Пшеничный“, „Новая Величка“, Терещенковский (имени Свердлова) и др. рудники, был в меньшевистских руках (вначале под председательством инженера, меньшевика Друшеля, а затем Коваленко) вплоть до сентября месяца.

Первые четыре - пять месяцев Енакиевский, Константиновский, Краматоровский и Славянский Советы всю работу проводили под руководством эсеровских и меньшевистских лидеров.

Вплоть до самого октября мелкобуржуазные партии удерживали господствующее положение в таких центрах, как Юзовка, Лисичанск, Бахмут, Попасная. Такой Совет, как Александровский, даже после октября был руководим не большевистскими организациями, а левыми эсерами.

Это объяснялось, главным образом, тем, что большевистская организация и качественно и количественно к этому времени была слаба и не могла развернуть среди масс должной работы. До революции в округе имелись небольшие подпольные группы большевиков (Бахмут — 3 человек, Краматоровка — 5 чел.; такие же кружки были в Щербиновке, Горловке, Енакиево), между собой организационно не связанные и зачастую оторванные от центра. В марте из Петрограда для связи и работы в Горлово - Щербиновском районе приехал Грузман. В других местах округа большевистские организации возникали после революции.

Большевистская группа Соляного района, в состав которой входило пять человек, была создана в конце июня. В конце июля окончательно сложилась Лисичанская пятерка, а Попаснянская организация (17 человек) оформилась только в августе.

Организации эсеров и меньшевиков возникли раньше и были многочисленнее большевистских. Правда, они были мало дисциплинированы, но зато имели средства, литературу и опытных ораторов. Вследствие этого эсеры преобладали и в Уездном Исполнительном комитете крестьянских депутатов (из 9 мест 7 принадлежало эсерам, а 2 большевикам).

Несмотря на разнородность партийного состава Советов рабочих и солдатских депутатов, а также крестьянских комитетов, все же фракций, как вполне оформившихся организаций, еще не было. Дружковский Совет приступил к организации фракции лишь 6 сентября¹⁾.

Однако, хотя организованных фракций и не было, фракционная борьба день ото дня становилась все ожесточеннее. Попытки меньшевиков объединиться с большевиками терпели крах. Исключение представляла Константиновка, где на время объединились меньшевики, интернационалисты и большевики. Насколько был устойчив союз социал-демократических групп Константиновки, видно из следующего характерного эпизода: когда в Россию приехал Ленин, объединенный комитет решил не посылать приветственной телеграммы, мотивируя это тем, что к приезду Плеханова телеграмма также не высылалась.

Наиболее значительная борьба между большевиками и остальными партиями разгорелась в начале революции в Горьковке по вопросу о сверхурочных работах на заводах военного ведомства. Большевики требовали отмены сверхурочных работ, а все остальные партии во имя „спасения родины и революции“ от внешнего врага требовали их продолжения. Рабочие, не успевшие еще отделаться от патриотических и шовинистических иллюзий, пошли за мелкобуржуазными партиями.

С приездом Ленина в Россию борьба стала еще ожесточеннее. Кое-где начались гонения на большевиков, например, в районе Гришино, где, как передает тов. Медне, толпа на крик: „Це большевик“ збегалась и устраивала чуть ли не суд Линча... Местные власти села Покровского послали специальную просьбу Временному Правительству об аресте большевика Нагорного, работавшего в Уездном Исполкоме крестьянских депутатов.

Межпартийная борьба из сравнительно небольшой аудитории Советов была перенесена в широчайшие массы населения 18 апреля (1 мая). К празднованию готовились Советы, крестьянские комитеты, политические партии как промышленных центров, так и близлежащих сел.

Агитационная работа партий, в том числе и большевистской, развернулась во всю ширь. Все партии должны были дать

---

¹⁾ То, что в Дружковском Совете фракция большевиков возникла лишь в сентябре, объясняется поздним возникновением в Дружковке большевистской организации. Там, где были организации, были и фракции.— Р е д.

массе ответ на волнующие ее вопросы. С трибун раздавались речи о войне, земле, рабочем вопросе, характере новой власти, значении Первомайского праздника и т. д. Митинги были особенно многолюдны. Большевики не имели больших агитационных сил, но лозунг Ленина: „Терпеливо раз'яснять, давая открытый бой всем партиям“ выполняли. После 1-го мая большевики стали известны широчайшим кругам рабочих, крестьян и солдат.

Первомайский праздник был моментом, с которого начался перелом в настроениях масс. Иллюзии о классовом мире стали исчезать.

БОРЬБА ЗА СОВЕТЫ И ВЛИЯНИЕ НА МАССЫ

Результаты войны успели сказаться на крупной и мелкой промышленности самым отрицательным образом. В 1917 году Донбасс, по сравнению с 1916 годом, дал меньше на 238 милл. пуд. угля (в 1916 г. добыча 1.736 милл. пуд.). Средняя добыча на одного шахтера за месяц упала на 50⁰/₀.

Екатеринославский губернский с'езд Советов, происходивший 5—9 августа, так об'яснял кризис промышленности:

„Главными причинами падения производительности являются:

- 1) значительное ухудшение техники и недостаточный ремонт;
- 2) чрезмерное истощение шахтеров, вынужденных до сих пор работать в большинстве шахт по 12 часов в сутки;
- 3) низкая заработная плата по сравнению с дороговизной жизни;
- 4) плохие жилищные и санитарные условия;
- 5) полуголодное существование рабочих вследствие недостатка продуктов“ (Бюллетень с'езда. Из резолюции „О повышении производительности труда в Донецком Бассейне“).

Надвигающийся кризис ударил в первую очередь по мелким шахтам, которые „начинают закрываться массами“. Как сообщал „Социал-Демократ“ от 19 августа, в силу того, что ввели твердые цены на уголь, произошло повышение зарплаты и введено запрещение гужевой доставки угля. Так как мелкие шахты не имели под'ездных путей, то упоминаемое запрещение губительно отражалось на их существовании. К тому же на мелких шахтах, как и вообще на мелких предприятиях, забастовки были очень часты, чего не было в крупной промышленности, работающей на оборону, благодаря активной шовинистической агитации мелкобуржуазных партий. Особенно поддавались патриотическим и шовинистическим настроениям лисичанские рабочие, находившиеся под сильным влиянием эсеров и меньшевиков.

Организации эсеров и меньшевиков возникли раньше и были многочисленнее большевистских. Правда, они были мало дисциплинированы, но зато имели средства, литературу и опытных ораторов. Вследствие этого эсеры преобладали и в Уездном Исполнительном комитете крестьянских депутатов (из 9 мест 7 принадлежало эсерам, а 2 большевикам).

Несмотря на разнородность партийного состава Советов рабочих и солдатских депутатов, а также крестьянских комитетов, все же фракций, как вполне оформившихся организаций, еще не было. Дружковский Совет приступил к организации фракции лишь 6 сентября¹⁾.

Однако, хотя организованных фракций и не было, фракционная борьба день ото дня становилась все ожесточеннее. Попытки меньшевиков объединиться с большевиками терпели крах. Исключение представляла Константиновка, где на время объединились меньшевики, интернационалисты и большевики. Насколько был устойчив союз социал-демократических групп Константиновки, видно из следующего характерного эпизода: когда в Россию приехал Ленин, объединенный комитет решил не посылать приветственной телеграммы, мотивируя это тем, что к приезду Плеханова телеграмма также не высылалась.

Наиболее значительная борьба между большевиками и остальными партиями разгорелась в начале революции в Горловке по вопросу о сверхурочных работах на заводах военного ведомства. Большевики требовали отмены сверхурочных работ, а все остальные партии во имя „спасения родины и революции“ от внешнего врага требовали их продолжения. Рабочие, не успевшие еще отделаться от патриотических и шовинистических иллюзий, пошли за мелкобуржуазными партиями.

С приездом Ленина в Россию борьба стала еще ожесточеннее. Кое-где начались гонения на большевиков, например, в районе Гришино, где, как передает тов. Медне, толпа на крик: „Це большевик“ збегалась и устраивала чуть ли не суд Линча... Местные власти села Покровского послали специальную просьбу Временному Правительству об аресте большевика Нагорного, работавшего в Уездном Исполкоме крестьянских депутатов.

Межпартийная борьба из сравнительно небольшой аудитории Советов была перенесена в широчайшие массы населения 18 апреля (1 мая). К празднованию готовились Советы, крестьянские комитеты, политические партии как промышленных центров, так и близлежащих сел.

Агитационная работа партий, в том числе и большевистской, развернулась во всю ширь. Все партии должны были дать

¹⁾ То, что в Дружковском Совете фракция большевиков возникла лишь в сентябре, объясняется поздним возникновением в Дружковке большевистской организации. Там, где были организации, были и фракции.— Р е д.

массе ответ на волнующие ее вопросы. С трибун раздавались речи о войне, земле, рабочем вопросе, характере новой власти, значении первомайского праздника и т. д. Митинги были особенно многолюдны. Большевики не имели больших агитационных сил, но лозунг Ленина: „Терпеливо раз'яснять, давая открытый бой всем партиям“ выполняли. После 1-го мая большевики стали известны широчайшим кругам рабочих, крестьян и солдат.

Первомайский праздник был моментом, с которого начался перелом в настроениях масс. Иллюзии о классовом мире стали исчезать.

БОРЬБА ЗА СОВЕТЫ И ВЛИЯНИЕ НА МАССЫ

Результаты войны успели сказаться на крупной и мелкой промышленности самым отрицательным образом. В 1917 году Донбасс, по сравнению с 1916 годом, дал меньше на 238 милл. пуд. угля (в 1916 г. добыча 1.736 милл. пуд.). Средняя добыча на одного шахтера за месяц упала на 50⁰/₀.

Екатеринославский губернский с'езд Советов, происходивший 5—9 августа, так об'яснял кризис промышленности:

„Главными причинами падения производительности являются:

- 1) значительное ухудшение техники и недостаточный ремонт;
- 2) чрезмерное истощение шахтеров, вынужденных до сих пор работать в большинстве шахт по 12 часов в сутки;
- 3) низкая заработная плата по сравнению с дороговизной жизни;
- 4) плохие жилищные и санитарные условия;
- 5) полуголодное существование рабочих вследствие недостатка продуктов“ (Бюллетень с'езда. Из резолюции „О повышении производительности труда в Донецком Бассейне“).

Надвигающийся кризис ударил в первую очередь по мелким шахтам, которые „начинают закрываться массами“. Как сообщал „Социал-Демократ“ от 19 августа, в силу того, что ввели твердые цены на уголь, произошло повышение зарплаты и введено запрещение гужевой доставки угля. Так как мелкие шахты не имели под'ездных путей, то упоминаемое запрещение губительно отражалось на их существовании. К тому же на мелких шахтах, как и вообще на мелких предприятиях, забастовки были очень часты, чего не было в крупной промышленности, работающей на оборону, благодаря активной шовинистической агитации мелкобуржуазных партий. Особенно поддавались патриотическим и шовинистическим настроениям лисичанские рабочие, находившиеся под сильным влиянием эсеров и меньшевиков.

Заминка в угольном производстве не замедлила передаваться и в другие отрасли промышленности, что создало большую угрозу для рабочих всех отраслей промышленности. Воззвание Заводского Комитета Константиновского железопрокатного завода к рабочим Донецкого Бассейна гласило:

„Уважаемые товарищи!

В настоящее время металлургические заводы Донецкого Бассейна и всей России переживают тяжелое время, заключающееся в недостатке топлива. Недостаток топлива грозит остановкой производства на заводах, что, в свою очередь, грозит опасностью для рабочих остаться без работы и средств к существованию, грозит и государственной обороне.

Как выйти из такого положения?

Мы, рабочие железопрокатного завода в Константиновке, постановили обратиться ко всем рабочим заводов, рудников и шахт с просьбой принять горячее участие в работе по снабжению этих заводов и рудников топливом, для чего каждый заводской комитет выделяет из среды своей товарищей рабочих для участия в поездке в Горнозаводский комитет, чтобы принять участие в распределении топлива между заводами, а также для агитации между рабочими-углекопами, призывая их опровергнуть обвинение, которое на них взывано шахтовладельцами в смысле сокращения производительности в добыче угля. Иначе нам всем грозит быть выброшенными на улицу и лишиться куска хлеба, да не будет этого.

Рабочий класс должен сговориться между собой и поднять свою производительность, так как должен быть уголь, должны работать заводы и рудники, должны перевозиться грузы по железным дорогам и для всего этого нужен уголь, а следовательно, нужна усиленная работа для добычи угля. Товарищи углекопы, работая таким образом, вы дадите нам возможность продолжать нашу работу на фабриках, заводах и жел. дорогах. Докажите, товарищи, что обвинение в слабой производительности вашей работы неосновательно, что это ложь и клевета. Товарищи, постарайтесь принять участие в доставке топлива. От вас зависит судьба промышленности, а также и ваша судьба. Работая усиленно, вы спасете себя и нас. Дайте угля“ („Известия Юга“, № 121, от 30 июля 1917 года).

Здесь необходимо отметить два момента.

Во-первых, рабочие ясно видели беспомощность правительства, нежелание хозяев решить задачи, поставленные перед промышленностью, вывести ее из тупика. Отсюда вытекал призыв к самоорганизации с целью вмешательства в процесс производства и распределения.

Во-вторых, оборона государства и работа на оборону отмечена в воззвании, правда, не как основная задача, но

все же отмечена, что явно указывает на наличие в рядах рабочих меньшевистских веяний.

Цены на продукты первой необходимости неуклонно шли вверх. Цена на мясо в августе достигала 80 коп. за фунт, цена хлеба 9 руб. за пуд. На большинство продуктов была введена система пайка, который что ни месяц то уменьшался. Между тем заработная плата или стояла на установленном уровне или падала, хотя номинальная зарплата поднималась, что создавало внешнее впечатление благополучия.

Насколько остро стоял вопрос зарплаты, видно хотя бы из того, что в конце мая краматорские рабочие обратились к Петроградскому Совету Рабочих и Солдатских Депутатов с нижеследующим заявлением:

„Петроградскому Совету Рабочих и Солдатских Депутатов.
Копия Временному Правительству.

Мы, рабочие Краматоровского завода, собравшись в количестве 2.000—2.500 чел. 27 мая 1917 года и заслушав от наших представителей Южно-Русской конференции доклад по делу увеличения заработной платы рабочих согласно возрастающей дороговизне и обсудив дело, пришли к следующему заключению. Созданный конфликт между рабочими и предпринимателями Южного района России не может быть разрешен без решительных мер Временного Правительства, на которые оно не в силах в его настоящем составе без давления со стороны Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Поэтому мы обращаемся и требуем от Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, чтобы он требовал от Временного Правительства решительных мер к обузданию алчных и грабительских appetитов господ капиталистов, удовлетворения насущных требований рабочих. Мы, рабочие Краматоровского завода, не верим всевозможным посулам и обещаниям на словах, которые делались отдельными членами Временного Правительства. Мы знаем, что полумерами делу не помочь, поэтому работаем и будем работать по созданию мощной рабочей организации, при помощи которой заставим принять решительные меры как Временное Правительство, так и господ капиталистов, и еще требуем, чтобы прибавки были за счет прибылей предпринимателей, но ни в коем случае не были бы взвинчены цены на товары и сырье, как это сделали уже господа углепромышленники с разрешения Временного Правительства“ („Пролетарий“, № 56, от 1 июня 1917 года).

Нужно еще добавить, что краматорские рабочие не были даже застрахованы, несмотря на то, что закон о страховании был введен задолго до революции.

Какие же меры принимали власти для разрешения этих вопросов?

Уездная Продовольственная Управа, благодаря полной своей дезорганизации, как свидетельствовал тов Вартовский на заседании Дружковского Продовольственного Комитета, не могла хоть сколько-нибудь удовлетворительно решить вопрос о рабочем снабжении по твердым ценам. За решение этих вопросов взялись Советы, ибо это было настоятельным требованием масс.

Но и они никаких радикальных мер при решении экономических вопросов в то время не принимали и принимать не могли. На всех мероприятиях лежит отпечаток некоторой нерешительности...

Бахмутский Совет, например, издал постановление, по которому торговцы не имели права раньше 10 часов утра скупать продукты с крестьянских возов. Константиновский подрайонный съезд продовольственных комиссий, сговорившись с ближайшими городами (Бахмут, Славянск), в августе высказался за таксирование цен на овощи. Дружковский Совет, поскольку он входил в Константиновский подрайон, пользовался и карточной системой и соответствующим учетом своего запаса. Помимо этого, в сентябре Дружковский Совет произвел реквизицию товаров у четырех крупных торговцев. В поселке Гавриловке подвергнуты были реквизиции товары магазина Горскина, бр. Нежинцевых, а на Яковлевском поселке магазины Дикштейна и Комерштейна. В числе реквизированных товаров оказалось 4.474 аршина мануфактуры, 84 пуда мыла, 33 пуда кожи, 10 пудов чаю и т. д. Перечисленные товары брались у хозяев за компенсацию и передавались в кооперацию, которая продавала их по установленной цене всем, кто имел членские книжки.

Эти мероприятия советов не могли, конечно, спасти рабочих от надвигающихся хозяйственных бедствий, но Советы, проводя самостоятельную политику, направленную на удовлетворение рабочих нужд, с каждым днем увеличивали свой авторитет.

На экономической базе среди рабочих начался ропот, который перешел затем в открытые выступления против Временного Правительства.

Под влиянием каких причин происходил перелом настроения крестьянства?

Одной агитацией рабочих - большевиков и пришедших из армии солдат - большевиков отмеченный перелом объяснить нельзя. Надвигалась рабочая пора, уборка урожая, а ни людей, ни инвентаря не было. Крестьянство волновалось.

Необходимость в рабочих руках и инвентаре была так велика, что Дружковский Совет с представителями других Советов, Уездной Продовольственной Управой и Волостной Продовольственной Управой на одном из своих июньских заседаний принял целую систему мер, направленных на оказание помощи крестьянству по сбору урожая. Была намечена организация полевых дружин из отпускиников - рабочих, солдат

и военнопленных. При Дружковском, Константиновском, Краматорском, Нью-Йоркском заводах решили создать временные мастерские по ремонту сельскохозяйственных машин для крестьян окрестных деревень. Точно такую же систему мер наметила Горловская районная конференция из представителей советов шахт № 1, 5, 8, Южно-русского О-ва, Артиллерийского завода, Байраков, Никитовки и мелких крестьянских шахт, состоявшаяся 24 июня.

Уездный земельный комитет, в котором руководящее положение занимали большевики, проводил политику далеко не в духе предписаний Временного Правительства, но зато в интересах крестьянства. Арендную плату снизили с 15 руб. за десятину в год до 3—4 руб., при чем арендные суммы шли не в карман хозяев, а на местные нужды, как-то: школы, агроучастки и т. д. По приблизительным подсчетам, как сообщает тов. Нагорный, сумма собранных таким образом денег достигала 100.000 рублей. Комитет выносил постановления о захвате помещичьих земель. В то же время Временное Правительство своей политикой войны, оттяжки решения земельного вопроса, сбора „учредилки“ само отталкивало от себя крестьянство и способствовало завершению перелома в крестьянских настроениях.

Рабочие Советы были в тесной связи не только с воинскими частями, которые находились на территории округа, но и с частями, находящимися на фронте. О характере этих отношений и настроений на фронте дает ясное представление приведенный ниже документ.

„Из действующей армии. 1917 года, 30 мая.

От солдат из окопов. Товарищи, рабочие граждане Константиновского железного завода просят вас, как свободные граждане, которые сидит потретьему году в сырых окопах теряющих свое здоровье и вмести стим свою жизнь за свободную Расею. Будим стаять своей железной грудью и недопустим неодному врагу разорить нашу свободную Расею, за которую проливаем кровь свою три года.

Ну типера товарищи, свободной Расеи, мы просим вас, как свободная граждане, сидящихся в сырых окопах, и собравши ротной комитет, и здумавши повеселить свою свободную скуку. Сошлись вмести и ожидаем миру: и нечем нам повеселиться в своих сырых окопах.

И просим мы, комитет 6-й роты 727-го Ново-Селенгинского полка, вас свободных трудящихся рабочих граждан нам собрать накакую нибудь музыку, за что мы вас будим сердечно благодарить за ваши работчи и трудящие руки, и прокричим за ваш трудовой подарок: ура, ура...

И просим вас дорогие товарищи старатся поскорей закончить эту кровавую бойню, от которой мы бедной граждане нисем большия убытки, а буржуазия этим случием пользуется, наживают полной карман золота.

Ну, вам, как известно бедной товарищи нашему брату сидяче всырых аюпах незачто свою думу насытить, а купить какую нибудь музыку совсем не зачто Неоткажите поадресу: Действующая армия Ново-Селенгинский полк 6-я рота стар. унт. офицер. Иван Васин" (Окрархив. Из материалов по Константиновке).

Точно так же, если не резче, были настроены солдаты 25-го запасного полка, находящегося в Бахмуте, где группа большевиков проводила соответствующую работу.

Таким образом, в настроении рабочих, крестьян, солдат по округу под влиянием все ухудшающегося экономического положения, под влиянием политики Временного Правительства происходил перелом, шел сдвиг влево.

ОСВОБОЖДЕНИЕ СОВЕТОВ ИЗ-ПОД ВЛИЯНИЯ МЕЛКО-БУРЖУАЗНЫХ ПАРТИЙ

Процесс полевения легче всего наблюдать на основании того, как реагировали советы на важнейшие текущие события.

Заем свободы, выпущенный Временным Правительством, был поддержан большинством рабочих Советов.

Дружковский Совет на заседании, происходившем 21 апреля, вынес такую резолюцию: „Считая, что современная революционная обстановка требует предоставления Временному Правительству необходимых средств для укреплений завоеваний революции и защиты страны от внешней опасности, Совет Рабочих и Солдатских Депутатов постановил оказать активную поддержку займу свободы, требуя в то же время от Временного Правительства коренной реформы налоговой системы с переложением финансового бремени с неимущих классов на имущие, а также настаивая на покрытии военной задолженности и процентов на нее за счет имущих классов“. (Центрархив, дело № 2, протокол № 13).

В деле размещения займа свободы поусердствовали больше всех два совета: Бахмутский и Лисичанский.

В своем заседании от 28 июня по докладу Флейшера о работах I Всероссийского Съезда Советов большинством всех против двух было постановлено активно участвовать в реализации займа. Против голосовали Иванов и Стояновский (большевики).

Манифестация, проведенная на другой день в пользу займа, прошла успешно. Было размещено облигаций на 300.000 рублей, что для Бахмута нужно считать крупной суммой. Этот успех в значительной степени надо приписать поддержке Советов.

Провал кампании по размещению облигаций займа свободы получился в Горлово-Щербиновке и Енакиево, благодаря активной агитации большевиков.

Одновременно с проведением займа ряд Советов (Бахмут, Дружковка и т. д.) требовали от Временного Правительства перенесения всей тяжести налогов на имущие классы.

Кронштадтские события (знаменитое „отложение“) нашли следующий отклик у Дружковского Совета. Телеграмма, посланная 30 мая на имя Кронштадтского Совета, гласила:

„Дружковский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов шлет свой товарищеский привет товарищам кронштадтцам и от искренних товарищеских сердец просит не дробить сил революционной демократии и итти нога в ногу со всеми Советами, с Петроградским во главе. Товарищи в единении — сила“. (Центрархив, дело № 2, протокол № 2).

Одна часть Советов совсем не реагировала на событие (Попасная), а другая использовала этот случай для агитации против большевиков, как „явное доказательство их связи с немцами“.

Не успели пройти кронштадтские события, как на местах развернулась кампания выборов на I Всероссийский Съезд Советов. Влияние большевиков, по сравнению с днями займа и Кронштадта, к съезду значительно выросло. На I Съезде Советов от Горлово - Щербиновского района выбранными оказались большевики (Грузман, Селезинцев); от Константиновского района прошли делегаты с большевистскими настроениями, несмотря на то, что меньшевики активно проводили тактику срыва в отношении большевистских кандидатур.

Мандаты на Всероссийский Съезд представители мелко-буржуазных партий получали от таких районов, как Бахмут, Гришино, Лисичанск.

Ко дню всероссийской демонстрации 18 июня влияние большевиков, вопреки всей работе меньшевиков и эсеров, стало очень значительным. Если Петроградским Советом первая большевистская резолюция была принята только 31 августа, то Советами Артемовского округа, правда, еще не всеми, большевистские резолюции принимались ко времени первого Съезда Советов, а кое-где и значительно раньше.

Краматоровцы 18 июня приняли следующую резолюцию: „Принимая во внимание, что временное коалиционное министерство неспособно вывести страну из экономической разрухи и потворствует организации контр-революционных сил, поддерживая своим молчанием существование Думы и Госсовета, мы требуем контроль над производством и передачи власти в руки Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов („Пролетарий“, № 75, 1917 г., 24/VI). Еще раньше (21/V) рабочие Щербиновки, Нелеповки и Никитовки на митинге, руководимом Хижняковым, требовали перехода власти к Советам, прекращения войны с обязательным опубликованием тайных договоров, конфискации всех земель, национализации банков. Повторение точно таких же требований, но в более решительных выражениях

имелось и в резолюции, принятой рабочим собранием в количестве 5000 человек 15 июня под руководством Дубового (большевик). Особенно выразительна та часть резолюции, где рабочие требовали роспуска Государственной Думы и Государственного Совета, как притягательных центров для всей контр-революции.

Вслед за рабочими Советами Краматоровки, Горловки, Щербиновки шли рабочие Славянска. Рабочие завода Ессена и Регина в резолюции, принятой от 4 июня, требовали передачи всей земли в собственность народа, мира без аннексий и контрибуций, скорейшего созыва „учредилки“, бойкота буржуазных газет, вроде „Русское Слово“, „Копейка“, „Биржевые Ведомости“, „Речь“, которые затемняют сознание рабочих, требовали широкого распространения газет „Земля и Воля“, „Новая Жизнь“, „Социал-Демократ“, „Правда“, „Пролетарий“ и „Солдатская Правда“, заключения Николая в Шлиссельбургскую крепость и решительного протеста против травли Ленина, которая ведется всей прессой.

В этой резолюции имеется один очень характерный пункт, который гласит: „По отношению к Временному Правительству принять пока пассивную позицию“. Смесь большевистских лозунгов с надеждой на „добропорядочность“ „социалистических“ партий составляет характерную черту резолюции. В резолюции от 21 июня, принятой на митинге рабочих тех же заводов, большевистские лозунги были выдвинуты на первое место. Требования ликвидации Государственной Думы и Гос. Совета и признания Советов органами государственной власти стоят, как очередные задачи дня.

Противоположную позицию в съездовские дни занимали Советы менее промышленных районов, вроде Гришинского, Попаснянского, Лисичанского, Сольрайона и, конечно, Бахмутского. Доверие Временному Правительству, поддержка войны, травля большевиков, оттяжка решений всех вопросов до созыва „учредилки“—таковы были их лозунги. Раскрытие перед массами лживости лозунгов, поддерживаемых Советами во главе с Бахмутским, и было задачей малочисленных еще большевистских групп. В Сольрайоне большевик Зеленый на одном из рабочих митингов зачитывал программы всех партий, заостряя внимание присутствующих на вопросе о войне, и достиг таких результатов, что из числа присутствующих 300 человек записалось в партию большевиков. Бахмутские большевики не без успеха вели работу среди солдат 25-го Запасного полка, рабочих стекольного завода и т. д. В том же направлении работали Боровой, Беленький и Медне по Гришинскому району. Кампания против лозунгов названных Советов имела только частичный успех. Среди промышленных районов, поддерживавших лозунги мелкобуржуазных партий, был Енакиевский, где работал хорошо известный округу доктор Тавшевадзе (с. - р.).

ИЮЛЬСКИЕ ДНИ

Большевистские лозунги, выброшенные к I Съезду Советов, стали еще популярнее после июньского наступления и введения смертной казни.

Исторические дни 3 и 4 июля были большим испытанием для местных Советов. В эти дни снова разгорелась яростная агитация меньшевиков и их с ними против большевиков.

Исключительный интерес представляет отношение к июльским событиям краматорских и славянских рабочих, принявших за две с половиной недели перед тем большевистские резолюции. Рабочие заводов Ессена, Регина, Лянге 12 июля приняли такого рода резолюцию: „Только при общей согласованной работе всей революционной демократии, только при полном подчинении всех трудящихся существующим полномочным органам революционной демократии в лице Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, только при полной поддержке правительства спасения революции, образованного соответственно указаниям Всероссийского Съезда Советов Рабочих, Солд. и Крестьянских Депутатов, только путем укрепления боевой мощи армии, а не путем разложения, проповедью братания и отступления могут быть спасены завоевания революции и страна выведена из того весьма тяжелого положения, грозящего гибелью России, на которое привело ее царское правительство и которое грозит стать безвыходным благодаря сознательной измене одних и двусмысленной агитации других“ („Социал - Демократ“, № 102, 18 июля 1917 года).

На митинге в Краматоровке 11 июля, посвященном специально июльским дням, в присутствии 3000 тысяч человек вынесена резолюция о доверии Временному Правительству и чрезвычайной следственной комиссии, „на обязанности которой лежит расследовать виновников и организаторов печальных событий 2—4 июля в Петрограде“.

В обоих случаях, как видим, произошел стоградусный поворот настроений (если сравнить выше цитированные резолюции с резолюциями, принятыми к 18 июня). Гришинские железнодорожники, жители поселка, руководимые Советом, на митинге после июльских событий постановили приветствовать Временное Правительство „за меры подавления в решительную минуту контр-революционных сил, посягающих на русскую свободу“. Большевистская пресса и организация в Енакиеве на некоторое время были загнаны в подполье. Лисичанский Совет, по предложению прапорщика Шубникова, обсуждал вопрос о расстреле большевика Френкеля за „разложение и смуту на заводе“. Агитация против большевиков, как „немецких шпионов“, к этому времени достигла огромных размеров. Бахмутский Совет в общей травле большевиков занимал далеко не последнее место.

Провокация со стороны представителей старого режима в такой обстановке была неизбежна. Иллюстрировать можно случаем, имевшим место в селе Камышеваха.

По распоряжению священника Левандовского, с колокольни церкви ударили в набат. Население быстро собралось к церкви, где „служитель церкви“ сообщил о якобы готовящемся погроме села рабочими рудника „Золотого“, к тому времени большевистски настроенными. Население, чувствуя свою слабость перед лицом „врага“, послало своих гонцов к железнодорожникам узла Попасная с просьбой о выручке. Представителями Совета были приняты меры к ликвидации вымыслов, имеющих целью натравить рабочих и крестьян друг на друга.

Снять видных большевиков из Горлово - Щербиновки через бахмутского воинского начальника и отправить их на фронт не удалось, ибо Совет распоряжению бахмутского начальства не подчинился. В принятых резолюциях массы призвали не верить клевете печати по поводу происшедших событий. 5 июля Дружковским Советом по докладу о событиях в Петрограде была выделена специальная комиссия из представителей Совета и социалистических партий „для всестороннего наблюдения и изучения всех поступающих сведений о ходе революции в Петрограде“.

Таким образом, в июльские дни большинство Советов, не говоря уже о крестьянских комитетах, ушло из-под влияния большевиков, но лишь на короткое время.

БОРЬБА ЗА КРЕСТЬЯНСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ГОРОДСКИЕ САМОУПРАВЛЕНИЯ

Уездный С'езд Советов крестьянских депутатов (происходивший в последних числах августа), на котором были вынесены резолюции по текущему моменту, об отношении к крестьянскому союзу, о хозяйственной разрухе и циркуляре уездного комиссара, о порядке утверждений приговоров сельских общих собраний, может быть прекрасным показателем степени влияния рабочих Советов и политических партий на крестьянские организации.

С'езд констатировал надвигающуюся угрозу контр-революции со стороны Государственной Думы и поддерживавших ее слобов, „желающих захватить власть в свои руки и покончить со всеми завоеваниями революции“. Желая дать отпор такого рода тенденциям, с'езд призывал всех, „кому дороги интересы революции и страны, к самому тесному сплочению вокруг революционных органов из представителей Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, исполнительных комитетов крестьянских депутатов, социалистических партий и революционных организаций“.

Контр-революция в центре и на местах пыталась посеять рознь между рабочим классом и крестьянством, между

социалистическими партиями и крестьянством и, наконец, внутри самого крестьянства, используя крестьянский союз (оформленный, кстати сказать, в округе в июле м-це). Чтобы предотвратить такого рода попытки, с'езд высказался:

„1) за необходимость организации на местах советов крестьянских депутатов;

2) за преобразование крестьянских союзов в советы крестьянских депутатов. так как таковые (т. - е. союзы — Г. К.) не могут отражать интересов крестьянства и особенно его бедняцкой части;

3) за объединение в центре и на местах советов рабочих и солдатских депутатов с советами крестьянских депутатов, что теснее сплотит демократию города и села“. („Крестьянский союз“, № 32 от 26 августа 1917 года).

На одно из проявлений местной контр-революции — распоряжение уездного комиссара об обязательном утверждении приговоров общественных собраний — с'езд ответил категорическим протестом, так как такого рода распоряжение является „мерой крайне реакционной, набрасывающей на крестьянство знакомые старые цепи земских начальников, ограничивая гражданскую свободу крестьянства“.

Основной причиной кризиса признавалась война, которая, как было сказано в резолюции, и „должна быть прекращена“. Единственной силой, могущей провести в жизнь такую меру, являются Советы, около которых и должна сплотиться вся революционная демократия.

„Бюрократическим путем, т. - е. созданием учреждений с преобладанием капиталистов и чиновников, но при условии охраны прибылей капиталистов, их всевластия в производстве и господства над финансовым капиталом, их коммерческих тайн по отношению к их банковым, торговым и промышленным дельцам, спасения от катастрофы найти нельзя“.

Где ж найти выход из создавшегося положения?

Выход — в установлении действительного революционного контроля за производством и распределением товаров, в создании специальных комиссий, где большинство было бы из рабочих, но были также привлечены к работе специалисты и неотошедшие от промышленности хозяева. Финансы должны находиться под государственным рабочим контролем, который должен быть облечен государственной властью.

„Не останавливаться перед переходом в руки народа большей части прибылей, дохода и имущества крупных и крупнейших банков, финансовых, торговых и промышленных магнатов капиталистического хозяйства“. („Крестьянский союз“ № 33 от 31 августа 1917 года).

Подводя итоги работе с'езда, можно сказать, что влияние большевиков в сравнении с другими партиями (в том числе и с. - р.) было решающим. Настроение с'езда тем более

показательно, что губернский с'езд Советов, происходивший 5—9 августа в Екатеринославе под руководством меньшевика Сандомирского, отверг большевистскую резолюцию об экономической разрухе, высказав тем самым свое отрицательное отношение к большевистским резолюциям провинции (Бахмутский и Славянский уезды входили тогда в Екатеринославскую губ.).

Время между этими С'ездами было заполнено выборами волостных, уездных земств и городских самоуправлений (дум). Во время выборов разгорелась партийная борьба, хотя и имели место отдельные блоки.

Еще губернский с'езд Советов вынес специальные постановления об активном участии местных Советов в выборной кампании земств путем образования при Советах комиссий с целью наблюдения за правильностью составления избирательных округов и распределения между ними числа уездных гласных. Комиссии должны были вводить своих членов в избирательные комиссии при земствах, проверять списки избирателей и неимеющих права голоса, раз'яснять населению значение земских самоуправлений и выставлять своих кандидатов в союзе с социалистическими партиями.

Как данная директива выполнялась Советами на местах и, в частности, по Артемовскому округу? Надо иметь в виду, что со стороны старого земства, где сидели еще старые чиновники, Советам оказывалось некоторое противодействие.

Рабочие Западно-Донецкого рудника с женами и даже детьми, руководимые Советом, в день выборов пошли в село Гришино, находящееся на расстоянии 12 верст, и таким образом завоевали на выборах пять мест в волостное земство. По Константиновскому подрайону, куда входила Краматоровка, Дружковка, Железная, при выборах в волостное земство Советам и партийным организациям, за исключением эсеров, достичь солидных результатов не удалось. Эсеры во всех случаях получили большинство, правда, иногда не совсем честными избирательными путями. Подрайонный с'езд Советов (27 сентября) по докладу Степанченко о выборах в волостное и уездное земство вынес порицание подрайонному исполкому за слабое участие в выборной кампании земства. Только по Горлово-Щербиновскому району в волостные и уездные земства в большинстве прошли большевики.

Несколько иную, если не противоположную, позицию в этом вопросе заняла Бахмутская уездная конференция организации РСДРП (об'единенная), которая хотя по своему составу и была малочисленна (17 чел.), но ее решения важны, ибо она выражала мнение 4.249 членов партии, принадлежащих к разным фракциям.

По вопросу о блоках она признала необходимым установление на местах блока между соц.-дем. фракциями, но отнюдь

не с эсерами или с какой-нибудь другой партией. Затем весь уезд был разбит конференцией на 10 избирательных округов и пять участков-городов (Бахмут, Гришино, Яковлевка, Дебальцево и Енакиево) и пропорционально числу избирателей было намечено число гласных для каждого избирательного округа или участка, исходя из расчета 80 гласных для всего уезда.

Факт созыва уездной об'единенной конференции социал-демократов показывает, что работе по выборам в земства придавалось немалое значение, ибо это было средством привлечения крестьян на свою сторону.

Блок был возможен, поскольку речь шла о противопоставлении себя эсеровской партии¹⁾.

Несмотря на работу Советов и большевиков, земства как до выборов, так и после выборов в волостях и уезде были полностью под влиянием эсеров.

Несколько большего успеха добились и большую активность проявили Советы и социал-демократические фракции при выборах в гор. самоуправления. В городских думах были представлены все классовые и партийные группировки городов и поселков. Тут наряду с большевиками можно было видеть отъявленного кадета, наряду с рабочим заседал крупный домовладелец или хозяин фабрики. Большинство в думах принадлежало не крайним группам, а представителям так называемых средних классов, т.-е. мелкой буржуазии. Июньские и сентябрьские выборы полностью подтверждают высказанное соображение.

В июльские перевыборы из 40 мест в Бахмутской думе 14 мест, т.-е. треть, получил с.-д. блок (меньшевики, бундовцы и украинские с.-д.), эсеры, сионисты и кадеты получили по 7 мест, а остальные места достались домовладельцам, буржуазным украинцам и т. д. Во главе думы стояли меньшевик Червинский и его заместитель — бундовец Липшиц.

Представители тех же средних классов во главе с Неме-рюком обладали большинством в Славянской думе. Сентябрьские выборы в Никитовскую городскую думу прошли относительно хорошо. Присутствовало 52⁰/₀ всех выборщиков, что указывает на наличие интереса к думе, как органу местной власти. В выборах участвовало шесть списков, из коих первое место в результате выборов получили эсеры (14 мест), второе — социал-демократы (13 мест), а остальные места распределились между остальными партийными списками. Наиболее показательные цифры дают сентябрьские выборы в Енакиевскую думу, где первое место занимали эсеры (17), второе большевики (11).

Думы, будучи по классово-партийному составу мелко-буржуазными, представляли собой на местах верных агентов

¹⁾ Автор ошибается: 1) конференция была меньшевистской, 2) ни о каких блоках тогда с м-ками даже и против эсеров не могло быть и речи. — Р е д.

Временного Правительства. Даже 29 августа, когда абсолютное большинство рабочих, крестьян и солдат были уже явно против Временного Правительства, председатель Славянской городской думы, Немерюк, с ведома думы послал Керенскому телеграмму следующего содержания: „Всемерно поддерживаем Временное Правительство во всех его начинаниях, согласованных с действиями революционной демократии в борьбе с врагами революции“. („Известия Славянского Совета Рабочих и Солд. Деп.“ от 30/VIII).

Если к сентябрю Советы Рабочих и Солд. Депутатов, Советы Крестьянских Депутатов шли под идейным руководством большевистских организаций всюду, за исключением Бахмутского, Гришинского и Лисичанского советов, то волостные и уездные земства, городские самоуправления (думы) шли на поводу мелкобуржуазных партий.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ И СОВЕТЫ

Национальное движение в освещаемый период успело принять организованные формы. Руководящее положение здесь принадлежало национальным партиям („Бунд“, польские и латышские социал-демократы и т. п.). Как правило, Советы оказывали всяческую поддержку национальным организациям, вводя их представителей в свой состав.

Украинское движение охватывало ольшие круги рабочих, солдат, крестьян и интеллигенции и находилось под руководством украинских политических партий (украинских эсеров и социал-демократов).

Попытка Временного Правительства отделить Харьковскую, Херсонскую и Екатеринославскую губернии от Украины вызвала бурю негодования всех украинских партий.

Украинский уездный с'езд из представителей политических и военных организаций этот акт Временного Правительства назвал антидемократичным. Верхняя „Просвіта“ еще раньше с'езда (25 августа) вынесла резолюцию, в которой самым категорическим образом протестовала „проти шматування України“. Бахмутский Украинский Уездный Совет, кажется, раньше всех вынес характерную резолюцию, в которой говорилось:

„Бахмутська Українська Повітова Рада протестує проти вилучення Катеринославщини з автономної української території. Поступитися в цій справі не можна, і ми будемо продовжувати революційно-національну боротьбу за волю наших степів, політих кров'ю наших дідів - запорожців. до цілковитої перемоги“. („Нова Рада“, № 109, від 9/VIII 1917 р).

Само собой ясно, что в этой резолюции идеология мелкобуржуазных партий нашла свое полное отражение. Иную резолюцию приняли по этому вопросу рабочие солерудников

(Терещенковский, „Новая Величка“, „Центральная“, „Харламовка“) и селяне близлежащих сел (Саввовка). Протестуя против раздела Украины, они в то же время требовали, „щоб вся земля на Україні, з лесами, водами, угольними, соляними і залізними рудниками, перейшла в Український Національний фонд без викупу вкупі з фабриками та заводами“ („Робітничка Газета“, № 119, від 26/VIII).

Требования различных социальных слоев и украинских партий сходились в стремлении к украинизации школы, организации украинских воинских частей и, наконец, к признанию Центральной Рады высшей властью на Украине.

Как относились рабочие Советы к украинскому национальному движению?

Ясно, что в это время Советы не могли признать Раду высшей властью на Украине. Вообще же говоря, Советы, как вспоминают участники (Казимирчук) и как видно из материалов того времени (из протоколов Советов), слишком мало или вовсе не занимались этими вопросами. Дружковский Совет, например, за все время работы ни разу не разбирал на своих заседаниях вопроса об украинских организациях.

СОВЕТЫ В ДНИ КОРНИЛОВЩИНЫ

Еще до корниловского мятежа в той части рабочих Советов (Гришино, Енакиево, Краматоровка, Славянск), которые в июльские дни выступали против большевиков, начался сдвиг влево. Одной из причин такого сдвига было поведение Временного Правительства, которое, наряду с арестом и преследованием большевистских вождей и разгромом большевистской прессы, предпринимало меры к переправке Николая II в Тобольск. Московское совещание расценивалось массой как контр-революционный заговор и отталкивало рабочие Советы влево.

Корниловский мятеж произвел огромное впечатление на все Советы без исключения, но шаги, предпринимавшиеся различными Советами, были далеко не одинаковы.

Совет Рабочих и Солдатских Деп. Щербиновского подрайона в выборе мер борьбы пошел дальше всех. В единогласно принятой резолюции по вопросу о корниловщине говорится:

„Обсудив вопрос о контр-революционном заговоре Корнилова, шедшего на Петроград, находим, что все это является следствием политики Временного Правительства. Необходимы решительные меры борьбы. Исходя из такого соображения, объявляем 30 августа с. г. диктаторскую власть Исполнительного комитета Щербиновского подрайона, избираем комитет спасения революции с представителями социалистических партий. Комитет спасения революции обладает диктаторскими полномочиями. Неисполнение постановлений его будет караться

по всей строгости мер, способных спасти революцию“ („Пролетарий“, № 124, 1 сентября 1917 года).

Дружковский Совет, который, так же, как и Щербиновский создал „комитет спасения революции“, в резолюции, принятой заседанием Совета 8 сентября, выставил следующие требования: суд над мятежниками, изменившими делу революции, освобождение арестованных 3 и 5 июля, роспуск Государственной Думы, и Государственного Совета, как явно контр-революционных гнезд, отмена смертной казни, „являющейся позором в свободной стране“, немедленное прекращение войны, контроль над генеральной ставкой, „немедленная организация однотипного правительства в лице революционной демократии“, передача земли трудовому народу, введение 8-мичасового рабочего дня, минимума зарплаты, контроль над промышленностью, производством и распределением и сохранение твердых цен на хлеб, ибо повышение их „ложится тяжелым бременем на плечи рабочих и безземельного крестьянства“.

Даже в таком мелкобуржуазном городе, как Славянск, рабочие на многочисленных митингах повторяли те же лозунги. Офицер Корякин, открыто восхвалявший поступок Корнилова, был арестован рабочими-дружинниками без всяких промедлений. Дума в тревожные дни осталась верной Временному Правительству; осуждая действия Корнилова, она в то же время призывала „объединиться вокруг Временного Правительства“, что прямо противоречило постановлениям, принятым Исполнительным Комитетом Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Город был объявлен на военном положении, в силу чего огнестрельное оружие должно было сдаваться или регистрироваться в комиссариате; устройство митингов допускалось только с разрешения комиссара, за исключением случаев, когда митинг собирался Советом. Город был приведен в боевую готовность.

В Бахмуте, наоборот, дума и Городской Совет, создав „комитет спасения революции“, вовсе на думали развернуть широкую программу деятельности. Правда, принятая резолюция требовала наказания корниловцев, но это не мешало кадетам открыто выступать в думе и безнаказанно вести агитацию с трибуны за свою платформу. Требования не шли дальше поддержки Временного Правительства и принятия мер по осуществлению декларации от 8 июля.

Однако сторонники решительных действий против корниловщины и Временного Правительства были и в Бахмуте. Уездный съезд Советов крестьянских депутатов 11 сентября, а солдаты 25-го полка днем позже вынесли подлинно большевистские резолюции.

Массы и Советы пошли стремительно влево. Даже в таком Совете, как Гришинский, почти половина его состава стала большевистской.

БЕСПОРЯДКИ В БАХМУТЕ

Не успела улечься тревога после корниловских дней, как в Бахмуте возникли „пьяные“ беспорядки (10 — 12 сентября 1917 года).

Исполнительный Комитет Бахмутского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов совместно с Общественным Комитетом добился разрешения уничтожить водку в количестве 100.000 ведер и спирт в количестве 600 000 ведер, находившиеся на винном складе. Результат получился обратный. Водку, спущенную в реку Бахмутку, скоро обнаружили жители. „Вылавливание“ водки с поверхности воды привлекло массу населения.

Среди эскадрона солдат - драгун кавалерийского полка, предназначенного к отправке 10 сентября из города, начался беспорядок по поводу того, что „народное добро зря губят“. Решив это „добро“ использовать по-настоящему, часть драгун и пехотинцев силой сняла охрану, которая дала лишь несколько выстрелов вверх, и пробралась внутрь склада.

Вначале в склад допускались только солдаты, что заставило многих брать напрокат военные костюмы. Несмотря на большой спрос, цена на водку стремительно падала, скатившись до стоимости коробки папирос. С раннего утра 11 сентября потянулись к Бахмуту крестьянские подводы. Поезда, идущие на Бахмут, были также переполнены.

Своего апогея пьяная вакханалия достигла 11 сентября. По городу ходила масса пьяных людей, среди которых были „граждане“ 12 — 15 - летнего возраста. В целях приобретения закуски были разбиты продовольственные лавочки. Пьяные солдаты открыли стрельбу из винтовок по железнодорожным сигнальным фонарям, разгромили буфет и бесчинствовали по городу. Евреи уезжали из города, опасаясь погрома.

Местные городские власти растерялись и были лишены возможности что-нибудь предпринять. На выручку пришли рабочие дружины из Дружковки и Константиновки (около 200 человек). Разбушевавшаяся толпа обвиняла рабочих - дружинников в том, что они „защищали буржуев“. Конфликт зашел так далеко, что харьковские военные власти хотели открыть по городу артиллерийский огонь, но план не был осуществлен вследствие отсутствия надежных частей. Для ликвидации бунта выехал полковник Курилка с чугуевскими юнкерами и одной ротой 25-го полка. Когда беспорядки улеглись (12/IX), Курилка издал следующий приказ :

„ПРИКАЗ № 1

Начальника гарнизона командующего 4 - й пехотной запасной бригады по городу Бахмуту.

1) Воинские части города Бахмута вышли из повиновения начальства. Из винного склада похищено вино; части солдат и население бесчинствуют; мирный порядок нарушен, граждане лишены гарантии неприкосновенности личности. Вследствие этого город Бахмут объявлен начальником гарнизона на военном положении.

2) Сего числа вместе с представителями Харьковского Совета Раб., Солд. и Крестьянских Деп. прибыл во главе революционных войск, сильных своим воинским порядком.

3) Объявляя о сем, предлагаю населению сохранить спокойствие и порядок и впредь до новых указаний не выходить на улицу без особой надобности.

4) Ротам и командам, за исключением учебной команды 25-го пехотного запасного полка, оружие снести воинскому начальнику и сдать к 10 часам утра.

5) По сдаче винтовок всем чинам гарнизона предписывается не выходить из мест своего расквартирования.

6) Предупреждаем, что при малейшей попытке к неповиновению буду действовать всей силой революционной власти, мне врученной, до применения силы оружия включительно.

7) Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах и батареях“.

(Архив Истпарта, опись № 2, 47 лист).

Вскоре после ликвидации беспорядков большевики Харечко и Нагорный и эсер Литвин устроили митинг солдат 25-го полка, где участвовало тысяча пятьсот человек.

Солдаты единогласно приняли резолюцию по текущему моменту, предложенную большевиками, однородную с резолюцией, принятой Уездным Съездом Советов Крестьянских Депутатов, проходившим в те же дни.

Главными требованиями обеих резолюций были: „вся власть Советам, декретирование демократической республики, отмена частной собственности на землю и передача ее в руки крестьянских земельных комитетов без выкупа, национализация крупнейших отраслей промышленности (каменноугольной, металлургической, нефтяной и т. д.), контроль над производством и распределением, прекращение войны и опубликование тайных договоров, прекращение репрессий против представителей рабочего класса, роспуск госдумы, гос. совета и осуществление прав наций на самоопределение, прежде всего для Финляндии и Украины“.

Рабочая самооборона давно уже действовала в Дружковке и Константиновке. Корниловский мятеж вынудил и остальные Советы взяться за организацию рабочих дружин, которые были бы военной опорой Советов. Рабочие-дружинники, солдаты, пришедшие с фронта, и рабочая молодежь образовывали первые части Красной гвардии.

Как оформившаяся военно - революционная единица, Красная гвардия повсюду (Попасная, Бахмут, Славянск, Горловка, Гришино, Енакиево, Сольрайон) начала проявлять себя только после Октября.

С ее помощью Советы, руководимые уже оснью большевиками, из положения оппозиции к Временному Правительству между февралем и октябрём перешли в положение органов государственной власти в дни Октября...

И. НИКОЛАЕНКО

ПОДГОТОВКА ОКТЯБРЯ В ЛУГАНСКЕ

(Продолжение)

ОТ ИЮЛЯ К КОРНИЛОВСКОМУ ВОССТАНИЮ

Еще до демократического совещания контр-революционный лагерь начал проявлять значительное оживление; появились на арене политической жизни союз георгиевских кавалеров и союз казаков, объединявший зажиточное казачество. Эти союзы находились целиком в ведении белого генералитета, который далеко не был лоялен даже по отношению к Временному правительству.

В то время, как Временное правительство и соглашательские советы со всей силой нападали на „анархию“ слева, белогвардейщина стягивала силы, готовясь к окончательному подавлению революционного движения трудящихся масс.

Между тем, классовое сознание рабочих быстро росло.

С каждым днем доверие рабочих к Временному правительству падало, и все чаще на улицах появлялись отряды рабочих и солдат с лозунгами „За власть советов“.

Мы уже писали о том, с каким напряженным вниманием луганские рабочие проводили выборы в городскую думу¹⁾. Это происходило в обстановке максимального напряжения всех контр-революционных сил. Против малейшего прогрессивного движения рабочих свора купцов и мелкобуржуазной интеллигенции устраивала буквально вой, призывая все скорпионы на голову рабочего класса.

Революционные события шли таким бешеным темпом, так захватывали и отвлекали силы рабочего актива для работы по организации партии и советской власти, что у него почти не оставалось времени на работу по профессиональной линии.

Но, тем не менее, на крупных заводах меньшевики постепенно теряли влияние.

Большевиками была проведена кампания перевыборов заводских комитетов, прошедшая для них довольно успешно. На паровозном заводе в завком были избраны коммунисты и эсеры.

---

¹⁾ См. ст. Николаенко в № 4 „Лет. Рев.“ за 1927 г.

В железнодорожных мастерских вышедшая из подполья довольно сильная группа рабочих-большевиков (во главе с И. Николаенко, А. Пузыревым и другими товарищами) настолько закрепились и пользовалась таким доверием рабочих, что появляющимся иногда в этом районе меньшевикам рабочие не давали говорить.

На Патронном заводе дело обстояло хуже. Здесь находились зубры луганских меньшевиков — В. Фокин, Козорезов и М. Иванов, которые еще сохранили некоторое влияние на рабочих, но, несмотря на это, в результате перевыборов завкома в него прошел однако большевик Юрий Лутовинов.

Однако, несмотря на колоссальное влияние большевиков на рабочие организации и уже завоеванное большинство в низовых крупных предприятиях, правление союза металлистов состояло из меньшевиков, которые затягивали перевыборы, так как соотношение сил было не в их пользу.

Вообще массовое профессиональное движение выходило из-под их влияния. Мелкие союзы пищевиков, швейников и кожевников провели ряд успешных экономических стачек, в результате которых была привлечена к союзам мелкоремесленная полукустарного типа часть пролетариата Луганска, незнакомая до этого времени с профессиональным движением. Кроме того, мелкие союзы, вопреки желаниям меньшевиков, во время этих забастовок добились введения восьмичасового рабочего дня на всех мелких предприятиях.

На крупных заводах дело обстояло иначе.

Только после того, как по фабрикам и заводам большевиками была проведена подготовительная работа по вопросу о введении явочным порядком восьмичасового рабочего дня, все заводы в один прекрасный день стали кончать работу на час раньше (до этого в Луганске на заводах был девятичасовой рабочий день).

Обеспокоенные соглашатели выбивались из сил, пытались убедить рабочих работать девять часов, но это не оказывало на них никакого влияния. Все заводы продолжали работать по 8 часов в день, после чего правительство вынуждено было закрепить восьмичасовой рабочий день законодательным актом.

Сторонники политики Временного правительства, а главное меньшевики, развили по этому поводу бешеную травлю против рабочих среди крестьян и некот. рой, правда незначительной, части солдат-выходцев из села. В этот период борьба на селе тоже приняла обостренный характер. Крестьяне перешли к насильственному отбору помещичьих земель, а в целом ряде волостей шел покос на помещичьих лугах — с'емка помещичьего урожая и раздел его между крестьянами.

Земельные суды Временного правительства были совершенно бессильны оградить помещичье добро: при попытке стать на защиту помещиков их дубьем изгоняли из сел.

После разгрома помещичьих хозяйств крестьянство перешло к кулацким хозяйствам. На этой почве, по мере углубления процесса расслоения села, в волостях иногда возникали схватки между деревенской беднотой и кулаками. Чувствовалось на селе неизбежное и быстрое нарастание открытой классовой борьбы.

В Луганске в это время были расположены солдаты гарнизона и команды выздоравливающих.

Материальное состояние частей было отвратительно. Они ходили оборванные и полуголодные.

Офицеры, для сохранения влияния, допускали отступление от дисциплины, — они прилагали все усилия, чтобы удержать солдат от перехода на сторону большевиков. Части колебались; хотя среди них не было случая открытого выступления против Временного правительства, но их нельзя было повести и против рабочих.

ОРГАНИЗАЦИЯ КОМИТЕТА СПАСЕНИЯ РЕВОЛЮЦИИ

В такой обстановке получились первые сведения о походе Корнилова на Ленинград. Это было в праздничный день. Комитет с.-д. большевиков вечером созвал полулегальное заседание фракции совета с активом Луганской организации б-ков и некоторыми эсерами — членами Совета.

Собрание состоялось в Гартманской школе. Туда шли, соблюдая строгую конспирацию. Выступавшие на этом собрании ораторы высказывали предположение, что генерала Корнилова могут поддержать донские казаки, которые могут повести наступление на Луганск, где расположен крупный патронный завод. После обмена мнениями было решено организовать вместе с эсерами¹⁾ комитет по охране революционного порядка.

Перед Комитетом была поставлена задача организации обороны Луганска со стороны Донской области.

Возник спор по вопросу о названии комитета. Часть выступавших предлагала назвать комитет — Революционным комитетом, другая настаивала на том, чтобы комитет назвать Комитетом спасения революции. Спор остался неразрешенным. Решили подождать сведений из центра. Комитет был сконструирован из пяти человек: К. Ворошилова, А. Штанько — от паровозного завода, Абрама Каменского — от городской думы и И. Николаенко — от железнодорожного комитета, фамилии пятого члена комитета не помню.

Комитет немедленно приступил к работе. В ту же ночь были вызваны рабочие боевые дружины, которые являлись главной вооруженной силой комитета. Вследствие недостатка

¹⁾ Я уже как-то указывал, что наши эсеры, т. - е. их рабочая часть, в критический момент всегда поддерживали большевиков.

оружия, боевая дружина паровозного завода имела всего лишь около 100 вооруженных рабочих. Боевая дружина патронного завода насчитывала около семидесяти бойцов, было еще человек сорок вооруженных рабочих железнодорожных мастерских.

Ночью по распоряжению Комитета спасения революции были арестованы почти все офицеры местного гарнизона. С началом арестов Народный Дом (бывш. Горно-коммерческий клуб), в котором помещался Комитет, превратился в штаб, куда то и дело подводили и подвозили арестованных. Их размещали в этом же доме, в соседних с Комитетом комнатах. Кроме офицеров, были арестованы представители буржуазии и бывшие высшие чиновники царской власти.

В эту же ночь скрылся из Луганска уездный комиссар-меньшевик Нестеров.

В первый день своей власти Комитет поставил комиссаров во все правительственные учреждения, в банки, почту, телеграф и т. п. Комиссары получили задание наблюдать за нормальным ходом работы и в корне пресекать всякие попытки с чьей бы то ни было стороны способствовать антисоветскому движению или саботировать работу учреждений. Штаб комиссаров образовался из членов Луганского Совета. Между прочим, на эту работу пошли и некоторые меньшевики. Одним из самых энергичных, проявивших незаурядные способности, был Абрам Повзнер, который в скором времени после этого стал большевиком. Так в первых числах сентября начался в Луганске Октябрь.

На следующий день во всех воинских частях начались митинги, целью которых было, с одной стороны, распропагандировать солдат, а с другой — выявить революционную часть, из которой можно было бы образовать кадры нового командного состава. Так как тогда был выдвинут лозунг выборности командиров, то выполнение этой задачи требовало серьезной работы. Митинги показали, что солдаты были целиком на стороне Советов и готовы были по первому зову Комитета выступить против корниловщины. В тот же день были избраны новые командиры. Арестованные офицеры к своим частям больше не вернулись.

Комитет спасения революции таким путем превратился в Комитет революционного действия.

В конце третьего дня с момента организации комитета к председателю явился один из вновь избранных начальников и сообщил, что войска пришли демонстрировать преданность советской власти. Комитет в полном составе вышел на балкон. Солдаты шли, вытянувшись в струнку, четко отбивая левой. Они выглядели по-праздничному. На приветствия комитета они отвечали дружным „ура“.

Этим импровизированным парадом было завершено присоединение вооруженных сил к революционной власти рабочих.

На четвертый день по всем предприятиям были назначены митинги, на которых Комитет спасения революции делал доклады о проделанной за четыре дня работе и об опасностях корниловской контр-революции.

Митинги были приурочены к окончанию работ на заводах. Проходили они довольно бурно. Со стороны меньшевиков, правда, самых злостных, были допущены выпады против большевиков. Особенно ретиво проявили себя С. Козорезов, В. Фокин и М. Иванов. Их выступления вызвали среди беспартийных рабочих бурю негодования; на многих предприятиях принимались резолюции протеста и требования предания их суду¹⁾.

Вечером был митинг в Горнокоммерческом клубе, на который пришли, если можно так выразиться, сливки всех политических партий — меньшевики, бундовцы, серповцы, поалейционисты и другие. Докладывал о текущих событиях и о проделанной работе комитета т. Ворошилов. Речь тов. Ворошилова была встречена бурными аплодисментами. Митинг прошел, сверх ожидания, без особых инцидентов. Только меньшевики нападали на нас. По нашим сведениям, они с этого времени законспирировали свою работу.

Но по мере ликвидации корниловщины мелкобуржуазные партии, которые об'единяли местную служилую интеллигенцию, позорно пятились назад, переходили к критике действий комитета. Их колебание было так наглядно для масс, что они растеряли и без того свои слабые кадры.

12 сентября 1917 года (нов. стиля) Комитет опубликовал в местной газете воззвание, в котором он сообщал населению об измене Корнилова и генералитета, воззвание заканчивалось сообщением об организации Комитета Спасения Революции.

„Вследствие вышеизложенного — говорилось в воззвании — мы, избранные местного Совета рабочих и солдатских депутатов, действующего в полном единении со всеми местными политическими партиями, заводскими и железнодорожными комитетами, во имя защиты революции, на которую уже посягнул высший командный состав, — приняли на себя временно революционную власть, которой предоставлены самые широкие полномочия.

¹⁾ Приводим одну из резолюций этого рода:

„Мы, рабочие и мастеровые Трубопрокатного О - ва, прочитав газету „Донецкий Пролетарий“ № 62, страшно возмущались той гнусной речью, которую позволил себе произнести на собрании фракции меньшевиков член СР и С. Депутатов, С. Козорезов по отношению к товарищам большевикам.

Эта чисто погромная, черносотенная речь вызвала у нас крайне тяжелое впечатление. Такие чисто погромные, черносотенные речи в настоящее тревожное время вообще недопустимы, от кого бы они не исходили, а как члену СР и С. Депутатов, Козорезову они в особенности непристойны. Поэтому мы, рабочие и мастеровые Трубопрокатного Об - ва, клеймим с презрением эту погромную речь Козорезова и требуем товарищеского суда над ним.

Председатель общего собрания Б. Черножуков.

Секретарь Г. Рачковский“.

Беря на себя столь ответственную задачу и веря в то, что весь пролетариат, революционное войско и вся демократия, которой дороги завоевания революции, окажут нам в столь тяжелое время полную поддержку, мы призываем все население г. Луганска и уезда к спокойствию и к вере в то, что образовавшаяся революционная власть будет стоять на защите интересов революционных завоеваний страны. Луганский Комитет Спасения Революции“.

Деятельность нашего комитета не ограничивалась только защитой революции от вооруженного нападения. Все вопросы (продовольственный, распределение топлива, жилищ и т. п.) требовали нашего чрезвычайного вмешательства, но три четверти нашего внимания все же было обращено на подготовку обороны города.

Созданная комитетом комиссия обороны Луганска из вновь выбранных начальников частей гарнизона, председателем которой был выдвинут т. А. Пархоменко — начальник боевой дружины патронного завода, внимательно изучала пригороды со стороны Донской области и намечала места опорных пунктов обороны.

Были приняты самые энергичные меры по охране ст. Луганска на случай, если бы казаки хотели войти в город по линии жел. дороги. У реки (Северного Донца) был выставлен аванпост, связанный телефоном со ст. Луганск, установили связь со станцией Лутошкино, выставили караулы у железнодорожных мостов. Была также выслана разведка в ближайшие станции, которая должна была проверить настроение казаков.

Кроме того, на станции всегда имелся запасный паровоз на парах, которым предполагалось, в случае надобности, разбить эшелон противника, если бы он, вопреки распоряжениям из Луганска, продолжал движение.

В шестидесяти верстах от Луганска на запад расположен металлургический Алчевский завод; на этом заводе меньшевики имели крепкую организацию, которая распространяла свое влияние на весь район.

В восьми верстах от станции Алчевска в районе села Лозовой - Павловки расположена группа угольных шахт. Вот в этом угольном районе, где было около пятидесяти тысяч рабочих - шахтеров, появился большевик Самарин (по профессии слесарь), который причинял немало беспокойства эсеро - меньшевистскому совету Лозовой - Павловки. Совет его арестовал и под арестом отправил в Луганск. Его обвиняли в том, что он, защищая рабочих перед администрацией, выругал какого - то директора. На этом основании Совет его обвинял в дезорганизации производства. В Луганске разобрались и в тот же день отпустили Самарина с инструкциями, как организовать шахтеров.

Через неделю его, снова арестованного, прислали в Луганск уже с обвинением в том, что он хотел экспроприровать кассу.

Оказалось, что Самарин, в виду нежелания шахтовладельца во время выплатить рабочим жалование, якобы за отсутствием денег, с револьвером в руках пошел проверять наличие кассы. В результате его арестовали, как экспроприатора. После этого я, как член Комитета большевиков Луганской организации, был делегирован на шахты Лозовой - Павловки для проведения митингов, которые должен был организовать т. Самарин, выехавший после вторичного своего освобождения в этот район.

Ночью в первых числах сентября 1917 г. я, вместе с Левоу Стояновским (большевик - агитатор) двинулись в Лозовую - Павловку. Часов в девять утра мы прибыли на место, где по случаю праздничного дня почти все рабочее население было на улице.

Мы втерлись в толпу и начали обработку, заговаривая с шахтерами на самые различные темы. Приблизительно через полчаса к этому месту подехали три подводы с вооруженными людьми и стали спрашивать товарищей из Луганска. Оказалось, что они ищут нас. Им указали на нас, и они предложили нам вместе с ними ехать в Лозовую - Павловку в Исполком. Мы стали возражать, но нас все же усадили на среднюю линейку с вооруженными людьми, и мы были доставлены в Исполком.

Когда мы вошли в Исполком, там происходило заседание. К нам обратились с вопросом, зачем мы приехали. Я ответил, что рабочие района Лозовой - Павловки просили Луганский комитет партии с. - д. большевиков прислать к ним на митинг оратора. После этого мне задали вопрос — о чем я буду говорить. Я ответил, что мою речь они услышат на митинге. Тогда мне стали угрожать, что если я не изложу кратко свою предполагаемую речь, то меня по этапу отправят обратно в Луганск. Я стал протестовать, ссылаясь на то, что я член Луганского Исполкома, председатель железнодорожного комитета и член комитета Луганской организации большевиков, что, учиняя надомной насилие, они оскорбляют луганский пролетариат и учреждения, которые я представляю.

Не знаю, чем бы кончилась эта история, если бы ее не прервала пришедшая от митинга делегация.

В самый острый момент наших объяснений с Исполкомом вошли человек пять молодых шахтеров и потребовали слова для внеочередного заявления. Слово было предоставлено. Они заявили что собравшимся на митинг шахтерам стало известно об аресте Исполкомом приглашенных из Луганска большевиков, что возмущенные рабочие прислали их заявить Исполкому, что если луганские большевики не будут освобождены, то народ освободит их силой.

Надо было видеть конфуз Исполкома. За несколько минут до прихода делегации доктор Коркис — меньшевик, замещавший председателя совета, от имени всех трудящихся предлагал нас отправить этапом из Лозой - Павловки. После заявления

Отряд харьковских красногвардейцев на калединском фронте

делегации с нами стали значительно любезней, даже предложили экипаж для поездки на митинг, от чего мы благоразумно отказались и вместе с делегацией шахтеров пошли пешком.

От Исполкома до места митинга было версты три. По дороге в разговоре с делегацией мы узнали, что весь Исполком состоит из местной интеллигенции, при чем члены Исполкома встречаются с шахтерами только в торжественные дни, что на шахтах среди рабочих никакой работы не ведется. Вследствие этого рабочие очень недовольны теперешним составом исполкома; делегаты прямо говорили: „плохо, что у нас нет большевиков, — они помогли бы нам разделаться с исполкомом“.

Когда мы подошли к месту митинга, там около сколоченной из бревен трибуны стояло шесть-семь тысяч шахтеров. Между прочим, в этот день здесь стало известно, что Корнилов открыто выступил против Временного правительства.

Этот факт создавал для нас неблагоприятную обстановку, так как мы затруднились в выборе линии по отношению к меньшевикам и другим соглашателям и в отношении самого Исполкома, который нас арестовал, действия которого мы могли бы объявить корниловщиной. Но нам не дали долго раздумывать — Коркис открыл митинг, и мне первому было предоставлено слово.

Я прежде всего заявил, что я член Луганского комитета большевиков. В ответ раздались дружные аплодисменты и крики „просим“. Тогда я начал осторожно излагать причину, которая привела к открытому выступлению контр-революции, раскритиковал руководителей власти, советское большинство, позволившее буржуазии на Демократическом совещании объединить силы контр-революции. Конечно, я не мог не остановиться на рабочей политике соглашателей. Аплодисменты несколько раз прерывали мою речь, а когда я кончил — рабочие устроили нам дружную овацию.

А когда слово было предоставлено Коркису, то рабочие долго не давали ему говорить. Только после моего обращения к собранию с призывом к спокойствию, он мог начать говорить; но лишь только он касался в своей речи большевиков, как начинались снова крики и требования убраться с трибуны.

Создалось такое настроение, что я, во избежание возможного избиения представителей местного Исполкома, уговорил Самарина не слишком заострять вопрос на своем аресте, а постараться использовать свое выступление для создания здесь большевистского ядра.

И речь Самарина вызвала продолжительный шум приветствий со стороны собравшихся.

Уже стемнело, когда мы кончали митинг. Перед закрытием я еще раз получил слово и призвал шахтеров организовать вокруг большевиков для борьбы с корниловщиной и буржуазией. К концу собрания появилась делегация рабочих соседних

шахт, с приглашением, посетить их митинг. Но мы к ним не могли пойти, так как ночью должны были вернуться в Луганск.

Когда мы уже спускались с горы, меня окружила группа беспартийных рабочих - активистов, которая просила меня остаться у них для организации шахтеров, при чем обещала меня устроить на одной из шахт района. Я обещал прислать им партийца, который вместе с Самариным создаст здесь большевистскую организацию. На следующий же день сюда был делегирован М. Афонин. Позже эта организация дала немало хороших коммунаров.

Нельзя иначе охарактеризовать этот период в Донбасской глуши, как период сильнейшего стремления революционных рабочих масс к организации своей большевистской партии и своей рабочей власти. Они двигались гигантскими шагами вперед, быстро перегоняя своих бывших вождей - соглашателей и выдвигая на их место новых, настоящих рабочих революционеров. Более честная и связанная с массами часть соглашателей, поняв свое банкротство, переходила к большевикам. По моим наблюдениям, наиболее оживленный переход к нам из других партий происходил между сентябрем 1917 г. и январем 1918 г.

БОЛЬШЕВИЗАЦИЯ ВЛАСТИ И ДВИЖЕНИЕ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

Выступление Корнилова настолько изменило отношение трудящихся к тогдашнему советскому большинству и к Временному правительству, что на митингах рабочие больше не хотели слушать соглашателей. Что касается того меньшинства, которое продолжало оставаться в соглашательских партиях после корниловщины, то у рабочих к ним определилось такое отношение: „что же, ошиблись, — отказывайтесь, пока не поздно; будете упорствовать — силой заставим“.

В этой обстановке оставалось для окончательного перехода и закрепления власти советов в нашем районе только оформить большевизацию самих советов.

Сложившееся соотношение сил к концу сентября 1917 г. дало значительный перевес в пользу большевиков. Гарантией того, что мы проведем в Совет наше большинство, было настроение широких рабочих масс, дошедшее в это время до озлобления против политики Временного правительства.

Немаловажное значение для выполнения этой задачи имела работа наших фракций в местном совете и в городской думе. Кроме того, Комитет спасения революции находился в наших руках. Таким образом при двойном нажиме — снизу масс, сверху учреждений — большевики вступили в предвыборную борьбу с соглашателями.

Перевыборы Совета велись с соблюдением демократических принципов, однако, напряжение было значительное: соглашатели пытались восстановить утерянную репутацию выступлениями

на предвыборных собраниях, но было уже поздно. Массы от них отошли бесповоротно.

Мы получили большинство. Президиум Совета был составлен нами. Заместителями председателя Совета были выбраны З. Ляпин (б-к) и И. Вершин (эсер). Надо сказать, что эсеры по всем вопросам поддерживали нас против остальной соглашательской массы.

Этой победой на выборах была окончательно закреплена власть советов. Другой власти в городе не существовало.

* * *

Корниловское выступление, как мы и предполагали, дало толчек Донской области, население которой было невероятно консервативно и аполитично, за исключением разве Ростова да Таганрога, которые известны своей революционностью.

Туго раскачивались казаки, нащупывая почву для своего выступления, но контр-революционное донское офицерство сделало свое дело: оно заняло руководящую роль во всем донском контр-революционном движении.

В прилегающих к Луганску станицах мне, в частности, пришлось столкнуться с активным выступлением казаков при следующих обстоятельствах: со станции Ольховой (в 30 верстах от Луганска), мы в жел.-дорожном комитете получили „ноту“, что казаки запрещают вывозить хлебные грузы по нашему участку дороги для снабжения Петрограда, при чем подписал бумагу какой-то есаул, который находился со своим эскадром на упомянутой станции.

Не раздумывая о последствиях, мы с т. П. Ивановым на дрезине поехали на станцию Ольховую выяснить, в чем дело. Казачий раз'езд обещал нас свести с есаулом, но мы сразу заметили что-то странное в отношении к нам со стороны казаков. Наконец, пришел есаул. Мы ему сказали, что запрещение вывоза хлеба из Донской области может повлечь за собой запрещение ввоза керосина, сахара, чаю и других необходимых предметов потребления.

Так как казаки держались вызывающе, мы, чтобы отделаться от них, заявили, что мы железнодорожники и заботимся только о том, чтобы во-время подвести грузы нужные населению, что мы никакой политикой не занимаемся.

Они все же требовали, чтобы один из нас остался заложником, и лишь после долгих увещаний нас отпустили.

Через три-четыре дня эскадрон ушел со станции и на этом участке дороги наступило спокойствие.

В разговоре с казаками нам удалось установить, что они являются регулярной частью, во-вратившейся недавно с фронта, при чем ясны были их тенденции закрыть входы в Донскую

область по линиям железных дорог для того, чтобы сорганизоваться внутри и накопить вооруженную силу для борьбы с революцией. Луганский комитет партии после этого дал нам директиву разоружать все казачьи эшелоны, идущие с фронта на Дон. На этой почве происходило много недоразумений; нередко доходило и до обстрела эшелонов. Все же, организовав связи с ближайшими узловыми станциями, мы получали за три-четыре часа предупреждение о движении воинского эшелона и со всеми предосторожностями принимали его на станции. Пропускались с оружием на Дон только те, у которых на руках были хотя бы какие-нибудь документы об их революционном направлении.

Белое донское офицерство довольно энергично вело свою провокационную работу. Вскоре после описанного случая встречи с казаками произошел еще более возмутительный инцидент.

Вооруженные рабочие сопровождали какие-то грузы из Луганска до станции Миллерово, и вот на обратном пути, в 20 верстах от Луганска, товарный поезд, в котором они ехали, был обстрелян казаками. В результате двое рабочих было убито и несколько человек ранено.

В тот же день казаки получили должное возмездие, при чем оказалось, что их спровоцировал какой-то тип, который перед приходом поезда прискакал на лошади в луганскую станицу, собрал станичников и рассказал им, что якобы в этом поезде везут на расстрел в Луганск арестованных офицеров.

С этого момента наступил период более дружественных отношений с ближайшими станицами.

Вернувшись с фронта, большевистски настроенные казаки Митякинской и Луганской станиц начали вести с Луганским Исполкомом переговоры о контакте, в результате которых решено было, чтобы станицы прислали своих делегатов в Луганский Совет.

Когда подошел поезд, делегация вышла из вагона и построилась на перроне по-военному в две шеренги. Я попросил их подождать, пока я пошел в жел.-дор. комитет, чтобы доложить президиуму Исполкома о прибытии делегации и получить указания, куда ее привести.

Мне для переговоров потребовалось максимум пять минут, так как железнодорожный комитет находился около самого перрона. Когда я вернулся на перрон, моему взору представилась такая картина: казаков атакуют рабочие, срывают у них погоны, те обороняются и во время свалки стараются убедить рабочих в том, что они большевики, а погоны им нужны для влияния на всю казацкую массу.

Я, конечно, приостановил эту схватку. Оказалось, что рабочие, работая в мастерских, заметили казаков. На них скверное впечатление произвели праздничные одежды, в которые делегаты нарядились для приема в Исполкоме, и рабочие вышли

из мастерских для „уравнения“ казаков со всеми гражданами. По пути в Исполком молодые казаки с большим смущением рассказывали мне, что они с удовольствием сбросили бы погоны, которые они носят только для того, чтобы не потерять авторитета у казаков старших возрастов что они решили носить мундиры, пока у них не окрепнут советские организации.

В Исполкоме было устроено совместное с казацкой делегацией заседание, которое было посвящено сближению рабочих с казаками. Все выступавшие члены Исполкома старались напомнить казакам их роль при царе и наметить им революционные перспективы; рассказывали о жизни рабочих, об их революционно-исторической роли...

Казаки были довольны приемом и, уезжая, обещали революционную верность и преданность рабочему классу. После нескольких повторных посещений нас правда, уже без погон, казаками Луганска, у железнодорожников с ближайшими станциями установились хорошие взаимоотношения. Контр-революционные элементы перекочевали из Донбасса в Новочеркасск, где концентрировалась донская контр-революция.

ОРГАНИЗАЦИЯ КРАСНОЙ ГВАРДИИ

Хотя у нас наладились с соседними донскими станицами мирные взаимоотношения, все же у нас не было уверенности в том, что в критический момент казаки будут с нами. Они значительно лучше крестьян были обеспечены землей, не знали помещиков, а к государственным конно-заводским землям, имевшимся на Дону, относились с патриотизмом, так как воинская психология, всосанная с молоком матери, всегда заставляла казака думать о лошади, на которой он должен идти на военную службу. Такая психология рождала тенденцию к защите от какого бы то ни было посягательства на эти земли.

Кроме того, на громадных пространствах Донской степи нет промышленного пролетариата, который мог бы своим влиянием разлагать эту однородную среду и приближать ее к революции.

Поэтому мы не могли надеяться на казаков и изыскивали пути вооружения рабочих.

Наши боевые рабочие дружины к этому времени количественно выросли. Созданная при Комитете Спасения революции комиссия по обороне Луганска учла, что оборону можно вести только объединенными силами и что при малочисленном гарнизоне рабочие дружины должны сыграть значительную роль.

Поэтому Комитет спасения революции постановил объединить рабочие дружины в Красную гвардию и для руководства вооруженными силами создал штаб Красной гвардии, в который вошли т. т. А. Пархоменко, А. Штанько, М. Афонин (других не помню).

Красная гвардия делилась на отряды по заводам. Имелся, например, отряд Красной гвардии паровозного завода, такой же отряд патронного завода и небольшие отряды на мелких предприятиях. На заводах началось военное обучение. Я не помню, чтобы кто-либо из красногвардейцев протестовал против того, чтобы после работы оставаться для военного обучения, а что касается нарядов, то все они выполнялись добровольцами; только значительно позже постепенно перешли к очередному обязательному выполнению всяких повинностей.

Не помню, кто прислал нам из Харькова винтовки; во круг вагона с винтовками ночью разыгралась такая история: один из членов железнодорожного комитета, кажется, А. Стрельцов, прибежав ночью в комитет, сообщил, что местные железнодорожники — украинцы разыскивают по вагонам, стоящим на станции, оружие. Мы немедленно с нашими красноармейцами вышли на станцию. Вагон был отыскан и передан в штаб Красной гвардии.

Полученное таким путем оружие не покрыло и десятой доли нужды в нем, и чем дальше, тем настоятельнее красноармейцы требовали вооружения, предлагая отобрать оружие по казармам, что угрожало опасными последствиями, так как среди солдат велась в это время усиленная агитация против вооружения рабочих. Солдаты говорили: „зачем рабочим оружие. они должны работать, а мы их будем охранять“. Такие разговоры в свою очередь озлобляли красногвардейцев против солдат, особенно против 25-го украинского полка.

Луганский комитет партии большевиков делегировал своего уполномоченного, Дм. Вас. Богданова, в Харьков с поручением достать оружие.

Обстановка в городе к этому моменту сложилась довольно сложная. Украинское движение, как я сказал выше, развивалось довольно быстро.

До первого съезда рад в Киеве, оно было распространено только среди железнодорожных служащих. На съезд рад в Киев были посланы двое рабочих: слесарь И. Лозовой (бывший член партии большевиков) и маляр — Черидиченко.

Эти рабочие были из пригородных крестьян, которые, работая в железнодорожных мастерских, не оставляли хлебопашества хотя они среди рабочих никаким весом не пользовались, все же им удалось, после того как их „накачали“ в Киеве, создать небольшую группу в мастерских. Эта группа к описываемому мною периоду на станции Луганск создала нечто вроде полулегального украинского железнодорожного комитета, которому мы, члены рабочего избранного комитета, не придавали никакого значения; но нам было известно, что за этой политически безграмотной группой рабочих стоит группа высших служащих во главе с инженером Г. Лысенко, который

фактически и являлся вдохновителем украинского движения на железной дороге нашего района.

Тов. Богданову удалось достать вагон винтовок и три или четыре пулемета.

На ст. Нырково, где стоял вагон, выехала группа человек в 15 красногвардейцев, во главе с А. Пархоменко, Н. Мышковым и железнодорожник Пав. Вас. Ивановым. Вагон был прицеплен к пассажирскому поезду. Перед отходом поезда Мышков и Иванов вошли на телеграф ст. Нырково, скомандовав „руки вверх“, Иванов подошел к телеграфному аппарату и передал без ленты (он хороший слухач - телеграфист) в Луганск о выходе со станции вагона с оружием.

В Луганске были расставлены красногвардейцы. По стрелкам был приготовлен паровоз для того, чтобы немедленно по приходе поезда взять вагон и доставить его на патронный завод, который к этому времени превратился в боевую революционную крепость.

В момент подхода поезда к станции Луганск ее цепью стали окружать солдаты Украинского полка с винтовками наперевес. Пока паровоз прицепил вагон с оружием, к вагону подошли солдаты. Пархоменко с бомбой и револьвером в руках закричал „не подходи, взорву“ и выстрелил вверх. С пулеметчиками, сидящими в вагоне, было условлено, что они после выстрела открывают пулеметный огонь. Пулеметная стрельба вызвала среди солдат замешательство. Часть из них стала беспорядочно стрелять, другие бросились бежать. Паровоз тем временем вышел на прямую линию и отошел сажен на пятьдесят от поезда по направлению к патронному заводу. Вдруг солдат сшиб красногвардейца со стрелки и перед самым вагоном, хотел ее перебросить; вагон попал в разрез и сошел с рельс; после этого вокруг вагона разгорелся пожар.

Сюда пришли члены Совета, некоторые красногвардейцы с патронного и гартманского заводов. Пришли также представители украинской повитовой рады, которая тогда только была создана приехавшим в Луганск офицером Малашко.

После долгих споров решено было оружие сложить в здании, где помещалась рада (бывш. земская управа) и поставить паритетный караул из солдат украинского 25 полка и красногвардейцев. Вопрос о том, кому передать оружие должен был решить Исполком совместно с радой на следующий день. Около вагона был поставлен караул, а оружие, стали свозить в условленное место. Красногвардейцы пришли в Исполком с предложением дать бой украинскому полку. Исполком считал возможным дело уладить мирным путем и не дал согласия на вооруженные действия. В ту же ночь красногвардейцы патронного и гартманского заводов собрались на патронном заводе и без ведома Исполкома, окружив и перевязав солдатскую часть караула, перевезли оружие на патронный завод.

Украинская рада, опиравшаяся на 25-й полк, после этого значительно снизила тон. Теперь рабочие имели около тысячи винтовок и три или четыре пулемета. Что касается патронов, то солдаты их могли получить только из другого города, так как патронный завод в Луганске управлялся и охранялся рабочими, которые, разумеется, сэкономили патроны для себя.

Так прошла первая стадия вооружения рабочей красной гвардии в Луганске. С этого момента до самого отступления, в апреле 1918 года, наши красногвардейские отряды играли в этом районе крупную роль.

ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ СОВЛАСТИ

Закрепление власти Советов в Луганске и в районе было проведено в сентябре. Первая половина октября ушла на вооружение рабочей Красной гвардии, на подготовку к гражданской войне.

С началом Октябрьских событий в центре наш Комитет спасения революции был реорганизован в Революционный комитет, в который не были допущены представители соглашательских партий; не допустили в него также и украинцев, которые к этому времени значительно поправили и политически уже совершенно явственно определились, как антисоветское течение.

Украинцы были, несомненно, активней меньшевиков, бундовцев и других соглашательских партий. Они, в противовес большевистскому Совету и Ревкому, организовали „Повитову раду“. Меньшевики, бундовцы и даже эсеры, заявив на одном из заседаний Совета, что большевики их насилуют, демонстративно покинули зал заседания. А на следующий день Малашко (лидер украинцев) уже выступал от имени всех этих партий, но такая коалиция продержалась всего лишь два-три дня. Вся ее работа свелась к регулированию отношений между собой. Длинные, тянувшиеся день и ночь, заседания рады, не дававшие никаких практических результатов, привели к тому, что эсеры вышли из нее и возвратились в наш Совет. Что касается остальных партий, то они в раде пробыли недели две, после чего также ее покинули.

Рада действительно представляла собой конгломерат различных течений — от типичного бахмутского белогвардейца-командира 25-го полка, до еврейских мелкобуржуазных партий, обиженных в этот период большевиками. Она просуществовала месяца полтора, после чего распалась.

Лучшие элементы после Октябрьских событий стали отходить от украинского национал-социалистических партий и переходить к большевикам.

Мне вспоминается встреча с железнодорожным комиссаром украинской центральной рады, присланным из Киева на

Екатерининскую дорогу. Мне передали по телефону со станции Дебальцево, что там организуется митинг по случаю приезда этого комиссара. Поезда не было. Я взял маневровый паровоз и поехал. Киев, посылая своего комиссара на дорогу, рассчитывал здесь получить подкрепление от рабочих и служащих. очевидно, в форме резолюции.

Митинг был очень многолюден. После выступления комиссара слово получил я, так как председательствовал рабочий большевик. После моей критики действий Украинской центральной рады настроение вышло не в ее пользу. После меня выступили местные представители украинских мелкобуржуазных партий и их лидер — дежурный по станции Виников, а затем очень популярные среди рабочих в то время дебальцевские большевики — слесарь Мокогон и паровозный машинист т. Луговой. Мы на этом митинге победили. Когда к концу митинга снова хотел выступить комиссар, начался невероятный шум, свист и крики „долой“. Таким образом, дебальцевские рабочие выгнали комиссара, а когда он приехал в Екатеринослав — правление дороги его не приняло.

В этой обстановке заканчивались выборы в Учредительное Собрание. Наши кандидаты Ворошилов и Лутовинов об'езжали Донбасс, выступая на митингах среди рабочих шахт и заводов. Рабочие еще после июльских событий охладели к этому, прежде популярному среди них, учреждению. Не раз под лозунгом „да здравствует Учредительное Собрание“ они встречали своих классовых врагов, так что с ростом классового сознания рабочих масс этот лозунг был вытеснен лозунгом „Власть Советам“.

Наряду с выборами в Российское Учредительное Собрание развивалась агитация за создание Украинского Учредительного Собрания. Выборы были проведены, но Украинскому Учредительному Собранию не суждено было собраться. Рабочие батальоны с оружием в руках в уличных боях под знаменем „Власть Советам“ делали великое дело Октября.

В начале ноября казаки ближайших станций, особенно митякинцы, организовали небольшой большевистский кавалерийский отряд. В это время в станции Каменской выступил против Советов полковник Чернецов, который затем развил наступление на станцию Глубокую, где расположено довольно большое железнодорожное депо. Рабочие организовали оборону. В помощь глубокинцам вышел Луганский отряд Красной гвардии. Совместными усилиями революционные отряды взяли Каменскую станцию и создали Донской революционный комитет во главе с Потелковым и Кривошлыковым. Полковник же Чернецов со своими гимназистами бежал на Дон к Каледину.

В ноябре, по мере перехода всей власти к Советам, в Луганске вышло очень затруднительное финансовое

положение. Хотя банки и перешли к нам, но они оказались пустыми ¹⁾).

После долгих изысканий Исполком решил ликвидировать казенный винный склад, на котором при закрытии торговли водкой в начале империалистической войны, осталось в мелкой посуде четыреста с лишним тысяч ведер.

В этот период в целом ряде городов такие склады были разгромлены, при чем немало было жертв и убытков. С нашим водочным складом дело обстояло неважно. Охрану склада несли солдаты Украинского полка, который, как я уже сказал выше, с каждым днем все больше разлагался вследствие того, что офицеры, чтобы сохранить влияние на солдат, буквально поощряли преступления.

Охрана склада после каждой смены таскала водку, торговала ею и спаивала солдат, а позже целые команды ночью приходили к складу, охрана поднимала невероятную стрельбу, чтобы отогнать проходящую публику и дать возможность побольше набрать своим. Много на этой почве было курьезов, не лишенных интереса. Красная гвардия по ночам делала засады на ближайших улицах и переулках и отбирала у солдат водку.

Однажды на Садовой улице, после стрельбы, были остановлены два офицера, у которых неестественно раздувались шинели. Один из красногвардейцев стал бить ногом по отдутым местам — раздавался звон битой посуды, а из сапог офицеров на снегу образовались потоки. Офицеры были доставлены в Ревком и арестованы.

Позже Ревком, обсудив создавшееся положение, решил снять со склада стражу украинского полка и поручить охрану красногвардейцам.

К моменту принятия Красной гвардией этого склада около него скоплась по ночам масса всяких темных личностей, которые при солдатах иногда кое-что получали. К часу, к двум ночи эта толпа штурмовала ворота водочного склада, иногда врвалась во двор, откуда их вытесняли, не разрешая выносить с собой водки.

Нельзя также похвалиться и выдержкой в этом отношении красногвардейцев. Первое время за ночь приходилось менять два-три караула, так как поставленная смена через час дежурства приходила в негодность. Караул, приходивший на смену, должен был с боем прорываться для того, чтобы очистить двор от ночной толпы.

¹⁾ Интересный курьез, характеризующий состояние банков, произошел при вскрытии сейфов. Для вскрытия сейфов был делегирован член Совета К. Кариков. Ключей от сейфов найти он не мог. Тогда им были вызваны мастера-мастеровые, и сейфы были вскрыты. В них оказался лишь один серебряный рубль. Такое финансовое подкрепление ни в какой степени не могло удовлетворить потребностей новой власти. И. Н.

В конечном итоге стражу впускали в ворота, ворота забирали, перед воротами ставился пулемет, при помощи которого отгонялась толпа при попытке штурмовать ворота. И это не помогло. Хотя караульную службу уже несли такие красногвардейцы, которые не пили, толпа не сокращалась, а возрастала.

Тогда Ревком распорядился уничтожить водку. Решено было из пулеметов перебить ее на месте, где она лежала. Но оказалось, что это не так просто. Пулемет разбивал не больше одной двух бутылок; кроме того, выяснилось, что это мероприятие вызвало недовольство рабочих. Ревком и Исполком, в виду угрозы разгрома склада, со всеми вытекающими отсюда последствиями, и крайней нужды в деньгах, после долгих обсуждений решили продать водку, при чем предполагалось продавать не более одной бутылки на душу и не дороже, как по одному рублю. Потянулись подводы из окружающих сел. Отпускали на целую волость, требуя бумагу от совета, уполномочивающую на получение водки на определенное количество душ. Приезжали рабочие и брали вагонами для всего завода. Реализацию водки стимулировало еще то обстоятельство, что она совпала с рождественскими праздниками. Правда, взятая на волость водка процентов на тридцать не была оплачена, но все же Луганский бюджет от этой операции получил больше миллиона рублей, а Луганский ревком избавился от беспокойства, которое причинял ему своими запасами бывший склад „казенного вина“.

За это время Украинский полк совершенно разложился. Для избавления от него, как ненадежной и небезопасной вооруженной силы, Луганский Ревком решил к рождественским праздникам распустить солдат этого полка в бессрочный отпуск. После роспуска солдат, на которых опиралась луганская Украинская рада, последняя как-то незаметно сошла со сцены, а такие ее лидеры, как Малашко, с Луганского горизонта скрылись, появившись на нем снова лишь с занятием города немцами, в конце апреля 1918 года.

До этого времени власть целиком и полностью принадлежала большевистскому Ревкому.

(Окончание следует)

ПЕТИНСКИЙ (КРАСНОЗАВОДСКИЙ) РАЙОН г. ХАРЬКОВА В ОКТЯБРЕ ¹⁾

Февральская революция была встречена на Петинке, как и везде, с большим воодушевлением. Рабочие верили, что настал конец жестокой эксплуатации, жертвам на фронтах империалистической войны, страданиям в тюрьмах и в ссылках лучших представителей рабочего класса. Поэтому энтузиазм и вера в революцию были огромны.

Первое время между рабочими и заводской администрацией еще не наблюдались трений. Рабочие харьковского паровозостроительного завода, например, в своих выступлениях на первых митингах заявляли, что рабочие и служащие завода — это одна рабочая семья, несмотря на то, что до революции в лице многих служащих и администраторов они всегда видели верных слуг капитала. Такие же настроения наблюдались и на других заводах. Характерно, что 1-го мая 1917 года высшая администрация паровозостроительного завода шла на демонстрацию в рабочих рядах. Но неизбежные конфликты между трудом и капиталом уже назревали.

Первыми стали на правильный путь классовой борьбы вэковцы. После Февральской революции на ВЭК'е проводились непрерывные митинги, произносились революционные зажигательные речи. Вэковцы раньше других заводов избрали Совет рабочих депутатов завода, который первый провозгласил восьмичасовой рабочий день.

Вскоре большевистская ячейка ВЭК'а пополнилась старыми боевыми товарищами. Вернулись из ссылки и тюрем т. т. Покко, Пинне, Спиглис, Ротенберг и др. Заводской Совет рабочих депутатов, реорганизованный в завком, из'ял из ведения администрации больничную кассу, во главе которой был поставлен большевик, тов. Киркиж. Завкомом была организована также конфликтная комиссия, которая разбирала недоразумения между рабочими и администрацией и в среде самих рабочих. Бежавшая с ВЭК'а после падения самодержавия заводская полиция была заменена рабочей милицией. Рабочие

¹⁾ Работа эта написана коллективно участниками событий в Петинском районе под руководством Октябрьской комиссии Краснозаводского Райпаркома КП(б)У.

дружины организовывались также на ХПЗ и других заводах. Эти дружины явились зародышем будущей Красной гвардии.

Работа большевистской ячейки на заводе ВЭК¹⁾ после Февральской революции была настолько хорошо поставлена, что другие партии совершенно стухевались. Рабочие ВЭК^а всюду избирали и посылали в качестве своих представителей почти исключительно большевиков.

Вот некоторые факты, характеризующие настроение на ВЭК^е в начале 1917 г. Депутат от эвковцев в Харьковском Совете, тов. Пинне, в апреле сделал на общем собрании рабочих доклад о своей работе в Совете. Рабочие постановили отчислить однодневный заработок и распределить его поровну между большевистской фракцией Совета и Рабочим домом.

На одном из общих собраний рабочих (12/IV) по докладу о текущем моменте была принята резолюция, в которой, между прочим, говорилось: „Мы требуем от Петроградского С. Р. и С. Д. тщательного контроля за действиями Временного правительства, мы требуем немедленного отстранения от ответственных должностей всех прислужников старой власти, мы протестуем против посягательства на 8-ми часовой рабочий день; мы требуем от Временного правительства публичного заявления о прекращении войны на основе самоопределения народов и отказа от аннексий и контрибуций“. („Известия Харьковского С. Р. и С. Д.“, 13/IV — 1917 года).

Когда весть о знаменитой ноте Милюквса (18 апреля) дошла до эвковцев, состоялось митинг под председательством т. Покко, на котором присутствовало четыре тысячи рабочих. Принятая резолюция гласила: „Несмотря на манифест С. Р. и С. Д. Петрограда, обращенный к народам всего мира, Временное

¹⁾ В связи с поражениями на фронте в Харьков стали вливаться тысячи рабочих — беженцев из Польши и Западного края. Был эвакуирован в Харьков и завод ВЭК с четырьмя тысячами рабочих, среди которых было немало революционеров — большевиков.

Существует мнение, будто рабочие ВЭК^а были преданы интересам капиталистов — владельцев завода и, не покладая рук, работали, восстанавливая завод в Харькове. В действительности дело обстояло далеко не так. Эвковцы были застрельщиками во всех областях общественной и политической жизни рабочего района. Так, например, одним из первых дел явилось спасение Рабочего дома. Засевшее в нем черносотенное правление довело дело до такого состояния, что дому угрожала продажа с молотка. Большевики ВЭК^а успешно повели агитацию среди рабочих, призывая их записываться в члены дома, и организовали перевыборы правления. В новом правлении большевики оказались в большинстве. Благодаря принятым мерам, дом остался за рабочими.

Сейчас же после переезда в Харьков между рабочими и администрацией ВЭК^а возник конфликт, которым руководили большевики. Рабочие требовали выдачи полагавшегося им эвакуационного двухнедельного вознаграждения. В центральном военно-промышленном комитете вопрос был решен в пользу рабочих. В ознаменование этой победы среди рабочих был пущен подписной лист, по которому было собрано для поддержки харьковского подпольного комитета большевиков 300 рублей.

правительство продолжает преследовать империалистические цели. Несмотря на требования народа опубликовать тайные договоры, заключенные с союзниками, оно явно уклоняется от этого.

Мы заявляем, что революционный народ, кровью добывший свободу России, требует от Петроградского С. Р. и С. Д. немедленного создания нового правительства, которое выполнило бы волю народа. Мы заявляем свою готовность во всякое время поддержать С. Р. и С. Д. во всех его выступлениях“. („Пролетарий“, № 26).

Так ВЭК по-большевистски реагировал на текущие политические события.

Другие заводы равнялись по ВЭК'у, прислушиваясь к голосу его революционных организаций. Одним из таких передовых заводов в Петинском районе являлся завод „Герлях Пульст“. Еще в начале марта 1917 года на общем собрании рабочих завода было постановлено отменить сверхурочные работы и ввести восьмичасовой рабочий день. В резолюции совета цеховых представителей по этому вопросу говорилось: „Если бы введение восьмичасового рабочего дня, вопреки всем ожиданиям, отразилось на производительности страны, рабочие нашли бы пути к расширению производства...“ И дальше: „Совет выборных считает, что рабочие и солдаты могут подчиняться распоряжениям Временного правительства лишь постольку, поскольку они будут подтверждены Советом Рабочих и Солдатских Депутатов“.

В феврале 1917 года в Петинском районе существовала только одна большевистская ячейка на ВЭК'е из 40—45 человек (самая мощная в Харькове и одна из крупнейших в то время в России). По другим предприятиям были партийцы-одиночки или по два-три человека, которые имели непосредственную связь с городским партийным комитетом. Райпаркома не было, а был райпарторганизатор (тов. Судик).

На ХПЗ после Февральского переворота было три большевика: Марков, Щербина и Романович.

Старому ветерану, руководителю боев харьковских рабочих с царизмом в 1905 году — харьковскому паровозостроительному заводу — в 1917 году пришлось вести большую борьбу с меньшевиками. Еще в период реакции и ликвидаторства, а затем оборончества в годы империалистической войны, меньшевики свили себе прочное гнездо на ХПЗ. В 1917 году они пытались своей соглашательской тактикой ослабить революционный энтузиазм рабочих завода, которых к этому времени насчитывалось семь тысяч. Вначале под влиянием меньшевиков принимались резолюции, в которых рабочие все свои надежды возлагали на Учредительное собрание. Лозунг „долой войну“ признавался несвоевременным. Такая резолюция была принята,

например, на ХПЗ по докладу меньшевика Ткаченко 25/III 1917 года. Этот же Ткаченко был избран в Совет рабочих и солдатских депутатов от рабочих ХПЗ. („Известия“ Харьковского С. Р. и С. Д., 26/III 1917 г.).

Успех меньшевиков был однако кратковременным. В Совет второго созыва от ХПЗ из общего числа 22-х депутатов прошло уже 11 большевиков. Чтобы укрепить свой падающий авторитет, меньшевики не брезгали ничем, вплоть до того, что, пользуясь своими связями с администрацией завода, всюду в заводе сажали старых меньшевиков. Так попал на ХПЗ меньшевик Касевич и многие другие, фамилии которых в большинстве забыты. Однако это не помогало.

Уже в 20-х числах апреля на митинге в ХПЗ, в присутствии тов. Муранова, была принята резолюция, в которой рабочие приветствовали тов. Муранова, как стойкого защитника интересов трудящихся. Здесь же рабочие выставили требование контроля со стороны Совета рабочих и солдатских депутатов над деятельностью Временного правительства („Пролетарий“, № 20, 28/IV 1917 г.).

В первых числах мая по докладу тов. Муранова, в связи с нотой Милюкова, принята была резолюция, требующая устранения Милюкова из состава правительства и опубликования тайных договоров. („Пролетарий“, № 23). Меньшевики теряли авторитет. (Потом, во время гетманщины, петлюровщины и деникинщины, когда большевики были в подпольи, они пытались его восстановить, но рабочие ХПЗ давали им каждый раз достойный отпор).

В конце мая на завод прибыл тов. Зарывайко. Потом прибыли еще т.т. Романовский, Нехаенко, Захаров, Донец, Подлесный и Григорьев. Таким образом составила группа в десять человек.

В июне 1917 г. под руководством т. т. Щербины и Зарывайко на ХПЗ организовалась большевистская ячейка. Первым председателем ячейки был избран т. Марков — рабочий разметчик, горячо и беззаветно преданный революции. (Тов. Марков, один из лучших представителей революционного пролетариата, погиб в боях во время гражданской войны).

После организации и укрепления ячейки авторитет меньшевиков пошатнулся окончательно. Лучшие передовые рабочие ХПЗ начали вступать в партию. Первыми записавшимися были т.т. Струков, Гаврилин, Сапельников и Коноплев.

Увеличению авторитета ячейки помогло то, что большевики в вопросах защиты повседневных нужд рабочих доказывали свою преданность их интересам. Такими вопросами являлись: увеличение зарплаты, контроль над продовольственной лавкой, выборы старост для распределения продуктов и т. д. Споря с меньшевиками по всем вопросам, большевики доказывали, что меньшевики неспособны нигде работать без буржуазии

и что рабочие с успехом могут обойтись без помощи прежних хозяев. Авторитет большевиков все возрастал.

В связи с увеличением числа большевиков на предприятиях Петинки, в середине июля 1917 года был организован Петинский районный партийный комитет. Первым председателем комитета был тов. Судик. Райпарком помещался на Петинской улице (против лавки бывш. Жевержеева, ныне лавка ХЦРК, возле 2-й госмельницы).

Вторым председателем Райпаркома был т. Покко. Интересно отметить, что заседания Райпаркома происходили исключительно по воскресным и праздничным дням. Это делалось с целью привлечения большего количества рабочих на заседания комитета. Впоследствии т. Покко сменила тов. Панратова.

ПОДГОТОВКА К ОКТЯБРЮ

Революционная работа в Петинском районе расширялась и охватывала все большие слои рабочих, втягивая их в активное участие и обсуждение происходящих событий. Большевистская организация приобретала навыки в руководстве массами и массовыми рабочими организациями. С июля месяца в Петинском районе господствующей партией стала большевистская.

Демонстрация 18-го июня в Петрограде и окончившееся катастрофой наступление на фронте подняли революционную активность рабочих масс. Они совершенно перестали доверять органам Временного правительства. Были выставлены требования о передаче всей власти в руки Советов и переходе промышленности в собственность государства. Резолюция, принятая на заводе ВЭК в связи с докладом о 1-м Всероссийском съезде Советов, гласила: „Собрание рабочих и служащих ВЭК'а находит, что поднять промышленность, прекратить бойню и т. п. можно только при немедленном переходе власти в руки Советов Рабочих и Солдатских Депутатов“. („Соц.-Дем.“, № 76).

Аналогичная резолюция была принята и на ХПЗ. Организованное правительством Керенского преследование большевиков в июльские дни вызвало сильное возмущение среди рабочих. На состоявшемся семитысячном митинге паровозного завода единогласно была принята резолюция протеста, в которой рабочие категорически требовали отмены смертной казни, отмены арестов революционных вождей, разгона государственной думы... („Пролетарий“, № 110).

Меньшевики и эсеры мобилизовали весь свой арсенал клеветы и лжи против большевиков и даже вызвали в Харьков на подмогу „бабушку“ Брешко-Брешковскую. В городском и губернском советах и других организациях они еще иногда

ХАРЬКОВСКИЙ КОМ. РСДРП (В).
(СЕНТЯБРЬ 1917 Г.)

Слева направо: С. Бuzдамин, Артем (Сергеев), Рухимович, Сурик, С. Похко, Судик, Ф. Тиняков, Н. Данилевский, Алексей Иванов, Ида Ярослав, Я. Ярослав
В Харьковский Комитет волею, также в Цетрел фактически, также

имели успех, но на предприятиях массы все более завоевывались большевиками.

Вэковцы по поводу июльских событий приняли следующую резолюцию: „Считаем, что революционная армия и пролетариат вызваны на улицу полной бездеятельностью Временного правительства, которое в большинстве своем буржуазное и ничего не предприняло в отношении урегулирования разрухи, а потому требуем немедленно всей власти в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов“. („Пролетарий“, 20/VII 1917 г.)

Мысль об организации вооруженных отрядов зародилась у вэковцев во время празднования 1-го мая 1917 года. На большевистском собрании 7 мая (под председательством т. Киркижа) было постановлено организовать боевую дружину. Работа по организации и обучению дружины была возложена на большевика, члена завкома т. Симкина, а общее руководство и наблюдение поручено было члену Горсовета от вэковцев, тов. Пастеру.

К 15 мая в составе дружины было уже 50 добровольно записавшихся товарищей. Тов. Пастер раздобыл и передал для обучения дружины 5 винтовок, а тов. Симкину поручил отправиться к председателю полкового комитета 30-го полка, т. Коле Рудневу, за получением оружия. Тов. Руднев выдал рабочей дружине ВЭК'а 30 винтовок разных систем и учебные патроны. К большинству винтовок не было штыков, но рабочие сами тотчас изготовили их на заводе.

Дружинники установили обязательные занятия по два часа в день. Занятиями руководили т. т. Симкин, Цирис и Ганнус (все они прошли школу старой армии).

По примеру ВЭК'а рабочие других заводов тоже повели у себя работу по созданию боевых дружин. 30 мая в Рабочем доме состоялось совещание представителей дружин заводов Петинки. Кроме представителей вэковцев, на совещании присутствовали от паровозостроительного завода — т. Нехаенко, от Гельферих-Саде — т. Пирог, от Латышского культурного центра — т. Силин (Бирзек). Кроме того, были представители от Южных мастерских и заводов Лейтнера, Шиманского и некоторых других. На этом совещании была принята инструкция о боевых дружинах, разработанная т. Симкиным. Согласно этой инструкции рабочие дружины переименовались в отряды Красной гвардии.

В первых числах июня был организован Петинский районный штаб Красной гвардии из пяти человек. В состав штаба вошли: Пастер (от завода ВЭК), Озолин (от завода Лейтнера), Минайленко (от фабрики „Эконом“) и Силин (от Латышского культурного центра). Штаб помещался там же где Райпарком (в доме „Трудолюбия“ на Конной площади).

Рост и укрепление красногвардейских отрядов после организации штаба пошли быстрыми шагами. На ВЭК'е отряд

красногвардейцев насчитывал 400 человек и для обучения его не хватало собственных сил. Тов. Руднев пришел на помощь и прислал семь инструкторов — унтер офицеров.

Впоследствии был создан для руководства красногвардейскими отрядами в общегородском масштабе центральный штаб Красной гвардии г. Харькова. От Петинского штаба туда вошел т. Пастер.

После июльских дней перед отрядами Красной гвардии стал вопрос о необходимости лучшего вооружения. Тогда Харьковский комитет РСДРП(б) совместно с центральным штабом Красной гвардии командировал в Тулу тов. Пастера, Сербиченко и других за оружием.

Тульские рабочие пришли на помощь, и тов. Пастер привез 400 новеньких винтовок, 40 пулеметов, 100 ящиков патронов и около 200 штук револьверов системы „наган“. Часть этого оружия была припрятана в мастерских Южных железных дорог, а часть в течение ночи была перевезена тов. Сибином на ВЭК. В дальнейшем все оружие было перевезено на ВЭК, так как вэковский красногвардейский отряд был самым сильным, а ВЭК самым надежным местом для арсенала Красной гвардии. Винтовки были поставлены в пирамиды, набиты пулеметные ленты. Начальником арсенала Красной гвардии был назначен тов. Ганнус.

Наиболее активным членам партии и красногвардейцам было роздано около 150 револьверов. С прибытием оружия настроение красногвардейцев поднялось, они почувствовали себя внушительной силой. Вэковский отряд Красной гвардии был впереди. Командиром отряда был назначен тов. Ганнус. Был также выделен пулеметный отряд под руководством т. Цириса.

20-го августа районный штаб Красной гвардии издал приказ, по которому военные занятия всех отрядов района должны происходить на площади против Рабочего дома (теперь застроено рабочим поселком) регулярно три раза в неделю. Для руководства занятиями центральный штаб прислал инструкторов.

В первых числах сентября происходили пробные маневры всех красногвардейских отрядов г. Харькова. Маневрами руководили т. т. Рухимович, Руднев и Глаголев (командир 30-го полка). Маневры показали, что боевая подготовка красногвардейских отрядов стоит на должной высоте.

В середине сентября красногвардейским отрядам представился случай показать свою выдержку и дисциплинированность. В городе возникли беспорядки, устроенные солдатами Богдуховского полка под влиянием черносотенной агитации. Пьяные солдаты начали грабить население. Власть была бессильна. Порядок в городе был восстановлен силами красногвардейских отрядов, находившихся под руководством большевиков 30-го полка. Красная гвардия Петинского района разбилась на две

части: одна осталась на казарменном положении при штабе, а другая была отправлена в распоряжение центрального штаба. Отряд, оставшийся на Петинке, сменил на винном складе взбунтовавшихся и перепившихся солдат. Пьянство прекратилось, в районе быстро был установлен порядок...

Красная гвардия продолжала крепнуть и численно расти. Была налажена доставка оружия из Тулы. Арсенал на ВЭК'е по количеству хранившегося там оружия вполне уже заслуживал свое название.

На паровозостроительном заводе отряд Красной гвардии начал формироваться под видом рабочей заводской охраны. В обстановке борьбы с меньшевиками силы отряда росли более медленным темпом, чем на ВЭК'е. Однако и тут нашлись энтузиасты в деле вооружения рабочего класса. Это были т.т. Нехаенко и Захаров. Под их руководством к сентябрю на ХПЗ был организован отряд в 150—200 красногвардейцев, который входил в состав районного отряда.

ОКТЯБРЬ НА ПЕТИНКЕ И БОРЬБА ЗА НАЦИОНАЛИЗАЦИЮ ЗАВОДОВ

Накануне Октябрьского переворота (24 - го октября ст. ст.) Харьковский Совет рабочих и солдатских депутатов обсуждал доклад меньшевика Дана о текущем моменте. Прения развернулись вокруг вопроса о необходимости ареста большевиков. Последним не давали высказываться, прерывая их выступления свистом и шумом. Прения на этом заседании не были закончены и продолжение их было перенесено на другой день.

В течение ночи большевики привели себя в полную боевую готовность. Члены Совета (большевики заводов) 25 - го октября повели энергичную подготовку к обороне, в случае если будет произведено нападение, и ждали сообщений из Петрограда.

Когда 25 - го вечером собрался Харьковский Совет для продолжения дебатов об аресте большевиков, была получена телеграмма об Октябрьском перевороте. К зданию Исполкома подошли рабочие ВЭК'а и ХПЗ приветствовать пролетарскую революцию¹⁾.

Владельцы и администрация заводов были явно настроены против всех революционных завоеваний пролетариата и пытались всячески с ними бороться. В ожесточенной борьбе против рабочих капиталисты в большинстве случаев действовали путем провокации. Они пытались улучшить положение квалифицированной верхушки рабочих, отказываясь сколько-нибудь повысить зарплату остальным категориям, а в особенности

¹⁾ В Харькове власть перешла в руки большевиков только в начале декабря (н. ст.).

чернорабочим, чтобы внести разлад в рабочие ряды и отвести от себя готовящийся удар. Но этот маневр не удался. Только временно он вызвал сепаратные действия чернорабочих, которые выразили недоверие общезаводским рабочим организациям и стали организовывать свой союз чернорабочих, свои стачечные комитеты и т. п. Но вскоре чернорабочие поняли свою ошибку и ликвидировали отдельные профорганизации.

На ВЭК'е эта политика заводчиков вызвала возмущение, и рабочие организации повели решительную борьбу с администрацией. В течение сентября месяца дирекция ВЭК'а дважды арестовывалась. Завоуправление донесло об этом в правление Акционерного О-ва ВЭК в Петроград и получило оттуда распоряжение — закрыть завод. Завоуправление опубликовало это решение центра в циркуляре за № 195, но рабочие не подчинились приказу хозяев и продолжали работать. Уладить конфликт между дирекцией и рабочими взялся министр труда Скобелев. Он прислал своего представителя — инженера Синайло, которому были даны инструкции не оказывать давления на дирекцию завода, а уладить все мирным путем. Ясно, что это ни к чему не привело. Конфликт продолжался вплоть до Октябрьского переворота.

После Октябрьского переворота была послана завкомом делегация в составе т. т. Киркижа, Добружского и Завицкого в Петроград к комиссару торговли и промышленности, т. Шляпникову, для разрешения вопроса о национализации заводов. В результате поездки этой делегации была получена санкция на национализацию завода и в правление ВЭК'а были введены представители от рабочих.

По возвращении делегации из Петрограда, завком повел переговоры с некоторыми членами дирекции и лицами высшего технического персонала, которых завком считал необходимым оставить на руководящих постах по управлению заводом. Но специалисты проявили нерешительность и не изъявляли согласия работать вместе и под контролем рабочих.

Завком развивал свою деятельность по овладению заводом. Был введен контроль над производством и постепенно управление завода переходило в рабочие руки. Для руководства работой по овладению заводом был назначен политкомиссар завода — т. Пастер. Дирекция не могла привыкнуть к новым порядкам и, вывесив объявление о закрытии завода, 19/XI 1917 года она постыдно бежала.

Рабочие ВЭК'а не растерялись. Обсудив на общем собрании создавшееся положение, рабочие решили продолжать работу и без верных сторожевых псов капитализма. Тут же рабочие избрали пятерку по управлению заводом в составе т. т. Завицкого, Аспина, Рудкиса, Аксенова и Смирнова. ВЭК стал рабочим заводом первой в мире пролетарской республики — государственным электро-механическим заводом „Электросила № 1“.

Борьбу за овладение паровозостроительным заводом рабочие начали в августе. Из заводских распределителей в это время прекратили выдачу продуктов. Возле них собрались толпы жен рабочих, требуя хлеба. . . Паровозники об'явили забастовку и потребовали увеличения заработной платы на 50⁰%. Меншевики и эсеры взяли под свою защиту хозяев завода, об'ясняя все об'ективными условиями. По их инициативе была избрана комиссия для переговоров в Петрограде с главным правлением завода. В состав комиссии вошли т. т. Щербина, Лаховицкий и Романовский. Директор завода Кац выехал вслед за комиссией для доклада правлению.

Комиссия вернулась из Петрограда ни с чем. Возмущенные рабочие потребовали смены директора и переизбрания завкома. В новом завкоме председательствовал большевик Зарывайко. Новый завком по требованию рабочих тоже должен был послать своих представителей в главное правление, чтобы добиться прибавки. На этот раз поехали т. Зарывайко и эсер Гребенюк. В Петрограде делегация застала членов правления, укладывавших свои чемоданы, чтобы удрать за границу. На этот раз правление оказалось более сговорчивым. Оно заявило, что против прибавки не возражает, но от управления заводом отказывается и все полномочия передает своему уполномоченному в Киеве.

После октябрьского переворота был поставлен вопрос об осуществлении рабочего контроля над производством. Этот вопрос решался в союзе „Металлист“, и, в связи с тем, что руководство союзом находилось не в руках большевиков, все постановления носили половинчатый характер и имели целью оттянуть решение вопроса. Рабочие ХПЗ не стали ждать и явочным порядком ввели рабочий контроль. Первым председателем комиссии по организации рабочего контроля на ХПЗ был тов. Зарывайко. Фактическими хозяевами паровозостроительного завода стали рабочие.

Октябрьский переворот был признан победой трудящихся только самими рабочими. Заседавшие же в Советах и в других организациях меньшевики и эсеры, а также разных толков украинские националисты всячески противодействовали установлению советской власти, возлагая надежды на „учредилку“ и пытаясь отдать Харьков под высокую руку Центральной рады.

Советские отряды Красной Гвардии, которые шли с севера на борьбу с засевающим на Дону Калединым, были встречены рабочими Харькова восторженно. При поддержке этих отрядов в Харькове в декабре временно укрепилась советская власть.

Вместе с красновардейскими отрядами севера на борьбу с Калединым ушли наиболее боевые группы красновардейцев харьковских заводов. Это отчасти обглекило предательскую работу соглашательских партий, которые рады были служить кому угодно, лишь бы не было власти Советов.

Пользуясь временными неудачами советской власти, искажая сущность и значение Брестского договора, они стремились подорвать авторитет большевиков. Соглашатели все сделали для того, чтобы облегчить приход немцев в Харьков, но вскоре сами почувствовали прелести немецкой оккупации, когда гетманские молодцы под охраной немецких штыков начали расправу со всеми поголовно рабочими организациями, расстреливая всякого, кто был ими заподозрен в большевизме, при чем некоторые соглашатели также заплатились жизнью.

Рабочие в своем большинстве были за советскую власть. Так, перед самым приходом немцев рабочие паровозостроительного завода организовали спешную отправку продуктов питания (муку и сушеные овощи) голодающим рабочим Москвы и Петрограда. Разъезжая по селам, рабочие убеждали крестьян перед самым носом наступающего врага свозить хлеб на заготовительные пункты, откуда он направлялся еще неокрепшей стране Советов¹⁾.

Ваковцы доказали свою преданность Советам, эвакуировав около 150 вагонов ценных материалов, преимущественно меди, на север, дабы они не достались врагу.

Немецко-гайдамацкие части, оккупировав Украину, свергли советскую власть и установили гетманщину.

Но власть Советов была побеждена только лишь на короткий срок.

Она восторжествовала снова и повела дальнейшую борьбу за дело пролетариата. В этой борьбе, как и в непосредственной борьбе за Октябрь, не последнюю роль сыграл Петинский, теперь Краснозаводский район пролетарского Харькова.

¹⁾ Несмотря на указанные факты, меньшевики имели определенное влияние на ХПЗ вплоть до эвакуации Харькова (апрель 1918 г.). Когда в конце марта 1918 года перед большевистским Советом рабочих и солдатских депутатов стал вопрос об эвакуации ценного металла, то общее собрание рабочих и служащих ХПЗ под председательством видного меньшевика, рабочего ХПЗ — Ткаченко, голосовало против эвакуации металла. (Протокол общего собрания служащих ХПЗ от 26/13 марта 1918 года. Протокол имеется в Харьковском Истпарте).

* Металл был эвакуирован только после длительной и упорной агитации среди рабочих т. т. Артема и Буздалина.

КИЕВСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ БОЛЬШЕВИКОВ В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ

(Опыт краткой характеристики)

У нас довольно распространено пущенное кем-то из исследователей украинской революции положение: Октябрь на Украине был в январе 1918 года. Может быть, это и так, поскольку речь идет о непосредственном переходе власти в руки Советов, о создании диктатуры пролетариата.

Однако, это положение неверно, поскольку речь идет об Октябрьском восстании, как таковом. Это восстание, ставившее себе целью создание пролетарской диктатуры, хоть и закончилось неудачей, произошло, однако, на Украине тогда же, когда и во всей тогдашней России — в ноябре 1917 г. Правда, оно охватило не всю территорию Украины, ограничившись лишь тогдашним центром политической жизни края, Киевом, и несколькими незначительными провинциальными пунктами. Но ведь и в России дело обстояло почти таким же образом. Эта дает нам право, не умаляя значения Октябрьского восстания на Украине, в первую очередь в Киеве, рассматривать его не как отдельный эпизод или вспышку, а как одно из звеньев всероссийской Октябрьской революции с общим для всей страны целевым устремлением.

Основное формальное различие между восстанием на Украине и на севере заключается в непосредственных результатах восстания. Анализируя причины и предпосылки, вызвавшие различные (и противоположные) результаты восстания, прошедшего в одинаковых формах, по одному образцу, мы прежде всего должны ознакомиться с руководящим центром восстания, с партийной организацией большевиков (в данном случае — Киевской), ее состоянием и ее тактикой в эти дни.

Основные моменты, интересующие нас в данном случае, сводятся к следующим: удельный вес организации в киевской рабочей массе, степень влияния на местные воинские части, создание самостоятельной вооруженной силы (Красной гвардии) — это, так сказать, внешне-организационные предпосылки успешности восстания. Рядом с ними первостепенное значение имеют внутренние предпосылки, организационные

и идеологические: состояние руководящего центра восстания, степень подготовленности к этой роли Киевского Комитета партии, степень осознания этим Комитетом и всею организацией стоявших перед ними задач, идейно-агитационная подготовка восстания, и, наконец, что очень важно, способность организации учитывать специфически-местные, украинские особенности предстоявшей борьбы за власть, умение направлять свою тактику применительно к этим особенностям.

Был ли киевский пролетариат к моменту Октябрьского восстания привлечен на сторону большевиков? На этот вопрос следует ответить утвердительно. Киев, как и весь тогдашний „юг“, издавна считался твердыней меньшевизма. Таково же было положение и в первые месяцы революции. Влияние меньшевиков на рабочие организации было вначале почти безраздельным. Исключение составлял разве только профсоюз портных, в котором еще до 1917 г. была довольно сильная большевистская фракция. Рабочие остальных отраслей промышленности были охвачены оборончеством, усиленно культивировавшимся военно-промышленным комитетом, в котором меньшевики играли довольно видную, если не руководящую роль. Из крупных предприятий только Арсенал с первых дней революции шел за большевиками. При создании Совета Рабочих Депутатов первую скрипку играли опять-таки меньшевики. Работа большевистской организации в первые месяцы революции, при всей своей активности, не встречала достаточного сочувствия среди киевских рабочих. Вплоть до апрельской конференции РСДРП большевиков наша партия не выставляла лозунгов, которые были бы достаточно конкретными и убедительными для того, чтобы рассеять оборонческий угар рабочих и уяснить им новые задачи и перспективы революции. Этот общий момент для Киева усугублялся еще теми колебаниями, какие наблюдались в среде киевской организации большевиков в оценке апрельских тезисов т. Ленина. Большинство организации и ее комитета голосовало против тезисов т. Ленина; с таким же настроением поехала и делегация киевской организации на конференцию. Эти колебания не могли не проникать в круги беспартийных рабочих, сочувствовавших партии, не могли не отразиться на их настроениях.

После апрельской конференции, тем не менее, Киевская организация начала постепенно налаживать все более тесную связь с рабочими массами. Это достигалось на первых порах не столько политической пропагандой, сколько той повседневной, по выражению тов. Майорова „черной работой“¹⁾, которую большевики вели в Совете, участвуя в его конфликтной комиссии и выполняя ряд функций, которые по существу

¹⁾ Майоров. „Из истории революционной борьбы на Украине“. ДВУ, Киев, 1922 г., стр. 40

должны были бы принадлежать профсоюзам. Повышая таким образом свой авторитет в рабочих массах, организация облегчала и проникновение в эти массы своих политических лозунгов и требований. Значительные, хотя и не абсолютные успехи в этой области были достигнуты к лету 1917 г., как подтвердила весьма внушительная демонстрация 18 июня. Как и всюду, эта работа была сорвана неудачей петроградского выступления в июльские дни, как и всюду, она возобновилась с новой силой после корниловского восстания, явившегося переломным моментом в смысле завоевания рабочих масс большевизмом. С этого момента большевикам уже не надо было приобретать влияние на рабочих путем выполнения „черной“ профсоюзной работы. Профсоюзы шли за политическими требованиями, выставлявшимися партией. Созданные революцией новые профорганы, фабрично-заводские комитеты, к моменту Октябрьского восстания были почти сплошь большевистскими. Обеспечено было большинство и в Совете Раб. Депутатов. Меншевистское влияние было сведено на нет. Не могло быть речи и о соперничестве с большевиками в смысле влияния на рабочие массы со стороны украинских социалистических партий.

Созванный последними даже в момент временной реакции (в июле 1917 г.) рабочий съезд гораздо охотнее прислушивался к выступлениям большевиков, чем к речам националистических „вождей“.

Приблизительно таким же путем, хотя и с большими осложнениями, шел процесс приобретения организацией влияния на солдатские массы. Киев, вследствие близости Юго-Западного и Румынского фронтов, был местом крупного сосредоточения воинских частей. Подчинены они были командованию Киевского военного округа, которому и царское и временное правительство придавали большое значение и, понятно, принимали меры к недопущению „вредных влияний“ в расположенные в округе части. Большие затруднения встретились уже при организации Совета Солдатских Депутатов; как и всюду, со стороны офицерства были проявлены тенденции к замене его Советом Военных Депутатов. В частности, командовавший округом друг Керенского, не то трудовик, не то народный социалист, полковник Оберучев был за курьезную систему при выборах в Совет, желая обеспечить возможно более полное представительство в нем офицерства. Сам Керенский посещал Киев и принимал личное участие в „обработке“ местных воинских частей. Комиссарами крупных частей и армий смежных фронтов назначались видные эсеры и меньшевики (Иорданский, Григорьев, Кириенко и др.).

Выделенная комитетом военная секция уже в первые месяцы революции развила активную работу. Почва для этой работы нашлась в первую очередь в расположенных в Киеве

технических частях — авиационных, понтонных, саперных, артиллерийских, укомплектованных, главным образом, из рабочих. В первомайской демонстрации под большевистскими знаменами участвовало до пяти тысяч солдат. Отдельные солдатские митинги принимали большевистские резолюции. С другой стороны, немало было частей, которые резко отрицательно относились к большевикам. Наступление (июньское) на Галицийском фронте, его неудачи, партии раненых, прибывшие с фронта в Киев — все это облегчало большевикам доступ даже в отсталые воинские части. В демонстрации 18 июня в большевистской колонне участвовало уже более значительное количество солдат, чем 1-го мая. Накануне, после корниловщины общее озлобление солдат против изменнического командного состава постепенно большевизировало почти все крупные части Киева и Юго-Западного фронта. Показателем этой большевизации был процесс Дзевялтовского, превратившийся в массовую вооруженную демонстрацию киевского гарнизона, заставившую суд керенщины вынести оправдательный приговор солдатам первого гвардейского корпуса, отказавшимся выполнить боевой приказ. В общем, накануне восстания большинство воинских частей гарнизона было настроено против керенщины и за восстание.

Однако, рядом с техническими частями, укомплектованными из рабочих, и пехотными дружинами, состоявшими из крестьян, в Киеве был целый ряд военных школ, преданных керенщине. Рядом, на фронте, находились привилегированные офицерские части, ударные, батальоны смерти, чехо- словацкие, сербские и т. п. Некоторые из этих частей были стянуты в Киев к моменту восстания и вместе с военными школами составляли главную опору штаба округа. Кроме того, штабом были мобилизованы георгиевские кавалеры и классовые силы буржуазии — учащиеся из буржуазных сынков, организованные в особые полки.

Следует также учитывать, что в Киеве в Октябрьские дни происходил съезд казачьих частей прифронтовой полосы. Этот съезд также был использован командованием в качестве военной силы. Со всеми этими частями (кроме разве сербских) Киевский комитет связи не имел, подготовительной работы среди них не вел, да это, впрочем, было бы и бесполезно в виду специфического состава этих частей.

Несколько другое положение было с вооруженными силами Украинской Центральной рады. Если на рабочих украинские националистические группировки не оказывали никакого ощутимого влияния, то среди солдат это влияние было довольно значительным. Стихийное стремление к украинизации стало проявляться в войсках Юго-Западного фронта с самого начала революции; уже в апреле в Киеве был организован первый украинский полк, при чем процесс украинизации все время усиливался.

Всеукраинские войсковые с'езды представляли сотни тысяч, а иногда и свыше миллиона солдат - украинцев. С этой силой приходилось уже считаться всерьез, и надо отметить, что Киевский комитет учел ее при подготовке восстания. В Октябрьские дни в Киеве заседал третий всеукраинский войсковой с'езд; на его заседание были присланы представители Комитета для выяснения настроения украинских воинских частей и для привлечения их на сторону восстания или хотя бы для нейтрализации их. Правда, президиум с'езда, состоявший из видных шовинистических деятелей, уже предвидевших возможность захвата власти Центральной радой в результате борьбы большевиков с керенщиной, решил отказаться от каких-либо авансов большевикам и попытался сорвать выступление последних. Однако, симпатии рядовых участников с'езда к большевикам убедили комитет в том, что во всяком случае противодействия восстанию со стороны данного с'езда ожидать не приходится. Еще лучшие результаты дала установленная комитетом связь с отдельными украинскими частями Киевского гарнизона. Эти части прислали своих представителей в большевистский Военно-Революционный Комитет и предлагали ему свою поддержку в восстании. Не последнюю роль в создании такого настроения среди украинских воинских частей сыграли выступления большевиков в Киевском Совете с протестом против запрещения керенщиной 2-го войскового с'езда в июне. Таким образом, уже в ту раннюю пору, когда противоречия между мелкобуржуазным национализмом и борьбой за пролетарскую диктатуру еще не приняли форм открытого конфликта, минимальное внимание парторганизации к национальному вопросу давало свои положительные результаты. К сожалению, это обстоятельство не было в достаточной мере учтено киевской, как и всеми, впрочем, парторганизациями на Украине.

Во всяком случае общее соотношение вооруженных сил, которые могли принять участие в борьбе за власть, было в пользу большевиков. Определялось это соотношение в дни восстания на - глаз следующим образом: силы штаба военного округа (военные школы, ударные батальоны, чехо словацкие и сербские полки, казачий с'езд, полк георгиевских кавалеров и отряды учащихся) — до 20.000 штыков, а силы Военно-Революционного Комитета (включая полунейтральные и, во всяком случае, пассивные украинские части) — свыше 40 000 штыков. Несмотря на преимущества в смысле единства и высокой военной квалификации командования на стороже штаба, численное превосходство сил и революционный подъем восставших были слишком значительны для того, чтобы обеспечить победу.

Како, однако, место в силах Военно-Революционного Комитета занимал вооруженный пролетариат в лице Красной гв а д и и? Необходимо признать, что Красная гвардия, как таковая, в виде заранее организованных и подчиненных

единому командованию отрядов, занимала в восстании очень незаметное место. Этому вопросу, вернее, практической подготовке его, Киевский Комитет посвятил очень мало внимания. Вопрос о вооружении пролетариата ставился в порядок дня еще в июле 1917 г. На общегородской конференции была принята по докладу тов. Г. Пятакова резолюция, требующая, кроме вооружения пролетариата в целом, организации особых партийных отрядов. Такая постановка вопроса была вполне целесообразной в момент реакции, последовавшей после июльских дней, когда значительная часть пролетариата находилась под сильным (хоть и временным) влиянием антибольшевистских группировок. Однако, дело ограничилось избранием комиссии, работы которой Комитет не контролировал и почти ею не руководил. Вследствие этого Красной гвардии меньшевиками привиты были принципы беспартийности, аполитичности, перед нею ставились лишь задачи охраны порядка в городе, несения по существу милицейской службы. В первый же день восстания, когда юнкера и казаки начали окружать Александровский дворец, служивший опорной базой В.-Р. Комитета, находившийся там отряд Красной гвардии оставил дворец заблаговременно, чтоб не нарушать своей „аполитичности“. Партийно - большевистских вооруженных отрядов до восстания и в помине не было.

Чем объяснялось такое невнимательное отношение киевской организации к созданию и подготовке своих вооруженных классовых сил? Очевидно, тем, что все надежды в этом отношении возлагались на распропагандированные большевиками воинские части, на раскол армии противника (считаем необходимым еще раз отметить, что военная секция Киевского Комитета вела большую и активную подготовительную работу в частях гарнизона). Возможность привлечения противником значительных подкреплений с фронта парализовалась работой, которую вел Киевский комитет (и особенно Юго - западный Областной комитет партии) на Юго - западном фронте. Расчет был приблизительно верный, поскольку речь шла о борьбе против сил керенщины. В смысле же подготовки к борьбе против Центральной рады эта ориентация на воинские части уже не выдерживала критики, так как одним из стимулов поддержки большевиков войсками являлось стремление последних, в массе своей к демобилизации, к освобождению вообще от несения воинской службы. Само собой, после победы над керенщиной должен был начаться массовый процесс стихийной демобилизации, распада старой армии. Это обстоятельство не было учтено киевской организацией, поскольку ею вообще не учитывалась возможность вооруженной борьбы против украинской шовинистической контр - революции. В этом состояла коренная ошибка всех парторганизаций на Украине, не исключая киевской, ближе других соприкасавшейся с украинским

национальным движением. Ограничимся пока констатированием этого момента, поскольку нам придется еще вернуться к нему.

Было бы, впрочем, ошибкой предполагать, что пролетариат с оружием в руках не принимал массового участия в Октябрьском восстании. Участие это было и массовым и активным, особенно со стороны рабочих Арсенала. Однако, вооружены были (вернее, вооружались) рабочие уже в процессе самого восстания, при чем с установкой непосредственно на данное восстание, т.-е. на временное выступление. Вооруженные рабочие предприятий и союзов не были организованы в регулярные (даже в тогдашнем относительном смысле этого слова) красногвардейские части, не были снабжены постоянным командованием. Для этого в процессе восстания, при отсутствии предварительной подготовительной работы, не было ни времени, ни возможности. И пробел этот в значительной мере усложнил дальнейшую борьбу с новым противником. Центральная рада без большого труда разоружила и ставшие пассивными большевизированные воинские части, и не имевшие правильной военной организации вооруженные силы рабочих. Таким образом, к январскому восстанию 1918 г. пришлось всю работу по созданию пролетарских вооруженных сил начинать сызнова.

Вернемся, однако, к тактике киевской организации накануне и в дни Октябрьского восстания, поскольку это является непосредственной темой нашей статьи.

Киевская организация претендовала на руководящую роль среди парторганизаций Украины. Поскольку речь шла преимущественно о Правобережьи, такая роль была действительно присуща киевской организации, как крупнейшей и обладавшей наиболее сильным комитетом. Такую роль диктовало ей и территориальное ее расположение, так как Киев был центром политической жизни Украины. Тем не менее эта роль не была в полной мере осознана киевской организацией. Развитие киевской организации шло теми же путями и переживало те же этапы, что и прочие организации тогдашней России, работа велась в тех же приблизительно формах, как и всюду. Этим отчасти и объясняется неправильная оценка киевской организации ее роли в Октябрьской революции. Она склонна была рассматривать Киев, как один из крупных городов России, а не как центр Украины, другими словами, не учитывала в достаточной мере специфической местной обстановки. В этом была основная ошибка киевской организации, давно уже всеми признанная.

В первую очередь эта ошибка выражалась в том, что вопрос о восстании и об организации власти ставился в городском масштабе, а не во всеукраинском или хотя бы областном или губернском. Это не значит, что в киевской организации не было работников, которые ставили эти вопросы несколько

иначе. Рядом с Городским комитетом существовали Губернский и Юго-западный областной. Однако, во-первых, руководящий состав киевской организации уделял работе этих комитетов весьма незначительное внимание, относился к ней скептически, во-вторых, и эти комитеты дальше областной постановки вопроса не шли. Проблема украинской пролетарской государственности совершенно не стояла в порядке дня киевской организации, как и всех прочих парторганизаций Украины.

Попытаемся, однако, проследить взаимоотношения между Городским и Областным комитетами и разницу в оценке ими вопроса о характере и масштабе грядущей революции.

Юго-западный областной комитет большевиков организовался еще в апреле и до Октябрьского восстания провел четыре областных конференции. Однако, это был слабый орган, не осуществлявший фактического руководства областью. Провинциальные организации на правом берегу были немногочисленны и не оказывали, за редкими исключениями, решающего влияния на окружающую их политическую жизнь. Если влияние их еще чувствовалось в городах, то на деревню, вообще пассивную в этот период, оно совершенно не распространялось. В целом ряде провинциальных городов вплоть до восстания (или незадолго до него) существовали объединенные соц.-дем. организации, не входившие в большинство случаев в большевистское областное объединение. Таково было положение в более крупных городах — Одессе, Николаеве, Елисаветграде, Херсоне, Полтаве, Чернигове. В мелких городах, лишенных пролетариата, организации опирались почти исключительно на солдатские массы, подчас стихийно вступившие в партию, редко дававшие организациям постоянный состав и выдержанных работников. Вообще надо сказать, что базой работы Областного Комитета были воинские части в гораздо большей мере, чем пролетариат. В военной работе Областком, несомненно, достиг значительных результатов. У него была хорошо налаженная связь с Юго-западным фронтом, руководству его подчинялись такие крупные части, как 2-й Гвардейский корпус (почти в полном составе), стоявший в Жмеринке. Но и это влияние можно в значительной мере приписать личной работе тов. Е. Бош, а не деятельности Областкама, как такового. Крупнейшая из организаций Области, киевская, весьма скептически относилась к Областкому, не давала на областную работу видных работников (за исключением тех двух-трех человек, которые вошли в Областком с момента его организации и перманентно в нем оставались). На областных конференциях киевские работники неизменно занимали обособленную позицию, по всем важнейшим вопросам, вплоть до вопроса о восстании (на 4-й конференции), воздерживались от голосования и от поддержки предложений Областкама. Киевский комитет отказывал неоднократно в поддержке Областкому и в тех

случаях, когда последний непосредственно за этой помощью обращался. Вследствие отказа от поддержки Киевского Комитета. Областком оказался лишенным возможности издавать свой парторган; также отказался Киевский Комитет от издания совместной газеты с Областкомом, довольствуясь городским „Голосом Социал - Демократа“.

Такое отношение Киевского Комитета к Областному объяснялось следующими причинами. Во-первых, самый состав Областкома был несравненно слабее состава Киевского Комитета и не мог заставить последний считаться с собою. Далее киевская городская организация была многочисленнее и сильнее всех провинциальных организаций области, взятых вместе, и отказывалась принимать всерьез работу в области. Никонен, внимание и организации в целом и Киевского Комитета было сосредоточено на самом городе в котором были сосредоточены главные силы противников. Как мы уже упоминали, Киевский Комитет был убежден, что события в Киеве, исход борьбы в этом центре — решат автоматически и судьбу периферии.

Такое отношение Киевского Комитета к работе на периферии и сужение им своего охвата следует считать, несомненно, одной из ошибок киевской организации, но такая постановка вопроса была характерна для всей нашей партии в тот период. Ведь и Центральный Комитет уделял работе периферии второстепенное значение и тот же Киевский Комитет (как и Областной) получал весьма редкие и скудные директивы от ЦК, сосредоточившего свою главную работу в тогдашнем Петрограде и Москве¹⁾. Помимо отсутствия налаженного аппарата, такая линия ЦК объяснялась тем, что победа пролетариата в Петрограде и Москве действительно решала вопрос о власти во всей собственно России, так как третьей силы, претендовавшей на власть в России не было. Между тем на Украине была эта третья сила в лице Центральной рады, обладавшей к тому времени уже стройным, налаженным аппаратом с разветвлениями по всей территории Украины, в первую очередь — на Правобережье. Если бы киевская организация, как сильнейшая в области, обращала надлежащее внимание на работу на периферии, то это облегчило бы в дальнейшем борьбу против украинской националистической контр-революции если не во всеукраинском масштабе, то, по крайней мере, на Правобережье, являвшемся, повторяю, опорной базой Центральной рады. Необходимо, следовательно, признать, что в вопросе о масштабе борьбы за власть у Областкома была более правильная позиция.

¹⁾ Ведь и тов. Ленин в те дни писал: „Вопрос в том, чтобы задачу сделать ясной для партии: на очередь дня поставить вооруженное восстание в Питере и Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства“.

(Письмо в Ц. К. П. К. и М. К. РСДРП (6-ков), сентябрь 1917 г.)

Но являлась ли эта позиция вполне правильной? Исходил ли Областком из перспектив возможной борьбы за власть против Центральной рады? Нет, он как и Киевский комитет, делал установку на борьбу только против керенщины, считая лишь, что периферия в этой борьбе будет играть более значительную роль, чем это предполагал Киевский Комитет. В этом, и только в этом, заключалась разница в постановке обоими комитетами вопроса о масштабе борьбы за власть. Как видим, разница недостаточно значительная для того, чтобы давать основания для квалификации Областкама, как левого, а Киевского Комитета как правого. В этом отношении нам придется разойтись с тов. Е. Бош, дающей такие определения линии обоих комитетов в своей книге „Год борьбы“¹⁾.

То же самое следует сказать и о прочих принципиальных вопросах, по которым в процессе работы намечались разногласия между Областкомом и „левой“ (по классификации т. Бош) частью киевской организации с одной стороны и Киевским Комитетом с его „правыми“ приверженцами — с другой.

Основной и наиболее крупной ошибкой киевской организации (как и всех прочих организаций Украины), оказавшей влияние на весь дальнейший ход революции на Украине, является отсутствие определенной и отвечающей требованиям момента тактики по национальному вопросу. Но эту ошибку разделяла организация в целом и оба комитета. Здесь не было ни правых, ни левых. Организация просто не учитывала специфических условий и особенностей украинской обстановки, не замечала происходившего и развивавшегося на ее глазах национального движения. Не замечала она и подготовки Центральной рады к захвату власти в свои руки. Это признает и сама т. Бош. Таким образом, независимо от того, какое из двух течений в организации одержало бы верх, независимо от того, какой из двух комитетов оказался бы руководящим, Октябрьское восстание не привело бы к окончательной победе пролетариата и не исключило бы необходимости последующей борьбы за власть против националистической контр-революции. Можно сказать еще больше, а именно, что в среде членов Областкама и „левого“ течения киевской организации особенно

¹⁾ Евгения Бош „Год борьбы“, ГИЗ — Ленинград, 1925 г. стр. 35 и др. При всем моем глубоком уважении к памяти погибшего товарища, игравшего такую выдающуюся роль и в руководстве киевской организацией и в украинской революции вообще, я все же счел возможным попытаться внести некоторые коррективы в те из утверждений тов. Бош, которые находят несколько иное, чем у нее, толкование и освещение в других источниках и документах описываемого периода. Полагаю, что эти коррективы отнюдь не уменьшат несомненной ценности работы тов. Бош, поскольку „Год борьбы“ продолжает оставаться наиболее подробной, проработанной и богатой материалами книгой о данном периоде революции на Украине.

Провідна група членів Київського
 Комітету РС-ДРЛ
 (більшовиків)
 з травня по грудень 1917 року

ЗАСТОВНИЙ Б. Е.

ПУСТАЛОВ Л. Л.

ЛЕМОВ А. М.

ГОРБУНОВ А.

ФРАЙЗЛЕР (ФАЙЗАЛ) О.

КОНІ Г. Г.

ЛАВРЕНТІЙ.

ГАРАМОВ Н.

ЖАРІНОВ М.

ПЕСТАКОВ Г. Л.

ВАШУРОВ.

КРИВОБЕРГ І.

сильно распространен был люксембургский уклон в национальном вопросе¹⁾

Неоднократно бывали случаи, когда Областком и „левое“ течение занимали по тем или иным вопросам далеко не левую и, во всяком случае, не более выдержанную позицию, чем „правые“. Так было после июльских дней, когда тов. Г. Пятаков и „правые“ стали на позицию тов. Ленина, считая, что от лозунга „вся власть Советам“ необходимо временно отказаться, между тем, как Областком и „левые“ продолжали настаивать на этом лозунге, подвергаясь опасности впасть в богдатевский уклон. С другой стороны, „правые“ заняли действительно правую и неверную позицию в оценке задач текущего момента в период VI съезда партии, возражая против лозунга диктатуры пролетариата во главе с революционной социал-демократией и считая возможным переход власти к Советам мирным путем. Впрочем, как утверждает сама т. Бош, „решения партсъезда не вызвали никаких возражений“, и резолюция, одобрявшая эти решения, постановлявшая „приложить все силы к тому, чтобы привести киевский пролетариат и киевский гарнизон в полную боевую готовность“, была принята общегородской конференцией единогласно при небольшом количестве воздержавшихся (стр. 39).

В вопросе о допустимости участия партии в предпарламенте большинство Киевского Комитета также допустило ошибку, высказавшись за участие в нем. По этому вопросу дошло даже до резкого конфликта с отказом большинства членов Киевского Комитета от своих полномочий. Однако, и этот вопрос был правильно разрешен экстренной общегородской конференцией, сумевшей ликвидировать конфликт.

Что же касается „двух точек зрения“, существовавших в Киевском Комитете по вопросу о тактике большевиков в Украинской Центральной раде, то об этом киевской организации в целом совершенно не было известно. Больше того, можно считать, что никакой определенной тактики большевистская делегация в Центральной раде не имела, не имели вполне выкристаллизовавшейся точки зрения на этот предмет и оба комитета. Они не сочли даже нужным реагировать на первый

¹⁾ Впрочем, эту ошибку разделяли с Киевской и те организации, которые не причастны были к люксембургству, особенно организации Левобережья и Донбасса, уделявшие нац. вопросу еще меньше внимания, чем Киевская. Так тов. С. Гопнер пишет о Катеринославской организации: „Крупнейшим политическим упущением было наше игнорирование, вернее, полное забвение национального вопроса. Мы, екатеринославцы, в особенности первую неделю революции, ни разу не вспомнили, что мы работаем на Украине. Екатеринослав был для нас крупнейшим городом юга России — и только. Уже позже, в июне — июле — июле — июле, когда стали давать о себе знать украинские с.-д. и с.-р., мы столкнулись с необходимостью считаться с этим вопросом. Но и тогда, поближе к Октябрю, мы плохо ориентировались в этом вопросе и наделали массу ошибок“. „Л. Р.“, № 2 за 1927 г., стр. 28 — 29.

универсал Центральной рады, между тем, как Центральный Комитет откликнулся на этот акт статьей т. Ленина в „Правде“ от 15 июня (без подписи), где говорилось, что универсал „представляет собой прямое разоблачение“ политики Временного Правительства, „документальное свидетельство ее краха“; а также что „ни один демократ, не говоря уже о социалисте, не решится отрицать полнейшей законности украинских требований“. Из позиции ЦК по отношению к национальному движению на „окраинах“ Киевский Комитет извлек только сознание необходимости использования этого движения для подрыва политики Временного Правительства; но и это использование происходило спорадически и без определенного плана. Наиболее ярким его проявлением было уже упомянутое выше выступление в Совете против запрещения второго войскового украинского съезда. Относительно же вопроса о вхождении в Малую раду, служившего по утверждениям т. Бош (стр. 41) предметом спора, можно с уверенностью сказать, что этот вопрос вплоть до Октябрьских дней разрешался обеими группами отрицательно и разногласий по существу здесь не было. Большевики вошли в Малую раду только накануне восстания и пробыли в ней всего один день. Это вхождение действительно следует считать ошибкой, но непосредственно пагубного результата оно иметь не могло. Скорее это было лишь одним из звеньев общей нечеткой тактики по отношению к Центральной раде.

Были ли действительно у Киевского Комитета в Октябрьские дни иллюзии относительно возможности мирного перехода власти к Совету? На этот вопрос ответить трудно. Никаких документов, дающих нам ясное представление о внутренних процессах, происходивших в те дни в руководящей верхушке киевской организации, не сохранилось. Воспоминания участников противоречивы и также не дают ясного ответа на наш вопрос. Одно лишь ясно — точного, детально разработанного плана восстания Киевский Комитет не имел. Первой своей задачей он считал воспрепятствование переброске верных керенщине воинских частей с Юго-западного и Румынского фронтов на север, к Петрограду и Москве. Эта задача была выполнена на все сто процентов.

Остальные известные нам (и несомненные) факты свидетельствуют о попытках Комитета активно участвовать в ряде проявлений общественной инициативы, ставящих себе целью ту или иную реакцию на события, происходившие в центре. С этой целью представители Комитета вошли в Ревком, созданный Исполкомом Совета из представителей всех партий, входивших в Совет, и ряда общественных организаций. Следует ли считать это вхождение грубой ошибкой и чуть ли не „коалицией с мелко-буржуазными партиями“? Вряд ли. Цель вхождения в этот „демократический“ Ревком сводилась не только к обеспечению

для большевиков возможности контролировать действия Ревкома (как объясняет это т. Бош, стр. 42—43), но и в первую очередь к использованию аппарата и авторитета Исполкома, Ревкома и общественных организаций для недопущения контр-революционных или просто неосведомленных о сущности событий вринских частей на север.

С теми же приблизительно целями вошли большевики и в Краевой комитет спасения революции, созданный украинской Центральной радой. Вхождением в этот Краевой комитет большевики добились, во всяком случае, одного положительного результата. Путем воздействия через Центральную раду был нейтрализован казачий съезд, принимавший участие в так называемом „Съезде Народов“, организованном той же Центральной радой. Об этом моменте нам дает справку М. Рафес:

„На заседании Малой рады Грушевский напомнил им (казакам — И. К.) что они не вправе действовать вооруженной силой на территории другого народа, и угрожал конфликтами в будущем. Возможно, что здесь в этот момент и состоялось какое-либо тайное соглашение между казаками и украинцами (т.-е. Центральной радой — И. К.) для взаимной охраны против большевизма: казаки действительно стали переходить на нейтральную позицию, когда убедились, что власть переходит не к большевикам, а к Ц. Р.“¹⁾.

Ошибкой было, как мы уже упомянули, вхождение большевиков в Малую раду. Платя этим националистам за возможность использования их аппарата для целей обеспечения (или, вернее, облегчения) победы восстания на севере, Киевский Комитет не учел, что посылкой своих делегатов (т.т. Пятакова и Затонского) в Малую раду он поднимает авторитет своего будущего конкурента в борьбе за власть и дает националистам право говорить от имени „всех демократических сил страны“.

Сомнительность утверждений, что всеми этими маневрами Киевский Комитет действительно пытался избежать вооруженной борьбы за власть, подтверждается тем, что сами представители мелкобуржуазных группировок в такую возможность не верили и считали необходимым принимать меры к „разоблачению“ повстанческих планов киевских большевиков. Здесь опять — т.-к. весьма характерным является сообщение Рафеса:

„Вначале казалось, что участие большевиков в Ц. Р. означает их отказ от вооруженной борьбы на Украине,

¹⁾ М. Рафес. „Два года революции на Украине“, ГИЗ, Москва, 1920 г. стр. 47.

отказ от стремления к захвату власти здесь. С течением времени выяснилось заблуждение, и по инициативе „Бунда“ в Малой раде поставлен был вопрос об осуждении Петроградского восстания. Обсуждение этой резолюции и ее принятие привело к разрыву между Ц. Р. и большевиками и к уходу последних как из Ц. Р., так и из Краевого комитета спасения революции“ (стр. 48).

Резолюцию эту приводит В. Винниченко:

„Визнаючи, що влада як у державі, так і в кожному окремім краю повинна перейти до рук усієї революційної демократії, уважаючи недопустимим перехід усієї влади виключно до рук Рад робітничих і солдатських депутатів, які являються тільки частиною зорганізованої революційної демократії, Українська Центральна рада через це висловлюється проти повстання в Петрограді¹⁾.“

Другими словами, во-первых, Киевский Комитет не отказывался от восстания, во-вторых, никаких принципиальных уступок мелкобуржуазным группировкам не было сделано. Когда Центральная рада попыталась дать хотя бы теоретически отрицательную оценку Октябрьскому восстанию, представители Киевского Комитета тотчас же оставили и самую Центральную раду и созданный ею общественный орган. Во-вторых, из приведенных утверждений двух свидетелей событий явствует, что киевские большевики своими приготовлениями к событиям давали повод к подозрениям их в организации восстания. Тов. Майоров просто говорит о том, что вопрос о восстании был решен Киевским Комитетом без колебаний. Даже в смешанном Ревкоме (выделенном Исполкомом Совета), состоявшем из трех большевиков, трех меньшевиков и одного украинского с.-р., большевистская фракция ставила решительно требование о немедленном захвате власти Советом. Когда же меньшевики, члены Ревкома, стали саботировать это требование, большевики вышли из Ревкома и собрали 26-го октября пленум Совета, на котором был решен положительный вопрос о переходе власти в руки Совета и избран был новый, большевистский по составу Ревком. „Во главе Ревкома, — пишет т. Майоров, — стоял т. Пятаков. Решено было начать в о с т а н и е с общей забастовки. Был избран Забастовочный комитет“²⁾. Таким образом, если полагаться на утверждение тов. Майорова, в большевистском Ревкоме (слагавшемся по существу из членов Киевского Комитета) конкретно ставился вопрос о восстании и намечался план практического осуществления его. Ряд других участников событий подтверждает в своих

¹⁾ В. Винниченко. „Відродження нації“, Київ - Відень 1920, частина II стор. 68.

²⁾ М. Майоров. Цитированная книжка, стр. 58. (Курсив мой И. К.).

воспоминаниях факты, сообщаемые тов. Майоровым. Так, т. Ян Гамарник говорит: „Мы готовили выступление“¹⁾. Тов. В. Затонский в очень детальных и интересных воспоминаниях также утверждает с достаточной категоричностью: „К концу Октября для всех стало ясно, что без вооруженной борьбы не обойтись“²⁾... и далее сообщает подробности подготовки к этой борьбе. Необходимо учитывать, что все трое (т. т. Майоров, Гамарник и Затонский) были членами Киевского Комитета большевиков. Наконец, тов. Сивцов, ссылаясь на воспоминания тов. Кутузова, также свидетельствует о подготовке восстания: „... 28 октября решено перейти уже к активной обороне, захватить инициативу выступления в свои руки... Последние распоряжения Ревкома относительно плана и тактики были даны часа в 4 28 октября... В план активной обороны, кроме вооруженного выступления, входило также об'явление всеобщей забастовки... Усиленная деятельность Ревкома и лихорадочная подготовка к восстанию на местах (т.-е. в рабочих районах города - И. К.) совершались открыто“³⁾.

Другой вопрос, насколько интенсивной и активной была проводимая Киевским Комитетом и новым Ревкомом подготовка к восстанию, насколько способны были эти органы предвидеть и предупредить тот оборот, какой приняли события. Здесь можно согласиться с т. Бош, что подготовка к вооруженному выступлению велась недостаточно активно, что, возможно, т. Г. Пятаков и часть членов Киевского Комитета проявляли некоторую умышленную медлительность и предпочитали предоставить противнику сделать первый выстрел. Во всяком случае, в первые два дня после избрания Ревкома ни телеграф, ни телефон, ни вокзал, ни банки не были заняты Ревкомом, не делались и попытки к захвату штаба Киевского военного округа.

Результаты этой медлительности известны. Инициатива была временно захвачена штабом Киевского округа, который произвел нападение на дворец (служивший опорной базой большевистских сил) и взял в плен Ревком почти в полном составе. Известно также и дальнейшее течение событий. Организацией был выделен новый Ревком, об'явивший всеобщую забастовку, поднявший восстание и одержавший победу над силами керенщины. Только активное вмешательство в события Украинской Центральной рады, захватившей власть в свои руки, свело на нет эту героическую победу киевских рабочих и солдат, восставших под руководством организации большевиков.

Резюмируя, считаю необходимым оговориться, что отсутствие документальных данных об описываемом периоде лишает

¹⁾ Ян Гамарник. „25 - е Октября 1917 г.“, Киевский „Коммунист“, № 3 за 1920 г., стр. 110.

²⁾ Вл. Затонский. „Октябрь 1917 г. в Киеве“, там же, стр. 142.

³⁾ Сивцов. „Десять лет“, рукопись в распоряжении Истпарта, ст. 15—16.

меня возможности дать ясную и полную оценку состояния и тактики киевской организации большевиков в Октябрьские дни 1917 года. Но и те немногочисленные и отрывочные материалы, какие находятся в нашем распоряжении, показывают:

а) что разделение киевской организации на правую и левую группы следует считать условным и не дающим достаточных оснований судить о действительной сущности имевшихся в организации разногласий;

б) что ошибки руководящего состава киевской организации не являлись специфически киевскими и были свойственны всем организациям большевиков на Украине, и, наконец,

в) что масса членов организации и киевских революционных рабочих вообще своим нажимом снизу вносила неоднократно вместе с руководящим составом в эти ошибочные положения необходимые коррективы, обеспечившие в конце концов победу революционного марксизма и пролетарской диктатуры в Киеве и на Правобережье, точно так же, как революционно-коммунистическое самосознание пролетарских масс, большевистское руководство и гениальные указания т. Ленина исправили ошибки парторганизаций Украины и обеспечили победу диктатуры пролетариата, победу УССР.

РУМЧЕРОД І РАДНАРКОМ ОДЕСЬКОЇ ОБЛАСТИ В БОРОТЬБІ ЗА ЖОВТЕНЬ

Лютнева революція викликала до життя цілий ряд організацій, покликаних замінити прогнилу самодержавно-бюрократичну державну машину. Одною з таких організацій був „Румчерод“, що виник в травні 1917 р. Діяльність його, згідно з розподілом території, що його прийняла Всеросійська нарада Рад робітничих і солдатських депутатів, поширювалася на румфронт, чорноморську флоту і губерні: Херсонську, Басарабську, Таврську, частини Подільської та Волинської губернь з центром у м. Одесі. Вже один перелік цих місцевостей повинен дати нам уяву про ті надто складні умови, в яких довелося робити Румчеродові особливо після завоювання його комуністичною партією.

Межуючи з Румунією, що на її території були розташовані російські частини й запільні установи, Румчерод, з огляду на цілий ряд умов, — одною з них була відірваність від центра, — мусив самостійно встановлювати взаємовідносини з Румунією, союзними державами і в зв'язку з цим розв'язувати цілий ряд питань, що мали загальнодержавне значіння. Маючи в себе в запіллі Київщину, де панувала Центральна Рада, Румчерод повинен був поставити перед собою завдання нейтралізувати її впливи на свої території.

Межуючи з Чорноморським узбережжям і Донеччиною, Румчерод був утягнутий в розв'язання питань, зв'язаних з загальною боротьбою радянської влади з контр-революцією на Півдні.

Діяльність Румчерода можна поділити на два періоди: перший період, коли на чолі його стояли есери й меншовики (з травня 1917 р. до 12 грудня) і другий, коли на чолі Румчерода стояли більшовики (з 12 грудня 1917 р. до кінця травня 1918 р.).

Перший з'їзд Румчерода пройшов цілком під гаслом оборонців. До президії виконавчого комітету Румчерода ввійшли есери й меншовики. На голову його було обрано есера Лордкандзе. Жодного з присутніх на з'їзді більшовиків до президії не обрали.

Але оборонському Румчеродові протягом всього періоду своєї діяльності не вдалося стати за владу й здійснити основний пункт наказу з'їзду Румчерода, що полягав у тому, що центральний виконавчий комітет повинен стати за вищий орган, який контролює всі установи,— і урядові, і суспільні.

Здійснення цього наказу натрапило на непереможний опір місцевих Рад. Центральний виконавчий комітет чорноморської флоти, не зважаючи на участь делегатів флоти в роботах першого з'їзду Румчерода, не визнавав останнього й не підлягав йому. Лише після корніловських днів, як це видно з доповіді виконавчого комітету першого скликання на 2-му з'їзді Румчерода, „коли нам удалося продемонструвати єдність революційної демократії, коли вдалося виявити силу всієї революційної організації, коли нас визнали, коли з нами стали рахуватися, і з того часу нема жодної установи, в якій би не брали участі наші представники, наші комісари“¹⁾, Румчерод було визнано, але не як носія найвищої влади, а як одну з багатьох революційних організацій, що існували й діяли на території області. В цей період Румчерод обслуговував і репрезентував фронт. Цей характер діяльності почасти підтверджується конструкцією апарату виконавчого комітету цієї організації. Виконавчий комітет було розбито на такі секції:

1. Контрольна,— її функції полягали в тому, щоб наглядати за діяльністю начскладу і при потребі усувати непідходящих і нездатних.

2. Організаційна, що мала своїм завданням організувати демократичні організації в армії й керувати ними.

3. Секція об'єднання й організації работ що до підготовки до виборів в Установчі Збори.

4. Секція зв'язку, що до її функцій входило наглядати над здійсненням розпоряджень виконавчого комітету Румчерода.

5. Транспортна.

6. Секція постачання.

7. Секція боротьби з дезертирством.

8. Санітарна.

9. Секція організації виробництва.

10. Харчова.

11. Земельна.

12. Освітня.

13. Технічна²⁾.

На командування, що було в руках переконаного монархіста генерала Щербачова, угодовський Румчерод мав надзвичайно малий вплив, виконуючи по суті роль „головного командувача“. Політика Румчерода в питанні про війну зводилася до виконання резолюцій першого з'їзду, де основними

¹⁾ Стенограма другого з'їзду Румчерода.

²⁾ Архив Одеської Ради робітничих депутатів, справа № 9 стор. 56.

пунктами були: рішучий осуд братання й заклик до салдат не відмовлятися від наступів. В питанні про землю угодівський Румчерод стояв на сторожі інтересів поміщиків, посилаючи скрізь, де в цьому була потреба, загони для охорони їх маєтків.

В звязку з посилюваною більшовизацією настроїв на фронті Румчеродові доводилося вдаватися до тактики лавірування. Під натиском мас було звільнено заарештованих за більшовицьку пропаганду, більше того, до керівництва роботою в деяких секціях довелося припустити й більшовиків. Але вплив угодівського Румчерода в масах з кожним днем падав і остаточно Румчерод розгубив всі лишки свого авторитету, коли в Жовтневі дні він ухвалив резолюцію засудити пролетарську революцію: „Румчерод негативно ставиться до подій, що відбуваються, до рішучої боротьби з усякими спробами насильного захауу владн, звідки б вони не виходили“¹⁾.

БОРОТЬБА З УКРАЇНСЬКОЮ РАДОЮ

Перед Жовтневими днями в Одесі і в області утворилося своєрідне становище. Пролетаріят ще не був підготовлений взяти владу. Значна частина його була ще під впливом угодівців. Більшовицький настрій салдат ще не оформився організаційно. На чолі полкових, дівізійних і інших комітетів все ще стояли угодівці. Виділені в армії національні українські частини, посідаючи пункти, що мали велике стратегічне значіння, становили реальну силу. Отже, на владу, що випала з рук представників Тимчасового Уряду, претендували: угодівський Румчерод, що мав у своїм розпорядженні ще деякі частини (юнкери), які опиралися на міські саморядування і по суті репрезентували буржуазію всіх відтінків, що в її руках було зосереджено управління господарським життям; Ради робітничих, салдатських, матроських і селянських депутатів²⁾, що спиралися на по-більшовицькому настроєні частини залоги, Червону гвардію і пролетаріят (металісти, залізничники, моряки) і Українська Рада, що спиралася на гайдамацькі курені.

¹⁾ „Одесские Новости“ від 27/X 1927 р.

²⁾ Одеська Рада робітничих депутатів перед Жовтневою революцією нараховувала 232 с. - д., з них більшовиків 5, меншовиків 71, інтернаціоналістів 18, решта „с. - д.“ не зазначили своїї приналежності до певної фракції співчуваючих с. - д. 102, есерів 244, співч. есерам 76, Бунд 31, серп. 8, анархістів 9, поалей-ціоновців 7, сіоністів 1, трудовиків 6, к. - д. 1, позапартійних 92.

В той період одеська Рада була під порівнюючи великим впливом більшовиків. Але через те, що більшовики, ліві есери і інші партійні угруповання, що стояли на платформі безперечного визнання радянської влади, все таки не становили більшості і постанови зрештою залежали від „попутників“, що лише симпатизували радянській владі, в цілому ряді питань одеська Рада не мала ясної і виразної лінії.

Рада салдатських депутатів цілком була під впливом більшовиків.

Рада селянських депутатів орієнтувалася цілком на Раду робітничих депутатів.

Але співвідношення сил було не на користь Рад. Українська Рада, що містилася в Одесі, ще в період керенщини встигла організувати свої гайдамацькі курені. Скоро після повалення Тимчасового Уряду, українці захопили штаб військової округи, арсенал і інші установи. Але, все-таки, почувавши непевність своїх сил, Українська Рада стала на шлях переговорів з Радою та Румчеродом. Ради, не вважаючи за можливе за даної ситуації брати владу, були примушені піти назустріч цій політиці. Угодовський Румчерод ще в Жовтневі дві висловився за сукупну роботу з Українською Радою. Наслідком цієї угоди стало утворення тимчасового революційного комітету, так званої „Ради десяти“, організованої на паритетних засадах. До неї входило 5 представників від Української Ради і 5 представників од Ради та Румчерода, при чому представниками від Ради були більшовики. На таку ж путь організації влади стали і деякі міста області (Миколаїв і інш.). Треба відзначити, що після повалення Тимчасового Уряду зв'язок між різними місцевостями області ослаб і всі основні питання обласного життя, так чи инакше зв'язані навіть з загальнодержавними інтересами, воги розв'язували на місці. Влада „Ради десяти“ фактично поширювалася лише на Одесу.

Але утворення цього комітету зовсім не поліщило становища, що на той час утворилося. Весь хід подій ясно й виразно підкреслював той момент, що питання про перехід влади можна розв'язати лише озброєним шляхом і обидві сторони — українська контр-революція і Ради — діяльно готувалися, збираючи й концентруючи навколо себе свої сили.

Перша сутичка сталася в питанні про призначення коменданта. Ради за згодою штабу округи, призначили свого коменданта. А Українська Рада намагалася обернути на комендатуру організований нею військовий комісаріят. Утворилося надзвичайне складне становище. Уккрада явно саботувала „Раду десяти“ і одверто готувалася до захоплення влади, стягаючи свої сили в місто. Але готування Уккрази не могло залишитися непомітним для Рад, що гарячково організовували свою червону гвардію.

29 листопада відбулися загальні збори Ради. Ці збори ухвалили постанову про встановлення радянської влади в Одесі і, не зважаючи на заперечення військової Ради, затвердили постанову об'єднаних президій Рад робітничих, салдатських і селянських депутатів про організацію загонів з добровольців-матросів, салдат і червоногвардійців для відправки на Дін, а також висловилися за злиття Української військової Ради з Радсю салдатських депутатів¹⁾. Угодовський Румчерод в цьому питанні зайняв подвійне становище, ухваливши резолюцію про те, що „Румчерод буде всіма силами сприяти боротьбі

¹⁾ Голос Пролетарія № 48 за 30|XI 1917 р.

з контр-революцією, але до посилки загонів на Дін потрібно виділити делегацію, яка повинна на місці в'яснити становище; Румчерод протестує проти огульного обвинувачення в контр-революції козацтва“¹⁾.

Українська Рада в боротьбі проти цих постанов керувалася загальною політикою Центральної Ради, а в питанні про формування загонів вони виходила з можливості виступу проти неї новозформованого загону, що для нього сама ж видала зброю. Вся суть суперечки полягала в тому, що Ради не мали зброї і для загону її повинна була дати Уккрада.

Начальник Червоної гвардії тов. Кангун на засіданні виконавчого комітету робітничих депутатів 28/XI заявив: „якщо нам не дадуть боротися з Каледіном, то ми будемо боротися з Каледіном в Одесі“ (тоб-то з Уккрадою²⁾).

Більшовицька пропаганда, що почала розкладати гайдамацькі курені, і останні постанови Ради без сумніву примусили Уккраду, що урахувала перевагу своїх озброєних сил і сподівалася на нейтралітет моряків, прискорити розв'язання питання про владу. А для цього треба було спровокувати Ради на передчасний виступ і цим зламати їхню силу.

Президія Рад разом із Румчеродом, розуміючи наміри Уккради, утворила революційний штаб, що мав своїм завданням організувати сили для одсічі спроб захопити владу³⁾.

У штаб ввійшли від Червоної гвардії і Рад більшовики (Ачканов, Кангун і инш.), від Румчерода один с.-р. і один с.-д. меншовик. Вступ і участь оборонського Румчерода в революційному штабі з'ясовується тим, що настрої буржуазних кіл, які раніше симпатизували гайдамакам, бо бачили в них силу, що може бути протиставлена Радам, через виявлений гайдамаками антисемітизм і погроми (одеська буржуазія складалася майже виключно з євреїв), змінився на користь Рад (? — Ред.). Але на першому ж засіданні революційного штаба в питанні про військові дії виникли суперечки. Представники Червоної гвардії і частина представників Рад запропонували почати збройне повстання, не дожидаючи виступу гайдамаків. Представники Румчерода були проти цієї пропозиції. Голоси поділилися, і питання про повстання не розв'язали. На другому засіданні, у відсутності представників Румчерода, було вирішено не входити в сутичку з гайдамаками, бо робітничі маси не були підготовлені до виступу і Рада скептично ставилася до можливості захопити владу й стягнути свої сили в порт і на Пересип⁴⁾.

Історія подій 1 грудня в спогадах сучасників і за замітками газет ясно говорить нам, що перші напали гайдамаки,

1) „Голос Пролетарія“, № 48 за 30/XI 1917 р.

2) Протоколи виконавчого комітету Ради робітничих депутатів.

3) Стенограма спогадів одеської групи сприяння Іспарту (Ачканов).

4) Теж.

що цілком відповідало всій тодішній обстанові. Зовсім неправильно оцінка подій 1 грудня, наведена в докладі Румчерода й Раднаркому одеської області, в тій частині, де говориться, що „події 1 грудня були скороспілою спробою Червоної гвардії, поза всяким закликком провідних установ, скинути владу Уккради“.

Неправильно, що Червона гвардія діяла поза всякими закликками провідних установ. Хіба постановою пленуму трьох Рад установити радянську владу й утворити революційний штаб не є заклик повалити владу Уккради? Також не правильно, що Червона гвардія виступала без підготовки і що через те цей виступ був „скороспілою спробою“. Адже Червона армія по суті не нападала, а оборонялася і всі її дії були підпорядковані завданням оборони. А роззброєння сербських батальонів ¹⁾ 30-го листопада було спричинено намаганням Червоної гвардії дістати зброю, в якій вона відчувала велику недостачу, і водночас потребою роззброїти можливих ворогів. Постанова не приймати бою була цілком доцільна, з огляду на явну перевагу озброєних сил Уккради.

Неправильним була тільки постановою евакуювати зайняті приміщення, в чому, як показав дальший хід подій, не було жодної потреби. Докорів гідна не Червона гвардія, що своєю готовністю до бойових дій примусила Уккраду з собою рахуватися, а Рада, що скептично поставилася до можливості здійснити свої власні постанови і нічого не зробила для пропаганди цих постанов у робітничих масах.

У всякому разі результатом подій 1 грудня був фактичний перехід влади до рук Уккради і в Одесі і в усій області. Керівництво Радою салдатських депутатів також переходить до рук Уккради, бо до першого входила Українська Військова Рада, що своєю численністю змінила на свою користь співвідношення сил в Раді салдатських депутатів, яка до цього часу стояла на боці більшовиків. Навіть Рада робітничих депутатів завагалася, що відбилося в тому, що одеська Рада взяла участь у переговорах з Центральною Радою про утворення вільного міста. Цим самим Рада відмовилася від боротьби з Центральною Радою і визнавала її за носія найвищої державної влади на Україні. Те, що Рада примушена була піти на компроміс і затамувати свою фактичну владу утворенням „Ради десяти“ на паритетних засадах, організованої на принципах, що, як правильно зазначають автори докладів Румчерода і Ради Народніх Комісарів одеської області, є викривленням ідей радянської влади, з'ясовується, по-перше, втручанням моряків, надто команди панцерняка „Сіноп“, що стала рішуче на бік Рад і заявила, що коли Уккрада не втихомирить гайдамаків, то спілка моряків не випустить на берег жодного фунта

¹⁾ „Одесские Новости“ за I/XII.

вугілля і харчів і не перевезе на своїх суднах жодного українського салдата, а по-друге, резолюціями профсоюзів і робітничих зборів. В цих резолюціях говорилося, що коли Рада не припинить із зброєю в руках здійснювати свої національні тенденції, то місцевий пролетаріят оголосить загальний страйк¹⁾).

Вся боротьба в цей невеликий період звелася до боротьби за маси й за їхні організації. Одеській організації більшовиків, що стояла на чолі руху, треба було розглядати такі основні завдання: 1) оволодіти Румчеродом, 2) організувати робітничі маси для виступу, 3) розкласти сили ворога — гайдамацькі курені. З цих трьох завдань вдалося цілком виконати лише перше. Що до останніх двох нам вдалося провести велику роботу над розкладом гайдамацьких куренів і організацією робітничих мас.

Склавши блок із лівими есерами для спільної боротьби з угодовським Румчеродом на основі визнання влади Народніх Комісарів, одеська організація більшовиків за цей короткий час оволоділа армійськими організаціями, провела резолюції недовір'я угодовському Румчеродові на всіх фронтових з'їздах і підготувала скликання другого фронтово-обласного з'їзду.

ДРУГИЙ З'ЇЗД РУМЧЕРОДА

Другий фронтово-обласний з'їзд розпочався 12 грудня 1917 р. З'їзд було скликано в надзвичайно напруженій обстанові; ще були втяжку події 1 грудня і засідання з'їзду відбувалися під загрозою розгону його українцями. На з'їзді в переважній більшості була репрезентована рядова маса: з 880 делегатів лише 55 було від корпусних, дивізійних, армійських комітетів національних організацій, а решта всі делегати були безпосередньо від частин. Ради робітничих і салдатських депутатів з залізничними організаціями були репрезентовані 220 делегатами, а селянство — 102 делегатами (на 1-му з'їзді Румчерода від селян було всього 10 представників).

Більшовицький настрій салдат виразно відбився на складі з'їзду. Коли на першому з'їзді Румчерода абсолютна більшість належала есерам і меншовикам, то на другому ми бачимо пересування вліво: абсолютна більшість належала більшовикам і лівим есерам. За даними мандатної комісії на з'їзді було: більшовиків 396, лівих есерів 220, анархістів 8, есерів-максималістів 5, соціал-демократів інтернаціоналістів 37, есерів-інтернаціоналістів 7, есерів 187, соціал-демократів об'єднаних 68, народніх соціалістів 6, українських есерів 74, українських с.-д. 6, позапартійних 76²⁾).

¹⁾ „Голос пролетарія“, № 51.

²⁾ Стенограма 2-го з'їзду Румчерода, ст. 1.

За такого складу з'їзду боротьба звалася до боротьби за позапартійну рядову масу делегатів, яка ще йшла за антирадянськими партіями. Коли на початку з'їзду за радянську владу було приблизно 70⁰/₀, а 30 — проти, то під кінець це відношення ще виразніше змінилося на користь блоку більшовиків і лівих есерів.

Президію було сконструйовано на засадах пропорційного представництва. Від більшовиків увійшло 8 товаришів, лівих есерів 5, од есерів 4, від українських партій 2, с. - д. об'єднаних 2, від позапартійних 1.

Перед з'їздом стали такі питання: 1) поточний момент у звязку з організацією Центральної Ради та Установчих Зборів, 2) перемир'я та умови миру, 3) земельне питання, 4) становище армії, 5) організація влади на місцях.

Більшовики хоча й мали на з'їзді найсильнішу фракцію, все ж без лівих есерів не змогли б провести жодної своєї постанови і тому в своїх виступах і резолюціях в деяких питаннях були примушені рахуватися з їх думкою.

Одним із дуже вдалих тактичних кроків була організація на з'їзді фракції українських більшовиків із делегатів з'їзду, що своїми виступами сприяла розкладові маси делегатів, які ще йшли за українськими правими партіями.

В роботах з'їзду брали участь т. т. Володарський, Старостін і Воронський, що приїхали з Петрограду.

Уже в привітаннях намітилися ті принципіальні розходження й платформи, що навколо них відбувалася боротьба на з'їзді.

Представники Московської військової округи й спілки металістів закликали з'їзд до революційної боротьби з контр-революцією, з шовіністичним чадом, за владу українських пролетарів міста й села.

Лідери антирадянських партій виступили під своїми старими прапорами безумовної єдності „революційної демократії“ та компромісу з буржуазією.

Виступивши з привітанням, тов. Володарський передав привіт од трьох організацій: Петроградської Ради, Ради Народніх Комісарів і Центрального Виконавчого Комітету З'їзду Рад. В своїй промові він відзначив, що коли ми в Жовтні підносили прапор повстання, ми були певні, що вниз — салдати в шапках — ідуть проти верхів, і ми в цьому не помилилися; народні маси, як один чоловік, на цілому ряді фронтів пішли за нами. Рада Народніх Комісарів не є узурпатором влади, а представником трудової маси, і владу вона отримала від 2-го Всеросійського З'їзду Рад, що до його постанов приєднався селянський з'їзд. В той момент, коли трудова маса висловить їм довір'я, вони не будуть підтримувати свою владу кулеметами, як це робив Керенський. Але доти, доки Рада Народніх Комісарів користується з довір'я салдат, селян і робітників, вона вважає за свій обов'язок проводити в життя

ті заходи та прагнення, що їх намітив 2-й Всеросійський З'їзд Рад. Наприкінці він зазначив, що „доля революції нікому не може бути відома. Одну сбіцянку ми можемо дати: якщо нам не вдасться перемогти, ми волеємо краще загинути, але не здати ні одної пяди наших здобутків. Якщо ви будете разом з нами, ми певні того, що переможемо в цій великій боротьбі вийдемо ми“¹⁾.

Представники партії більшовиків і лівих есерів обмежилися короткими привітаннями.

Антирадянські партії, соціалісти-революціонери, меншовики, українські есери і с.-д. організували блок і виступили спільно. Перший бій вони вирішили дати в питанні про Установчі Збори з метою внести вагання в лави по-більшовицькому настроєного з'їзду. Виступивши від імені блока, представник есерів запропонував послати таку телеграму: „З'їзд гаряче вітає Установчі Збори і категорично вимагає, щоб робота Установчих Зборів, що повинна дати народам Росії автономну федеративну республіку, мир, землю й волю, почалася негайно“²⁾.

Зважаючи на настрої зборів, представник блока запевняв з'їзд, що вони стоять за відкликання депутатів і за прийняття найважливіших законів референдумом і запропонував в разі неухвалення резолюції одногосно перевести поймає голосування.

Представник більшовиків, не знаючи, як поставиться до цього рядова маса делегатів, лівих есерів, і бажаючи уникнути загострення питання, запропонував відкласти посланку цієї телеграми до того часу, поки не буде обмірковано питання про Установчі Збори, згідно з порядком денним. Пропозиція більшовиків була цілком вчасна, бо у фракції лівих есерів дійсно не було певної єдності, що і виявилось підчас їх виступу в цьому питанні. Один виступив із пропозицією послати телеграму, другий представник бюро фракції оголосив, що це питання в них ще не обмірковувалося. Тоді більшовики внісли таку резолюцію: „вважаючи питання, що стоять на порядку денному з'їзду, як от питання миру й центральної влади і інші кардинальні питання російського життя — одважної ваги, як і питання про Установчі Збори, і не бажаючи переривати правильних занять з'їзду, з'їзд відкладає обміркування привітання до відповідного наступного засідання й переходить до чергових справ“³⁾.

Поіменно голосування дало такі результати. Проти негайної посланки телеграми було 509, за — 331, утрималося 43. З них: по області голосувало: проти — 64, за — 48, утрималося — 5; від селян: проти — 23, за — 40, утрималося — 2;

¹⁾ Стенограма 2-го з'їзду, стор. 5.

²⁾ Теж. стор. 9.

³⁾ Теж. стор. 10.

від фронту : проти — 422, за — 243, утрималося — 36¹⁾. Політичні результати цього голосування були ті, що більшість утримала свої позиції і що лише в селян була перевага прихильників меншости.

Другу атаку зробили представники українських с. - д. і с. - р. Щоб зменшити вагу з'їзду, представники цих партій запропонували надати йому назву лише фронтового з'їзду, покликаючись на малу кількість представників від області. Звичайно, назва з'їзду мала велике значіння, бо від цього залежало, який вплив будуть мати ухвалені резолюції. Представник більшовиків відзначив спробу надати з'їздові не таке значіння, на яке він цілком має право, і запропонував назвати його з'їздом румунського фронту й області.

Тут цікаво відзначити виступ позапартійного, який став на цілком правильний погляд, що справа не в назві. Він заявив, що „як ви не назвете з'їзд, чи назвете його обласним, чи фронтовим, але як будете вирішувати питання в інтересах селян, вони будуть вас вітати, а якщо будете рішати не в інтересах селян, наших постанов не виконуватимуть“.

Пропозицію більшовиків було ухвалено, при чому українські есдеки й есери утрималися від голосування. Для характеристики настрою маси треба навести найхарактерніші виступи в питаннях про владу, мир і Установчі Збори.

Один позапартійний делегат у своїм виступі відзначив, що влада є ярмо на шиї ; була б шия, а ярмо знайдеться завжди, але в той же час ми знаємо, що держава — візок, а цей візок без ярма не повезе, тому яка - небудь влада потрібна²⁾).

Далі, порівнявши дії уряду Керенського з діями уряду більшовиків, він відзначає, що „уряд Керенського — червневий наступ, уряд більшовиків — громадянська війна. Меншовики пишуть добрі декрети, але провадити в життя їх, очевидно, не вміють. Ці декрети можуть провадити в життя більшовики. Так чого ж, товариші, замість того, щоб ворогувати — не взятися за спільну справу : одні хай пишуть декрети, а другі провадять їх у життя.“

Коли спитають робітника - салдата : ти якої партії ? Він нічого не скаже, а як спитати — чого він хоче, то він скаже певно, чого він хоче. Що до землі — він есер, що до начальства — він анархіст. Ми тут не якісь партійні робітники, а насамперед виразники жадань тої маси, що нас сюди делегувала. Більшовики з усіх партій вжили активних кроків до миру, тим - то ми їх вітаємо. Якщо Установчі Збори винесуть добру постанову, ми їх послухаємо, а коли ні, ми скажемо : забирайтесь³⁾“.

Делегат соціал - демократ інтернаціоналіст : „Я повинен сказати від імени тих полків, які мене посилали, що, хоча вимоги

¹⁾ Стенограма 2 - го з'їзду, стор. 24 - 26.

²⁾ Теж, стор. 26.

³⁾ Теж, стор. 66.

Одесский Комитет РСДРП (в)
(сентябрь 1917г)

полків не сходяться з моїми ідеями, але я буду обстоювати те, що сказали полки, а не те, що каже моя фракція. Нам треба, що б там не було, замиритися.

Нам потрібен мир за всяку ціну. Ще до встановлення радянської влади ми були склали міцний мир не з імперіалістами й буржуазією Австрії та Німеччини, а з такими ж, як і ми, робітниками та селянами Установчі Збори — це ідеал, але не ідеал окопника. Ідеалом окопника є та влада, яку взяв народ, яка боронить його інтереси, дає йому те, чого він захоче¹⁾).

Представник Рад роб., салд. і селянськ. депутатів Ізмайлівського району спершу заявив про свою приналежність до есерів і про те, що його платформа є близька до платформи нової партії всесвітнього світанку, а насправді він належав до партії „домовиків“, як назвала одна буржуазна газета тих, що прагнуть повернутися з фронту додому.

Полемізуючи з тов. Гомбергом, представником більшовиків, що заявив в своїй промові на з'їзді, „що більшовики ніколи й ніде не говорили, що вони відмовляються від революційної війни і що вони приймають усякий мир, який їм запропонує супротивна сторона“ і висловив певність, що салдати, які голосують тепер за мир, будуть готові принести на вітвар революції своє життя, цей представник заявив: „ось який крик іде по всьому фронту. Перемир'я — так перемир'я, і геть війну у всіх її проявах та видах“²⁾).

Приблизно так само були настроєні всі делегати, як що судити з виступів — вони висловлювалися за радянську владу, за мир що б там не було, і проти війни, хоча й революційної. Між иншим, це зайвий раз показує, остільки правий був Ленін в своїй боротьбі проти лівих комуністів, що вимагали оголосити революційну війну. Що до Установчих Зборів всі сходилися на тому, що їх треба буде розігнати, якщо вони стануть на бік владних клас.

Обмірковуючи поточний політичний момент і питання про Установчі Збори, виявилось непогодження між лівими есерами й більшовиками. Ліві есери вітали лише ту частину діяльності Раднаркому, що призвела до складення перемир'я і до передачі землі земельним комітетам, але протестували проти терору, що його вимушена була вживати проти своїх ворогів радянська влада. „Влада трудових мас, — заявляли ліві есери, — як влада більшості, не потребує репресій, тому рішучим способом відкидає всі способи, що їх уживалося за останній час“.

Резолюцію більшовиків і лівих есерів було здано в комісію, і в результаті ліві есери відмовилися від цих пунктів, і резолюцію більшовиків з'їзд ухвалив.

1) Стенограма 2-го з'їзду, стор. 74 і 76.

2) Стенограма 2-го з'їзду Румчерода, стор. 159.

Питання про становище на фронті кінець - кінцем стало питанням про визначення принципіального ставлення до румунського уряду та Центральної Ради.

Те, що угодовський Румчерод відмовлявся визнати радянську владу, що українські частини відділялися з армії, що в запіллі фронту були румунські війська, що контр-революційне командування провадило провокаційні дії, — все це утворило надзвичайно важке становище на фронті. З пропозиції ініціативної групи фронтвідділ Румчерода склав повноваження і передав владу новоутвореному революційному комітетові, який не встиг виявити своєї діяльності, бо через добу його заарештував утворений комісаріят національностей, що підлягав виключно розпорядженням Центральної Ради.

За допомогою штаба фронту та румунського командування комісаріят національностей став за фактичну владу на румунському фронті. Залізничний і телеграфний зв'язок опинилися в його руках. Полки, дивізії російської армії стали роз'єднані і тому не могли виявити належного опору насильства румунських частин. А румуни, за згодою комісаріату національностей, роззброювали російські частини, розганяли революційні комітети, арештували салдат, затримували харчі то - що.

От чому питання про становище на фронті було нерозривно зв'язане з в'ясненням ставлення з'їзду до румунського уряду та Центральної Ради.

З'їзд ухвалив резолюції про заходи боротьби з утвореним становищем на фронті, про демобілізацію армії і посилку в усі армії делегації з широкими повноваженнями, а також і в Румунію та в Київ для переговорів. Посланим на фронт делегаціям не вдалося цілком здійснити постанови з'їзду: цьому перешкождали стихійна демобілізація й відступ російської армії. В справі встановлення радянської влади і боротьби з румунами, що захопили Басарабію, можна було використати лише незначні фронтові частини. До встановлення радянської влади в Одесі і в області армії Румфронту здебільшого були дезорганізовані й відірвані від повідомлень¹⁾.

На з'їзді есери й соціал-демократи меншовики виступали у всіх принципіальних питаннях з платформою виправдання війни, заперечення соціалістичного характеру революції і передачі влади Установчим Зборам, пропонуючи у практичних питаннях половинчати, компромісні постанови.

Українські с.-д. і есери, підлягаючи директивам Центральної Ради, в кількості не більш як 100 чоловіка покинули з'їзд, оголосивши декларацію протесту проти захоплення влади в Одесі і в області по-більшовицькому настроєним з'їздом. А з'їзд, не зважаючи на загрози розгону, добре закінчив свою роботу, обравши виконавчий комітет румунського фронту й області.

¹⁾ Стенограма спогадів Одеської групи.

ПІДГОТОВКА ДО ЗАХОПЛЕННЯ ВЛАДИ

Діяльність новосформованого виконавчого комітету рум-фронту і області не була остільки плідотною, як про це пишуть автори доповіді Румчерода й Раднаркому Одеської області.

„Новосформований Румчерод — говориться в докладі — швидко й енергійно повів справу завоювання радянської влади в Одесі й Одеській області. В цьому Румчеродові прислужилася давно набута, ще за старого складу, популярність в області... Місцеві комісари відіграли видатну роль в справі повалення Центральної Ради на місцях“.

Керовники Румчерода в своїх спогадах відзначають протилежне: „Румчерод був кепсько збудованою організацією, не вживав жодних кроків, щоб володіти хоч трохи серйозними силами“ (Юдовський¹).

Уроки подій 1 грудня пройшли для Румчерода без користі. На засіданнях військово-технічних комісій, утворених Румчеродом, питання про захоплення влади обмірковували виключно з погляду наявності військових сил.

„Ми в порядку якоїсь військової змови хотіли провести цю справу, ми підраховували сили, встановляли звязки з частинами, але не розраховували на масовий рух одеського пролетаріату“ (Юдовський²).

Певна річ, післані на місця комісари Румчерода зробили певний вплив на організацію радянської влади, але не в тій мірі, як малюють цю справу автори доповіді. Навряд чи допомогла в цьому популярність Румчерода, набута за старого складу. Встановлення радянської влади з'ясується виключно масовим рухом.

Велике значіння мала робота військової секції над розкладом українських частин.

„Не батальйонами і зброєю ми зможемо провести в життя наші ідеї, а лише агітацією наших більшовицьких гасел, якою ми мусимо охопити всі українські частини, і в цьому запорука нашого успіху, успіху демократії на Україні“³).

Було організовано групу робітників, що знають українську мову, які протягом кількох тижнів провели велику пропагандистську роботу. Результати цієї роботи виявилися при встановленні радянської влади в Одесі. Цілий ряд українських частин перейшов на бік Рад, численні українські частини відмовилися виконувати розпорядження Центральної Ради.

Важкий економічний стан, погіршений грошовою кризою, сприяв ростові революційного настрою серед одеського пролетаріату. Ще в жовтневі дні прокотилася хвиля страйків під

¹) Стенограма спогадів Одеської групи.

²) Теж.

³) Протоколи Виконавчого Комітету Ради робітничих депутатів за 6/XI 1917 р.

гаслами підвищення заробітної плати і боротьби проти закриття промисловцями підприємств. В період діяльності другої „Ради десяти“ збудження серед робітничих мас ще більше зросло.

Через відмовлення спілки промисловців Півдня „Сопроюг“ підписати колективну угоду з робітниками, що її запропонувала спілка металістів, почався страйк на величезних підприємствах металообробної промисловости (заводи Гена, Белліно-Фендриха, „Ропит“ і инш.). До страйку приєдналися електрична та телефонна станції¹⁾. Дуже характерну позицію в цьому конфлікті заняли меншовики. Рада професійних спілок, якою вони керували, висловила протест „проти дезорганізаційної тактики спілки машинобудівельних робітників, що поставила всю робітничу масу Одеси перед фактом страйку“²⁾. Делегатські збори спілки металістів і собі висловили ганьбу раді профспілок за те, що вона в даному разі захищає інтереси капіталістів, а не робітничої класи³⁾. Такі ж точнісінько резолюції ухвалені цілою низкою робітничих зібрань (набоє-механічний завод, завод С... і Співако то-що).

Конфлікт ліквідувала „Рада десяти“, що примусила „Сопроюг“ підписати угоду. Представники Української Ради в „Раді десяти“ були примушені погодитися на цей крок, щоб не загострювати взаємин з робітниками, які на той час надто вороже ставилися до Української Ради. Неуміння будь-як налагодити господарське життя, та бешкети гайдамаків, обурило проти влади Української Ради поголовно всю робітничу масу. Робітники заводу „Анатра“ протестують проти грабунків і насильства гайдамаків. Залізничники в своїй резолюції вимагають, „щоб усю енергію українських робітників і селян було вжито на боротьбу з контр-революційною політикою Уккради“⁴⁾. Спілка моряків заявила залізницям, що коли вони не перестануть везти українські війська, то моряки перестануть давати вугіль⁵⁾.

А тим часом селянство, не дожидаючись вказівок і дозволів зверху, виганяло поміщиків з маєтків і захоплювало землі. Газети того періоду рябіли звістками про те, що демобілізовані й селяни захоплюють великі маєтки, забирають худобу, руйнують садиби й т. инше. До Уккради селянські маси ставилися різко негативно. Спільним місцем у всіх резолюціях, що їх ухвалила ціла низка рад селянських депутатів і загальні збори селян, є вимога визнати владу Ради Народніх Комісарів і звільнити синів з армії зі зброєю.

1) „Одесские Новости“ за 5/І.

2) Теж.

3) „Известия Одесского совета“ за 13/І.

4) „Голос Пролетария“ за 16/ХІІ.

5) „Одесский Листок“ за 9/І.

Масовий рух утворив сприятливі умови для встановлення радянської влади. „Рада десяти“, дуже влучно характеризувана у спогадах „патентованого нейтралізатора“ Рязанова, доживала останні дні. Масовий рух, не зважаючи на наявність органів представництва робітничих і салдатських мас — Рад і Румчерода — все ж шукав нових організаційних форм, в яких могла б виявитися нагромаджена енергія мас. Причиною цього була хвостистська лінія Ради, що не вела за собою мас, а пленталася за ними і політика Румчерода, що боявся масового руху.

Моряки утворили революційний трибунал, який одним фактом свого існування поряд судових установ Уккради, природно, підривав владу останньої.

Анархісти, використовуючи кволу роботу Ради в справі допомоги безробітним і звязане з цим незадоволення безробітних мас, організували ще влітку об'єднану раду безробітних, що її діяльність надто розвинулася в цей період. Об'єднана рада безробітних охопила робітників і службовців, що стали безробітними за останній час, і значну частину люмпен-пролетаріату. Бажаючи надати рухові політичного характеру, об'єднана рада безробітних викинула лозунг: „справа безробітних є справа самих безробітних“. І на демонстраціях безробітних можна було бачити плакати з вимогою: „Вся влада Радам Безробітних“. Частина безробітних, шукаючи порятунку з свого тяжкого стану, йшла по лінії найменшого опору. Мало сподіваючись на успіх натиску на буржуазію, безробітні вимагали натиснути на робітників; особливо в цьому виявила себе група скалічених вояків, вимагаючи, щоб вони замінили робітників на фабриках. Щоб здійснити ці вимоги, об'єднана рада безробітних звернулася до всіх заводських комітетів з пропозицією усунути робітників, що працюють на підприємствах уже довгий час, і на звільнені місця прийняти безробітних.

Рада безробітних організувала 3 секції: харчову для кредитування тих заводів, що стояли, з тим, щоб пустити їх, і для організації артілей. Останні дві секції майже нічого не робили. Методи роботи ради безробітних, як видно з постанов її, були надто примітивні: захоплення приміщень, харчів то-що. Особливої популярності рада безробітних набула тоді, коли вона, натиснувши шляхом демонстрації безробітних на „Раду десяти“ і добившись її підтримки, примусила представників банкірів, промисловців і домовласників взяти на себе гарантію зібрати 10 мільйонів карб. на громадські роботи для безробітних і внести в касу банку негайно $2\frac{1}{2}$ міль. карб.

Рада безробітних становила силу, на яку примушена була вважати Уккрада, а пізніше й радянська влада.

Невиплата довгий час зарплати робітникам через грошову кризу, разом із заходами Уккради оподаткувати робітників прибутковим податком, надзвичайно загострили становище. Посипалася ціла низка протестів проти оподаткування робітників.

Так, робітники заводу Гена заявили : „робітники все своє життя несуть на своїх плечах всі тягарі життя, спекуляції, всі вередливості буржуазії... Пора платити податки капіталістам, а не робітникам“¹⁾.

З тисячі робітників Ропіта, що довгий час не отримували зарплати, влаштували мирну демонстрацію по місту з гаслами: „вся влада радам“ і „геть буржуазію“. Представники Виконавчого комітету Румфронта і Рад зазначали робітникам, що провинна за неналагодженість господарського життя лежить на Україні і що лише Раднарком може налагодити господарське життя країни. Пояснення представника Української Ради мало задовольнило робітників²⁾. Значіння цієї демонстрації полягало в тому, що перед усіма робітниками було поставлено питання скинути владу Центральної Ради і встановити рядянську владу. На конференції всіх заводських комітетів з участю представників Румчерода і інших революційних організацій обмірковування питання про грошову кризу призвело до постановки питання про владу в Одесі. Конференція ухвалила вжити всіх заходів до переходу всієї влади в Одесі до Рад. Для цієї мети всі заводські комітети були обов'язані організувати озброєні дружини. Для керівництва рухом було обрано військово-революційні комітети³⁾. На 2-му пленарному засіданні представників заводських комітетів од 42-х найбільших підприємств міста з представниками армії і флоту було вирішено поповнити військово-революційний комітет представниками військових суден ради безробітних і представниками партій і ухвалено виступити 9 січня⁴⁾.

На засіданні виконавчого комітету ради робітничих депутатів в дискусіях на доклад про військово-революційний комітет, похваляючи багато висловили той погляд, що не можна за спиною Рад організувати виступ і до того ж на їх користь. В результаті дискусії було ухвалено, що Виконавчий Комітет, який не відповідає настроям робітничих мас, повинен скласти повноваження, а постанову військово-революційного комітету про виступ 9 січня вирішено відкласти до виборів нового виконавчого комітету⁵⁾.

Центральна Рада фабрично-заводських комітетів цілком схвалила діяння військово-революційного комітету, „як справжнього виразника прагнень робітничої класи, що став на шлях активної підтримки Ради робітничих і військових депутатів в їхній боротьбі за владу“.

За згодою виконавчого комітету Ради робітничих депутатів, військово-революційний комітет улаштував 9 січня мирну

1) „Голос Пролетарія“ за 6/І.

2) „Ивестия Одесского совета“ за 4/І – 18 р.

3) Теж за 6/І – 18 р.

4) Теж за 6/І.

5) Теж за 9/І.

демонстрацію під гаслом „вся влада Радам“. Меншовики й есери відмовилися від участі в демонстрації, вважаючи, що краще організувати мітинги протесту проти розгону Установчих Зборів і проти громадянської війни, яку ніби нав'язали країні більшовики.

Озброєні сили Уккрази почали танути. Половинчата й шовіністична політика Української Ради не могла задоволити матроські й салдатські маси. Збори ві ськових моряків висловилися за встановлення радянської влади ¹⁾. Ціла низка українських частин заявила, що вони підлягають виконавчому комітетові Румфронта ²⁾. Українська рада видала наказ розформувати запасні військові частини, що були настроєні по-більшовицькому, і наказ демобілізувати салдат призову 1902 р. ³⁾. Але цим вона не обмежилася, а пробувала також роззбростіти військові частини. Ці заходи ще більше підняли проти неї салдатську масу. Козаки Кольтівського і Максимівського кулеметних батальонів ухвалили протест проти Уккрази, що хоче їх роззбростіти ⁴⁾. Уккрази обурилася проти себе навіть українців. На пленарному засіданні ради військових депутатів, вибираючи комісію для переговорів виконавчого комтету, було забалотовано представника більшовиків. Всі матроси, в тому числі й українці, покинули збори, а представник судна „Память Меркурия“, що його команда стояла за владу Центральної Ради, зняв свою кандидатуру в комісію ⁵⁾.

Виконавчий комітет Румфронта і області, відповідаючи на діяння Уккрази, видав наказ про те, що він є найвищий орган Румфронта і Одеської області і що лише йому належить право розформовувати, реорганізувати й утворювати нові бойові одиниці, що наказ Української Ради роззбростіти вірні радянському урядові війська є злочинним і незаконним, і його не слід виконувати ⁶⁾. Цей же комітет видав також розпорядження телеграфному відомству про те, щоб осіб, які являються від Центральної Київської Ради для будь-яких переговорів апаратом, без дозволу Румчерода не допускати й не приймати від них жодних телеграм ⁷⁾.

Ставало ясным, що далі тягнути з виступом не можна, і вночі з 13 на 14 січня, з розпорядження революційного комітету, погодженого з Румчеродом, червоногвардійці й матроси зайняли всі установи ⁸⁾. Військово-революційний комітет при Румчероді оголосив, що влада перейшла до Рад ⁹⁾.

¹⁾ „Известия Одесского совета“ за 6/І 1918 р.

²⁾ Теж.

³⁾ „Одесские Новости“ за 11/І.

⁴⁾ Теж.

⁵⁾ „Известия Одесского совета“ за 6/І.

⁶⁾ Теж за 13/І.

⁷⁾ Теж.

⁸⁾ „Голос Революції“ від 16/І.

⁹⁾ Теж за 14/І.

Але треба відзначити, що військово - революційний комітет зробив велику помилку: замість того, щоб тієї ж ночі роззброїти частини, які стояли на боці Центральної Ради, він послав до них делегацію для переговорів. Український штаб надав своїм частинам бойової готовності й почав наступ на місто. На стороні Рад були червоногвардійці числом до 2 тис. чол., озброєні почасти рушницями, почасти берданками, торгові моряки, команди суден „Синоп“ і „Алмаз“, частина команди „Ростислав“, а під кінець бою прибула на допомогу рота одного полку, що приїхала з Румфронта на загороджувачі „Ксенія“. Моряки судна „Память Меркурия“, з огляду на загрози команди „Синопа“ відкрити по судну вогонь, тримали нейтралітет. На боці Уккради були гайдамацькі курені, артилерія, бронемашини та юнкери. Після 3-денних боїв частини Центральної Ради здалися, і в Одесі було встановлено радянську владу.

(Кінець буде)

Штаб Одесской Красной гвардии 1917 года (до декабрьских боев)

А.А. БРОНЕВОЙ

ОКТАБРЬСКИЕ ДНИ В ОДЕССЕ

(Воспоминания бывшего красногвардейца штаба Одесской Рабочей Красной гвардии)

В то время, когда пролетариат Петрограда и Москвы в жарких уличных боях завоевывал власть, на юге Украины царил желто-блакитная Рада.

Автор воспоминаний находился в рядах одесской рабочей Красной гвардии. Красная гвардия в Одессе была организована еще задолго до Октябрьского переворота под руководством Моисея Кангуна, Макара Чижикова и др.

Штаб Красной гвардии помещался тогда в реквизированном дворце на Торговой ул., № 4.

Целыми днями в штабе кишело, как в муравейнике. Часть красногвардейцев исправляла оружие и подыскивала патроны к винтовкам, роясь в заполнивших всю комнату ящиках. Другие, по заданию штаба, занимались приготовлением запасов продуктов. Для этого приходилось выезжать в разные части города, что, кстати сказать, не так легко удавалось. Третьи обучались стрельбе из пулеметов.

Штаб с утра и до поздней ночи непрерывно заседал, ни на минуту не теряя связи с большевистской фракцией Совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов. Все время поддерживалась взаимная информация о состоявшихся решениях... С момента Октябрьского переворота к нам в клуб Красной гвардии стали все чаще приезжать большевистские агитаторы — т. Воронеккий, Петр Старостин, Хмельницкий, Х. Раковский, прибывший к тому времени в Одессу, и др.

Красная гвардия Одессы насчитывала к тому времени несколько тысяч рабочих, преданных делу рабочего класса и полных энтузиазма. На многочисленных собраниях в клубе Красной гвардии, на целом ряде фабрик и заводов красногвардейская масса выставляла требование фракции большевиков Одесского Совета — взять всю власть в городе в свои руки.

В моей памяти запечатлелось выступление т. Раковского в клубе Красной гвардии Небритьй, с измученным лицом, с повязанным вокруг шеи теплым шарфом не первой чистоты,

т. Раковский появился перед нашим собранием. Он произнес горячую речь, в которой настаивал на необходимости немедленного вооруженного выступления за власть Советов и призывал к этому красногвардейцев.

Выступавшие вслед за ним ораторы указывали на необходимость осторожного подхода к разрешению этого важного вопроса. Ораторы, высказывавшиеся против активного выступления Красной гвардии, встречались гулом неодобрения со стороны красногвардейской массы.

Начавшаяся агитация, митинги и собрания, понятно, не нравились гайдамакам, офицершине и их друзьям — меньшевикам во главе с Гниденко (председатель Одесского Совета), имевшим большинство в Совете.

Меньшевики, почувствовав, какую угрозу представляет для них вооруженная рабочая масса, на одном из заседаний Совета потребовали разоружения Красной гвардии.

Однако, решительный протест и настойчивость большевистской фракции привели к тому, что предложение их было провалено. На этом заседании Совета с горячими речами, разоблачающими предательство меньшевиков, выступали Раковский, Ачканов, Кристаловский и др.

Этот инцидент, несомненно, принес нам большую пользу и ускорил дело захвата власти. Красногвардейцы еще с большим упорством взялись за подготовку вооруженного восстания, еще энергичнее стали готовиться к грядущим боям.

Клуб Красной гвардии в буквальном смысле превратился в подлинный военный штаб. Была установлена железная дисциплина среди красногвардейцев, начались и довольно успешно проходили регулярные практические военные занятия. Рабочие стали свозить в штаб патроны, пулеметные ленты... Была установлена караульная служба, выставлены пикеты. В разные части города, в особенности на окраины, еженочно посылались обходы. Штаб, усиленно готовясь к захвату власти, заготавливал в большом количестве продовольствие.

Одновременно штаб Красной гвардии начал устанавливать связь с воинскими частями, находившимися в городе, и флотом, стоявшим в одесской бухте. Для проведения собраний в частях и флоте посылались опытные агитаторы. Наши идеи стали проникать в гущу солдатских масс. Чаще замелькали в клубе Красной гвардии солдатские фуражки и матросские ленты...

Эти усиленные приготовления, конечно, не могли ускользнуть от внимания военного командования Рады. В свою очередь, оно начало готовить гайдамацкие курени и офицерские школы к военным действиям...

Положение становилось все напряженнее. В воздухе запахло порохом. В городе стихийно начались отдельные эксцессы. Гайдамаки, под руководством офицерщины, стали избивать

красногвардейцев; красногвардейцы срывали на улицах у юнкеров и офицеров отличительные царские знаки.

Для штаба Красной гвардии стало ясно, что атмосферу эту сможет разрядить только активное восстание рабочих с оружием в руках.

Украинская Рада тем временем постепенно захватывала одно учреждение за другим, продолжая политику предательства интересов рабочих и крестьян. Так, украинское командование, несмотря на разрешение Совета и Румчерода, запретило формирование отрядов для борьбы с оперировавшим на Дону генералом Калединым. Здесь необходимо отметить, что меньшевистский Совет и Румчерод продолжали вести сглашательскую политику. Они все время твердили, что можно мирным путем уладить „взаимоотношения“ с Радой. Это предательство окончательно переполнило чашу терпения революционных рабочих г. Одессы.

И в результате — в декабре стихийно вспыхнули уличные бои. Начальник Красной гвардии, Моисей Кангун, и его помощники — Бекетов, Кирсанов и другие — немедленно выехали в город для руководства восстанием.

На Пушкинской улице, около здания бывшего английского клуба (там помещалась Украинская Рада), эти товарищи были встречены пулеметным огнем, изрешетены пулями и убиты. Расправа вызвала бурю возмущения и негодования со стороны красногвардейцев, которые рвались в бой. Она была той искрой, которая вызвала начало больших уличных боев с гайдамаками и белой офицерщиной.

Соотношение сил враждующих сторон к этому времени было неравное. С одной стороны — Красная гвардия, насчитывавшая в своих рядах до трех тысяч вооруженных рабочих и опиравшаяся на поддерживавшие ее рабочие массы; с другой — три гайдамацких куреня, военные училища, кадетский корпус, артиллерийская, пехотная и кавалерийская школы, в общей сложности до восьми тысяч штыков, с артиллерией, броневиками, пулеметными командами, хорошей связью и т. д.

Таким образом, количественный перевес был на стороне Украинской Рады. Остальные воинские части, расположенные в городе (45 и 46 запасные пехотные батальоны, батальон самокатчиков, Ахтырский кавалерийский полк), в решительную минуту, когда нам нужна была их поддержка, объявили нейтралитет и в борьбу не вмешивались.

Состоявший в одесской гавани черноморский флот раскололся на две части: одна поддерживала Красную гвардию, другая — гайдамаков. Обе стороны направили друг на друга орудия, и только. Флот в целом в декабрьских боях не принимал активного участия. Только отдельные отряды торговых и военных моряков помогали красногвардейцам в их борьбе с гайдамаками.

Несмотря на самую ожесточенную борьбу наших красногвардейцев, несмотря на их храбрость и выдержку, неравное соотношение сил сказалось. Красногвардейцы принуждены были шаг за шагом отступить. Главнейшими причинами неудач Красной гвардии в декабрьских боях были: отсутствие единого хорошо выработанного оперативного плана военных действий, разрозненные партизанские выступления отдельных районов Красной гвардии и рабочих групп и отсутствие поддержки восставших рабочих воинскими частями.

К вечеру выяснилось, что красные части под напором больших сил гайдамаков отступают и что мы терпим поражение.

Остатки Красной гвардии, отходившие под покровом ночи к своему штабу, отступили к РОПИТ'у (Русское общество пароходства и торговли). Дальше некуда было отступить.

В штабе Красной гвардии было оставлено несколько надежных товарищей, которым было дано задание взорвать его в случае, если он будет занят гайдамаками.

Связь с Советом в этот день была потеряна, и ночь прошла чрезвычайно тревожно.

Посланные на рассвете красногвардейцы-разведчики донесли, что штаб гайдамаками не занят.

Немедленно штаб вновь был занят Красной гвардией.

Декабрьские бои ни к чему не привели. Между штабом Красной гвардии и гайдамаками было заключено перемирие.

Рада, получив ряд новых полномочий, начинала себя чувствовать уже полным хозяином города.

Но и штаб Красной гвардии не дремал. Он подготавливал новые силы для борьбы за окончательное установление власти рабочих. Революционные рабочие массы, учтя свои ошибки, допущенные в декабрьских боях, начали деятельно и энергично, под руководством большевиков, готовиться к новым боевым схваткам, на этот раз уже решительным.

Штаб Красной гвардии был реорганизован. Туда были влиты новые силы — т. т. Юдовский, Сергей Соколов и др. Штаб заработал энергично, дружно.

Ряды Красной гвардии были профильтрованы, и весь ненужный элемент удален.

Штаб Красной гвардии начал теснее связываться с революционно настроенными воинскими частями. Туда были посланы лучшие агитаторы, разъяснявшие солдатам важность захвата власти рабочим классом. Наша агитация имела крупный успех. На собраниях солдаты принимали резолюции, направленные против Украинской рады и предательства меньшевистского Совета.

Рабочие группами и целыми заводами начали вливаться в ряды Красной гвардии.

К этому времени закончились пере выборы Румчерода. Большевики в нем получили большинство. Военная большевистская

организация усиленно взялась за подготовку красногвардейцев. Особое внимание было обращено на тактику ведения уличных боев. В течение 6 недель велась упорная подготовительная работа...

* * *

В ночь с 14 на 15 января (по старому стилю) одесская Красная гвардия активно выступила за власть Советов.

С раннего утра по всему городу появились патрули вооруженных красногвардейцев, матросов и солдат.

Патрули сейчас же заняли все государственные и общественные учреждения города. В то же время они зорко следили за порядком в городе, пресекая всякие неорганизованные выступления.

В тот же день вместо буржуазных „Одесских Новостей“ и „Одесской Почты“ вышел первый номер „Известий Революционного Комитета“. В номере этом население Одессы извещалось о захвате в ночь на 15 января власти советскими силами и призывалось к спокойствию и к выполнению всех приказов Революционного Комитета.

День прошел в напряженной обстановке, но спокойно. Гайдамаки попрятались, и их нигде не было видно. Как оказалось, они засели на Фонтанах (пригородные дачные места в Одессе). К вечеру гайдамаки вдруг открыли по городу сильный артиллерийский огонь. Затем перешли в наступление. Не прошло и часа, как они захватили Революционный штаб Одесского округа.

Все пришло в движение. Во всех районах большого города началась трескотня винтовок и пулеметов. Пальба все усиливалась...

Ночью, часов в двенадцать, вокзал был захвачен гайдамаками. Факт этот сильно встревожил наше командование. Захват вокзала ставил под угрозу наш штаб, расположенный к тому времени на Думской площади, и главный стратегический пункт — табачную фабрику Попова.

Загудели тревожные заводские и пароходные гудки, сзывая рабочих города на баррикады и своим ревом напоминая буржуазии и гайдамакам, что их час пробил.

Старики, юноши, работницы — все спешили в штаб Красной гвардии, чтобы принять участие в борьбе.

На этот раз на стороне красногвардейцев были: 45 и 46 запасные пехотные батальоны, самокатчики, пулеметчики, ахтырцы, отряды военных и торговых моряков.

На улицах были сооружены баррикады в виде опрокинутых трамваев, садовых скамеек и т. п.

Красногвардейцы дрались за каждый дом, за каждую пядь земли. Ожесточение с обеих сторон было неимоверное.

Рабочие лежали в цепи, непосредственно участвовали в рукопашных схватках, а работницы приносили на так называемые „позиции“ продовольствие, патроны, делали перевязки и ухаживали за ранеными красногвардейцами... Характерно отметить, что Красный Крест и местные врачи отказывались оказывать помощь раненым красногвардейцам.

Бой принял размеры настоящего военного сражения, с обеих сторон были убитые и раненые. Улицы, на которых происходили бои (Пушкинская, Канатная, Новорыбная и т. д.), оглашались стонами раненых, которых нельзя было подобрать из-за сильного огня.

Во время боев были случаи проявления подлинного героизма и самопожертвования.

Мне врезался в память следующий случай: на Пушкинской улице появился гайдамацкий броневик, который беспрерывно обстреливал как всю улицу, так и подьезды, где засели красногвардейцы. Один из матросов, здоровый, рослый, красивый, выскочил из подьезда одного из домов на Пушкинской улице с двумя „лимонками“. Несмотря на бешеный пулеметный обстрел, он подбежал вплотную к гайдамацкому броневнику и бросил одну за другой обе бомбы. Осколками разорвавшихся бомб матроса-героя разорвало на клочки. Но одновременно опрокинулся и броневик.

Подоспевшие красногвардейцы и матросы подняли броневик, заменили желто-голубой флаг красным, и он пошел в бой, помогая красногвардейцам продвигаться вперед.

Интересен также эпизод, имевший место во время занятия кадетского корпуса. Наша группа в количестве 9 человек (2 анархиста-латыша, 1 матрос с миноносца „Свирепый“ и 6 красногвардейцев) получила задание занять кадетский корпус.

Не успели мы подойти к кадетскому корпусу, как были встречены перекрестным огнем из бомбомета, пулеметов и винтовок. Мы залегли и начали перестрелку.

Через некоторое время выстрелы из кадетского корпуса прекратились. Оттуда вышел какой-то просто одетый человек, который направился к нам и сообщил, что кадеты через другие ворота, выходящие на Пироговскую улицу, бежали, оставив здание кадетского корпуса...

Захватив неизвестного с собой, мы вошли вовнутрь корпуса. Здесь мы убедились, что попали в ловушку. Со всех сторон нас начали обстреливать. Здесь же двое из наших, в том числе один анархист-латыш, были убиты.

Подоспевший на помощь красногвардейский отряд выручил нас, очистив здание от кадетов. Кадетский корпус перешел в наши руки.

Бой продолжался всю ночь и весь следующий день...

Когда красногвардейцы изнемогали уже от усталости, после долгих увещаний, на третий день боя, украинская часть

флота объявила нейтралитет. Этим самым большевистская часть флота получила возможность активно вмешаться в борьбу с гайдамаками.

17 января, на рассвете, с моря начался обстрел пунктов, которые занимали гайдамаки. Это приподняло настроение в наших рядах.

Мы тотчас же бросились в атаку на главные позиции гайдамаков — вокзал, военные школы и училища. Несмотря на ожесточеннейший обстрел гайдамацко-офицерских пулеметов, мы эти пункты заняли.

С этого момента успех явно перешел на нашу сторону. Гайдамацкие части одна за другой стали быстро отступать к своим куреням и, наконец, на четвертый день боев вечером выбросили белый флаг о сдаче.

В этих январских боях погибло до 120 красногвардейцев. До 400 человек было тяжело и легко ранено. Было также много раненых среди работниц. Большой героизм в боях проявили анархисты-латыши и моряки.

Вообще это были героические бои. Были моменты, когда красногвардейцы голыми руками брали ряд важных стратегических пунктов гайдамаков, хорошо защищаемых пулеметами. Были моменты, когда один красногвардеец обезоруживал десяток юнкеров.

Часто в разгаре боя, особенно там, где красногвардейцы чувствовали себя утомленными непрерывным сражением, появлялась высокая фигура в кожаной куртке. Это был т. Холопов (председатель Совета солдатских депутатов). Часто также во время боя мелькали фигуры „дедушки“ Трофимова и Юдовского. Сами усталые от бессонных ночей, эти товарищи вливали новую энергию в отряды борющихся красногвардейцев.

После сдачи гайдамаков и офицеров Красногвардией и моряками были заняты все государственные учреждения (почта, телеграф, телефонная станция, банки, казначейство и др.).

На другой день появился первый приказ, подписанный Петром Старостиным. Этим приказом предлагалось всем заводчикам и фабрикантам уплатить рабочим зарплату за проведенные в боях дни.

Таким образом в Одессе 19 января 1918 года была установлена власть Советов.

Изголодавшиеся в течение трехдневного боя жители массами высыпали на улицу.

Город представлял необычайную картину. Все тротуары были завалены обломками обвалившейся со стен штукатурки и битым стеклом; во многих местах улицы были залиты человеческой кровью... Телефонные и телеграфные провода клоунами висели на столбах и валялись вдоль мостовых; трамвайные столбы и здания во многих местах были изрешетены пулями...

* * *

Дорого пришелся одесскому пролетариату захват власти. В одной только братской могиле на площади Революции (бывшее Куликово поле) похоронено 117 борцов-революционеров, своей кровью защищавших интересы рабочих и крестьян. Раненых же насчитывалось значительно больше. Но жертвы были принесены не напрасно.

Своей кровью они тесно спаяли рабочих и крестьян в лице красной гвардии, солдат и матросов.

Рабоче-крестьянская смычка, заложенная в Октябрьские дни, крепла с каждым годом, и к десятой годовщине Октябрьской революции союз этот стал мощным и нерасторжимым.

Одесская Красная гвардия в 1917 году

ПОДГОТОВКА ОКТЯБРЯ В НИКОЛАЕВЕ

(По документам и воспоминаниям)¹⁾

МАЙ 1917 г. — ЯНВАРЬ 1918 г.

Начало моей революционной связи с Николаевым относится еще к весне 1916 года.

Основным вопросом был тогда вопрос о войне. Не имея, однако, никаких связей и знакомств с местными большевиками — я, волей-неволей, вынужден был действовать самостоятельно. Рабочие Николаева к этому времени находились под впечатлением поражений, которое незадолго до этого потерпела продолжительная стачка на крупнейшем судостроительном заводе „Наваль“, и полицейско-военных репрессий, которым подвергнуты были бастовавшие (многие из бастовавших рабочих и их руководителей были, в наказание, мобилизованы и отправлены на фронт). Настроение, естественно, было вдвойне удрученное и тягостно-настороженное.

Все-таки, мне удалось познакомиться с некоторыми заводскими рабочими и, медленно, путем многократных бесед, преодолевая их понятную недоверчивость и осторожность,

¹⁾ Об'ективными материалами, легшими в основу предлагаемых исторических записок, явились (кроме некоторых старых рукописей автора) следующие, сохранившиеся у автора, документы: печатные листки — воззвания; № 4 Петерб. журнала „Вперед“ за 1917 г.; несколько номеров „Пролетария“ (органа Харьк. ком. РСДРП больш.): номера „Пролетарского Знамени“ (органа Никол. ком. с.-д. больш.) и значительное число номеров „Известий Николаевского Совета Раб. и Воен. Деп.“, от июня по декабрь 1917 г. Автор в своей работе имел в виду отчасти также очерк (к сожалению, несколько схематический) т. Я. Ряппо: „Борьба сил в Октябрьскую революцию в Николаеве“ (напечатанный в № 1 „Летописи Революции“ за 1922 г.). — очерк, который пришлось использовать, главным образом, для проверки некоторых личных воспоминаний.

Вместе со мной в революционной работе ближайшее участие принимала мой идейный товарищ, подруга — жена моя Анча Львовна Орлова. Основная деятельность ее, как коммунистки и активной профсоюзной работницы (в отделе труда, в РКИ, а особенно — в союзе химиков), протекала затем в г. Полтаве. Своей памяти ее, скончавшейся от туберкулеза 25 марта 1926 года, посвящаю мои записки.

создать маленькую группку, с помощью которой была напечатана на гектографе и распространена прокламация, изданная к 1 мая и посвященная, конечно, войне. Прокламация выясняла тогдашнюю трагедию международного пролетариата, кровью которого — „эксплуататорский, капиталистический строй стремится утучнить себя и основательнее утвердиться на своем пошатнувшемся было фундаменте“. Она предостерегала рабочих — „не убаюкивать себя сладковучными, лживыми и лицемерными словами буржуазной прессы и ренегатов рабочего класса“ и призывала пролетариат к „беспощадной ненависти к войне“, к „непримиримому возмущению... против хозяев нашей жизни, создавших эту жестокую трагедию“, к „организованной классово-политической борьбе“. Подписана она была — „группа рабочих-интернационалистов“¹⁾.

В 1917-м году я приехал в Николаев во второй половине мая, из Питера. В Питере я принадлежал к т. н. „межрайонной“ организации с.-д. интернационалистов, которая тогда по всем принципиальным, да и тактическим политическим вопросам приближалась к большевикам, в особенности, со времени появления знаменитых апрельских тезисов Ленина. В связи с этим и в Николаеве, ради пропаганды в широкой рабочей массе большевизма, привлечения к последнему своих сторонников, — ради немедленного откола колеблющихся от организационного единства с меньшевиками, мы создали на некоторое время несколько „особенную“ группу, которая официально называлась: „объединенная с.-д. рабочая организация „Интернационал“.

1. ГРУППА „ИНТЕРНАЦИОНАЛ“

Николаев был город с крупными заводами и с большим рабочим населением, составлявшим, несомненно, около половины (если не больше) его общего населения. Это был, пожалуй, наиболее пролетарский город на всем нашем юге, в особенности у южного черноморского побережья; кроме того, это была также важная портовая база.

Однако проклятое наследие десятилетия политической реакции, а в особенности, — ужасающий психологический гнет войны сказались и на этом городе. По крайней мере, еще во второй половине мая его рабочие массы утопали в иллюзиях первых дней революции, еще прикованы были к тогдашнему фетишу т. н. „революционной демократии“, в которой острые углы классовых противоречий стирались и притуплялись, еще находились во власти мелкобуржуазного

¹⁾ Самое непосредственное и активнейшее участие в печатании, а также и распространении этой майской прокламации 1916 года принимала Анна Орлова. Последняя подробно и живо описала эту „маевку“ 1916 года в Николаеве в номере полтавских „Известий“ от 1 мая 1919 г.

соглашательства и, разумеется, — прежде и паче всего, — достославного „оборончества“. Классово - пролетарская идея интернационализма о необходимости выхода из войны путем новой, пролетарской революции, через сокрушение буржуазного государства, через превращение войны империалистической в войну классовую, гражданскую, т. - е. идея „большевизма“, революционного коммунизма, звучала еще чуждо для местных масс и встречала в их среде часто недружелюбное, даже враждебное к себе отношение.

Даже непосредственные рабочие организации — профсоюзы — были еще в стадии образования и охватывали еще незначительную часть рабочих. Так, в корреспонденции, помещенной, в питерском журнале „Вперед“¹⁾, приводилось мною дословно сообщение местных „Известий Совета Раб. и Воен. Деп.“: „в гор. Николаеве всех рабочих и служащих в металлообрабатывающих предприятиях насчитывается около 50.000 ч. Между тем, союз металлистов, существующий около двух месяцев, насчитывает только около 7500 чел.“. Но несравненно хуже, конечно, обстояло здесь дело с организацией партийной.

Из данной выше общей характеристики тогдашнего настроения николаевских масс можно уже заключить о крайней слабости в то время большевистского влияния, а значит. и большевистской работы в этом городе. И действительно. Не то, что влиятельной, но и никакой вообще большевистской организации в городе не существовало вовсе.

Как полагалось после Февральской революции всякому городу „свободной России“, в Николаеве были „организации“ и „комитеты“ всевозможных партий, кроме б - ов. Правда, некоторое число большевиков в Николаеве существовало, но у них не хватало воли или решимости создать с первых же дней революции самостоятельную организацию и повести активную и непримиримую борьбу с меньшевизмом всех оттенков, — ту борьбу, которая была так настоятельно - необходима и неотложна.

Вместо этого, немногочисленные большевики (т. т. Сляк, Зимак, Бурый, Гурвич и др.) входили, вернее, просто терялись в организации т. н. „объединенной“ РСДРП, которая, поистине, представляла собою смешение „языков, наречий и состояний“, — смешение меньшевиков, величавших себя „интернационалистами“, с „оборонцами“, „наступленцами“, плехановцами и проч. И в этом беспринципном болоте, в этом явно оппортунистическом окружении товарищи, считавшие себя большевиками, находили возможным пребывать в продолжении около полугода!

Правда, они объясняли свое поведение тем, что они ведут идеиную „борьбу“ внутри „объединенки“, что скорее,

¹⁾ Орган Петерб. межрайонного ком. с. - д. интернац., № 4.

нежели раскол, должно будто бы привести, по их мнению, к ее большевизации. Их представитель (т. Бурый), между прочим, присутствовал на апрельской всероссийской партийной конференции большевиков... И все-таки, несмотря на участие в этой конференции, которая, под непосредственным руководством Ленина, уже ясно и недвусмысленно формулировала задачи пролетариата в деле подготовки второго этапа революции, николаевские большевики после нее продолжали спокойно пребывать во все той же всеобъемлющей, глубоко оппортунистической „объединенной“ РСДРП!..

Я выше отмечал тогдашнее примиренческое настроение, идейную отсталость масс николаевских рабочих. Но — такова уж сила революционной стихии и такова стихийная „логика“ событий, что те же самые массы, или их представители, при всем их „принципиальном“ оппортунизме, нет-нет, а вынуждались говорить порой революционно-пролетарским языком.

По крайней мере, в николаевском Совете, в котором тогда, разумеется, господствовали эсеры с меньшевиками, а большое число беспартийных обычно находилось под их влиянием, — верный классовый рабочий инстинкт иногда прорывался в неожиданных резолюциях. Так, 25 мая николаевский Совет огромным большинством заявляет в резолюции, что он „считает настоятельной необходимостью поставить на всероссийском съезде Советов в первую очередь вопрос о роли Советов и создать единовластие основанное на воле народа, выражаемой через Советы рабочих, военных и крестьянских депутатов“. А в другой резолюции того же дня, николаевский Совет высказался за необходимость „установления планомерного контроля над производством, транспортом, обменом и распределением товаров“... за „организацию, в случаях необходимости, хозяйства как в местном масштабе, так и в государственном... не останавливаясь перед конфискацией капиталов, необходимых для указанных мероприятий¹⁾).

Так вынуждались говорить почти большевистским языком рабочие и солдаты не в силу своего отчетливого сознания положения вещей, — а под напором жизни. Эти противоречия говорили о том, что и здесь, как и во всей стране, пролетарские массы уже таят в себе микробы большевистской „заразы“. Предстояло озарить светом классового сознания этот еще бесознательный мир пролетарских инстинктивных стремлений.

Так как тогдашние николаевские большевики пока-что упорно не хотели расстаться с „объединенкой“, надо было, путем настойчивой работы, создать новую, хотя бы небольшую рабочую группу, которая стала бы ядром большевистской пропаганды.

¹⁾ Здесь цитаты приводятся из моей корреспонденции в указанном выше № 4 „Вперед“. Сама же корреспонденция цитировала эти резолюции по николаевским „Известиям“.

Нас нисколько не пугали предостережения кое-кого из слишком „мудрых“ николаевских медлителей, что момент, дескать, еще „не созрел“ и что нам угрожает перспектива остаться с ничтожной по численности группкой, вне „массовой“ партийной организации, какой, по их мнению, все же являлась „объединенка“.

Мы действовали тогда полностью в духе тов. Ленина, который, в апреле 1917 года, полемизируя с т. Каменевым, в своих „Письмах о тактике“, писал: „... т. Каменев противопоставляет „партию масс“ „группе пропагандистов“. Но... не приличнее ли и для интернационалистов в такой момент уметь противостоять „массовому“ угару, чем „хотеть остаться“ с массами, т. е. поддаться общему поветрию? Не обязательно ли уметь на известное время быть в меньшинстве против „массового“ угара? Не является ли работа именно пропагандистов как раз в настоящий момент центральным пунктом для высьождения пролетарской линии из „массового“ оборонческого и мелкобуржуазного угара?“.

Первые практические шаги по организации большевистской рабочей группы были сделаны в помещении организации „объединенной с.-д“. При энергичном содействии т. Анны Орловой, я познакомился с некоторыми товарищами, членами „объединенки“, которые, сознавая себя большевиками, уже начинали тяготясь своим пребыванием в ней. Одним из первых, поддержавших этот план, был Ц. Гурвич. Мы решили, что предварительно, для подготовки почвы, нужно будет сделать общий политический доклад, затем провести несколько собеседований с теми, кто проявит активность и отнесется сочувственно к идее — выделения всех интернационалистских элементов в особую организованную группу. Так и было сделано. В маленьком зале („клубе“) „объединенки“ я прочел общий доклад о войне и задачах революции. Центр тяжести доклада заключался в характеристике отношения социалистов 2-го интернационала к империалистской войне и в изложении идей левого крыла Циммервальда и Кинтала, как истинного зачинателя нового, революционного интернационала.

Доклад вызвал некоторые вопросы, некоторые, очень незначительные (поскольку мне помнится), возражения кое-кого из меньшевиков, но, в общем, последние держались тогда довольно сдержанно.

Но когда в следующий вечер мы намеревались в том же зале продолжить нашу работу — открыть широкое собеседование по затронутым вопросам, — мы уже наткнулись на препятствие: под каким-то благовидным предлогом нам отказано было в предоставлении зала, и с десятками двумя-тремя сочувствующих и интересующихся нам пришлось перебраться в другую комнату. Многие из слушателей уселись на подоконниках, многие просто стояли на ногах.

В этой, почти пустой комнате и проходила наша подготовительная пропагандистская работа в продолжение около двух недель. А 8-го июня окончательно сложилась „инициативная группа рабочих с.-д. интернационалистов“ (из них наиболее активными и передовыми были т. т. Гурвич, Зубок и Логвинов), которая и положила основание новой организации.

Характер и название последней определялись той специальной, непосредственной целью, ради которой она в тот момент создавалась: — а именно, вырвать, прежде всего, из болота господствовавших тогда в Николаеве партий, — „объединенной“ с.-д. и с.-р., — все склоняющиеся к революционно-пролетарскому интернационализму рабочие элементы и объединить их в своих рядах на платформе идей пролетарской социальной революции.

Считая, что большевизм и меньшевизм давно уже перестали быть только „фракциями“, а являются двумя глубоко-противоположными, по существу непримиримо-враждебными друг другу, мировыми (а не лишь российскими) партиями, мы полагали, что и водораздел между ними уже не совпадает с прежними фракционными делениями внутри российской с.-д. Мы стояли, поэтому, на том, что все последовательно-революционные пролетарские интернационалисты, даже если они по тем или иным частным, непринципиальным вопросам расходились с большевиками — могут быть объединены в единой организации.

Более того. Учитывая тот факт, что к партии с.-р. примыкало в тот момент в Николаеве множество рабочих, больше даже, нежели к с.-д., что многих из этих рабочих еще трудно было сразу оторвать от некоторых мелкобуржуазных предрассудков и утопических лозунгов этой партии (прежде всего, конечно, в вопросе аграрном), но уже можно было привлечь на почву пролетарского интернационализма и революционно-классовой борьбы за власть Советов, — мы открывали двери нашей организации и для таких рабочих, в уверенности, что в близком будущем, пребывая у нас под постоянным марксистским воспитанием и руководством, они, несомненно, полностью воспримут классово-пролетарскую идеологию и быстро утратят последние остатки своего эсеровского „народничества“. Мы готовы были также принять в свою среду из национальных рабочих партий, как укр. с.-д., евр. Бунд и др. тех революционных социалистов, которые решительно порвут с националистической идеологией и шовинистическими элементами.

Что до названия нашей организации, то мы сохранили название „с.-д.“, но, в качестве показателя нашей характерной особенности, прибавили слово „Интернационал“, по образцу германской „спартаковской“ группы интернационалистов (с Розой Люксембург и Мерингом во главе), существовавшей в 1915—16 г.г.

Полное, официальное название нашей группы было: „Николаевская объединенная с.-д. рабочая организация „Интернационал“.

Об основании новой организации мы опубликовали в местных „Известиях Совета“ общую, краткую и сжатую, принципиальную декларацию, при чем, вследствие умысленной оттяжки, которую проводил тогдашний редактор газеты, бывший меньшевик, вначале вовсе отказывавшийся печатать ее, — наша декларация появилась в газете лишь через две недели, 21-го июня. Да и то лишь под несообразным заголовком „Письмо в редакцию“.

Существеннейшими местами этой декларации, — вслед за указанием, кого мы стремимся объединить в наших рядах, — были следующие заявления: „Организация стоит на почве идей и принципов, провозглашенных на международных социалистических конференциях в Циммервальде и Кинтале, призывая к их левому флангу... Решительный разрыв с социализмом и „оборончеством“ — таково требование новой организации. Кроме того, за подписью „Инициативная группа“, мы выпустили, отпечатав в частной типографии, — в нескольких сотнях экземпляров, популярное воззвание к рабочим и солдатам, которое должно было служить призывом в наши ряды. В воззвании говорилось: „Российская революция рождена в огне и муках мировой войны. Мировая война налагает на российскую революцию величайшие мировые задачи“. А далее воззвание подчеркивало, — и этим оно провозглашало две важнейшие идеи большевизма, — что „в интересах самосохранения“, российская революция будет не „буржуазной революцией“, но должна претвориться в революцию пролетарскую, социалистическую, и что „она неизбежно примет международный характер“. В заключение воззвание призывало рабочих и солдат под знамя нарождающегося — „нового... истинно-социалистического третьего интернационала“, „интернационала социалистической борьбы, а не лишь социалистических фраз“...

С энергией и воодушевлением стала развивать свою работу наша группа.

Наша организация нуждалась в своем особом помещении, которое, при тогдашних условиях, мы могли получить только по найму (мы не могли ожидать, чтобы враждебный нам соглашательский Созет предоставил нам, — как это делалось в отношении всех других партийных организаций, — какое-либо бесплатное помещение); подходящая квартира нашлась на Адмиралской улице, где мы и обосновались. Нами выписывалось несколько газет, ибо наше помещение должно было служить и клубом - читальней, местом собрания не только наших членов, но и всех интересующихся; установлены были ежедневные дежурства по очереди членов инициативной группы.

Несколько раз на неделе проводились у нас доклады, собеседования, отклики на события дня, обсуждения текущего момента, разбор важнейших газетных статей, — преимущественно, конечно, статей Ленина в „Правде“. И наши открытые пропагандистские собрания-собеседования (о которых наши товарищи оповещали, каждый в своей мастерской или в своем цеху) привлекали к себе внимание и живой интерес многих рабочих, — с. - д., с. - р., анархистов, беспартийных, — переполнявших наше помещение до того, что многим приходилось за отсутствием места внутри, оставаться у открытых окон на улице.

Мы старались реагировать, — и устно и письменно, — на все важнейшие быстро сменявшиеся события лета 17 го года.

После тяжелых питерских дней 5—6 июля, когда наша партия казалась разгромленной, когда буржуазная контр-революция нагло и беззастенчиво подняла голову, и по всей стране началась оголтелая травля большевиков и интернационалистов вообще, — организация „Интернационал“ отнюдь ни на один день не сворачивала своей работы. Напротив. Вскорости после получения питерских газет, освещавших июльские петроградские события, нами было устроено открытое собрание, на котором эти события подверглись обсуждению.

На этом собрании мы приняли подробную резолюцию, в которой оправдывали июльское выступление в Питере, как „неизбежное последствие того тягостного, невыносимого положения, которое создалось в результате двухмесячного существования т. н. „коалиционной власти“, . . . „воочью показавшей всю гибельность свою для дела революции“. Резолюция клеймила „капитуляцию соглашательских социалистов перед российским и „союзным“ капитализмом как в вопросах внутренней, так и внешней политики“, клеймила „непростительную затею наступления“, предпринятого „вместо борьбы за скорейшее прекращение войны“, избличала политику изоляции истинного авангарда демократии — партии революционно-интернационалистского пролетариата. Резолюция заявляла „самый непримиримый протест против намечающихся попыток введения военной диктатуры, клонящейся к удушению революции“, и тут же провозглашала: „вся власть . . . должна незамедлительно перейти к самой демократии, к Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов“ . . .

Мы хотели, конечно, опубликовать ее в печати, но редактор единственной в Николаеве внепартийной „социалистической“ газеты — „Известий“, уже не б. меньшевик Л — д, а „с. - р.“ Якушкин, категорически отказался печатать „такую“, т. - е. явно-большевистскую резолюцию. Это был первый акт грубого закрытия для нас столбцов местного общесоветского органа, начало неприкрытой борьбы с нами социал-соглашателей, господствовавших тогда в Николаеве. Мы послали тогда нашу резолюцию в харьковский большевистский „Пролетарий“

(имевший распространение и в Николаеве), и в последне она была полностью, без всякой урезки, помещена (в номере от 23 июля — 5 августа — 17-го года).

За первым актом борьбы с нами со стороны г. Якушкина через несколько дней последовал второй: он отказался печатать в своих „Известиях“ даже наш протест против травли М. Горького, как интернационалиста, — травли, которая гнуснейшим образом велась в те июльские дни против великого писателя, как и против Ленина и др. вождей большевиков, — Бурцевым, Алексинским и даже плехановской газетой „Единство“. И этот протест наш также нашел себе место в том же харьковском „Пролетарии“¹⁾.

Работа нашей маленькой, хотя и идейно крепкой, организации протекала в тяжелых моральных условиях. Первоначальная инициативная группа, конечно, обростала все новыми членами, еще несравненно больше бывало сочувствующих на наших собраниях, и все же численный рост группы значительно отставал от размеров и настойчивости ее пропагандистской деятельности. И это понятно, если, прежде всего, принять во внимание то усыпляющее примиренческо-оборонческое настроение, которое в летние месяцы 17-го года (до корниловского выступления) царило в среде еще значительнейшей массы провинциального, в том числе николаевского пролетариата.

При таком настроении масс наша агитация требовала подчас истинного героизма. Наши товарищи, ведшие в своих мастерских и цехах агитацию, рассказывали, что и в этой среде им приходилось порой наталкиваться на стену слепоты и злобы. Особенно много огорчений и упорной борьбы приходилось выносить одному из преданнейших и активнейших наших товарищей, настойчивому и неустрашимому тов. Зубоку²⁾, рабочему электрической мастерской завода „Наваль“. Свой же товарищи по мастерской не раз угрожали вывезти его из завода на тачке или утопить, как „подкупленного немцами“, в реке; бывали даже попытки к физическому насилию над ним. Трудность нашей работы проистекала еще от отсутствия у нас печатного органа и от отмеченного уже выше „беспристрастного“ отношения к нам редакции советских „Известий“, что совершенно лишало нас возможности хоть сколько-нибудь пользоваться местной печатной трибуной, а также от той тактики злостного, недобросовестного нашептывания против нас, которая проводилась „объединенными“ меньшевиками (и, конечно, также эсерами).

Поэтому наша пропаганда давала больше реальных результатов в среде беспартийных, менее затронутых влиянием соглашателей, нежели в партийной среде.

¹⁾ № 102, от 9 августа (27 июля) 1917 г.

²⁾ Тов. Зубок умер от туберкулеза в 1918 г.

Но всего более удручала нас, разумеется, та полная пассивность, в которой попрежнему продолжали пребывать немногие большевики, все еще, несмотря на все события, остававшиеся в рядах „объединенки“¹⁾).

Особенно затруднительной стала работа группы в тяжелые июльские дни. Известно, что достославная клевета о немецких агентах, скрывающихся, будто, в лице большевиков, особенно распространялась по всей стране именно в этом месяце.

Помимо рассказанного выше, а также многих других, сравнительно менее ярких фактов, которые трудно в точности передать, на одно из наших собраний, в эти же дни, явились агенты т. н. „летучего отряда“ (бывшего в непосредственном распоряжении президиума Совета), заявившие, что в виду слухов и сообщений о „сомнительном“ характере нашей организации, нам запрещено собираться впредь до специального разрешения Совета. На следующий день это запрещение было отменено, но общая атмосфера вокруг нас продолжала оставаться чрезвычайно тягостной.

Все-таки мы не покладали рук. К третьей годовщине войны, — к 19 июля, — группа выпустила печатный листок под заголовком „Три года“, а над заголовком был помещен лозунг из манифеста Циммервальдской конференции: „Через границы, через дымящиеся поля битв, через разрушенные города и деревни, пролетарии всех стран, соединяйтесь“. Воззвание, в качестве вывода из всей данной им оценки войны, жирным шрифтом настойчиво утверждало: „Не „победа“, мнимая „победа“ одной враждующей страны над другой на полях сражений, — не победа „своей“ буржуазии на костях рабочих, а победа мирового пролетариата над мировым капитализмом, — вот где выход из ужасной войны, вот что должно быть нашей задачей“... Листок этот был успешно распространен нашими товарищами на заводах.

В июле же, в том самом июле, когда, в глазах злорадствовавших меньшевиков, большевики представлялись „окончательно“ разбитыми и „посрамленными“, был организован формальный и открытый разрыв с соглашательскими партиями тех наших товарищей, которые еще числились в списках у „объединенной с.-д.“, хотя уже давно порвали связи с этими организациями, не платя даже членских взносов.

Помню, что от имени товарищей, бывших раньше в „объединенке“, заявление прочел с трибуны т. Гурвич. Когда он

¹⁾ Помнится, что при встрече, во второй половине июля, с большевиком т. Склярком, когда мы разговорились об откровенно контр-революционной роли, которую стали играть меньшевики после июльских событий, я не мог не упрекнуть его: „как же можете вы и теперь прозябать в „объединенке“? На что он смущенно отвечал, что он - де фактически работает только в профсоюзе, а в парторганизации ничего не делает. „Оправдание“ было, по меньшей мере, странное..

окончил, и наши товарищи стали выходить, при молчании ошеломленного неожиданным выступлением „смутьянов“ меньшевистского собрания, вдруг раздался истерический крик меньшевички Мандельштам: „Это не марксисты, они стали мелкобуржуазными эсерами!“. Вскоре внутри организации наступил некоторый разлад.

Главную роль в этом разладе сыграл приехавший приблизительно в первой половине июля из Нижнего-Канавина т. Петров. Последний, заявив, что он большевик, приветствовал наше начинание и не только вступил в нашу организацию, но принял вначале довольно близкое и деятельное участие в нашей работе.

Но вот, после выхода наших товарищей из оборонческих партий, т. Петров, до слуха которого дошла пущенная лживая инсинуация меньшевиков о якобы немарксистской идеологии нашей группы „Интернационал“, стал выражать недовольство тем, что формально к нам могли вступать и те рабочие, которые целиком усвоили идеи классовой борьбы и пролетарского интернационализма, но еще не расстались с некоторыми, преимущественно в аграрном вопросе, мелкобуржуазными взглядами, воспринятыми ими у с. - р.

Т. Петров поставил под сомнение временную тактическую необходимость организации нашего типа для этого переходного периода в Николаеве, при отсутствии другой партийно-большевистской организации в городе, при еще очень значительном влиянии на рабочие массы эсерства, при еще незакончившемся идейном брожении масс; он поставил под сомнение необходимость ее, как переходного этапа к большевизму... Т. Петрову удалось увлечь за собой лишь незначительное меньшинство товарищей. Но разлад привел, конечно, к некоторому ослаблению нашей организации, хотя крепкое первоначальное ее ядро неуклонно продолжало свою работу.

„Группе „Интернационал“ пришлось еще раз,— и последний,— выступить в печати с изложением своей идейной позиции и своих классовых целей. Это был наш ответ на нападение, официально совершенное на нас, на столбцах местных „Известий“¹⁾, николаевским комитетом „объединенной с. - д.“, нападение, полное недобросовестных и неумных наклепов на нас и всяческих намеков, а в целом — являвшее собою жалкое, раздраженное выступление людей, вынужденных, наконец, демонстративным отколом наших товарищей и ростом нашего идейного влияния, прекратить свое долгое замалчивание нашего существования и нашей деятельности. Это было уже в конце июля. Само собой разумеется, что якушкинские „Известия“ и тут остались верными себе и, напечатавши нападки на нас, отказались дать место нашему ответу. Харьковский большевистский

¹⁾ В номере от 30 июля 1917 года.

„Пролетарий“ и в этот — третий — раз оказал нам поистине товарищескую помощь, полностью поместив на своих столбцах наш обстоятельный ответ николаевскому комитету меньшевиков¹⁾.

Между тем, к концу июля общественная реакция стала проявляться особенно угнетающе, и наша группа, — точнее, некоторые, не совсем устойчивые члены ее, стали чувствовать себя порой слишком одиноко. Мы стали склоняться к мысли, что наша группа уже выполнила свое особое назначение, как идейного будильника масс, что организовать массы для предстоящей великой революционной борьбы можно отныне лишь под ясным флагом партии.

Раскол (вернее, откол, потому, что ушло меньшинство, немногим больше, чем раньше), долгожданный „раскол николаевской объединенной с. - д.“, составивший с самого начала ближайшую цель наших стремлений и усилий, состоялся, наконец, в середине августа, и в этом деле члены нашей группы проявили максимальную активность. Создалась, наконец, и в Николаеве самостоятельная организация большевиков (некоторое время называвшаяся организацией РСДРП большевиков и интернационалистов), и, естественно, наша группа „Интернационал“ немедленно влилась в нее, прекратив свое самостоятельное существование.

Роль этой группы в деле идейной большевизации пролетариата в Николаеве была, пожалуй, не весьма шумной и потому, с внешней стороны, быть может, не столь яркой, как этого хотелось бы, но по существу заслуга ее довольно значительна.

2. ПАРТРАБОТА ДО ОКТЯБРЯ

После выступления Корнилова, в сентябре, в широких рабочих массах чувствовалась уже явная и резкая перемена настроения. Корниловщина, как известно, чрезвычайно ускорила процесс революционизирования пролетариата во всей стране, — эти политические последствия сказались быстро и в высокой степени и в Николаеве. Большевики с каждым днем завоевывали все больше и больше доверия и симпатий в массах, и наших товарищей, на непрекращавшихся тогда рабочих и солдатских митингах, принимали с одобрением, нередко — с горячим воодушевлением.

Особенно шумной популярностью в широких массах пользовался тогда неугомонный тов. Ровинский, который блистал не логикой, знаниями или красноречием, но простой убедительностью, — подчас грубоватой и несколько крикливой — своих выступлений, а также бурностью и неистощимостью своей энергии: он буквально поражал всех своими „резолуциями“ о т. н.

¹⁾ В № 112, от 21 (8) августа 1917 года.

„текущем моменте“, которые он умел изготавливать с удивительной быстротой и с такой же быстротой проводить их на многочисленных рабочих и солдатских митингах. Это был массовый митинговый оратор и, несмотря на поверхностность его агитации, он был тогда в Николаеве почти единственным большевиком, умевшим успешно завоевывать массу.

Из других активных наших товарищей-агитаторов выделялся еще молодой Вольпе (солдат), работавший преимущественно в воинских частях. Конечно, причины наших тогдашних успехов лежали в общем положении страны и революции, в выявившемся для всех контр-революционном характере коалиционной власти, во все большей очевидности предательства социал-соглашателей и т. д. И пролетариат Николаева быстро „большевизировался“ в своих политических настроениях, хотя в Совете раб. и воен. деп. наших товарищей было еще довольно мало...

Комитет нашей партийной организации помещался на отдаленной Рыбной улице, в очень неуютном и небольшом помещении, не соответствовавшем уже непрерывно увеличивавшейся организации, отчего страдала наша внутривластная работа.

Перед нами стояли тогда две первоочередных задачи: 1) усиление нашего участия и нашего влияния в Совете, т. е. завоевание Совета, и 2) создание собственного партийного печатного органа. Эти вопросы требовали немедленного разрешения.

Что до Совета, то во второй половине сентября, по настоянию нашего комитета, были произведены общие перевыборы его, что соответствовало растущему с каждым днем революционному настроению рабочих и солдатских масс Николаева. Перевыборы дали значительное количество большевиков в Совет, но все таки наша фракция и после перевыборов составляла все еще не более (если не менее) одной трети состава Совета.

Вместе с тов. Зимаком (рабочим, бывшим товарищем председателя Совета) автору этих воспоминаний приходилось в течение этих труднейших критических революционных месяцев руководить нашей советской фракцией и проводить ожесточенные бои с нашими политическими противниками.

Организация газеты наталкивалась на трудности, казавшиеся сразу непреодолимыми: это, во-первых, недостаток денежных средств, во-вторых, почти полное отсутствие товарищей, которые могли бы постоянно работать в газете. Первое затруднение еще можно было более или менее преодолеть — для этого организованы были как среди членов парторганизации, так и среди рабочих и солдат, сочувствовавших нашей партии специальные сборы на издание газеты, и необходимые средства постепенно собирались. Второе же затруднение — отсутствие газетных работников — устранить искусственными мерами

было невозможно. Поэтому произошла задержка в выпуске газеты, и мы вынуждены были ограничиться первое время еженедельной вместо ежедневной газеты.

Насколько настоятельно необходим был для нас собственный орган, лишней раз подтвердило следующее обстоятельство. На вновь образовавшуюся самостоятельную большевистскую организацию, и непосредственно — на тех большевиков, которые недавно откололись, вылезши, наконец, из засасывающего болота „объединенки“, несколько раз совершил атаку в местных „Известиях“ Исаев, один из лидеров николаевских меньшевиков, называвший себя „интернационалистом“. Эти выступления Исаева на страницах печати имели поводом заявление наших откальвывавшихся в августе товарищей, оглашенное на собрании, а затем в газете.

Исаев, перейдя в наступление, выступил с „разоблачениями“ — чего бы вы думали? — . . . не более и не менее, как будто бы, „скрытого“ „анархо-ленинского“, по его выражению, лица раскольников николаевской „объединенной с.-д.“! Мы решили реагировать на это меньшевистское выступление и в „Известиях“ от 5 октября (на сей раз редактор г. Якушкин вынужден был, скрепя сердце, уступить), был напечатан ответ под заглавием: „Наша правда“ за подписью комитета. Ответ содержал критику не только откровенного социал-патриотического оборончества, но и того вида оппортунизма, который не прочь был рядиться в красную одежду „интернационализма“ т.-е. — социалистического „центра“. Это было последнее наше, как парторганизации, использование оппортунистских „Известий“ для нашей пропаганды. Исаев вновь выступил, с ответом на „Нашу правду“, но мы уже не реагировали на это. Мы готовили наш собственный орган, где собирались тщательно и подробно освещать идеологию и линию борьбы большевизма. Назвали мы наш орган: „Пролетарское Знамя“. Первый номер его вышел 11 октября.

Больших трудностей стоил выпуск этого первого номера нашей газеты, но большая это была для нас радость. И не только для партийцев: искренний энтузиазм выражали по этому поводу и непартийные наборщики и печатники типографии (той самой, где печатались якушкинские „Известия“, которые эти рабочие прямо презирали), — и в честь этого первого номера первого большевистского органа в Николаеве типографские рабочие, по собственной инициативе, отпечатали два экземпляра газеты на плотной красной бумаге золотистыми буквами, принесли их в подарок, один — нашему партийному комитету, а другой — редактору.

В течение месяца — по 11 ноября, когда начались выборы в Учредительное собрание, — нам удалось выпустить только пять номеров газеты. Все они лежат передо мной и знаменуют собой первый, труднейший этап в созидании и жизни нашего

первого печатного партийного органа в Николаеве: да, труднейший, ибо труд не просто „редактирования“, но и почти полного составления газеты своими статьями, при отсутствии сотрудников (лишь несколько статей-заметок дали некоторые товарищи), при крайне неаккуратном и недостаточном поступлении информационного партийного и вообще рабочего материала, при одном лишь репортере, к тому же непартийном и весьма слабом,—этот чрезвычайно тяжелый труд лежал на одном единственном человеке. Этим объясняется обилие в нашей газете чисто „статейного“ материала, как общеполитического, так и популярно-теоретического характера, и некоторый недостаток в ней „оживляющего,“ конкретного, особенно-местного материала. Впрочем, „Пролетарское Знамя“, выходявшее не ежедневно, было тогда преимущественно пропагандистским, а не агитационным органом.

В то же время не прекращалась, конечно, устная агитационная работа парторганизации, — работа, которую энергично вели наши товарищи (кроме упомянутых выше Ровинского и Вольпе, т. т. Зимак, Скляр, Зубок, позже — Шафранский, Чигрин и др.) на рабочих заводских („Руссуд“, „Наваль“, „Балтвод“), солдатских (45-й запасный полк) и матросских (во флотском полуэкипаже) митингах. С каждой неделей увеличивалось число голосов, подаваемых на этих митингах за наши резолюции, — из заводов наибольшим сочувствием мы пользовались на „Руссуде“, а в 45-м пех. зап. полку к моменту Октябрьской революции мы имели за собой верное большинство¹⁾.

Участились выходы из соглашательских партий, особенно из партии с.-р. За десятками подписей печатались в „Пр. Зн.“ заявления рабочих об их уходе от с.-р. и вступлении в партию с.-д. большевиков. Наша организация быстро росла (достигнув в декабре 1200—1300 человек), но, следует заметить, что элемент, шедший к нам, не всегда бывал вполне доброкачественный (как это обнаружилось во время позднейших событий), а организация не могла успеть перевоспитать в должном направлении новичков, да, признаться, на эту работу внимания обращалось немного...

Была однако попытка к постановке внутри организации воспитательной работы. Для этого, в начале октября создана была агитационно-пропагандистская группа, которая стала вести занятия по лекционной системе, по различным вопросам социализма и рабочего движения, но наступившие вскорости грозные события заставили „свернуть“ эту работу.

¹⁾ 7-го октября общее собрание рабочих завода „Руссуд“ единогласно, при одном воздержавшемся, высказалось за передачу власти только Советам. Аналогичные резолюции 11 и 12 октября приняло общее цех. собрание главной механической мастерской завода „Наваль“, а также общее собрание матросов команды эскадр. миноносца „Беспокойный“ („Пролетарское Знамя“, №№ 1 и 2).

До октября произошло об'единение нашего комитета с группой с.-д Польши и Литвы, латышской и эстонской с. д. группой. Из иногородних организаций наш комитет был связан с Одесской организацией нашей партии, а в Херсоне наши товарищи, — Ровинский, Скляр, — явились основателями большевистской организации и некоторое время руководили ею. — С ЦК партии связей почти не было.

Не существовало также и губернского партийного центра. Правда, в связи с предстоящими выборами в Учредительное собрание, вероятно, в начале октября была созвана в Одессе херсонская губернская партконференция, но из всей Херсонщины на конференции были представлены лишь три организации: Одесская, Николаевская и Херсонская; все же был создан губпарткомитет из 9 чел. (по 4 от Одессы и Николаева и 1 от Херсона), функции которого, впрочем, были ограничены подготовкой к выборам в Учредительное собрание. Что касается последних, то в число кандидатов нашей партии по Херсонской губернии были избраны 5 октября общим партийным собранием, от Николаевской организации, следующие товарищи: Скляр, Марк, Ровинский и Бурый. (На выборах в Учредит. собрание, состоявшихся в середине ноября, за нашу партию голосовало в Николаеве свыше 25⁰/₁₀ всех избирателей, но из наших николаевских кандидатов избранным в депутаты по губернии оказался лишь один т. Скляр, стоявший в списке на 3-м месте¹). Но нас, большевиков, уже в этот период борьбы за Октябрь, — Учредительное собрание, по существу, не могло, конечно, интересовать...

Как уже выше отмечалось, мы, естественно, видели главную и основную нашу задачу в завоевании большинства в Совете, ибо только таким путем мы мыслили осуществить идею власти Советов. С напряжением ожидали мы момента открытия II всероссийского съезда Советов, ибо предугадывали, что с этим съездом связана новая, — наша, пролетарская и большевистская, — революция в Питере, вслед за которой должна будет пойти вся страна.

С пролетарским Петербургом, с его большевистским Советом, подготовлявшим штурм керенщины, мы жили тогда одной мыслью и одним чувством, а радиотелеграф, которым располагал Николаев, облегчал нам это единство. В николаевской организации в общем господствовало ленинское понимание необходимости борьбы за немедленный переход власти к Советам, за немедленное утверждение пролетарской диктатуры.

Находились, правда, и иные товарищи (и не из последних), которые, отражая линию т. т. Каменева и Зиновьева,

¹) Первыми двумя кандидатами в списке нашей партии по Херсонской губернии шли представители ЦК — т. т. Рязанов и Урицкий. Всего по Херсонской губернии прошли 4 большевика (4-й — одессит). „Пролет. Знамя“ №№ 1, 3 и 5).

в предвидении неизбежной ожесточенной „гражданской войны“ нашей партии с полчищами врагов, из страха перед этой борьбой, из неуверенности в исходе ее, стали, незадолго до переворота, проявлять колебания, толкуя о том, что Ленин де форсирует события, что обстановка в стране для революции еще не созрела, что нам грозит страшное поражение и т. п. Впрочем, подобные голоса были у нас единичными. Мы ждали и хотели Октября, ибо для нас ясно было, что иного пути нет ни для рабочего класса и его партии, ни для широких трудящихся масс . . .

Но нас смущал и беспокоил тот факт, что в местном Совете наша фракция, даже после последних пере выборов, составляла все еще меньшинство. Правда, мы пользовались идейным влиянием и за пределами наших рядов: обычно за наши резолюции и предложения голосовали левые с.-р., анархисты и революционно-настроенные беспартийные (все эти группы неспособны были на какую-либо самостоятельность в своих действиях), и поэтому иногда удавалось собирать за наши резолюции большинство голосов в Совете.

Так было, например, на одном из интереснейших пленарных собраний Николаевского Совета — 16 октября. Член всероссийского ЦИК Советов, правый с.-р. Кондратенко, выступивший с докладом, откровенно высказался не только против созыва II с'езда Советов, который-де „подорвал бы только авторитет Учредительного собрания“, но по существу и за ликвидацию Советов вообще. Речь его полна была нападок на большевиков, препятствующих, дескать, работе „демократии“.

Когда прения закончились, — часа в 2 ночи, по тогдашнему обыкновению, — большинством 94 голосов против 83, принята была резолюция, предложенная т. Вольпе (в числе „наших“ 94 голосов, были, кроме левых эсеров и анархистов, еще и голоса двучлиных украинских с.-д.). Резолюция, в своем заключении заявляла, что — „Николаевский Совет рабочих и военных депутатов выражает Временному правительству полное недоверие и считает, что только всероссийский с'езд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, к которому и должна перейти вся власть, может защитить Петроград и революцию как от внешних, так и внутренних врагов“ и т. д.¹⁾

Но это большинство наше не было прочным, оно зависело от случайностей, правый же фланг Совета, из с.-р., меньшевиков и прочих, имел большинство, хотя и незначительное, но более устойчивое.

Это обстоятельство и заставляло нас серьезно задумываться ~~перед~~ над наступающими событиями.

¹⁾ „Известия Ник. С. Р. и В. Д.“, № 137 от 18 окт. 1917 г. Также „Прол. Эн.“, № 2.

ОТКЛИКИ ОКТЯБРЯ В НИКОЛАЕВЕ

... О том, что в центре страны „час уже пробил“, что заветное пролетарское восстание, под идейным и организующим водительством нашей партии, уже совершилось, узнали мы в Николаеве в тот же день — 25 октября.

Помню хорошо, точно это было на-днях, что к вечеру этого дня в редакционную комнату ко мне, работавшему над подготовлением статей к очередному выпуску газеты, с каким то растерянным видом явился товарищ Г. и сообщил, что тов. Зимак просит меня немедленно притти к нему в Совет „по чрезвычайно экстренному делу“. На мой сейчас же заданный ему вопрос, нет ли вестей из Питера, т. Г. ответил как-то уклончиво, — мол, „что-то“ есть, но он не знает, что именно. а, впрочем, „узнаете у Зимака“. Тов. Зимак (я уже выше отмечал, что он был товарищем председателя Совета, а в то время он выполнял обязанности уехавшего председателя. Я. Ряппо) встретил меня с видом очень озабоченным и, таинственно позвав меня в другую комнату, наедине стал шопотом рассказывать мне, что поступившие в Совет по радио вести говорят о том, что в Петрограде разразились большие события, что наше восстание там, надо думать, совершившийся факт, но результаты его чрезвычайно неясны. Больше того, если верить некоторым, правда, противоречивым, радиogramмам, а также телеграммам, Временное Правительство будто бы подавляет восстание...

Положение, стало быть, неопределенно-тревожное, между тем на заводах уже распространились слухи о питерских событиях, настроение всюду в массах приподнятое и возбужденное, рабочие, сочувствующие нам, осаждают президиум Совета, требуя точных сообщений и немедленного, сегодня же, созыва общего собрания Совета для обсуждения величайшего исторического момента. Мы согласились на том, чтобы в виду неясности положения в Питере сослаться на отсутствие председателя Совета и общее собрание последнего отложить на следующий день, когда мы рассчитывали получить более достоверные и точные сведения о восстании, а также о настроениях масс николаевского пролетариата и гарнизона и, пожалуй, еще о положении в близкой к нам Одессе...

— Какой все же тактики держаться нам в Совете? Хорошо питерцам, где Совет большевистский. Но мы-то ведь здесь в меньшинстве! — с сомнением сказал т. Зимак.

— Наша тактика, — ответил я, — по-моему, не может подлежать ни малейшему сомнению. Хотя мы пока и в меньшинстве, наш лозунг: „власть — Совету“ остается ведь непоколебимым. На пленуме Совета мы, конечно, обязаны теперь, в виду совершившегося восстания в Питере, заострить вопрос

о Советской власти, ставя его конкретно и ребром: за поддержку питерского пролетариата или против него?

„Значит, мы говорим о власти Совету, а не большевикам?“ — несколько наивно и задумчиво спросил он.

Весь следующий день, 26 октября, прошел в состоянии всеобщего крайнего напряжения. Никому не работалось. Заводы кипели возбужденной рабочей массой. Эсеры и меньшевики, болтавшие в помещении Совета, вели себя в общем сдержанно, хотя втихомолку и ворчали о повторении — де большевиками июльской „авантюры“, которая, само собой разумеется, будет снова бита. . .

Утром тов. Зимак, в руки которого прежде всех поступали все радиogramмы, прочел нам глубоко и радостно взволновавшее нас воззвание С. Н. К. за подписью о совершенном перевороте. Мы ждали, однако, дополнительных известий.

На вечер назначено было общее собрание Совета, но именно к вечеру настроение стало омрачаться вследствие получения радиосообщений и воззваний Керенского, Авксентьева и прочих приверженцев свергнутого правительства, — сообщений о том, что Временное правительство, дескать, „существует“, что с фронта вызваны в Питер верные войска, которые — де с часу на час „сокрушат“ мятежников-большевиков. Хотя мы и не придавали много веры этим хвастливо-истерическим выкрикам Керенского и др., но для нас было ясно все же, что предстоит еще жестокая и, вероятно, долгая кровавая борьба, и не только там, в центре революции, но и в провинции.

Днем, от имени президиума Совета, мы попытались говорить по прямому проводу с „Румчеродом“, чтобы нащупать отношение к питерским событиям со стороны последнего и положение вещей в Одессе. Эта попытка, однако, не дала нам никаких результатов, кроме сообщения одесского телеграфиста, что „Румчерод“ вызвать к проводу невозможно, ибо здание телеграфа оцеплено какими-то войсками, и что общее настроение в Одессе „тревожное“. Впрочем, мы, большевики, вообще мало отрадного ожидали от переговоров с „Румчеродом“, зная о несомненно соглашательском, антибольшевистском большинстве этой организации.

Оставалось, таким образом, полагаться только на объективный ход событий и на местные наши силы, если бы дело и в Николаеве дошло до открытой борьбы с сторонниками свергнутого правительства. . .

Вечером собрался Совет. Но это был не только „Совет рабочих депутатов“: собрался весь николаевский пролетариат в самой сознательной, самой активной, самой революционной его части. Огромное помещение Совета было переполнено тысячной массой, находившейся в состоянии небывалого под'ема. У входов, на улицах толпились еще большие массы возбу-

жденных рабочих, которые не могли попасть внутрь. Это было незабываемое зрелище массового пролетарского революционного одушевления!

Пленарное заседание Совета, начавшееся часов в 7 вечера, затянулось почти до рассвета, а те же огромные массы рабочих, нечленов Совета, оставались на нем до конца, терпеливо ожидая результатов голосования, не только следя, но и принимая живейшее участие в прениях депутатов своими резкими репликами. Выступали представители всех партий и течений, не только руководители фракций, но и рядовые члены их, а также многие беспартийные.

Правый фланг держался, в общем, „корректно“ и примирительно по отношению к питерской революции, низвергнутой Временное правительство: повидимому, он находился под впечатлением и несомненной силы, и решительности самого восстания, и внушительного, ярко-большевистского настроения большинства местного политически-активного пролетариата. Поэтому правительство „коалиции“, уже свергнутое правительство Керенского, не нашло себе ни одного защитника в Совете — недавние его сторонники и идейные охранители опасались теперь и звуком высказаться в пользу его: конечно, они хорошо чувствовали, что этим они дискредитировали бы себя окончательно в глазах революционных масс! Напротив, устами своих ораторов (эсера Костенко, меньшевиков Д. Лейканда, Мандельштам и др.) они тоже „оправдывали“ большевистскую революцию 25-го октября, вернее, скрепя сердце, принимали ее, как „совершившийся факт“, против которого, дескать, ничего уж не поделаешь, но при этом они, как и следовало ожидать, усиленно подчеркивали, что весь смысл и оправдание переворота в их глазах — это исключительно ускорение созыва Учредительного собрания, которому, как „полномочному“ органу „всей демократии“, новая власть и должна передать судьбы страны и революции.

В своем выступлении на этом пленуме Совета мы старались прежде всего выявить всю неискренность, всю внутреннюю фальшь социал-соглашателей, якобы тоже „примемлющих“ Октябрьский переворот, а в действительности помышляющих о его скорейшей ликвидации в лоне буржуазной демократии; мы говорили о власти Советов, как о форме пролетарской диктатуры, „которая в капиталистическом окружении кажется бессмысленной лишь доктринерам, заучившим, что русская революция должна быть только буржуазной“; мы разъясняли тот величайшей важности факт империалистической эпохи, что только пролетариат и пролетарская власть способны разрешать общие задачи всех угнетенных, а это разрешение возможно лишь в непримиримой борьбе с империализмом, а значит — и с капитализмом. Отсюда — великое восстание в Питере, к которому должен целиком присоединиться и нико-

лаевский Совет, идя по стопам Совета первого города революции. Так обосновывали мы на этом замечательном заседании Совета, в исторический момент Октября, великую борьбу нашей партии.

Уже была глубокая ночь, когда прения были прекращены и приступили к чтению и голосованию резолюций. Резолюций предложено было две: одна от правого сектора Совета — с.-р. и меньшевиков — длинно и витиевато ходила вокруг да около и сводилась к мудрому предложению „однородно-социалистического правительства“; другая, наша резолюция (ее впопыхах набросал т. Зимак), была чрезвычайно краткой, но в краткости своей — острой и выразительной. Она гласила: „1) Власть Временного правительства николаевский Совет признает свергнутой и контр-революционной; 2) Николаевский Совет Р. и В. Д. заявляет свою полную солидарность с восставшими в Петрограде; 3) в г. Николаеве высшей властью является Совет Р. и В. Д., все постановления которого должны исполняться беспрекословно всеми учреждениями и гражданами г. Николаева“. Голосование резолюций выявило, однако, всю внутреннюю противоречивость и политическую неустойчивость тогдашнего состава николаевского Совета: из членов Совета, досидевших до голосования, обе предложенные резолюции получили одинаковое число голосов — по 73 голоса...¹⁾

В этот момент выявившегося раскола Совета на две равные и враждебные половины, в момент некоторого общего замешательства по поводу столь поразительного результата голосования, произошел характерный инцидент: один из самых горячих николаевских меньшевиков вдруг крикнул, что большинство голосовавших за Советскую власть наверное откажется от ответственности за этот лозунг, если дело дойдет до непосредственной борьбы. Тогда мы потребовали поименного переголосования с ясными подписями голосующих на листах бумаги. Однако, персональное голосование ничем не изменило данных предыдущего безыменного голосования. Заседание окончилось, так сказать, „в ничью“. Решено было по этому в один из ближайших дней возобновить пленум Совета для продолжения прений по тому же жгучему вопросу о власти²⁾.

Это продолжение общего заседания Совета происходило в воскресенье, 29 октября, в течение всего дня, снова при активном участии в нем тысячной рабочей массы, и закончилось лишь поздно вечером, после новых, долгих и упорных прений, которые в этот день имели уже иной, гораздо более

¹⁾ „Николаевские Известия“, № 146, от 28 октября 1917 г.

²⁾ В знак солидарности николаевского пролетариата с питерским мы предложили экстренно отправить для петроградских рабочих вагон хлеба в виде специального дара от николаевского Совета. Предложение было принято с энтузиазмом.

ожесточенный, характер, чем 26-го: меньшевики и эсеры за прошедшие два дня успели, видимо, стряхнуть с себя невольное впечатление того колоссального подъема масс, который так ярко проявлялся во время предыдущего заседания, и от тактики лицемерного „оправдания“ восстания большевиков, которой они держались на заседании 26-го октября, беззастенчиво перешли к откровенной атаке на большевиков.

И все-таки можно сказать, что это второе „историческое“ заседание николаевского Совета окончилось нашей моральной победой, хотя формально полная власть Совета в городе объявлена еще не была. Вместо проектов резолюций, которые, очевидно, не могли тогда получить решающего большинства, пленуму Совета предложены были два воззвания (от имени обеих половин Совета) для опубликования их от имени Совета. И на этот раз наше воззвание, которое разъясняло смысл восстания, поднятого петроградским Советом, как борьбы против Временного правительства, „правительства буржуазии“, „за власть Советов“, дабы „сам революционный народ в лице своих Советов рабочих, солдат и крестьян стал у власти“, воззвание, которое от первой строки до последней было выражением горячей солидарности николаевского пролетариата с Октябрьской революцией, которое призывало всех трудящихся сплываться вокруг Совета, „слушать только его“, ибо „Совет один стоит и может стоять на страже революции“, воззвание, заканчивавшееся лозунгом: „да здравствует власть трудового народа!“—это воззвание, предложенное нашей фракцией, собрало, при шумных одобрениях, заметное большинство голосов, хотя, чтобы не обидеть и правую половину Совета и по ее настоянию, решено было опубликовать (в форме листовок) и ее воззвание, полное всяких расправчатых либеральных фраз.

Однако, не могу не отметить, что в эту победу нашу вкрался один, правда, незначительный, но не совсем приятный момент. После оглашения текста нашего воззвания к руководителям нашей фракции обратились с заявлением украинские с.-д. (их было всего несколько человек в Совете) о том, что они готовы голосовать за наше воззвание, но лишь при условии включения нами в текст его нескольких строк, предлагаемых ими. Вставка укр. с.-д. гласила: „Совет идет вместе с Центральной Украинской Радой, взявшей на себя совместно с представителями всех социалистических партий (в комитете по обороне революции) защиту революции во всей автономной Украине в ее этнографических границах, опираясь на 2¹/₂ миллиона организованного, дисциплинированного украинского революционного войска“. Как мы ни доказывали им, что если вопрос идет о признании полного национального самоопределения Украины, то об этом ясно и точно говорится в нашем тексте; как ни объясняли мы им, что такая вставка плохо вяжется и с внутренней,

и с стилистической стороны воззвания, они упрямо настаивали на принятии их предложения без всяких изменений. Посоветовавшись, мы решили уступить, приняв во внимание, что Центральная Рада в последнее время вела борьбу с правительством Керенского, мы полагали поэтому, что враг нашего врага мог быть, хотя бы временно, нашим союзником. И эта вынужденная вставка каким-то чуждым, нелепым привеском торчала в заключительной части нашего воззвания.

Итак, мы все-таки одержали морально-идейную победу в николаевском Совете в результате столь долгой и упорной борьбы в нем в критический, великий момент Октября. С нами, с Октябрьской, с „советской“ революцией было очевидно большинство николаевского пролетариата — вот что, бесспорно, показали эти знаменательные дни. Это еще не было официальное провозглашение власти Совета в Николаеве, но это уже был явный приступ к нему. Противник не был где-то вне пролетариата, чужой, враждебной классовой силой: он был в среде самой рабочей массы, в лице ее еще недозревшей части. Наша задача заключалась отныне в том, чтобы помочь „дозреть“ этой последней для совершения полной „октябрьской“ революции и в Николаеве.

К НИКОЛАЕВСКОМУ ОКТЯБРЮ

В октябрьские дни настроение и сочувствие большинства местного пролетариата было принципиально с нами и с великой революцией, героически совершенной ленинградским пролетариатом под идейным и организационным руководством нашей партии, но в это настроение еще вмешивались некоторые элементы тревоги и неуверенности в конечной победе этой революции, а потому и некоторой сдержанности. Эта сдержанность и проявлялась при решении вопроса о немедленном провозглашении Советской власти в Николаеве, когда этот вопрос ставился нами ребром после питерского Октября. Смысл этой сдержанности можно — и это будет очень близко к истине — выразить примерно такими словами. Мы, николаевские рабочие, целиком согласны с питерским пролетариатом и его революцией, которая смела контр-революционную, буржуазно-„коалиционную“ власть и устанавливает власть пролетарских Советов; лучше власти Советов для рабочих, конечно, и быть не может. Но мы, сочувствуя здесь всей душой Октябрьскому перевороту в Питере, не можем все же сейчас, немедленно, объявить формальную власть Совета у нас, ибо в Николаеве не созрели еще в полной мере все необходимые условия для этого, ибо в Николаеве не было такой остроты классовой борьбы. На крупнейших, судостроительных и других, заводах города существуют заводские рабо-

чие комитеты, фактически осуществляющие рабочий контроль над производством и администрацией, который делает эти рабочие органы едва ли не хозяевами производства; кроме того, хотя Советская власть в городе не была провозглашена и помимо пролетарского Совета существует в нем еще и так называемая „демократическая“ Дума, но фактически наибольший авторитет и действительную силу имеет Совет, ибо только за ним стоят массы николаевского пролетариата и весь местный гарнизон. Если бы кто-либо осмелился посягнуть на Совет рабочих депутатов, он бы испытал на себе эту грозную силу. Но пока в Совете еще нет определенного большинства решительных сторонников власти Советов, приходится воздержаться от формального объявления ее каким-либо обходным путем. Надо выждать...

Именно надо было выждать¹⁾. Основной факт — отсутствие у нас постоянного, твердого большинства в Совете — ведь был бесспорен, и он диктовал нам необходимость терпеливого, но упорного продолжения нашей идейно-пропагандистской работы в гуще рабочих и солдатских масс, укреплению и расширения нашей партийной организации с твердой установкой на то, что эта наша работа, вместе с дальнейшим опытом революционной борьбы в стране, заставит массы радикально изменить состав николаевского Совета в нашу пользу. И мы не сомневались, что ждать этого победного результата — объявления в Николаеве власти Совета большинством самого Совета — придется недолго. Но мы считали, что в тогдашних условиях Николаева это должно было совершаться только путем предварительного завоевания нами большинства в Совете...

Так как ни одна фракция не имела в совете большинства так как достаточно выяснилось в известном смысле бесплодие пленумов Совета, в которых сегодня собирает большинство одна политическая линия, а завтра другая, противоположная. либо не побеждает никакая линия, то, после знаменитых „перманентных“ заседаний Совета конца октября, в его жизни установилось некоторое затишье: центр тяжести его работы был перенесен в исполнительные органы. С другой стороны, в виду оторванности города от государственного центра и необходимости немедленного создания „законной“ власти, которая импонировала бы всем, в начале ноября создан в Николаеве новый орган, ставший формально органом высшей городской власти: — так называемый „Революционный штаб“ (комитет).

¹⁾ Такой формальный подход к идее власти Советов представляется редакции неправильным и несоответствующим тактике большевиков в Октябрьский период. Основная установка Ленина в это время состояла не в том, чтобы конституционным путем провести признание диктатуры пролетариата через все советы на местах, а в том, чтобы на деле добиться установления этой диктатуры, опираясь на поддержку рабочих и солдат в основных центрах страны. Ниже сам автор констатирует, что события развивались вне соглашательского совета. — Р е д.

Инициатива образования его принадлежала „объединенным с.-д. (т.-е. меньшевикам). Никак не умея и не желая расстаться с столь близкой их сердцу „демократической“ Думой, они предложили создать совместное представительство Совета и Думы (по 2 человека) в едином комитете со включением в него и представителей социалистических партий и этому комитету предоставить верховную власть в городе. Мы, большевики, вынужденные временно согласиться на такую межеумочную форму власти ради обеспечения в этом органе все-таки преобладающего значения и авторитета Совета, настаивали на том, чтобы председателем Рев. штаба был председатель Совета, и против этого не могли выступать даже меньшевики, тем более, что в то время председателем Совета был член их партии. Так оформилось переходное состояние очень неустойчивого, колеблющегося равновесия политических сил в Николаеве.

Между тем наша парторганизация продолжала свою агитационную работу в массах. Необходимо было вести постоянное разъяснение причин, смысла и значения Октябрьской революции, действий Совета Народных Комиссаров и, в связи с этим, преодолевать множество закоренелых или навязанных социал-оппортунистами политических предрассудков насчет „демократии“ и выяснять сущность пролетарской диктатуры.

Самыми острыми, вызывавшими всего больше сомнений даже в рядах партии, не говоря уже о широкой беспартийной рабочей массе, были вопросы: 1) о взаимоотношении между властью Советов и гегемонией партии большевиков (дескать, „вы, большевики, стремитесь, к своей собственной власти, а вовсе не к власти Советов и рабочего класса“ — вот как в просторечии выражалась эта политическая проблема, что нам доводилось слышать не раз) и 2) о взаимоотношении между пролетарской Советской властью и „всенародным“ Учредительным собранием, которое выбирали, к созыву которого готовились. Второй вопрос в тот момент приобретал, пожалуй, еще большую актуальность, нежели первый: и то сказать, ведь с 1905 года этот лозунг об Учредительном собрании был таким „заветным“, таким революционным и всепокрывающим!

Мы в тесном кругу товарищей, разумеется, уже прекрасно понимали, что с властью Советов, с классовой диктатурой пролетариата не вяжется, не мирится „всенародное“, межклассовое Учредительное собрание, что Октябрьская революция самым фактом своим уже переросла Учредительное собрание, уже перебрала нашу страну через него, сделав этот старый, когда-то столь прогрессивный и революционный лозунг уже устаревшим и реакционным. И потому в номере нашего „Пролетарского Знамени“, вышедшем накануне выборов в Учредительное собрание, мы в статье: „Учредительное собрание и наши задачи“ открыто разъясняли уже, что нашей, большевистской, задачей в Учредительном собрании должна быть борьба за утверждение Октябрьского

переворота, власти Советов, т.-е. мы фактически раскрывали перед рабочей массой ту „тайну“, что не Советы пролетариата ради Учредительного собрания, но, наоборот, мы идем в Учредительное собрание ради торжества Советской власти; и, предвидя возможность, даже, пожалуй, неизбежность антисоветского большинства в Учредительном собрании, мы уже тогда призывали пролетариат быть готовым к борьбе за пролетарскую власть „внепарламентским“ путем. Однако, Учредительное собрание выбирать и созывать надо было, ибо оно еще являлось народным предрассудком, „который необходимо пережить для того, чтобы его изжить“. Поэтому также во всех выработывавшихся нами в то время резолюциях мы должны были, конечно, отдавать известную дань этому историческому предрассудку, упоминая о созыве Учредительного Собрания. Но упоминали мы о нем так бегло и так „между прочим“, что для всех должно было стать очевидным, что не в нем видим мы центр тяжести революции, что мы преодолели уже иллюзии внеклассовой демократии, что мы стоим перед дилеммой: либо диктатура буржуазии, либо диктатура пролетариата! И смею прибавить, что, перечитывая эти наши статьи, проекты резолюций и речи 1917 года, я и теперь, после проделанной за эти 10 лет нашей партией, прежде всего, конечно, гением Ленина, углубленной теоретической разработки проблемы диктатуры и демократии, не нахожу в них никаких более или менее существенных теоретических недостатков или ошибок...

Итак, наша организация продолжала свою массовую работу агитации. Нашим уже давним оплотом был завод „Руссуд“¹⁾. Но и николаевский гигант, завод „Наваль“, постепенно

¹⁾ Вот, например, что гласила одна характерная резолюция митинга завода „Руссуд“, прочитанная в качестве внеочередного заявления при открытии заседания Совета 14 ноября („Николаевские Известия“ от 16 ноября 1917 г.). Резолюция непосредственно обращена была против явно антибольшевистского направления органа Совета „Известий“, но по существу своему она метила гораздо дальше и глубже... — „Известия“, как орган Совета Р. и В. Д., — говорила резолюция, — не может являться органом предвыборной агитации отдельной партии, между тем на страницах „Известий“ контрабандным путем помещено обращение голосовать за список труд. н. с. партии. Совет постановил поддержать выступление петроградского пролетариата и новую Советскую власть, поэтому орган „Известия“ должен руководствоваться платформой 2-го Всероссийского съезда Советов и декретами Совета Народных комиссаров. Обращаем внимание Совета на статьи гр. Якушкина и ряд ненормальных явлений. Требуем радикального изменения направления газеты и отстранения гр. Якушкина“. И в виде красноречивого знака протеста рабочих - „руссудовец“ демонстративно изорвал перед собранием Совета номер „Известий“, крикнув: „Вот что мы будем делать с вашей газетой!“... И тем не менее, несмотря на частые впоследствии протесты рабочих против линии „Известий“ и специально против их редактора Якушкина, несмотря на уверения председателя Совета, что „меры к устранению ненормальностей приняты“, Якушкин продолжал царствовать в николаевских „Известиях“ не больше и не меньше, как до середины января, т.-е. до установления Советской власти в городе!

переходил на нашу сторону. Так, в резолюции рабочих этого завода, принятой вскорости после Октября (напечатана в № 4 „Пролет. Знамя“ от 7 ноября) отчетливо говорилось: „1) вся власть Совету Р. и В. Д., 2) николаевский Совет Р. и В. Д. должен дать соответственную поддержку Центр. Рев. Комитету г. Петрограда во всех его действиях в настоящий момент... и 5) мы, рабочие, являясь авангардом революции, решительно заявляем, что готовы грудью постоять за кровью добываемую свободу и жизнью не пожалеет для защиты Совета Р. и В. Д., если он станет на точку зрения нас, рабочих, в нынешней революционной борьбе“. Так, можно сказать, что большевистское, или, точнее, советское, настроение охватывало с каждым днем все больше основные массы николаевского пролетариата.

О 45-ом пехотном запасном полке, расположенном в Николаеве, я уже говорил: большевистские лозунги и борьба давно находили там живой отклик, хотя следует признать, что эти наши лозунги у некоторых частей солдат принимали порой шкурнический характер. За нас в общем стоял и флотский полуэкипаж. Красная рабочая гвардия, начало организации которой в Николаеве относится еще к августу, стала стремительно расти после Октября под влиянием и руководством наших товарищей. Шел лихорадочный рост нашей партийной организации. Все же частичные перевыборы депутатов в Совет, пр. исходившие кое-где по местной инициативе, еще не давали нам решительного и безусловного перевеса в Совете в течение всего ноября и декабря.

Был еще один путь, который мог бы стать и едва-едва в действительности и не стал путем к разрешению вопроса о власти. Этот путь — с'езд Советов Херсонской губернии, состоявшийся в Николаеве в двадцатых числах ноября. С'езд этот заседал 3 дня, с 21-го по 23-е ноября, и был сознательно сорван нашими делегатами, нашей с'ездовской фракцией, когда выявилась его бесцельность и бесплодность вследствие того, что по коренному вопросу о власти он разбился почти на две равные половины¹⁾. Из наших делегатов на этом с'езде наибольшую роль играли т. Роинский (от Херсонского совета) и т. Вольпе (от Николаевского). Когда после прений по „текущему моменту“ с'езд перешел к голосованию, наша резолюция, к которой присоединились и левые с.-р., собрала 17 голосов, а резолюция „объединенных“ с.-д. и с.-р. (к которым на этот раз изменнически перебежали беспринципно-лицемерные украинские с.-д., служивавшие вообще более сильным и тем, которые давали им в данный момент больше обещаний) получила 18 голосов при одном воздержавшемся.

¹⁾ Данные об этом губернском с'езде Советов цитируются по № „Николаевских Известий“ от 26 ноября 1917 г.

Наша фракция потребовала тогда перерыва заседания для обсуждения создавшегося положения. А после перерыва, на 3-й день с'езда, от имени фракции большевиков прочитаны были с'езду в упор формулированные вопросы: признает ли последний Совет Народных комиссаров, декреты о земле и мире, 2-й всероссийский с'езд Советов рабочих и солдатских депутатов и чрезвычайный с'езд крестьянских депутатов?

Последовало фракционное совещание меньшевиков и с.-р., после которого от их имени было заявлено, что они „признают однородное социалистическое министерство“ (известный уже тогдашний нелепый конек междуумочных социалистов!), стало быть — это не договаривалось членораздельно, но само собою подразумевалось — не признают Совета народных комиссаров; признают декреты о мире и земле, но что касается признания авторитета 2-го всероссийского с'езда Советов, автора этих декретов, то (тут мужество и последовательность этих горе-социалистов не выдержали) они... от ответа на этот вопрос воздерживаются.

Нам больше и не нужно было, как это отчетливое выявление политической физиономии социал-соглашателей по конкретным, боевым и жгучим вопросам тогдашнего исторического момента. Этого выявления мы добились, и дальнейшие заседания этого с'езда ради обсуждения других политических вопросов его порядка дня (напр., вопроса украинского), т.-е. ради „органической работы“ совместно с откровенными противниками Октябрьской революции, как того последним хотелось, наша фракция справедливо считала невозможными, даже политически вредными. Вследствие отказа фракции большевиков продолжать участие в с'езде, последний вынужден был закрыться, избрав организационное бюро для созыва следующего губс'езда Советов.

Каковы были предложенные на этом с'езде резолюции? Резолюция с.-д. „об'единенных“, с.-р. и у. с.-д., „признавая переворот (Октябрьский), как полный крах принципа коалиции“, тем не менее „не может признать власти Совета народных комиссаров, как диктатуры только крайней левой части (?) большевистской партии, не опирающейся на всю революционную демократию, и осуждает гражданскую войну“... И посему — „призывает всю демократию к об'единению вокруг Советов, а также органов городского и земского самоуправления... дабы довести страну до Учредительного собрания“. Что им и требовалось „доказать“. Т.-е., с одной стороны, „полный крах принципа коалиции“ (с буржуазией), а, с другой стороны, все-таки — та же милая коалиция рабочих Советов с городскими думами и земствами, где заседали представители той же буржуазии, а все это, само собой разумеется, должно было увенчаться „всенародным“ Учредительным собранием, с участием опять-таки буржуазии!

Такова была двулика „логика“ оппортунистов, особенно меньшевиков, и к тому же „левых“, т.-е. лучших меньшевиков.

Наша резолюция давала прежде всего характеристику 8 месячного периода от Февраля до Октября. Она квалифицировала „губительную для народных масс политику буржуазных и коалиционных временных правительств“, как „совершенно естественную для власти, находившейся в распоряжении капитала и тех „социалистов“, которые только в единении с буржуазией видели задачу своей политической деятельности“. Она утверждала необходимость и неизбежность новой пролетарской революции.

Проанализировав внутреннее состояние страны, положение пролетариата, безземельного крестьянства, армии, указав на „систематический саботаж и намеренное расстройство промышленности со стороны капиталистов“, резолюция устанавливала „неотложность“ Октябрьского восстания, — „тем более, что Временное правительство, вступив на путь открытой борьбы с петербургским Советом раб. и солд. депутатов, обнаружило тем свою подлинную контр-революционную сущность, покушаясь на Советы, душу русской революции“.

Мы клеймили далее „позорное поведение праваго фланга демократии“, который „в самый критический момент исторической борьбы партии пролетариата открыто стал на сторону его злейших классовых врагов, а ныне продолжает саботажем подрывать его завоевания“. Мы заявляли, что „Советская власть опирающаяся на подлинно революционную демократию, должна состоять только из представителей действительно-интернационалистских социалистических партий, входящих в Ц. И. К., которые стали на платформу 2-го съезда Советов“, а на местах — „власть должна принадлежать Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов“. „Начало социалистического переустройства общества открыто пролетарской революцией в России в октябре 1917 года“, — провозглашала наша резолюция.

В числе ближайших, непосредственных задач новой власти мы устанавливали: „неуклонную борьбу за прекращение братоубийственной бойни, борьбу, не останавливающуюся перед разрывом с союзными „империалистами“, „передачу земли крестьянским комитетам“, „введение рабочего контроля над производством“ и (конечно, также!) „созыв в срок Учредительного собрания“. Но тут же мы добавляли: „Правительство народных комиссаров, вступившее уже на путь разрешения этих задач, будет пользоваться всемерной нашей поддержкой как до, так и во время Учредительного собрания, когда дело революции, решаемое в стенах парламента, потребует для своего отстаивания всей мощи организованной в Советах революционной трудовой демократии“. Таким образом подготавливали мы к тому „ужасному“, разрушающему фетишизм „всеобщей демократии“

выводу, что это пресловутое Учредительное собрание может быть сметено революционным пролетариатом, если последнее пойдет против него и его великой революции...

Но, как сказано, херсонский губернский съезд Советов в ноябре (точнее, половина его состава) побоялся еще усвоить эту простую пролетарскую и революционную истину и, разбившись на две почти равные половины, явил собою неприглядное зрелище настоящей политической импотенции, подобное тому состоянию, в котором хронически пребывал в последнее время николаевский Совет. Нам, таким образом, не удалось сделать этот съезд источником советского переворота в нашей губернии и в нашем городе. А так как отсутствие какого-либо устойчивого большинства в николаевском Совете делало последний в общеполитическом смысле положительно немощным, обрекая его на политическое бездействие, то события в Николаеве неизбежно развивались в дальнейшем вне Совета, помимо него и порой даже против него.

Революционные массы рабочих, а еще больше и чаще солдат, видя недопустимое бессилие, на которое добровольно обрекала Совет правая половина его, стали постепенно проникаться духом прямого недоверия к нему, отчего недалеко уже было до игнорирования Совета, от которого разочарованные массы переставали уже ожидать разрешения своих нужд. В дальнейшем они должны были неизбежно перейти на путь самолично - стихийных действий.

Массы солдат и рабочих, терпевших всевозможные лишения, Красная гвардия, нуждавшаяся в оружии и проч. и не встречавшая со стороны президиума Совета достаточного внимания к себе и к своим нуждам, все недовольные и революционные пролетарские элементы города, естественно, склонны были усматривать главную причину своего недовольства в соглашательских партиях Совета, мешавших установлению полноты его власти.

В связи с этим на пленарном заседании Совета 30 ноября председатель совета т. Ряппо¹⁾ сложил свои обязанности, и фракции меньшевиков и с. - р. (за которыми поплелись, конечно, эн - эсы и украинские с. - д.) выступили с жалобами на „травлю“ их большевиками, при чем эти фракции угрожали нам отказом своим от всякого участия в практической работе Совета и его органов, если мы не примем их требований касательно нашего добронравного поведения. Хорошо ответили обиженным о. портунистами т. Зубок, напомнивший о действительной травле и даже гонениях, которым несколько месяцев назад подвергали бывшие тогда безраздельными господами положения правые

¹⁾ К личности т. Я. Ряппо, тогда лидера меньшевиков - интернационалистов, мы, большевики, всегда относились с уважением, особенно ценя его искренность и большую подкупающую энергию и работоспособность.

партии „маленькую, но крепкую группу интернационалистов“, и т. Зима, указавший, что орган Совета „Известия“ ведет систематическую кампанию против большевиков, до того злостную, что печатники „Известий“ грозят забастовкой, если газета будет вестись в том же духе. Он категорически подчеркнул от имени нашей фракции, что никаких ультимативных требований со стороны правых фракций большевики не принимают.

Тогда представители с.-р. и меньшевиков (а затем и их подголоски) заявили после сложения своих полномочий председателем Совета, что при выборах нового председателя они будут воздерживаться и что они отзывают членов своих фракций из президиума и бюро Совета. Таким образом, эти почтенные партии перешли в николаевском Совете на выгодное для себя положение безответственной оппозиции.

Весь маневр, проделанный соц.-оппортунистами на заседании 30 ноября, свидетельствовал о том, что почва в Николаеве все больше накаливалась, что меньшевики и их друзья, предвидя неизбежность в близком будущем победы нашей партии и Советской власти также в Николаеве и понимая свое бессилие противостоять неотвратимому ходу вещей, решили заблаговременно и благоразумно уйти со сцены, перейдя на положение пассивных наблюдателей событий и, так сказать, „чистых“ критиков.

Новым председателем Совета избран был (разумеется, при поддержке нашей фракции, а также анархистов) левый с.-р., прапорщик Руденко. Мы поддерживали эту кандидатуру, так как считали более целесообразным пока что не выставлять в председатели нашего товарища. Но эта смена председателя и уход из президиума и исполнительного бюро Совета меньшевиков и с.-р., хотя и революционизировали эти исполнительные органы, не привели, однако, к оживлению деятельности Совета и к росту его значения и силы. Положение попрежнему продолжало оставаться переходным со всеми противоречиями и неопределенностями, свойственными такому периоду...

События и действия возникали, развергивались и разрешались вне Совета. Это происходило, конечно, от отсутствия полноты власти Совета, хотя эта власть, можно сказать, сама уже стучалась в двери его... Новый председатель оказался человеком малой инициативы и энергии, как и вся его партия, впрочем, мы же, большевики, понимали, что наше время еще не совсем пришло в Николаеве (! — Ред.), что необходима еще некоторая подготовка не только для формального провозглашения, но и для фактического осуществления действительной власти Совета и пролетарской диктатуры в городе. По требованию нашей фракции, общее собрание Совета 10 декабря постановило произвести общие

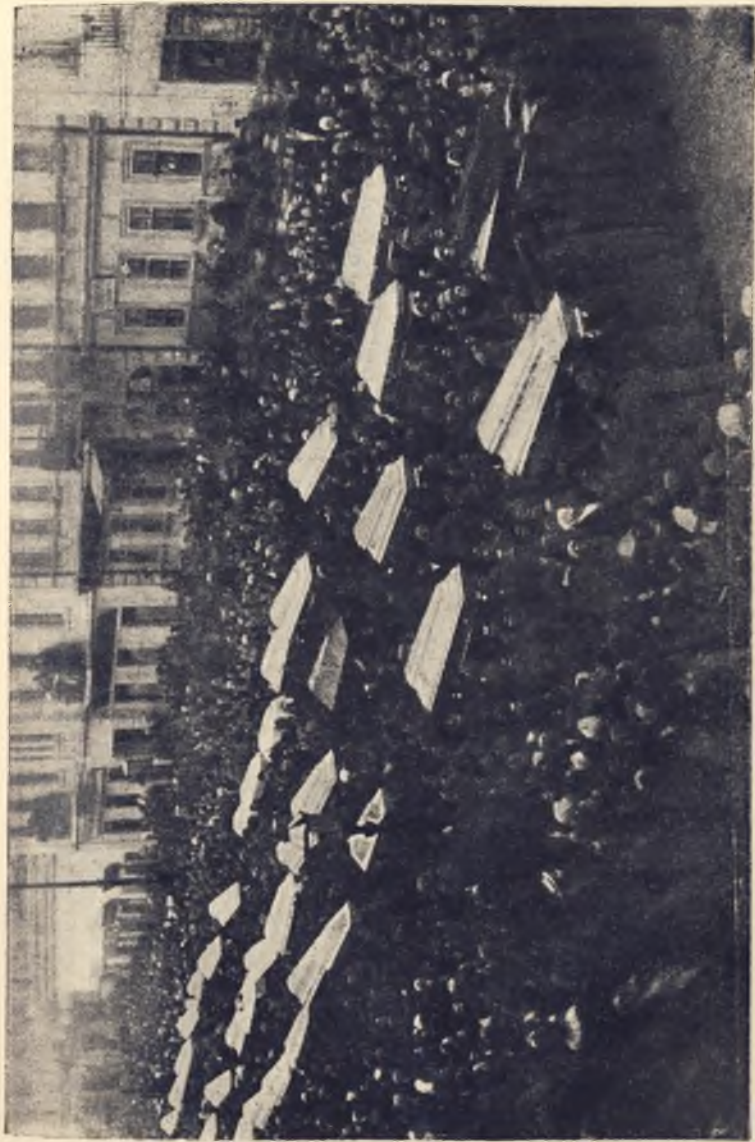
перевыборы всего состава Совета, которые были назначены на первую неделю наступавшего января¹⁾).

К этим близким перевыборам Совета мы и готовились; мы не сомневались, что они должны дать нам большинство со всеми вытекающими политическими последствиями...

Однако, не все в нашей партийной организации сохраняли должную, сознательную революционную выдержку и должное понимание характера необходимой подготовки к нашему Октябрю. И в декабре, под влиянием усложнившейся в городе обстановки, разногласия внутри нашей парторганизации приобрели на один момент острый и резкий характер конфликта...

Как известно, на Украине в борьбу за власть вмешалась Украинская Центральная Рада. Борьба за диктатуру пролетариата, за социалистическую революцию усложнялась на Украине вопросом национальным, вопросом о „национальном самоопределении“, к которому каждый класс и каждая партия и прежде всего пролетариат и наша партия должны были определить свое отношение. Должен отметить, что Николаев в целом, в подавляющем большинстве своем, как рабочего, так и буржуазного населения относился тогда к национальному самоопределению Украины, как к вопросу, который во всяком случае Николаева не касается. Правда, и в Николаеве еще с лета сложились украинские партийные группы — украинские с.-р., украинские с.-д., составившие даже свою местную украинскую „раду“, но влияние их на массы вплоть до ноября было совершенно ничтожно, а в Совете рабочих и военных депутатов их представительство исчислялось лишь несколькими единицами. И в Совете, и в Думе огромное большинство (в том числе и с.-д., и с.-р.) держалось той мысли, что если Украина „самоопределится“, т.-е. в той или иной степени отделится от России, то Николаев, как город с незначительным украинским населением, с большим количеством различных национальностей, его населяющих, должен стать городом вольным, самостоятельным. Однако, когда в России началась великая пролетарско-большевистская борьба за власть Советов, а на Украине выступила шовинистическая мелкобуржуазная Центральная рада, сразу ставшая в оппозицию к Советской власти, а вскорости перешедшая даже в открытую контр-революционную войну с российским Советом народных комиссаров, все это нисколько не помешало николаевским „социалистам“ без всякого стеснения сразу же ухватиться за ту же раньше ими игнорируемую Центральную раду, как за якорь спасения Украины, а с нею же и Николаева от гидры большевизма...

¹⁾ „Ник. Известия“ от 17 дек. Это назначение общих перевыборов также послужило одной из причин упадка жизни в Совете в течение декабря.

Похороны 117_красногвардейцев, погибших в боях с гайдамаками_в Одессе в январе 1918 года

Впервые украинский вопрос был поставлен в Николаеве официально после провозглашения Центральной радой в ее 3-ем. Универсале т. н. „Украинской народной республики“. Общее собрание Совета 14 ноября и было в первый раз в Николаеве посвящено вопросу „Об Украине и об отношении к Центральной раде“¹⁾. Был оглашен „Универсал“ и заслушан был доклад Брояковского (укр. с.-р.). От нашей фракции говорил т. Скляр, высказавшийся, правда, в выражениях осторожных, но подчеркнувший сомнительный состав Рады и заявивший, что партия большевиков, которая последовательнее всех борется против всякого национального угнетения и прежде всех признала принцип самоопределения Украины, будет добиваться переизбрания Рады с тем, чтобы представительство и интересы пролетариата были соблюдены прежде всего. Соглашатели же соглашатели со всеми, кроме пролетарских революционеров-большевиков), с.-р. Костенко, с.-д. Исаев и др., разумеется, поспешили безоговорочно „приветствовать“ Центральную раду, высказавшись против нашего требования о ее реорганизации, ее „пролетаризации“: Рада, по их толкованию, чудесным образом призвана — де, с одной стороны, предохранить, спасти значительную часть бывшей России от „развала и анархии“, учиненных большевиками и „их“ никем, дескать, не признанным правительством, а с другой стороны — она же послужит основой для будущего восстановления единства раздробленной по вине тех же большевиков страны.

На этом заседании Совета оппортунисты все же получили заметное большинство голосов за свою резолюцию — именно 85 голосов, в то время как за нашу резолюцию было подано лишь 60. Это только лишний раз свидетельствовало о крайне неустойчивом составе тогдашнего николаевского Совета.

Интересно, в связи с этим тут же отметить, как революционные массы в Николаеве, не без нашего идейного влияния, выражали свое отношение к украинскому вопросу в тогдашних условиях. Вот, например, резолюция, принятая в конце ноября двумя батальонами 45 зап. пех. полка:

„... Признавая принципиально краевой властью Украины Центральную раду, — говорится в ней, — мы категорически требуем созыва краевого с'езда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов для реорганизации Центр. рады в Центральную раду Советов Р., С. и Кр. депутатов. Вместе с тем мы будем поддерживать созыв Учредительного собрания Украины. Краевая власть должна действовать через Советы Р., С. и Кр. депутатов, которые являются единственным органом власти на местах“²⁾. Так стихийно

¹⁾ „Ник. Известия“ от 16 XI 1917 г.

²⁾ „Ник. Известия“ от 1 декабря 1917 г.

развивавшееся революционное сознание масс, хотя и извилистыми путями, пробивало себе по существу правильную дорогу органического сочетания принципа национального самоопределения с идеей власти Советов.

Итак, меньшевики и им присные вздыхали по Учредительному собранию (в честь которого, от имени Думы, они 3 декабря устроили в городе манифестацию, открыто бойкотируемую нами и громадным большинством николаевских рабочих и солдат), в то же время с величайшей готовностью поддерживали и Украинскую Раду, которая, как и полагалось мелкобуржуазной организации, чрезвычайно быстро, беззастенчиво и бессовестно шла по пути контр-революционного предательства. Эту мелкобуржуазно-шовинистическую и контр-революционную политику и роль Рады, а также предательскую роль социалистов, прямо и косвенно ее поддерживавших, мы беспощадно разоблачали.

Как ни мало удовлетворителен в нашем смысле был еще тогда состав Совета (хотя с 30 ноября президиум его состоял, как мы знаем, только из левых с.-р. и большевиков), было ясно, что неуклонная и для всех очевидная тенденция вела тогда к скорой большевизации Совета, а стало быть, и к переходу власти к нему. В связи с этим, как ни плохи были николаевские меньшевики и с.-р.¹⁾, но наиболее опасным врагом нашим, — врагом, имевшим за собой вооруженный политический центр, в лице Рады, стремившейся к своему единодержавию на Украине, — были, начиная с декабря месяца, именно украинские национал-социалистические партии.

Но на борьбу с этим новым врагом мы могли повести за собой, как мне и части т. т. казалось, массы только под знаменем Совета. По этому вопросу в организации возникли серьезные разногласия.

В конце ноября или в начале декабря в Николаев приехал С. Закс. Это был уже человек немолодой, работник опытный, способный и энергичный. Он имеет заслугу в деле организационного укрепления николаевской партийной организации того времени и, пожалуй, также ее „дисциплинирования“. Чуть ли не с первых дней своего пребывания в Николаеве он стал играть руководящую и главенствующую роль.

Что касается состава организации, то мне выше пришлось уже вскользь упомянуть о некоторой „засоренности“, наблюдавшейся в тогдашней николаевской партийной организации, — явлении, правда, почти неизбежном при массовом вступлении в партию в кипучее революционное время.

¹⁾ Следует признать, что лидеры их были не из числа худших тогдашних меньшевиков и с.-р. в стране. Это доказано было вскорости хотя бы тем, что в Исполком первой Советской власти в Николаеве вошли и 3 меньшевика, а двое из них (Я. Ряппо и Макатинский) впоследствии стали коммунистами.

Особенно сказалась эта „засоренность“ в поведении товарищей, работавших в военных частях (среди солдат 45-го зап. полка) и в Красной гвардии. Последняя в особенности была нашим влиянием, год руководством членов нашей партии, и потому не только за всякие действия Красной гвардии в целом, но даже за поступки отдельных красногвардейцев делали ответственной нашу партию, как таковую. Между тем с декабря Красная гвардия все чаще стала вызывать нарекания за отдельные эксцессы.

Конечно, наши политические противники старались раздувать действия Красной гвардии, изображать их в преувеличенных размерах, либо часто в извращенном свете, но не подожмет также сомнению и то, что многие обвинения красногвардейцев в бесчинствах были справедливы и обоснованы¹⁾.

Со стороны же тогдашнего парткомитета незаметно было должного отпора авантюрным элементам. Это привело к тому, что 16—18 декабря в городе произошли события, едва не повлекшие за собой кровавой бойни.

Незадолго до того в Николаеве появились некоторые части „гайдамаков“. В то время в массе рядовых „гайдамаков“ еще незаметно было настоящего злобно-шовинистического и контрреволюционного настроения. Это были нередко довольно наивные и незлобивые люди, еще обаянные могучим дыханием всероссийской революции. При умелой тактике и серьезной пропагандистской работе в их среде со стороны нашей партийной организации не только возможно было бы с ними мирное сожительство, но возможно было бы достигнуть и постепенной ассимиляции этих „украинских“ солдат с прочим солдатским и пролетарским населением города, возможно было бы отвоевать этих вооруженных людей от социал-предательского и буржуазного шовинизма и завоевать их на нашу сторону, на путь борьбы за власть Советов на Украине. Так, в один тревожный день, за несколько дней до событий, мне вместе с некоторыми представителями президиума Совета пришлось объезжать воинские части города для выяснения их настроения и некоторой агитации, и тут, при посещении казарм, мне довелось услышать в разговоре с одним уже немолодым,

¹⁾ В номере „Известий“ от 17 декабря 1917 г. против обыска со стороны Красной гвардии в его квартире протестовал рабочий завода „Наваль“ Андрющенко; в номере „Изв.“ от 19 декабря напечатана была резолюция протеста рабочих различных цехов Балтийского судостроительного завода и его заводского комитета против отобрания оружия и ареста на территории завода, без санкции завкома, рабочего Макарова, — дело, учиненное красногвардейцами по ордеру, подписанному председателем Кр. гвардии Шмелевым. Резолюция рабочих особенно резко протестует против последнего, требуя его отозвания из Совета и Красной гвардии. Подобное же заявление против самовольных, даже без ведома заводского комитета, органа рабочего контроля, действий Красной гвардии и на территории завода „Наваль“ опубликовано было в „Известиях“ от 23 декабря.

гайдамаком поразившие меня слова. На мой вопрос: „неужели вы, украинские солдаты, прибыли сюда для того, чтобы драться с рабочими и солдатами - большевиками, которые того только и хотят, что рабоче - крестьянской власти?“ — гайдамак ответил: „Нет, зачем же! Зачем нам меж собою драться? Разве только для того, чтобы кто - то при этом радовался!..“ Правда, эта еще незараженная ненавистью масса находилась под начальством своих офицеров, большей частью уже сознательных шовинистов, и под идеологическим влиянием местной (если не центральной) Укр. рады.

Надо признать, что агитации среди гайдамацких частей почти вовсе не было. А своевольные и порой недопустимые поступки и действия отдельных красногвардейцев, о которых говорилось выше, давали повод для спекуляций и агитации против Соввласти: „бесчинства“ красногвардейцев — это, мол, истинное существо большевизма, а уже организованная украинская власть, — это подлинное спасение Украины от этой анархии большевиков. Словом, гайдамаки выставлялись, как призванные спасители общества против Красной гвардии и большевиков, как защитники „порядка“ против „анархии“!..

В городе образовались два враждебных друг другу вооруженных стана, отношения между которыми с каждым днем ухудшались. И, чем заносчивее становились гайдамаки вообще, а в особенности в отношении красногвардейцев, тем явственнее обозначался курс со стороны руководства Красной гвардией, т.-е. нашего партийного комитета, на открытую вооруженную борьбу с ними.

Силы Украинской рады в Николаеве были незначительны. Рада отлично понимала, что малейшее посягательство с ее стороны на Совет, т.-е. на захват власти в свои руки, вызвало бы гневное восстание не только Красной гвардии, сравнительно немногочисленной, не только всех военных частей города, но и поголовно всего местного заводского пролетариата, — восстание, при котором она неминуемо была бы раздавлена...

Тем не менее, хотя не было достаточных оснований для непосредственной вооруженной борьбы, с одобрения и при участии парт. комитета, сепаратно организуется к середине декабря „Военно - революционный комитет“, не признававший фактически ни Совета Р. и С. Д., ни гор. Рев. штаба, несмотря на участие в этих организациях представителей нашей партии¹⁾.

В результате между двумя вооруженными лагерями создается остро - напряженное настроение, которое ждало лишь

¹⁾ Необходимо отметить, что автор слишком „осторожно“ подходит к вопросу о своевременности вооруженного восстания в период Октябрьской революции. — Р е д.

малейшего повода, чтобы разразиться кровавой схваткой. Повод представился на рассвете 16 декабря, когда на автомобиль, в котором красногвардейцы перевозили в свой штаб боевые патроны, совершили нападение гайдамаки, оправдывавшиеся потом, будто их еще раньше той же ночью из какого-то автомобиля обстреливали. В этой стычке погибло несколько красногвардейцев¹⁾. Вследствие этого кровавого столкновения, атмосфера в городе накалилась до крайности, с часу на час ожидали начала кровавой войны, а оба стана призывали уже своих сторонников быть готовыми к выступлению и вооруженной борьбе. В таком критическом состоянии прошли три дня 16—18 декабря. Буржуазия и мещанство города жаждало этой бойни, предвкусывая поражение и уничтожение большевиков. Провокация была очевидная...

Партийный комитет отозвал наших товарищей из городского Рев. штаба, бывшего верховным органом власти, и назначил свой штаб для руководства военными действиями, который поместился во флотском полузипаже.

В то же время с участием представителей нейтральных партий и организаций велись переговоры большевиков с Укр. Радой Николаева по вопросу о власти в городе, об организации ее на равных начала помимо и в обход Совета²⁾. Украинская рада отклонила предложение нашего парт. комитета, и соглашение не состоялось. В то же время в конфликт вмешался ряд воинских, артиллерийских и флотских частей, совместно с различными заводами, особенно (с заводским комитетом „Наваля“, которые создали комиссию, потребовавшую от обеих сторон недопущения кровопролития. Очевидно было, что эта вооруженная борьба при описанных условиях была непопулярна в массах.

Под общим давлением критики изнутри³⁾ и внушительного вмешательства извне, при опасности возможного поражения, благодаря обнаружившемуся отрицательному отношению масс рабочих и солдат к вооруженной борьбе, парт. комитет вынужден был поступиться. Внезапно вспыхнувший конфликт был ликвидирован на условии введения в существующий городской Революционный штаб также представителя от Украинской Рады.

¹⁾ О событиях 16—18 декабря в „Известиях“ от 17 и 19 декабря, также 23 декабря.

²⁾ Тов. Я. Ряппо совершенно прав, отмечая в своем очерке („Летопись Революции“ 1922 г., № 1, стр. 94), что переход власти к Совету в Николаеве мог бы совершиться уже в декабре, „если бы сам Совет в это время не был в состоянии прозябания“, если бы его активные члены (а таковыми — прибавим мы от себя — должны были быть прежде всего большевики!) не перенесли своей деятельности вне Совета. — А. М.

³⁾ Конфликт на этой почве внутри Николаевской парторганизации по вопросу о роли Совета во взятии власти, о вооруженной борьбе и пр. редакция в данном случае опускает, надеясь осветить этот вопрос в одном из ближайших номеров. — Р е д.

Этот конфликт с украинскими национал-соглашательскими партиями в декабре оказался все-таки лишь эпизодом в истории подготовки николаевского Октября. Этот Октябрь у нас приближался неудержимо, хотя и несколько затяжным темпом. Фактически власть в городе к концу декабря принадлежала уже Совету. Даже исполнительное бюро Совета, при его пассивности и безволии в то время, вынуждено было, наконец, тоже „признать“ этот объективный факт и заявить в своем кратком постановлении от 22 декабря: „Во избежание братоубийственной бойни в среде самой революционной демократии, Николаевский Совет рабочих и военных депутатов, представляющий всю николаевскую революционную демократию, является единственным органом местной власти“. Украинским военным частям ради их сближения и объединения с местными пролетарскими и воинскими массами предложено было послать своих представителей в Совет на общих основаниях¹⁾. Это было, несомненно, правильным шагом, который следовало сделать сейчас же после появления этих частей в городе...

Но формальное провозглашение и полное установление Советской власти в Николаеве задержалось до середины января. Состоявшиеся на первой неделе января 1918 г. общие перевыборы дали бесспорное и твердое большинство в Совете нашей партии, получившей вместе с левыми с.-р. около 50%, депутатских мест. Переход к власти Совета на достаточно подготовленной почве, пожалуй, не только созревшей, но и перезревшей, мог совершиться в Николаеве не только бескровно, но и безболезненно.

Начался следующий период революционной борьбы в Николаеве — период существования первой Советской власти.

---

¹⁾ „Известия“ от 23 декабря.

Примечание 1. В статье г. Ан. Марка недостаточно изображено массовое движение, как таковое, и развитие борьбы пролетарских масс за Советскую власть.

Примечание 2. Группе „Интернационал“ приписывается в статье слишком большая роль, роль основного фактора, обусловившего возникновение большевистской организации, между тем как эта группа, сама по себе очень немногочисленная, влившись в большевистскую организацию, отнюдь не составила там основного ядра.— Р е д.

ЖОВТНЕВИЙ ПЕРІОД НА ЧЕРНІГІВЩИНІ

1. СТАН ГУБЕРНІ ПЕРЕД ЖОВТНЕВОЮ РЕВОЛЮЦІЄЮ

Уряд Керенського, зазнавши поразки в Жовтневі дні в Ленінграді, а після і в Москві, вирішив в боротьбі проти більшовиків спертися на місця. Чи то через свою короткозорість і цілковите незнання того, що робиться на місцях, чи просто для того, щоб хоч за що-небудь узятися в момент своєї передсмертної агонії, він розсилає своїх вершників, шле цілі пакунки телеграм своїм низовим органам, звертається з відозвою до всього населення, закликаючи його до боротьби з революцією, прсяючи в нього допомоги й порятунку.

Але жодної, хоч трохи серйозної, підпори на місцях уряд Керенського в цей час не мав.

Стан Чернігівщини що до цього показовий. Почнім з місцевої влади.

Навряд чи можна говорити про твердість, авторитет і будь-яку певну роботу місцевої губерської влади Чернігівщини з самого моменту Лютневої революції. Вивчаючи архівні матеріали переджовтневого періоду, що характеризують діяльність місцевої влади в цей протяг часу, доводиться дивуватися з того безладдя, хаосу та браку будь-якої творчої доцільности в роботі цього часу. Писали, ухвалювали, радилися, виносили резолюції, але майже нічого не доводили до кінця. Єдиного провідного органу, якому б безперечно підлягали всі інші і який уміло б скеровував роботу й життя губерні в певне річище, не було. Навіть установи та організації, що містилися в самому Чернігові, і ті робили так, як вони розуміли й хотіли, а не так, як їм наказував Губерський Комісар Тимчасового Уряду разом з Губерським Виконавчим Комітетом громадських організацій. Міські думи й земські самоврядування — фактичні господарі губерні — тільки формально приймали вказівки Губерського Комісара. Повітові центри фактично жили сами по собі і жодних представників губерської влади не знали й не почували, та й не мали потреби в них. Брак спеціального економічного тяжіння до Чернігова ще більше посилював цей момент безладдя губерської влади. А повітові центри були в такому ж, приблизно, становищі

відносно низових об'єднань. Волості й села жили своїм власним життям і ніякого керівництва від повітової влади не мали.

Ця картина діяльності й керівництва життям губерні місцевою владою Тимчасового Уряду ще більше посилилась в осени 1918 року. Передодень Жовтневої революції на Чернігівщині характеризується, як повне беззладдя й панування анархії. Правда, в зв'язку з ростом непорядків, розвитком селянського руху (свабільне рубання лісу, напади на маетки, збір селянами поміщицьких врожаїв), харчовими непорядками й повною господарською руїною губернії, Губерський Комісар пробує вживати деяких заходів для боротьби з усіма цими явищами. Скликається нараду повітових комісарів Тимчасового Уряду; ухвалюється резолюції про боротьбу з анархією; вживається заходів посилити міліцейські частини відданими їй твердимися військовими офіцерами армії. Але все це залишається поки - що на папері. А скоро й самі комісари Тимчасового Уряду сходять.

Так було діло з місцевою владою Чернігівщини.

Що до настрою мас, то мені вже доводилося писати раніш про те, що тоді, як робітники Чернігівщини з початку Лютневої революції жваво реагували на всі події, беручи в них активну безпосередню участь, селянство, за винятком невеликої, головним чином, куркульської групи, протягом перших чотирьох-п'яти місяців після Лютого посідало вижидальну позицію. Зовсім иншу картину нам доводиться спостерігати, починаючи з серпня—вересня місяця.

Робітники, переконавшись у тому, що робота Рад робітничих депутатів та інших організацій, в яких верховодили меншовики, є безплідна, починають відходити від них. Зневір'я помічається і що до правлінь профспілок. Таке становище триває аж до Жовтня.

Жовтневі події, а в зв'язку з ними пожвавлення роботи міськрад і партійних організацій — спричиняють новий зріст активності робітничої класи. Конотіпські робітники — про них доводиться говорити в першу чергу, бо вони становили головну масу робітників на Чернігівщині — уже напередодні Жовтневого виступу починають жваво цікавитися тими подіями, що надходили тоді. На зборах обмірковується низку питань, що стосуються цих подій. Скликання Другого Всеросійського З'їзду Рад, передача влади до рук Рад і інші аналогічні питання дуже цікавлять маси. Правда, не всі ще робітники встигли до цього часу визначитися й рішуче стати на точку погляду більшовиків, але відповідний інтерес до них помітно починає виявлятися. Найкрасномовніше характеризує настрій мас в цей час поступовий відхід робітничих і інших шарів трудящих мас від меншовиків і есерів. Останні в Чернігові й у цілому ряді інших повітових міст губернії вже під оснь загубили весь свій вплив.

„Треба відзначити й те, — пише тов. Стерлін в своїх спогадах. — що чим більше відривалися від меншовиків робітники

й салдати, то все менш активні ставали меншовики. А есери з другої половини літа цілком зійшли з кону. В міськраді працювали з них лише окремі особи, та й ті були мало активні. А після Жовтневої революції меншовики й есери майже цілком (в особі їх лідерів) відійшли від громадської роботи“.

Деякий виняток становила лише есерівська організація міста Конотопа, в якій почувалася ще деяка жвавість, і то лише тому, що в її склад входили, здебільшого, робітники, які наклали певний відбиток на її діяльність.

Зовсім в іншому стані було в цей час село. „Невдалий наступ Керенського і Корнілівська авантюра,— пише тов. Бистрюков у своїх спогадах про Городнянщину, — різко змінили настрої селянських мас, що вийшли з-під впливу і есерів, і меншовиків і приєдналися до більшовицьких гасел. Отже, з впливом есерів було скоро покинчено. Влітку села вже не впізнати. Жодні розпорядження та загрози від повітового центру не могли вдержати селян від поділу землі, вигнання поміщиків, конфіскації реманенту, то-що. Салдати, що цілими масами прибули з фронту, внесли в село жвавість і розпропагували його. Почалося розшарування села на куркулів і бідняків. Гасла класової боротьби швидко сприймали. Траплялися сутички з владою на ґрунті поділу землі, відмовлення коритися. Все навколо являло собою бурхливу стихію“. Цю характеристику стану села в Городнянському повіті цілком можна застосувати до цілої губернії. Це потверджують і цифрові дані, що характеризують вибори на Чернігівщині до установчих зборів. У переджовтневі дні серед селянства проявляти себе, здебільшого, лише українські есери разом з „селянською спілкою“ і більшовики. При чому характерно: тоді як українські есери зібрали на виборах до установчих зборів більшість у південних районах губернії, більшовики на своїм боці мали більшість у північних районах. Досить влучну характеристику стану південної й північної частин губернії дає в своїй статті „Жовтнева революція на Чернігівщині“ („Літопис Революції“, № 1 за 1922 р.) товарищ Табаков. В ній він пише:

„Південні повіти (Остерський, Чернігівський, Борзенський, Козелецький, Ніженський) захльобнула хвиля націоналізму, так характерного в правобережному недиференційованому українському селі часів донімецької окупації. Цей націоналістично-шовіністичний рух не тільки не зустрів відсічі в містах (відсутність пролетаріату), а, навпаки, його всіма силами підтримувало міське чиновництво, вчительство та духівництво. Правда, активністю ні село, ні дрібнобуржуазна людність міст не відзначалися, що різко виявилось і в пасивному опорі військам ЦВКУК і Червоної гвардії підчас боротьби з Петлюрою за Київ, і у відсутності озброєних виступів за нашого відступу під натиском німців. Село репрезентувала так звана „селянська спілка“, що нею керувала куркульська верхovina села й дрібнобуржуазні

елементи міських залюднених пунктів під прапором партії українських соціалістів - революціонерів.

Різко відмінна обстановка на момент Жовтневих днів і остільки ж відмінна в бік активнішої участі за Жовтневу революцію утворилася в північних повітах губернії. Тут — велика диференціація села, значна неоднаковість його національного складу, наявність пролетаріату, що впливав у значній мірі на настрій села; хоча в свою чергу він і був розпорошений різницею політичних угруповань, але перебував під впливом пролетаріату центральної Росії та Харкова (залізничні лінії Москва—Брянськ — Конотіп, Курськ — Конотіп — Бахмач; Харків — Ворожба — Конотіп), активно реагував на боротьбу пролетаріату за повалення буржуазної диктатури та встановлення пролетарської диктатури і в своїй значно більшій частині брав участь у цій боротьбі. Ці повіти дихали одними грудьми з усією Росією та пролетарською Україною і були вчасниками великого Жовтневого фронту“.

В цю характеристику стану південних і північних районів губернії треба, однак, внести невеличкий коректив. По-перше, селянська маса південних повітів Чернігівщини зовсім уже не була так заражена петлюрівським настроєм, як це собі уявляють. Табаков. На підставі цілої низки даних ми можемо сказати, що бідняцька й середняцька маса в період Жовтневої революції одійшла в значній своїй частині од петлюрівщини й активно боролася за радянську владу. По-друге, дрібно-буржуазні елементи міст і куркульська верхovina села не залишилися пасивними в момент відступу червоного війська під натиском німців. Навпаки, — це видно з роботи самого тов. Табакова, — у цілому ряді міст і місцевостей Чернігівщини в цей час відбувалися контр-революційні виступи цих елементів. По-третє, українські есери, що мали такий величезний вплив серед селянства в переджовтневий період і в Жовтневі дні, почали поволі втрачати свій вплив, при чому серед них почало намічатися певне революційне крило, що пізніше влилося в значній своїй частині в більшовицьку партію і вже в Жовтневий період активно боролася за радянську владу.

Але загалом, повторюю, характеристика стану губернії, що її дав тов. Табаков, правильна.

В який же спосіб селянство Чернігівщини все ж таки активно підтримувало гасла більшовизму? Хто впливав на селянську масу в відповідному напрямку і знайомив її з більшовицькими гаслами? Три-чотири більшовицькі організації, що існували в цей час на Чернігівщині, звичайно, не могли сами справитися з цією величезною роботою, та ще при слабких зв'язках з селом.

Селянську гушавину обробляли фронтовики, що приїжджали з армії.

Салдатська маса, повернувшись з фронту, задавала основний тон життя селянства в кінці 1917 і на початку 1918 року.

Фронтвики були головними агітаторами більшовицьких гасел і організаторами селянства в цей час.

В такому стані була Чернігівщина напередодні Жовтневої революції. Стихийно вона вже була підготовлена до пролетарської революції. Не було лише тої цементної й провідної організаційної сили, що могла б повести масу селянства й робітників певним шляхом. Через брак такої сили через брак єдиного губерніяльного більшовицького центру, через брак в більшості повітів більшовицьких організацій, Жовтневий період на Чернігівщині затягнувся на довгий час, а процес організації органів радянської влади в губернії був не тільки затяжним, а й в деякому сенсі й хаотичним.

2. ВІДГУКИ НА ЖОВТНЕВИЙ ПЕРЕВОРОТ

Повідомлення про те, що в Ленінграді й Москві стався Жовтневий переворот, в різні місцях Чернігівщині отримано в різний час. Найраніше про Жовтневі події були повідомлені повіти, безпосередньо розташовані по залізничних лініях. Конотіп, розташований на головній магістралі М. К. В. залізниці, добре і вчасно був поінформований не тільки про переворот, а й був у курсі численних подій, що сталися перед ним. За Конотопом іде Кролевець і деякі інші повітові центри.

Але були й такі міста, як от Остер, до яких вісті про революцію доходили надто в туманній формі і з великим запізненням. Не були досить поінформовані про те, що сталося, і широкі маси губерніяльного міста. Тим більше не доводиться говорити про вчасну інформацію широких селянських мас.

Село було віддане самому собі, воно йшло собі шляхом на який стало напередодні Жовтневої революції. Вся ріжниця полягала лише в тому, що рух селянських мас в період самої Жовтневої революції і після неї ще більше поширився та поглибився. Якщо в осени селянство свавільно рубало ліс, косило поміщицькі луки й поля, пасло худобу на поміщицьких полях, то в цей час воно вже починає братися за цукроварні. З Дубровинської й Черешенської цукроварень, з с. Попівки Конотіпського повіту й инш. місць в Чернігів повідомляли, що селяни свавільно забирають соломку, полову, хліб, що йде масове забирання цукру, свавільна оранка селянами земель, призначених для засіву буряків.

27 жовтня Чернігів вже дістав повідомлення про те, що в Ленінграді сталася Жовтнева революція. Діставши відповідні телеграфні повідомлення з Ленінграда Губерський Комісар довів про це до відома повіту, закликаючи місця до боротьби з анархією. Заклик до боротьби з більшовиками було отримано в Чернігові також і від Виконавчого Комітету Всеросійської Ради селянських депутатів.

Якийсь Степаненко з приводу того, що сталося в Ленінграді, писав 27 жовтня у Чернігівській земській газеті:

„Зухвальство захопило, зухвальство лихоманкою охопило розум і мислення. Все йде на розвал, все занепадає й руйнується. А зухвальству тільки цього й треба—хай падає, хай руйнується... У зухвальства нема законів. Закони зухвальства формулюється коротко: бери, громи, руйнуй... не виконуй того, що веде до порятунку батьківщини. Яка там батьківщина, — нема батьківщини. Є лише сваволя і насильство... і земля, яку ми топчемо ногами... Зухвальство не може бути довгим. Прийде кінець, і зухвальство сховається в свої щілини, з яких воно вийшло“.

З листопада, з ініціативи Чернігівської Міської Думи, організується Комітет Громадської Безпеки. В комітет входять представники майже всіх органів влади, „революційно - демократичних“ організацій і всіх військових частин. Комітет звертається до людности з відозвою підтримати порядок, обіцяючи в потрібний час дати рішучу відсіч усім, хто спробує організувати в місті безладдя.

8 листопада скликають позачергові збори Чернігівської Міської Думи. Міський голова інформує збори про діяльність Комітету Громадської Безпеки. Збори обмірковують принципи, що на підставі їх слід було б сформувати новий уряд. В думі знаходяться прихильники організації уряду, в який входили б і більшовики. А інші категорично заперечують проти цього. В результаті довгих дискусій Дума ухвалює таку резолюцію:

„Заслухавши доклад голови Чернігівського Комітету Громадської Безпеки й вітаючи ініціативу спілок поштово-телеграфних та залізничних службовців, армійських організацій і Петроградської думи, а також Комітету Порятунку Батьківщини й Революції, Чернігівська Дума ухвалила вимагати: 1) негайного припинення громадянської братовбивчої війни; 2) передачі всієї влади Всеросійським Установчим Зборам; 3) визнаючи Центральну Раду, як тимчасовий парламент України, і Генеральний Секретаріят, як вищу краєву владу, Дума вважає, що на місцях вся влада повинна належати місцевому самоврядуванню; 4) Дума висловлює рішучий протест проти неприпустимого у вільній республіканській державі розгону обраної на основах загального, прямого, рівного й таємного голосування Московської Думи, а також проти всяких насильств, у вигляді самочинних і свавільних арештів, знищення волі слова й друку“ (,Чернігівська земська газета“ за 1917 р., № 88 — 89).

Водночас в земській газеті триває найлютіша агітація і цькування людности проти революції та радянської влади. 24 листопада у передовій ми читаємо: „криваві дні бунту не лише зруйнували транспорт; нещастя й жах становища не тільки в тому, що залізниці не приймають зараз харчових грузів навіть для фронту, — смертельна небезпека полягає в тому, що виступ більшовиків дезорганізує весь лад життя країни, руйнує і без

того зруйновані господарські умови, вносять розклад в селянство, руйнує той німецький порядок, без якого неможлива робота“.

22 листопада Чернігівська Міська Дума протестує проти вбивства в ставці генерала Духоніна, а через два дні ухвалює резолюцію протесту проти більшовицької влади, що порушує роботу міських самоврядувань. Через два дні після цього скликають урочисте засідання Міської Думи з нагоди скликання Установчих Зборів. Дума після урочистих промов ухвалює надіслати привітання Установчим Зборам, приєднатися до пропозиції Петроградської Міської Думи, встановити національне свято 18 листопада; вимагати негайного відновлення законної влади, відповідальності перед Установчими Зборами, звільнення з тюрми всіх міністрів і членів Установчих Зборів, відновлення волі друку й зборів, недоторканості особи й житла, а далі вирішує звернутися до громадян з відозвою.

В такому, приблизно, дусі зустріли повідомлення про Жовтневу революцію і цілий ряд інших міських дум та земських зборів Чернігівщини.

Земзбори Стародубського повіту, обрані за новим законом Тимчасового Уряду, в телеграмі до останнього від 29 жовтня визнають, що лише Тимчасовий Уряд є спроможний довести країну до Установчих Зборів, а тому земзбори вважають за доконечне виявити повну підтримку Тимчасового Уряду, вітають разом з тим і Раду Селянських депутатів, що в грізний момент стала на путь підтримки Уряду.

Новгород-Сіверська Міська Дума на своїм засіданні 30 жовтня обмірковує питання про стан, що утворився в зв'язку з „повстанням більшовиків“ у Петрограді. В ухваленій резолюції дума, підкреслюючи, що повстання не має морального виправдання й скероване на зрив Установчих Зборів, закликає людиність на виборах до Установчих Зборів не голосувати за список більшовиків (архів міських і земських самоврядувань Чернігівщини, справа № 96 — 97). Але результати голосування стали не на користь Новгородсько-Сіверської Міської Думи і самих Установчих Зборів: маса трудящих голосували, головним чином, за більшовицький список.

Козелецькі повітові земзбори висуюють з-поміж себе особливу комісію з 3 осіб „для обміркування й здійснення способу висловити повне недовір'я, осуду й обурення Земськими Зборами з більшовицької партії, що вносить смугу й анархію своїми виступами“. 1 листопада ті ж збори ухвалюють відозву до людиности з приводу виступу більшовиків в великих містах Росії, в якій висловлюють повне довір'я Тимчасовому Урядові й знову закликають усіх громадян повітів на виборах до Установчих Зборів не давати жодного голосу партії більшовиків. (Справа Козелецької земської управи за 1917 рік).

З гласних Глухівських Земських Зборів лише один тов. Нарбут відмовився дати урочисту обіцянку на вірність Тимчасовому

Урядові, заявивши, що не визнає цього уряду і вважає, що вся влада в країні повинна належати Раді Робітничих, Салдатських і Селянських Депутатів.

Майже по всіх повітових центрах було утворено Комітети Громадської Безпеки, в яких головну роль відігравали Міські Думи й Земські Збори.

Всі інші „революційно - демократичні“ організації або розпалися, або обернулися в мертві організації. Беручи це на увагу, меншовики й есери почали гуртуватися навколо міських і земських самоврядувань, намагаючися в них знайти собі підпору.

30 жовтня 1917 року в Новозибкові скликається об'єднане засідання Земських Зборів, Міської Думи і Президії Ради Робітничих та Салдатських Депутатів. Обмірковується питання про виділення кандидатів на посаду повітового комісара. Від імени Ради Робітничих Депутатів і Бюра Селянських Депутатів виступає голова Ради, В. Г. Лейбнер, і оголошує таку резолюцію: „Рада Робітничих і Салдатських Депутатів при виборах комісара вважає за свій обов'язок зробити таку заяву: в Новозибкові засновано Комітет Охорони Революції з представників таких організацій: Ради Робітничих, Салдатських і Червоноармійських Депутатів, Ради Професійних Спілок, Міського й Земського самоврядувань, Начальника залоги, міліції, представників судової влади в особі адміністративного судді. В Комітет повинен входити і Комісар, як рівноправний член, що обов'язаний рахуватися й виконувати постанови Комітету. Лише за такої умови Рада вважає за можливе брати участь у виборах комісара“. (Архів міських і земських самоврядувань Чернігівщини за 1917 р., справа № 96, аркуш 24).

Резолюцію цю збори ухвалили.

Після того, як було намічено кандидатури на комісара, гласний Риндич А. Ф. оголошує позачергову заяву: „Беручи до уваги: 1) що так званий „Комітет Охорони Революції“ тенденційно освітлює поточні події і перекручує характер їх, виявляючи ворожість до істино-революційного руху салдат, робітників і селянського пролетаріату в особі Петроградської, Московської й інших Рад Робітничих, Салдатських і Селянських Депутатів та Всеросійського з'їзду Рад. 2) що залежний од такої організації комісар не може стояти на сторожі здобутків революції і сприяти її розвитку, — фракції с.- д. (більшовиків) і с.- д. (інтернаціоналістів) відмовляються брати участь у виборах повітового комісара й здійснюють з себе відповідальність за його діяльність“ (там же).

Після цього від імени групи гласних Новозибківських земських зборів А. Ф. Савич оголошує резолюцію в питанні про поточний момент, в якій пропонує всіма силами допомагати Тимчасовому Урядові в боротьбі з „божевільною спробою більшовиків захопити владу“ і рішуче боротися з контр-революцією, з якого б боку вона не виходила. Гласні П. І. Анищенко

і Риндич пропонують перейти до обміркування поточного моменту і вияву ставлення зборів до перевороту, що відбувся. В результаті дискусій ці питання було передано на обміркування (окреме) Раді Робітничих і Салдаських Депутатів, Миській Думі й Земським Зборам.

Всі ці дані в достатній мірі характеризують ставлення ряду установ і організацій і зокрема Ради Робітничих і Селянських Депутатів до Жовтневої революції; крім того, вони дають нам деяку можливість міркувати про те, як уже з перших днів Жовтневої революції починала розгортатися внутрішня боротьба на місцях. Суперечності поміж більшовиками і їхніми прибічниками, з одного боку, і захисниками керенщини — з другого, між пролетаріатом і буржуазією, все більше й більше загострювалися.

Деякі зауважень про ставлення до Жовтневої революції рад Чернігівщини.

Чернігівська Миськрада у перший час намагалася обходити мовчанкою питання про революцію. Тільки на початку грудня вона обмірковує це питання. Але вже зараз після перевороту в Ленінграді, під натиском лівих груп Ради, відбуваються перевибори її Виконкому, на яких до складу останнього входять 5 членів: 3 більшовики, 1 есер і 1 поалей-ціоніст. Лівий блок рішуче почав перемагати в Миськраді.

Королевецька Рада Робітничих і Селянських Депутатів 28 жовтня на своїм екстремним засіданні з участю представників Повітового Виконавчого Комітету і Ради Селянських Депутатів у питанні про поточний момент рішуче засуджує „анархічні“ виступи більшовиків, що зривають Установчі Збори, і вважає за доконечне утворити Революційний Комітет для боротьби з анархією і контр-революцією. Що до Конотіпської Ради, як організації найміцнішого пролетарського центру на Чернігівщині, то питання про неї, для мене, принаймні, поки що залишається не зовсім ясним. А тов. Табаков у своїй статті „Жовтнева революція на Чернігівщині“ пише:

„1 жовтня Виконком Ради Робітничих і Салдаських Депутатів скликав поширену нараду станційної Ради Робітничих Депутатів (ми там мали на той час більшість), Виконкому Ради Салдаських Депутатів міст, представників „соціалістичних“ партій і представників військових частин. Відкривши засідання, я від імени Виконкому (тов. Табаков був тоді лівим есером і, кажучи „ми“, він має на увазі Конотіпську організацію більшовиків і есерів.— В. Ш.) заявив, що перед зборами стоїть завдання обрати Військово-Революційний Комітет, який повинен у найкоротший строк скликати Раду Робітничих і Салдаських Депутатів і передати їй всю повноту влади. Після наступних дискусій представники окремих військових частин, що виступали на зборах, за винятком одного дивізіону, заявили, що будуть підтримувати й підлягати Ревкомові.

Українські соціал - демократи заняли вижидальну позицію, заявивши, що не заперечують проти організації Ревкому з неодмінною умовою підпорядкування його Києву. Ми не заперечували проти „закріплення“ Конотопу за Україною, але внесли пункт, що Ревком підлягає Всеукраїнському Військово - Революційному Комітетові. Українські с. - д. цю поправку прийняли, і на цій платформі відбулися вибори Ревкому за принципом представництва від партій, а також одного од „селянської спілки“ й одного від залоги“.

Я навмисне навів цю довгу цитату з статті тов. Табакова, щоб кінець - кінцем внести ясність у питання про те, яку позицію займали конотіпські більшовики на виборах цього куцого Ревкому. З наведеної цитати випливає, що більшовики ніби - то участь в цих виборах брали. Зовсім инше ми читаємо в кореспонденції Чернігівської земської газети. 23 листопада в ній повідомлялося, що в Конотопі відбулися загальні збори Конотіпської Ради Робітничих і Салдаських Депутатів разом з ротними й професійними комітетами, на яких розглядали питання про владу на місцях. Після обміркування питання було внесено 2 резолюції: селянської спілки й більшовиків. Перша резолюція зібрала 121 голос, а резолюція більшовиків — 70 голосів.

Ухвалена резолюція вимагає, щоб „влада на Україні належала Генеральному Секретаріатові, створеному з соціалістичного елементу; влада на місцях — Військово - Революційному Комітетові, куди посилає Рада Робітничих і Селянських Депутатів, Миська Дума, Земства і Військова Українська Рада тільки соціалістичний елемент“. Більшовики, — повідомляє далі кореспондент, — відмовилися від участі в Комітеті.

Я гадаю, що зняте мною питання має дуже велике значіння і його конче треба висвітлити. В нас нема достатніх документальних даних для того, щоб установити істину. Лише товариші, що були в той час в Конотіпській більшовицькій організації, можуть дати на це питання остаточну відповідь.

Перелічені факти з усією певністю говорять про те, що найактивніше реагували на Жовтневу революцію, рішуче засуджуючи її, миські й земські самоврядування; недосить виявленим було обличчя Рад Робітничих Депутатів, ясно лише те, що там, де більшовицьких організацій зовсім не було, або вони були надто кволі, Ради Робітничих Депутатів стали на ґрунт підтримки Тимчасового Уряду й доконечности скликання Установчих Зборів.

А селянство, будши недосить міцно звязане у цей час з революційними організаціями міст, не одержуючи належної інформації про події, що відбувалися, перебуваючи почасти під ідейним впливом українських есерів, а найбільше — під впливом і керовництвом салдат, що поверталися з фронту, заражених у масі своїй хоча й туманними, але більшовицькими ідеями, — воно, певна річ, творило революцію на місцях.

III. ПЕРШІ СПРОБИ УТВОРИТИ ОРГАНИ ДИКТАТУРИ ПРОЛЕТАРІЯТУ

Ще до приходу радянського війська на Чернігівщину та наступу його на Київ у цілій низці місць Чернігівщини було зроблено спробу передати владу до рук органів диктатури пролетаріату й утворити Військово-Революційні комітети. Так, на початку грудня 1917 р. обмірковувалося питання про організацію Військово-Революційного Комітету в Чернігівській Міській раді. З відповідними пропозиціями виступили більшовики. Їх зразу підтримували члени П.-Ц., але, коли пропозицію більшовиків про організацію ревкому й передачу йому влади в місті поставили на голосування, поалеційонівці відступили від свого початкового погляду і ухвалили компромісну резолюцію про те, що Військово-Революційний Комітет треба утворити з метою охорони здобутків революції, але брати владу в свої руки, з огляду на місцеві умови, не слід. Резолюція більшовиків про передачу влади Раді збрала 30 голосів; проти голосувало 33 голоси. Резолюція, внесена від Поалей-Ціону, збрала лише 6—7 голосів.

Отже, Ревкома не утворили, влада в Чернігові по-старому формально залишалася в руках органів Тимчасового Уряду, а фактично тривало безвладдя. В кінці листопада вже існував Військово-Революційний Комітет у м. Путівлі, хоча він ще не був фактичним господарем повіту. По-старому існували Земське самоврядування і Міська Дума, що через них Ревком домагався проводити свої заходи. Так 2 грудня представники Військово-Революційного Комітету на зборах гласних Земства вносять пропозицію передати Ревкомові зброю, що схороняється у військового начальника, і встановити революційну контролю над поштою та телеграфом. Пропозицію цю було ухвалено й переведено в життя. За пропозицією того ж Ревкому, Земські Збори провадять реквізицію приватного майна. 5 грудня Путівльські Земські Збори обмірковують питання про розподіл приватновласницького хліба, живого та мертвого реманенту і про передачу виручених за це грошей волосним комітетам або земській управі для пропорційного розподілу поміж волостями. 16 грудня ухвалюється постанову про реквізицію фруктових вин і меду на приватновласницькому заводі Шечкова. Реквізують телефони у приватних власників. Все це проводить Земство під натиском Ревкому.

Цікаво відзначити своєрідність обставин засідань Земства: на них були, хто тільки хотів, а участь у постановах брали представники від салдатів (Справа Путівльських земських зборів).

Військово-Революційний Комітет, що його утворив повітовий З'їзд Рад, існував уже в цей час і в Глухові. 18 грудня 1917 р. у місці було скликано об'єднане засідання Земзборів з представниками всіх волосних земельних комітетів, місцевої залози та Ради Робітничих, Салдатських і Селянських Депутатів, щоб обміркувати питання про ставлення до Ревкому.

Засідання 70-ма голосами проти 9-ти відкинуло пропозицію послати своїх представників у Ревком, мотивуючи це тим, що Ревком утворено незаконним шляхом. Разом з тим збори винесли таку резолюцію: „Вважаючи, що З'їзд Рад Робітничих, Селянських і Салдатських Депутатів, що відбувся в Глухові 10—12 грудня і ухвалив постанову про утворення Військово-Революційного Комітету, був скликаний неправильно, бо місцеві Ради були репрезентовані на ньому непропорційно, і значне число представників Рад не отримало повісток, збори постановляють: висловити побажання, щоб наступний з'їзд Рад був організований правильно, з дотриманням принципу пропорційності“ (Справа Глухівської Земської Управи).

В перших числах листопада організується Військово-Революційний Комітет у посаді Добрянці Городнянського повіту. От що пише з цього приводу тов. Бистрюков: „Вночі з 30 на 31 жовтня, за викликом Добрянської організації, з Гомеля прибув загін червоногвардійців під командою комуніста. Загальними силами, разом з місцевими більшовиками, міліція і присланий загін кавалерії були роззброєні, а начальника міліції Марченка заарештовано. Того ж дня було організовано Військово-Революційний Комітет... Тимчасом, під впливом чуток про наступ, Добрянський Ревком перейшов у підпілля, а частина його членів роз'їхалася... Минуло кілька днів. В Добрянську було повне беззладдя. Загони з Городні вже боялись показуватися. Тимчасом Жовтневий переворот, як здійснений факт, став відомий з усіма його подробицями. В Добрянську знову появилися члени Ревкому: Костильов, Щукін і інші, з газетами про переворот у Ленінграді та декретами Радянської влади про землю, мир і Радянський уряд. Ревком повернувся до легального стану. В листопаді було сконструйовано Раду Робітничих Депутатів... Таким чином, після цілої низки перипетій у посаді Добрянці почав існувати революційний пролетарський орган, що мав підпору в особі Червоної гвардії“ („Городнянщина у 1917—18 р.р.“. „Літопис Революції“, № 4 за 1925 р.).

Ще до того, як прибули червоні війська, у м. Острі революційні організації утворили „Остерську Раду Народніх Комісарів“, на першого голову її було обрано Олександра Яічника, лівого есера. До складу Ради входили: Жоров—більшовик, О. Одінцов, Бешлега та інші. Рада потроху стала охоплювати весь повіт, звязалася з Київським арсеналом, але не могла розгорнути роботи, бо не мала засобів.

В цей час села, не будши тісно звязані з відповідними міськими центрами, не маючи належного керівництва, починають самостійно розв'язувати шляхом нарад і з'їздів делегатів од сіл цілу низку питань і насамперед про землю. Яскравим прикладом що до цього є село Роїще Чернігівського повіту. Салдати, що прибули туди з фронту, організувалися і скликали селянський з'їзд делегатів 31 села Чернігівського та Городнянського

повітів. На цьому з'їзді було до тисячі делегатів. Він розв'язував найрізноманітніші питання, починаючи з земельного й кінчаючи побутовими.

IV. СТАВЛЕННЯ ДО ЦЕНТРАЛЬНОЇ РАДИ Й ШІ УНІВЕРСАЛУ

Після того, як більшовики в Києві порвали зв'язок з Центральною Радою і вийшли з складу Малої Ради та Комітету Захисту Революції, з огляду на різкий поворот Центральної Ради в бік контр-революції, війська останньої починають готуватися до боротьби з більшовиками. А коли Рада Народніх Комісарів подала ультиматум Центральній Раді, війська швидко починають просуватися на північ і займають майже всю територію Чернігівщини. В десятих числах грудня Центральна Рада висилає озброєні сили в особі двох куренів, у Конотіп, щоб придушити утворену там революційну владу. Конотіпський Ревком, не бувши підготовлений до озброєної боротьби, віддає владу українським частинам без бою.

„В листопаді місяці Конотіпська залога, що складалась, головним чином, з по-більшовицькому настроєних артилеристів, захоплює більшість урядових установ, робить труси й арешти та оголошує перехід влади до рук Ради Робітничих і Салдатських Депутатів. З розпорядження командувача військ Київської Військової Округи в Конотіп було послано 2 роти „куреня смерти“, що, прибувши на місце, оточують Конотіпську залогу і ставлять перед нею ультиматум про здачу. Конотіпці, в силу цілої низки обставин, відмовляються від боротьби. Салдатів було роззброєно“ (Чернігівська земська газета за 1917 р., № 94—95).

У великій кількості українські війська зосереджуються в Ніжені. Ударні частини їх займають станцію Бахмач, поставивши собі завдання — не пропускати червоного війська на Дін. Окремі загони „куренів смерти“ досягають крайніх пунктів на півночі — Городні, Глухова, Путивля.

В Городні представники ради „куреня смерти“ збирають збори з представників наявних там військових частин і з „Вік-желя“ Ліваво-Роменської залізниці й ухвалюють резолюцію: „Визнаючи за українським народом право на самовизначення без допомоги будь-чиїх багнетів, ми, делегати українських військових частин, вільного загону моряків Балтицької флоти і представники з'їзду Ліваво-Роменської залізниці, висловлюємо обурення проти Народніх Комісарів, що нацьковують один на одного два братерських народи, і визнаємо, що лише негайне відкриття Всеросійських Установчих Зборів внесе спокій у семью всіх російських народів, і вважаємо дальшу відстрочку відкриття Установчих Зборів за ні в якому разі неприпустиму. Голова Зборів інженер Мартинов“ (Чернігівська земська газета, № 98—99).

18 грудня підчас засідання Глухівських повітових Земських Зборів у залю вривається отаман „куреня смерти“ з декількома солдатами й оголошує арешт присутніх на зборачленів Військово-Революційного Комітету. Заарештовано: Мамає, Фільченка, Білого й комісара Гресюка — більшовика. Земські Збори ухвалюють з цього приводу протест і постановляють: „просити комісара Гресюка залишатися на своєму посту, спираючись на довіря земства й міста“ (Архів міських і земських самоврядувань Чернігівщини, справа № 84, аркуш 65).

Як тільки частини Центральної Ради зайняли Путивль, у місті відбувається цілий ряд неприємностей. Українські війська вриваються в залю засідань Земських Зборів і примусово ставлять на обміркування питання про приєднання до України. Вони ж побили членів Земських Зборів Долгорукова й Тимошенка. Населення, незадоволене з бешкетів українського загалу, починає провадити з ним озброєну боротьбу. Земська Управа виявляє озброєну допомогу населенню в цій боротьбі.

Так за керівництвом Центральної Ради її війська насаджували „порядок і спокій“ на Чернігівщині.

Більшість земських і міських самоврядувань під впливом стихійного росту симпатій трудящих до більшовизму, під впливом спроб утворити в цілій низці міськ губерні революційні органи диктатури пролетаріату і зруйнувати органи старої влади роблять крутий поворот у бік визнання повної незалежності України і приєднання до неї. Питанням про Україну і розглядом III Універсалу Міські Думи й Земські Збори присвячують цілі засідання.

Уже 6 листопада Ніженська міська дума вибирає делегацію з 3 чол. для клопотання перед Центральною Радою, щоб у Ніжені залишилися українські війська. Глухівські Земські Збори в листопаді ухвалюють такий текст телеграми Центральній Раді: „Зібравшись на перше дійсно демократичне повітове Земське зібрання, ми з захопленням вітаємо виголошення Української Народньої Республіки й обіцяємо віддати всі свої сили на здійснення тих завдань, які виголошено Універсалом Центральної Ради“ (Архів міських і земських самоврядувань Чернігівщини, справа № 4).

Навіть Новозибківські земські збори — і ті ухвалюють таку постанову: „З огляду на ясну й певно виявлену волю майже всієї людности Новозибківського повіту про приєднання до України, Новозибківські повітові Земські Збори, будвши виразником думки людности всього повіту, санкціонують цю волю волостей, міста й посадів і про постанову з цього приводу уповноважують управу негайно повідомити Чернігівського губерньського комісара, Українську й Білоруську Ради, а також і решту Земських управ 4-х північних повітів Чернігівщини“ (Чернігівська земська газета за 1917 р.).

Надзвичайні Земські Збори Стародубського повіту 24 листопада 1917 р. також ухвалюють приєднатися до Автономної України і взяти участь у виборах до Українських Установчих Зборів.

18 листопада після літургії на площі перед катедральним собором у Чернігові відбулося урочисте оголошення людної Універсалу Центральної Ради про Українську республіку. З наказу губерніяльного комісара всі державні установи і школи в цей день не робили. Святом керувало духовництво.

І от тоді, як шовіністична інтелігенція, духовництво, Земства й Думи провадять люту агітацію і нацьковують людноїсть проти Радянської влади, ті більшовики й більшовицькі організації, що були на території Чернігівщини, нічим себе в цей час не виявляють. Вони або зовсім не цікавляться національним питанням, або перебувають у розгубленому стані, не знаючи, яку політичну лінію в цьому питанні слід проводити.

А тимчасом націоналістична контр-революційна агітація давалася в знаки. Не лише Земські збори, а й ряд сіл, надто південних повітів, виносять резолюції відповідного характеру.

Так, людноїсть села Блестовара Короливецького повіту постановила: „Щиро вітати Центральну Раду за оголошення Української Народньої Республіки, підтримувати Центральну Раду всіма силами“. Далі в постанові селяни рішуче протестують проти пропозиції більшовиків передати владу на Україні Радам (Чернігівська земська газета, № 94 — 96).

Представники Центральної Ради роз'їжджають по Чернігівщині і своїми виступами намагаються створити потрібний їм настрій не лише серед дрібнобуржуазних елементів і селянства, а пробують настроїти відповідним чином і робітничу масу. В перший час їм це навіть почасти вдавалося.

Так, 4 листопада на ст. Конотіп організують мітинг, на якому бере участь до 2 тисяч чол. залізничних службовців і робітників. З докладом про поточний момент виступає член Української Центральної Ради. Зрештою мітинг ухвалює таку резолюцію: „Заслухавши доповідь про сучасні події і про VII сесію Центральної Ради, робітники Конотіпської майстерні та службовців станції Конотіп щиро вітають Український революційний парламент, Українську Центральну Раду, як єдиний краєвий орган влади на Україні, і сподіваються, що генеральний Секретаріат незабаром скличе суверенні українські Установчі Збори, де український народ виявить свою волю“ (Чернігівська земська газета, № 88).

В грудні відбувався III селянський з'їзд Козелеччини. Поряд інших питань на з'їзді обмірковували питання про те, кому повинна належати влада. Лише четверта частина з'їзду, що складалася здебільшого з фронтників, висловила за Раду Народніх Комісарів. Більшість з'їзду висловила за владу Центральної Ради.

Таке творилося, не зважаючи на те, що в масі своїй бідняцька й середняцька частина селянства та робітники стояли за більшовиків. Але маси були віддані самі собі, тоді як контрреволюційні елементи, прихильні до Центральної Ради, працювали досить активно.

Боротьба з ними за Радянську владу тільки - но починалася, її розвиток буде згодом...

(Кінець буде)

II

ІСТОРІЯ ПРОФЕСІЙНОГО
РУХУ

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ В БОРЬБЕ ЗА ОКТЯБРЬ

Февральская революция, покончив с самодержавием, открыла новую эру профессионального движения. Профсоюзы в условиях царизма владели жалкое существование и не могли служить притягательным центром для широкой рабочей массы. Последняя находила другие пути для отстаивания требований, которые она предъявляла своим эксплуататорам. Борьбою руководили и нелегальные ячейки политических партий.

Из двух политических партий меньшевиков и большевиков, боровшихся за право на руководство рабочим движением, первые использовали „легальные возможности“ и укреплялись в легализованных союзах, существовавших на основании „правил“ 4-го марта, а вторые, ведя подпольную работу, создавая на предприятиях нелегальные ячейки, из подполья направляли и профессиональное движение.

Так называемые легализованные союзы накануне Февраля были в ничтожном количестве и были чрезвычайно ограничены в своих задачах; ради сохранения своей легальности они зачастую отказывались от непосредственного руководства стихийно вспыхивавшей экономической борьбою. Поэтому - то широкие рабочие массы большей частью игнорировали эти союзы, и через их головы, при активном содействии подпольных ячеек сами разрешали назревшие задачи как экономической, так и политической борьбы.

Вот почему обычно самые тяжелые удары самодержавной охранки обрушивались на большевиков, которые, главным образом, и вели подпольную работу.

Накануне Февраля мы везде почти наблюдаем одну и ту же картину: меньшевики обороны укрепляются, главным образом, в легальных рабочих организациях профсоюзах, кооперативах, рабочих группах при военно-промышленных комитетах, больничных кассах и других легальных учреждениях, отказываясь от нелегальщины, которая, мол, в обстановке войны могла бы помешать обороне. Большевики, проводившие кампанию против войны, работали, главным образом, в подпольных организациях и более часто подвергались разгрому.

Так, начиная с 1914 г., в Екатеринославе почти ежегодно арестовывался большевистский партактив. Весьма любопытен следующий факт, приведенный тов. Гопнер (видный член большевистской организации): „когда к губернатору Чернявскому пришла делегация рабочих с требованием освободить арестованный актив больничных касс металлургических и металлообрабатывающих заводов, мотивируя свое требование тем, что некому работать в больничных кассах, что ставит в затруднительное положение рабочих, работавших на оборону, губернатор согласился освободить часть арестованных, само собой разумеется, только меньшевиков. На вопрос члена делегации, почему освобождают Боголюбову и не освобождают Гопнер, губернатор буквально ответил: „Боголюбова плехановка—демократка, а Гопнер—ульяновка“¹⁾.

Указывая на влияние этих систематических разгромов на соотношение партийных сил в Екатеринославе, тов. Аверин говорит в своих воспоминаниях: „С арестом этой группы (большевистской) для меньшевиков наступили золотые денечки. Они справляли, что называется, медовый месяц. Там, где раньше и не пахло меньшевистским духом, они начали появляться. Даже в Брянской больничной кассе, откуда были задолго до этого вышиблены все меньшевики-согласатели, они появились вновь, и место секретаря заняла небезызвестная Боголюбова, оголтелая меньшевичка. Это был новый период ликвидаторского господства в больничных кассах, который длился до Февральской революции и дальше“.²⁾

В Киеве меньшевики-оборонцы накануне Февраля укрепились в рабочей группе при Военно-Промышленном Комитете и в некоторых легальных профсоюзах, большевики же в некоторых союзах и подпольном Центральном Бюро профсоюзов.

В Бахмуте меньшевики укрепились в легальном союзе торговых служащих, а большевики — в нелегальном союзе портных. То же можно сказать и относительно целого ряда других городов: большевики направляли движение из подполья, почему и подвергались более частым разгромам.

После падения самодержавия соглашательские партии, меньше подвергавшиеся разгрому накануне Февраля, сохранившие свой актив в различных легальных организациях, стали на первых порах во главе профстроительства.

Почти во всех городах Украины с первых же дней революции рабочие начали создавать Советы Раб. Деп., преобладающее влияние в которых вначале принадлежало соглашательским партиям. То же самое можно сказать и относительно профсоюзов, которые в одних городах создавались одновременно с Советами Рабочих Депутатов, а в других несколько позже.

1) „Лет. Рев.“, 1923 г. № 2, стр. 145.

2) „Лет. Рев.“, 1923 г. № 2, стр. 100 ◆ 101

И здесь строителями на первых порах оказались оборонцы из лагеря меньшевиков или эсеров.

Почти везде Советы Раб. Деп. наряду с общеполитическими задачами на первых порах брали на себя роль организаторов профсоюзов, и направляли их деятельность.

Понятно, что тот же партийный актив, который хозяйничал в Советах, стремился обеспечить себе господствующее влияние в профсоюзах. Это ему на первых порах удавалось, ибо к его услугам были наиболее активные рабочие, работавшие при царизме во всех вышеупомянутых легализованных рабочих организациях. К его услугам были и активные кадры либеральной интеллигенции, которые после Февральской революции чутко прислушивались к патриотическим лозунгам всяких мастей социалистов - оборонцев и охотно заполняли их ряды.

Не случайно, таким образом, что почти все неиндустриальные союзы были повсюду оплотом меньшевизма и оборончества.

Рабочая масса в первые недели революции недостаточно четко и ясно разбиралась в разногласиях между политическими группировками. Под сильным впечатлением первых революционных завоеваний рабочие начали предъявлять свои требования предпринимателям. В процессе этой стихийно вспыхнувшей экономической борьбы они начали создавать свои рабочие организации, фабзавкомы, профсоюзы и Советы. В этом процессе строительства принципиальные разногласия, разделявшие партийные группировки, не могли быть осознаны широко рабочей массой, еще прислушивавшейся к голосу соглашателей. К тому же оборонцы вмешивались в забастовочное движение, охватившее все города Украины. Логика борьбы толкала их на путь активного вмешательства. Это было для них тем более необходимо, что они рисковали остаться штабом без армии, если бы они не взяли в свои руки это движение.

Используя весь уцелевший актив, работавший в разного рода легальных рабочих организациях еще при царизме, оборонцам удалось на первых порах подчинить своему влиянию профдвижение.

В Екатеринославе, даже среди металлистов, находившихся до середины 1915 г. под влиянием большевиков, руководство профессиональным движением в начале революции было в руках меньшевиков.

В Харькове только в союзе металлистов мы констатируем с самого начала преобладающее влияние большевиков, а во всех остальных, как швейники, строители, вначале состав правления был меньшевистским.

Что касается неиндустриальных союзов, то они почти повсюду были соглашательскими, а союзы служащих остались таковыми вплоть до прихода советской власти. То же можно сказать относительно союзов в Донбассе. Во всех происходивших в первой половине 1917 года областных конференциях

горняков, металлистов и химиков преобладающее влияние было меньшевистское, голос большевиков еще звучал там слабо, и это откладывало определенный отпечаток на все решения этих конференций. На областной майской конференции Донецкого бассейна, имевшей место в Харькове, где разрешались насущные вопросы, затрагивавшие интересы десятков тысяч горняков и металлистов, первую скрипку играли меньшевики.

Единственным городом, где большевики еще в первой половине 1917 г. руководили профессиональным движением, был Киев. Объясняется это тем, что здесь еще накануне революции существовало нелегальное центральное бюро профсоюзов, которым руководили большевики. По утверждению тов. Майорова, председателя этого ЦБ, последнее функционировало и работало под руководством партии и служило связывающим политическим звеном между союзною массою и партией.

Таким образом, небольшим большевистским кадрам, рассеянным накануне Февраля по тюрьмам, ссылкам и кое-где уцелевшим в подпольи, пришлось столкнуться с тем несомненным фактом, что командные высоты в наспех строившихся рабочих организациях были захвачены, как мы видели выше, группами рабочих и интеллигентов, находившихся всецело под идейным влиянием меньшевиков.

Перед большевиками стала далеко нелегкая задача — выбить из всех захваченных позиций оборонцев, вырвать из-под их влияния рабочий класс, чтобы повести его на штурм капитализма. Но большевистские организации медленно восстанавливавшиеся, не имели в своем распоряжении достаточно опытных и авторитетных сил, чтобы обслуживать все отрасли рабочего движения. Максимальное внимание уделялось политической борьбе за счет работы в профсоюзах.

Дело в том, что борьба с соглашательскими партиями заострялась, главным образом, на политических вопросах. Оборонческой идеологии меньшевиков и эсеров необходимо было противопоставить большевистскую революционную идеологию. Необходимо было провести огромную агитационную работу, чтобы рассеять патриотический угар, охвативший и рабочих, что отвлекало силы от упорной систематической кропотливой работы в профсоюзах.

К тому же политические разногласия тогда еще не так резко выступали в профдвижении, чтобы нужно было уделять им максимальное внимание. Союзы избегали на первых порах резкой постановки всех вопросов, в том числе и политических.

Последние переносились в Советы Раб. Депутатов, где происходили горячие схватки между большевиками и соглашательскими партиями. Отвоевание у последних позиций в этом политическом органе рабочего класса было вопросом наиболее важным для нашей партии и туда, естественно, были направлены главные силы.

Общеполитическая позиция меньшевиков определила и отношение соглашательских партий к ближайшим задачам профсоюзов. Последние, с их точки зрения, имели своею непосредственной задачей организацию широких рабочих масс на почве ведения экономической борьбы, конечно, в рамках капиталистического строя, поскольку сама революция буржуазная. Поскольку профдвижение тогда еще — молодое, не имело организационного опыта, оно, по их мнению, должно было заимствовать последний от своих западно-европейских собратьев, которые в процессе продолжительной и упорной организованной борьбы накопили этот опыт и выработали определенные методы борьбы, определенную стратегию.

Во всех воюющих странах профсоюзные бюрократы во имя обороны страны сдерживали рабочие массы от резких экономических выступлений, которые, мол, могли помешать доведению войны до победного конца. Эту же стратегию меньшевики старались привить и русским профсоюзам, призывая их все время к „сдержанности“, к борьбе с „чрезмерными“ требованиями рабочих, к компромиссной тактике. Отсюда это вечное напоминание о недопустимости предъявления рабочими требований, „несоответствующих развитию производительных сил“, отсюда напоминание „Известий Харьковского Совета Раб. и Сол. Деп.“ от 1-го июня 1917 г. русскому пролетариату о необходимости напряженного спокойствия „во имя спасения страны, во имя сохранения завоеваний революции“.

Лучшей иллюстрацией этой сдерживающей тактики оборонцев является страничка из истории екатеринославских союзов, находившихся в начале революции под влиянием оборонцев. Они проводили компромиссную политику, всячески сдерживали волнуемую массу от выступлений, так что здесь в первой половине 1917 года не было ни одной крупной стачки. „Меньшевики, — читаем мы в подготавливаемом очерке профдвижения в Екатеринославе, — державшие бразды правления в большинстве организаций (речь идет о металлстах), исходя из того положения, что момент требует устранения возможности эксцессов, стали на путь переговоров с предпринимателями“. После того, как переговоры эти тянувшиеся месяцами, ничем не кончились, представители рабочих, боясь резкой постановки вопросов и разрыва с предпринимателями, перенесли переговоры в Харьков, где они опять оказались безрезультатными. Интересно отметить выступление представителя меньшевиков на пленуме СРД в Киеве 18 марта по вопросу о введении 8-мичасового рабочего дня.

Докладчик, меньшевик Наумов-Гинзбург, остановившись на социальном и экономическом значении для рабочих 8-часового рабочего дня, указал, ссылаясь на опыт 1905 г., что „переоценка своих сил пролетариатом может иметь пагубным своим следствием переход буржуазии в контр-революционный лагерь“.

Исходя из этого, докладчик рекомендовал крайнюю осторожность в вопросе о немедленном введении восьмичасового рабочего дня.

„Если вводить 8-мичасовый раб. день,— говорит Наумов,— опираясь только на давление приобретшего огромное значение СРД, как боевого органа пролетариата, победа рабочих будет призрачна и незначительна“.

В соответствующем духе принята резолюция, указывающая, что „при проведении 8-мичас. раб. дня в условиях военного времени и неокрепшего революционного порядка, необходимы известная осторожность и сдержанность“.

Интересно сопоставить с этим выступление представителя большевиков тов. Савельева, указавшего, что „революционный пролетариат представляет огромную силу в стране и поэтому должен немедленно закрепить свои позиции, не суживая и не ограничивая свои завоевания. Предложенная им резолюция гласит: „признавая необходимость введения в Киеве 8-ми час. раб. дня, СРД поручает Комитету проведение в жизнь 8-ми час. раб. дня и предлагает ему для этого снести со всеми казенными обществами и частными предприятиями“.

За резолюцию Наумова голосовало 134 человека, а за резолюцию тов. Савельева — 67 человек¹⁾.

Эта же „осторожность“ в тактике экономической борьбы характерна и для Одесского ЦБ. „Стачка,— читаем мы в программной статье председателя ЦБ тов. Лисянского,— должна считаться крайним средством борьбы рабочих за удовлетворение их справедливых требований. Стачка должна начинаться тогда, когда союз исчерпает все способы мирного улажения конфликта“.

Здесь, правда, не говорится об ограничении „чрезмерных“ требований, а только о том, что ни одна стачка не начинается без того, чтобы требования не пред'являлись предпринимателям, без попыток соглашения с ними; вопрос в том, как далеко идут эти взаимные уступки, за чей счет производится „это мирное улаживание конфликта“. Если это „мирное улаживание“ необходимо, как говорят другие — более откровенные киевские оборонцы, ибо это требует „неокрепший революционный порядок“ (буржуазный, конечно), то тогда эта проповедуемая осторожность в применении ничем не отличается от проповедуемой киевскими меньшевиками „сдержанности“ в экономической борьбе. О том, что это было так — свидетельствует ряд забастовок, которые ЦБ отказалось санкционировать

Так, например, сапожники продовольственного комитета объявили забастовку, и лишь после того, как их требования были удовлетворены, ЦБ санкционировало забастовку.

¹⁾ „Изв. КСРД“ от 21 III, № 3.

Такое же явление было при объявлении союзом металлистов бойкота на заводе Гена; ЦБ санкционировало этот бойкот, после того, как он был уже объявлен правлением союза.

Тактика меньшевиков - оборонцев была всюду одна и та же: оборона страны — на первом плане.

Совершенно иную, резко противоположную позицию заняли большевики. Оставаясь верными своей революционной марксистской идеологии, они продолжали после Февральской революции ту же борьбу с империализмом, ту же кампанию против войны, которую они вели в годы реакции в обстановке военного времени; они призывали широкие рабочие массы к использованию благоприятной революционной ситуации, к созданию мощных организаций, которые должны стать точкой опоры для дальнейших революционных завоеваний. Так же, рекомендуя русскому рабочему использовать организационный опыт его западно-европейских собратьев, они в то же время предостерегали русские профсоюзы от опасностей европейского опортунизма.

Организуя рабочую массу для борьбы с предпринимателями, они связывали экономическую борьбу с борьбой политической, с борьбой против всего капиталистического строя, исходя из того основного положения, что настоящая революция в силу ряда исторических объективных причин неизбежно должна перерасти в революцию социалистическую. Партия большевиков, выдвинув перед русским рабочим классом проблему социалистической революции, толкала его на путь завоевания власти с целью переустройства общества на социалистических началах.

Уже в апрельских тезисах т Ленин следующим образом определил наступающую после Февраля фазу революции: „Своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства“.

В то время, как меньшевики призывали рабочий класс к коалиции с буржуазией, что неизбежно должно было привести к удушению революции, большевики призывали рабочий класс к беспощадной борьбе с буржуазией, усматривая в этом необходимое условие развязывания революции и превращения ее в революцию социалистическую.

В то время, как меньшевики считали размах экономической борьбы „максимализмом“ и призывали к „сдержанности“, большевики оценивали этот размах, как неизбежный этап к дальнейшему углублению революции и прилагали все усилия, чтобы направить это стихийное движение в организационное русло.

Вредное влияние меньшевистской идеологии сказалось не столько в области их экономической политики, сколько в области разрешения политических вопросов. Профсоюзы не могли ограничиться узкими рамками экономической борьбы. Последняя была тесно связана с общеполитическими проблемами, выдвинутыми революцией; союзы не могли пройти мимо этих вопросов, не могли не реагировать на то или иное их разрешение, не говоря уже о том, что логика экономической борьбы толкала союзы на путь активного участия в разрешении общеполитических вопросов.

Если в первые недели 1917 года в целом ряде отраслей промышленности, в особенности, в легкой индустрии капиталистам пришлось под напором революции пойти на кое-какие уступки, то в последующие месяцы капиталисты, чувствуя твердую опору во временном коалиционном правительстве, начали наступление на рабочих.

В Киеве на многих предприятиях — предприниматели, согласившиеся раньше ввести 8-ми час. рабочий день, отказались от своего обещания. В Харькове в ряде предприятий начались вторичные забастовки не столько вследствие предъявления новых требований, сколько для отстаивания уже удовлетворенных требований. А в тяжелой индустрии Донбасса, как в горной, так и в металлургической, все продолжались торги с королями угля и железа на счет удовлетворения предъявленных рабочими самых скромных требований.

Началось недоверие рабочих к соглашателям, к голосу которых они до того прислушивались, начали рассеиваться иллюзии относительно обещаний, которыми кормили рабочих меньшевистские министры в коалиционном правительстве. Все более испарялась вера в силу коалиционного правительства, исчезла всякая надежда на возможность выхода из тяжелого положения.

Лозунг большевиков „вся власть Советам“ находил отклик в широкой рабочей массе. Во многих местах начался отход, если не всей рабочей массы то значительных кадров, ее, от соглашательских партий. Началось накопление революционных сил, подготовлявших Октябрьский переворот.

Каково было участие отдельных профессиональных союзов или межсоюзных объединений в подготовке к Октябрю?

Перелом в настроении рабочей массы должен был оказать влияние на изменение состава руководящих органов, как отдельных союзов, так и межсоюзных объединений.

В Харькове во второй половине 1917 г. можно констатировать отход от меньшевизма в целом ряде союзов. Союз металлистов первым стал большевистским. В мае общее собрание членов союза швейников приняло по текущему моменту большевистскую резолюцию, а в июне было уже избрано большевистское правление союза. В союзе строителей еще в июле

правление было соглашательским, а в сентябре общее собрание приняло большевистскую резолюцию.

В Екатеринославе в первой половине 1917 г. в союзах металлистов и железнодорожников хозяйничали оборонцы, а во второй половине того же года произошел резкий перелом в настроении рабочей массы, которая начала отходить от меньшевиков. В августе было переизбрано правление металлистов и из пятнадцати человек оказалось девять большевиков и только четыре меньшевика.

В союзе железнодорожников уже вторая июньская железнодорожная конференция проходила под руководством большевистской части исполнительного комитета железнодорожников.

Если 25 апреля на съезде екатеринославских железнодорожников не была принята даже полуоборонческая резолюция всероссийского совещания представителей советов рабочих депутатов, а большинством съезда была принята оборонческая резолюция, то после июльских событий в Петрограде, по инициативе большевиков, прошла в Екатеринославе удачная забастовка - протест железнодорожников, несмотря на отрицательное к ней отношение со стороны всероссийского центра.

Этот же перелом наблюдается и в Донбассе. В моем очерке „Первые шаги профстроительства в Донбассе“¹⁾ я привел материалы, свидетельствующие о преобладающем влиянии соглашательских партий в профсоюзах, но и там уже большевики во второй половине 1917 г. начали пробивать брешь.

В Макеевском районе, по утверждению тов. Хмара, на рудниках Ясиновском и Берестово - Кальницком, как Сов. Раб. Деп., так и союзы находились под руководством большевистской организации. В Сорловском районе 15-го мая в целом ряде рудников принимается большевистская резолюция. В Юзовке металлисты отказались дать тов. Галузину мандат на демократическое совещание, вследствие того, что этому делегату дана директива голосовать за коалицию.

В Одессе, где в союзах засели оборонцы, со второй половины 1917 г. мы имеем преобладающее влияние большевиков в союзе металлистов, железнодорожников, водников и швейников, составлявших значительную часть одесского пролетариата.

Полевение рабочей массы нашло свое отражение, как мы это увидим в следующей статье, не столько в профсоюзах, сколько в фабзавкомах. этих низовых ячейках на предприятиях.

Будучи ближе к рабочей массе, завкомы представляли ее интересы перед предпринимателями, являлись организаторами не только ее экономической, но и политической борьбы, являлись, таким образом, опорой не только профсоюзов, но и Советов Рабочих Депутатов.

¹⁾ „Лет. Рев.“. 1927 г. № 3.

Не касаясь в этой статье роли фабзавкомов в организации рабочих, в проведении рабочего контроля и их значения в борьбе за Октябрь, я здесь хочу только подчеркнуть, что первую брешь большевики пробили в этих низовых рабочих ячейках, и постепенно укрепляясь в них, они отсюда начали свои атаки, против оборонческих Советов и профсоюзов.

Новый поворот в сторону большевизма, наметившийся в рабочей массе во второй половине 1917 г., не оказал, однако, достаточного воздействия для полного изменения соотношения партийных группировок в Советах профсоюзов. Дело в том, что даже там, где состав многих правлений крупных союзов большевизировался, представители этих союзов все так и составляли меньшинство в Совете профсоюзов, хотя нередко они не только по удельному весу, но и по количеству охватываемых ими рабочих представляли большинство индустриальных пролетариев данного района. Мелкие союзы часто подавляли крупные союзы, образуя в Совете большинство. В Екатеринославе профсовет оставался до прихода советской власти соглашательским хотя на большевистской позиции стояли металлисты и железнодорожники, составлявшие основную массу пролетариата Екатеринославщины.

А между тем меньшевистский состав межсоюзных органов определил и основную линию профдвижения во всех политических вопросах. Какова была эта линия в предоктябрьский период?

В мае месяце оформилось коалиционное правительство. Министры - социалисты должны были служить громоотводом для революционно - настроенных масс; они должны были прикрывать и маскировать готовящееся по всему фронту наступление буржуазии против рабочего класса. Последний ответил на это наступление рядом забастовок, которые вспыхивали в разных отраслях промышленности; масса революционизировалась, отставали только профсоюзные верхушки. Грандиозные уличные выступления сотен тысяч петроградских пролетариев 3—5 июля против Временного правительства, были первым предостережением против новой сделки с буржуазией; эти выступления не могли не найти отклика и на Украине, где рабочая масса, как мы видели выше, уже почувствовала контратаку обнаглевшей буржуазии.

В Екатеринославе на Брянском заводе и на других предприятиях принимались резолюции солидарности с июльскими событиями в Петрограде. Массы требовали передачи власти в руки Советов, перевыборов Советов и формирования Красной гвардии.

В начале июля в Екатеринославе была проведена демонстрация революционной демократии, которая, как сообщает „Приднепровский Край“, должна была показать силу и сплоченность революционных рядов“. Участвовали в этой демонстрации,

по сообщению этой газеты, рабочие заводов, железнодорожных мастерских, городские социалисты; шествие замыкали казаки; на знаменах последних была надпись „не допустить анархии ни справа, ни слева“, на знаменах рабочих — „долой десять министров-капиталистов; вся власть советам Рабочих Депутатов“. Плакаты меньшевиков призывали к поддержке Временного правительства. К сожалению, у нас нет сведений об отношении Советов профсоюзов к июльским событиям, но, принимая во внимание хозяйничание в нем соглашателей, можно предположить, что оно несомненно было отрицательным.

Каково же было отношение Одесского ЦБ к июльским событиям? В его протоколах мы не находим определенного ответа на этот вопрос. По предложению тов. Озоля, представителя швейников, обсудить вопрос о текущем моменте, вынесено ЦБ 18-го июля следующее постановление: „признать, что этот вопрос в задачи ЦБ не входит и возбуждение о нем считать несвоевременным“.

Таким образом, несвоевременными считаются события, которые всколыхнули сотни тысяч пролетариев, события, которые должны были решать судьбу пролетарской революции. Центральное бюро профсоюзов увиливало от прямого ответа, поставленного ему большевиком Озодем, не потому, что оно его не имело, не потому, что у него на этот счет были какие-нибудь сомнения, а потому, что оно боялось обнаружить свое истинное лицо перед рабочей массой.

Они предпочли тактику молчания, потому что в воздухе чувствовалось новое веяние, назревал уже перелом в настроении рабочей массы и для продолжения своего господства ЦБ предпочло не высказываться по вопросу об июльских событиях.

Совершенно иначе реагировало на эти события Киевское ЦБ. На заседании ЦБ 13-го июля по вопросу об отношении профсоюзов к июльским событиям была принята большевистская резолюция, указывающая на полное банкротство коалиционного министерства и заявляющая, что единственным выходом является поворот на путь решительной борьбы с контрреволюционной политикой буржуазных слоев и, как первый шаг такой борьбы, — немедленный переход власти в руки революционной демократии, путем создания однородного социалистического министерства, ответственного перед Советами и не останавливающегося перед установлением диктатуры революционного пролетариата, под лозунгом спасения революции и страны от грозящей внутренней и внешней опасности.

Июльские события в достаточной мере показали, какой сдвиг влево произошел в настроении рабочих масс. Они явились отражением крайне обострившейся классовой борьбы. После июльских дней усилилось, с одной стороны, начавшееся еще и раньше организованное наступление капитала, а с другой стороны — увеличилось озлобление рабочей массы, ее

требования стали более настойчивыми. Забастовочное движение все увеличивалось, а на требования рабочих хозяева отвечали закрытием предприятий.

Локауты являются обычным методом капиталистов в борьбе с организованными выступлениями рабочих: закрытие предприятий под различными предлогами стало повсеместным явлением и на Украине. Эта тактика буржуазии еще более усугубляла и без того глубокий хозяйственный кризис; безработица еще более усилилась; „народное хозяйство, — писала „Новая Жизнь“ от 24 мая, — превратилось у нас в разухабистую вакханалию мародерства, промышленной анархии, систематического расхищения национального достояния“.

Ко всему этому нужно прибавить продовольственный кризис, давший себя особенно чувствовать в крупных промышленных центрах.

Борьба с разрухой стала одною из главных задач профсоюзов; соглашатели обвиняли, конечно, рабочий класс в этой разрухе, считая „чрезмерные требования“ рабочих одною из ее главных причин.

Все это еще более усилило недоверие рабочей массы к коалиционному правительству, усилило ее симпатии к большевистским лозунгам, содействовало сплочению ее вокруг большевистского ядра; июльские события в Петрограде и отклик их на Украине были эхом этого поворота.

В обстановке разгоревшейся классовой борьбы назначен был созыв Государственного Сопещения в Москве, на котором, по мнению его инициаторов, должны были быть представлены все „живые силы“ страны, а на самом деле все силы буржуазной контр-революции.

Профсоюзы должны были выразить свое отношение к этому совещанию.

Как относились профсоюзы Украины к Московскому совещанию? Последовали ли они примеру московских и петроградских профсоюзов, выразивших в том или ином виде свое отрицательное отношение к нему?

Согласно наказа, данного пленумом Харьковского Совпрофа, командируемому им делегату на это совещание:

1) принцип коалиции с буржуазиею должен быть отвергнут. Временное Правительство должно быть создано из среды революционной демократии.

2) Совещание демократических организаций должно носить длительный характер и существовать до Учредительного собрания и перед этим центром революционной демократии Временное правительство должно быть ответственно.

К этому времени в Харьковском ЦБ большевики не имели преобладающего влияния, но не имели его также и оборонцы. На решения Совета профсоюзов имели преимущественно влияние меньшевики-интернационалисты, у которых не было

достаточной решительности и последовательности, чтобы присоединиться к большевистским лозунгам.

Поправка представителя большевиков т. Судика о том, что вся власть должна быть сосредоточена в руках Советов, была отвергнута.

Об отношении Екатеринославского ЦБ к демократическому совещанию у нас прямых документов нет, но из протокола пленарного заседания Совета Рабочих Депутатов от 30 сентября 1917 г., на котором был сделан доклад о московском совещании, мы узнаем, что делегаты Екатеринослава, среди которых, по утверждению делегата Шнирмана (совторг. служащих) был и представитель ЦБ тов. Бердичевский, поддерживали резолюцию, оглашенную Сандомирским, против коалиционного министерства и за министерство социалистическое.

Но если харьковские и екатеринославские Советы профсоюзов, учитывая, очевидно, вышеуказанный перелом в настроении рабочих масс, не сочли возможным плестись за оборонцами и принимали более левые резолюции, то Одесское ЦБ, совершенно оторванное от рабочей массы, стало верным своему старому знамени оборончества и по вопросу об отношении к совещанию мы находим в его протоколах следующее постановление:

„Исполком ЦБ поручает своему делегату отстаивать положения, выдвинутые третьей Всероссийской конференцией, Всероссийским Исполнительным Комитетом Совета Рабочих и Солдатских Депутатов“.

Но точка зрения этих всероссийских центров была соглашательская и на совещании они стояли за коалицию. Они не были поэтому поддержаны огромным большинством присутствовавших на совещании представителей от союзов, вследствие чего председатель Всероссийского Совета профсоюзов тов. Гриневиц должен был подать в отставку.

Таким образом, в промежуток времени между июльскими событиями и Московским совещанием позиция Одесского ЦБ совершенно не изменилась; по вопросу о Государственном Совещании заседавшие в Одесском ЦБ меньшевики-оборонцы присоединились к позиции обанкротившегося соглашательского Всероссийского Совета профсоюзов. Точно так же, как последний не отражал больше настроения широких рабочих масс, как это обнаружилось на московском совещании, так и соглашательское Одесское ЦБ не отражало больше настроения представляемых им рабочих, которые, как мы видели, за это время сильно революционизировались и начали отходить от позиции оборонцев.

Только Киевское ЦБ последовало примеру Московских и петроградских профсоюзов и выразило свое отрицательное отношение к Московскому совещанию; согласно решению Киевского комитета большевиков оно организовало в этот

день однодневную забастовку, как протест против этого совещания.

Так, по сообщению газеты „Голос Соц.-Дем.“ от 13 августа 1917 г. № 89, 11-го августа совещание делегатов киевских заводов и предприятий с Киевск. Комит. РСДРП с согласия Центр Бюро профсоюзов постановило объявить на 12 августа однодневную стачку протеста против московского совещания.

12-го августа с утра стало большинство киевских заводов. Стали — Арсенал — 4000 чел., военно-обмундировочные мастерские (Цитадель) — 1000 ч., Варшавская судостроительная верфь — 700 ч., сапожн. мастерск. уездн. земства — 700 ч., большинство типографий, к которым к вечеру присоединились и типогр. „Киевская Мысль“, мастерские союза городов №№ 2, 3 и 7 — 700 чел., портн. мастер., мастерские Земского союза, хлебопекарни и т. п. С 12 час. стал и зав. Гретера. Всего бастовало 12 августа — 22.000 человек.

Таким образом, своим отношением к июльским событиям и к Московскому совещанию профсоюзы обнаружили свое истинное политическое лицо, выявили свою основную классовую линию и уже во второй половине 1917 г. более или менее определились их позиции в борьбе за Октябрьскую революцию.

В настоящем очерке мы коснулись только роли профсоюзов в подготовке к Октябрю; мы совершенно не затронули при этом вопроса о роли фабрично-заводских комитетов.

Как мы видели, в первой половине 1917 г. преобладающее влияние в огромном большинстве профорганизаций по всей Украине имели соглашатели-оборонцы; они-то и определяли основную политическую линию профсоюзов в период между Февралем и Октябрем.

Перелом в настроении рабочей массы наступил лишь во второй половине 1917 г., когда мы наблюдаем довольно быстрый отход рабочих от соглашательских союзов. Этот отход, имевший место почти во всех городах, выразился, с одной стороны, в перемене состава правлений ряда союзов, а с другой стороны — в огромной тяге рабочей массы к другому центру — к Совету фабрично-заводских комитетов, решительно отстаивавшему интересы рабочих.

(Окончание следует)

В. Б.

РАБОЧИЕ ЮГО-ЗАПАДНЫХ Ж. Д. В ОКТЯБРЕ- ДЕКАБРЕ 1917 г.

(К X-й годовщине Октября)

ВОРЬБА С ВРЕМЕННЫМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ

В дни ожесточенной борьбы Временного правительства с надвигавшейся Октябрьской революцией выдающееся значение имело выступление железнодорожников, в частности юго-западников. В командном составе этой организации уже в середине 1917 г. преобладали полубольшевистские настроения. Эти настроения и симпатии юго-западников еще с большей силой выявились наружу в самый решительный момент схватки Временного правительства с большевиками.

За спиной происходившего совещания расширенного общеармейского комитета при Ставке, на котором участвовал, между прочим, и Гоц, несмотря на контроль, установленный членами Викжеля на телеграфной станции Управления Путей Сообщения при Ставке, начальником Управления Лебедевым 31 октября была дана следующая телеграмма по всей сети железных дорог:

„От Верховного главнокомандующего Керенского за подписью его, Авксентьева, Гоца, Войтинского, Станкевича и Семенова получена телеграмма следующего содержания: „Временный Совет Российской Республики — Всероссийский Комитет спасения родины и революции, ЦИК Крестьянских, Солдатских и Рабочих депутатов приказывает действующей армии немедленно прислать войска, хотя бы только по одному пехотному полку от ближайших армий и возможно срочно самыми действительными средствами, не останавливаясь ни перед чем, курьерскими поездами доставить эшелоны в Лугу и Гатчино. Вся тяжесть ответственности за промедление падает на промедляющих. Номер 174“. „Сообщая Вам эту телеграмму, прошу принять все меры к срочному продвижению эшелонов, уже находящихся в пути, равно и подлежащих отправлению, дав им преимущества перед всеми поездами и устранив по возможности все задержки на станциях. Номер 10047. Н. У. Лебедев“.

Из указанного распоряжения „Временного Совета Российской Республики“ ничего, кроме конфуза, не получилось. Железнодорожники ответили на приведенное распоряжение Лебедева горячим протестом и заявлением, что продвижение войск на Лугу и Гатчино встретит с их стороны самое энергичное противодействие (телеграмма организации жел. дор. от 1-го ноября № 11926¹⁾).

Юго-западники сделали все, чтобы не допустить войска в сторону Питера. „Бывали случаи“, — говорит в своих воспоминаниях один из участников тогдашних выступлений, бывший член Главного дорожного комитета и Ревкома ЮЗА, Викентий Багинский, — когда некоторые эшелоны кружили по 8 суток в пределах Ю-З дороги, дезорганизовывались, таяли и в конце концов распались“.

По заверению того же тов. Багинского, Главный Комитет в эти дни диктует ряд политических требований Центральной раде, которые она удовлетворяет. Более того, не доверяя Центральной раде, Главный железнодорожный комитет берет на себя на первых порах контроль важнейшего министерства — военного — и требует, чтобы Петлюра два раза в неделю отчитывался в своей работе перед ним. „что он, Петлюра, и делает аккуратно“. „После провозглашения III универсала и „безупречной деятельности“ Петлюры, выразившейся в посылке интендантского хлеба в Россию и т. п., Главный комитет несколько ослабил свой контроль, перенеся центр своего внимания на профрабату. Этим не преминула воспользоваться Центральная рада, стянувшая за эти дни к Киеву ко второй половине декабря половину войск, усилив этим гарнизон“²⁾.

За короткий, сравнительно, промежуток времени (считая со II-го с'езда) политическое самосознание железнодорожников далеко шагнуло вперед. Однако оно не развилось до того уровня, на каком стояло политическое развитие петроградского пролетариата. С особенной наглядностью это можно проследить по работе III делегатского с'езда юго-западников, заседавшего в те дни, когда в Петрограде совершался Октябрьский переворот. В этом отношении характерна резолюция, принятая Главным Исполнительным комитетом 26-го октября и внесенная на обсуждение с'езда.

ГЛАВНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ РАДА

„Ввиду того, что Временное правительство Керенского, — говорится в резолюции, — ничего не сделало для заключения мира, допустило и не прес. кло саботажа

¹⁾ Вомпе. „Дни Октябрьской революции и железнодорожники“. Стр. 46—47.

²⁾ Викентий Багинский. „К истории нашего союза (воспоминания железнодорожника). „Эхо гудка“, 1923 г., № 21.

буржуазии, допустило стихийное разрешение земельного вопроса, благодаря неизданию закона о немедленной передаче всей земли земельным комитетам, дискредитировало железнодорожников изданием декрета о нормах оплаты труда, Главный Комитет ЮЗЖД высказывается самым решительным образом против этого правительства, как антидемократического.

Поддерживая борьбу за свержение этого правительства, Главный Комитет может высказать свое доверие и поддержку только однородному социалистическому правительству, опирающемуся на широкие массы трудовой демократии рабочих, солдат и крестьян.

Ввиду того, что лозунги Украинской Центральной Рады соответствуют требованиям революционной демократии и не могли бы быть проведены в жизнь, благодаря противодействию Керенского, принимая во внимание, что в настоящее время вокруг Центральной Рады об'единились все социалистические партии и организации, Главный Комитет считает необходимым согласовать свои действия с действиями Краевого комитета по охране революции при Центральной Раде, но (в тексте оригинала, по видимому, ошибочно, напечатано „не“ — В. Б.) считая при этом необходимым немедленное опубликование Центральной Радой политической платформы. В числе лозунгов этой платформы должны быть: немедленное объявление перемирия для заключения мира, объявление демократической украинской республики и федеративной России, передача всей земли земельным комитетам и передача саботирующих заводов в ведение фабрично-заводских комитетов.

На основании всего изложенного, Главный Комитет ЮЗЖД считает необходимым делегировать своих представителей в Краевой комитет по охране революции при Центральной Раде в числе двух. Главный Исполнительный Комитет ЮЗЖД“.

Странным кажется только, как мог комитет, высказываясь в резолюции против Временного правительства, свой политический идеал обрести... в Центральной раде.

Нужно ли говорить, что резолюция эта сначала никого почти на с'езде не удовлетворила, вызвав среди его членов целую бурю самых ожесточенных прений. И не удовлетворила она прежде всего, конечно, делегатов — служащих Управления. Участковый комитет Управления еще 27 октября вынес следующее постановление, зачитанное затем на с'езде:

„Заслушав резолюцию Главного Комитета по вопросу об отношении к текущему моменту, Участковый комитет Управления постановил: поручить т. т. делегатам Управления голосовать против предложенной резолюции, так

как резолюция Главного Комитета не содержит в себе определенного осуждения предательского выступления большевиков в Петрограде, посягающих на захват власти в то время, когда до созыва Учредительного собрания, — единственного правомочного хозяина земли русской, остается не более одного месяца. Это вынуждает Участковый комитет управления апеллировать к делегатскому съезду и требовать переизбрания всего состава Главного Комитета“.

Резолюция Главного комитета, направленная против Временного правительства и в то же время ничего не говорящая о переходе власти к Советам, естественно, не могла собрать большинства и долгое время оставалась предметом самых страстных суждений. Неизвестно, как еще долго продолжались бы эти прения, если бы не подспело к этому времени одно исключительное обстоятельство, отодвинувшее резолюцию Главного комитета на задний план.

30 октября, во время заседания III-го делегатского съезда, получило сообщение, что на улице началось сражение солдат и рабочих большевиков, с одной стороны, и юнкеров — с другой. Под трескотню пулеметов и ружей съезд принимает резолюции:

„Признавая недопустимым борьбу с убеждениями отдельных лиц путем арестов и насилий, делегатский съезд ЮЗЖД постановил: всемерно протестовать против ареста Совета Раб. Деп. и Революционного Комитета перед штабом Киевского Военного Округа и организациями, санкционировавшими арест этот, а также настоятельно требовать от штаба немедленного их освобождения“ (принимается всеми).

„Заслушав телеграмму Викжеля (о забастовке с целью предотвратить гражданскую войну), принять ее к руководству и немедленному исполнению и приступить к выработке тактики“.

„В виду предстоящей Всероссийской стачки и необходимости присутствия делегатов на местах в такой ответственный момент, — работы съезда временно прервать, поручив Главному комитету совместно с президиумом съезда созвать делегатский съезд для продолжения текущей сессии, при первой возможности“.

Эти резолюции показывают, что в политическом отношении юго-западники шли в фарватере Викжеля и к Октябрьскому перевороту относились тогда еще отрицательно. Вместе с тем был срочно организован Стачком, переименованный затем в Главревком ЮЗА, в состав которого вошли 8 человек (Далматов, Молярчук, Радзиовский, Шаханов, Багинский В.,

Шумицкий, Браун и Попов). К Главревкому перешла вся власть на Ю.-З. дорогах. Последние были разделены на 16 участков, во главе каждого из них был поставлен комиссар связи, на обязанности которого лежала организация охраны транспорта и информация Главревкома.

Прерванный 30 октября III-й делегатский съезд возобновил свои занятия только 18 ноября 1917 года.

Интерес съезда, естественно, сразу сосредоточился опять вокруг текущего момента. Интересную, в смысле образности, речь произнес на съезде представитель партии большевиков, т. Бакинский. Эта речь интересна еще и потому, что она послужила некоторым поворотным пунктом в настроении съезда. Приведем ее в извлечениях по протоколу:

„27-го февраля с/г. прозвучал третий звонок и от станции „Самодержавие“ двинулся поезд революции. На паровозе был ж.-д. рабочий, который твердою рукой вел поезд революции по верному пути, указанному Советом Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов. В поезде были вагоны всех классов и групп общества. В конце поезда был и вагон международного общества—иностранных хищников.

На пути была только одна станция „Учредительное собрание“ с демократической республикой. Пассажиры международного вагона и 1 класса стали пускать все средства, чтобы затормозить постепенно развивающийся ход революции. Тогда пассажиры 3 класса решили отцепить эти вагоны, после чего поезд быстрее пошел к станции социализма. К Учредительному собранию можно идти только через съезды Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских депутатов. Но, чтобы наш поезд благополучно дошел до конца, ему нужна на местах помощь пролетарских масс и нужно, чтобы его правильно обслуживали. Поезд ведет Совет Рабочих депутатов. Надо, чтобы на местах этот лозунг был подхвачен и воплощен в жизнь.

Лозунг этот — „вся власть Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов“!

ОТНОШЕНИЕ ЮГО - ЗАПАДНИКОВ К ОКТЯБРЬСКОМУ ПЕРЕВОРОТУ

После долгого обсуждения текущего момента была принята, при целом ряде заявленных особых мнений, следующая резолюция, предложенная от имени социалистов и большевиков:

„Признавая Центральный Исполнительный Комитет Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов, пополненный представителями социалистических партий и других демократических организаций, единственно правомочным органом революционной демократии, третий

делегатский с'езд Юго - западных ж. д. заявляет, что ближайшими задачами этого органа являются :

- 1) Образование однородного социалистического министерства, всецело ответственного перед ЦИК.
- 2) Немедленное заключение всеобщего демократического мира.
- 3) Передача без выкупа всей земли земельным комитетам и планомерная организация этой передачи на местах.
- 4) Рабочий контроль над производством в лице фабрично - заводских комитетов и рабочее законодательство.
- 5) Решительная борьба с саботажем как буржуазии, так и чиновничества.
- 6) Неотложный созыв Учредительного собрания.
- 7) Учредительному собранию нынешняя власть Советов Рабочих и Солдатских депутатов передает свои полномочия для образования новой всенародной власти.

8) Первое коалиционное правительство, равно как и правительство народных комиссаров обязаны представить Учредительному собранию, хозяину земли русской, подробный отчет за все время своей деятельности, т. - е. от дня падения царской власти до открытия Учредительного собрания.

Признавая также недопустимым разрешение спора демократии между собой силою оружия, третий делегатский с'езд Югозап. ж. - д. предлагает Викжело и в дальнейшем принимать меры к недопущению междоусобной бойни между рабочими, крестьянами и солдатами.

Конструкция краевой власти должна быть тождественна конструкции Центральной власти, при чем Центральная Рада еще до созыва суверенного Учредительного собрания должна быть немедленно пополнена представителями недостающих социалистических партий и демократическо - революционных организаций, и в частности, считаясь с предстоящим созывом Краевого с'езда Советов Рабочих и Солдатских депутатов Украины, представителями этого с'езда. Генеральный Секретариат должен быть всецело ответственным перед пополненной Центральной Радой.

Сознавая, что полное осуществление мировых лозунгов человечества „Свобода, равенство и братство“ возможны только при создании единого мирового демократического фронта, мы приветствуем провозглашение Третьего Интернационала и будем вести борьбу под лозунгами :

„Да здравствует Третий Интернационал“.

„Да здравствует международная борьба трудящихся с мировым капиталом и мир всему миру“. (124 голоса за, 17 против¹⁾).

¹⁾ Любопытно, что резолюция, предложенная тов. Суедуковым от имени большевиков, получила лишь 16 голосов за, при 62 против и 57 воздержавшихся.

Хотя эта резолюция и не является буквальным повторением резолюции Главного комитета, внесенной еще в первую сессию III делегатского с'езда, тем не менее она, по существу, ей родственна. Этим, повторяем, обозначается поворот в воззрениях юго - западников в сторону большевистской ориентации, хотя и приправленной некоторыми „краевыми“ устремлениями¹⁾. И в этом нельзя не видеть известного угадывания ближайшего хода политических событий, несмотря ни на какие „особые мнения“ части членов с'езда по поводу принятой резолюции.

В первых числах ноября 1917 г. Главный дорожный комитет ЮЗА делегировал в Москву двух представителей от ЮЗЖД на чрезвычайное совещание, созванное Викжелем 10 ноября в парадных комнатах Александровского вокзала. В качестве этих представителей были посланы тов. Браун Л. от фракции левых эсеров и И. И. Сокало - Поповский от фракции с.-д.— оба члены комитета. Совещание это по вопросу об отношении железнодорожников к советской власти высказалось в положительном смысле (из воспоминаний И. И. Сокало - Поповского).

И Главный комитет и III - й Делегатский с'езд чутко реагировали на все политические события тех дней.

30 - го ноября, когда явились представители Совета Рабочих депутатов и профессиональных союзов г. Киева в Главный комитет и сообщили, что украинские войска разоружают Красную гвардию и большевистские полки в г. Киеве, при чем арестованы делегаты с'езда фронтовых железнодорожных батальонов, Главный комитет пред'явил Генеральному Секретариату следующие требования: 1) немедленное освобождение всех арестованных членов рабочих организаций; возвращение отобранного имущества и возмещение убытков; 2) возвращение оружия демократическим организациям; 3) прекращение разоружения рабочих организаций.

В виде протеста комитет объявил однодневную забастовку.

К этому же времени относится организация революционного штаба Красной гвардии на Юго - западных дорогах, сыгравшего впоследствии большую роль в революционном движении.

1 - го декабря комитет послал телеграмму о роспуске стачечных комитетов и об образовании революционных штабов.

В обстановке войны, объявленной Советом Народных Комиссаров РСФСР Центральной раде III - й с'езд закончил свою работу избранием комиссий (жилищно - строительная, культурно - просветительная, пенсионно - страховая, продовольственная и редакционно - издательская), которые должны были обслуживать нужды союза в целом²⁾. Этим комиссиям, в лице

¹⁾ Как видно из резолюции, дело не только в „краевых“ устремлениях, а и в демократических иллюзиях. — Ред.

²⁾ О деятельности этих комиссий можно судить из отчетов, представленных IV - му делегатскому с'езду в мае 1918 г.

их председателей вместе с некоторыми членами Главного комитета, оставшимися в Киеве после эвакуации (23-го февраля 1918 г.— австро-германская оккупация) основного ядра Главного комитета, избранного III съездом.— пришлось сыграть затем видную роль, т. наз. Временного Главного комитета.

Чтобы покончить с событиями 1917 г. на ЮЗЖД, отметим разоружение железнодорожниками гайдамаков в Одессе (по воспоминаниям участника этого выступления — Ф. Г. Мацко).

В декабре 1917 г. рабочие одесского железнодорожного узла, главным образом, мастерских, приняли разоружать гайдамаков. Железнодорожным ревкомом были организован отряд, который был отправлен в артиллерийский склад. Отряд совместно с большевиками артсклада забрал несколько ящиков с испанскими наганами, которыми вооружил ответственных работников.

После тщетных переговоров железнодорожного ревкома с представителями от украинско-шовинистских частей, большевики вынуждены были поставить вопрос ребром: или гайдамаки сдают оружие, или они будут разоружены. Когда гайдамаки отказались сдать оружие, ревкомом было отдано распоряжение организовать боевые отряды и приступить к разоружению. Был организован отряд из рабочих и техников. Гайдамаки, находившиеся под влиянием эсеров, меньшевиков и своих офицеров, встретили железнодорожников пулеметным и оружейным огнем. Железнодорожники, в особенности техники ж.-дор. училища пытались взять приступом 1-й гайдамацкий курень, находившийся у ст. Одесса-Малая.

Железнодорожный ревком имел связь с городом. Получив сведения, что со стороны города по Пушкинской улице двигаются матросы с городскими организациями для занятия ст. Одесса-Главная, и что с броненосца „Алмаз“ также помогут железнодорожникам судовой батареей,— ревком приободрился и пустил в дело находящийся в его распоряжении один броневедомобиль, который и был поставлен возле технического училища, находящегося на ст. Одесса-Товарная. С броневедомобиля было выпущено несколько снарядов по гайдамацким курням, находившимся между ст. Одесса-Малая и Одесса-Главная. Были использованы два броневых вагона с башнями (в каждой из них было по одной трехдюймовке и два пулемета „Максима“). С броненосца „Алмаз“ было также выпущено несколько снарядов по курням.

Ревком не терял надежды, что рядовые солдаты, т. е. крестьяне и рабочие, одумаются и сдадут оружие. Ревкомом было дано обещание, освободить всех рядовых, унтер-офицеров, дать им вагоны и отправить на родину с условием, что солдаты арестуют своих офицеров и передадут их ревкому. На другой день они так и сделали. Арестованные офицеры были отправлены под конвоем на „Алмаз“.

После этого ревкомом было приступлено к выемке оружия со складов.

„То, что представилось нашим глазам, — продолжает Ф. Г. Мацко, — не поддается описанию. Все пакгаузы, а их было шесть, были переполнены новыми русскими и английскими винтовками; много пулеметов „Максима“ и „Кольта“, много частей пулеметов, пулеметных лент, патронов. На всем вооружении были клейма, что оно заготовлено еще с 1914 г. Все это грузилось в вагоны и отправлялось в мастерские и на красный фронт. В ночное время — были выставлены караулы из красногвардейцев. Нагрузка происходила в течение 2 — 3 дней. После разгрузки магазинов ревком начал вооружать рабочих и составлять отряды Красной гвардии“.

Усиленная подготовка железнодорожников к вссруженному восстанию шла одновременно и в других местах Юго-западных дорог. Так, по официальному сообщению „Вестника Украинской Нар. Республики“ от 27 декабря 1917 г., в Жмеринке солдаты 2-го гвардейского корпуса всячески помогают железнодорожникам вооружаться, чтобы быть готовыми к предстоящему восстанию рабочих.

Так кончался 1917 год... Наступали грозные январские события 1918 года...

С. СТРЕЛЬБИЦКИЙ

НА ЗАРЕ ПРОФДВИЖЕНИЯ ГОРНЯКОВ

(Советы и первые шаги профстроительства)

Всего десять лет прошло, но их бури унесли из памяти много имен, дат и событий.

Материалов у меня нет. Да о многом и вообще нет письменных следов: в процессе гражданской войны, особенно жесткой в Донбассе, материалы обычно уничтожались, чтобы не давать противнику имен, указаний. Тем необходимее, хотя бы неполно, записать то, что по бумагам уже не будет восстановлено. По указанным причинам мои воспоминания будут отрывочны, эпизодичны, как их сохранила на сегодня память.

1917 ГОД

Я был в Луганске по продовольственным делам рудника, когда „Южный Край“ (харьковская газета) принес ошеломляющее известие о свержении царя. Перетрусившая „либеральная“ земская управа в тот же день вечером собрала совещание представителей разных общественных слоев, имея, повидимому, намерение заручиться поддержкой рабочих. Помнится, что замысел не удался в желаемой мере. Представители рабочих сделали политическую декларацию, заявили, что беспорядков не допустят (ползли слухи о готовящихся погромах), отказались от приглашения „сидеть по домам“, и на следующий день (воскресенье) многотысячная манифестация с красными знаменами и революционными лозунгами залила улицы Луганска.

Черносотенных контр-выступлений не было. „Союз русского народа“ понял, что дело пошло не на шутку. Один из лидеров „Союза“, хозяин гостиницы „Россия“, где я остановился, за обедом подсел и раздумчиво философствовал о том, что „без царя оно, конечно, неудобно, все таки — помазанник, но, конечно, там, в Петрограде, виднее... Как народ, так и мы“... Покладистости лидера способствовало, повидимому, то обстоятельство, что луганская полиция и жандармерия были уже арестованы и в городе власть перешла к „комитету общественной безопасности“.

Характерно отметить, что события на рудниках проходили, насколько удалось узнать, по одной и той же формуле: арест или бегство полиции, общее собрание рабочих, организация

комитета общественной безопасности. Уличные манифестации удавались не везде: стояло начало марта со свойственной марту единственной в мире рудничной грязью.

* * *

Партийные организации Донбасса были количественно весьма слабы и ко времени революции целые районы остались без какого-либо организующего начала. Таким был и Марьевский район, где я служил. Раньше, несколько лет тому назад, здесь была меньшевистская организация. Помню имена Трубицына, Позякова, Мищенко (оказавшегося провокатором), в 1906 г. наезжал Михайличенко и даже Туляков, но затем организация распалась.

Таким образом, нам, оставшимся без руководства, приходилось присматриваться, что делают другие и стараться не отставать, что с некоторым успехом мы и выполняли. И у нас „комитет общественной безопасности“ просуществовал не дольше, чем у других — всего несколько дней. Узнав, что в Луганске избран СРД, мы провели выборы и у себя. „Четыреххвостку“ выдержали мы по всем статьям: не только „прямое, всеобщее, равное“, но и „тайное“... Заготовлен был десяток ящиков — урны, „шары“ (правда, кубической формы, нарезанные из деревянных планок) и избиратели торжественно прошли мимо урн, награждая кандидатов шаром направо или налево, в зависимости от личной симпатии, не больше.

Однако, несмотря на „солидность“ избрания, Совет переизбирался первое время чуть ли не каждые две недели (уже без ящиков, явным голосованием), т. е., опять таки, как на всех почти рудниках Донбасса.

Причины ясны: за отсутствием партийного руководства избранные в большинстве случаев были людьми случайными. Пользовались значительным успехом горлохваты-демагоги, тем паче, что продовольственный кризис давал благоприятную почву для „парламентских кризисов“.

Однако, не позже, как через месяц-полтора, рабочие разобрались в людях и состав Совета стал устойчивее.

Как-то недавно мне пришлось услышать, будто бы рабочие относились недоверчиво и недружелюбно к конторскому и техническому персоналу. Это неверно. Не питая, понятно, теплых чувств к директорам или высшему техническому надзору, а равно и к конторщикам из тех, которые так недавно давали себя чувствовать в расчетных конторах или по продовольствию, рабочие очень охотно избирали в Советы лиц из технического и конторского персонала, если только они проявляли желание связать свою судьбу с рабочими, входя в Совет. Больше того, например, „хороших людей“ из техников убеждали выставлять свою кандидатуру.

Стоит указать, что тогда уже рабочие умели различать, где „собака“, а где „строгий“. Применяя иной раз к „собакам“ даже тачки, рабочие охотно видели „строгих“ в своих Советах.

Однако таких было очень и очень немного, и тем заметнее было внимание рабочих к людям, ставшим „своими“.

* * *

Советы рабочих депутатов в Донбассе стали сразу же властью, включительно до того, что едва ли не во всех местах даже начальник милиции выделялся СРД.

Меньшевистские „царства“ (Лисичанск, Кадиевка и др.) и то вели себя иной раз... по-большевистски.

Лисичанск, например, навел террор на местных торговцев, не то реквизируя товары, не то введя учет и твердые на них цены (не помню точно). Помнится, он не отступал даже перед принудительными „субсидиями“ на поддержание своей местной газеты.

С Кадиевкой был случай не менее интересный (наш район по судебному делению относился к Кадиевке. Кажется, судья жил на Голубовке). Рабочий из нашего района пришел к нам в Совет с жалобой на постановление судьи и предъявил приговор, написанный на обычном бланке с двухглавым орлом и начинающийся „по указу его императорского величества“...

Мы тут же протокольный приговор аннулировали, а кадиевскому Совету написали требование о наложении кары на судью, на что получили товарищеский ответ, что судья... арестован. В дальнейшем судебные функции сами по себе перешли к Совету. Вскоре появился зародыш „загса, санкционировали раздельное жительство супругов, строго следя, чтобы не было преследований со стороны недовольного, который в таких случаях имел все шансы попасть по постановлению Совета под арест. Борьбу с самогоном мы считали нашим неотъемлемым делом. Больше того — даже отпуска рабочим на лето давал только Совет, и без него ни один рабочий не уехал, несмотря на то, что давали очень осторожно, после проверки действительной необходимости ехать.

Тяжелый продовольственный кризис заставил Совет организовать контроль над поступлением и распределением продуктов.

Естественно, что вопросы труда и конфликты в этой области занимали у нас очень много времени. Жалобы на плохие технические условия, несоблюдение правил охраны труда, конфликты по замеру работ и многое другое в этом роде вызывало необходимость посылки комиссий из районного Совета, так как местные, рудничные СРД не всегда были

достаточно авторитетны в глазах рабочих или администратора. Тут мы, районный СРД, широкой рукой пользовались техническим персоналом, включая того или иного пользовавшегося нашим доверием техника в состав местной комиссии или вводя его в состав комиссии районной.

* * *

Вообще, отношения Совета и местных районных промышленников вначале были более или менее мирные. Директора крупных рудников предпочитали ладить с Советом, чувствуя в нем силу, в особенности после столкновения по продовольственному вопросу, когда мы потребовали подвергнуть дело снабжения нашему контролю и пригрозили повесить наши замки на склады (кажется, даже и повесили к моменту заседания продовольственного комитета). Надо думать, что такую мирную линию рекомендовал и Совет съездов горнопромышленников¹⁾. По крайней мере, мы имели сведения о тщательной информации, которая давалась промышленниками Харьков. Так, например, мне попало в руки письмо тогдашнего директора Михайловских рудников, носящее характер текущей информации, в котором отдельные члены Совета (рабочие) назывались так, как будто они были уже адресату известны („Денисов сказал...“ „Сточный нашел“... и т. д.) Любопытно, что фамилия руководителя Совета была дана даже сокращенно („Стр.“).

Что касается мелких промышленников, которых в нашем районе было много („мышеловки“), то они и вовсе без пререканий признали Совет, подчинялись его постановлениям (особенно часто их касались вопросы расценочных конфликтов и охраны труда), а иной раз приходили и сами с жалобами на того или другого рабочего.

Иногда нашему районному СРД приходилось выступать как власти, выходя далеко за пределы меньшевистской скромности.

Наиболее яркий случай — это поведение во время корниловщины. Мы немедленно вооруженной силой „окупили“ три ж. - д. станции нашего района, организовали контроль над телеграфом и движением и, несмотря на вопли ж. - д. администрации, не сняли „окупации“ до тех пор, пока корниловщина не была ликвидирована.

* * *

Майский праздник отпраздновали с исключительной торжественностью. Заблаговременно известили соседние села, приглашая их праздновать вместе, сверили по всем рудникам

¹⁾ Не малую роль в этом играл, конечно, и меньшевистский характер Советов. — Р е д.

часы, и в назначенный для сбора час район огласился ревом гудков, под который со всех бугров полились к центральному пункту реки манифестантов. Кое-каким отрядам пришлось промаршировать и по несколько верст, но тогда это было ничем: ласковое весеннее солнце улыбалось множеству красных знамен и значков, радостное сознание, что мы — хозяева, что нас в кустах не подкарауливают нагайки казаков, делало тягости довольно большого перехода нечувствительными.

Прибыли и гости — крестьяне, и под восторженные приветствия влились в наши десятитысячные ряды.

Митингом руководил районный Совет, над знаменем которого мы усердно потрудились, чтобы оно было „достойно районного органа“. И, действительно, „не ударили лицом в грязь“: на верхней части полотнища красовался лозунг „Пролетарии всех стран, соединяйтесь“, а на нижней не менее ярко блестело — „Земля и Воля“... Мы, советчики, считали себя, видите ли, обязанными относиться благожелательно к наличным социалистическим партиям и быть „объективными“, что и отразили на своем знамени.

Вообще, к зарождающимся у нас в районе партийным организациям (с. р. и с. д. р. п. объединенцев) Совет относился благожелательно, не допуская проявления нетерпимости в дискуссиях. Блуждая в путанице анархизма, руководитель Совета считал основным — накопление сил, а насчет партийности — это дело десятое... Помощи же извне не приходило.

Вообще, насчет оформления идеологии дело у нас сначала стояло слабо. Эсеры начали было расти, но со времени июльского выступления большевиков, а в особенности корниловщины, стали терять влияние и довольно быстро таять. Некоторую роль сыграло выступление одного приехавшего из Луганска эсера, который настолько талантливо изложил понимание роли вождя и массы, что „масса“ почувствовала решительное нежелание попасть в эсеровское положение и недвуммысленно это выявила.

Эсеры таяли, а их место занимали (сперва одиночки) будущие большевики.

* * *

Уже в мае в отдельных районах начали появляться профсоюзные организации горняков и, как правило, раньше в тех районах, где были крупные группы металлистов (напр. Юзовка, Макеевка, Кадиевка). Позже началось движение в таких чисто горняцких районах, как наш.

На одном из митингов (Совет устраивал их регулярно каждое воскресенье, а иногда и в субботы, обслуживая рудник за рудником) кто-то из присутствующих запросил председателя — каковы задачи профсоюзов и намерен ли Райсовет организовать союз у нас?

Положение председателя было не весьма ловкое. Еще в 1905 году он читывал о профдвижении на западе, знал особенности английского, германского, американского, но... объясняя задачи союзов, он все время чувствовал, что они осуществляются у нас... Советом.

Сейчас же после этого Совет решил изучить вопрос о профорганизации и послал членов Совета ознакомиться с тем, что уже было на практике в других местах.

Результаты ознакомления были не из удовлетворяющих. „Делать им нечего, — заявили вернувшиеся обследователи, — обязанности перепутаны с советскими“. Организационные формы также оказались пестрыми и поэтому мы решили самостоятельно проработать вопрос о задачах и формах организации, учитывая и ошибки, и достижения соседей.

В результате работы мы решили — выделить из советских функций функции тарифно - конфликтные и охраны труда, оставив за собой права верховной апелляционной инстанции, добавить функции материальной помощи (ссуды и т. п.). Структура профорганизации — рудничные комитеты, делегатские собрания и, в верхушке, районное правление. Союз — производственный и единый для всех категорий труда. Отрицательно относясь к цехово - секционной практике соседнего района, — секций не допускать. А чтобы союз не оторвался от Совета, председательство совместить в одном лице — председателя Совета провести и в председатели союза.

Не забыли мы и календарного плана: две недели на агитационно - разъяснительную кампанию, в ближайшее после этого воскресенье — одновременная по всему району запись в союз, выборы уполномоченных по руднику и делегатов на районную конференцию, и в следующее же воскресенье — районный съезд и выборы правления. Таким образом, организатором союза горняков был СРД. То же наблюдалось и в других районах.

Зарождение союза носило характер стихийного напора. Поведя агитационную работу, мы увидели, что намеченный двухнедельный агитационный период был слишком велик. Напор массы, стремление к организованным формам, значение которых рабочие чувствовали, были таковы, что мы с трудом задержали запись до намеченного времени.

В намеченное воскресенье на всех рудниках района была одна и та же картина: на прирудничном лужке, у трибуны — стол, у него — член Совета с тетрадью для записи, на столе шапка, в которую сыпались вступительные трещницы.

Вступительные речи были сорваны; даже там, где собрание пришлось проводить мне, не помог авторитет и предрейсовета. „Чего там разговаривать, пиши — и никаких двадцать“. Пришлось организовать дополнительные столы и часа через два рабочее население всего района поголовно стало членами союза.

В следующее воскресенье районный с'езд избрал правление „Союза Горнорабочих Марьевского района“. Председательствование было возложено на предрайсовета.

Союз приступил к работе. Нельзя сказать, чтобы она была очень живой. Наличие более старой с упрочившимся авторитетом организации отзывалось в известной мере. Приходилось в конфликтных вопросах частенько скреплять постановления правления визой Совета.

Лето приходило к концу. Жизнь день за днем смывала иллюзии медового месяца революции. Чувствовалось, что Совет идет в тупик. Промышленники уже не так охотно подчинялись постановлениям Совета. Из Петрограда мы удостоились получить по одному конкретному поводу (пьяная драка рабочего со штейгером, представленная промышленниками, как „насилия рабочих над администрацией“) выговор за подписью министра торговли и промышленности с указанием, что если мы не дадим удовлетворения, то предприятие, где случай произошел, будет остановлено постановлением Совета С'езда горнопромышленников. Министр не постеснялся передать нам угрозу промышленников локаутом. Мы послали достаточно грубый ответ... Беспокойство за дальнейшие пути революции нарастало.

Вырисовывался единственный выход — метод прямого действия, метод углубления революции. Анархические мечтания, которые иной раз обнаруживал Совет с легкой руки его председателя, блекли весьма заметно.

Поддерживая связь с уездным центром (Луганск), ближе знакомясь с большевиками, Совет, сам того не замечая, большевизировался. Немалую роль в этом сыграла личность и деятельность луганчанина — тов. К. Ворошилова, о котором восторженно рассказывали наши делегаты, бывшие на с'ездах в Луганске.

Кроме того, большевистское влияние проникало и через тов. Гецова, который был нам известен, как большевик, и которого мы несколько раз приглашали к себе из соседнего района.

* * *

Я уже указывал, что союз горняков нами мыслился, как союз производственный, охватывающий все отрасли труда, в том числе отрасли техническую и конторскую.

Однако, в большинстве районов (помню, исключением являлась Успенка и, кажется, Криндачевка) техники и конторщики имели самостоятельные организации, при чем у техников она успела уже развернуться, кажется, почти в донбассовском масштабе.

Однако, наше упорство было велико. В результате нам удалось залучить к себе в союз ряд наиболее интересных для нас лиц. Большинство из них вошло в наш союз, не порывая со своим.

С конторским персоналом дело шло неважно. Персональные вхождения были, но попытки организованного вхождения не увенчались успехом.

Борьба за стягивание продолжалась до областного с'езда, да и тогда выражалась больше декларативно. Если конторский персонал так или иначе влился, то технический имел еще некоторое время отдельные организации.

Техники требовали организовать у них секцию на основе широкой автономии, мы же были противниками секционного строительства, считая его, во всяком случае, несвоевременным.

Приближалась осень. Нарастало и беспокойство и неудовлетворенность. Чувствовалось, что необходимо более мощное объединение, чем то, которое мы имели в луганском уездном СРД, тем более, что оно было слабо выражено.

Выборы в учредительное собрание прошли бесцветно, без оживления... Под влиянием еще блуждающего председателя ряд активистов и вовсе не принимал участия в выборах, хотя Совет организацию выборов проводил под своим наблюдением и руководством. В это время мы получили приглашение послать своих делегатов на областную конференцию союзов горняков. Мы горячо поддержали эту идею.

Конференция захватила последние числа сентября и закончилась 3 октября, избрав оргбюро и назначив созыв учредительного с'езда в начале будущего года.

В бюро вошло: два большевика (Олексенко из Ровенок и Андреев из Александро-Грушевска), два совсем слабеньких эсера и, не помню, один или два меньшевика (из них помню Чижикова). Избрали и меня.

На первое организационное заседание явились два совсем новых лица, „Вы кто будете?“ — „Уполномоченный партии эсеров!“ „А вы?“ — „Меньшевик!“ „А зачем вы пришли?“ — „Представительствовать и наблюдать“. При помощи блока большевиков с эсерами мы выставили сперва меньшевистского „наблюдателя“, а затем закрыл за собой дверь и эсеровский.

Мы занялись распределением обязанностей.

Секретарем избрали большевика Олексенко (штейгера), а председателем — меня. Почему? Я тогда еще официально числился анархистом, а эта политическая порода, в особенности, когда она представлена всего одним человеком, давала каждой партийной группе надежду взять ее под свое влияние.

Так мы и приступили к работе. По предложению Олексенко союз сокращенно был назван „Горнотруд“.

“ * ”

Работы по союзу было много, и она носила уже совсем не районный характер.

Прежде всего надо было закрепить с'единение из почти двух десятков районных самостоятельных союзов, создать

союз единый. Если вспомнить тогдашние возможности связи, то трудности будут понятны: союзы, привыкшие уже к полной самостоятельности, иной раз неохотно отказывались от независимости. С Криндачевкой, например, пришлось вести довольно продолжительные переговоры. Организаторами там были два русских американца, если не ошибаюсь, Кунин и Каняев, которые перенесли в свою работу практику I. W. W.—Индустриальных Рабочих Мира. Находясь на территории Дона, где к тому времени контр-революция начала показывать когти, они больше всего боялись падения революционного под'ема. Только после приезда Каняева в Харьков, в бюро, где он убедился, что его опасения напрасны, слияние состоялось.

Для иллюстрации тогдашних возможностей связи укажу, что Каняев, приехав в Харьков во второй раз, домой уже не вернулся. На Дебальцево, где Каняев ждал пересадки, был совершен налет красновцев, после которого на перроне был найден его труп. Это была первая жертва на революционном профсоюзном фронте. А сколько их было потом...

Организационному укреплению и популярности союза содействовало бесконечное паломничество в Харьков по делам рудников. Тогда был обычай, чтобы с хозяином или директором ездили одновременно и „представители“ (обычно из Совета). Насколько помню, эта „двойная тяга“ была выдумкой рудничного начальства и практиковалась во время керенщины. Со времени Октябрьского переворота положение изменилось в том смысле, что не администрация брала с собой представителей рабочих, а наоборот.

При тогдашней всеобщей тяге к организованности нам не трудно было ввести обязательную явку рабочих представителей в союз, где обоюдная информация создавала и крепкую связь и крепкую популярность нашему делу.

* * *

Вскоре показались у нас и администраторы.

Чтобы ярче отобразить тогдашнюю ситуацию, надо иметь в виду уже отмеченный мною раньше перелом настроений. „Октябрь“ шахтеров начался еще в феврале. Промышленники, подавленные стихийным ростом Советов, отсутствием помощи и фактической беззащитностью на местах, первое время, как уже упоминалось, примирились с новым положением дел (правильнее было бы употребить наше тогдашнее словечко — „сократились“).

Однако керенщина оказалась не такой уж страшной. Возможность корниловского похода, возможность красновщины и калединщины окрылили промышленников. А это „окрыление“ отозвалось у нас сперва угнетенным состоянием, а потом — ненавистью ко всякому, кто нами, как администрация, командовал

Около этого времени получила широкую популярность в Донбассе „седьмая платформа“ (или шестая, точно не помню). Для хозяев и для лиц высшей администрации это была угроза расстрела. Дело в том, что на этой платформе Южного вокзала в Харькове стоял некоторое время штаб Антонова - Овсеенко, куда рабочие доставляли провинившихся администраторов. Я не помню конкретного случая расстрела кого-либо из доставленных из Донбасса, но предпринимателям эта платформа вселяла ужас.

Так вот, нам приходилось инойраз в мешиваться в самочинные аресты и, по обследовании дела, просить т. Антонова - Овсеенко об освобождении того или иного из доставленных, в особенности из технического персонала шахт. Освобожденные доставлялись в оргбюро союза, где получали надлежащее внушение и... охранную грамоту.

Кстати, об охранных грамотах. Не мало из ныне здравствующих лиц из административно-технического персонала держали их в руках и воочию, у себя на месте, убеждались в колоссальном авторитете, какой питала горняцкая масса к союзной организации. Характерно добавить, что оргбюро не получило ни одного упрека за „спасение от седьмой платформы“ и за выдачу грамот.

К этому же времени надо отнести деятельность своеобразной областной „КРК“. Рабочие тащили за собой хозяев для рассмотрения конфликтов. Мы, насколько было возможно, тщательно изучали конфликты и выносили решения, которые промышленникам оставалось только исполнять.

* * *

Кроме конфликтов с отдельными промышленниками на наши неопытные плечи лег генеральный конфликт с промышленностью в целом. Областной съезд Советов, признавая необходимость повышения заработной платы горняков, возложил на оргбюро союза функции стачечного комитета, пополнив наш состав рядом представителей разных партий. Из них помню Артема, Сандомирского, Голубовского, Цукублина и нескольких других.

Собственно говоря, на стачком это было мало похоже; вскоре после первых переговоров Советом Съезда горнопромышленников юга России был вызван из Петрограда представитель министерства торговли и промышленности, в роли которого и приехал товарищ министра, меньшевик-оборонец Орлов.

Началась канитель „орловской согласительной комиссии“. Приходили, усаживались по противоположным сторонам длиннейшего зеленого стола и — приступали к говорению.

Со стороны промышленников восседал их цвет. Тут были и покойные Фенин и Прядкин, тут и фон - Дитмар, с красным

платочком в боковом кармане франтовского черного костюма, тут и ряд крупных администраторов.

Результат таких заседаний был очень прост: если правительство хочет прибавить, то пусть дает субвенцию в раз-мере прибавки, а из своих прибылей промышленники не дадут.

Фактический лидер рабочей части совещания, Артем¹⁾, нервничал, созывал нас на отдельные совещания (без меньшевиков). Помню, как - то, неожиданно на такое совещание заглянул Г. И. Петровский и выразил удивление, что мы до сих пор канитель тянем.

Наконец, Орлов решил дать субвенцию. К этому времени совершилось восстание в Ленинграде и Москве. Началась эпоха Октябрьской революции.

И промышленники, и мы указывали, что денег Орлов доставить не может. Однако он съездил куда - то, и деньги промышленники получили. Лишь впоследствии, из мемуаров, я узнал, что Временное правительство некоторое время сидело в подпольи и хозяйничало в государственном банке.

* * *

К нашим заботам о текущем руководстве и подготовке к учредительному съезду профсоюза добавились новые „задачи“: ослабление роли органов рабочего контроля, которые кое - где на местах занялись административными функциями и борьбой против безудержной национализации.

О тогдашней национализации стоит сказать несколько слов.

Развал промышленности, вызванный рядом причин (хищническая эксплуатация шахт за время империалистической войны, чтобы извлечь возможно больше военных сверхприбылей, отсутствие притока денег из - за границы и на капитальные подготовительные работы, и на крупные ремонтные работы и т. д.), ко времени Октябрьской революции был уже весьма велик. Те денежные ресурсы, которые были в распоряжении промышленников, они предпочитали придерживать. К тому же выявилась и полная дезорганизация рынка. „Нет денег“ — стало обычным ответом как на крупнейших предприятиях, так и на „мышеловках“.

Поэтому лозунг национализации встретил горячий отклик у рабочих, ибо в национализации они видели единственную возможность притока денег и спасения промышленности.

Кое - кто из администраторов похитрее — сами агитировал рабочих национализировать руководимые ими предприятия, убивая тем двух зайцев: и предприятие сохраняли в ожидании

¹⁾ Сперва нам очень импонировало знание вопроса Цукублиным (лисицанский меньшевик), а также авторитетный тон его товарищей — Иоффе и Сандомирского.

недалеких времен, когда большевиков „прогонят от власти“, и неудовольствие рабочих от себя отводили.

Мы усердно раз'ясняли, что народившееся только что пролетарское государство не сможет охватить всех предприятий, что надо сперва выкачать деньги у промышленников, что мелкие, а то и заброшенные предприятия, которые рабочие национализировали и приступили к разработке, причинят государству один ущерб... Результаты нашего усердия были очень слабы. Сопротивление и саботаж промышленников лишь усиливали напор масс.

В этих „заботах“ мы закончили 1917 год. А на юге все гуще собирались контр-революционные тучи и происходили первые кровавые стычки с калединщиной.

III

НА СПОГАД ТИХ, ЩО
ЗАГИНУЛИ

ПАМЯТИ БОРЦА И ТОВАРИЩА

Николаю Данилевскому с двенадцатилетнего возраста выпало на долю не только зарабатывать на жизнь для себя, но и своим заработком помогать своей матери - вдове с двумя, меньшими детьми. Отец т. Николая умер, когда маленькому Коле было всего шесть лет (родился в 1894 г.), оставив жену и троих детей без всяких средств к существованию. Матери пришлось зарабатывать для себя и трех малюток. Когда Коле было восемь лет, мать определила его в приходскую школу. Учился Коля хорошо, но продолжать его учение матери было не по силам, и Коля начал работать в магазине Котляревского „мальчиком“.

Шестнадцать лет Коля начал увлекаться революционным движением, восемнадцать лет, т. е. в 1912 г., стал активным членом РСДРП(б).

Летом 1913 г. пишущий эти строки встретил т. Николая на массовом партийном собрании в Покотилковском лесу (около Харькова). Приезд в Харьков т. Муранова (бывший член 4-й гос. думы) и частые с ним встречи, а также поездка в Петроград и встречи с тов. Петровским не могли остаться для Николая без последствий. Осенью в 1914 г. у тов. Николая был произведен обыск и найдены большевистские прокламации о войне и визитная карточка т. Петровского, что послужило для охранки доказательством принадлежности его к партии. Тов. Николая арестовали, судили и приговорили к трем годам каторги.

Просидев в одиночке до декабря 1916 г., он был выпущен на поруки (по ходатайству матери).

В январе 1917 г., в связи с предательством известного провокатора Сигаева, т. Николай вторично попал в тюрьму вместе с группой большевиков. На этот раз его освободила Февральская революция. В первые же дни после освобождения т. Николай принимал активнейшее участие в работе партии, собирая и организуя ее силы.

Тов. Николай был членом первого легального Харьковского Комитета (большевиков) и работал в Харьковском городском Совете и Исполкоме, как представитель партии большевиков.

Тов. Николай вне работы всегда был весел и общителен с товарищами, но в деловой обстановке был строг как к себе,

так и к другим. Свое мнение на собраниях и заседаниях он всегда выражал ясно, коротко и убедительно, и слова его никогда не расходились с делом.

По вопросу о Брестском мире т. Николай разделял точку зрения „левых“ коммунистов, но он был практическим работником и в дискуссиях не принимал участия. Когда на Украине организовался ЦИКУК т. Николай работал там секретарем.

В начале немецкой оккупации он организовал коммунистическую роту из 67 чел. и санитарный отряд из 8—10 человек. Как не имеющий военной подготовки, он был комиссаром роты. После слияния коммунистической роты с 1-м Харьковским Пролетарским полком Николай был комиссаром полка. После занятия Киева немцами полк отправился на фронт против немцев (за две недели до эвакуации Харькова).

Во время боевого отступления Кременчуг — Царицын, которое длилось около двух месяцев, тов. Николай, как комиссар, во время боев всегда был в первой цепи, рядовым бойцом, первым умелым разведчиком, а иногда командиром, когда в бою кто-либо из командного состава терялся или выбывал из строя.

У товарищей, участвовавших в боях с Николаем Данилевским, навсегда останется в памяти его героизм. В первом бою под с. Потоками, когда неиспытанный в боевой обстановке полк мог попасть в ловушку к немцам, тов. Николай, будучи в цепи, предотвратил гибель всего полка.

Тов. Николай был очень строг в отношении дисциплины и поддержания революционного порядка. Когда при отступлении из Полтавы часть красноармейцев полка стала заниматься грабежами, тов. Николай взял на себя борьбу с этим злом. Было созвано собрание, дан категорический приказ. Когда это не помогло, было арестовано два-три человека. Через день на ст. Константиноград к вагону арестованных явилась вооруженная масса человек в 400 с требованием освобождения арестованных и отсылки их в Харьков „для обучения“. Верной опорой была только коммунистическая рота. Убеждения и уговоры командира полка и других коммунистов не подействовали, и взбунтовавшаяся толпа продолжала напирать на вагон. Тов. Николай вышел к толпе. Он говорил мало, но внушительно, держа револьвер в руке, и закончил приказанием разойтись в разные стороны: кто за советскую власть — налево, кто против и хочет отправиться домой в Харьков — направо... Минута молчания, и приказ был быстро исполнен. Налево отошли почти все, направо — 15—20 человек, которых разоружили.

Помню также такой случай. В первом бою под ст. Борвенково дрогнул левый фланг и в беспорядке стал отступать, а правый (комрота) с боем далеко продвинулся вперед... Тов. Николай был впереди в цепи и стрелял стоя или с колена. Немцы были в 40 шагах от фланга, а слева немецкая цепь шла в обход...

Тов. Николай заметил ловушку и предупредил обход...

После команды отступить направо в овраг тов. Николай и еще пять шесть человек под градом пуль стали тащить в овраг раненых и пулемет...

Отступили к станции. В 100—150 шагах от нее стояло трехдюймовое орудие, которое уже начали снимать, так как не было ни одного красноармейца в прикрытии... Десяток эшелонов стоял и не мог отправиться, ибо получилась закупорка из-за крушения. Тов. Николай быстро собрал 15—20 человек и окопался с ними, образовав прикрытия. Немцы были уже в трехсот-четырёхсот шагах от орудия... Подбодрившись, команда при орудии стала энергичнее действовать, а наводчик попадал без промаха. Через 10—20 минут в прикрытии было уже около двухсот человек. Немцы приостановились... Тов. Николай скомандовал — вперед, немцы обратились в бегство и их отбросили на 15—20 верст, захватив много оружия и снаряжения.

При дальнейшем отступлении, в бою под Родаковым, тов. Николай проявлял неменьший героизм. На станции скопилось до двадцати эшелонов с людьми и имуществом. Слева немцы начали орудийный обстрел. Снаряды падали около станции и разрушили водокачку. Утомленные бойцы не желали идти в бой. Первым пошел в бой коммунистический полк, а впереди — т. Николай. За коммунарами пошли другие отряды. Завязался ружейный и пулеметный бой. Цепи сошлись близко, поединок длился 15—20 минут...

— Товарищи, вперед! — услышали бойцы громкий призыв тов. Николая. Левый фланг во главе с ним пошел вперед, немцы дрогнули и в панике стали бежать, оставив три орудия, пулеметы, винтовки и много аммуниции... Это дало возможность вывести эшелоны.

В боях под Цидоровкой т. Николаю также пришлось проявить качества первоклассного бойца и командира. Прогнав далеко немцев, колонны красногвардейцев, ничего не подозревая, спокойно отступали на ст. Каменскую. Вдруг над головами и по сторонам стали рваться десятки снарядов. Началась паника и беспорядочное бегство. И тут тов. Николай нашелся и быстро скомандовал — рассыпаться в цепь. Рассыпавшись в цепь, коммунистический полк увлек и другие отряды, которые в полном порядке стали отступать. Часть коммунистического полка послали для прикрытия трех орудий. Едва успев слегка окопаться, измученные двухсуточным боем и походом красногвардейцы уснули. Тов. Николай с двумя товарищами отправился в разведку. Была ночь. Первым из разведки вернулся т. Николай и сообщил, что немцы в 200—300 шагах. Быстро подняли всех на ноги. Николай дал приказ батарее сняться... Вдруг он заметил, что два разведчика не вернулись. Отчаянно рискуя, Николай задержал команду пехоты, а сам пошел разыскивать разведчиков и быстро нашел их...

Отступающим пришлось тащить по одному из оставленных трехдюймовых снарядов, а до станции было около 15 верст... Многие не только не могли нести снаряды, но и сами падали от усталости... И тут т. Николай показал себя прекрасным товарищем: он ободрял уставших бойцов, помогал им нести винтовки...

Во время угрозы Царицыну т. Николай с группой (т. Рухимович и др.), по поручению штаба С.-Кавказской армии, отправился по Волге на катере для связи с шедшей на помощь группой кавказских войск. В это время приволжские села были заняты белыми. Не доезжая до г. Саратова, т. Николай один вышел на берег, прошел в село и от крестьянина узнал, что село занято белыми. Белые заметили катер и стали обстреливать его из пулемета. Белогвардейского пулемета не было видно... Тогда Николай поднялся на палубу с биноклем, желая установить линию огня, чтобы дать ориентировку отстреливающейся команде катера. В этот момент его ранили в бедро...

Подлечившись после операции, тов. Николай работал председателем украинской военно-аттестационной комиссии.

Когда началась война с белополяками, тов. Николай не смог оставаться на тыловой работе. Его тянуло туда, где гремели орудия. И вот он очутился в 41-й дивизии, где стал политкомиссаром одной из бригад.

Эго была последняя революционная работа тов. Николая Данилевского. 20-го марта 1920 года он погиб в г. Мозыре.

Погиб т. Николай при следующих обстоятельствах. На город был совершен неожиданный налет белополяков... Началось беспорядочное отступление. В штабе дивизии не успели забрать всех документов... Николай и еще один товарищ (имя его мне неизвестно) остались в штабе, чтобы сжечь документы. В это время их окружили... Они стали баррикадироваться и отстреливаться...

После занятия Мозыря красными жители рассказывали, что трупы героев были похоронены белополяками с воинскими почестями. Оба товарища героически долго и упорно защищались. Мы не знаем, пал ли т. Николай от вражьей пули или застрелился сам. По предположениям хорошо знающих Николая товарищей, более вероятно второе, так как перед боями т. Николай часто предупреждал товарищей, чтобы они не расстреливали все патроны, а всегда один оставляли „на всякий случай“ — для себя.

Вспоминая теперь, в десятилетие Октября, многих и многих павших борцов, мы, о тавшиеся в живых, не можем не вспомнить и т. Николая Данилевского. Мы никогда не забудем его беззаветную любовь к рабочему государству и его самоотверженную работу для дела пролетарской революции...

Мы продолжали его дело и победили врагов... Победим мы и в грядущих боях. Силы наши крепнут.

ПАМЯТИ ФЕДИ ТИНЯКОВА

Тов. Федя происходил из семьи пролетариев, сам был тоже пролетарием и работал портным, пройдя четырехлетнюю школу ученичества у кустика портняжной мастерской. Угнетающая обстановка жизни Феде, а может быть, просто его восприимчивость способствовали тому, что Федя еще в юности стал в первые ряды революционеров.

Пишущему эти строки впервые пришлось близко встретиться с Федей в 1915 г. на собрании в квартире тов. Веретеникова, где дебатировался вопрос об участии рабочих в военно-промышленных комитетах. На этом собрании были два меньшевика (Веретеников и еще один), один меньшевистствующий (Никитченко) и пять-шесть большевиков (эти собрания имели целью перетянуть меньшевистствующих рабочих на нашу сторону).

Тов. Феде в это время на вид было года 22—23, но по его выступлению он произвел на меня впечатление партийца, работающего в партии не один десяток лет.

В 1915—16 г.г. мне приходилось встречать тов. Федю на собраниях в узком кругу партийцев (в рабочем доме на Петинке) на общегородском собрании рабочих (1 августа 1915 г.) и на массовых собраниях рабочих.

Тов. Федя везде был активным, он не мог молчать и всегда горел желанием высказать свою точку зрения по любому обсуждаемому вопросу. Тов. Федя обладал всеми качествами партийца-организатора и массовика. Он сжился с рабочей массой, знал ее и умел излагать сложные вопросы борьбы рабочего класса на понятном для нее языке.

Вспоминается, как Федя принимал активное участие в организации забастовки трамвайщиков осенью 1916 г. и выступление его в начале забастовки перед трамвайными работниками.

Видно было, как колеблющаяся масса после его выступления решила забастовать...

В первое время Февральской революции, после освобождения из тюрьмы, т. Федя дни и вечера проводил на митингах и собраниях. Федя всегда и везде успевал, несмотря на его физические недостатки (больная нога и искривленный позвоночник) Ходя с палкою по городу с собрания на собрание, он всегда был весел и постоянно смеялся. Эти путешествия были его единственным отдыхом, Тов. Федя спешил везде

быть, так как знал, что наши партийные силы малы (60-70 человек) и теоретически слабы (выступавших было 10-15 товарищей).

Нельзя без большевистского восторга и гордости вспомнить выступление тов. Феде во время демонстрации 3-го марта 1917 г., когда, после слащавых поздравлений, произнесенных многочисленными представителями партий и учреждений, в которых рабочий не слышал ни слова о его задачах в революции, а солдат ни слова об окончании войны, тов. Федя выступил (кажется, последним) и своим звонким голосом заставил замереть демонстрирующие массы. Федя говорил от имени РСДРП(б). Он в кратких словах указал на необходимость прекращения войны революционными путями, на возможность борьбы с контр-революцией, говорил о необходимости организации советов, разоблачал предательство II Интернационала и закончил свою речь лозунгом: „Да здравствует организация третьего революционного Интернационала“. Это было громом среди ясного неба для соглашателей-оборонцев, а для рабочих и солдат трубным сигналом к борьбе за советы, за мир.

Тов. Феде, как и многим, были свойственны ошибки по вопросу об объединении с меньшевиками, но это было кратковременно. После приезда в Петроград тов. Ленина, который дал ясную линию в этом вопросе, Федя стал стойким ленинцем.

Все лето до Октябрьской революции т. Федя работал как пропагандист и агитатор. Другая работа у него как-то не вязалась, он не мог засиживаться часами в кабинете, его всегда тянуло к массам.

Выборные кампании — в городскую думу, в „учредилку“, в уездное земство, перевыборы совета и правлений союзов — без Феде не обходились. Вспоминаю, как Федя помогал пишущему эти строки большевизировать союз строительных рабочих, где вначале был всего один большевик...

Благодаря этой помощи, к августу 1917 г. союз стал большевистским и его актив записался к нам в партию.

Припоминается, как к трамвайщикам, где был внушительный большевистский коллектив, все же приходилось тянуть на рабочие собрания тов. Федею, где он, удачно полемизируя с меньшевиками и эсерами, привлекал рабочих на нашу сторону.

Вскоре после Октябрьской революции, когда над пролетарским Донбассом нависли черные тучи белогвардейщины, когда харьковские рабочие организовывали боевые отряды для борьбы с каледищиной, т. Федя, не имея возможности, благодаря своим физическим недостаткам, принять в них участие с винтовкой в руках, взял на себя тяжелую работу по организации для борьбы пролетариев Донбасса. Он знал, что такое Донбасс для пролетарской революции.

Организовывая рабочих Донбасса в советы, профсоюзы и боевые отряды, наш дорогой т. Федя во время налета белогвардейской банды был схвачен и расстрелян.

Не стало энергичного, неутомимого, всегда рвавшегося к борьбе за рабочее дело товарища.

Десять лет как нет среди нас т. Феде, но его самоотверженная работа за дело пролетарской революции всегда будет жить в памяти рабочих Харькова и Донбасса.

ПАМЯТИ ИСААКА КРЕЙСБЕРГА¹⁾

Когда я его узнала впервые, все его называли Исачком. Это было в 1913 году, ранней осенью. Исачку было 15 лет. Впрочем, это он говорил сам, товарищи дразнили его четырнадцатилетним. Во всяком случае, Исаак был еще подростком. Длинный, невероятно худой и угловатый, он поразил меня некрасивостью лица и красотой глаз. Очень большие, дремуче-черные, они полны были одновременно скорби и огня. Эти глаза останавливали, запоминались. И теперь, когда я думаю об Исааке, я вижу прежде всего темный огонь его зрачков...

Меня познакомили с ним в профсоюзе портных — там была одна из явок киевской социал-демократической организации. Исаак должен был организовать кружок, в котором мне предстояло работать. Он создал кружок очень скоро — это была его первая партийная нагрузка и первая революционная организация, к которой он принадлежал. В кружке, где было человек 8, преимущественно портных, сразу выделились двое: Петр Голубенко (сгарший брат известного украинским коммунистам, особенно киевлянам, Коли Голубенко) и Исаак. Петр вообще не подходил к этому молодому кружку революционных итентов: он был старше имел за собой уже соц-дем. работу и ссылку. Он уже не слушал пассивно слова пропагандиста, как „слово божие“ (порой даже, увы, не понимая его, как признавались мне потом некоторые из моих „учеников“), не

¹⁾ Просьбу Истпарта дать биографию Исаака Крейсберга не могу выполнить, так как ряд периодов его жизни мне неизвестны и нет материалов, которые бы их осветили. Могу только написать то, что мне пришлось видеть и от других слышать. Между тем биография Исаака представляет большой интерес, так как недолгая его „взрослая“ жизнь неразрывно связана с историей большевизма и революции на Украине. Период империалистической войны, события 1917 года в Киеве, октябрьское и январское восстания, затем ряд съездов, Екатеринославский (советский), Таганрогское совещание, I и II съезды КП(б)У, подполье гетманщины в Одессе, „балабановщина“ в Харькове, борьба с пеглюровщиной и взятие Екагеринослава, вплоть до трагической гибели в Полтаве — через все эти этапы украинской революции прошел Исаак. Но в тех документах, которые пока собраны, его образ всплывает отдельными отрывочными проблесками. Нужно собрать материал от разных товарищей, знавших Исаака в разные моменты его работы, тогда можно будет из этих отдельных лоскутов прошлого склеить его короткую, но яркую жизнь. — С. Ш.

только ставил вопросы, но и мог пуститься в дискуссию. Если он это делал редко, то только по свойственной ему угрюмой молчаливости. Исаак был полной противоположностью: экспансивный, подвижной физически и умственно, он всегда играл роль застрельщика в тех беседах, которые возникают после доклада пропагандиста и без которых занятия теряют и ценность и интерес. Но я скоро почувствовала, что то, что я давала кружку и могла дать при низком политическом уровне большинства его слушателей, мало для Исаака. Он рос на глазах и было ясно, что его натура требует иных методов обучения — на практической работе, в процессе революционной борьбы. В такой обстановке он удивительно быстро усваивал смысл происходящего и самостоятельно делал выводы и обобщения.

Наша организация в то время была смешанная — в нее входили и большевики и меньшевики-партийцы (плехановцы), а последние, пожалуй, даже преобладали. Но Исаак весьма быстро выработался в твердокаменного ленинца. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что у этого мальчика была революционная интуиция, ибо большим запасом знаний он не обладал и не умел их накапливать. Он схватывал налету и иногда даже казался поверхностным.

Но это было неверное впечатление. Исаак и налету умел улавливать существенное.

Его революционная „карьеря“, которую он закончил под сапогом гайдамака членом ЦК КП(б)У, началась с весьма скромной должности секретаря кружка. Потом он вошел в организационную комиссию при комитете, задачей которой было отыскивать, укреплять и объединять связи с заводами и фабриками. Уже в январе 1914 года он участвовал в районной конференции и был избран в комитет городского района.

В работе Исаак проявлял неутомимость, я бы сказала, жадность. Он хотел делать все, он хотел быть всюду. Революционная деятельность захватывала его целиком — у него не было других интересов, другой жизни, у него не было близких личных друзей, для него не существовало семьи. Я помню, как Исаак мечтал о своей „собственной“ комнате. Он жил в семье дедушки (не помню, кем был и что делал этот дедушка — от рассказов Исаака о нем у меня осталось впечатление чего-то гнетущего, какого-то патриархального кулака). Я помню, что Исаак жалел свою мать, которая с многочисленными детьми жила на хлебах у дедушки. Но это было мимоходом. Думаю, что Исаак не был заботливым сыном... Да у него и не было времени для этого. Разделение труда еще слабо проводилось в нашей небольшой организации. Работал тот кто хотел и сколько мог... Получал Исаак на своей службе, в конторе пишущих машинок „Ундервуд“, очень немного. Бегал он дни и ночи. Перепечатать листовку,

расклеить ее, раздать по районам, по предприятиям, пойти на завод за связью, организовать кружок, собрать совещание, наладить технику, — все это и еще многое входило в обязанности, которые он добровольно брал на себя. Мне помнится, что я пыталась отстранить Исаака от работы, которая была наиболее рискована в смысле провала и грозила наиболее решительными статьями уголовного уложения. Ведь он был очень молод, мне казалось — не закален и притом истощен до крайности, с больными легкими. Я, конечно, недооценивала тогда Исаака, его большую волю, которая заменяла ему порой недостающие физические силы. Его убеждали быть осторожным, взять на себя определенную работу, не соваться всюду. Но разве можно было убедить Исаака? Если он знал, на какой квартире печатаются листовки (которые мы тогда изготовляли на гектографе за отсутствием типографии) — его туда тянуло как магнитом. Если он знал, что где-нибудь организуется собрание — он шел на собрание... А знал Исаак все, был живой газетой подполья... И его знали все и любили. Мы называли его „вундеркинд“ и „дитя организации“. Действительно, организация была его истинной семьей, он был как будто кровными узами связан с ней.

* * *

Подъем весны 1914 г. — тот подъем, которому помешала разразиться в революцию военная мобилизация, отразился и в политически отсталом Киеве. Организация готовилась к ознаменованию годовщины ленского расстрела и к организации протеста против отравлений рабочих на питерских фабриках. В разгар подготовки обрушился арест. Provокатор Ермаков, тогда член общегородского комитета, провалил основную группу работников.

Меня вместе с товарищами, ведавшими техникой, взяли как раз во время печатания листовок к ленскому дню, когда предполагалась всеобщая стачка траура и протеста. И момент ареста связан у меня с Исааком. Дело в том, что Исаак должен был притти к концу работы на квартиру за листками. Жандармы пожаловали в четыре часа, когда дело наше было почти закончено, листки сохли и складывались пачками в ожидании Исаака, который (насколько помнится) должен был притти к нам в 5 — 6 часов. Когда первые минуты сюрприза были пережиты, и мы, усевшись под наблюдением наших „гостей“, имели возможность предаться размышлениям (пока они производили обследование найденных ими материалов), тогда я вспомнила — сюда скоро должен притти Исаак, и наша судьба станет его судьбой, потому что не было никакой возможности предупредить его. Оставалось только ждать в бессильной злобе, утешаясь мыслью, что Исаак ловкий, ориентируется

быстро и, может быть, как-нибудь выкрутится. И в самом деле — он выкрутился. Нам сообщил об этом городской, пришедший со двора, где он стоял на посту. Он с горечью и раздражением рассказал, что сюда шел „черненький еврейчик“, но увидев его, повернул назад и ни окрики, ни свистки, ни погоня — ничто не помогло, еврейчик ушел по крыше. Мы поняли, о каком „еврейчике“ идет речь, и радостно переглянулись. Это была единственная приятная минута в этот неприятный день.

* * *

После нашего провала Исаак вынужден был уехать из Киева. Около года он провел в западных губерниях (кажется, в Вильно) и лишь в 1915 году вернулся снова в Киев. На этот раз он занял руководящее место в киевской организации большевиков, с момента войны поставившей работу совершенно самостоятельно. Работа большевиков в этот период имела одну основную установку: антивоенную пропаганду, организацию рабочих масс для борьбы прогив царизма и империалистической буржуазии. Исаак через месяца два после возвращения в Киев был арестован в связи с провалом подпольной типографии, которую он ставил по поручению комитета и где взяли написанную им листовку.

По принятым в период войны традициям, „пораженцы“ получали каторгу. Каторгу получили взятые одновременно с Исааком товарищи (Рувим Ицковский, Шура Латовский). Но Исааку по несовершеннолетию (ему было тогда лет восемнадцать) дали арестантские роты. Так Исаак провел немного больше года.

Я не знаю, как жил Исаак в тюрьме. Не представляю, как мог он жить взаперти, он, который был воплощением движения, деятельности, несдержанный и порывистый. Рассказывали, он много сидел в карцере — да иначе и не могло быть. Два письма, которые я получила от него из арестантских рот, хотя говорили о тягости и невзгодах заключения, были полны спокойной твердости. Это было время общего революционного упадка, шовинистического одурения в представителях одной части пролетариата, угрюмой подавленности — в другой. Твердость, ясность классового революционного сознания сохранили немногие. Исаак не терял его ни на один момент, хотя в тюрьмах разочарование, упадочность и идеологическая путаница были обычным явлением. У Исаака, несмотря на его политическую неопытность, несмотря на его нерабочее происхождение, была какая-то интуитивная связь с классом, он жил мыслями рабочего авангарда.

Письма Исаака из тюрьмы сказали мне, что из „вундеркинда“ вырабатывается борец.

* * *

Вернувшись после амнистии 1917 года из Сибири, я первому позвонила Исааку. Я звонила ему в комитет большевиков и не ошиблась — Исаак был там. Я увидела его вскоре возмужавшего, взрослого, но такого же кипучего и пламенного, каким он был в подполье. С увлечением рассказывал он о первых шагах легальной большевистской организации, о новых работниках и показал мне с восторгом на рыжего, с нервным лицом товарища — „это Пятаков“.

Пятаков был и остался любимцем Исаака (впрочем, в этом он лишь разделял настроение всей киевской организации того времени), а Исаак был любимым из товарищей Пятакова. Бессменный председатель и бессменный секретарь Киевского комитета в течение всего почти бурного 1917 года, такие несхожие, пришедшие из разных миров, разными путями, они сошлись на безграничной самоотверженной преданности делу пролетарской революции. Только большая близость дала возможность Пятакову с такой точностью характеризовать роль Исаака в Киевской большевистской организации, как он это сделал в нескольких строках статьи, посвященной гибели Исаака (написана в начале 1919 года, вскоре после возвращения советской власти на Украину):

„Молодой, талантливый и энергичный, с практическим характером, он становится почти бессменным секретарем К. К. Р. С. Д. Р. П. и членом Исполкома Киевского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. К партийной организации он относится как-то своеобразно любовно — это его организация, он стоит во главе своего партийного хозяйства. И Исаак вел это хозяйство, как никто, пожалуй, лучше вести не мог бы“.

„Хозяйственность“ Исаака по отношению к организации отражала то интимное слияние жизни Исаака с жизнью партии, которое весьма характерно для личности Исаака.

В многообразный, многоликий 1917 год, в бурном темпе нарастающего Октября Исаак нашел родную стихию. Он был всюду, он боролся на всех фронтах: и внутри партии, где кропотливо строил организационный аппарат, и вне партии — в Совете, в Исполкоме, и среди рабочих, отвоевывая их на митингах у меньшевиков и эсеров, и в Центральной раде, и в стенограммном комитете, и в штабе в дни восстаний. Он боролся всеми средствами — пером и словом, в нем обнаружилось разнообразие талантов, и все таланты служили одному — делу революции, большевистской партии.

Постороннему может показаться, что я стремлюсь Исаака превратить в „вождя“. Ничуть не бывало. Исаак не был вождем. Он не открывал новых путей, еще неизвестных массам, не формулировал новых мыслей, еще не осознанных пролетарским сознанием.

Нельзя было сказать, что Исаак блестящий оратор, блестящий публицист. Но он был прекрасный партизано-революционер — к этому сводились все его таланты.

Рассказать, что делал Исаак в 1917 году, невозможно — это значило бы описать день за днем жизнь Киевской организации, ее будни и ее боевые праздники¹⁾.

Я расскажу только несколько моментов, в которых Исаак мне запомнился на „первом плане“.

Октябрь. Предупреждая отголоски питерского восстания, юнкера окружили „дворец“ и захватили „сердце революции“ — Киевский большевистский комитет или (что то же) Военно-революционный комитет Киевского совета. После издевательств и угроз, арестованные отправлены в штаб. Там они сидят в то время, как рабочий Киев экипает мятежом, сидят под охраной разъяренных казаков, грозящих каждый миг и при малейшей попытке нападения на штаб бросить бомбу в помещение арестованных.

Тов. Пятаков в цитированной уже статье рассказывает, как вел себя Исаак в эти три дня, проведенные между жизнью и смертью:

„Вместе со мной и другими товарищами он оказался арестованным юнкерами и казаками и отведен в штаб округа. Здесь мы просидели с ним три дня, и впервые за эти три дня я увидел, что Исаак не теряет мужества и не изменяет своему жизнерадостному характеру даже перед лицом смерти.

В стане врага, среди озлобленных и диких белогвардейцев, он был также весел, как в комнате № 9 (комната Киевского комитета большевиков)“.

Я пришла на свидание к арестованному вместе с другими товарищами. Нам дали свидание коллективно, т. е. сразу вызвали всех вместе. Были тут Пятаков, Исаак, Гамарник, кажется, Дора Иткинд, Зарницын. Угроза, нависшая над ними, окружала эти знакомые, ставшие обычными, лица каким-то ореолом. Мы рассказывали, что делается на воле (прокурор, присутствовавший на свидании, слушал, но не мешал), они рассказывали, как они прислушиваются к гулу орудий, не зная, чьи это — наши или врагов (работа арсенала), как спят на соломе и ждут — свбода или смерть? Исаак с обычной торопливой деловитостью расспрашивал о партийных мелочах, о товарищах на воле. В этот час, проведенный с ним, я как-то ближе, по-старому, по-подпольному подошла к нему, и жутко было, что этот самый Исачок, который рос и вырос на моих глазах, может

¹⁾ За исключением 4-х или 6-ти недель, проведенных в отпуску в Пуще (около Киева), Исаак в течение всего года был неизменным участником всех парт. конференций, где обычно выступал с отчетами Комитета, представителем К-та на областных партсоветах и в СР. Не проходило ни одного заседания К-та (а они происходили чуть ли не каждый день), на котором бы Исаак не получал по несколько поручений и „нагрузок“.

стать жертвой нелепой, дикой расправы и как раз тогда, когда так близка победа. Тяжело было уходить из штаба, оставляя пленных в руках врагов, сознавать свое бессилие спасти их, когда дело было в нескольких часах — советы должны были победить. И на следующий день штаб бежал, а недавние пленные стали во главе победивших масс. Смерть дала отсрочку Исааку — только на один год.

Помню Исаака на трибуне в зале коммерческого института. Идет заседание Совета рабочих депутатов. Стоит вопрос об отношениях с Центральной радой. Но вопрос этот решается уже за стенами собрания — уже грохочут арсенальские пушки, уже начинается решительный бой с социал-шовинистами, похитившими из рук рабочих и солдат завоеванную ими в Октябрьской борьбе власть.

Исаак говорит о страшной находке — на посту Волянок (в семи верстах от Киева) в кустах найден труп Леонида Пятакова. Леонид Пятаков, активнейший агитатор среди солдат, привлечший на сторону советов не одну украинскую часть, председатель Ревкома, потому ненавистный Центральной раде, был похищен гайдамаками из своей квартиры в сочельник и после долгих безрезультатных поисков, после бесплодных переговоров с главой радистского правительства, Винниченко (лицемерно отрицавшего участие властей в злодеянии), в 7 верстах от Киева нашли его тело со следами пуль и истязаний.

Исаак говорит о бандитских методах борьбы идейно беспомощных обманщиков из Центральной рады, и зал закипает негодованием, зал рычит... И в этот момент взрывы за окном действуют успокаивающе: расплата идет, „Теперь не время для прений, товарищи.—заканчивает Исаак,—теперь говорят пушки“.

Начались кровавые дни, когда плохо вооруженные рабочие арсенала и жел.-дор. мастерских упорно и долго держали фронт против гайдамаков и „вильних“ казаков Центральной рады. Исаак был в стачечном комитете и в штабе, руководившем восстанием. Бледный, с лихорадочными глазами, пытался он заправлять своим „хозяйством“, ввергнутым в хаос борьбы. А через 10 дней революционный Совет, наконец обретший реальную власть, выделил Исаака комиссаром финансов. Это была боевая работа в тот момент. Предстояло произвести национализацию банков, нужно было добывать дензнаки, нужно было снабжать предприятия и учреждения в условиях все время падающей валюты. Не знаю, как Исаак справлялся с этой работой. Думаю, что справлялся недурно, благодаря своему исключительному умению ориентироваться и практической сметке.

* * *

Исаак проделал с первой соввластью Украины весь длинный ее эвакуационный путь, бывший в то же время боевым

путем: Киев — Полтава — Екатеринослав — Таганрог. На Таганрогском совещании Исаак определился, как „левый“, и с тех пор принимал самое активное участие в борьбе внутри КП(б)У на стороне т. н. „киевской“ группы. Пробыв очень недолго в Москве на какой-то комиссариатской работе, он, естественно, стал рваться на Украину, в подполье, в опасную и захватывающую работу по организации масс для восстания.

После I съезда КП(б)У Исаак был избран в Центральный Комитет и выделен для работы в Одесском областном комитете. Он уезжал вместе с Яном Гамарником, Нюсей Янковской и Верой Бухарцевой — все эти товарищи получили „командировку“ туда же. Я провожала их на вокзал. Мне запомнился дипломатический вагон, в котором они ехали, битком набитый немцами. Странно было и смешно. Ехали вместе: одни — душить Украину, другие — подымать ее против душителей. Тогда я видела Исаака в последний раз.

* * *

В Одесской области Исаак проделал большую работу. По характеристике Пятакова, который в то время руководил в качестве секретаря ЦК коммунистическим подпольем, Исаак был не только одним из лучших среди нелегальных работников гетманского подполья, „но без всяких преувеличений самым лучшим. Это был первоклассный нелегальщик“.

Исаак присутствовал на сентябрьском пленуме ЦК в Орле, где обсуждался вопрос об известном августовском выступлении. Продолжая попрежнему поддерживать линию „левых“, их ориентацию на вооруженное выступление и на максимальный темп разворачивания работы, Исаак считал приказ № 1 результатом переоценки сил и видел в нем ошибку ЦК. Такую же позицию занимал Исаак и на II съезде, где он выступал как представитель Одесского Областкома. После II съезда (происходившего в октябре 1918 г. в Москве) Исаак уже не вернулся в Одессу, где произошел серьезнейший провал организации. Он поехал в Харьков в Донецко-Криворожский Областной комитет. В Харькове Исаак провел как раз период перехода власти от гетмана к петлюровцам и вошел в воскресший к жизни Совет Рабочих Депутатов, который, впрочем, был весьма скоро разогнан гайдамаками, а Исаак с другими членами президиума — арестован.

Освободившись, Исаак выехал в Екатеринослав, где в это время шла боевая подготовка к вооруженной борьбе за захват города. Исаак вошел чем-то вроде большевистского комиссара в штаб Махно, который в то время выступал единым фронтом с советскими повстанцами против немцев и петлюровцев. Бой развернулся грандиозный, и после четырехдневной битвы екатеринославские рабочие изгнали петлюровцев. Был уже намечен состав Губревкома (в котором Исааку по старой памяти

предназначался „портфель“ финансов), но тут подошли петлюровские части из Киева, батько Махно со своими ребятами поспешил ретироваться, и большевистские части с большими потерями были выбиты из Екатеринослава.

Группа руководящих работников Областкома и Ревкома застряла в Екатеринославе, а среди них и Исаак Крейсберг.

Выждав несколько дней, они решили пробираться к своим в Харьков. Вдвоем с Пульмановым (по воспоминаниям которого мы здесь излагаем последние события жизни Исаака) Исаак выехал через Кременчуг на Полтаву, чтобы оттуда ехать в Харьков. Но между Полтавой и Харьковом сообщение оказалось прерванным, так как Харьков был уже занят советскими войсками, а Полтава находилась еще в руках петлюровцев. Пришлось задержаться в Полтаве, и эта остановка оказалась гибельной для Исаака. В Полтаве царил гайдамацкий террор. Но Исаак не мог усидеть в гостинице, где он остановился. На этот раз его активность стала для него роковой. Исаак стал посещать происходивший в то время губернский и крестьянский съезд, на котором ему встретился какой-то гайдамацкий офицер, знавший его по Харьковку и участвовавший там в его аресте. Тут же на съезде этот офицер задержал Исаака. Никто не знает о его последних минутах... Труп Исаака, найденный после оставления города гайдамаками, носил следы побоев и пуль...

Исаак погиб молодым, едва достигнув двадцати лет, тех лет, когда в обличных условиях только начинает развертываться личность, выявляться индивидуальность.

Но он так рано политически созрел и его годы были так насыщены революционной активностью, что перед его памятью невольно склонится каждый коммунист, каждый рабочий, как перед памятью закаленного в боях старого борца.

Ш. А. ГРУЗМАН

Впервые я встретил его 4 апреля 1917 года. На многотысячном митинге шахтеров Горловско-Щербиновского рудничного района, в поле, возле Горловского рудника № 5, я произносил речь, но вдруг почувствовал, что кто-то внимательно и упорно смотрит на меня.

Бросив взгляд в ту сторону, откуда, как мне казалось, на меня смотрят, я увидел совершенно незнакомого мне человека, отличавшегося от всех своим лицом и костюмом. Когда я окончил свою речь, этот незнакомый человек, подойдя ко мне, крепко пожал мою руку и, назвав себя — Грузман, попросил слова.

Мне трудно сейчас воспроизвести ту красивую и горячую речь, которую произнес тогда Ш. А. Грузман, но помню, что это была бодрая революционная большевистская речь, такая, какая была нужна массам в то время.

Шахтеры, внимательно слушавшие оратора, по окончании речи долго и бурно приветствовали его.

Разговорившись с Грузманом после митинга, я узнал, что он прибыл в наш район из Питера для постоянной работы. Я немедленно сообщил об этом своим партийным товарищам и радости нашей не было конца, ибо в нашей достаточно крупной организации было весьма мало активных работников, да еще умеющих свободно и толково выступать.

В этот же день на Горловке в квартире рабочего артиллерийского завода, т. Клипова, было устроено совместное заседание представителей всех рудничных партийных организаций Горловско-Щербиновского района, на котором был намечен план ближайшей работы.

Этим же заседанием фактически положено было начало организации самостоятельного Горловско-Щербиновского районного партийного комитета, так как рудничные партийные организации до того времени были лишь периферией Макиевского районного комитета РСДРП(б).

Через некоторое время была созвана районная партийная конференция, на которой был создан первый районный комитет. Председателем избрали т. Грузмана. И работа закипела...

Ш. А. Грузман оказался не только хорошим оратором, но и прекрасным организатором.

Под его энергичным и умелым руководством наша районная большевистская организация жила и работала в течение всего дооктябрьского и октябрьского периода, одерживая одну за другой славные победы.

Трудно сейчас воспроизвести то огромное значение, какое имел Ш. А. Грузман для нашей организации, но один характерный момент из жизни нашего района памятен мне и до сих пор.

Столичные газеты принесли сведения об июльских днях в Питере. Обсуждая эти события на заседании нашего комитета, я горячо поспорил с покойным Грузманом о том, как нам нужно реагировать на контр-революционный разгул, следовавший за выступлением питерских рабочих. Я предлагал не только выступить на улицы и поддержать требования питерских рабочих, но и захватить власть в свои руки, ибо в нашем районе и выступать - то было не перед кем. Большинство членов комитета сперва было на моей стороне. Но покойный Грузман не хотел допустить принятия явно неправильного решения. Он употребил всю силу своей логики и красноречия и так решительно выступал против моего предложения, что заседание затянулось до поздней ночи и, в конце концов, он добился своего — большинство приняло его предложение. Мы ограничились только демонстрацией протеста, организованно проведенной по всем рудникам нашего района.

Но в сентябре м-це, после корниловского мятежа, мы все же „искусались“ моментом и захватили власть.

Рассказанный мною случай показывает, что покойный Грузман, помимо всего прочего, обладал еще и прекрасным качеством выдержанного руководителя, обладал великолепным политическим чутьем, умел учитывать момент и целесообразно использовать революционную энергию рабочих масс.

Работа Ш. А. Грузмана не замыкалась в рамках нашего района. Будучи избранным на I съезд советов, он принял в его работе активное участие и был избран членом ЦИК'а. После Октября покойному Грузману вместе с г. Тарасом Харченко принадлежит идея создания Центрального Военного Революционного Комитета и Центроштаба Красной гвардии Донбасса.

Ему принадлежит не только инициатива и идея создания этих двух исторических революционных центров Донбасса, но также и выдающееся место одного из руководителей этих боевых организаций.

Таким образом, покойный Грузман был не только работником нашего района, но и всего Донбасса в целом. Насколько покойный был популярен вообще как работник, можно судить по тому, что Московская организация большевиков в 1917 г.

провела его в члены Московской городской думы, несмотря на то, что он работал и довольно прочно осел в Донбассе. Это, конечно, было сделано не зря.

В период немецкой оккупации и гетманщины на Украине покойный Грузман был избран на I съезде КП(б)У в июле 1918 г. в ЦК и находился в Харькове, являясь одним из руководителей подпольной большевистской организации и работая под кличкой „Александр“. Потом для той же цели он переехал в Екатеринослав. Этот период его жизни и работы мне, к сожалению, подробно неизвестен как неизвестны и обстоятельства трагической гибели Грузмана. Знаю только, что убит он в 1919 г. петлюровскими бандами в Екатеринославе при наступлении последних на город.

Надеюсь, что товарищи, которым подробности его гибели известны более чем мне, дадут необходимые для истории сведения.

В своей личной жизни покойный Грузман был таким же, как и в работе.

Умный, развитый человек, со вполне законченным мировоззрением, он всегда знал, чего хотел. Хороший, чуткий и отзывчивый товарищ, всегда веселый, остроумный и приятный собеседник, — вот каким был Грузман. С ним легко и приятно было общаться и работать.

Слепая пуля петлюровского бандита грубо оборвала эту молодую, полную энергии и сил, полезную для партии жизнь...

В лице покойного Грузмана партия потеряла крепкого бойца и выдержанного работника.

Вечная память дорогому другу, товарищу, человеку, борцу!

ЛАЗАРЬ СМОЛЯКОВ

Родился Лазарь Абрамович Смоляков в 1897 г. в семье ремесленника - портного в местечке Костюковичи, Климовичского уезда, Могилевской губ.

При переезде семьи в Харьков старшие его братья, Борис и Моисей, участвуют на баррикадах в 1902 г. в Харькове, за что Моисей был поставлен в необходимость покинуть семью, скрываться от жандармерии и скитаться по различным городам, а Борис был забран в солдаты и пробыл полтора года в дисциплинарном батальоне.

Преследования братьев оставляют неизгладимое впечатление в мозгу восьмилетнего ребенка.

В 1910 г. Л. С. кончает еврейскую школу „хедер“. В это время умирает его мать, и 13-летний Лазарь поступает в услужение к частному поверенному Лившицу (мальчиком на побегушках). Работая, он самостоятельно готовится к поступлению в среднее учебное заведение, в свободное время давая уроки для того, чтобы улучшить материальное положение многочисленной семьи.

В 1913 г. Лазарь (ему тогда было 16 лет) поступает на службу в Русско-Азиатский Банк. Работая в банке, Лазарь знакомится с членами РСДРП(б) т.т. Волковым и Еженковым и вступает в ряды Российской Социал. Демократ. Рабоч. Партии (большевиков). Лазарь сразу втягивается в работу и выделяется для связи с союзом „Игла“, которым руководил т. Тиняков, и в обществе торгово-банковых служащих, где руководителем был т. Данилевский.

Тогда существовали два кружка: агитационный и пропагандистский. Агитационный работал над вопросами: 1 Мая, Ленский расстрел 1912 г., и занимался распространением листовок, прокламаций и др. печатных изданий. Пропагандистский изучал политэкономия, революционное движение и др. вопросы.

Работали кружки в доме № 82 по Сумской в семье Смоляковых, на Екатеринославской улице в квартире № 53 у Б. А. Смолякова и в доме № 90 у Ф. Г. Россинского, а также в некоторых местах на Нетечинской улице. Работой кружков руководил т. Александр Волков.

К 1914 г. сеть кружков увеличивается. Одним из кружков руководит т. Волков, а другим — Л. Смоляков.

Работа кружков настолько разрастается, что на это обращает внимание жандармский полковник Рахманинов, и квартира Смолякова по Сумской ул. № 82 берется филерами под наблюдение. Как впоследствии выяснилось, жандармским управлением были привлечены в качестве филеров для постоянного наблюдения швейцар и механик-электромонтер, где жил Лазарь Смоляков.

Перед объявлением войны устраиваются массовки в университетском саду и в городском парке, на которых выступил с докладом Г. И. Петровский. Харьковская организация РСДРП решает организовать всеобщую забастовку по всем заводам и предприятиям. Начинается сбор средств для организации забастовочного фонда. Лазарь Абрамович принимает в этом деле энергичное и активное участие.

В подвале Русско-Азиатского Банка печатаются прокламации и листовки, работает подпольная типография по Старо-Московской улице, № 21 (во дворе). Работой типографии руководит студент Лебедев. Л. С. принимает активное участие в печатании и распространении.

В ноябре 1914 г. арестовывается в помещении Русско-Азиатского Банка т. Волков. Заметив жандармэв, Л. С. успевает взять у т. Волкова ценные партийные документы и, избежав ареста, своевременно сообщает обо всем организации.

Благодаря отсутствию у Волкова уличающих документов, он был спасен для партии.

В ночь под 1-е января 1915 г., под видом встречи нового года, в квартире Смоляковых по Сумской, № 82, собираются т. т. Межеричер, Еженков, Захаров, учитель Карпенко, М. Данилевская и ряд других товарищей.

Обсуждались вопросы относительно ареста тов. Волкова и Данилевского, о внесении через большевистскую фракцию в государственную думу проекта об обложении на предметы роскоши в пользу улучшения быта рабочих и в пользу семей рабочих, ушедших на фронт, о вынесении протестов на ряде заводов против империалистской войны и т. д.

После мнимой вечеринки все товарищи направились в парк, где состоялась массовка. В парке произошли аресты. Лазарю удалось бежать. Пешком по глубокому снегу он пришел в Песочин к одному товарищу, где и скрывался.

В эту же ночь произошел обыск на Сумской, № 82. Был арестован Иосиф Смоляков — брат Л. С., были забраны фотографии, ряд книг, переписка и т. д.

На другой день отец Лазаря неграмотный, обремененный многочисленным семейством старик, был вызван к жандармскому полковнику Рахманинову, который поставил следующие условия: „Все твои дети будут освобождены от военной

службы, они все на казенный счет будут обучаться в гимназиях и университетах, твой сын Лазарь будет получать у меня ежемесячно по 50 руб., пусть только он явится и даст адреса, только адреса своих товарищей. Не будет он согласен, мы его разыщем и повесим, а тебя со всей семьей вышлем из Харькова и лишим всех прав“.

Лазарь поставил отца в известность о своем нахождении в Песочине и просил переправить деньги и одежду. Отец явился в Песочин и рассказал о разговоре с Рахманиновым...

Семья Смоляковых была лишена прав, детям было запрещено обучаться в учебных заведениях, и только благодаря усилению ходатайству доктора Недригайлова (ассистент Харьковского медицинского о-ва) высылка из пределов Харькова была временно приостановлена.

Л. Смоляков выезжает в Екатеринослав к т. Рейзиной (жила на Лигейной, № 11), которая принимала участие в работе Екатеринославской организации РСДРП(б). По своей работе Л. С. связывается с т. Квиригом и Аверином и начинает активно работать в местных кружках.

Работая раз'ездным агентом по распространению кинофильм в конторе бр. Патте, Лазарь Абрамович использует широкие возможности для связи с Херсонской, Николаевской и Одесской организациями и под видом фильм переправляет нелегальную литературу, переписку и т. п.

Во время переездов его в Харьков, Николаев и Туркестан за ним устанавливается непрерывная слежка.

В 1916 году Л. С. приезжает в гор. Казань и поступает на завод Остермана под фамилией Раскина. Связавшись с местной организацией, Л. С. организует на заводе подпольный кружок. К нему примыкают т.т. Соловьев, Блюхер и бежавший из Москвы Иосиф Смоляков, работавший под фамилией Палонского. Подпольный кружок при заводе Остермана разворачивает работу и является одним из сильнейших кружков в Казанской организации РСДРП(б).

Организовывается забастовка. К выдвинутым экономическим лозунгам — уменьшение рабочего дня, увеличение заработной платы — через два дня прибавляются политические — захват рабочими завода и рабочий контроль. Во главе забастовки стоит Л. Смоляков. По всем заводам города Казани брожение и вспышки забастовок... В местную организацию проскальзывает женщина-провокатор. Происходит ряд арестов. Забастовка подавляется вооруженной силой. Л. С. скрывается в окрестностях города Казани. Жена его Розалия, принимавшая участие в работе Харьковской организации РСДРП(б), беременная, находившаяся в больнице, умирает от разрыва сердца.

Накануне Февральской революции Лазарь и Иосиф Смоляковы приезжают в гор. Харьков. Оба подпольно работают

в Харьковской организации РСДРП(б); в период Февральской революции входят в состав городского комитета РСДРП(б), куда входили т. т. Буздалин, Сурик (Емельянов), Покко, Рухимович и др.

Лазарь Абрамович, совместно с т. т. Артемом, Покко, Киркижем, Рухимовичем, участвует в организации газеты „Пролетарий“, а впоследствии — „Донецкий Пролетарий“. Как представитель от большевиков, Л. С. входит в городское самоуправление.

Во время выборов в Учредительное собрание Харьков был разбит на ряд пунктов. На пункт в конце Старо-Московской ул., где должны были подавать голоса заводы Мельгозе, ХПЗ, ВЭК и др., а также военные части, был выдвинут Л. С., так как он имел большое влияние в этом районе, как большевик. По проведении этой работы он связывается с тов. Покко (знавшим его еще до революции, как казначея Харьковской организации), Киркижем (пред. завкома ВЭК'а), Мурановым, Артемом и др.

После июльских дней Л. С. был послан в Донбасс для организации советов. Он ведет работу в Юзовке, Никитовке, Бахмуте, Луганске и др. местах. Работает вместе с тов. Грузманом, Ворошиловым, Никанчуком, Васильченко и рядом других.

В октябрьские дни Л. С. был избран членом ЦИКУК и кандидатом в члены ЦК КП(б)У. Был назначен зам. наркомфина и одновременно членом коллегии Наркомвоена Украины.

Во время борьбы с петлюровцами Л. Смоляков участвовал в наступлении на Полтаву совместно с Муравьевым.

В 1918 году, во время наступления немцев, работая зам. наркомфина Украины, он прилагал все усилия к вывозу государственных ценностей.

В Таганроге на особых совещаниях активных работников (т. т. Артем, Затонский, Скрыпник, Магидов и др.) Л. С. был выдвинут для подпольной работы на Украине.

Приехав в Харьков, Л. С. связался с Центр. Ревкомом, (который помещался на Бурсацком спуске, в здании быв. духовной консистории) с т. т. Пятаковым, Тевелевым и друг., устроив явочные квартиры на Екатеринославской ул., № 90 у Ф. Россинского, на Москалевке в одной бакалейной лавке, Шпаках и Надточа (дачи под Харьковом). В Шпаках скрывались в то время т. Артем, Рипельская (жена Артема), Винокуров, Ионас Эдуард и ряд других товарищей. Недалеко от явочной квартиры был установлен пост. Пропуска печатались на марле. В большинстве случаев совещания устраивались на хуторах в Шпаках и Надточа.

Узнав о пребывании в Харькове Л. С. Смолякова, один портной, по прозвищу „Рувим Лапик“, явился к отцу Л. С. и

потребовал громадную сумму денег за молчание, грозя в противном случае выдать Л. С. гайдамакам...

Л. С. уехал в Одессу. В Одессе он руководил подпольной работой Одессы и Крыма. Подготовленное подпольной организацией большевиков восстание рабочих было сорвано провокатором „Борисом“. Происходит ряд арестов и провал организации. Л. С. разоблачает деятельность провокатора „Бориса“, потом он уезжает на съезд в Москву.

Из Москвы Л. С. пробирается на Украину, в Харьков, где господствуют немцы, и продолжает подпольную работу, вплоть до установления советской власти.

Наступая в рядах Красной армии на Донбасс, Л. С. руководил работой по очищению Донбасса от контр-революции и организацией советов и ревкомов в занятых Красной армией местах. На ст. Переездная на содовом заводе он остался в качестве председателя ревкома.

На съезде в Луганске (в 1919 г.) Л. С. избирается председателем Донецкого Губисполкома. Л. С. примыкает к группе Артема и Квиринга. После съезда Л. С. выезжает в Бахмут, где работает в качестве заместителя председателя Донгубисполкома (председателем был Артем).

При наступлении Деникина на Донбасс, Л. С., не желая эвакуироваться в Москву, остается на фронте, руководя политической работой 14 й армии. При отступлении к Брянску он избирается председателем Брянского Губисполкома.

Войдя снова в ряды Красной армии, Л. С. назначается военкомом 138 - й бригады 46 - й дивизии, где участвует во всех боях против Деникина, организовывая в местах, занятых Красной армией, революционные комитеты. В июле м-це 1920 г., находясь на фронте (военкомбриг 138) и в то же время состоя кандидатом в члены ЦК КП(б)У и членом ВУЦИК'а, Лазарь Абрамович Смоляков был зарублен махновцами в районе Мелитополя.

ВОСПОМИНАНИЯ О В. СЕЛЮКЕ

С именем Владимира Андреевича Селюка тесно связана история Черниговской организации РСДРП.

Владимир Андреевич — крупная личность и заслуживает того, чтобы о нем сохранилась светлая память в сердцах тех, кому дороги интересы революции, интересы пролетариата.

Владимир Андреевич Селюк родился в 1881 г. (2-го июля) в г. Чернигове.

Владимир Андреевич, или как мы его называли коротко — Володя Селюк, очень рано стал принимать участие в революционном движении. Еще в гимназические годы он создал кружок учащихся, который занимался изучением революционных теорий и партийных программ. Интересно отметить, что уже в четвертом классе гимназии т. Володя покончил счеты с религией. Кипучая, глубокая, непосредственная, не знавшая половинчатости натура, он целиком отдался революционной деятельности, чем доставлял немало хлопот своему гимназическому начальству. Только благодаря стараниям родных ему удалось окончить черниговскую гимназию. Революционер до мозга костей, человек исключительных организаторских способностей, он не сразу вступил в партию. Из программ политических партий убеждениям его наиболее отвечала программа РСДРП, но его не удовлетворял пункт по аграрному вопросу, и он в 1904 г. организовал кружок „революционных социалистов“, который ставил себе целью изучение программ политических организаций с одновременным участием в практической революционной работе эсдеков и эсеров.

С изменением аграрной программы РСДРП Владимир Андреевич вступил в партию, присоединившись к большевикам. Большевиком он и оставался всю свою бурную жизнь.

Окончив гимназию, Владимир Андреевич весь ушел в революционную работу.

Назревала революция. Чувство революционного долга взяло верх над желанием продолжать образование, и Владимир весь ушел в революционную работу.

В 1905 г. он работал в Петрограде. К сожалению, у меня нет под руками материалов, характеризующих его деятельность

в Питере. Но несомненно, что в этот период она была неизмеримо глубже и плодотворнее предшествовавшей.

В 1906 г. Владимир Андреевич был арестован, его судили и приговорили к одному году крепости. Наказание отбывал в городе Орле.

Отбыв наказание, он опять вернулся в Питер, где вскоре (в 1907 г.) снова был привлечен петроградским жандармским управлением к дознанию в качестве обвиняемого по делу военной организации.

В 1903 году на одном из питерских заводов Владимир открыто выступил на предвыборном собрании, чтобы провести большевистских кандидатов в государственную думу. Ему не удалось закончить свою речь... Сторожевые псы капитала — полицейские стащили его со станка, который служил ему трибуной, арестовали (18/V) и заключили в „Кресты“. Вскоре затем в административном порядке он был выслан в Чернигов.

Я познакомился с Владимиром Андреевичем ранней осенью 1908 г. Аресты, сиденье по тюрьмам, преследования полицейских ищек не только не погасили в нем революционного огня, но еще более закалили его. На меня он сразу произвел впечатление сильной натуры, революционера-борца, который спокойно и твердо идет по намеченному пути. К моменту нашей встречи он уже успел собрать вокруг себя местную революционную молодежь — черниговских рабочих и учащихся.

На первом свидании с Владимиром я подвергся предварительному экзамену (об этом я догадался потом). После краткого общего разговора он, как бы мимоходом, спросил меня, как я смотрю на легальные общества, в частности на кооперацию. Не задумываясь, я отрезал, что в возможность легальной работы в условиях царской России не верю и что дело рабочих не в грошевых сбережениях, а в свержении самодержавия. Я, грешным делом, подумал, что ошибся в своем первом впечатлении, что передо мною не революционер, а постепеновец, но, как оказалось, я только хорошо выдержал экзамен. С тех пор он завербовал меня в кружок, и мы с ним тесно сошлись.

В первый же вечер мы приступили к обсуждению плана работ. Что можно было делать в условиях Чернигова? Рабочих не было. В Чернигове были только мастеровые, которые проводили время в грязных трактирах... Заниматься же изучением теорий и самообразованием мы считали недостаточным. Решено было создать в Чернигове организацию с тем, чтобы революционную деятельность перебросить и на село.

Первое организационное собрание мы устроили на лодках на реке Десне. Первое слово по текущему моменту взял Владимир. Революция не изжита, нужна борьба, народные силы пока дремлют, но новый взрыв неизбежен — вот смысл его речи. Решено было прений не открывать — все ясно. Была принята

краткая резолюция, конечно, составленная Владимиром Андреевичем, определяющая наше отношение к русской действительности. Намечены были также основные вехи нашей дальнейшей работы.

Работа быстро наладилась. Нам удалось организовать несколько кружков и привлечь к работе учащуюся молодежь.

Наступила зима. Собираться на открытом воздухе стало невозможно. Нужна была квартира. В маленьком городишке разыскать конспиративную квартиру — дело нелегкое. К тому же главные участники организации, не говоря уже о Владимире, были провалены и на подозрении у полиции.

И здесь выручил Владимир. Нашел подходящую комнату на темной пустынной улице (возле электрической станции), где мы устраивали комитетские заседания. Нужно сказать, что Владимир Андреевич не только был идейным руководителем Черниговской организации РСДРП, но и выполнял самые разнообразные, подчас мелкие, задачи. Например, мы, рабочие, не всегда были в состоянии найти подходящую квартиру для кружка рабочих нашей организации, не говоря уже о литературе, нужных связях и т. п., и все же как бы плохо нам не приходилось, мы знали, что выход будет найден Владимиром Андреевичем...

Его многочисленные знакомые, не принимавшие непосредственного участия в революционной работе (сочувствующие), часто помогали нам то тем, то другим.

Владимир Андреевич, человек строго принципиальный, безупречной честности и беззаветно преданный делу революции, производил на всех неотразимое впечатление. Даже его политические враги отзывались о нем с уважением. И там, где другого мог ожидать верный отказ, Владимир Андреевич получал нужное для дела одолжение. Таким образом мы имели, кроме штаб-квартиры, упомянутой выше, целый ряд квартир различных доброжелателей, которые использовывались нами как для явок, так и для кружковых занятий.

По части отыскания квартир В. А. доходил до виртуозности. Нужно знать черниговские условия, чтобы должным образом оценить изобретательность В. А. Пока он был на свободе, мы не ощущали недостатка в квартирах. Повторяю, что летом мы устраивали встречи и собрания на открытом воздухе — на лодках или за городом. Но вот зима. Встречаться на улице неудобно — шпики не дают прохода. В. А. придумывает остроумную вещь: сговаривается со знакомым врачом, и мы встречаемся у него на вечер ем приеме больных. Ждешь, бывало, уступаешь свою „очередь“... Наконец приходит Владимир. От него несет морозом. Видно, не сразу он попал к „врачу“, пришлось порядком побегать, чтобы замести следы. Приступаем к делу, обсуждаем планы нашей организации...

Перебросить свою деятельность на село нам не удалось. Правда, несколько раз я был в селе, но товарищ, с которым

мы поддерживали связь, слишком пессимистически смотрел на наше предприятие и намеченных собраний ни разу не созвал. Наступила распутица и связь прервалась... Однако удалось выпустить несколько прокламаций как для города, так и для села и удачно их распространить. Излишне говорить, что составление прокламаций и организация печатания были делом Владимира Андреевича.

Просуществовала наша организация под руководством Владимира сравнительно недолго. 16 марта 1909 г. его арестовали в тот момент, когда он писал воззвание к рабочим. Черновик ему удалось сжечь, но часть воззвания, переписанная набело рукой Владимира, попала в руки полиции.

Владимир в черниговской тюрьме. Следствие закончилось. Хотя воззвание было от имени РСДРП, но в той части, которая попала в руки полиции, прокурор состава преступления не нашел и считал возможным освободить его из тюрьмы. Однако жандармское управление, с разрешения губернатора, в ожидании, пока удастся собрать нужные материалы, держало т. Владимира в тюрьме, где он просидел около года, как подсудимый. В это время арестовали другого члена организации — семинариста Анатолия Левицкого, который, спасая собственную шкуру, выдал т. Владимира, как главного руководителя Черниговской организации.

Я случайно избежал ареста, так как Левицкий не знал моей фамилии. Ему было известно только, что я каменщик и что зовут меня Алексей. Это было весной. Я уехал в Киев. В ноябре 1909 г., по предложению черниговского жандармского управления, меня допрашивали по делу Владимира в качестве свидетеля в киевском жандармском управлении.

Владимир по приговору выездной сессии киевской судебной палаты 29/IV 1911 г. (в порядке 1 ч. 102 ст. Уголовного Уложения) был приговорен к лишению всех прав и преимуществ и ссылке в Сибирь на поселение.

Будучи до суда взят на поруки, Владимир летом 1910 г. и зимой 1910—11 г. г. продолжал работать по укреплению организации, которая после его провала и ареста порядком пострадала. Накануне суда он давал нам советы и инструкции.

После суда, путем шифрованных писем из тюрьмы, он продолжал руководить организацией, как будто предстоящая ссылка была только временной поездкой, которая не должна была нарушать хода работы. Начавшееся оживление после ленских расстрелов в апреле 1912 г. застало Владимира уже в ссылке.

После ссылки Владимира мы кое-как продолжали работать, и в минуты упадка духа я всегда вспоминал его светлый образ и это вселяло в меня бодрость и силу.

Владимир Андреевич Селюк всегда нуждался. Средства к жизни добывал уруками, которые он из-за своего „крамоль-

ного" положения не всегда мог получить... Характерно, что когда в 1905 г. Владимир получил небольшое отцовское наследство, он часть средств отдал на организацию, часть роздал нуждающимся товарищам, а сам впоследствии часто вынужден был прибегать к займам в 15 — 20 к., чтобы пообедать.

Как в общественной, так и в своей частной жизни Владимир Андреевич был всегда глубоко принципиален и безусловно честен. Будучи строг к себе, он был строг и требователен и к своим товарищам. Беспринципности он не выносил.

Помню, что Владимир при допросах всегда неизменно отказывался подписать протокол, если жандармы в нем не вычеркивали слова — „преступное сообщество“. Это всегда ему стоило лишнего сидения в тюрьме, но он всегда упорствовал и изводил жандармов.

В 1917 г. я встретился с Владимиром в Киеве. Потом он уехал в Чернигов — слишком много было пережито в этом городе.

В начале революции в Чернигове среди городского пролетариата имели успех меньшевики, но с приездом Владимира Андреевича положение изменилось — большевики завоевали популярность. Дело налаживалось. Владимир поспешил в Киев. На юго-западном фронте вертелись, „как черти перед заутренней“, Керенский и др. члены Временного правительства.

Владимир очутился в запасной Воронежской дружине в качестве рядового солдата. Он тогда был членом Киевского совета, членом комитета большевиков, неутомым партийным работником. Конечно, офицерство косо смотрело на странного „защитника“ родины.

Будучи временно в Киеве, я разыскал Владимира в тот момент, когда военное начальство, глядя на его „полезную“ деятельность в рядах армии, решило исключить смутьяна из числа солдат. Но Владимир уперся и добился своего. Несмотря на все старания „начальства“, он остался в дружине.

Владимир меня сперва не узнал, но его мало изменила ссылка, и я его узнал сразу. Мы расцеловались. Как я был рад, что мог честно пожать ему руку! Многие наши прежние товарищи изменили делу революции, став в ряды соглашателей...

Увы, это была наша последняя встреча. Владимир Андреевич Селюк погиб в Киеве во время уличных боев с войсками Центральной рады в январе 1918 года.

В феврале 1918 г. я приехал в Киев. Первым делом я принялся разыскивать Владимира. В Паркоме и Совете не знали, какая судьба постигла его. Мне лишь удалось узнать, что среди трупов, жертв восстания, его не нашли.

По словам товарищей, работавших в то время в Паркоме, Владимир Андреевич развил необычайно кипучую деятельность как среди киевского гарнизона, так и среди рабочих.

Летом 1917 г. был зверски убит белогвардейцами т. Леонид Пятаков. Такая же участь ждала и Владимира. За ним буквально охотились и нужна была его долголетняя революционная выучка, чтобы так или иначе извернуться и не попасть в руки врагов, которые совершенно правильно определили, какую роль играл т. Владимир в революционной работе среди армейцев и киевского пролетариата. Владимир Андреевич с поразительной неутомимостью работал по организац и восстания, выбирая самые опасные, самые ответственные участки боевого фронта...

Вот он во главе арсенальцев храбро отражает наступление „желтоблакитных“. А тут, глядишь, он уже на улицах руководит отрядами восставших рабочих и солдат.

Владимир Андреевич был борцом. Ему чужды были мелочные интересы. Он жил в революционной стихии, своей твердой волей направляя ее на путь освобождения труда от ига капитала. на путь борьбы за власть советов.

Влияние Владимира Андреевича среди киевских рабочих и армейцев было огромно. И вот, белогвардейские офицеры, прикрываясь желтоблакитным стягом, во время уличных боев схватили Владимира Андреевича и зверски убили.

Неизвестно при каких обстоятельствах погиб Владимир Андреевич. По одной версии — он был схвачен во время осады гостиницы „Прага“ (на б. Владимирской ул.) и зверски убит на месте. По другой — его куда-то увели и там убили. Вероятнее последнее, так как, если бы он был убит в центре города, его труп был бы найден.

В лице Владимира Андреевича пролетариат потерял преданного делу революции бойца. Он умер геройской смертью за дело труда.

ПАМЯТИ ПОГИБШИХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ- БОЛЬШЕВИКОВ

В дни всенародного празднования десятилетия Великого Октября мне хочется вспомнить о некоторых товарищах, жизнь и деятельность которых является образцом самоотверженной преданности делу революции и строительству партии большевиков.

Имена этих товарищей — Володя Клочко, Петр Воронцов и тов. Баглей — несмотря на долгие годы, прожитые в невероятно тяжелых условиях борьбы и напряженной работы, остаются свежими в памяти рабочих, особенно их близких друзей, которым приходилось с ними работать в подполье в первое время революции.

Один из них — Володя Клочко — пролетарий, натура, кристаллически чистая и бескорыстная, всегда подвижный, энергичный. Я не помню ни одной минуты совместной работы, когда бы он не был озабочен вопросами революционной борьбы. В дни далекого подполья он всегда проводил самую опасную партийную работу по организации типографий, печатанию листовок, их распространению, организации массовок и т. д. Этот необычайно энергичный человек с особой непримиримостью относился ко всем колеблющимся и сомневающимся.

После Февральской и Октябрьской революций он принимал особенно деятельное участие в массовой работе Заднепровья. Своей неустанной работой, необычайной чуткостью, товарищеским участием он завоевал самые искренние, самые горячие симпатии всех рабочих, которые его хорошо знали. Горячей любовью пользовался он и среди руководящего состава партийных работников, в кругу которых он считался беззаветно преданным другом.

Другой — Петр Воронцов — спокойная, вдумчивая натура, способный рабочий руководитель. Воронцов в самом раннем юношеском возрасте вступил в Заднепровскую организацию, очень быстро развился политически и уже в 1913—14 г. играл крупную руководящую роль в партийной организации. Тов. Воронцов также был любимцем рабочих масс и партийной организации.

Тов. Баглей — это крупный организатор, активнейший участник подпольной работы Заднепровской организации. После Февральской революции он ведет ответственнейшую работу по организации боевых ячеек на железной дороге, а после захвата власти рабочими становится председателем Штаба Охраны Екатерининской дороги. Тов. Баглей проявил себя в минуты самой напряженной борьбы с гетманскими и петлюровскими бандами и наступавшими немецкими вооруженными силами, как самый стойкий боец революции. Он всегда был на самых передовых и опасных позициях. . .

Я не имею возможности подробно остановиться хотя бы на важнейших этапах жизни и деятельности названных товарищей и друзей, но, вспоминая их, я могу сказать, что эти товарищи могут быть образцом пролетарской стойкости и самоотверженности. Это были люди, непоколебимо верящие в дело, за которое они боролись, это были революционные бойцы, для которых никогда, ни в какие времена не существовало ни опасностей, ни колебаний.

Двое из них погибло в момент классовой борьбы с врагом.

Володя Клочко погиб во время напряженнейшей борьбы с контр-революцией.

Петр Воронцов погиб от рук немецко-гетманских банд (в бывшем Ново-Московском уезде).

Тов. Баглей явился жертвой эпидемии брюшного тифа.

Своей работой и жизнью они вписали в историю революционной борьбы пролетариата одну из лучших страниц. На их примере молодежь может учиться накапливать в себе силу воли, чтобы быть неустрашимыми, как были неустрашимы они, бороться и побеждать.

Празднуя 10-ю годовщину Октября, пролетариат Заднепровья вспомнит этих славных, безвременно погибших на боевом посту друзей. Они погибли, но своим неустанным трудом, революционной работой они воодушевили много пролетарских колонн, которые победили, преодолели разруху и голод и сейчас развивают строительство социализма.

Лучшей памятью о них является то, что большевистская партия в целом и Заднепровская организация, в которой работали тов. Клочко, Воронцов, Баглей, сейчас выросли и количественно и качественно до таких размеров, когда все трудности становятся совершенно ясными для партии и рабочих, когда они с твердым сознанием относятся ко всему происходящему и будущему.

Преодоление всех трудностей и победа над нашими врагами будет завершением великого памятника тем, кто в минувшей титанической борьбе рабочего класса с многовековыми угнетателями отдал свою жизнь за социализм.

Вечная память борцам революции.

КОЛЯ РУДНЕВ

Впервые я узнал Колю Руднева в июне 1917 года, когда он прибыл в Харьков с 30-м красным полком из г. Тулы.

Появление его в харьковском гарнизоне стало ощущаться с первых же дней. Он взял на себя часть работы по созданию военной партийной организации и во все время пребывания в Харькове играл в ней первенствующую роль.

В полку он был всего лишь командиром роты, но в Харькове все знали, что 30-й полк — это полк Коли Руднева.

Харьковчане хорошо помнят 30-й полк в дни выборов в городскую думу. Меньшевики и эсеры обманывали, провоцировали рабочие массы, гнали большевиков с митингов. Солдаты 30-го полка заявили все, как один, что они большевики. Именно они в это время не дали предателям рабочего класса разгромить большевистскую организацию.

В организации харьковской Красной гвардии Коля Руднев со своей энергией и организаторскими способностями сыграл большую роль. Благодаря его содействию удалось получить первую партию винтовок, и низший командный состав 30-го полка был инструкторским резервом по обучению красногвардейцев.

Еще более крупную роль начал играть Коля Руднев с начала гражданской войны. Он был членом Революционного Комитета, членом Исполкома, ведя одновременно и партийную работу в воинских частях.

Особенно ярко стали выявляться его способности, когда всколыхнувшееся море революции выбросило массу вооруженных людей, деморализованных долгими годами войны.

Коля Руднев был одним из тех немногих, которым удавалось направлять эту стихию в правильное русло. Он умел говорить с солдатами на понятном им языке — он говорил с ними, как солдат революции.

С момента введения выборного начала в армии он единогласно был избран командиром 30-го полка Молодой, энергичный, противник всяких уступок и соглашений, Коля Руднев, будучи строгим к другим, был еще строже к самому себе.

Полк Коли Руднева был действительно революционным и примерным полком на Украине.

Во время Октябрьского переворота Коля Руднев принимал активнейшее участие в мобилизации всех революционных сил г. Харькова для того, чтобы уничтожить контр-революционные части Центральной рады и чугуевских юнкеров, угрожавших рабочему центру Украины.

В ноябре 1917 года через Курскую губернию пробирались крупные силы белогвардейцев, направлявшиеся на Дон под личным командованием генерала Корнилова. К. Руднев направился с частью полка и отрядами харьковской гвардии на линию Белгород—Готня и там вместе с северными отрядами разбил противника, не дав ему пробраться на Дон.

Работая заместителем военного комиссара Донецкой Республики, К. Руднев много сил положил для разработки огромного проекта по созданию Красной армии в Донецкой республике. Предатели рабочих и крестьян Украины Петлюра и Винниченко, немецкими штыками помешали осуществить этот план.

Во время брестских переговоров Коля Руднев был сторонником немедленного заключения мира... При наступлении немецких оккупационных войск на территорию Украины он принимал все меры к задержке этого наступления. В самый критический момент, перед падением Харькова, ему поручена была оборона города...

Отступал он из Харькова последним, направляя эшелоны по линии Балашев—Купянск под артиллерийским обстрелом немцев.

После оставления Харькова он работал начальником штаба у Ворошилова. Вместе с Ворошиловым он проделал знаменитый в истории гражданской войны переход через Дон из Донбасса до Царицына. После занятия немцами Лихой, на этом участке скопилось масса шахтеров и деморализованных остатков разбитой немцами 3-й армии. В Лихой К. Руднев был назначен командующим боевого участка Миллерово—Лихая—Зверево. В это время им была проделана большая работа по организации мелких отрядов в одну боевую группу этого участка.

Немцы теснили нас со всех сторон, громили из орудий и с аэропланов.

25 апреля 1917 г. началось наступление немцев на Лихую. Защищаться было нечем. Нужно было вывести паровозы, которыми мы везли ценное имущество и вооружение. В это время Коля проделывал „чудеса“. Будучи до крайности изменен боями, он везде наводил порядок в движении эшелонов и восстанавливал дисциплину там, где чувствовались признаки паники. Он был везде, где была опасность.

Армия, сколоченная из отдельных отрядов, не имевших ни достаточных военных знаний, ни командного состава, под руководством Коли Руднева и Ворошилова вырвалась из огненного кольца, которым она была окружена.

Коля Руднев всегда появлялся там, где появлялась угроза прорыва ленты эшелонов, растянувшейся почти на 20 верст. Во время беспрерывных атак он, вместе с другими военными работниками, вел большую работу по созданию крепкой, дисциплинированной армии. Это была его заветная мечта. Он принадлежал к группе товарищей, которые еще во время организации Красной гвардии стремились создать дисциплинированные красногвардейские части под строго централизованным командованием.

Наконец были преодолены все трудности. В Царицын были приведены уже не отряды, а дивизии.

Но озверевший противник наседал со всех сторон. Нужно было защищать подступы к Волге. Нужно было помешать Южной армии соединиться с чехословаками, англичанами. Необходимо было мобилизовать и обучить 20 — 30 тысяч красногвардейцев. Эту работу поручили Коле. Он провел мобилизацию за 20 лет, не имея казарменных помещений.

Началось решительное наступление. Под Царицыным в это время была сосредоточена красновцами армия в 60.000 человек. Судьба пролетарской республики зависела от исхода этого сражения. Почти неделю длилось оно. Больше тридцати тысяч красновцев легло под Царицыным. Противник был разбит и прогнан.

В героическом сражении погиб и Коля Руднев. Военным Советом ему была дана задача: заполнить прорыв и двинуться на ст. Тундрово. Установив связь с соседними частями, он повел наступление. Банды были отброшены... Но через два часа про ивник повел контр атаку, и наша цепь дрогнула...

Восстанавливая цепь, Коля бросился со своим адъютантом вперед, ворвался во вражескую батарею, отрубил построики у орудия, внес панику в ряды противника...

Коля проделывал это не раз. Но на этот раз геройский подвиг стоил ему жизни... Его тяжело ранили в живот, но он еще в продолжении часа продолжал командовать. Рана была очень тяжелой... Когда его снимали с лошади, он простонал: „я умираю“. Несвоевременная перевязка, сильный холод, истощенный организм... Коля не перенес этой раны. Смерть унесла от нас лучшего бойца и товарища. Его смерть была большой потерей для партии и для тех, кто его близко знал.

Коля умер, но не умрет дело, за которое он боролся и отдал свою жизнь.

СССР построил мощную Красную армию, о которой Коля Руднев много мечтал и для закладки фундамента которой он положил много труда и энергии.

Так пусть же память о Коле Рудневе и о многих подобных ему не умрет в наших сердцах.

Т. ХАРЕЧКО

ПАМЯТИ ОРГАНИЗАТОРА КРАСНОЙ ГВАРДИИ ДОНБАССА

Самым знаменательным событием в революции 1917 года следует считать организацию вооруженных сил восставшего пролетариата — рабочих отрядов Красной гвардии. Вооруженная борьба за власть советов, начатая рабочими Питера и Москвы, перебросилась быстро в Донецкий бассейн, на который наступала донская контр-революция. Здесь впервые классовая борьба развернулась в большую полевую войну, в которой с обеих сторон участвовали десятки тысяч людей на фронте протяжением в несколько сот километров — от Чертково до Мариуполя. Донбасс после победы власти советов в столицах превратился в важнейший театр гражданской войны. Поэтому организация боевых отрядов Красной гвардии в Донбассе под напором „калединских кадетов“ (так тогда называли белогвардейцев) приняла характер самой ударной задачи.

На другой день после захвата власти советами в столицах, когда открылись широкие возможности получения вооружения из центра, донбасские большевики немедленно приступили к реализации лозунга вооружения рабочих. По всем рудникам и заводам по зову большевистской партии начали организовываться отряды Красной гвардии.

Революционный подъем в настроениях рабочих масс достиг небывалых в истории классовый борьбы размеров. Пришли в движение, рвались к борьбе с контр-революцией тысячи пролетариев и беднейших крестьян. Требовалось только оформление, организация боевых революционных сил. На местах самостоиком выдвигались энергичные, смелые, боевые организаторы отрядов Красной гвардии. Их было много. О лучших из них, наиболее стойких, оставшихся надолго в памяти участников гражданской войны, расскажут и запишут в летописи революции.

Я хочу написать о том товарище, который выдвинулся на роль организатора Красной гвардии Донбасса. Это был Демьян Иванович Пономарев. Сын пролетария. Родился в 1887 году.

В молодости он был рабочим Дружковского завода. С 1910 года до революции Пономарев был на военной службе матросом Балтийского флота, где и вступил в ряды большевистской организации в 1912 году.

Возвратился Пономарев в Дружковку с группой кронштадтских матросов в июле 1917 г., в самый разгар антибольшевистских настроений. Его крепкие большевистские выступления на рабочих митингах в Дружковке и Константиновке будоражили меньшевистское болото. Комиссары милиции Дружковского Совета пытались даже арестовать Пономарева за его „неслыхавно“ резкие и дерзкие речи против Временного правительства.

Меньшевики неоднократно срывали вначале единоборческие выступления кронштадтского матроса. Но, несмотря на их бешеное сопротивление, большевистская твердость и непоколебимость Пономарева прорвали монополию меньшевистского руководства массами в Дружковке.

Смелый, настойчивый матрос Пономарев заставил себя слушать. В рабочих массах, где до тех пор царило безмятежное меньшевистское единство, начался раскол. Рабочие стали, чем дальше, тем больше и тверже поддерживать большевиков.

Добившись перелома в массах, Пономарев принялся за сколачивание рядов дружковской большевистской организации. Он был ее инициатором и первым идейным руководителем. После Октябрьского переворота комитет большевиков поручил Пономареву, как наиболее популярному в рабочих массах товарищу, организацию отряда Красной гвардии, который потом в первых цепях сражался против каледиинцев.

В декабре 1917 г. на съезде революционных комитетов Донецкого бассейна Пономарев был избран в бюро военно-революционных комитетов Донбасса. Здесь - то я впервые с ним близко встретился. Работал я вместе с ним до отступления из Донбасса в апреле 1918 года.

На первом же заседании бюро, когда решался вопрос об организации Центрального Штаба Красной гвардии Донбасса (Центроштаба), Пономареву была поручена организация его. Он же был назначен начальником штаба.

На этой тогда самой ответственной работе, в чрезвычайно тяжелых условиях беспощадной ломки старой государственной машины и создания новой, матрос Пономарев проявил себя как стойкий закаленный большевик и недюжинный организатор. Он был в штабе не только первым красным военспецом, но политически грамотным партийцем - руководителем и весьма чутким оратором - массовиком.

Первые шаги по созданию военной организации, объединяющей все промышленные районы Донбасса, были самыми трудными. В обстановке полного отсутствия денежных средств, обмундирования и недостатка вооружения надо было проявить

исключительную энергию, настойчивость и изобретательность, чтобы организовать отряды Красной гвардии. Положение осложнялось еще недостатком организаторских сил, их неопытностью и военной безграмотностью. Достаточно сказать, что наши „военспецы“ тогда по чинам не превышали ефрейтора или унтера. Да и этих не хватало.

Несмотря на это, Пономареву удалось подобрать несколько десятков преданных, энергичных товарищей и в кратчайший срок развернуть формирование отрядов. Формирование это необходимо было централизовать в масштабе бассейна, что оказалось самым трудным делом. Потребовалось от руководителей Центроштаба, и в первую очередь от Пономарева, исключительное сочетание нажима и такта для преодоления царивших в районах дезорганизаторских, анархических настроений — „мы сами себе власть“. Необходимо было формировать отряды из людей, сбросивших палочную дисциплину, на основах революционной дисциплины. Это давалось не легко. Надо было ломать людей, перевоспитывать, большевизировать, чтобы революционная дисциплина не сменилась бесшабашной вольницей.

Товарищ Пономарев блестяще выполнял порученное ему партийное дело. В критический момент борьбы с контр-революцией он был на своем месте. Матросская закалка и выдержка, большевистская твердокаменность и размах — таков был организатор Красной гвардии Донбасса тов Пономарев. Под его руководством с декабря по апрель были организованы десятки тысяч донецких шахтеров на борьбу с калединской и гайдамацко-немецкой белогвардейщиной. С его именем тесно связана организация вооруженных сил пролетарского Донбасса в первый период борьбы за власть советов.

После захвата Донбасса оккупантами Пономарев работал по снабжению южного фронта. Но как только в январе 1919 г. Красная армия освободила часть Украины и начала борьбу с денкинцами за освобождение Донбасса, Пономарев опять перебрался на донецкий фронт. Мне снова пришлось с ним встретиться под Бахмутом, где Красная армия вела борьбу за овладение городом. Здесь, на ст. Яма, находился Революционный Комитет Донбасса — первый Ревком образованной тогда Донецкой губернии. Пономарев был членом Ревкома и первым донецким губвоенкомом. Здесь в прифронтовой полосе, в обстановке неоднократных наступлений и отступлений Пономарев с величайшим упорством и настойчивостью работал по организации шахтерских полков Красной армии.

В 1920 году Пономарев возвратился в Дружковку и несколько месяцев был руководителем партийной организации. Затем, вследствие туберкулеза легких, получил командировку на Кавказ и опять перешел на военную работу в качестве командующего терскими войсками. Но недолго пришлось ему

здесь работать. Туберкулез прогрессировал. Пономарев был переведен сперва на советскую, потом на кооперативную работу. Однако организм, надорванный в годы великих классовых битв, не выдержал, и 27 апреля 1924 г. тов. Пономарев умер.

В десятилетие пролетарской диктатуры рабочие Дружковки и всего Донбасса вспомнят того, кто отдал лучшие годы своей жизни за дело рабочего класса, кто организовывал рабочих на последний решительный бой за власть советов.

ПАВЕЛ МИЗИКЕВИЧ

Исполнилось 8 лет со дня преждевременной гибели того, кого рабочие Одессы звали „Павлушей“, кого они любили, чьи слова были им близки и понятны. Не раз по призыву партии большевиков под руководством Павла Мизикевича оставляли рабочие станки, верстаки и машины и бодро с винтовкой в руках шли на борьбу с контр-революцией. Рабочие знали и любили Павлушу, потому что он жил с ними одной жизнью, работая с раннего возраста по различным предприятиям.

По данным, которые мне известны, Павел Мизикевич с 1902 года работал слесарем паровозного цеха одесских главных ж.-д. мастерских. Там он вошел в подпольный кружок и принимал в его работе активное участие. В 1905—06 г. г. участвовал в революционном движении. По отбытии военной службы возвратился на производство, в рабочую семью, где и продолжал работать до революции.

В февральские дни 1917 г. тов. Павел, работая у станка, являлся выдающимся активным организатором рабочих масс.

С 1917 года до отступления в 1918 г. Мизикевич был членом ж.-д. районного комитета РСДРП (большевиков).

Удивительно способный организатор и не менее хороший оратор, Павел Мизикевич был популярен в партийной и рабочей среде. Он был членом общегородского большевистского комитета, членом совета рабочих депутатов и активно работал в других рабочих организациях. Свои многочисленные обязанности выполнял он исключительно добросовестно. Он жил, дышал только интересами партии и революции, а для семьи и личной жизни у него не хватало времени. Трудно и невозможно перечислить все, что делал т. Мизикевич для революции, для рабочего класса... Работа его была многогранной, разнообразной... Он и партийный организатор, он и агитатор-массовик, и оратор на диспутах, и организатор Красной гвардии, и боец.

И что бы ни делал Павел, какую бы работу ему ни поручали,— в нем всегда чувствовался твердый настойчивый большевик и, вместе с тем, чуткий внимательный товарищ.

У всех, кто с ним соприкасался, он оставлял самое лучшее впечатление...

Тов. Мизикевич был инициатором создания Красной гвардии в железнодорожном районе. Он принимал деятельное участие в ее строительстве и повседневной жизни, а впоследствии, во время декабрьских боев в 1917 году с гайдамаками, в выработке боевых планов. В январские бои 1918 — 19 годов тов. Павел руководил бронепоездом, который сыграл не малую роль в боях за установление советской власти в Одессе.

После эвакуации Одессы, будучи военкомом бронепоезда б. Заамурского ж. - д. батальона, тов. Мизикевич попал в Москву, где работал членом бюро железнодорожников при ЦК РКП(б); потом он работал на южном фронте, в особом отделе, а затем был послан в Харьков, где принимал участие в руководстве железнодорожной забастовкой в момент эвакуации с Украины австро-германских оккупантов и наступления Красной армии...

После взятия Одессы тов. Мизикевич по командировке партии поспешил туда.

По прибытии в Одессу в 1919 г. т. Мизикевич принимал деятельное участие в работе партии, в партийном, советском и военном строительстве. Одновременно он работал комендантом ж. - д. узла. Обстановка в Одессе, блокированной с моря и окружаемой со всех сторон контр-революционными восстаниями, становилась все сложнее. Внутри города контр-революция тоже вела свою разрушительную работу.

Под непосредственным руководством Павла Мизикевича в Одессе было предотвращено восстание отряда кавказцев, подготавливавшееся комендантом города Одессы и порта, неким Добровским.

Отряд его был разоружен бескровно, ловким маневром, под руководством Мизикевича, лучше чем можно было ожидать. Тов. Мизикевич был назначен комендантом гор Одессы и порта. На этой работе ему и пришлось преждевременно погибнуть при следующих обстоятельствах.

Все расширявшаяся полоса кулацких восстаний захватила также и немецкие колонии, расположенные вокруг Одессы. Городу угрожала непосредственная опасность, а вооруженные советские силы были ограничены. В городе было мало оружия, патронов и продовольствия, так как он был отрезан со всех сторон. Желая установить, какими силами располагали повстанцы, а также и причины восстания, т. Мизикевич на автомобиле выехал на разведку в район (Аккаржа), где, благодаря предательству шоффера, был захвачен бандой восставших кулаков и после непередаваемых пыток и издевательств зверски замучен. Умер он 1 августа 1919 года.

Смерть Павла Мизикевича вместе с болью утраты внесла также и энергию в ряды борющихся с кулацкими повстанцами

рабочих отрядов. Восстание было подавлено. Но дорого досталась пролетариям Одессы эта победа... Погиб друг рабочих Павлуша. Не стало нескольких лучших товарищей... Погиб отзывчивый товарищ, погиб исключительно энергичный, работоспособный революционер, погиб храбрый боец, не раз выполнявший поручения, сопряженные с серьезной опасностью для жизни и преодолеваемые только благодаря находчивости и предприимчивости тов. Павла. Труп тов. Павла после подавления восстания был найден и погребен в Одессе.

Павлушу не забыли одесские рабочие. Именем его назван ряд просветительных учреждений Одессы, подготовляющих смену погибшим и живущим борцам. По его пути пойдет большевистская ленинская молодежь, завершая пролетарское дело, за которое! отдали жизнь лучшие представители рабочего класса.

МОИСЕЙ КАНГУН

Моисей Кангун — один из организаторов одесской городской Красной гвардии, начальник ее штаба во время декабрьских баррикадных боев 1917 г. за власть советов.

Многие товарищи помнят его не только по Одессе, но и по другим городам, где соприкасались с ним на заводах, фабриках и в подпольных революционных кружках. Но большую часть жизни т. Кангун провел в Одессе, где рос, учился и вел работу в рабочих массах.

По немногим сохранившимся биографическим сведениям известно, что М. К. родился в 1897 году, а в 1914 году окончил одесское ремесленное училище „Труд“, после чего работал по специальности в разных городах.

Преследованиям и репрессиям начал подвергаться за свою работу в качестве корреспондента самарской подпольной газеты „Голос Самары“. За свои статьи, освещающие условия труда и быта рабочих, Моисей был арестован. После кратковременного заключения он выехал в Кишинев.

В Одессу тов. Кангун возвратился в 1916 году и продолжал принимать участие в работе подпольной организации большевиков.

В февральские дни 1917 года Моисей Кангун (ему тогда было всего двадцать лет), горячо выступал на митингах и призывал рабочих к организованной борьбе. Металлистами М. К. был избран в совет рабочих депутатов и его исполнительный комитет. Работая в секции общественной безопасности, он проявлял инициативу и большую энергию в работе по созданию одесской городской Красной гвардии. В обстановке гнусной травли со стороны меньшевистствующего Исполкома СРД и все более подымающей голову реакции усилиями Одесской большевистской организации и революционной части пролетариев, под непосредственным руководством Моисея Кангуна, удалось организовать красногвардейские отряды.

В этой работе тов. Кангун нашел применение своей кипучей энергии и настойчивости.

Красная гвардия скоро показала свое классовое лицо, активно защищая бастовавшие тогда группы рабочих. Их интересы защищал не столько меньшевистствовавший Исполком СРД — сколько штаб Красной гвардии. По его распоряжению

арестовывалась часть фабрикантов и заводчиков, не желавших удовлетворить требований рабочих об улучшении материального положения. Красная гвардия не допускала также срыва забастовок штрейкбрехерами.

Большое значение Красная гвардия имела в деле защиты города от готовившихся черносотенных погромов. Все попытки поднимающей голову реакции в корне пресекались красногвардейскими отрядами. Попытка устроить погром в г. Тирасполе не удалась. Под руководством М. Кангуна быстро был восстановлен революционный порядок.

Товарищи знали М. Кангуна, как хорошего организатора, боевого товарища, под руководством которого боевые единицы Красной гвардии сумели к имеющемуся революционному энтузиазму добавить и некоторые военные познания, которые они с успехом использовали в баррикадных боях.

В декабре 1917 года революционные рабочие и военные моряки с оружием в руках заставили гайдамаков и их реакционное командование признать советы.

В числе жертв декабрьских боев, отдавших кровь и жизнь за установление власти советов и укрепление диктатуры пролетариата был и Моисей Кангун. Гибель его лишила Красную гвардию одного из талантливых и энергичных ее организаторов и боевых руководителей...

2 (15) декабря 1917 года „Голос Пролетария“ принес одесским рабочим печальную весть: начальник штаба Красной гвардии погиб в декабрьских боях.

Тов. Кангун погиб, но память о нем жива в сердцах одесских рабочих.

АЛЕКСАНДР БОНДАРЕНКО-БУРДУН¹⁾

Александр родился в 1884 году. Отец его был железнодорожным рабочим. Учился он сперва в Камышевахском двухклассном училище, а затем окончил Луганское техническое училище. После этого он начал работать на железной дороге в качестве жел.-дорожного техника, где и работал в течение нескольких лет надсмотрщиком телеграфа (до 1905 года).

В революционных событиях 1905 г. Александр принимал активное участие. В Алмазовском и Горловском районах он поднимал восстания и при подавлении восстания в Алмазной был арестован карательной экспедицией жандармского офицера Смоленского 18-го декабря 1905 года. После жестокого избиения он был посажен в тюрьму. 13 сентября 1906 года он бежал в Закавказье, где и работал в качестве машиниста, продолжая заниматься подпольной революционной деятельностью. Потом, спаясь от преследований, он бежал через Персию в Америку (Аргентину).

После продолжительной эмиграции он приехал для подпольной работы в Россию, но был арестован и приговорен к смертной казни за большевистскую деятельность в 1905 году. По амнистии по случаю юбилея трехсотлетия дома Романовых, смертная казнь через повешение была заменена четырехлетними каторжными работами и 8-мигодичной ссылкой на поселение с лишением всех прав и состояния.

Александр Бондаренко сидел в Харьковской, Екатеринославской, Московской каторжной и других тюрьмах.

Революция 1917 года застала Александра в Сибири, в Иркутской губернии. Оттуда он приехал в Бахмут к своей сестре М. Стрельцовой. Во время керенщины он работал на жел.-дор. станции Авдеевка, где подготовлял рабочих к большевистским выступлениям.

В марте 1918 года Александр отступал из Украины вместе с Харечко, В. Лысенко и другими (вместе с Центроштабом) в Царицын, откуда был направлен в Москву в ЦК партии.

В январе 1919 года он был послан на Украину и через ЦК КП(б)У направлен на ст. Яму (Бахмут в то время находился в руках белогвардейцев). На ст. Яме он вел ответственную

---

¹⁾ Биография т. Бурдуна прислана Артемовским Истпартом

работу по организации революционной власти для Бахмута. Еще месяца за три до установления в Бахмуте советской власти Александр был назначен председателем уездного Ревкома, одновременно исполняя должность председателя Ч. К.

После взятия власти в Бахмуте Александр был избран председателем уисполкома и работал до самого момента нового отступления советской власти из Бахмута. После отступления он был направлен т. Артемом в ЦК партии в Киев, откуда был послан в Елисаветград для восстановления революционного порядка, после освобождения города от бандитов. Но Александру не суждено было развернуть свою деятельность до конца. Он погиб, как красный герой, на революционном посту. Напавшие на город бандиты - григорьевцы зарубили нескольких членов уездного комитета партии, отбивавшихся с оружием в руках... В их числе был и Александр Бондаренко - Бурдун. Тогда же застрелилась его жена.

Подробностей революционного подвига тов. Бурдуна пока еще не удалось выяснить, но несомненно одно — т. Александр погиб, как революционер, в борьбе за дело пролетариата.

ПАМЯТИ БОЛЬШЕВИКА - ПОДПОЛЬЩИКА С. САЗОНОВА

Тов. Спиридон Сазонов был сыном рабочего. С 16 лет он пошел работать на луганский паровозостроительный завод. По натуре прямой, настойчивый, т. Сазонов часто имел столкновения с цеховой администрацией, и ему приходилось не раз менять места работы.

В 1915 году он уезжает из Луганска и поступает на завод бывш. „Наваль“.

В феврале 1916 г. он принимает активное участие в подготовке забастовки в снарядном цеху. При его непосредственном участии была выпущена листовка, в которой рабочие снарядного цеха призывались к забастовке. Тов. Сазонов, как „замеченный в подстрекательстве к забастовке“, был отправлен на фронт империалистической войны.

В 1917 году он возвращается обратно в Николаев, вступает в партию большевиков и ведет там активную работу.

В 1918 г., во время оккупации Украины немцами, т. Сазонов остается в подпольи, переезжает в Луганск, входит в состав луганского подпольного большевистского партийного комитета, подпольного ревкома. Здесь он проводит большую организационную и агитационную работу. Под его редакцией было выпущено несколько листовок, он осуществлял связи с областным большевистским комитетом, два раза пробирался через фронт в Москву за получением необходимых материалов.

В ноябре 1918 года, когда его фамилия была раскрыта (в Луганске) белогвардейцами, т. Сазонов вместе с членами луганского подпольного ревкома и паркома — Васильевым, Дальским и др. — перекочевал в Лозовую - Павловку, в 45 верстах от Луганска, где они подняли восстание шахтеров против варты. Восстание было подавлено и руководители его, в том числе и т. Сазонов, вернулись в Луганск, скрываясь от „бдительного глаза“ белых властей.

По освобождении Луганска (январь 1919 года) от белых банд т. Сазонов был выдвинут зав. отделом управления луганского исполкома.

28 апреля, во время обороны Луганска, при взятии знаменитой „Острой могилы“, т. Сазонов был ранен белогвардейской пулей в верхнюю часть черепа, вследствие чего у него была парализована правая рука и повреждено зрение.

Во время нашего отступления из Украины т. Сазонов, будучи уже инвалидом, не взирая на настоятельные советы товарищей эвакуироваться из Украины, отказался уехать и остался работать в подпольи. Сперва он работал в Николаеве, затем переехал в Артемовск.

Переживая тяжелую материальную нужду, непрерывно скрываясь от шпиков, скитаясь по рудникам и заводам в слякоть и холод, т. Сазонов заболел тифом и за два дня до занятия Артемовска Красной армией (в декабре 1919 года) он умер.

Так завершилась молодая мятежная жизнь до конца преданного делу пролетариата большевика Спиридона Сазонова.

ПАМЯТИ ДМИТРИЯ РУДЯ

О преданном революционере - большевике, о бесстрашном герое, погибшем на славном боевом посту, т. Руде, необходимо вспомнить хотя бы в нескольких словах.

Дмитрий Рудь родился в 1886 г. С малых лет он пошел работать на бывший Гартманский завод в Луганске. Отбыв военную службу, вернулся опять на этот завод.

В 1917 г. т. Рудь вступил в партию большевиков и принимал активное участие в организации Красной гвардии. В качестве командира броневых отрядов он принимал активное участие в подавлении калединского мятежа. А затем, под общим командованием т. Ворошилова, вместе с другими красногвардейскими отрядами, в марте 1918 г. т. Рудь отправился из Луганска под Конотоп для отражения вторгавшихся на Украину немецких оккупационных войск.

В этих боях т. Рудь показал беспримерную храбрость и умение руководить боевыми операциями.

Отступая из Украины, находясь в отрядах т. Ворошилова, т. Рудь был одним из лучших и отважных командиров броневых единиц.

Бои под станцией Гундоровской, оборона переправы красногвардейских частей через Дон, защита Царицына — во всех этих боевых операциях т. Рудь со своим бронепоездом играл большую роль.

В феврале 1919 года тов. Рудь в Луганске сформировал бронепоезд. На заводе им. „Октябрьской Революции“ был построен бронепоезд имени Ворошилова.

Тов. Рудь взял на себя командование этим бронепоездом, который, борясь против деникинских банд, внес лучшие страницы в историю революционной борьбы. В одном из горячих боев т. Рудь получил тяжелое ранение в бок, в результате чего потерял два ребра. Не совсем оправившись от ранения, тов. Рудь возвратился на бронепоезд, который влился в 14-ю армию, находившуюся под командованием тов. Ворошилова.

На участке Запорожье — Синельниково шли сильные бои. Тов. Рудь был еще слаб, ходил с палкой, но не оставлял площадки бронепоезда. В трудные моменты своим личным примером он воодушевлял команду.

Особенную храбрость он проявил при защите Екатеринослава (Днепропетровска). Тов. Рудь со своим бронепоездом не раз отражал попытки противника прорваться в Екатеринослав через мост... Но натиск противника превысил обороноспособность красных частей, и Екатеринослав был взят белыми...

Красная армия отступила на север. Бронепоезд имени Ворошилова шел последним, сдерживая натиск противника и давая возможность нашим частям отступить хотя бы в относительном порядке.

Были случаи, когда тов. Рудь со своим бронепоездом врвался в зону противника, деморализуя его части. И вот, в один из таких прорывов бронепоезд т. Рудя был окружен белогвардейскими частями. Пути отступления были отрезаны. Команда бронепоезда сошла с него и укрепилась на поле... Билась отчаянно, но не устояла. Те, кто остался в живых, бросились бежать по полю, прячась в копны...

Тов. Рудь, еще не совсем оправившийся от ранения и операции, опираясь на палку, тоже бросился спасаться. Неподалеку паслись крестьянские лошади. Он сел на одну из них и пытался уехать, но был настигнут белогвардейскими кавалеристами... Не стало героя-бойца Дмитрия Рудя. Но память о нем надолго останется у тех, кто видел, кто знал его беспримерные боевые подвиги.

ПАМЯТИ ТОВА. ПАЛКИНА

Весна 1919 года. Под самым Луганском шли ожесточенные бои. Белогвардейские банды под командованием генерала Шкуро все сильнее и напористее наседали на Луганск. Красные части, истощенные голодом и изнуренные непрерывными боями, были бессильны дальше удерживать напор противника. Военное командование, совместно с луганским исполкомом, обратилось к луганским рабочим с воззванием, в котором они призывались взяться за оружие для отражения противника. Это было 26-го апреля.

Тысячи рабочих в течение двух часов стали под ружье. Наспех сформировались рабочие роты, во главе которых стали свои же командиры-рабочие.

Одним из таких командиров был и рабочий (токарь) Патронного завода — т. Палкин, Евладий Орестарфович.

Смело, бесстрашно он вел свою рабочую роту в бой. Под снарядами, под градом пуль он занял участок, наспех окопавшись.

Два дня противник обстреливал позицию, укрепленную рабочими ротами. Рабочие бойцы крепко держались, не уступая ни одной пяди противнику.

В трудные моменты, когда противник засыпал пулями наши окопы, когда веерами рассыпалась над нашими головами шрапнель, в эти трудные минуты т. Палкин вылезал из окопов и ходил по всей линии своей роты, ободряя шутками лежавших в окопах бойцов.

28 апреля был дан приказ идти в наступление — взять „Острую могилу“, на которой сильно укрепился противник.

Получив приказ вести роту в бой, т. Палкин ликовав: Ну, друзья, настал момент: пойдём на „Острую“.

— Трудно взять, — говорили некоторые рабочие.

— Конечно, трудно, — смеясь ответил т. Палкин, — но все таки „Острую“ возьмем.

Двумя колоннами пошли мы в наступление. Противник усилил пулеметный огонь. Перебегая, падая и вновь перебегая, наши колонны приближались к „Острой могиле“. Вечерело... А когда мы уже близко подошли к „Острой могиле“ совсем стемнело...

Белогвардейцы немного отступили. Наши рабочие роты потеряли между собою связь. Получился разрыв фронта. Наша

рота тоже разорвалась на две группы. Началось некоторое замешательство... Белогвардейцы, узнав о нашей растерянности, бросились в контр-наступление.

Тов. Палкин с небольшой группой хотел задержать на нашем участке натиск противника, но был окружен белогвардейцами. Только несколько человек вырвалось из кольца, большинство же из этой группы попало в плен, в том числе и т. Палкин. Больше они уже не вернулись. Их расстреляли.

Так погибла группа рабочих-бойцов во главе со славным своим командиром Евладием Палкиным.

Память о героически погибших бойцах-рабочих у нас останется надолго, никогда не забудем мы и о славном нашем рабочем командире Евладие Палкине.

IV

БІБЛІОГРАФІЯ

ОГЛЯД ЛІТЕРАТУРИ ДО ЖОВТНЯ НА УКРАЇНІ

Література до Жовтня на Україні на сьогоднішній день ще не досить значна. На 10 роковини Жовтневої революції маємо [якусь сотню - півтори друківаних праць, включаючи сюди й окремі роботи та статті. Революційна боротьба дуже мало дала вільного часу й сил для того, щоб могла утворитися значніша література. В основній своїй масі та література, що вже є, утворювалася лише за останні роки революції, коли з'явилася можливість віддати більше вільного часу й сил на те, щоб підбити підсумки недавньої боротьби й глибше вивчити досвід минулої героїчної доби.

Цим самим визначається і характер наявної літератури. Це, здебільшого, спогади безпосередніх учасників, революції, що прагнуть тепер підсумувати свою діяльність і глибше продумати хід революції. Ця група творів найчисленніша, починаючи від статей і кінчаючи ґрунтовними творами. Література, утворена за часів самої боротьби, і література дослідницького типу посідає значно менше місце. Перша взагалі незначна, коли не враховувати періодичної преси, а друга тільки тепер починає з'являтися на світ.

Характер наявної літератури визначає собою ступінь дослідження в нас Жовтня на Україні. На сьогодні ми маємо вже деяку літературу й нариси про загальний хід революції. Зокрема також досліджено, хоч і не дуже багато, революційні процеси в місті, в армії, але ще досить не розроблено питання хоч би такі, як історія рад на Україні. Погано також вивчено деякі контр-революційні рухи, але, що найголовніше, ми досі не маємо майже жодних праць про революційний рух селянства. Наявні праці про селянські рухи за часів революції здебільшого стосуються якраз питань не революційного, а контр-революційного боку селянського руху. Такими працями можуть бути названі, наприклад „Кубань“, „Махновщина“ Равіча-Черкаського, „Махновщина“, Ейдельмана й низка інших праць.

Революційній ролі селянства присвячено дві-три статті з доби гетьманщини та кілька рядків у загальних творах з історії революції на Україні,— і це все, що можна знайти

про участь селянства в революції. А що роля селянства на Україні далеко не обмежувалась цими повстаннями, про це не варто й говорити, цьому свідок — наша перемога й десятирічне існування радянської влади на Україні. Перевірити, як утворювався союз робітництва та селянства в умовах національної боротьби — основна задача зрозуміння умов Жовтня на Україні. В цей бік слід дослідникам звернути особливу увагу. Останні статті, що з'являються в нашій пресі, свідчать, правда, про те, що дещо вже й тут робиться, але звернути на це увагу й прискорити темп вивчення — це повинно стати за нашу першу задачу у вивченні історії Жовтня на Україні.

Так стоїть справа з вивченням історії Жовтня на сьогоднішній день. Роботи, як бачимо, є ще непочатий край. Література, що її маємо тепер, кладе лише початок цій роботі; про це говорить як її характер, так і обсяг.

В цьому огляді ми скажемо лише про головні твори.

1. *М. О. Скрипник*. — Історія пролетарської революції на Україні. Короткий нарис. Видавництво „Червоний Шлях“, 1923 рік. Від лютого 1917 року до квітня 1918 р.

Праця тов. Скрипника поки що є єдиний серйозний систематичний нарис з історії пролетарської революції на Україні. Автор не лише змальовує самий процес революційної боротьби на Україні, але завжди підводить під нього (в приступних розмірах для такої невеличкої праці) соціальну базу. Правильний марксістсько-ленінський підхід автора до національного руху на Україні й добра аналіза рушійних сил революції дають авторові можливість з надзвичайною ясністю підкреслити оригінальність здійснення на Україні основного ленінського гасла „З усім селянством проти поміщика, з біднішим — проти буржуазії“.

Автор також надзвичайно яскраво малює розходження всередині партії на Україні в справі тактики до національного руху.

Слід також відзначити, що автор, маючи цілком правильну ленінську установку що до оцінки революції на Україні, не завжди до кінця її послідовно робить потрібні висновки. Вкажім хоча б на такий момент: зазначивши, що в селянстві напередодні Жовтня не було ще розгорнутої класової боротьби й що в Жовтні в цілому воно підтримувало робітничу класу в боротьбі з Тимчасовим урядом, автор на питання, чому селянство після Жовтня в перші часи підтримувало не робітничу класу на Україні, а Центральну Раду, — дає відповідь, що це сталося тому, що селянство було обдурено Центральною Радою (див. стор. 32). Пояснення, як бачимо, не вичерпує питання у всьому його об'ємі.

Працю тов. Скрипника треба вважати за одну з кращих праць з історії Жовтня на Україні. Цьому відповідає як характер праці, так і досить вдало зібраний у ній і оброблений

фактичний матеріал, особливо що до стану партійних організацій України.

2. *Є. Бош.*— Год боротьби. Госиздат. М., 1925 год. З початку лютого до німецької окупації.

Книжка тов. Бош, присвячена першому рокові революційної боротьби на Україні, в якій сама т. Бош, як відомо, приймала безпосередньо керуючу участь. В цій праці автор підводить підсумки не лише рокові революційної боротьби, а й власній діяльності. Роля т. Бош в революції на Україні говорить уже за те, яке значіння має для нас це посмертне видання, зібране автором в останні дні свого життя.

Тов. Бош крок за кроком досліджує ті шляхи, якими йшов пролетаріят до влади на Україні. Складні соціально-політичні умови, за яких довелося пролетаріатові прокладати собі шлях до спілки з селянством і до перемоги над старим капіталістичним укладом, малює тов. Бош з особливими знаннями й чутливістю, показуючи, що автор увесь час жив і творив разом із цими масами.

Борець - революціонер у житті — таким вона залишається і в своїй праці. Сторінки, присвячені початковій Жовтня на Правобережжі, такі живі й дають такий величний зразок революції, а також і образ самого автора, більшовика - революціонера, що надовго будитимуть у читача кращі спогади про героїчну добу.

Не ховаючи перед робітничою класою ні своїх, ні чужих помилок, ні тяжких наслідків, що випливали з них, тов. Бош правдиво по-своєму оповідає історію першого року боротьби пролетаріату за владу на Україні. По-своєму правдиво через те, що тов. Бош у деяких питаннях не завжди до кінця дотримувалася погляду партії. Таким основним питанням, в якому розходилася тов. Бош, як відомо, було національне питання.

Аналізуючи причини поразки пролетаріату в жовтневі дні на Україні, тов. Бош мусить сама визнати цю помилковість своєї політики, заявивши, що партія до Жовтня мало віддавала уваги національному питанню:

„Первоочередной вопрос для Украины, национальное расширение ее, оставался в тени и не был продуман не только Киевским комитетом, но и Областным“.

„Це й не дало можливості достатньо в'яснити свого ставлення до Центральної Ради й національного руху взагалі“, говорить далі т. Бош.

Правильно відзначивши одну з важливіших причин поразки в Жовтні, т. Бош зовсім по-своєму прагне пояснити, чому ж так сталося, що комітет не в'яснив свого ставлення до Центральної Ради. На її думку, це було через те, що наша програма в національній справі мала лише „голе гасло“ про право нації на самовизначення. Треба забути роботу Леніна,

написану ще 1912 року на цю тему, і квітневу конференцію 1917 року, де розбиралося національне питання (де була також і т. Бош), щоб стверджувати свою точку погляду. Відомо, що не неясність програми тут головна причина, а той погляд, якого додержувався автор у національним питанні, і який приводив його до недооцінки національного питання в період Лютневої революції й пізніш.

Визнаючи помилковість своєї позиції, автор тим самим робить значний крок наперед у порівнанні до своєї попередньої праці: „Национальное правительство и советская власть на Украине“.

Праця тов. Бош є, безумовно, одна з найбільш цінних праць з історії Жовтня на Україні.

3. *Є. Бош.*— Национальное правительство и советская власть на Украине. Книгоиздательство „Коммуна“. М., 1919 г. Охоплює період з початку лютого 1917 року до кінця 1918 року.

Брошура тов. Бош відбиває на собі сліди свого походження. Це не історія революційного руху, якою почасти є перша книжка, а агітаційний твір, що його вимагалось в 1919 року. На цій роботі найяскравіше відбився погляд т. Бош на національне питання.

Ось розуміння т. Бош національної боротьби поневолених націй:

„В тот момент, как волна пролетарской революции захватывает рабочий класс угнетенного народа, буржуазия и социал-шовинисты пытаются и пытались — Украина, Финляндия, Латвия и другие — сорвать пролетарское движение посредством разжигания национальной идеи, — идеи своего национального, исторически принадлежащего только этому народу“.

В уяві т. Бош національна боротьба поневолених націй є злісний витвір буржуазії для закріпачення трудових мас. Розуміння, як бачимо, дуже далеке від того, яке давав нам Ленін. Агітаційному змістові брошури цілком відповідає її стиль, який не доводиться тут наводити лише для того, щоб не забирати місця.

Взагалі ця брошура найяскравіше виявляє той ухил у національному питанні, що свого часу існував у нашій партії на Україні. Тоді ця брошура своїм революційним запалом та агітаційним характером відіграла свою ролю, але тепер її призначення не для широкого читача; вона більш корисна для історика, що вивчає ідеологію ухилів партії.

4. *Є. Бош.*— Жовтневі дні на Правобережжі.

Ця брошура — відбиток перших розділів основної праці т. Бош „Год борьбы“, в перекладі на українську мову, і все, що ми сказали про першу книжку, стосується й цієї брошури.

5. *И. Майоров.*— Из истории революционной борьбы на Украине.

Майоров не історик, він лише живий безпосередній учасник тих подій, про які розкажує у своїх спогадах. Без зайвого фальшивого патосу, простою мовою він оповідає про те, чого був свідком і активним творцем. Через те й оповідання його про революційну боротьбу на Україні такі повні фактичними даними з життя робітництва й партії за революційних років. Тов. Майоров з більшою повнотою, ніж хто інший, розкажує хід подій, не минаючи найдрібніших деталей внутрішнього життя робітничої класи та більшовицької партії, складаючи тим самим живий образ цієї боротьби. Тут освітлено тактику партії на Україні в жовтневі дні, тодішню роль окремих профспілок, роль більшовицьких партій у профспілках, роботу партії в гетьманській запіллі й багато інших моментів.

В цій і цінність цієї невеликої роботи.

Шкода, що Держвидав, пообіцявши дати цілу серію таких цінних для історії революції й партії видань, до цього часу не виконав обіцянки.

Наприкінці треба сказати, що автор, подаючи дуже цінні дані до історії революції, не дуже уважний до хронологічних дат. Так, наступ 18 червня у т. Майорова йде під датою 17 травня, так само з деякими іншими датами. На це слід звернути увагу читача, а також Держвидаву.

б. Д. Ерде. — Годы бури и натиска. Книга 1-я, 1917 год на Левобережьи. Госиздат Украины 1923 г.

Пролетарська революція на Україні — це багатобічний і складний процес. Не скрізь однаково відбувалася мобілізація революційних сил і не скрізь однаково приходив пролетаріат до влади на Україні. Інакше цей процес відбувався в хліборобсько-західній частині України, аніж в індустріально-розвиненій частині України — на Лівобережжі. Тов. Ерде своєю працею якраз і досліджує, яким чином і які етапи проходила пролетарська революція в найбільш індустріально-розвиненій частині України — Лівобережжі з його економічним і адміністративним центром — Харковом.

Мета автора, за власними його словами, відбити в праці „бурю й натиск великої епохи“, — і авторові це вдається. Даючи аналіз класових сил протягом цього першого етапу революції, автор низкою документів показує, як наростають революційні настрої робітничих мас і як з кожним кроком революції вперед загострюються класові взаємини між революційними пролетарськими масами й так званою „демократією“.

Індустріально-розвинений центр не знав таких загострених боїв пролетаріату з дрібною буржуазією, що їх пережило хліборобське Правобережжя, але уникнути того трикутного розташування сил, що пережило Правобережжя, не зміг і цей індустріальний центр; це свідчило про те, що революція мусила й тут перейти через свій етап національного визволення.

Автор, подаючи дуже цінні матеріали що до ходу революції на Лівобережжі й досить уміло його аналізуючи, не дає кінець - кінцем синтези вивченому періодові, й це гарну матеріалами його працю до деякої міри обезцінює.

Надто стосується це літератури, яку пишеться для широкого масового читача, до розряду якої належить і книжка т. Ерде.

7. *І. Кулик.* — Огляд революції на Україні. Ч. I. Від березня 1917 року до квітня 1918. Держвидав, 1921 рік.

М. Яворський. — Революція на Україні в її головних етапах. Держвидав, 1923 р.

Д. Петровський. — Революція і контр-революція на Україні.

Всі три брошури — це популярні нариси головних етапів соціальної революції на Україні. Кожний із авторів майже зовсім не віддає місця виявленню основних рушійних сил революції на Україні, подаючи лише хронологічну послідовність революційних подій. Цей характер праць робить їх приступними для самого невідготовленого читача. Хронологічне розташування матеріалу дає можливість використовувати ці книги також, як хронологічний довідник революції на Україні, якого ми до цього часу, на жаль, не маємо.

8. *Кулик та М. Яворський.* — Нариси історії комуністичної партії більшовиків України. За редакцією В. П. Затонського. Ч. I. Видавництво „Шлях Освіти“, 1923 рік.

Равич-Черкаський. — Історія комуністической партії України, ДВУ, 1923 г.

Історія КП(б)У, історія тієї партії, що стояла і стоїть на чолі пролетарської революції на Україні, є вже тим самим і історією самої революції. Через те поминути ці друквані праці, оглядаючи літературу про Жовтень, ми не можемо.

Обидві ці праці вивчають одну й ту ж тему, але місце, що його вони уділяють Жовтневій революції, не однакове, як неоднакове значіння їх взагалі.

Равич-Черкаський властиво Жовтневі віддає лише кілька сторінок, показуючи тактику й розташування партійних сил як більшовицьких, так і національних до кінця Жовтня. Треба зазначити неправильний погляд автора на процес утворення КП(б)У (синтеза більшовизму й УСД), що пронизує й ці нечисленні сторінки, а також почасти агітаційний характер деяких формулювань що до національних партій на Україні.

Друга книжка спиняється майже виключно на періоді Жовтневої революції; своїм характером ця праця, як правильно зазначає т. Затонський в передмові, ще не є історія, а лише матеріал до неї, але матеріал досить цінний, особливо не так до історії партії, як до історії революції на Україні. Автори майже першими роблять спробу не лише розібратися в подіях 1917 та 1918 року, а й насамперед з'ясувати читачеві той

соціально-економічний ґрунт, на якому відбувалася революція на Україні.

Одно, що треба зазначити, що правильний сам по собі підхід до розуміння українського процесу обґрунтовується досить непевними матеріалами, невідомо звідки взятими. Цього в такім серйознім питанні слід уникати. Що до матеріалу про самий процес Жовтневої революції, то авторам завдяки тому, що вони ставлять його за тематичним принципом, щастить глибше розглянути процес революції, ніж це зробили вони в своїх попередніх працях. Книжку написано досить популярно, вона цілком придатна для більш поглибленого вивчення історії революції й партії, навіть для середньо-розвиненого читача.

9. Рафес М. Г. — Два года революции на Украине. Госиздат. М., 1920 г.

Автор не береться за спеціальне вивчення історії Жовтня на Україні, його тема більш спеціальна — це еволюція Бунда в процесі розвитку революції на Україні. Але, як і попередні автори, він не може пройти мимо того, що було, властиво, первопричиною змін, що їх переживав Бунд за революцію.

У своїй праці автор „переоцінює старі цінності“, показуючи, як ходом самого розвитку революції Бунд, залишаючись на старих позиціях, неминуче мусив скочуватись і об'єктивно скочувався до контр-революції й що виходом, єдиним виходом утримати за собою своє революційне минуле що до боротьби з царатом було — перейти на позиції більшовизму, що й робить кінець-кінцем Бунд, пройшовши довгий етап розколів і хитань.

Що цінного подає нам автор про історію Жовтня на Україні, то це внутрішню боротьбу політичних угруповань, що входили до Центральної Ради, й ту роль, яку відогравали вони в ній.

10. Золотарьов А. — Из истории Центральной Укр. Рады (1917 г.).

Тов. Золотарьов у своїй невеличкій брошурі спиняється, головним чином, не стільки на процесі революції на Україні, скільки на історії національного руху за часів революції. Обмежуючи себе навіть і тут історією політики Центральної Ради, він показує, що на шляху боротьби за буржуазну національну самостійність для широких мас України іншого виходу не було, як попасти в контр-революційне ярмо.

В нашій марксіській літературі це перша єдина поки-що праця, що цілком присвячена цьому питанню.

* * *

Окремо стоять праці, що виходять з лав наших колишніх, а почасти й теперішніх ворогів.

Із цих праць я пригадаю лише дві, що найближче стоять до нашої літератури й цікаві виявленням деяких моментів революції в освітленні наших ворогів.

1. *Винниченко*. — Відродження нації — I, II й III т. Публіцистична праця Винниченка з історії Жовтня на Україні цікава з того боку, що він дуже дає яскраво ідеологію української дрібної буржуазії в особі її партії УСДРП, що стояла протягом всього 1917 р. на чолі національного руху. Цікава ця праця ще й тим, що автор, побачивши на гіркім власнім досвіді, куди завела політика поміркованого еволюційного українського „соціалізму“, провідником якого був він сам (автор), робить спробу самокритики.

Характеристика свого власного, а разом із тим і всіх укр. с.-д світогляду, як українського хуторянського соціалізму, в якому ні краплі не було соціалізму справжнього, бо „ми всі, — як зазначає автор, — були не соціалісти, а тільки демократи“, є краща оцінка, яку можна було дати цьому доморослому українському соціалізові, під гаслом якого хотіла вести маси на боротьбу за національне визволення укр. соці.-демократія.

У своїй праці Винниченко повний критичного самобичування, але це через те, що автор в основі й рішуче переоцінює минулі цінності. Тут більш якась злоба самого до себе за втрачену національну революцію. Автор ні одним кроком не відходить від точки погляду, що „совіти“ на Україні — це нав'язана українським масам форма влади. Більшовизм на Україні — це московська окупація, ось основна думка автора, який скрізь, де тільки може, підкреслює про московську навалу“ на Україну.

Отже, самобичування Винниченка нікого не може обдурити про справжні симпатії автора. Циган хлопця б'є не за те, що той крав, а за те, що погано сховав. Шлях, що його пройшов автор і укр. с.-демократія, після видання цієї праці, є зайвий доказ правильності цієї характеристики.

2. *П. Христюк*. — Замітки й матеріяли до історії української революції. Том I, II, III, IV.

До нашої теми з праці автора стосується лише II том. Але вважаємо за потрібне дати також і загальну оцінку цієї праці про революцію на Україні.

Автор заміток і матеріялів перейшов також добу національного захоплення й також, як Винниченко, стояв свого часу на керовничих посадах дрібнобуржуазного уряду. Це, може, й дало авторові можливість прослідкувати з тією повнотою національний рух на Україні, що ми маємо в праці гр Христюка.

Сама назва праці говорить вже про те, який характер має праця. Це дійсно не історія, а лише матеріяли, але оброблені й звязані певним світоглядом і поглядом на революційний процес. Отже, вважати це лише за замітки ми через це не можемо. Це в чорному, необробленому вигляді, але все ж історія революції.

Світогляд автора, що виявляється в книжці, не марксістський, і навіть симпатії автора, як вони, повторюємо, виявляються в книжці, лежать далеко не цілком на боці радвлади, але

разом з цим в ньому немає й того гадючого, затаєного сичання, яке ми помічаємо в праці Винниченка. Тут, можемо сказати, більше є ще лишків непережитих остатків націоналізму й національного романтизму, аніж активної ворожости.

Автор здебільшого стоїть на роздоріжжі. Говорячи про причини боротьби більшовиків з Центральною Радою, він став на позицію якогось угодівського типу. На думку автора, ця війна не виникала з необхідности, з різної природи цих двох влад у той час, коли йшла пролетарська революція. Причину він вбачає в тому, що тут провинились „ті й другі“, тоб-то більшовики й Центральна Рада (ч. II, стор. 78), але „все-таки більше винні більшовики“, що через свій войовничий настрій не хотіли порозумітися з Центральною Радою.

На цім невеличкім прикладі з усією повнотою відбивається загальний і політичний світогляд автора. Для характеристики його політичного світогляду можна ще відзначити його розуміння січневої класової боротьби на Україні. В уяві автора це — не внутрішня боротьба по суті українських сил, а „війна з Москівщиною“. Такі перли розкидано скрізь, майже по всій праці. Отже, з ідеологічного погляду праця нам чужа, хоч і не активно ворожа.

Своїм змістом праця, завдяки зібраному в ній величезному матеріалові, дуже корисна, як допоміжний матеріал до вивчення історії Жовтня і всієї революції на Україні¹⁾.

---

¹⁾ В найближчих номерах „Л. Р.“ буде дано огляд останньої літератури присвяченої Жовтню на Україні. — Ред.

Крестьянское движение в 1917 году. Подготовили к печати К. Г. Котельников и В. Л. Меллер. С предисловием Я. А. Яковлева. Центрархив. ГИЗ. 1927 г., стр. 442—XXVII. Цена 5 р. 25 к.

К десятилетию Октябрьской революции Центрархив РСФСР анонсировал и выпустил в свет серию книг под общим заглавием — „1917 год в документах и материалах“, под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева. В эту серию входят: „Разложение армии в 1917 году“, „Рабочее движение в 1917 г.“, „Буржуазия накануне Февральской революции“ и некоторые другие. Последней вышла книга — „Крестьянское движение в 1917 году“, представляющая большую историческую ценность по сравнению со всеми другими выпусками серии. На ней мы и предполагаем остановить внимание читателя.

Какие материалы и документы составляют содержание рецензируемой книги?

С начала марта 1917 г., т.-е. сразу же после переворота, в управление по делам милиции стали со всех концов России стекаться сведения о выдающихся происшествиях, правонарушениях и общем положении дел на местах. Эти „сведения“ посылались губернскими и уездными комиссарами Временного правительства, землевладельцами и управляющими имениями, администрацией заводов и частными лицами.

В дальнейшем министерство внутренних дел предложило всем губернским и областным комиссарам „уведомлять... беззамедлительно по телеграфу о наиболее выдающихся событиях“.

Кроме сообщений об отдельных происшествиях, губернские комиссары должны были еженедельными докладами информировать министерство внутренних дел о положении в губернии. Из поступавших донесений, а отчасти и по газетам, в главном управлении милиции составлялись ежедневные сводки, а в конце каждого месяца — статистические ведомости.

Попадавшие в мин. внутр. дел „сведения“ касались всех сторон жизни страны, но основное место в них занимает крестьянское движение. Сведения о фактах чисто городского значения имеют более или менее случайный характер и составляют около одной пятой всех сообщений. Зато крестьянское движение, служившее предметом основных забот мин.

внутр. дел, представлено сравнительно более полно и систематично.

Составители, как они указывают в своем предисловии, извлекли из названных источников и напечатали все материалы, прямо или косвенно касающиеся крестьянского движения, систематизировали их по губерниям и районам и расположили в хронологическом порядке по месяцам. В качестве приложения даны упомянутые выше помесячные статистические таблицы — „Ведомости и численности в ряде правонарушений по сведениям главного управления по делам милиции“, а также все важнейшие циркуляры мин. внутр. дел и других правительственных органов по рассматриваемому вопросу.

Чтобы не возвращаться в дальнейшем к вопросу о расположении материалов в сборнике, укажем, что составители, по нашему мнению, допустили большую ошибку, приняв районирование России по Семенову - Тяньшаньскому, а не современное советское. В результате в одно целое оказались объединенными совершенно разнородные области. В районе „Новороссия“ — механически соединены, помимо юго-степной Украины, также и вся бывшая область Войска Донского, Бессарабия и даже Крым. В районе „Малороссия¹⁾ и Югозападный“ соединены и правобережные, и левобережные украинские губернии, а также слободская Харьковщина. Вместе объединены Северный Кавказ и Закавказье. Без доказательства очевидно, что такие соединения, объединяя под одной рубрикой области с совершенно различными формами развития крестьянского движения, лишают районирование всякого смысла. Достаточно характерно, что уже в предисловии к сборнику тов. Яковлев, анализируя движение по отдельным районам, фактически отказывается от системы составителей и говорит, например, о правобережной, левобережной и южно-степной областях Украины²⁾.

Публикуемые в книге материалы дают отчетливую и цельную картину развития и роста аграрной революции. Все фазы этого колоссального стихийного процесса находят здесь свое отражение и при том не по одной какой-нибудь губернии, или области, а по всей охваченной революцией территории бывшей Российской Империи. Это последнее обстоятельство придает книге особый интерес.

Крестьянское движение росло из месяца в месяц. Тов. Яковлев в своем предисловии приводит следующие весьма интересные числовые данные, полученные путем статистической

¹⁾ Чего стоит одно название! И это на десятом году революции. — С. Р.

²⁾ Как бы предчувствуя возражения, составители ссылаются на такое же районирование в большой советской энциклопедии в статье об аренде. Однако, там это мало удобное распределение районов к старым статистическим материалам, для перепланирования которых по новому пришлось бы проделать колоссальнейшую работу, если только это вообще возможно. В рецензируемой же книге применить советское районирование (конечно, в общем и целом, так сказать), не составило бы никакого труда. — С. Р.

обработки опубликованных в книге материалов. Если в марте в мин. внутр. дел поступили сведения об аграрном движении в 34 уездах, то в апреле по тем же сведениям им было охвачено 174, в мае — 236, в июне — 280, в июле 325 уездов. В июле, по тем же источникам, 383 помещичьих имения явились объектом аграрного движения.

Для этого периода — март-июль, как совершенно правильно пишет т. Яковлев, наиболее характерным является стихийное доверие крестьян Временному правительству и стремление легальными путями получить землю. „Крестьяне пытаются выжить помещиков из их гнезд мирными способами“, они пользуются для этого „законными“ методами — не дают помещику рабочей силы, вынуждают, исходя из постановления Временного правительства, к „принудительной аренде“ по дешевым ценам и пр. и пр.

В этот период крестьянским движением руководят эсеры, возглавляющие сверху донизу всю систему стихийно возникших органов крестьянской власти — земельных комитетов, исполнительных комитетов крестьянских советов. Здесь, между прочим, следует отметить, что т. Яковлев в своем предисловии относит к „органам крестьянской власти“ также и продовольственные комитеты (стр. 4). Это, вообще говоря, конечно, неверно. При непосредственном ознакомлении с сохранившимися в архивах делами губернских и уездных земельных комитетов сразу же бросается в глаза, что продовольственные комитеты находились в постоянной вражде с земельными, неизменно являясь прибежищем для „обиженных“ земельных собственников. Такое положение было по крайней мере в ряде украинских губерний (Харьковская, Полтавская и Подольская). При этом особенно интересно, что и те и другие комитеты были по составу своих руководителей по преимуществу эсеровскими и одинаково аргументировали свои диаметрально-противоположные действия заботами о предотвращении голода. Земельные комитеты (уездные в особенности) всегда заявляли и постановляли, что земли необходимо передать крестьянам, так как помещики не в силах сами их обрабатывать, в чем заключается угроза продовольственному положению страны. Продовольственные комитеты, напротив, твердили, что немедленная передача земель крестьянству, разрушая мощные, налаженные помещичьи хозяйства, усилит голод и поэтому „временно“ нужно оставить землевладельцам их земли.

Материалы сборника показывают, что с каждым днем все больше усиливался элемент организованности в крестьянском движении. На сто случаев неорганизованного крестьянского движения, о котором имеются сведения в мин. внутр. дел, в марте приходилось только 6 случаев организованного движения, в апреле — уже 33, в мае — 67, в июне — 86,

в июле — 120 случаев. При этом до июля, как мы видели, росла не только организованность, но и широта движения. В июле организованность достигла своего максимума, а затем начала снижаться.

В июле - августе Временное правительство с особой силой поднимает поход против крестьянского движения. Применяются всевозможные средства борьбы с аграрной революцией — от правительственных циркуляров и до посылки военных карательных экспедиций, при чем все это неизменно сдобривается эсеровскими уговорами ждать Учредительного собрания.

Уже в августе ясно проявляются результаты этих мероприятий. Хотя меньшевистско-эсеровскому правительству и удается временно придавить движение, но как бы в ответ на это крестьянство от мирных, организованных форм борьбы поворачивается к стихийным действиям, неорганизованным захватам и разгромам, противоправительственным выступлениям и пр и пр. С одной стороны, число уездов, охваченных по сведениям министерства внутренних дел крестьянским движением, падает в августе по сравнению с июлем на 11,4%, а число имений — соответственно на 33%. С другой стороны, однако, если в июле, как мы видели, на 100 случаев неорганизованного движения приходилось 120 случаев организованного, то в августе число последних уменьшается вдвое, дойдя до 62 случаев организованного движения на 100 неорганизованного. Вместе с тем растет доля разгромов, поджогов, захватов инвентаря и падает значение таких мирных форм борьбы, как принудительная аренда, запрещение продавать и покупать землю.

Крестьянство получило в августе прекрасный наглядный урок. В сентябре и октябре оно сделало из этого урока соответствующий и вполне определенный вывод. Нельзя ждать, пока правительство сверху даст землю. Землю нужно брать самим, и брать сейчас же.

В сентябре разгромы составляют уже больше восьмой части всего сентябрьского движения, а в октябре соответственно больше четверти. Один октябрь дал 42,1% всех случаев разгромного движения, зарегистрированных в мин. внутр. дел. На сто случаев неорганизованного движения в октябре приходится всего 14 случаев организованного. Крестьянство отбрасывает рекомендуемую сверху эсеровскую тактику ожидания Учредительного собрания, т. - е. фактически выходит из-под эсеровского влияния, хотя внешне, однако, движение еще продолжает сохранять эсеровскую окраску. Подавляющее большинство участников низовых органов крестьянской власти продолжает считать себя эсерами и даже еще месяцем позже, в ноябре, организует победу эсеров на выборах в Учредительное собрание. В то же самое время эти крестьяне, называющие себя эсерами, непосредственно и активно руководят

крестьянской войной против помещиков и тем самым срывают политику „своего“ правительства.

Однако, как отмечает в предисловии тов. Яковлев, движение, даже перейдя на ступень восстания, не становится еще движением политическим, не теряет еще своего локально-ограниченного характера. Основным направлением борьбы для крестьян продолжает оставаться разгром ближайшего помещика и захват его инвентаря. Только рабочий класс, возглавивший крестьянскую революцию и издавший закон о земле, смог придать движению общеполитический характер и тем доставить ему решительную победу.

От этих общих соображений, на которые наводят помещенные в сборнике материалы, перейдем теперь к непосредственной оценке качества самих материалов, к вопросу о том, в какой мере картина, даваемая опубликованными в книге документами, собиравшимися в мин. внутр. дел, соответствовала действительному положению вещей в стране. Для этого постараемся представить себе конкретно, как происходило поступление материалов в мин. внутр. дел и какие именно материалы туда поступали.

На местах, в селах и деревнях, в помещичьих имениях и заводских экономиях происходили разного рода столкновения и конфликты. Если это были конфликты „легального“ характера, в которых крестьяне исходили обычно из расширительного толкования прав земельных комитетов, то обиженная сторона, помещик, крупный кулак, отрубщик, в большинстве случаев ограничивались подачей жалобы в уездный земельный комитет. Большая часть там и заканчивалась временно достигнутым соглашением, а меньшая их часть поступала в губернские земельные комитеты. Только оттуда сравнительно незначительный процент дел попадал к губернским комиссарам и к Временному правительству. Точно так же лишь в ничтожном проценте случаев землевладелец при „мирном“ конфликте обращался непосредственно к комиссару или мин. внутр. дел.

При более острых столкновениях, при неорганизованных захватах, поджогах, разгромах. пострадавшая сторона, конечно, несравненно чаще обращалась к губ. и уезд. комиссарам, а также и непосредственно к Временному правительству. Но даже и в таких делах, нужно думать, что только меньшая часть „проществий“ доходила до мин. внутр. дел. По крайней мере, в сохранившихся до сих пор в архиве делах губернских комиссаров (в ряде украинских губерний) этого периода поражает несоответствие между посылаемыми губ. комиссарами в мин. внутр. дел еженедельными сводками (обычно или „все спокойно“, или 5—10 более или менее случайных фактов) и сохранившимися тут же рядом в делах того же губ. комиссара сведениями об эксцессах, в десятки раз более многочисленных и более значительных.

Таким образом, по всей вероятности, в рассматриваемый период размах движения в сотни, а по отдельным губерниям в тысячи раз превосходил то, что имеется в опубликованных данных мин. внутр. дел, при чем „легальные“ формы представлены в названных материалах неизмеримо слабее или беднее, чем более острые революционные формы.

Если, примерно, до августа это искажение происходило главным образом потому, что в мин. внутр. дел, естественно, поступали по преимуществу сведения о наиболее бурных столкновениях, то затем появляется еще один серьезный мотив. В первый период землевладельцы остро реагировали на всякое нарушение и ограничение своих собственнических прав, хотя бы это была даже „мирная“ аренда. Во второй период, в августе — сентябре — октябре, когда в порядке дня стояли захваты инвентаря, поджоги, разгромы строений, убийства сопротивлявшихся помещиков, взятие земель на учет земельными комитетами и организованное распределение их между крестьянами в аренду (хотя бы и без арендной платы) стало казаться помещикам даже некоторым спасением и защитой от полного разгрома. В октябре помещики не только не протестовали против принудительной аренды, но и сами нередко просили земельные комитеты взять на учет их земли. Не даром перед самым Октябрьским переворотом министерство земледелия, под руководством эсеров, разрабатывало вопрос о передаче земель впредь до Учредительного собрания в распоряжение местных земельных комитетов.

Из всего сказанного следует, что материалы сборника дают самую приблизительную картину движения. Результаты статистической обработки содержания книги можно учитывать лишь как показатель некоторых тенденций и стадий в развитии революции, но не больше. Сделать из этих результатов какие-либо более точные количественные умозаключения о соотношениях между действительно существовавшими формами борьбы ни в коем случае нельзя. Когда тов. Яковлев, исходя из материалов мин. внутр. дел, говорит, что в октябре арендное движение не превышало по числу случаев $\frac{1}{40}$ части погромного, то это верно лишь для материалов мин. внутр. дел, но, конечно, вовсе не соответствует значению принудительной аренды в октябре, которое было несравненно выше. Фактически в ряде губерний и в октябре аренда все превышает разгромы.

Этот искажающий действительную картину характер материалов, который сразу же бросается в глаза при сопоставлении их с делами местных земельных комитетов и губернских комиссаров, к сожалению, не был отмечен составителями. Они ограничились лишь совершенно недостаточным указанием, что „количественно движение было значительно больше, шире чем это зарегистрировано в ведомостях“ в мин. внутр. дел.

К большим недостаткам материалов нужно отнести также и то, что это по преимуществу помещичьи, землевладельческие документы. В основном это или жалоба землевладельцев или сводки, составленные на основании их жалоб. Недостаток этот, указанный составителями, ус губляется тем, что большинство жалоб были еще подвергнуты двойной обработке у губернских комиссаров и в министр. внутр. дел. Отсюда у значительной части материалов сухой, одн.образный стиль хроники, сочетающийся с тенденциозностью.

Наконец, следует отметить, что первая стадия крестьянской революции заканчивается не к 25 октября 1917 г., когда по понятной причине обрываются материалы мин. внутр. дел, а несколько позже. Кульминационный пункт стихийного, захватного движения, в основном еще не испытавшего влияния Октябрьского переворота, приходится в разных местах скорее на ноябрь, декабрь 1917 и даже на январь 1918 г.

Но можно ли вообще представить себе материалы о крестьянском движении в 1917 году, свободные от всех указанных недостатков? Конечно, можно. Это материалы, которые могут быть извлечены путем систематической обработки всех сохранившихся местных архивов волостных, уездных и губернских земельных комитетов, продовольственных комитетов, архивов уездных и губернских комиссаров Временного правительства, советов крестьянских депутатов. Должны быть обработаны и соответствующие газеты. Только такая работа, проведенная выборочно и систематически, поскольку позволяет наличие сохранившихся архивов, в сочетании с центральными материалами могла бы дать вполне доброкачественную и полную как качественную, так и количественную картину крестьянского движения. Очевидно, что получение таких материалов может явиться следствием огромной, кропотливой длительной работы большого числа квалифицированных работников, такой же, какая потребовалась для опубликования данных материалов.

Таким образом, в общесоюзном масштабе — это, вероятно, дело более или менее отдаленного будущего. Пока же сыгравшую большую роль для изучения крестьянской революции материалы, которые опубликованы в рецензируемой книге.

Н. РЕДИН

„Октябрьская революция перед судом американских сенаторов“. Официальный отчет „Оверменской комиссии“ сената. Перевод В. Вельского. ГИЗ. 1927. М.- Л. Стр. 163.

В 1919 году комиссия американского сената, под председательством сенатора Овермена, занялась расследованием вопроса о „большевистских зверствах“. Ее первоначальной

задачей было другое — расследование методов германской пропаганды, однако комиссия, как видно, считала, что лучшей иллюстрацией вредоносных последствий этой германской пропаганды является — Октябрьская революция.

Вся работа комиссии была одним из методов буржуазной обработки общественного мнения в пользу поддержки интервенции в России. Только это и было целью создания комиссии. Поэтому большинство свидетельских показаний — это душистый букет махровой лжи, не стесняющейся никакими „условностями“. Члены комиссии — сенаторы старались вырвать у свидетелей, между прочим, признание того, что у большевиков царит принцип: „цель оправдывает средства“. Однако, лучшей иллюстрацией этого принципа маккиавелизма служат сами протоколы комиссии.

Здесь собраны все измышления о власти Советов. На первых же страницах отчета мы встречаемся с откровенным антисемитизмом. Бывший пастор методистской церкви в Петрограде заявляет: „Многие из нас были удивлены тем, что еврейские элементы с самого начала играли такую крупную роль в русских делах... Больше половины этих агитаторов в так называемом большевистском движении были жида“... — „Евреи?“ — поправляет его член комиссии. — „Да, евреи - отступники“, — подтверждает тот. И через полминуты снова говорит: „Я твердо убежден, что эта революция — дело жидовских рук“. Сенатор не стал его поправлять еще раз. То, что большевизм — это анархизм и терроризм, вместе взятые, это подразумевается само собой. Представитель Ассоциации Христианской Молодежи, преподаватель Северо-западного университета, Деннис так рисует „большевистские методы управления“: „Броневики с надписями: „Смерть богачам“, т. е. „буржуям“, раз'езжали по городу и, останавливаясь на углах, поливали пулеметным огнем одну боковую улицу за другой“ (стр. 19). Многократно повторяется и используется на все лады басня о „национализации женщин“. Как доказательство приводится: 1) прокламация анархистов гор. Саратова, смакуемая на все лады и сводящаяся к тому, что „все женщины из'емлются из частного владения и об'являются собственностью всей нации“ (особенным успехом на суде пользуются наиболее скабрзные места этой прокламации), 2) фельетон из юмористического журнала „Муха“, выдаваемый за действительный декрет, 3) советское законодательство о разводе. Этот довод приводится Фрэнсисом, бывшим послом Соединенных Штатов в России. Он вполне серьезно считает легкость развода доказательством того, что женщины национализированы (стр. 160).

Огромное место занимает легенда о том, что большевики — германские агенты. Робинс, служащий американской миссии Красного Креста, заявляет, что интернационализм „это революционно - социалистическое учение было широко распространено

в России; оно поддерживалось планами германских агентов и их деньгами“...

Явившаяся на допрос „бабушка“ Брешковская прямо заявила: „После Брестского мира у нас, в Москве, было два всемогущих властелина — Ленин и... прусский генерал Мирбах“ (стр. 35). Эта легенда в разных видах множество раз повторяется в протоколах.

Но прежде всего „американский наблюдатель“ продолжает оставаться обывателем. Хотите знать, что хуже всего в России?

„Сим мок с.— „Самое худшее было то, что они заставляли квартировладельцев, если последние занимали, скажем, 10 комнат, жить в трех или четырех и предоставляли другие комнаты рабочим и солдатам“... (стр. 41).

„В соответствии с их экспроприаторской политикой, у них существует организация систематического грабежа... Мне это известно по личному опыту“... (стр. 42). Оказывается, у него в трамвае вытащили кошелек.

Наконец, верх всего:

„Саймонс.— „Порой мы впадали в такое нервное состояние, что не знали, чего можно ожидать в ближайшем будущем. В то время как нам обычно приходилось платить 3 рубля в год собачьего налога (у нас было два фокстерьера), при большевиках нам надо было вносить по 59 р. за каждую собаку“... (стр. 9).

Бедные американцы! Как приходилось им нервничать!

Если бы, однако, в книге было только это, то ее не стоило бы издавать на русском языке,— можно было бы использовать ее материал для такой же „Мухи“ или „Крокодила“. Все дело в том, что в книге не только это. Среди моря обывательских глупостей и лжи есть ценнейшие признания и факты. Эти признания неоспоримо устанавливают, прежде всего, что американская интервенция в России фактически началась задолго до посылки первых войск. Она началась еще при Временном правительстве.

Америка была первой державой, официально признавшей Временное правительство. Посол С.-А. С. Ш., Фрэнсис, уже 18 марта (нов. ст.) послал своему правительству шифрованную каблограмму, где писал, что Временное правительство „базируется на правильных принципах, совпадавших с принципами нашего правительства“ (стр. 150). Ис этой минуты начинается твердый курс на поддержку Временного правительства. „Работу“ ведет американская миссия Красного Креста. Не попусту ее сотрудник заявлял комиссии: „Все мы в Красном Кресте сделали для Временного правительства все, что было в наших силах“ (стр. 145).

В чем же выражалась эта „интервенция“ до начала интервенции в собственном смысле слова? Прежде всего — в попытках обработать общественное мнение в пользу

продолжения войны. Правительством С.-А. С. Ш. посылается для этого в Россию специальное лицо (стр. 52). Выдвигается „гениальный“ проект: захватить в свои руки весь бумажный рынок страны и лишить бумаги большевистскую прессу (стр. 52). Этот проект с энтузиазмом был поддержан русской буржуазной интеллигенцией (60), но американцы пожалели денег. Зато удалось раздобыть миллион долларов для создания нескольких „боевых печатных органов со здоровой идеологией“ (стр. 52). На эти деньги существовало 17 органов (к сожалению, никто из свидетелей не указал их названий). Кроме того, существовал некий м-р Сиссон, которому передалась на печатную пропаганду деньги прямо от правительства С.-А. С. Ш. Этот м-р Сиссон „опубликовал немало материала“ и „выпускал ежедневные бюллетени, рассылавшиеся газетам“ (стр. 53).

Один из умнейших из бывших в России американцев, м-р Робинс, в своих показаниях ясно вскрыл механизм, внушавший волю Белого Дома населению революционной России. „Совершенно невозможно заставить революционные массы смотреть на вещи глазами союзников“, — признает он. Следовательно, американцы должны найти агентов среди русских. Этим прикрытием, этим фигурным листком для американского капитала оказалась... „мадам Брежковская“.

Под ее председательством (при участии Чайковского, Лазарева и др.) был создан „Комитет гражданского воспитания свободной России“. Этот Комитет получил от миссии 12 миллионов рублей, по словам Робинса (возможно, что он прибавил). Через этот Комитет устанавливались связи с газетами, был создан „целый кадр пропагандистов — солдат и крестьян, которых мы направляли в казармы и в деревни в целях пропаганды“ (стр. 139—140). Таких агентов было 800 человек (также возможно преувеличение). Ясное дело, что эта пропаганда была направлена прежде всего против большевиков.

Итак, из уст наших врагов мы имеем печатное, официальное признание того, что антибольшевистская пропаганда перед Октябрем финансировалась из-за границы. Великолепный финал разговоров о „германском золоте“.

Американский посол, Фрэнсис, осторожнее. Однако, и у него вырываются признания о подпольных связях с русскими контр-революционерами — уже немедленно после Октября (стр. 156), — о полной информированности его о том, где и когда должно вспыхнуть восстание. Он же дает любопытнейшие картинки того, как он (уже во главе американских батальонов) восстанавливал в Архангельске „социалистическое“ правительство, свергнутое офицерьем. „Архангельское правительство было свергнуто, когда я находился там. Но мы его восстановили: это правительство было избранником

на рода“ (стр. 157). Союзнической интервенции удобнее было выступать под маской „социалистических министров“, чем под маской пьяных и откровенных офицеров.

Кроме этих антисоветских свидетелей, комиссии Овермена пришлось допросить, по их настоянию, трех свидетелей „противной стороны“: Джона Рида, его жену (Луизу Брайент) и А. Р. Вильямса. Их показания (особенно показания первых двух), не внося ничего существенно нового в историю переворота, могут служить образчиком революционного использования контр-революционного суда.

Книга читается с захватывающим интересом. Она показывает лицо трусливой, лживой и изворотливой буржуазии.

Не внося ничего нового в историю самой революции, она во многом дополняет и освещает организацию борьбы против революции как до Октября, так и в первые дни после него.

В юбилейные дни, также как и при разработке истории Октября, она должна и может быть использована.

Н. Р.

А. Сивцов. Киевская Красная гвардия в борьбе за власть советов. Киевский Истпарт. ГИУ. Киев 1927, стр. 72. ц. 50 коп.

„Брошюрка“ эта является не научным исследованием, а скорее документированными воспоминаниями и не претендует на полное исчерпание намеченной в ней темы“, — пишет Киевский Истпарт в предисловии. С этой точки зрения и нужно подходить к ней.

Автор ее — т. Сивцов — непосредственный и активный участник Киевского Октябрьского переворота, бывший одним из руководителей Красной гвардии. В брошюре им приводится целый ряд существенных и новых фактических подробностей хода борьбы в Киеве, при чем достоверность этих подробностей большей частью проверена Истпартом. Особенно подробно освещается январское 1918 г. восстание киевских рабочих против власти Центральной рады.

Однако, мемуарный характер работы отразился на ее цельности. Автор выходит за пределы избранной им темы. Наряду с историей Красной гвардии он уделяет много места истории революции в Киеве вообще, при чем отдает много внимания фактам, хорошо известным и достаточно освещенным в историко-революционной литературе — отношение к Центральной раде, взаимоотношения между нею и Совнаркомом РСФСР, Киевский съезд Советов и т. д. Споры нет — нельзя отрывать историю вооруженной организации пролетариата от истории всей его борьбы, но не следует превращать историю одного участка пролетарской борьбы в воспоминания, пытающиеся охватить все ее стороны, все моменты, в которых

автору пришлось принимать непосредственное участие. Это — не в укор автору, а к вопросу о том, каков вообще должен быть тип очерков-воспоминаний, посвященных какому-либо одному специальному вопросу.

Тема книжки недостаточно четко выявлена. Упущен целый ряд основных для организации Красной гвардии вопросов: вопрос об организации центра — штаба Красной гвардии, о его повседневной работе, о том, как в промежутки между непосредственными классовыми схватками жила Красная гвардия, о связи между ее отрядами на предприятиях и центром и т. д.

Один из основных моментов, больно сказавшихся и в октябре, и в январе — недостаток оружия — автором отмечен, но, с нашей точки зрения, недостаточно объяснен. Одним из главных источников вооружения рабочих в основных пролетарских центрах было в 1917 г. оружие, попадавшее в их руки при развале армии. Для Киева, как отмечал еще тов. Скрыпник в „Історії пролетарської революції на Україні“, характерно было рассасывание этого оружия в мелкобуржуазных слоях населения. Именно это ослабляло позиции Красной гвардии в ее борьбе с националистической контр-революцией.

Одной из положительных черт брошюры является учет ошибок, допускавшихся руководителями движения и организациями в определенные моменты.

Так, автор признает (стр. 32—33) недостаточность идеологической борьбы с Центральной радой в дооктябрьский период. „Одна из основных ошибок, — пишет он, — заключалась в том, что Киевская парторганизация не придавала должного значения деятельности Центральной рады и не вскрывала ее мелкобуржуазную сущность перед рабочими и солдатами... Мы не рассказывали рабочим и солдатам столь простых и понятных вещей, что между деятелями Центральной рады, вроде социалиста Порша, и рабочими нет и не может быть ничего общего“.

Появление этой книжки, связно излагающей ход вооруженной борьбы за установление Советской власти в Киеве, можно только приветствовать.

с. р.

Жовтнева революція та громадянська війна на Україні. Альбома склав музей Революції УСРР. Іспарт ЦККП(б)У та Всеукраїнська комісія для підготовки й переведення свята десятиріччя Жовтневої Революції. Видавництво „Пролетарій“. 1927 р. Ціна не указана.

Жовтнева Революція та громадянська війна на Україні. Серія плакатів. Тот же составитель и издатель.

Музей революции УССР, составляя альбом и серию плакатов, имел в виду, как говорится в предисловии, к альбому,

„показать в иллюстрациях события Октябрьской борьбы и гражданской войны на Украине“. Составление таких изданий, если пользоваться только подлинными фотографическими изображениями событий, а не позднейшими их инструкциями, методами кино или исторической живописи, наталкивается на большие затруднения. В бурную эпоху гражданской войны было не до фотографий. К этому не располагали ни обстановка, ни материальные возможности. Только в результате длительной работы, продолжавшейся ряд лет, Музеем Революции УССР удалось собрать богатые коллекции иллюстративных материалов, некоторая (небольшая) часть которых и использована в названных выше изданиях.

Альбом состоит из 65 отдельных листов размера 35 × 26 см. На каждом листе воспроизведен один или несколько фотографических снимков событий или действующих лиц революционной эпохи 1917—1921 г. г. на Украине. Все иллюстрации распределены по темам в хронологическом порядке. 15 листов рисуют период февраль—октябрь; 13—уделено австро-германской оккупации и гетманщине; 10—петлюровщине и союзной интервенции; 10—борьбе с денкинциной, 12—войне с поляками и Врангелем и, наконец, пять последних листов изображают эпизоды ликвидации бандитизма и переход к мирному строительству.

Среди прочих фотографий очень большое место занимают смонтированные из отдельных карточек группы членов ЦК КП(б)У от первого до VI созыва, группы руководящих партработников 1917 года важнейших пролетарских центров Украины, группы членов советских правительств разных эпох.

Ряд репродукций посвящен различным манифестациям, шествиям, торжественным заседаниям, передаче почетных знамен, похоронам жертв революции и т. п.

Наконец, в альбоме имеется значительное количество изображений самих эпизодов борьбы или их непосредственных следствий. Говоря об этой наиболее интересной и наиболее ценной категории иллюстраций, следует упомянуть о некоторых относящихся сюда отдельных снимках.

Тут и подлинная фотография расположившегося на отдых штаба махновской армии (1920 г.), несколько напоминающая по общему облику известное репинское изображение запорожской вольницы. Тут и фотографии первых красногвардейских отрядов 1917 года. Тут и австрийцы, закрепленные на фотопластинке спокойной рукой фотографа (скорей всего какого-нибудь офицера-любителя) в момент казни десятков рабочих в Екатеринославе. Часть рабочих уже повешена, на других—австрийские солдаты со спокойной деловитостью еще только набрасывают петлю. Два других снимка показывают типичные фигуры немцев-победителей, марширующих в своих железных касках по улицам Киева и Харькова.

Очень интересна парадная фотография гетмана Скоропадского с его свитой, точно сорвавшейся со сцены провинциальной оперетты. Не менее опереточны бутафорские фигуры „синих жупанов“. Отдельный лист посвящен убийству Эйхгорна эсером Борисом Донским.

Отдельные репродукции изображают рабочих и крестьян, повешенных деникинцами, французами, белополяками. Представитель „союзной“ Англии запечатлен на любопытной фотографии банкета у прославленного вешателя генерала Май-Маевского в Харькове. Очень колоритна также „семейная“ фотография „генеральных секретарей“ во главе с Винниченко и Петлюрой.

Упоминания заслуживают снимки крестьян, проходящих в 1919 году „всеобщую“ — стрельбу из пулемета и метание ручных гранат, а также некоторые фотографии, относящиеся к периоду мирного строительства.

Следует еще отметить тщательность выполнения, хорошую технику издания, плотную бумагу, удачную внешнюю обложку альбома, ряд интересных и полезных репродукций и т. п.

Альбом следует рекомендовать школам, клубам, красным уголкам, где он с успехом может быть использован, как наглядное пособие для проработки истории Октября на Украине.

Цену, по которой сейчас продается альбом, 5 рублей, следует признать не слишком высокой, учитывая качество издания.

Переходя от альбома к серии плакатов следует сразу же отметить, что они составлены соответственно своему назначению более живо и динамично, чем альбом. Кроме материалов, использованных в альбоме, в плакаты введены еще некоторые фотографии, а также сильно их оживляющие репродукции исторических партий, рисунков и каррикатур, отдельные кадры кинофильма, фотографии листовок и воззваний, некоторые наглядные статистические диаграммы. Монтаж плакатов сделан удачно. Неплохо подобран краткий пояснительный текст. Наиболее удачными следует признать плакаты № 9 — „Махновщина“, № 6 — „Борьба с Деникиным“ и № 10 — „Красная Армия“.

В общем же все 12 плакатов с их достаточно ярким и декоративным общим видом могут служить как поучительным наглядным пособием, так и хорошим украшением клуба и красного уголка.

„ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ“

Журнал Истпарта ЦК КП(б)У

Выходит раз в 2 месяца.

Год издания 6-й

Задачей „ЛЕТОПИСИ РЕВОЛЮЦИИ“ является освещение под углом зрения марксизма-ленинизма истории революционной партии пролетариата КП(б)У и борьбы рабочих и крестьянских масс Украины за свое освобождение.

„ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ“ освещает историю КП(б)У и РСДРП(б), историю массового революционного движения и борьбы с казизмом, историю пролетарской революции и гражданской войны на Украине.

„ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ“ приступает к освещению вопросов, связанных с историей украинского национального движения, с историей украинских национал-социалистических партий под углом зрения борьбы пролетариата и его партии — РСДРП(б) и КП(б)У за гегемонию и руководство революционным движением на Украине.

„ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ“ будет освещать революционное, рабочее, крестьянское и национальное движение в западной Украине, его влияние и связь с революционной борьбой на Советской Украине.

„ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ“ дает научно-исследовательские, а также общетеоретические статьи по истории партии и революции и воспоминания активных участников последнего. Журнал уделяет большое внимание вопросам библиографии, помещая критические обзоры литературы по отдельным вопросам истории партии и революционного движения и рецензии на отдельные издания.

„ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ“ будет помещать в специальном отделе небольшие воспоминания и мелкие заметки об отдельных эпизодах из истории партии и революционной борьбы на Украине.

„ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ“ будет помещать документы, относящиеся к истории КПУ, а также из истории массовой революционной борьбы.

„ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ“ помогает как партийному активу, так и широкому слою партии в серьезном и углубленном усвоении истории партии и Октября, истории пролетарской революции на Украине, а также готовит необходимый фактический материал для историков революции и партии.

„ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ“ будет давать также материал, отвечающий данному политическому моменту, в смысле исторического освещения и изучения вопросов, стоящих перед КП(б)У.

В 1928 году будет уделено большое внимание важнейшим событиям из истории КПУ и пролетарской революции на Украине 1917—1918 г., в связи с предстоящим десятилетием их.

РЕДАКЦИЯ: Харьков, ул. К. Либкнехта, № 64

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

1 год (6 книг) — 7 руб. 50 коп., 6 мес. (3 книги) — 4 руб.

Отдельный номер — 1 руб. 75 коп.

ПОДПИСКУ ПРИНИМАЕТ

СЕКТОР ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ГИУ

Харьков, Сергиевская пл., Московские ряды, 5

